Дурхъаси хазна

Сборник статей к 60-летию Р. О. Муталова

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН
ИНСТИТУТ ЛИНГВИСТИКИ РГГУ

ДУРХЪАСИ ХАЗНА

Сборник статей к 60-летию Р. О. Муталова

Москва

2021

УДК 811
ББК 81.2
Д 84

Редакторы:
Т. А. Майсак, *Н. Р. Сумбатова*, *Я. Г. Тестелец*

Утверждено к печати Ученым советом
Института языкознания РАН

Рецензенты:
к.ф.н. *И. Г. Багирокова*, к.ф.н. *Н. В. Сердобольская*

Д 84 **Дурхъаси хазна. Сборник статей к 60-летию Р. О. Муталова** / Ред. Т. А. Майсак, Н. Р. Сумбатова, Я. Г. Тестелец. М.: Буки Веди, 2021. — 480 с. — ISBN 978-5-6045633-5-9.

Сборник статей написан друзьями и коллегами доктора филологических наук, профессора Расула Османовича Муталова к его 60-летию. В сборник вошли статьи, принадлежащие различным направлениям лингвистики, относящихся к научным интересам юбиляра, включая дагестанские языки и в особенности языки даргинской группы, теорию грамматики, синтаксис, фонетику, дискурсивный анализ, лексикологию, социолингвистику, психолингвистику, сравнительно-историческое языкознание. На русском, даргинском и английском языках.

Статьябала жуз белкIунси саби филологияла гIилмуртала доктор, профессор Расул ГIусманович Муталовла гьалмагъунани ва барх бузутани ил 60 дус виъ́нилис. Жузлизи кадерхурли сари юбилярла гIилмулашалти пикрумикьасаначи хасти мез руркъуси гIилмула декIар-декIарти бяхIчибизунала белкIани, илкьяйда дагъиста ва хаслира даргала кьукьялизи кадурхути мезани, грамматикала теория, социолингвистика, психолингвистика, сравнительно-историческое языкознание. Урус, дарган ва англияла мезаначил.

The volume consists of papers written by friends and colleagues of Prof. Dr. Rasul O. Mutalov on the occasion of his 60th birthday. The papers address issues in different branches of linguistics that have been focus of research interest for R. O. Mutalov, including the Daghestanian languages and especially the languages of the Dargwa group, theory of grammar, syntax, phonology, discourse analysis, lexicology, sociolinguistics, psycholinguistics, historical-comparative studies. In Russian, Dargwa and English.

Дизайн обложки: *Кс. П. Семёнова*
В оформлении обложки использована фотография Андрея Бабаева

9 785604 563359

© Авторы, 2021
© Институт языкознания РАН, 2021
© Институт лингвистики РГГУ, 2021

FESTSCHRIFT, ИЛИ ДРАГОЦЕННОЕ СОКРОВИЩЕ

Когда я, будучи студентом, участвовал в дагестанских экспедициях МГУ, в конструируемых нами примерах мы часто использовали имя «Расул» — оно было узнаваемым, коротким и хорошо склонялось по-русски. Тогда мы еще не знали, что позже в нашей жизни появится the Расул Дагестана — Расул Османович Муталов, юбилею которого посвящена эта книга. Мы с Расулом Османовичем близки по возрасту и уже много лет на ты, поэтому я дальше называю его просто по имени — так же, как множество знающих его друзей-лингвистов.

Расул родился 28 апреля 1961 в даргинском селении Ицари Дахадаевского района Дагестана. После окончания Дагестанского государственного университета Расул работал учителем даргинского языка в родном селении, а уже с 25 лет начал карьеру лингвиста — сначала в качестве аспиранта, затем преподавателя, профессора и заведующего лабораторией в ДГУ. С 2010 года Расул работает в Москве, в Институте языкознания РАН, сейчас является главным научным сотрудником Отдела кавказских языков и одним из известнейших российских дагестановедов. За этой краткой биографической сводкой стоит огромный профессиональный путь, пройденный Расулом.

Для меня образ Расула неотделим от истории его знакомства с моим отцом, Александром Евгеньевичем Кибриком, и со всей московской школой дагестановедения. Это знакомство впервые состоялось в 1990-м году на кавказоведческой конференции в Майкопе. Как не раз описывал сам Расул, в ходе этой конференции он сразу оценил значимость московской дагестановедческой школы, и его дальнейшая научная работа стала неотделима от лингвистов этой школы. Знакомство быстро переросло в сотрудничество и крепкую

дружбу, и уже на следующий год состоялась экспедиция МГУ в ицаринский даргинский. Во всех экспедициях МГУ, в которых участвовал Расул, он выступал сразу во многих ипостасях — и как исследователь, и как радушный хозяин-дагестанец, и как деятельный организатор. Со временем Расул стал соавтором многих московских лингвистов, а впоследствии и сам влился в это сообщество. Уже много лет российское дагестановедение без Расула непредставимо. Работа Расула широко известна и на международной арене, чему свидетельством является эта книга, авторы которой, помимо России, представляют еще целый ряд стран.

Книга включает почти три десятка статей и заметок разного жанра. Я, конечно, не буду ни перечислять, ни пересказывать здесь эти тексты, ни классифицировать их — статьи говорят сами за себя. Отмечу лишь несколько мыслей, которые посетили меня в ходе знакомства с рукописью книги.

В настоящее время все чаще обсуждается вопрос о языках науки. В результате глобализации многие языки, раньше активно бытовавшие в науке, постепенно уходят, уступая место глобальному научному языку — английскому. Разнятся мнения по поводу перспектив русского языка — имеет ли смысл сохранять его как язык науки или же разумнее постепенно перейти на общепонятный мировой язык. Собственно говоря, разница мнений по этому поводу видна уже и по статьям данного тома. Лично я думаю, что возможны разные индивидуальные стратегии, но в целом исчезновение научного функционального стиля того или иного языка в принципе похоже на процесс исчезновения самих языков. Желательно сохранять уже сформировавшиеся языки науки, а также создавать новые, пусть и с ограниченным функционалом. В этой книге есть статья М. Р. Багомедова на даргинском языке. Тот факт, что дагестанская лингвистика рождает такие научные тексты, важен для сохранения и развития дагестанских языков.

Производит сильное впечатление научный уровень книги. Здесь собрано много блестящих статей. Особенно значимо это в нашу строгую эпоху наукометрии, когда ценятся главным образом публикации в рейтинговых журналах. Приятно видеть, что многие авторы «не пожалели» своих первоклассных статей для фестшрифта. Несомненно, это знак большого уважения и любви к адресату книги.

Более трети статей книги посвящены даргинскому языку, точнее языкам. И есть также целая серия статей, в которых даргинские языки исследуются наряду с иными языками Дагестана. Книга представляет собой важный этап в развитии даргиноведения и в целом дагестановедения. Она убеждает в том, что дагестановедение живет и активно развивается, несмотря на то что доля исследований по дагестанским языкам в последние 20 лет, в силу внешних обстоятельств, несколько сократилась по сравнению с тем, что наблюдалось раньше. Непосредственная роль Расула в том, что отраженные в книге исследования появились, очень велика — как хорошо написала Катя Лютикова, он для многих стал «проводником в мир дагестанских языков».

Знакомясь со статьями книги, я не мог не думать о том, как были бы рады поучаствовать в ней те, кого уже нет на этом свете. И Александр Евгеньевич, и Сандро Васильевич, и Михаил Егорович. Как интересно было бы Сандро Васильевичу прочитать статью Олега Беляева о фарингализации и подискутировать с ним об этом. Эта книга — в том числе и дань памяти ученым, оказавшим большое влияние и на авторов, и на саму область науки.

Фестшрифт радует не только собственно лингвистическим анализом, но и другими своими сторонами. Я познакомился с новой специализацией Кости Казенина в области демографии; хотя это и другая наука, в тексте все же ощущается знакомая лингвистическая закваска. Тонкие культурологические замечания содержатся в лирических фрагментах статей Миши Даниэля, Марины Чумакиной и других авторов.

Читая статьи книги, я вспоминал или заново формулировал для себя ключевые черты Расула как ученого и человека. Прежде всего это верность — и своему языку, и своему краю, и дружбе, обретенной в далеком 1990-м году. Это интеллектуальная смелость, которую не раз проявлял Расул. Так, он одним из первых заговорил об угрозе существования, которая уже нависла над дагестанскими языками и диалектами. Он глубоко и серьезно относится к научной дискуссии о количестве и классификации даргинских языков — а, как мы узнаем из статьи Юры Корякова, по предложенной им методике даргинских языков выделяется уже 15. Читая книгу, я также не мог не вспоминать постоянно о мужестве, которое Расул не раз демонстрировал в экспедициях — в трудных и опасных ситуациях.

Я благодарен составителям фестшрифта и за то, что они инициировали этот прекрасный сборник, и за то, что они дали мне возможность поучаствовать в нем этой краткой заметкой. Эта книга — действительно драгоценное сокровище. С днем рождения, дорогой Расул!

Андрей Кибрик

ЮЛДАШ РАСУЛ

А. С. Абдуллаев

ХIу акIубти, дурхъати
Мер-муса дархьдатурри,
Дунъя севан гьарзасил
ХIуни гIяхIил багьурри.
УмцIади дунъя вахъхIи
Ил хIела кьисмат баргес.
Чили бала, белики
ТалихI бургидра илаб.

ГIямрула жагадеш гIеркъадешлизиб ахIен, вегIла баркьудилизиб саби дигахъуси. ГIямру черяхIтили ва лайикьтили деркIес багьандан гъабзадеш-личил, гъираличил ва гьарил бархIи дергълизив кьяйда ургъули, узули гIил-мулизир чедибдешуни сархули узуси гьарли-марси гIялим сайри хIу, юлдаш Расул.

Аллагьли духъяндитIахъаб, Расул, хIела гIямрула бурхIни, гIям-рулизир пикридарибти лерилра хьулани ва кьасани тамандарахъес бажардиикахъес. ХIела гIямрула цIа уркIилизиб мурталра ухаб ва цархIилтасра ванабикIаб.

БикIуливан, зубарти гьарахълибад хIербикIутанира пархдикIули чедиу. Нушала дарган мезла гIилмулизиб бузути Зубарти — Ра-сулгъунти иткъира жагали чебиули саби. ХIу даргантала, дарган мез дигантала пахру сайри.

Сецад дарри хIуни 60 дусла гIямрулизир? Аллагьли гIур чум дус галлира, ара-сагъли, сабухъчерли, уркIи разили, дарган мезла багьа ахъбирули, че-бяхIбирули гIямру деркIаби хIуни, Расул.

ХIу мубаракиаби 60 дусла гIямрула бархIиличил. Жагали, арали ва сагати чедибдешуни сархули калаби хIу!

ХIела вахъхIила юлдаш ГIябдулла

ДАРГАН МЕЗ РУРКЪНИЛА МАСЪУЛТИ ВА ЧЕЛЯБКЬЛА
(ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ ДАРГИНСКОГО ЯЗЫКА)

М. Р. Багомедов
Дагестанский государственный университет

Гьарил секIайзиб гьарил адамли сунени сунела гьала суал кабалтуси саби, илис жавабра лугуси саби. ИшбархIи ахъбуцибси масъала хIясибли, набзи нуни хьарбаира: «Се сари хIед, юлдаш Муса, дарган мез?». Ишгъуна жавабличи вакIира: «Наб дарган мез сари — бегIти, узби-рузби, ши-шанти, дила миллат; наб бегIлара дигути ва нуни бегIлара хIурматбирути адамти. Илди мезли сабри наб дунъя верхIранглизиб гьаргбарибси».

Игъбарбаибти бахъал цархIилтасван, набра дунъя гьаргбиуб нешла лайлаличил:

«Усен, дила ахIерси,
Усен, хIулбала шала.
Жявли халакааби,
Дила ахIер мукьара» (Багомедов 2008).

Нешла мезла мягIдунтази ухIнаухъахъунра даргала халкьла хабуртани. Гьандиркахъехе ишдигъунти тугъи: «Лебли саби, буили саби ца ухънара ца рухънара…». Яра «Иш хъу дила, хъу дила, хъучибил галга дила, галгаличибил хIу дила, хIеурти дурхIни дила, мамбикишав, кьацIбикишав, лайкабакIа ца дурхIя…».

Дарган далайла зайдеш селилра гIянцIхIебиру!

Сецад мягIна бухIнабуцили буралабазиб. Пикридухъеная, гьари: «МухIли — мукьарла, ганжи — бецIла» яра «БалкIа тIярхъила — балкIа тIерхьа».

Багьирабани гIяхIил пикрира дулхъахъулра. Ца мисал: «БекI — букул, чарх — иган, кам — ишхъян» (се саби?). Пикридухъеная, юлдашуни.

Гьачам дакьибсини гIур хъумхIерту ГIямарла Батирайла бебкIаагар далуйти (Батырай 2019):

Далай чум делчIаслира
Далай гIяхIна гъабзалис,
Къиян дикиб мусанив
Даршлизи ца улхъанну.

ХIябкуб чум дакьаслира
ХIябкуб кункил урчилис,
Се делра уркIиличир
Дирул гъабазала мурад.

Дила пикри хIясибли, даргала халкьла мухIлила пагьму балусини, назмуртира хабуртира делчIунсини нешла мезра хъумхIерту, илди чеалкIуси наслубас калахъесра къайгъибиру.

Цакамти баянти гьандуршехIе. М. Р. БяхIяммадовли ва А. С. ИсмягIиловани чула хIянчилизиб чебиахъуливан (2015: 5), ишбархIи дарган мез Дагъистан Республикала 14-дехI пачалихъла мезаназирад цадехI сари. БегIла гIергъиси белкI (перепись) хIясибли, даргантала лугIи 590 156 адам сабри. Дарганти гъайбикIули саби мезли, сарира кавказла хъалибаргла дагъиста кьукьялизи кадурхути. Илди имцIали тIинтIдиубли сари Ахъушала, Дахадаевла, Лавашала, Сергокъалала ва Хайдакьла районтазир. Илкьяйда илди дузахъули сари Агъулла, Бабаюртла, Буйнакъла, Гъунибла, Дербентла, Къаякентла, Къизларла, Къарабудагъкентла, Ногъайла, Хасавюртла районтази кадурхути даргала шимазир ва шагьуртазир. Дагъиста 1600-цад шилизирад дарганти хIербирули саби 300-имцIа шилизиб. ГIяхIцад дарганти леб республикала дурабра.

Археологияла баянти хIясибли, урга даршдусмазиб даргантала белкI жявхIелла албанияла (кавказла) буибси саби, сенахIенну итхIели дарганти хIербирути мер-муса Кавказла Албаниялизи кадурхутири. Ил секIал марбирули саби ишгъуна баяннира: ХХ даршдусла байхъайзир Лавашала ва Ахъушала ванзурбачир албанияла хIурпрачил делкIунти къаркъуби даргибтири. Бусурман дин тIинтIбиъниличил барх гIярабла белкIра тIинтIбиубсири. Нушачи даибти дарган мезла гьалар-гьаларти гIяжамличилти белкIани 1493-ибил дуслизир дарили сари. ГIяжам бузахъусири 1928 ибил дусличи бикайчи. 1928 ибил дусличибад 1938 ибилличи бикайчи латинна графика хьулчилизи ка-

сили барибси белкI бузахъусири. 1938 ибил дуслизиб дарганти кириллицаличи шурбухъунтири.

Дарган мезличил дурабулхъули саби художественная, гIилмула, белчIудила ва цархIил литература. Дурадулхъули сари районтала газетаби: «Бархьдешла гьуникад» — Ахъушала районна, «Шила гIямру» — Дахадаевла районна, «Сагаси гьуникад» — Лавашала районна, «Эркиндешличи» — Сергокъалала районна, «Хайдакьла зяхIматчи» — Хайдакьла районна; «Бархьдешла шала» — Къаякентла районна; республикала газета «Замана»; журналти «Лачин», «Дагъиста хьунул адам», «Гьалмагъдеш».

Лер радио- ва телепередачаби: даргала радиопередача FM 106,5 каналлизиб; РГВК-лизиб жумягIли гьачам дурабулхъуси 45 минутла «Адамти ва замана» телепередача; ГТРК-лизиб базли гьачам бируси 47 минутла передача; ННТ каналлизиб жумягIли гьачам.

Избербаш шагьарлизиб бузули саби ГIямарла Батирайла уличилси Даргала пачалихъла музыкала-драмала театр. Илала сагаси юрт 2007 дуслизиб цIали бигубсири. Гьанна вецIал дус дарганти мяхIрумбарили саби гьарли-марли чихъси даражаличир театрли кадирхьути спектакльтазибад.

Республикала шимала ва шагьуртала школабазир дарган мез руркъули сари. Ца миллатла вакилти бучIути школабала 1–4-ибти классуназир лерилра дурсри нешла мезличил кадирхьути сари, 5–11 ибти классуназир биалли дарган мез ва литература декIарти дурсри сарливан руркъути сари (белчIудила план №1). ДекIар-декIарти миллатунала вакилти бучIути школабала 1-11 ибти классуназир лерилра дурсри урус мезли кадирхьути сари, дарган мез ва литература биалли декIарти дурсри сарливан руркъути сари (белчIудила план № 2).

Дарган мезла санигIят бедлугули саби Избербашла педагогический колледжлизиб, Дагъиста пачалихъла университетлизиб ва Дагъиста пачалихъла педагогический университетлизиб.

Нушала мезличила гIуррара сецад-дигара баянти дурес вирар, амма тIашилзас, челукьути масъултачила бурес багьандан.

Даргантала баркьудлумазир, куц-кабизлизир, хIял-тIабигIятлизир сецад-дигара гапдарестира пахрубарестира лер. Амма наб, дарган адам сайливан, хIейгибилзусицун ахIенну, цIахбилзуси секIал леб — цаличил-ца нешла мезличил гъайхIебикIни. Селизиба илала дигIяндеш?

Дарган мезлизир дахъал лугъатуни лер. Ил секIай литературный мез руркънилис къияндешуни алкIахъули сари. Гьалар лугъатунала

мезличил алкIахъутири художествола произведениеби: ГIямарла Батирайли хIурхъила, Сукъур Кьурбай цIудхъурла, Мунги ГIяхIмадли гIярбукIла. Школабас хасдарибти ва цархIилти цаибти жузира лугъатуначир дурадулхъутири. Масала: букварь дураибсири хIурхъила лугъатличил, Рабадан Нуров лукIусири цIудхъурла лугъатличил, ГIязиз Иминагаев — хIурхъилайчил. Иличи мешуси кьисмат сабри шурбалтуси литературалара: ахъушай шурбалталри, ахъушала лугъатличил кабирхъусири, хIурхъай шурбалталри — хIурхъилайчил… 1921 ибил дусличибад дурабулхъуси «Дарган» бикIуси газеталара гьаланачи белкIла шайчиб чебетаибси кабиз хIебири.

Илбагьандан даргала литературный мез акIахъес чараагарли гIягIнилири. Баягъи масъала хIербарес 1930-ибил дуслизиб орфографияла цаибил конференция дураберкIибсири. Илаб дарган мезла дахъал лугъатуназибад даргала литературный мезлис хьулчили касибсири ца лугъат — ахъушала.

Се сари литературный мез? Литературный мез сари ирнилашал ва белкIлашал мезла устнани лугIяндарили, хасти нормаби кадизахъурти, лебил халкьлис цати, чучибли саби лукIути, бучIути ва гъайбикIути, илкьяйда учреждениебала, школабала, художественная, гIилмула ва цархIил литературала, газетабала ва журналтала, радиола, телевидениела ва театрла мез. Литературный мез гIягIнити сари декIар-декIарти лугъатунала вакилти саби-ургаб гъайбикIес ва ункъли цала цали дурути иргъес. Ил секIал хIергънилизиб саби бахъла хатIара.

Дила суайс «Сен хIуша — дарган адамти — цаличил ца нешла мезли гъайхIедикIутира?» имцIали ишгъуна жаваб бирар «Валлагь, МяхIяммадли дила мез иргъули ахIен». МяхIяммадла жаваб ишгъуна саби «Валлагьра гIязим, БяхIяммадли дила мез далули ахIен». Илкьяйда бикIули саби ПатIиматра ГIяйшатра, ГIялира Валира ва бахъал цархIилтира. Илдани балули ахIен яра аргъес дигули ахIен саби гъайбикIути лугъатуни диъни, цала цали аргъес багьандан, нуша литературный мезли гъайдикIес гIягIниси биъни. (Дила юлдаш МяхIяммадзапир ГIябдуллаевли ишгъуна дев бузахъу — миллатла мез или. Ил бархьсира саби). Эгер школализир вецIну цара дус даргала литературный мез делчIи биалли, сен гъайхIейкIуси нешла мезли?!

ХIебиалли, школалара нешла мезла учительталара хатIа леб ил секIайчи камли пикри бяхIчииънилизиб. Дагъиста учительтала цаибил съездличиб хайдакьлан ХIясановли сунела докладлизиб бурибсири литературный мез руркъухIели сунени бируси хIянчиличила ва

сархибдешуначила. Ил хIисаббареси ва гIеббуцеси гIибрат саби. Нуша ил шайгIир гIяхIил дузес гIягIнибиркур.

Ца гIибратла мисал. Къадарла лугъатла вакил — Буйнакъла районна Кьарамахьи шилизивадси дурхIя Салим Герейбеков керхурсири нушала университетла филологияла факультетла урусла-дагъиста отделениелизи. Илис дебали къияннири, илини хIергъулири цархIилтала, илданира къадарла лугъат вайтIа иргъулри. Салим сунечив сай узес вехIкайхьиб, литературный мез дяркъес чIумали кайзур. Се бетаура? Гьанна ил магистратурализивра учIули сай, школализив нешла мезла учительлира узули сай, илини назмуртира лукIули сай. Гьалавван жагьил лукIантала халаси мажлисличивад Тавридализивад чарухъун. МяхIячкъала шагьарла гIяхIтигъунти учительтала къяянази керхурли сай ил.

ХIебиалли, даргала литературный мезличибад гьарахъси лугъатла вакиллира миллатла мез дяркъес ва гIяхIил дагьес вирар. Ил барес вирар чедиб гьанбушибси факультетлизи керхаллира. Ил барес багьандан урус мезла ва литературала пачалихъла цати имтихIян (ЕГЭ) дедес чевкъар. Дарган мезла имтихIян университетлизиб бедлугуси саби.

Дарган мезличил гъайбикIес цабехI урузкIули саби, цабехI урухкIули саби, цабехIли илди мучладирули ахIен. Ца балбуцличир, нешла мезличил наб гъайухъахъес къадагъабарес хьулухъунси ца хIякимлизи гьанбушес чебуркъуб Дагъистан Республикала Конституцияла 11 статья, сунезибра гIячихъли белкIунси: Дагъистайзир пачалихъла мезани сари урус мез ва Дагъиста халкьанала мезани. Ила дарган мезра кадурхули сари.

Дила уркIи разили саби ишбархIи дарган мезла учительти бахъхIи тиладибикIуси секIал бетаънира — гимн балкьаъни. Халаси къайгъиличил, дахъал къияндешунира чекасили, ил секIал асилдешличил таманбариб гIялим, поэт ва композитор МяхIяммадзапир ГIябдуллаевли.

Словарьтала аги даргантала гIелакабухъунсири. Ил гьаман уркъбирхъусири. Амма гIергъити дусмазир сархибдешуни лер.

Россияла халкьанала умала словарьтази (справочникунази), сарира чуйнара дураибти, гьачамалра даргантала уми кадерхахъурти ахIенри. Ил секIал наб хIейгибизур. Масъала хIялумцIурра. Чумал дус узули, даргантала умала словарь балкьаахъурра. БусягIят Дагъиста декIардекIарти миллатунала адамтала умала хIябал словарь лер: къумукъла 1500 у кадерхурси, лезгибала — 4500, даргала биалли — 5000 у (Багомедов 2006). Гьанна чилилра уркъхIебирхъу нушала уми агара или.

Дарган мезла дугьби баяндируси словарь (толковый словарь даргинского языка) хIядурбарибсири Зеленоморскла урга даражала школала нешла мезла учитель, Дагъистан Республикала урибси учитель Ражаб ШяхIбановли (Шахабанов 2015). Чумал дус ил тиладиличил дуцIкайкIи словарь дуракаахъес. Кумекбареси адхIехъиб. Университетла ректор МуртазагIяли Хулатаевич Рабадановли словарь дуракаиб. Дарган мезла лебилра учительтала шайзибад илис баркалла багьахъес дигулра.

Дарган мезла — урус мезла словарьличи дарганти бахъхIи лехIлири. Ил балкьаахъес гIялимти жявлил бузес бехIбихьибтири. Филологияла гIилмуртала доктор Запир ГIябдуллаевли ил балкьаахъес халаси хIянчи барибсири, амма мицIирли левай дураэс имканхIебакIиб. Чумал дус иличив узиб даргала машгьурси писатель Ильяс ХIясанов. Ил хIянчи ишбархIи ахирличи бикахъиб Хизри Юсуповли.

Даргантала мер-мусала уми бегIлара камти сари или белкIунсири ца профессорли (пикрилизиб сабри илди дучнила аги вайтIа биъни). Гьанна ил масъалара цархIилталайчиб ункъли арзили саби.

ГIе, илгъуна аги саби гьанна. ЦIумдикIнилизиб гIяхIдеш агара. Се барес гIягIнили? Дила пикруми дурис.

Нешла мез далахъуси, дихIуси ва мяхIкамдируси хъалибарг саби. ХIебиалли, мез калахъес дигалли, гъайдикIес гIягIнибиркур бегI гьалар хъулир.

Замана саби, гьалмагъуни, гIягIниагар гап-чяхIъалара, пIугъалара, гIярзъалара, илкьяйда лерил секIал пуждирнира ца шайчир датурли, ибкьли ва чедетаили дузес.

Дарган мезлис къаршидиркути къияндешуни Дагъиста цархIилти мезаначира хасдирули сари. Илбагьандан чараагарли кьабулбарес гIягIниси саби Дагъиста халкьанала мезаначила закон. ГIяхIцад цархIилти республикабала лер. Илгъуна закон нушала республикализиб агниличи тамашабиуб мезанас хасбарибси гьалабван Москвализиб бетерхурси мажлисличиб. Илини лерилра суалти бекIхIедиру, амма гIяхIцад масъулти арзес кумекбиру. Пикридухъенаягу хIуша ца секIайчилацун: ишбархIи цацабехI чIинкIир хIякимтани дарган мезла дурсрала темаби журналлизи нешла мезличил делкIахъес, тематический планти нешла мезличил лукIахъес къадагъабирули саби. Илдигъунти ва цархIилти гIягIниагарти секIал хIедиахъес кумекбиру баягъи закон кьабулбаралли.

Гьар Аллагьла бархIи, ибкьли ва бамсниагарли чебетаибси иргъахънила хIянчи бузахъес гIягIниси саби нешла мезла кьадриличила

радиолизиб, телевидениелизиб, газетабазиб, журналтазиб, школабазиб, дурадуркIути жура-журала далдуцуначиб.

Заманаличир ва лайикьси кьадарлизир школабас нешла мезла ва литературала жузи дуракайэс гIягIниси саби. Гьанна илди чумал дус дуракаили ахIен.

Гьалар дурхIнас хасдарибти писательтала жузи дуракайутири «ДурхIнала библиотека» серия хIясибли. Илди агнила зарал ишбархIи нушани якьинни чебиулра. Дила пикрили, ил секIал сагабарес чараагарли гIягIниси саби Дагъистан Республикала багьудила ва гIилмула министерстволи. Илкьяйда дарган мезла учительлис кумеклис методикала литература дуракайэс гIягIнибиркур.

ЦацахIели нуша гIяйибта дирулра жагьтани нешла мез хIедалули сари или. Амма пикрилра хIедулхъулра гьарил адамли се барилил ил шайгIиб, сунела хъалибаргличибад бехIбихьили.

Дашираяа, жагьтас, нешла мез гьарли-марли делчIес, илди дагьес дигутас, кумек гIеббиахъехIе. Илди саби Дагъиста пачалихъла университетла ва Дагъиста пачалихъла педагогический университетла филологияла факультетунала студентуни — даргала челябкьла. ХIурматла юлдашуни, дарган мезличи уркIецIила дегIти, нешла мезла челябкьлаличила пикридикIути, гьайгьайра кисализиб се-биалра лебти, къулбасдарая илдас ца дуслис дарган мезличил дурадулхъути «Лачин», «Гьалмагъдеш», «Дагъиста хьунул адам» журналти ва «Замана» газета. Илкьяйда сагали дурадухъунти даргала писательтала жузи пешкешдирес вири. Вираргу студентунас Батирайла, ГIяхIмадхан Абу-Бакарла стипендияби кадизахъес. Даргала театрли кадихьибти лерилра спектакльти студентунас матъал чедиахъес. Дирхаирая, илдигъунти гIяхIбаркьла далдуцунас дахъал арц архIекьян.

Замана хIебаилив Дагъиста халкьла писательла хIурматла у бегIгьалаб сархибси, писатель, драматург ва киносценарист ГIяхIмадхан Абу-Бакарла вецIал-имцIа художественный кинофильм ва мультфильмаби дагъиста халкьанала мезаначи шурдатес, бегIгьалар дарган мезличи. Илала произведениеби сунела замана дунъяла халкьанала 60-имцIа мезличи шурдатуртири.

«Гьалмагъдеш» журналлизир ва «Замана» газетализир «Дарган мезла ва литературала учительлис» муртлисалра дузути гIямзурти акIахъес, чузира нешла мез ва литература дучIнилис хасдарибти белкIани кадирхъес.

«Лачин» журналлизиб «ПагьмуртагIир нуша умцIулра» гIямзи акIахъес, сунезира дурхIнала белкIани кадирхъес.

Даргала газетабала, журналтала, радиола ва телевидениела хIянчизартас чевкъар чула белкIаначи тIалабуни имцIадарес ва даргала литературный мезла нормаби дузахъес.

РГВК-ла, ГТРК-ла, ННТ-ла каналтазир дарган мезличил дурадулхъути передачаби хIядурдирес, чучира имцIали нешла мезла учительти, илкьяйда ДИРО-ла, ГI.ГI. Тахо-Годила уличилси НИИП-ла, ИЯЛИ ДФИЦ РАН-ла, ДГУ-ла, ДГПУ-ла хIянчизарти, писательти ва журналистуни жибирес.

Дарган мезла чараагарти суалтачила дарсур пикруми дурес ва лайикьти тяхIурти далдурцес ибси пикриличил дусли гьачам (яра кIел дусли гьачам) иш тяхIярла мажлисуни дурадуркIес.

Дила гъай Расул БяхIяммадовла «Даргала дубуртазиб» (Багомедов 2019) назмулизирадти тугъачил тамандарес дигулра:

Дагъиста уркIилизиб
Далай даим зайбикIаб,
Даргала дубуртазиб
Дард мурталра мабиаб.

Дагъиста михъирлизиб
Нурла шала ухаб,
Даргала дубуртазиб
Давлала забли ургьаб.

Литература

Багомедов М. Р. 2006. *Словарь даргинских личных имён*. Махачкала: ИПЦ ДГУ.

Багомедов М. Р., Исмаилова А. С. 2015. *Русско-даргинский терминологический словарь*. Махачкала: Издательство ДГУ.

Багомедов Р. М. 2008. *Радуга даргинского народного творчества* (на даргинском языке). Махачкала: Народы Дагестана.

Багомедов Р. М. 2019. *День моего рождения* (на даргинском языке). Махачкала: Издательский дом «Дагестан».

Омарла Батырай. 2019. *Поэтическое наследие: хабкубы, деза, песни*. Сост. А. А. Алиханова. Махачкала: Издательский дом «Дагестан».

Шахбанов Р. Р. 2015. *Толковый словарь даргинского языка*. Махачкала: Издательство ДГУ.

ДВА ТИПА ФАРИНГАЛИЗАЦИИ В ШИРИНСКОМ ДАРГИНСКОМ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ

О. И. Беляев
МГУ имени М. В. Ломоносова / Институт языкознания РАН

1. Введение

Как и во многих других нахско-дагестанских языках[1], во всех даргинских языках (или диалектах) присутствуют фарингализованные гласные, см. [Гаприндашвили 1966]. Степень их распространённости различна. В литературном языке [Абдуллаев 1954], в севернодаргинских диалектах, на которых он основан, а также в некоторых других диалектах — например, в хайдакском [Темирбулатова 2004], — фарингализованный вариант есть только у гласной *а* (/aˤ/, орфографически записывается как *я*). Напротив, в кубачинском, согласно А. А. Магометову [Магометов 1966: 37], фарингализованными могут быть все гласные. По-видимому, наиболее распространённой в даргинских диалектах — например, в ицаринском [Sumbatova, Mutalov 2003], санжинском [Forker 2020], — является система, в которой фарингализации подвергаются только гласные заднего ряда (*aˤ, uˤ*). Промежуточное положение занимает тантынский диалект, в котором также есть фарингализованная *eˤ* [Сумбатова, Ландер 2014].

[1] Исследование выполнено при поддержке проекта «Параметрическое описание языков Российской Федерации», реализуемого в Государственном институте русского языка имени А. С. Пушкина. Я благодарен жителям села Шири, прежде всего А. Р. Рабаданову, за гостеприимство и помощь в сборе языкового материала. Также выражаю благодарность С. Гравундеру за подробное обсуждение настоящего материала и помощь в анализе акустических данных, Д. С. Ганенкову и Ж. Отье за ценные замечания, а также участникам конференции по диахроническому изучению языков Кавказа (Париж, 2017 г.) за вопросы и комментарии.

В связи со сравнительной ограниченностью фарингализации в литературном языке и северных диалектах, данное явление в даргинских языках пока остаётся недостаточно изученным. В частности, остаётся практически неописанной фарингализация в диалектах даргинского языка, её свойства и фонологический статус. В настоящей работе я постараюсь восполнить этот пробел, представив предварительное описание системы фарингализации в одном из ранее не описанных даргинских диалектов — ширинском (основные сведения об этом диалекте см. в статье [Беляев 2019]).

Подобно многим другим диалектам, в ширинском фонетически фарингализованными могут быть только гласные /a/ и /u/, а также увулярные согласные, т.е. фонемы /a/ и /q/ имеют фарингализованные «пары» /aˤ/ и /qˤ/, тогда как фонемы /i/ или /k/ таковых не имеют. Однако ширинский диалект интересен тем, что в нём смыслоразличительным статусом обладают два вида фарингализации[2], которые отличаются по своему лексическому распределению и акустическим свойствам. Похожее явление ранее было кратко описано в работе [Кибрик, Кодзасов 1990: 334] только для чирагского диалекта. Кроме того, имеющиеся у меня данные позволяют трактовать фонемы *ħ* (орф. *хI*) и *ʕ* (орф. *гI*) как фарингализованные варианты фонем *h* (орф. *гь*) и *ʔ* (орф. *ъ*) соответственно.

Настоящая статья имеет следующую структуру. В разделе 2 мною даётся общее описание двух типов фарингализации в ширинском даргинском, их соответствий в других диалектах. Далее, в разделах 3 и 4, подробно описываются, соответственно, «первичная» и «вторичная» фарингализации. Наконец, в разделе 5 рассматриваются гипотезы о возможной артикуляционной интерпретации этих двух типов фарингализации.

2. Два типа фарингализации

В ширинском диалекте, по нашим данным, можно выделить два акустически различных типа фарингализации, обладающих смысло-

[2] Здесь и далее термин *фарингализация* используется условно, как обозначение любого типа гортанной «окраски» гласных и согласных. Точная артикуляционная характеристика данного явления пока не ясна; предварительное обсуждение этого вопроса содержится в разделе 5.

различительным статусом, которые можно условно назвать «первичной» (как, например, увулярный согласный и гласная в слове *qˤa̰b* ‘могила’) и «вторичной» (как, например, гласная в слове *sːä*). Подробнее остановимся на их свойствах.

Наиболее распространённым типом фарингализации в ширинском диалекте является тот тип, который можно назвать *первичным* — он соответствует фарингализации в большинстве других даргинских идиомов и не может быть сведён к влиянию какого-либо фонетического контекста. Фонетически фарингализация может выражаться на гласных *а* и *u*, а также на увулярных согласных. Для целей практической транскрипции фарингализацию гласных я обозначаю тильдой под буквой (*a̰*), фарингализацию согласных, — стандартным символом Международного фонетического алфавита (*qˤ*). Основной акустический эффект первичной фарингализации на гласные — их большая открытость и небольшое упереднение (которое ярко выражено только для *а*): если нефарингализованная фонема *а* в ширинском представляет собой гласный заднего ряда [ɑ], то фарингализованный вариант *a̰* скорее звучит как гласная среднего ряда [ɐˤ]; фонема *u* (собственно [u] в обычном варианте) в фарингализованной версии *ṵ* становится ближе к [oˤ], т.е. гласной средне-верхнего подъёма[3]. Гласные *а* и *u* после согласных *ħ* и *ʔ* всегда являются фарингализованными.

Акустический эффект фарингализации увулярных согласных пока не был исследован, но их отличие от простых согласных достаточно надёжно определяется на слух, в том числе в тех немногих словах, где фарингализованный согласный не соседствует с фарингализованным гласным, таких, как *ʁˤʷira* ‘заяц’.

Характеристики *вторичной* фарингализации существенно отличаются от характеристик первичной. Ей также подвергаются гласные *а* и *u*, однако акустический эффект иной: в большей степени упередняющий и в целом не связанный с большей открытостью

[3] Так воспринимают это и сами носители: адаптируя стандартную даргинскую орфографию к своему диалекту, они интуитивно обозначают фарингализованную /uˤ/ как ‹ё›. Следует отметить, что в кубачинском алфавите, разработанном А. Дж. Магомедовым и Н. И. Саидовым-Аккутта, фаринализованный /u/ передаётся буквой ‹ю› (видимо, по аналогии с ‹я› в стандартной орфографии).

гласной: *ä* с вторичной фарингализацией ближе к гласной переднего ряда [æˤ], тогда как *u* с вторичной фарингализацией звучит как гласная среднего ряда [ʉˤ] (если даже не [yˤ]). В соответствии с этим эффектом я обозначаю вторичную фарингализацию в виде диакритического знака «умлаут». Каких-либо признаков вторичной фарингализации на согласных не обнаружено, даже по соседству с вторично фарингализованными гласными. В целом вторичная фарингализация встречается существенно реже первичной — преимущественно в тех позициях, где по соседству с гласным в других южных диалектах имеется звук *ʕ* (*ħ* в северных диалектах). Этот звук в ширинском диалекте выпал везде, кроме начальной позиции, где он произносится не всеми носителями, например: *(ʕ)äq'* ‘стадо’ (ср. лит. ***ħenq'***, худуцк. ***ʕaq'***; ицар. *aq'*), *wär* ‘семь’ (ср. лит. *wer**ħ**el*, мюрег. *er**ħ**al*, худуц. *weˤr*, ицар. *we:r*)

Для исследования акустических свойств обоих типов фарингализации в 2014 г. было записано 106 слов из списка [Кибрик, Кодзасов 1990], в которых ранее была мною затранскрибирована фарингализация (без различения двух типов). Запись производилась в с. Шири у одного носителя — А. Р. Рабаданова. На основании примерной оценки акустических различий (выраженных в значениях первой и второй форманты) была уточнена транскрипция, разделены *ạ*/*ä*, *u*/*ü*. Далее на основании этой в значительной мере субъективной транскрипции были определены значения первых двух формант для каждой из гласных в каждом слове и построен график на Рис. 1 (я благодарен С. Гравундеру за помощь в построении графика). По оси X представлено значение второй форманты, по оси Y, — первой; как принято в подобных фонетических иллюстрациях, график построен так, чтобы область гласной соответствовала месту образования этой гласной (если считать, что губы находятся слева). Линии обозначают области зафиксированных формантных значений для каждой из гласных (разумеется, в разных словах формантные значения могут существенно различаться в зависимости от позиции гласной в слове и влияния соседних согласных).

Данный график является предварительным, поскольку, во-первых, для полноценного исследования 106 слов от одного носителя недостаточно: требуется привлечение других носителей и дополнительных слов для более чёткой идентификации нефарингализованных гласных. Дело в том, что данный список слов составлялся с за-

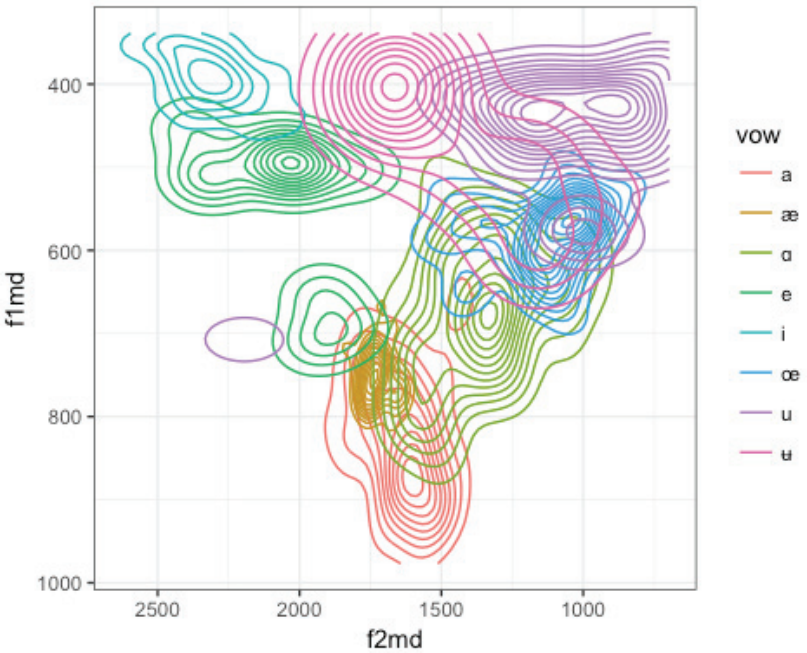


Рис. 1. Форманты ширинских гласных

дачей максимальной фиксации именно фарингализованных гласных, поэтому простых гласных в нём мало, и во многих случаях нельзя исключить влияние коартикуляции. Во-вторых, как видно из графика, у некоторых гласных неправдоподобно большая область; особенно странным является /u/, в область которого попала зона, близкая к /e/. Вероятно, такой результат связан с неверной интуитивной идентификацией гласных в ряде случаев. Для более точной идентификации, однако, требуется больший объём данных и более чёткое понимание того, как устроена система гласных в ширинском.

Несмотря на эти недостатки, из графика всё же можно сделать некоторые важные выводы. На нём чётко противопоставлены три типа гласных: нефарингализованные, первично и вторично фарингализованные. Особенно хорошо это видно для гласной *u*: вторичная фарингализация, обозначенная как [ʉ], явно тяготеет к упереднению, тогда как первичная фарингализация, обозначенная как [œ], смещается в сторону [o]. Большая «периферия» зоны [ʉ], пересекающаяся

с зоной [œ], вызвана, вероятно, тем, что в некоторых словах первично фарингализованная *u̯* некорректно идентифицирована как вторично фарингализованная *ü*.

Схожий эффект наблюдается для гласной *a*: основной её вариант [ɑ] относится к заднему ряду, тогда как первично фарингализованный вариант относится к среднему ряду и нижнему подъёму и обозначен как [a] (в терминах МФА правильнее было бы использовать символ [ɐ]). Вторичная фарингализация занимает очень компактную область, описывающую несколько более закрытый и упереднённый гласный, чем [ɐ]; на графике он обозначен как [æ]. Пересечение с периферией «первичной» фарингализации также, вероятно, вызвано неверной идентификацией некоторых гласных.

Оба типа фарингализации также характеризуются существенным понижением третьей форманты, что отмечено для фарингализации и в других языках [Catford 1983; Ladefoged, Maddieson 1996: 306–310]. В целом акустическое различие «первичной» и «вторичной» типов фарингализации можно считать установленным достаточно надёжно. Теперь рассмотрим оба типа более подробно.

3. Первичная фарингализация

С фонологической точки зрения первичная фарингализация является признаком *слога* и проявляется на всех сегментах, которые могут быть носителем этого признака в пределах этого слога. То есть, если ядром фарингализованного слога является гласная *a* или *u*, но при этом увулярные согласные отсутствуют, то фарингализация отражается только на гласной: *mq̠kʷ* ‘дуб’, *mq̠ž* ‘горький’, *bq̠ržq̠k* ‘курдюк’, *gʷq̠gʷq̠* ‘цветок’, *č’ič’q̠k* ‘лук’, *č:q̠wal* ‘утро’, *x:q̠c’* ‘светло-голубой’, *x:q̠na* ‘на теневой склон’, *x:q̠lx:q̠* ‘пена’, *žq̠r* ‘тополь’; *c’u̯b* ‘белый’, *č:u̯rk:a* ‘грязный’, *nu̯zu̯n* ‘мука’, *t’u̯* ‘нога’, *t’u̯k’u* ‘ослёнок’. Если увулярный согласный предшествует фарингализованной гласной, то этот согласный также фарингализуется: *biqˤq̠la* ‘топлёное масло’, *q’ˤq̠ms:i* ‘зола’, *q’ˤu̯q’ˤq̠* ‘группа людей’, *χˤq̠ragala* ‘шест’, *χˤq̠rc’* ‘ласка’, *qˤq̠jqˤq̠j* ‘подбородок’, *qˤ:ʷq̠* ‘клятва’, *q’ˤq̠t:i* ‘гортань’, *q’ˤq̠lč:i* ‘пятка’, *q’ˤq̠q’ˤni* ‘кости’, *вˤq̠lˤ* ‘сани’, *вˤq̠вˤq̠* ‘щебень’. Наконец, в сравнительно небольшом числе случаев в фарингализован-

ном слоге есть только соответствующий согласный, тогда следующий гласный фарингализации не подвергается, например: *ʁ̣ˤʷira* ‘заяц’[4].

Особым статусом обладают согласные *ʔ* и *ħ*: гласные *a* и *u* по соседству с ними (как в том же слоге, так и в предшествующем) всегда фарингализованы; следовательно, эти согласные можно считать всегда обладающими признаком фарингализации. Более того, *ʔ* и *ħ* можно считать фарингализованными вариантами *ʔ* (*ʔˤ*) и *h* (*hˤ*) соответственно, так как возможны только сочетания *ʔa* и *ʔa̲* (преимущественно в начале слова) и *ha* и *ħa̲*; **ʔa̲* и **ha̲* невозможны. Кроме того, согласный *h* в префиксе *ha-* ‘вверх’ — ср. ***ha**-b-alč-iž* (PV.вверх-N-брать.PFV-INF) ‘взять’ — превращается в *ħ*, если на префикс переходит признак фарингализации корня, как, например, в глаголе ***ħa̲**-q’ˤ-iž* (PV.вверх-идти.PFV-INF) ‘идти вверх’ (с моноконсонантным фарингализованным корнем *q’ˤ-*).

Аналогичный процесс, хотя и чуть менее наглядный, происходит с некоторыми фарингализованными корнями, если корневой гласный оказывается в начале слова. Так, сравним фарингализованный корень *B-u̲q’ˤ-* ‘идти (несов. в.)’ и нефарингализованный корень *B-ulq-* ‘бежать (несов. в.)’. Оба корня содержат классный префикс. Показатель мужского класса *w-*, в соответствии с регулярным правилом, в начале слова перед *u-* исчезает. В результате слово начинается на гласную, и перед ней, по общим правилам, вставляется протетическая гортанная смычка: слова в ширинском не могут начинаться с гласной, хотя в орфографической записи и в фонетической транскрипции гортанная смычка в начале слова обычно не фиксируется (такая конвенция принята и для других даргинских языков). Так происходит в слове *ulq-un* ([M]бежать.IPFV-PTCP) [ʔulqʰun] ‘бегущий’, образованном от нефарингализованного корня. Однако в слове *ʔu̲q’ˤ-u̲n* ([M]идти.IPFV-PTCP) ‘идущий’ в начале слова возникает фонема *ʔ*, а не *ʔ*, что соответствует фарингализованному статусу на-

---

[4] Некоторая степень фонетической фарингализации на гласном *i* (как, зачастую, и на соседних слогах), безусловно, присутствует как следствие коартикуляции, однако эта фарингализация гораздо слабее, чем фарингализация /a/ и /u/. Кроме того, такая «коартикуляционная» фарингализация не передаётся на соседние слоги (см. ниже).

чальной гласной. Это показывает, что фонологически *ʔ* является фарингализованным вариантом гортанной смычки[5].

Фарингализация является признаком именно слога, а не слова: в одном слове могут быть фарингализованы не все слоги, ср. *určmg̱k* ‘кнут’, *c’ut:g̱r* ‘чёрный’, *sut’g̱k* ‘нож для рубки кустарника’, *ʁˤu̱nt’a* ‘угол’, *č’g̱la* ‘вилка’, *mullg̱li* ‘дыра’. Слоги маркируются как фарингализованные лексически, в составе соответствующих морфем, — как правило, корней; ингерентно фарингализованные префиксы и суффиксы мне неизвестны. Правила распространения фарингализации на соседние слоги довольно просты и уже видны отчасти из приведённых выше примеров. Как правило, распространение фарингализации происходит регрессивно: фарингализованные согласные вызывают фарингализацию предшествующих гласных *a* и *u*. Вследствие этого фарингализуется весь предшествующий слог; он, в свою очередь, может фарингализовать слог перед ним при выполнении соответствующих условий («фарингализуемый» согласный в приступе и *a* или *u* в ядре предшествующего слога). Возможна и прогрессивная ассимиляция — например, суффикс причастия *-un* фарингализуется, если корневой согласный глагола фарингализован: ср. пример *ʔu̱q’ˤ-u̱n* ([M]идти.IPFV-PTCP) ‘идущий’, уже цитировавшийся выше. Важно, что при наличии фарингализации в корне только на гласной (т. е. в том случае, если фарингализованный корень не оканчивается на увулярный согласный) фарингализация на суффикс не переносится: *b-g̱š-un* (N-гнить.PFV-PTCP) ‘сгнивший’. Вышеописанные правила следуют из общего ограничения, согласно которому фарингализованные согласные всегда соседствуют с фарингализованными гласными.

Статус фарингализации как признака именно слога, а не конкретной гласной, подтверждается тем, что при регулярном переходе корневой гласной *a* в *u* при образовании множественного числа сущест-

---

[5] При последовательной системе транскрипции следовало бы, в таком случае, не писать *ʔ* в начале слова так же, как обычно не пишется гортанная смычка, т. е. записывать указанные формы как *ulqun* и *u̱q’ˤu̱n*. Либо, наоборот, следует везде фиксировать и нефарингализованную гортанную смычку: *ʔulqun*, *ʔu̱q’ˤu̱n*. Я, однако, буду следовать традиционной записи для единообразия с транскрипцией других диалектов (имея также в виду, что в них звук [ʔ] может иметь иной фонологический статус).

вительных признак фарингализации сохраняется: *šạri* ‘озеро’ — *šụr-bi* ‘озёра’.

С точки зрения внешних соответствий[6] первичная фарингализация в большинстве случаев совпадает с фарингализацией в других диалектах, ср.: *gʷạgʷạ* ‘цветок’ — худуцк. *gʷaˤgʷa*, ицар. *waˤwa*, но акуш. *wawa*; *вˤạl* ‘сани’ — худуцк. *вˤaj*, тант. *вaˤl*, акуш. *вaˤj*, кайт. *вaˤl*. В то же время есть и лексемы, в которых фарингализация, по-видимому, в ширинском возникла как инновация: *mạkʷ* ‘дуб’ — ср. худуцк. *meg*, тант. *mikʷ*, акуш. *mig* и т. д.; *c’utːạr* ‘чёрный’ — худуцк. *c’utːar*, ицар. *c’itːar* и т. д.; *c’ụb* ‘белый’ — *c’ub* в других диалектах. Впрочем, пока изучены не все диалекты и отсутствует надёжная реконструкция прадаргинской фонетики, любые выводы об историческом происхождении фарингализации в той или иной форме носят лишь предварительный характер.

4. Вторичная фарингализация

Как было указано выше, в большинстве случаев вторичная фарингализация возникает на гласных по соседству с в основном утраченной в ширинском (как и во многих других диалектах) фонемой *ʕ* (чаще всего соответствует *ħ* в северных диалектах) — этот звук встречается лишь в начале слова перед гласными с вторичной фарингализацией, причём у меньшинства носителей; большинство в этой позиции произносят гортанную смычку. Вторичная фарингализация распространена гораздо меньше, чем первичная, и преимущественно встречается в начале слова: *äčːa* ‘коза’ (ср. лит. *ʔeǯa*, худуцк. *ʕečːa*, чираг. *ʔaˤčːa*; кубач. *ičːa*), *äq’* ‘стадо’ (ср. лит. *ħenq’*, худуцк. *ʕaq’*; ицар. *aq’*), *ärk’ʷ* ‘река’ (ср. лит. *ħerk’*), *äsːa* ‘палка’, *ät’in* ‘крас-

[6] Здесь и далее диалектные данные цитируются по следующим источникам: [Темирбулатова 2004] — кайтагский, [Sumbatova, Mutalov 2003] — ицаринский, [Сумбатова, Ландер 2014] — тантынский, [Магомедов, Саидов-Аккутта 2010, 2017] — кубачинский; [Кибрик, Кодзасов 1990] — чирагский; Г. А. Мороз (л. с.) — мегебский; использовались также лексические списки, собранные участниками проекта по изучению даргинского языка под руководством Н. Р. Сумбатовой — худуцкий (Д. С. Ганенков) и кункинский (В. Хуршудян).

ный’, *äwa* ‘платье’, *äjab* ‘весна’; *ü* ‘ты’, косв. осн. *ä-*, дат. п. *ät* (ср. лит. *ħu*, косв. *ħe-*; худуцк. *ʕu*, косв. *ʕa-*; кубач. *u*, косв. *a-*), *üli* ‘глаз’ (ср. лит. *ħuli*, худуцк. *ʕul*, кубач. *uli*), *üzara* ‘комар’ (ср. дуакар. *ʕizar*).

Есть, однако, несколько примеров, где гласные с вторичной фарингализацией находятся не в начале слова и не после ларингальных согласных: *sːä* ‘мерка для муки’ (ср. худуцк. *saʕ*, ицар. *saˤʔ*, цудах. *saˤħ*), *kːä* ‘восемь’, *wär* ‘семь’ (ср. лит. *werħel*, мюрег. *erħal*, худуц. *weˤr*, ицар. *weːr*), *mä* ‘мозг’ (ср. лит. *meħe*, мегеб. *meħʷa*, худуц. *maʁ*). По-видимому, имеется и минимальная пара для первичной и вторичной фарингализации: *bä* ‘край’ и *bạ* ‘лицо’.

Вторичная фарингализация встречается также в нескольких случаях после ларингальных согласных: *ħämħä* ‘осёл’, *ħänza* ‘тмин’, *ħänzi* ‘яблоко’, *burʔä* ‘вымя’, *dürħü* ‘детёныш’. В этих примерах соответствия с *ʕ* отсутствуют, и за ними, по-видимому, стоит какой-то иной фонетический процесс. Интерес представляет тот факт, что в мегебском диалекте, в котором различаются фонемы *ħ* и *н* [Moroz 2019][7], т. е. фарингальный и эпиглоттальный фрикативный соответственно; в последних двух словах представлена именно *н*: *burнaˤ*, *doˤrнoˤ*.

Как указано выше, вторичная фарингализация никак не отражается на соседних согласных и, по-видимому, не распространяется на соседние слоги — во всяком случае, подобных примеров пока не засвидетельствовано. Это говорит о том, что вторичную фарингализацию надо скорее считать признаком не слогов, но гласных сегментов. Что *ä* и *ü* надо интерпретировать именно как *a* и *u* с признаком «вторичной фарингализации», а не как особые фонемы с другим местом образования (например, /æ/ или /ɥ/; *ä* также можно было бы считать фарингализованным *eˤ*), видно из того, что они точно так же участвуют в чередовании *a* — *u* при образовании множественного числа существительных, как и соответствующие простые и первично фарингализованные гласные: *ħänzi* ‘яблоко’ — мн.ч. *ħünzbi*; ср. также аналогичное соответствие в *ü* ‘ты’ — косвенная основа *ä-*.

---

[7] Г. Мороз трактует *н* как фарингализованный вариант *ħ* — так же, как в ширинском *ħ* является фарингализованным вариантом *h*. Это показывает, что фонологическая интерпретация акустически схожих и исторически родственных звуков может быть в разных диалектах весьма различной. В то же время, как и в ширинском, в мегебском *ʔ* можно считать фарингализованной гортанной смычкой [Moroz 2019: 32].

5. К артикуляционной интерпретации

Поскольку в ширинском диалекте представлены два типа «фарингализации» гласных, отличающиеся по своим акустическим свойствам, возникает вопрос об артикуляционной интерпретации каждого из типов. Одна из возможных гипотез состоит в том, что один из двух типов представляет собой не фарингализацию, а эпиглоттализацию. В этом смысле интересно следующее замечание о чирагском диалекте, сделанное в работе [Кибрик, Кодзасов 1990]: «Имеются эпиглоттализованные гласные *i*ˁ, *a*ˁ, восходящие обычно к сочетаниям гласных с конечнослоговыми эмфатическими ларингалами: *bi*ˁ*k'as* ‘много’, *zi*ˁ*-ze* ‘худой’, *ba*ˁ ‘кончик’, *ma*ˁ ‘мозг’. Эпиглоттальный компонент сосредоточен в конечной части гласных (ср. цезский и диалекты агульского, где эпиглоттализация охватывает слог). Эпиглоттализация может сочетаться с фарингализацией: žaˤˁle ‘сегодня’» (с. 334). Как видно из цитируемого отрывка, и предполагаемое происхождение эпиглоттализации, и некоторые из представленных примеров (*ba*ˁ ‘кончик’ — соответствует ширинскому *bä* ‘край’; *ma*ˁ — шир. *mä* ‘мозг’) совпадают с ширинской вторичной фарингализацией. Однако сходство самого диахронического перехода необязательно означает артикуляционное совпадение его результатов между собой; фарингализация и другие подобные процессы в даргинских языках пока описаны недостаточно подробно, чтобы делать какие-либо окончательные выводы.

6. Заключение

В настоящей статье представлен предварительный обзор фарингализации — явления, пока ещё малоизученного в даргинских языках — в ширинском диалекте. Показано, что в этом идиоме представлено два типа фарингализации, которые можно условно назвать первичной и вторичной. Если первый тип в целом соответствует фарингализации в других даргинских идиомах, то второй тип, по-видимому, развился в ширинском независимо как результат утраты фонемы ʕ. Два типа фарингализации характеризуют разные акустические свойства. Точный характер этих свойств, а также их конкретные артикуляционные корреляты ещё только предстоит установить.

Литература

Абдуллаев С. Н. 1954. *Грамматика даргинского языка.* Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР.

Беляев О. И. 2019. Место ширинского и амузгинского среди диалектов даргинского языка. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*, т. 2, ч. 24, 20–38.

Гаприндашвили Ш. Г. 1966. *Фонетика даргинского языка.* Тбилиси: Мецниереба.

Кибрик А. Е., Кодзасов С. В. 1990. *Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика.* М.: Издательство МГУ.

Магомедов А. Дж., Саидов-Аккутта Н. И. 2010. *Кубачи: язык и фольклор. Исследование и материалы.* Махачкала: Издательство ДНЦ «Наука».

Магомедов А. Дж., Саидов-Аккутта Н. И. 2017. *Кубачинско-русский словарь.* М.: Наука.

Магометов А. А. *Кубачинский язык. Исследование и тексты.* Тбилиси: Мецниереба, 1966.

Сумбатова Н. Р., Ландер Ю. А. 2014. *Даргинский говор селения Танты: грамматический очерк, вопросы синтаксиса.* М.: Языки славянских культур.

Темирбулатова С. М. 2004. *Хайдакский диалект даргинского языка.* Махачкала: Издательство типографии ДНЦ РАН.

Catford J. C. 1983. Pharyngeal and laryngeal sounds in Caucasian languages. In: Bless D. M., Abbs J. H. (eds.), *Vocal fold physiology: Contemporary research and clinical issues.* San Diego: College Hill Press, 344–350.

Forker D. 2020. *A grammar of Sanzhi Dargwa.* Berlin: Language Science Press.

Ladefoged P., Maddieson I. 1996. *The sounds of the world's languages.* Oxford: Blackwell.

Moroz G. 2019. Phonology of Mehweb. In: Daniel M., Dobrushina N., Ganenkov D. (eds.), *The Mehweb language: Essays on phonology, morphology and syntax.* Berlin: Language Science Press, 17–37.

Sumbatova N. R., Mutalov R. O. 2003. *Icari Dargwa*. München: LINCOM EUROPA.

ДАРГИНСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА ФОНЕТИКУ КАЙТАГСКОГО ДИАЛЕКТА КУМЫКСКОГО ЯЗЫКА

Н. Э. Гаджиахмедов
Дагестанский государственный университет

Тюркское население кавказского региона в своем антропогенезе теснейшим образом связано с носителями нахско-дагестанских языков. Следы взаимодействий в большей степени прослеживаются в зонах тесных контактов носителей тюркских и кавказских языков. В полиэтнокультурном Дагестане обращает на себя внимание взаимодействие кумыкского и азербайджанского языков с нахско-дагестанскими языками. Несмотря на то, что проделана большая работа по изучению влияния тюркских языков на дагестанские языки (Тюркско-дагестанские… 1982; Тюркско-дагестанские… 1984, Тадинова 2006, Сельмурзаева 2007, Загиров, Буржумова 2013), влияние дагестанских языков на тюркские языки, в частности, на кумыкский язык, исследовано недостаточно, хотя кумыки с давних времен контактируют с носителями дагестанских языков.

Нахско-дагестанские заимствования в кумыкском языке нуждаются в глубоком исследовании. Некоторые специальные исследования в кумыкском языкознании, к сожалению, не отражают действительную картину нахско-дагестанских заимствований в диалектной системе кумыкского языка. Фонетические и лексико-семантические особенности нахско-дагестанских заимствований в диалектах кумыкского языка, изложенные в кандидатской диссертации Г. А. Селимовой (2000), вызывают слишком много вопросов и потому нуждаются в уточнении, конкретизации и пересмотре.

Исследуемый нами кайтагский диалект кумыкского языка исторически находится в плотном окружении даргинского языка, и исследование языковых последствий их контактирования представляет большой лингвистический интерес как для кумыкского, так и для даргинского языков. В своем исследовании мы опираемся на диалек-

тологический материал, собранный нами, начиная с 1972 года, в селениях Туменлер, Янгикент, Маджалис Кайтагского района, а также в кумыкских селениях Башлыкент, Алходжакент и Отемиш Каякентского района.

Первые сведения о влиянии даргинского языка на кайтагский диалект кумыкского языка имеются в «Грамматике кумыкского языка» Н. К. Дмитриева, в которой сообщается о наличии абруптивных согласных в рассматриваемом диалекте (Дмитриев 1940: 32). Однако заметим, что некоторые из приводимых Н. К. Дмитриевым слов в современном языке не имеют абруптивную артикуляцию. К таковым относятся: *кьиркъ* (вместо *къиркъ*) ‘сорок’, *т1оймагъан* (вместо *тоймаган*) ‘ненасытившийся’, *гетмакъ* (вместо *гетмах*) ‘идти’ и др.

Ряд сведений о кумыкско-даргинских контактах содержится в специальном исследовании И. А. Керимова, посвященном кайтагскому диалекту кумыкского языка (1952), а также в его работе «Очерки кумыкской диалектологии» (1967). И. А. Керимов рассматривает фонетические и лексические заимствования, приводит список слов, вошедших в кумыкский язык из даргинского языка (их более 50).

Важные сведения по интересующей нас проблеме содержатся также в историко-этнографическом исследовании «Кумыки» С. Ш. Гаджиевой (2000). Автор приводит южнокумыкские и даргинские лексические соответствия, а также рассматривает ряд кумыкских топонимических названий, имеющих даргинское происхождение.

Интересные сведения содержатся также в статье Т. Г. Таймасхановой «Географические названия даргинского происхождения в кумыкской топонимии» (1982), а также в работах Д. М. Хангишиева (1983) и Н. Э. Гаджиахмедова (1983, 1985, 1990, 2001).

Тем не менее многие проблемы контактирования даргинского и кумыкского языков в исследуемом регионе нуждаются в более глубоком исследовании. Мы поставили перед собой задачу дополнить имеющиеся сведения новыми данными и ниже их приводим.

Во всех исследованиях, в которых в той или иной мере затрагиваются проблемы контактирования кумыкского и даргинского языков, отмечается наличие абруптивных согласных [*пI*, *кI*, *ч1*, *цI*, *тI*, *кь*], которые впоследствии распространились и на некоторые исконно кумыкские слова. Как отмечает И. А. Керимов, «абруптивные согласные в диалекте являются не самостоятельными фонемами, а лишь вариантами соответствующих согласных звуков» (Керимов 1967: 8).

Однако необходимо отметить, что почти все абруптивные согласные в диалекте выполняют конститутивную и различительную функции фонем: ***ч****абар* ‘побежит’ — ***чI****абар* ‘пол’, ***ч****ана* ‘сани’ — ***чI****ана* ‘еще бы’, ***ч****ола* ‘возможность’ — ***чI****ола* ‘отросток дерева’, ***ч****анка* ‘потомок князя’ — ***чI****ан****кI****а* ‘палас’, *чарх* ‘туша’ — ***чI****арх* ‘междометие, обозначающее резкое движение’, ***ч****а****ч****а* ‘сеет’ — ***чI****а*ь***чI****а* ‘сверчок’ (отемиш. говор) , ***к****ан****т*** ‘жалоба’ — ***кI****ан****тI*** ‘капля’, ***к****ана* ‘теневое место’ — ***кI****ана* ‘платок’, ***к****ар* ‘глухой’ — ***кI****ар* ‘слезинка, состояние плачевности’, *бал****т****а* ‘топор’ — *бал****тI****а* ‘сад, бахча’, ***т****уз* ‘соль’ — ***тI****уз* ‘каток’, ***т****ай* ‘жеребенок’ — ***тI****ай* ‘кочан кукурузы, кукуруза’, ***ч****ата* ‘хватает’ — ***чI****атIа* ‘ласточка’, ***къ****ий* ‘заостри’ — ***кь****ий* ‘навоз’, ***къ****урум* ‘организация’ — ***кь****урум* ‘сажа’, ***къ****ота* ‘куст’ — ***кь****от****I****а* ‘тупой’ и т. д. Таким образом, линейно неделимые фонемы обладают внутренней структурой с фонологически значимыми признаками.

Дистрибуция некоторых заимствованных звуков не ограничена, например, абруптивный согласный [к1] встречается: а) в анлауте: *к1ант* ‘жалоба’, *к1ана* ‘платок’, *к1ар* ‘слеза’, *к1эмэ* ‘масло’, *к1ап1и* ‘листок бумаги’; б) в инлауте: *ч1анк1а* ‘палас’, *арк1а* ‘телёнок’, *к1ик1имав* ‘сова’, *хинк1е* ‘хинкал’, *ч1ик1а* ‘цыплёнок’; в) в ауслауте: *к1ерк1* ‘балка’, *ланк1* ‘вид игры’.

Смычный гортанный согласный [кI] встречается в бораганском говоре терского диалекта (Ольмесов 1994: 32) и подгорном диалекте (Ольмесов 1967: 10) кумыкского языка.

Сетку увулярных согласных, представленных в кайтагском диалекте, мы хотим дополнить согласным [хъ], который также является заимствованным из соседнего даргинского языка. Представители северного наречия кумыкского языка (сюда входят буйнакский, хасавюртовский, терский диалекты) такого согласного не знают. Из сопоставления кумыкского литературного [къ] и диалектного [хъ] вытекает, что положение языка при произнесении [хъ] очень похоже на положение языка при кумыкском [къ]. Разница заключается в том, что артикуляция при [хъ] более энергична. В результате этого площадь смычки значительно шире, объем полости фаринкса сильно уменьшен, корпус языка смещен назад. Рассмотрим примеры, в которых употребляется язычковый (увулярный) [хъ] в Янгикентском говоре кайтагского диалекта кумыкского языка: *хъава* ‘глиняная посуда’, *хъянхъяй* ‘щека’, ‘челюсть’, *хъярчи* ‘клоун’, *хъямнамах* ‘украсть, схватить’, *хъяца* ‘коза’ и т. д. Все слова являются заимствованными

из кайтагского диалекта даргинского языка. Заметим, что рассматриваемый согласный в диалекте употребляется значительно реже, чем другие заимствованные звуки. Рассматриваемый согласный также выполняет различительную функцию фонем: ***къа**р* ‘снег’ — ***хъа**р* ‘зависимость, зависящий, нужда’ (*сагъа* ***хъар*** *ерим ёкъ* ‘я не нуждаюсь в тебе’), ***къа**рли* ‘снежный’ — ***хъа**рли* ‘зависящий, нуждающийся’, ***х**ава* ‘кусает’— ***хъ**ава* ‘посуда’.

Абруптивные согласные под влиянием кавказских языков вошли и в диалекты азербайджанского и карачаево-балкарского языков. Сравнительный анализ данных кайтагского диалекта кумыкского языка и малкарского диалекта карачаево-балкарского языка показывает, что в кайтагском диалекте названные согласные в общетюркских словах употребляются реже, чем в малкарском диалекте карачаево-балкарского языка. Так, в кайтагском диалекте кумыкского языка в следующих карачаево-балкарских словах, принадлежащих к общетюркским словам, абруптивные согласные не употребляются: [**тl**]: ***ml**аракъ* ‘расческа’, ***ml**ала* ‘поле’, ***ml**илэк* ‘просьба’, ***ml**ана* ‘телка’; [**кl**]: ***кl**ордум* ‘увидел’, ***кl**ир* ‘входи!’, ***кl**эл* ‘приходи’, ***кl**унум* ‘мой день’; [**къI**]: ***къI**арачайлы* ‘карачаевец’ (Алиев 1960: 67).

Данное сопоставление говорит о том, что общетюркский лексический пласт в малкарском диалекте карачаево-балкарского языка больше подвержен кавказскому влиянию, чем в кайтагском диалекте кумыкского языка. К тому же в общетюркских глагольных формах даргинское влияние в кумыкском языке отмечается в исключительных случаях.

Абруптивные согласные зафиксированы, как известно, в диалектах и азербайджанского языка, которые географически находятся в иноязычном окружении носителей автохтонных кавказских языков (Гаджиева 1979: 158–159).

Однако причины неодинакового развития надгортанных согласных в географически идентичных говорах, внутренние резервы того или иного говора для их зарождения и развития остаются нераскрытыми. В контактирующих с аварским языком говорах буйнакского диалекта кумыкского языка их нет. Из одинаково контактирующих с чеченским и ингушским языками говоров терского диалекта в одном из говоров абруптивы употребляются, в других — нет. В хасавюртовском диалекте они тоже не зафиксированы, хотя контакты с чеченским языком есть. Видимо, статус абруптивных согласных в ку-

мыкских диалектах находится в зависимости от того, когда эти контакты зародились и какой характер они носили.

Характерной особенностью даргинского языка является употребление инициального щелевого звонкого заднеязычного согласного [гъ]. В кумыкском литературном языке дистрибуция согласного [гъ] ограничена: данный согласный в начальной позиции слова не употребляется. Однако в алходжакентском говоре кайтагского диалекта нами обнаружено несколько слов, в которых в инициальной позиции используется согласный [гъ]. Это слова ***гъянчI*** *эт* // дарг. ***гъянчI*** *варес* ‘сжимай’[1], ***гъянчIалай*** ‘сжимает’, ***гъудур*** ‘слякоть’[2], ***гъявгулай*** ‘моется’, ***гъявгада*** ‘раньше’, ***гъурулдай*** ‘гавкает’, ***гъургъур берме*** ‘не пугай’, ***гъяргъяр*** — звукоподражание и т. д. На наш взгляд, это тоже является результатом даргинского влияния на кайтагский диалект кумыкского языка.

Звонкая переднеязычная аффриката [*дз*] не свойственна кумыкскому языку, но является характерной особенностью некоторых диалектов даргинского языка. Она не находит широкого употребления в кайтагском диалекте кумыкского языка, как, например, абруптивные согласные, о которых говорилось выше, но тем не менее в словах *кадза* ‘мотыга’, *кандзи* ‘лестница’, а также в собственном имени *Адзи* по своим артикуляционным свойствам кумыкский диалектный [*дз*] полностью совпадает с даргинским смычно-щелевым согласным [*дз*].

Рассматривая фонетическую систему кайтагского диалекта кумыкского языка, нельзя не обратить внимания на артикуляционную природу переднерядного гласного [*аь*] в диалекте.

В кумыкском литературном языке [аь] является аллофоном заднерядного гласного [а], а в даргинском выступает в качестве самостоятельной фонемы. Элементарный слуховой сопоставительный анализ звука [аь] в кайтагском диалекте кумыкского языка, в кумыкском литературном и даргинском языках показывает, что данный гласный по своим артикуляционным свойствам близок даргинскому фарингализованному [а]. Кумыкский литературный и даргинский

---

[1] В инициальной позиции согласный **гъ** в этом слове употребляется и в уллубийаульском говоре подгорного диалекта.

[2] В соседнем отемишском говоре в этом слове вместо **гъ** используется **х**, как и во многих других говорах кумыкского языка.

фарингализованный [а] находятся в градуальной оппозиции по признаку раствора рта: даргинский [а] обладает большим раствором, чем кумыкский. Характерной особенностью кумыкского диалектного [аь] является энергичный подъем вверх спинки передней части языка и приближение ее к средней части твердого нёба. Такой же характеристикой обладает и даргинский [а]. Кроме того, кумыкский диалектный [аь] по сравнению с литературным характеризуется более заднерядной артикуляцией. Таким образом, имеются все основания полагать, что кайтагский кумыкский [аь] соответствует по своим артикуляционным свойствам даргинскому фарингализованному [а].

Отемишский говор исследуемого диалекта отличается наличием литературного переднерядного гласного [аь] и диалектного фарингализованного [аь], заимствованного из даргинского языка.

Различия этих гласных можно продемонстрировать на следующих заимствованиях из русского и даргинского языков: в произношении слова *маьшин* носители отемишского говора произносят переднерядный [аь], полностью совпадающий с кумыкским литературным [аь], а в слове *къаьгъа* ‘щебень’, заимствованном из даргинского языка, они произносят фарингализованный гласный [а], совпадающий с даргинским фарингализованным [а].

Аналогичное явление отмечено исследователями в других тюркских языках, подвергшихся влиянию дагестанских языков. Так, в нижнекатрухском диалекте азербайджанского языка вместо азербайджанского [э] употребляется ‘лакский’ [аь], но артикуляционно несколько отодвинутый назад (Джидалаев 1971: 78).

Не менее важным представляется тот факт, что [аь] в кайтагском диалекте кумыкского языка обладает фонемными свойствами. Вот примеры, где ярко прослеживаются конститутивный и дистинктивный признаки фонемы [аь]: *т**а**ла* ‘поляна’ — *т**аь**ла* повелительное наклонение глагола ‘ограбить’, *къ**а**гъа* ‘бьет, ударяет, стучит’ — *къ**аь**гъа* ‘щебень’, ***а**йир* ‘разделяй, дели’ — ***аь**йир* ‘охота’, *гь**а**ри*? ‘где?’ — *гь**аь**ри* ‘пропасть, обрыв’, *хъ**а**р* ‘зависящий’ — *хъ**аь**р* ‘груша’ — *къ**а**р* ‘снег’, *къ**а**йда*? ‘где?’ — *кь**аь**йда* ‘способ, вид’, ***а**з* повел. накл. глагола ‘худеть’ — ***аь**з* ‘мало’, ***а**ма* — союз ‘но’ — ***Аь**ма* ‘мужское имя’, *м**а**з* ‘крем’ — *м**аь**з* ‘подмастить’, ***а**й* ‘луна’ — ***аь**й* (междометие) и т. д. Заметим, что [*аь*] выполняет фонематическую функцию и в других тюркских языках, например, в азербайджанском (Алекперов 1971: 49).

Иногда при заимствовании происходит изменение звучания, не обусловленное какими-то фонетическими законами. Такое случайное, необязательное искажение внешнего облика слова бывает обычно при устном заимствовании слова. Данную мысль подтверждает фонетическое освоение многочисленных заимствований кайтагским диалектом кумыкского языка. Так, нам не удалось установить причины появления ларингального согласного [гь] в слове ***гь****урцIецI*[3] (дарг. *урцIецI*) ‘почка’, конечного гласного в слове *гьянчIукь****а*** (дарг. *гьянчIукь*) ‘глиняный карьер’, выпадения согласного [гь] в слове *пIяцIари* (дарг. *ба****гь****цIари*) ‘плоский пресный хлеб’, звукосоответствие в слове *цIерцI* (дарг. *цI****а****рцI*) ‘стрекоза’ и т. д.

Хочу обратить внимание на разное произношение одного и того же слова ***хъ****яца* (дарг. ***кь****яца*) в составе микротопонима ***Кь****яц1аламузе* — ***К****ацаламузе*— название самой высокой точки горы около сел. Маджалис, Маллакент, Чумли и в лексеме ***хъ****яца* ‘коза’. В микротопониме произношение слова ***хъ****яца* ближе к даргинскому произношению.

Исследователи не раз отмечали наличие абруптивных согласных в исконно кумыкских словах, объясняя это явление действием закона аналогии (Керимов 1967: 65). Мы же хотим обратить внимание на заимствованные из даргинского языка слова с абруптивными согласными, в которых в кайтагском диалекте кумыкского языка смычка представлена, а в соответствующем диалекте даргинского языка этой смычки нет. Ср.: кум. ***кь****янтIа* (дарг. ***хъ****янтIа*) ‘затылок’, ***чI****инт* (дарг. ***ч****интI*) ‘сочный, зеленый’, ***чI****ятIа* (дарг. ***ч****атIа*) ‘ласточка’, ***тI****ятIи* (дарг. ***тт****апри*) ‘шлепанцы’, *кьо****тI****а* (дарг. *хъу****т****аси*) ‘тупой’, ***чI****ятIа* (дарг. ***ч****ятIа*) ‘плоский’ и т. д. В этих случаях об аналогии говорить не приходится.

Одной из основных предпосылок проникновения значительного количества даргинских слов в кайтагский диалект кумыкского языка является широко распространенное в этом регионе двуязычие, которое поддерживается и некоторыми экстралингвистическими факторами. Как отмечает Н. С. Джидалаев, ситуация двуязычия может быть различной (Джидалаев 1982: 7). Исследуемый регион отличается различной степенью двуязычия. Во время диалектологических экспедиций в 1970–1990 годы мы наблюдали частичное двуязычие в селениях Туменлер и Янгикент, а в селении Маджалис — более вы-

[3] В алходжакентском говоре ларингальный согласный не появляется.

сокую степень двуязычия в речи старшего поколения. В последние годы в ситуации двуязычия наблюдается процесс угасания. Это объясняется более интенсивным влиянием русского языка. Молодое поколение, овладев нормами русского языка, общается не на одном из языков Дагестана, а на русском, что исключает возможность тюркско-дагестанского двуязычия в данном регионе. Двуязычный коллектив постепенно становится трехязычным, и функцию межнационального общения выполняет русский язык.

Исследование показало, что даргинские элементы в фонетической системе кайтагского диалекта кумыкского языка свидетельствуют о тесных и интенсивных исторических связях контактируемых языков. Гортанные смычные согласные являются своеобразным элементом фонетической системы кайтагского диалекта, отличающим его от других диалектов кумыкского языка. Вопрос о фонемном статусе гортанных смычных согласных до сих пор остается открытым. На наш взгляд, в некоторых случаях исследуемые звуки выполняют основную функцию фонемы — сигнификативную, т. е. различают смыслы слов.

Литература

Алекперов А. К. 1971. *Фонематическая система современного азербайджанского языка*. Баку: Элм.

Алиев У. Б. 1960. Диалектное членение языка карачаевцев и балкарцев. В сб.: *Вопросы диалектологии тюркских языков*. Т. 2. Баку: Издательство АН Азербайджанской ССР.

Гаджиахмедов Н. Э. 1983. Даргинские заимствования в кайтагском диалекте кумыкского языка. В сб.: *10-я региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Проблемы лексического состава диалектов и разработка диалектных словарей.* Грозный, 82.

Гаджиахмедов Н. Э. 1985. Даргинское влияние на кайтагский диалект кумыкского языка. В сб.: *Тюркско-дагестанские языковые взаимоотношения*. Махачкала: ДНЦ РАН, 115–127.

Гаджиахмедов Н. Э. 2001. К вопросу о даргинско-кумыкских языковых контактах. В сб.: *Актуальные проблемы синхронного, диахронического и контактного анализа языков Дагестана и Северного Кавказа на пороге третьего тысячелетия. Материалы региональной научной конференции*. Махачкала: ДНЦ РАН, 41–42.

Гаджиахмедов Н. Э. 1990. Образование глаголов от даргинских основ в кумыкском языке. В сб.: *Тезисы докладов 13-й региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков*. Майкоп: Адыгея, 30–31.

Гаджиева Н. З. 1979. *Тюркоязычные ареалы Кавказа*. М.: Наука.

Гаджиева С. Ш. 2000. *Кумыки*. Книга 1. Махачкала: Даг. книжн. изд-во.

Джидалаев Н. С. 1971. К постановке вопроса о лакском субстрате в нижнекатрухском диалекте азербайджанского языка. *Известия АН Азерб. ССР. Серия лит-ры, яз. и иск-ва*, № 1, 76–82.

Джидалаев Н. С. 1982. Тюркско-дагестанские языковые контакты. Общая характеристика. В сб.: *Тюркско-дагестанские языковые контакты*. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН, 7–19.

Джидалаев Н. С. 1990. *Тюркизмы в дагестанских языках: Опыт историко-этимологического анализа.* М.: Наука.

Дмитриев Н. К. 1940. *Грамматика кумыкского языка*. М.; Л.: Издательство АН СССР.

Загиров В. М., Буржумова С. Н. 2013. *Тюркские лексические заимствования в табасаранском языке*. М.: Academia.

Керимов И. А. 1952. *Кайтагский диалект кумыкского языка*. Автореф. дис. ...канд. филол. наук. М.

Керимов И. А. 1967. *Очерки кумыкской диалектологии.* Махачкала: Дагучпедгиз.

Русско-азербайджанский словарь. 1991. Баку: Главная редакция Азербайджанской Советской энциклопедии.

Селимова Г. А. 2000. *Нахско-дагестанские заимствования в диалектах кумыкского языка*. Автореф. дис. ...канд. филол. наук: 10.02.06 / Дагестанский гос. пед. ун-т. Махачкала.

Сельмурзаева Х. Р. 2012. *Кумыкские заимствования в чеченском языке*. Грозный: Изд-во Чеченского гос. ун-та.

Тадинова Р. А. 2006. *Тюркские лексические заимствования в системе северокавказских языков*. Дисс. ...д-ра филол. наук: М.

Таймасханова Т. Г. 1982. Географические названия даргинского происхождения в кумыкской топонимии. В сб.: *Тюркско-дагестанские языковые контакты (материалы и исследования)*. Махачкала, 131–135.

Тюркско-дагестанские языковые контакты (материалы и исследования). 1982. Махачкала: ДНЦ РАН.

Тюркско-дагестанские языковые взаимоотношения. 1985. Сборник статей. Махачкала: ДНЦ РАН.

Хангишиев Д. М. 1983. О фонетических и грамматических признаках иберийско-кавказских заимствований в кумыкском языке. В сб.: *10-я региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков. Проблемы лексического состава диалектов и разработка диалектных словарей.* Грозный, 128–129.

ОСОБЕННОСТИ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭМОТИВНЫХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ АГУЛЬСКОГО ЯЗЫКА С ТЕЛЕСНЫМ КОДОМ КУЛЬТУРЫ

С. Н. Гасанова
Дагестанский государственный университет

Язык как основа этноса вбирает в себя все национально-культурное своеобразие, ярко и образно отображающееся во фразеологических и паремиологических единицах как наиболее этноспецифических фрагментах языковой картины мира. Они предстают в виде фреймов, свернутых культурных текстов и позволяют реконструировать архаические представления людей как об окружающем мире, так и о себе самом. О. Н. Иванищева характеризует данный пласт языка «как хранилище материальной и духовной культуры народа» (Иванищева 2007: 18).

Видение языка через призму культурных кодов берет начало в трудах В. Н. Телия, В. А. Масловой, В. Красных и др. При определении понятия культурного кода С.М. Толстая предлагает разграничивать «сам код, первичные значения его элементов, их культурные (символические) потенции, условия и возможности их переноса на другие денотативные области. ⟨…⟩, а также свойства “принимающей стороны”, причины и условия применения к ней каждого конкретного кода и сам набор используемых по отношению к ней кодов» (Толстая 2007).

Говоря об особенностях этимологического отображения во фразеологии, Л.И. Петрова пишет: «Различные культуры в феномене человеческого тела находят форму своего воплощения. Это воплощение как проявление системы культурных ценностей ни в одной области языка не имеет такого непосредственного этимологического отображения, как в сфере фразеологии» (Петрова 2007: 136).

Наибольшую частотность в составе эмотивных ФЕ обнаруживают наименования частей тела, которые передают различные значения,

связанные с кинесикой (мимика, позы, жесты, походка и т. д.), что и будет предметом рассмотрения данной статьи — анализ репрезентации эмоций невербальными средствами во ФЕ агульского языка.

М. А. Гасанова и Д. С. Самедов, описывая телесный код культуры в паремиологической картине мира дагестанских языков, подчеркивают его центральное место в национальном культурном пространстве (Гасанова 2020: 3).

Эмоции, являющиеся, с одной стороны, частью объективной действительности, находят отражение в языке, а с другой, — участвуют в формировании языковой картины мира.

Классификаторами культурного кода могут быть «язык, особенности внешности, характера и поведения, определенные черты материальной и духовной культуры» (Сироткина 2010: 46).

Названия частей тела как семантическое ядро лексики любого языка обладают высокой фразообразовательной активностью. Соматизмы как компоненты ФЕ могут выступать и универсальными символами, стереотипами, и актуализировать специфические эксплицитные и имплицитные культурные смыслы.

Исследование фразеологических единиц агульского языка с неречевыми элементами коммуникации, выражающих эмоции человека, позволяет выделить следующие семантические группы.

1. **Горе, грусть, печаль**.

ФЕ *чIарар удас* (букв.: «волосы рвать») — жестовое описание крайней степени горя и отчаяния, обычно после потери близкого человека. Эквивалентная фразеологическая единица встречается во многих языках. Ср. в рус. «рвать на себе волосы».

В агульском языке функционирует еще одна синонимичная единица, используемая в той же ситуации: *суратар гIатIас* (букв.: «лица/щеки вырывать») — расцарапать, разодрать себе лицо до крови, оплакивая кончину близкого человека.

Меньшей эмоциональностью обладает ФЕ *чулан кIут акьас* (букв.: «в синюю кость превратить») — в состоянии горя наносить себе удары до синяков. Вербальным эквивалентом данной единицы является ФЕ *вавшавар акьас* (букв.: «бить себя, оплакивать / плачи делать»), где имплицитно присутствует указание на эти же действия.

Все отмеченные ФЕ обладают строгой гендерной соотнесенностью: только женщины могут позволить себе подобную экспрессию

и открытость в проявлении своего горя. Если этимологически такая форма проявления горя была непроизвольной реакцией на ощущение внутренней, физической боли от потери близкого человека, то затем это переходит уже в обычай, принятый поведенческий код женщин на похоронах.

Исламская религия запрещает такое выражение эмоций и нанесение вреда своему здоровью в проявлении горя: кончина человека — это воля Всевышнего, а подобное поведение означает несогласие с Его волей.

В семантическое микрополе «горе» входит еще одна ФЕ агульского языка — *куч атIас* (букв.: «косу резать»), которая описывает действие, являющееся внешним атрибутом горя: молодая вдова, мать, сестра покойного должны были, согласно обычаю [помимо облачения в черные траурные одежды — *кIарариъ уч1ас* (букв.: «в черноту влезть»)], в знак траура отрезать себе косы. Традиционная национальная форма покрытия головы женщин не позволяла это видеть, но обычай соблюдали.

На периферии данного поля находится ФЕ *ерид алархьас* / *ерид алархьуна Iешас* (букв. «плакать, обливаясь семью [слезами]») — горько плакать. Ср. в рус.: лить слезы в три ручья.

Состояние **печали** передают в агульском языке жестовые ФЕ с соматическими компонентами *кIил* «голова», *гардан* «шея»:

кIил кейхьас (букв.: «голова повесить») — опечалиться, голову повесить;

кIил кергIас (букв.: «голова надломиться») — опечалиться;

гардан аларгIас (букв.: «шея надломиться») — поник головой, опечалился.

Выражение глубокой печали репрезентировано посредством фразеологизма *кIил мухурил алирхIас* (букв.: «голова на/об грудь падать/ударяться») — быть в печали, идти с поникшей (надломленной головой), а также компаративной единицей *хил кейхьу неI суман хьас* (букв. «как курица, с повисшим [раненным] крылом быть»). Интересно, что в последнем фразеологизме вместо компонента *неI* «курица» может употребляться *ккекк* «петух», подчеркивая тем самым гендерного адресата: *Хил кейхьу* ***ккекк*** *суман «*Как петух с повисшим крылом» / *ГIеджизди руцай маркьа* «С жалким видом не ходи*»* / *Iурдиъ учIу джакьв суман «Как зимующий воробей»,* / *Раттаккайвелар маркьа «*Попрошайничеством не занимайся» (Г. Малагусейнов).

2. Крайнюю степень **сожаления, досады** выражает единица *тIубус кьацI атай гъузанас* (букв.: «палец кусая стоять/остаться»), а также компаративная ФЕ *кIилис гъван киркьу тарта суман хьас* (букв.: «голове камень попавший пес как быть») — испытывать чувство сожаления, досады.

Среди ФЕ, выражающих неодобрительное отношение к чему или кому-либо, можно отметить:

хъехъвер фагъихьас (букв.: «носы вздергивать») — выразить мимикой презрительное отношение к кому-либо или чему-либо;

селебаригIас гъургъас (букв.: «между зубами разговаривать») – разговаривать сквозь зубы, выражать свою злость, недовольство;

улар-муулар акьас (букв.: «глаза-губы сделать») — мимикой демонстрировать недовольство или предупреждать о чем-либо.

3. Физиологически непроизвольную реакцию на **страх, испуг** передают в агульском языке ФЕ:

лекар зурзас (букв.: «ноги дрожать») — испугаться; *ноги задрожали от страха*;

гIан хъучадивас (букв.: «нутро сжиматься») — предчувствие беды, страх;

гIан кIакIар хьас (букв.: «нутро задрожать») — испугаться;

джан хиттанас (букв.: «тело затрясти») — испугаться, предчувствовать беду.

Состояние сильного ужаса, страха передает также ФЕ с компонентом «волосы»: *чIарар са-сатти гъутIуне* (*букв*.: «волосы по одному встали») — ср. с русск.: *волосы дыбом встают*.

4. Отрицательные эмоции **гнев, ярость, злость** выражают в агульском языке такие ФЕ, как *селебар ругIас* (букв.: «зубы молоть») — скрежетать зубами от злости, *иъ руьхьес* (букв.: «кровь вскипеть»), *иъ рутас* (букв.: «кровь свернуться») — разгневаться.

Символами ярости и гнева выступает **огонь,** локализующийся как в глазах человека *улариъас цIабур ададес* (букв.: «из глаз огни идти/спускаться»), так и в целом в облике человека*: цIа хъуссай адес* (букв.: «огонь рассыпая прийти») — быть в гневе, ярости.

5. Фразеологические единицы, выражающие чувство **радости** или **счастья.** Радость, как и горе, физиологически ощущается одинаково

всеми людьми. Но языковое выражение, вербально или имплицитно указывающее на те или иные жесты или мимику, может обнаруживать специфические особенности поведения, связанные с этикой, нормами поведения, принятыми в том или ином обществе.

ФЕ *сив ибрарихъди ушуне* (букв.: «рот до ушей пошел/растянулся») — сильно обрадовался — в агульском языке имеет отрицательный, иронический подтекст. В основе отрицательной коннотации данного выражения лежат дагестанские адаты, нормы поведения, согласно которым женщина не должна громко смеяться не только на людях, но даже и дома. Если даже улыбалась или смеялась, то должна была прикрывать рот рукой, не привлекая тем самым излишнее внимание к себе окружающих.

Эмоциональность, доходящая до восторженности, представлена фразеологизмами *заварикес вес* (букв.: «по небу идти»), *усак лекар кидирхIас* (букв. «к земле ног не прикоснуться») — обрадоваться, быть на седьмом небе от счастья. Сдержанная радость: *муулифас элхъ фаттвес* (букв.: «около губы улыбка пройти») — едва заметная улыбка и *улар элхъенди хьас* (букв. «глаза смеясь») — улыбаться глазами.

6. Семантика **удивления** и **изумления** передается ФЕ с компонентами *сив* «рот» и *улар* «глаза»: *сив ккерхьуна. илгванас* (букв.: «рот выпав, остался») — остаться с открытым ртом; *улар агъикIас (*букв.: «глаза выпучить») — выпучить глаза от удивления.

7. Соматизм *ул* «глаз» в агульском языке в составе ФЕ символизирует также и ***презрени****е*: *лекулас кIилилди ул алагъас* (букв.: «с ноги до головы глаз провести») — презрительно посмотреть на кого-либо, провести взгляд с головы до ног. Высокомерный вид человека репрезентируют ФЕ с компонентами *кIил* «голова» и *хъехъв* «нос». ФЕ *хъехъвериъ уфар ихьай гъузанас* (букв.: «нос раздувая стоять») — высокомерно держать себя, *кIил гъутIуна аруцас* (букв.: «голову подняв ходить») — проявлять своим внешним видом высокомерие.

Таким образом, проведенный анализ фразеологических единиц с телесным кодом культуры, выражающих эмоции человека, показал, что компоненты-соматизмы указывают на жесты, мимику или телодвижения, выступая средством проявления психоэмоционального состояния человека. Специфические особенности ФЕ эмотивной се-

мантики агульского языка связаны не только с внутренней формой данных единиц, с особенностями восприятия мира носителями данных языков, но и с религиозными, культурными различиями. Они актуализируют комплекс как положительных, так и отрицательных человеческих качеств: интеллектуальные и эмоциональные состояния, различные морально-нравственные качества. Отдельные соматизмы, получившие в языковом сознании носителей соответствующую образно-ассоциативную интерпретацию, стали культурными знаками языка.

Литература

Гасанова М. А., Самедов Д. С. 2020. (авторы-составители). *Телесный код культуры в дагестанской паремиологической картине мира*. Махачкала: АЛЕФ.

Гасанова С. Н. 2000. *Сравнительный анализ соматических фразеологических единиц восточно-лезгинских языков*. Махачкала.

Иванищева О. Н. 2007. *Язык и культура: учебное пособие*. Мурманск: МГПУ.

Петрова Л. И. 2007. Человеческое тело и эмоции в контексте лингвокультурологии. *Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*. 2007. №1. https://cyberleninka.ru/article/n/chelovecheskoe-telo-i-emotsii-v-kontekste-lingvokulturologii

Радбиль Т.Б. 2010. *Основы изучения языкового менталитета: учеб. пособие*. М.: Флинта, Наука.

Сироткина Т.А. 2010. Средства вербализации категории этничности в наивной картине мира. *Язык и культура*. №2 (10). https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-verbalizatsii-kategorii-etnichnosti-v-naivnoy-kartine-mira

Тер-Минасова С.Г. 2000. *Язык и межкультурная коммуникация*. М.: Слово.

Толстая С. М. 2007. К понятию культурных кодов. В сб.: Сборник статей к 60-летию Альберта Кашфуловича Байбурина. *Studia Ethnologica* АБ 60. — Санкт-Петербург, 23–31. https://www.rastko.rs/rastko/delo/13594

ХАЙДАКСКАЯ СКАЗКА «ДУХХУ РИРСИ»

У. У. Гасанова
Дагестанский государственный университет

Сегодня идет интенсивный процесс исчезновения языков и диалектов малых народов. Это происходит и с языками Дагестана. На наших глазах исчезают целые лексические пласты. Сокращается число говорящих на родном языке. С каждым годом людей, в совершенстве знающих или изучающих свой родной язык, становится все меньше. А знающих фольклор своего народа — тем более.

Наш опыт показал, что хайдакцы моложе 50–55 лет уже не помнят народные сказки, пословицы и поговорки, частушки. Опросы, проведенные нами, показали, что владеет фольклором родного языка лишь один из пяти участников опроса. Мы полагаем, что такое же положение наблюдается и по другим этносам.

С 2016 года в ДГУ функционирует НИЛ «Бесписьменные языки народов Дагестана», которым руковожу я. Нами уже собран солидный полевой материал по хайдакскому, кубачинскому, ахвахскому, арчинскому, каратинскому языкам. Идет сбор и по другим бесписьменным языкам.

Всего за последние 20 лет мною собрано более 40 хайдакских сказок, более 500 фразеологических единиц, более 300 пословиц и поговорок, около 30 страниц народных песен, частушек. Сбор еще продолжается.

В 2013 году был издан сборник «Хайдакские сказки», куда вошли 19 сказок с переводом на русский язык.

В 2017 году была издана книга «Кайтаг и кайтагцы». В книгу вошли история каждого кайтагского села (их 44), фотографии села, рассказы об известных людях села, стихи. Это мой восьмилетний труд. Все материалы о селах записаны мною лично со слов старожилов этих сел.

В 2020 г. увидел свет составленный мною «Русско-кайтагский разговорник». В него вошли тематически объединенные разделы

наиболее употребительных в повседневном общении слов и выражений, а также необходимый словарь-минимум и материалы справочного характера. Он адресован тем, кто самостоятельно решил изучить хайдагский язык.

Сказка «Умная девушка» записана мною в 2015 году в селении Шиляги Кайтагского района. Рассказала ее Патимат Гапизова (81 год), пенсионерка. Сюжет сказки известен у ряда народов Востока и Кавказа.

Эта сказка и многие другие фольклорные материалы хайдакцев записаны во время моих поездок в Кайтагский район (частные поездки, диалектологические практики и пр.).

При записи сказок и других материалов мы старались сохранить особенности того или иного хайдакского говора.

Работа по собиранию хайдакского фольклора продолжается.

Духху рирси

Цазаманалла талхъанра гьелела вазирра бихъул буживца гІяйри. Гьелтталла чевттар къвягъбикІул къвяна бегурца гьарцулли. Талхъан икІулца вазирци:

— Ци бикІул къвягъбикІулей къвяна?

— Абаргьид, — икІулца къараваш, — къвянала гъайкьал дул адаргьид.

— Ци важивдей атти и дамижи вазирцав бивли, къвянбалла гъайра ил адаргьул вигьаттал? Ил гьар цикІал дагьара гІягІнилца. Гьари, ил гъуршичи дуцци абурсаттал, цидей къвянал бибил, и дул гъуршла гъивхъанди!

ЦІакьли вакьунни цегъивцай вазир цинна хъил. Вазирла руживца ца рирси. Ил рикІулца аттаци:

— Ци агуллей, атта эттижи, цакьли вакьуни видидикква и?

— Аттала рирси, — икІулца вазир, — гъуршла ду талхъанни гьивхъунда.

ЦІил илел дурсивца сукли цабиштта гІяйри бярункъел агурдигьявти.

Рирси рикІулца:

— И, атта, цІакьли пикримаикІватти, дул баргьанда, къвянал къвягъбибил цидел, цІил ицци бурсанда.

Вазирла рирсилла руживца ца уртахъ, мискин, амма гьуна-биккал гIякьлучебил рирси. Илел сукли дунелцци дити миIцир жанна гъай даргьул руживца. Вазирла рирси дярххя дегъивгван регурца гьелеса. Бурсивца аттала чевттар.

Уртахъ рирси рикIулца:

— И марисатти, дул баргьид ци бибал къвянал. Къвянал бив: «Духху хьулунни авдал сувра духувиру». Гьелтягьялли бурса ила аттацци, талхъанци бурсахара, — рикIулца. — Аммаки, ил чиццира мабурсатти, дила чевттар.

Вазирла рирсилли цярунни аттаци бурсивца, къвянал ци бибал.

Шаладичивкъел, вазир вегурца талхъанса, дурсивца къвянала къвялла мягIна.

Талхъан разивичивца. ЦIил пикриухъунца: «Вазирли къвянбалла гъай адаргьу. Квантта багьуллей илел ци бурсибал къвянал? Чил бигьвалра жабав чибурсивца гьелецци. Гьел мейдан варккара гIягIнилца».

Талхъанса хабар бегъивца, цинна шагьарцци гьерриргьван, сукли мицIир жанна гъай даргьан духху рирсилла чевттар.

Талхъанна гьелин гьербиргьул буживца верал азгъин. Илтталли талхъанжи цейра гIяхIдехь бирул бужив акку, букунни буссунни гьербиргьул буживца. Талхъанни пикрибаривца, гьелтталццир кватти цакьли азгъинал багьара. Талхъан икIулца цинна гьерегъбиталцци:

— Букая гьелтти вералра азгъин урцулла хъил кабатай, цIил уцца кадакIай, хъил цIа чихьхьай.

ЦIалли равхбикIулца хъали, дихьби диччур кадиркул шикьдиживца азгъинталла бикIалжи. Гьелтталццир ца харчиццурца:

— ВяхI, иштягьялли вахт эцебегъив увкIаркьал!

Гьелей гьерегъ калгунтира харчбиццулли мялби уцца делкьунни ттурабичивца.

ЧIвел азгъин шикьбиживли акку. Цалци цIа чидиживца, итлил шикьвижив акку.

Талхъанци агур тяхIяр бурсивца гьерегъбиталли. Илел диршихивца цIара, цачихивца цинеса гьел багьлала азгъинра. ЦIил цачихивца гьет духху рирсира. Талхъан икIулца:

— Ду шаквичивда, ил дила вазиржи къвянала гъай чидурсибилжи. Гьана ил гьел цикIал марбарара чевлица. Гьел багьнал, и дул хьади луккунди гьеж азгъинжи. Улбертанда, ил бурсибил бархьлел акквел.

Талхъанни бучихивли, гьел рирсира азгъинра авлакъкъи бахьчибатухурца. Азгъин киссунца, гьел рирсилла гьаби улбетур акку, я гьелецци гъай бивли акку. Рирсилли пикрибаривца: «Дул марбиранда къвянал бурсибил».

Илел вахьчи ватурца вилцци вакни азгъин, цари регурца унра шилцци. Гьелин рарччивца ца пякьир рихъна хьулун, цяряхабай рикIулца иса гьерригьвахвара, ду этти кумекрикIул руганда. Хурег бирул, палтар ицул, хъали унзубирул руживца.

ЧIвел бари дичивкъел, гьассивли чIел бутIа чIвакьваннара царира регурца азгъинжи улбетара авлакъкъи. Азгъин цIакьли ккушвигьявли уживца, амма ил чирагара чяхъсетра вигьяв акку. Рирсилли кабишшивца ца бутIа чIвакьванна, гьелесар гIябал кканцла итевгван. ЦIил ил рикIулца:

— Эй, азгъин, гьиццара кьаст бейккув ила? Дул этти чIвакьва какъкъивда. — Азгъинни илби чяхъдаривца, чIвакьва чибаживца.

— Гьасса гьех, берква, — рикIулца рирси, цари итевгван карживца.

Азгъин ца бара шикьциживца, цаникIва хъус-хъусвиживли гьел чIвакьванна бутIа гьассивца, беркунца. Рирсилли чIвелъибил бутIара беччивли илей, цари хъил гьагурца.

Гьерегъил барира ил цинна гIячу даривли гьерегъ, кагурца азгъинса, нара чIвел бутIа чIвакьваннара гьассивли. На илел чIвакьва кабишивца азгъинсар вецIал кканцла итев.

— Гьасса, — рикIулца ил, — икIун ккушлиди.

Азгъинни улбетулли чибаживца сса эттан гьаттира итев кабишшив чIвакьва. Гьаттира итев карижив рирсира чираживца. Ккушдехьли ил хъусикIул вярунни, гьассивца ца бутIа. Рирси гьагурца хъил, гьаттира итев кабишивли чIвелъибил бутIара царира.

ГIявъибил бари илел азгъин кишел езухъли варччивца. ЦIил чIвакьванна бутIара ккалкканна кьялей кабишивца, азгъинсаттар гIяхIли гьарахъли. Рирси рикIулца:

— Гьицци, гьет ккалкканна кьялиппалжи кабишшивли чIвакьва, гьасса, берква.

Чибаживца азгъинни ккалкканци кабишив чIвакьва, цара барижил бейку, гьуна абиккулхьал гIямал бейку. ХъусикIул цяунца ккалкканса, някъ сагьабатурца чIвакьванжи, чигьерхулли акку. Ил кассара багьнал гьиццара чибичивца. Ахирра ахир, гьассивли гьел бутIа беркунца. ЧIвелъибил бутIа рирсилли гьарахъли бити ккалкканци кабишивли регурца хъил.

Гьерегъил барира кярунца рирси, какъкъивли чIвакьвара царира. Ца бутIа кабишивца чяхъилгван кьялинжи, итлил бутIа — багь хъарци. Рирси рикIулца:

— ГьекIти чIвакьванна бутIни, гьасса, церква.

Азгъин абикку-абиккул гьиццурца, ккалкканци гьурчIара чибичивца, цIил гьассивли гьелтти бутIни деркунца.

ЦIил гьерегъил барира кярунца рирси, какъкъивли чIвакьвара царира. Ца бутIа кабишивца азгъинсар гIяхIли итев къаркъанжи. Рирси рикIулца:

— Гьара гьет къаркъанжи чIвакьва билли, вя гьасса.

Цинни бигьвалли, гьел бутIа, азгъин мякьи цегъивгван, гьассивли гьаттира итев букъивца. Гьелттижил чIвакьванжи гьерегъ вашухул азгъин цачивца рихънала хъил. ЦIил рирси рикIулца:

— Иж этти талхъанна кIялгIя акку, и этти бикканкъел валхана. Биккулдив укана — улши! Абиккулдив улшана — вя этти бикканци! Этти ижин кIунал чIвакьва дейкку!

Азгъин никIалжи калгунца такIверттивли кицциулли. ЦIил рирсилли беччивца къуткъа някъци, весунца шиней, гьелела гьерегъ беччивца беретта, урцул дурттихивца.

Гьел бариннакIин гьелтти сув-хьулун барх рихънала гьелин булшун буживца. Багьла-багьлал азгъин вялхъя вигьявца, цIевцIунца, сукли гIячу дирара кижившца. Илтти ччвакквал барх гьеркабигьявца.

Цазаманалла талхъанна гьелин гIячударахара укка бурцул буживца. Царалццир варх гьел азгъинра уживца.

Хабарра акквалли талхъанн вазир вевчIивца. ЦIил вевчIив вазирла муссан гьел рирсилла сув вазир варивца. Гьелин илел гIявра гIячу дирул уживца, гIякьлучевли шикьикIул уживца. Талхъан илей цIакьли разил уживца. Сахъ талхъан икIулца гьел вазирци:

— Ахирра-ахир, дам духху вазир вичив! Бурса гьари, кванттар и гьелгван духуци цичивдей?

— Духху хьулунни авдал сув духхувиру, — икIулца вазир.

Талхъан шаквичивца, ил гьет духху рирсилла сув вигьнилжи. Гьет рирсилли цинна гъай марбарибилжи.

Умная девушка

Однажды хан ехал со своим вазиром на охоту. Над ними с карканьем пролетела ворона.

— Что она прокаркала? — спросил хан у вазира.

— Не знаю! Ведь это была ворона!

— Что же ты за вазир, если не знаешь? Ты все должен знать. Если до завтра ты не скажешь мне, что прокаркала ворона, я прикажу казнить тебя!

Мрачный вернулся вазир с охоты домой. У него была дочь.

— Отец, чем вы огорчены? — спросила она его.

— Ай, дочка, завтра хан казнит меня.

И он рассказал дочери, что произошло на охоте.

— Не огорчайтесь, отец, я постараюсь узнать, что прокаркала ворона.

Дочь вазира дружила с одной бедной девушкой, которая жила в том же городе и славилась умом. Эта девушка понимала язык птиц и животных. Дочь вазира надеялась на ее помощь и ночью побежала к ней.

— Не плачь, я скажу тебе, что прокаркала ворона, — сказала умная девушка ей. Ворона прокаркала: «Умная жена глупого мужа сделает умным». Ты передашь мои слова своему отцу, и хан оставит его в живых, но никому не говори о том, что я тебе сказала.

Дочь вазира пришла домой и сказала отцу, что прокаркала ворона. Утром, когда вазир вошел к хану, тот сразу же спросил его:

— Ну, что же вчера прокаркала ворона?

— Ворона прокаркала: «Умная жена глупого мужа сделает умным».

Хан не мог ничего возразить вазиру, но про себя подумал: «Вазир не знает языка птиц. Откуда же он узнал, что прокаркала ворона? Видно, кто-то научил его. Надо найти того человека».

Как-то раз хану донесли, что в его городе живет одна очень умная девушка, которая знает язык животных и птиц.

У хана при дворе жили семь лентяев. Целые дни они ничего не делали, только ели и спали. Хан захотел узнать, который из семи лентяев самый ленивый. Для этого он велел перевести лентяев в деревянный дом, запереть их там и поджечь дом со всех сторон.

Пламя охватило дом. Горящие бревна и жерди стали падать на головы лентяев.

— Э, да так можно умереть раньше срока! — вскричал один из них, и вскочил с места. За ним и другие лентяи стали выбивать окна и двери и выскакивать наружу.

Только два лентяя не двинулись с места. Один уже начал гореть, но другой даже не пошевелился.

Об этом доложили хану. Хан велел потушить пожар и привести к нему самого ленивого из них. Потом он велел позвать умную девушку и сказал:

— Вазир мой не знает языка птиц. Ты подсказала ему, как ответить мне. Теперь ты должна доказать, правду ли сказала ворона. Выдаю тебя замуж за самого глупого и ленивого человека моей страны. Посмотрим, верно ли сказала ворона.

Хан приказал отвести лентяя с девушкой в лес. Лентяй лежал, не шевелясь, даже не поворачивал головы в сторону девушки и не разговаривал с ней. «Хорошо, я докажу, что ворона сказала правду», — подумала девушка.

Она не стала разговаривать с лентяем, оставила его одного лежать в лесу, а сама пошла в ближайший аул. Там она нашла одинокую бедную старушку, попросилась к ней жить, стала ей помогать по хозяйству, стирать, варить пищу, убирать дом.

Через день девушка взяла две лепешки и пошла в лес к лентяю. Лентяй сильно проголодался, но при появлении жены даже не поднялся. Девушка положила одну лепешку в трех шагах от него и сказала:

— Эй, лентяй, может быть, ты встанешь? Я принесла тебе лепешку. — Лентяй открыл глаза. Девушка показала ему лепешку.

— Возьми ее и съешь. Ведь ты голодный, — сказала она, а сама села поодаль.

Лентяй взглянул на хлеб. Голод расшевелил его. Медленно протянул он руку, но не достал до лепешки. Тогда он прополз немного, взял лепешку и с жадностью съел. Девушка отдала ему вторую лепешку и ушла домой.

На другой день убралась она по хозяйству и опять с двумя лепешками пошла к лентяю. На этот раз она положила хлеб в десяти шагах от него.

— Возьми хлеб, ведь ты голодный! — сказала она лентяю.

Лентяй услышал слова девушки, повернул голову и увидел, что лепешка лежит от него далеко, а девушка сидит еще дальше. Ему пришлось ползти к хлебу. Вторую лепешку девушка положила подальше и ушла домой.

На третий день она застала лентяя в том же положении едва живого. Она положила лепешку на нижних ветвях дерева, далеко от лентяя, разбудила его и сказала:

— Вставай, вон хлеб, возьми и съешь.

Посмотрел лентяй, увидел, что хлеб далеко от него, на дереве. Он подполз к дереву, протянул руку — не достал до лепешки. Пришлось лентяю встать, подойти к дереву и взять хлеб. Вторую лепешку девушка положила у другого дерева и ушла домой.

На следующий день она опять принесла две лепешки. Одну она положила на ветку дерева повыше и сказала:

— Иди возьми хлеб.

Лентяй медленно поднялся и, едва передвигая ноги, пошел к дереву. Пришлось ему лезть на дерево. Добравшись до хлеба, он с жадностью его съел.

Другую лепешку девушка положила на камень у дороги и крикнула лентяю:

— Вон хлеб лежит на камне, иди и возьми его!

Лентяй поплелся к хлебу.

Но девушка взяла лепешку и переложила ее еще дальше. Лентяй продолжал тащиться за хлебом. Так она привела лентяя во двор к старухе.

— Здесь не ханский дворец, чтобы тебя даром кормили! Хлеб надо заработать! Хочешь есть хлеб — работай. Не будешь работать — уходи! — сказала девушка.

Лентяй стоял в раздумье и смотрел на девушку. Она подала ему большой кувшин.

— Иди принеси воды.

Лентяй взял кувшин, принес воды. Она подала ему топор, указала на дрова:

— Наколи дров.

Не говоря ни слова, лентяй взял топор и наколол дрова.

С этого дня муж и жена стали работать в доме старушки. Постепенно лентяй стал хорошим работником, они зажили дружно и не знали нужды.

Однажды на службу к хану набирали людей. Вместе с другими попал во двор хана и тот, что был раньше лентяем.

Внезапно заболел и умер главный вазир хана. Лентяя сделали главным вазиром хана. В этой должности он сумел проявить много ума, находчивости, и хан был им очень доволен.

— Наконец-то у меня при дворе умный человек! — сказал как-то хан своему новому вазиру. — Но откуда у тебя взялся такой ум?

—Умная жена глупого мужа сделает умным, — отвечал вазир.

И хан узнал в главном вазире бывшего лентяя. Так умная девушка доказала правоту своих слов.

ДОМ ТАМ, ГДЕ НОЛЬ

М. А. Даниэль
НИУ Высшая школа экономики / МГУ имени М. В. Ломоносова

Расуллиммаши

Не помню, когда точно я познакомился с Расулом. Впервые мы встретились, по-видимому, в одной из экспедиций А. Е., кажется, мы возвращались с гор и переночевали *у него дома*. Расул вспомнит лучше. Я очень плохо помню начала, пока они не вырастают во что-то большее.

1. *Расуллиммак*: антропологическое

Расул очень любит рассказывать на торжественных мероприятиях, как легок на подъем был М. Е. Алексеев — сели, выпили и поехали на ночь глядя в Чародинский район. Но на фоне этого эмоционального рассказа Расула как-то скрадывается роль *самого Расула* — сел, не выпил и повез Михаила Егоровича в заданном им направлении. Мне трудно вспомнить все поездки по Дагестану, в которых Расул сажал нас в свою машину и вез туда, куда мы решали, что нам нужно попасть. Но очень хорошо помню одну поездку — это была поездка в Ицари — ощущение невысоких перевалов и гордость Расула за свое село, одно из самых красивых мест в Дагестане, где мне пришлось побывать. Стремление Расула опекать гостей в любом районе, в любом селе, куда ему доводится везти гостей, в Ицари ожидаемо приняло еще больший размах — родственник-зурнист, мед из ульев, прогулки по окрестностям, неожиданная башня. И ежегодно — ночевки с детьми в просторном доме, застолье, Ашура, Джума, а потом и невестки в качестве хозяек.

И вот, имея все это за плечами, именно благодаря Расулу, и только по ходу постепенного его перемещения в Москву, я начал понимать,

как устроен настоящий дагестанский человек и насколько непонимание этого устройства может создавать неожиданные затруднения. С детства было ясно, что друг должен помогать другу. С возрастом я понял, что настоящие друзья так и делают. Но вот что было для меня неожиданностью — дагестанец не считает, что помощь другу накладывает на того обязательства. Или, наверное, точнее — дагестанец никогда не выскажет своего ожидания в явной форме. А то, что сказано, то, что тебе предлагается, не всегда должно приниматься за чистую монету. В гораздо большей степени, чем я и многие из тех, кого я знаю, дагестанцы могут опираться на то, что в антропологии называется *the other's mind*, один из главных признаков разумного и социального, чтобы не сказать просто мудрого поведения.

Попробую пояснить эту мысль на примере. Много лет назад Расул приехал в Москву в научную командировку. Вскоре оказалось, что в профессорском общежитии МГУ он жить не может совершенно — это была то ли аллергия на пыль, то ли — мне хочется так думать — психологическая несовместимость со всем духом сталинского неоклассицизма. Ночи Расул коротал в разговорах с охранником (думаю, очень удивленного), а днем уходил в город — вдохнуть, выдохнуть и поработать. Долго так продолжаться не могло. Расул съехал и нашел другое жилье, потом еще, потом еще — в результате побывал и в резиновых квартирах, и в других местах, о которых, кажется, и сам не решался потом рассказывать. В общем, пожил жизнью московского гастарбайтера, только работать ходил не на стройку, а в библиотеку или в Институт языкознания. Он изложил мне все это, когда попросил помочь отвезти сумки с книгами на вокзал — он наконец, сказал он, нашел жилье. Пока я его вез по городу, выяснилось, что жилье это — в нескольких часах езды на электричке, и тоже вскладчину. Тут у меня в голове что-то щелкнуло — если Расул готов ездить несколько часов на электричке, то почему бы ему не пожить у нас на даче. Это тоже не близко, но уж в любом случае не дальше нескольких часов, и дом делить ни с кем не надо. Что я и озвучил немедленно Расулу. Расул промолчал. Я понял, что его такой вариант не устраивает и продолжил обсуждать другие варианты. Но через некоторое время оказалось, что их просто нет, и что мы продолжаем неумолимо приближаться к многочасовой электричке. Тогда я по простоте решил еще раз предложить ему нашу дачу. Результат был несколько иной, чем в первый раз, — он ни к кому особо не обращаясь, как бы в воздух,

спросил, насколько это удобно. Я стал пылко уверять его, что все в порядке. Расул молчал. Лишь через некоторое время мы наконец изменили маршрут и поехали в сторону Щелковского автовокзала.

Мне потребовалось еще некоторое время, чтобы осознать, что все-таки произошло, — Расул считал, что он не имеет права пользоваться моим предложением, ловить меня на слове. Я мог — думал он, — пригласить его только потому, что чувствовал по отношению к нему определенные обязательства, и он не имел права этим воспользоваться. То есть он никак не мог согласиться на мое приглашение с первого раза, это бы было устным признанием того, что мир строится на отношениях взаимозачета. Возможно, он на них строится, но говорить это вслух ни в коем случае нельзя. Я мог — подумал он — не мочь не предложить ему пожить у меня потому, что ситуация вынуждала меня сказать это вслух. То есть он не мог согласиться на мое предложение, это было бы непониманием правил речевого этикета, которые могли заставить меня — подумал он, — сказать то, что я сказал. Помню, как поразила меня эта сложность системы взаимных социальных обязательств, по-видимому, с детства выстраиваемая в сознании горца, на самом деле, описанная еще в «Детстве Чика» (Искандер 1994). В городе мы привыкли не только легко отказываться от помощи, но также легко не предлагать ее, и даже — немыслимо — вслух отказывать в ней, когда нас просят. Конечно, не грубо, со всеми возможными оговорками, но все же в конце концов отказать. Помыслить себе этого в Дагестане я не могу; но догадаться, что человек, который многие годы опекал нас, устраивал жить у себя дома на неопределенное время, кормил, поил, возил из аэропорта, в аэропорт и по самым неожиданным для себя маршрутам, не только не может вслух заявить свои права на взаимность, но даже чувствует необходимость отказаться от первого предложения помощи — вот это в мою городскую голову поместиться не могло, и даже и до сих пор не вполне уместилось (ср. также ниже пример 10).

2. *Расуллиммаш*: научное

Поговорим немного о лингвистике. Просто так, для приличия.

К. Ш. Микаилов выделяет в склонении арчинских существительных с одушевленной референцией Серию II локативов на *-та* (Микаилов

1967: 58). Как и другие локализации, формы на *-ma* присоединяют ориентационные показатели (в арчинском латив *-k*, элатив *-š,* аллатив (директив) *-ši*). Тем не менее, в описании А. Е. Кибрика эта форма отделяется от остальных локативов, так как образуется она не от косвенной основы, а неожиданным образом от формы родительного падежа. А. Е. Кибрик (1977а, замечательным образом, спустя ровно десять лет, и тоже на стр. 58) также описывает эту форму как «сочетание генитива с локализацией “ин”» и дает четкое толкование этой формы: обозначает «область пространства, находящуюся там, где живет данный объект». Ср. пример из текста:

(1) личный локатив в арчинском языке (корпусные данные)
ju-w hoc’:ał:a-š-du lo, ja-r ł:onno:l=u
этот-1 в.Гоцатле-EL-ATTR.1 парень тот-2 женщина=ADD
žu-n-t’u noʟ’-a d-aq’:u-li, uqʿa-li
сам.1-GEN-4.CONTR дом-IN 2-оставить.PFV-CVB 1.идти.PFV-CVB
i-w-di-li tu-w ***gurži-li-m-ma*** *noʟ’-a-k jak.*
COP-1-PST-CVB(EVID) тот-1 **грузин-OBL-GEN-LOC** дом-IN-LAT внутрь
‘Этот гоцатлинский парень, оставив жену у себя дома, пошел к тому грузину домой’.

Такую локативную категорию, в случае, если она получает специализированное выражение, часто называют категорией личного локатива (некоторые наблюдения над типологией личных локативов см. у Luraghi 2011, Creissels and Mounole 2011, Zhigulskaja 2015; а обсуждение специализированного личного локатива в одном из нахско-дагестанских языков, багвалинском, — в Кибрик и др. 2001: 224–226).

Морфологические трактовки Микаилова и Кибрика расходятся в отношении возможности для некоторых существительных образования локатива на *-ma* присоединением его прямо к корню (Кибрик 1977а: 54, Микаилов 1967: 58, прим 1). Список этих существительных невелик — два у Микаилова, пять у Кибрика. Микаилов считает эти формы нерегулярным способом образования локативов второй серии, а Кибрик — другой формой с иным морфологическим составом, а именно образуемой присоединением показателя IN *-a* к «старой косвенной основе» на *-mi-* (т. е. предположительно *-ma* < /-mi-a/). Относить формы типа *biq’ʷma* ‘в месте’ к формам «второй серии», как это делает Микаилов, кажется неправильным. Собственно формы на *-mma* образуются и у Микаилова, и у Кибрика только от имен

одушевленных, в то время как формы на *-ma* от прямой основы характерны для названий отрезков времени и имен с локативной семантикой, которые в этом смысле составляли бы исключение не только в формальном, но и в функциональном плане. Однако и постулировать для этих форм сложную деривационную историю, как это делает А. Е. Кибрик, тоже кажется излишним. Как нам представляется, речь идет о присоединении транскатегориального «внесерийного» локативного показателя *-ma*, который используется также при образовании локативных конвербов — того же показателя, который используется при образовании самих личных локативов прибавлением к форме генитива.

С учетом того, что арчинский генитив имеет показатель *-n*, такая деривация окончания *-mma* предполагает ассимиляцию окончания генитива /-n-ma/ → *-m-ma*. Микаилов приводит в пользу этого анализа следующий аргумент. У личных местоимений генитив не содержит сегмент *-n*, но имеет нечленимую супплетивную форму. Форма личного локатива образуется от этой супплетивной основы (в единственном числе — с нерегулярными чередованиями) прибавлением показателя *-ma*, не *-mma*; те же формы засвидетельствованы и А. Е. Кибриком (1977б, приложение 4), см. таблицу 1.

Таблица 1. Формы номинатива, генитива и личного локатива личных местоимений

	Номинатив	Генитив	Личный локатив
1 лицо ед. числа	*zon*	*w-is*, *d-is*, *b-is*, *is*	*as-ma*
2 лицо ед. числа	*un*	*wit*	*ut-ma*
1 лицо мн. числа			
(эксклюзив)	*nen*	*ulu, d-olo, b-olo, olo*	*olo-ma*
инклюзив	*nen*(=)*t'u*	*la*(=)*t'u*	*la*(=)*t'u-ma*
2 лицо мн. числа	*ž*^{w}*en*	*wiš*	*uš-ma*

Связь первого [m] в составе личного локатива *-mma* с показателем генитива *-n* можно таким образом признать доказанной (ср. также ниже формы личного локатива от рефлексивного местоимения, где показатель генитива оказывается отделен от *-ma*). Мы глоссируем формы личного локатива как морфологически сложные: *-m-ma* /-n-ma/ GEN-LOC.

Вообще говоря, формы и конструкции для выражения значения личного локатива, основанные на посессивных формах, нередки в языках мира (ср. собственно англ. *at my uncle's*), хотя в других нахско-дагестанских языках, насколько нам известно, в этой функции используется одна из обычных именных локализаций. Структурно близки арчинским, но менее грамматикализованны агульские лично-локативные конструкции типа *ze tisaʔ* 'у меня (дома)', букв. 'в моем там' (Солмаз Мерданова, в личном сообщении). А. Е. Кибрик, признавая, что форма арчинского личного локатива является «необъяснимой с точки зрения современного состояния арчинского языка», предлагает интересный сценарий ее грамматикализации путем стяжения конвербной конструкции с притяжательным местоимением, существительным 'дом' и локативным конвербом связки, по следующей схеме:

(2) предполагаемый сценарий грамматикализации личного локатива (Кибрик 1977а)

asma (< /is-ma/)	←	*is*	*noʟ'*	*i-ma*
я.GEN.LOC	←	4.я.GEN	дом	4.COP-LOC

'у меня дома' < 'там, где (есть) мой дом'

Обратим внимание на то, что в примере (1) выше наличие слова 'дом' в форме личного локатива по крайней мере не осознается, так как в том же предложении присутствует и локатив самого слова *noʟ'* 'дом'. Тем не менее, сценарий грамматикализации личного локатива, опирающийся на лексему со значением 'дом', не только кажется вполне ожидаемым, но и прямо засвидетельствован в языках мира, несмотря даже на относительно слабую изученность этой категории (ср. Kuteva et al. 2019: 233–236 для источников 'home' и 'house'). Особенностью в случае арчинского языка является то, что в данном случае предполагается грамматикализация не самого слова 'дом', а его *отсутствия*. В пользу гипотезы говорит следующее наблюдение Микаилова: генитивы личных местоимений первого лица единственного числа и первого лица множественного числа (эксклюзива) содержат показатели классного согласования с обладаемым, однако в формах личного локатива они имеют форму, ожидаемую для обладаемого четвертого класса (ср. таблицу 1). Мы не можем достоверно восстановить это обладаемое, однако существительное *noʟ'* 'дом' действительно принадлежит четвертому классу.

Ни Микаилов, ни Кибрик не сомневаются, что речь идет о формах, составляющих единое морфологическое слово. Если принять трактовку Кибрика, форма личного локатива получилась в результате универбации предикативной структуры — подчиненной клаузы. Возникает впечатление, что морфологическое слово содержит в себе нулевую вершину, которая контролирует классное согласование одного из его сегментов.

Арчинский язык представляет несколько примеров универбации лексических единиц, в результате которой синтаксис «сворачивается» в морфологию, однако в известных до сих пор случаях речь идет об инкорпорации матричного глагола в один глагольный комплекс с подчиненным глаголом при сохранении у матричного глагола некоторых предикативных свойств (Кибрик 1977а: 290–292; Даниэль, Майсак 2014; Maisak 2016; Chumakina 2018). В данном же случае речь идет о морфологизации именного синтаксиса, причем универбация предположительно включает синтаксический ноль — контролер согласования. Нельзя ли считать, что формы генитива в составе личного локатива окаменели, и тем самым избежать необходимости постулировать домен согласования, запертый в морфологическое слово?

В формах личных локативов не только префиксальный слот согласования местоимений является мишенью согласования. В составе инклюзивного и возвратного местоимений в арчинском языке лексикализовалась контрастивная энклитическая частица, которая содержит инфиксальный согласовательный слот. Контролер согласования для такой частицы выбирается по общим правилам — если местоимение занимает позицию в домене клаузы, контролером согласования является номинативный аргумент, а если местоимение выражает посессора — контролером согласования является обладаемое (см. обзор в Chumakina et al. 2016, а также статью Chumakina 2021 в наст. сб.).

В первом столбце таблицы 2 приводится форма номинатива; в номинативе частица не изменяется по классу, так как ее контролером является само местоимение (в случае личных местоимений множественного числа вместо ожидаемого показателя HPL ‘личное множественное’ в арчинском используется особый тип согласования, совпадающий с четвертым, неодушевленным, классом и с классом NPL ‘неличное множественное’ — см. о данном явлении Кибрик 1972, Chumakina et al. 2007, Corbett and Baerman 2013). Во втором

столбце приведены формы генитива; в таких контекстах согласовательный слот частицы контролируется вершиной именной группы (классом обладаемого). В составе личных локативов, приведенных в третьем столбце таблицы, как и предсказывает гипотеза Кибрика, частица имеет форму на *-t'u*, то есть согласуется по четвертому классу, в соответствии с классом предположительно опущенной вершины. Разделитель перед частицей взят в скобки, чтобы отразить тот факт, что частица в составе местоимения лексикализована.

Таблица 2. Формы номинатива, генитива и личного локатива инклюзива и рефлексива

	Номинатив	Генитив	Личный локатив
инклюзив	*nen*(=)*t'u*	*l*(=)*o-w-u, la*(=)*r-u, la*(=)*b-u, la*(=)*t'u*	*la*(=)*t'u-ma*
рефлексив (1)	*inž*(=)*a-w*	*žu-n*(=)*a-w, žu-n*(=)*a*≺*r*≻*u, žu-n*(=)*a*≺*b*≻*u, žu-n*(=)*t'u*	*žu-n*(=)*t'u-ma*
рефлексив (2)	*inž*(=)*a*≺*r*≻*u*	*že-n*(=)*a-w, že-n*(=)*a*≺*r*≻*u, že-n*(=)*a*≺*b*≻*u, že-n*(=)*t'u*	*že-n*(=)*t'u-ma*
рефлексив (3)	*inž*(=)*a*≺*b*≻*u*		
рефлексив (4)	*inž*(=)*a*≺*t'*≻*u*		
рефлексив (HPL)	*ža-b*(=)*a*≺*b*≻*u*	*ža-n*(=)*a-w, žu-n*(=)*a*≺*r*≻*u, žu-n*(=)*a*≺*b*≻*u, žu-n*(=)*t'u*	*ža-n*(=)*t'u-ma*

Ср. следующий пример (рефлексивная форма здесь выполняет не вполне рефлексивную функцию отсылки к главному протагонисту, но к существу обсуждаемых здесь фактов это отношения не имеет):

(3) личный локатив, разрываемый частицей в составе рефлексивного местоимения (корпусные данные)
χit:a вапа-χut š:umaj, jurвan=nu
потом там.выше-TRANS вниз.по.течению одеяло=ADD
bo-so-li, jurвan-n-a-k u≺*w*≻*ču-li,*
3-взять.PFV-CVB(EVID) одеяло-OBL-IN-LAT ≺1≻класть.PFV-CVB(EVID)
žu-n-t'u-ma *noL'-a-ši χ*^{w}*:a-li*
сам.1-GEN-4.REFL-LOC дом-IN-ALL 1.нести.PFV-CVB(EVID)
'Потом они вниз по реке, взяв одеяло, завернули его в одеяло и отнесли его к себе (к нему) домой'.

Иногда частица в составе таких местоимений не выделяется; считается, что, поскольку функция ее в сочетании с данной местоименной основой лексикализуется (инклюзивность, рефлексивность), она составляет с местоимением одно целое, что в принципе позволило бы и тут избежать необходимости говорить об интернализованном синтаксисе. На наш взгляд, такой анализ встречает определенные трудности, так как одна и та же частица входит в состав рефлексивного и инклюзивного местоимения при всех его основах — ср. формы номинатива для местоимений в таблице 2: *inž*(=)*aw* ‘сам’, но *žu-n*(=)*a-w* ‘самого его, свой (1 класс обладаемого)’ и так далее; *nen*(=)*t’u* ‘мы (INCL)’, но *la*(=)*t’u* ‘наш (INCL, 4 класс обладаемого)’ и так далее. Кроме того, частица следует в конце словоформы, после падежных показателей. Следовательно, между местоимением и сегментом *-t’u* естественно провести морфологическую границу. Возникает вопрос, что является контролером согласования частицы в формах личного локатива?

А. Е. Кибрик исходит из представления о том, что согласование местоимений в составе личного локатива утрачено — во всяком случае, он приводит только формы, в которых и префиксальный слот, и частица принимают наполнение, соответствующее четвертому классу (ноль и *=t’u*, соответственно). Более эксплицитно эту же точку зрения высказывает Микаилов. Оказывается, однако, что местоимения в составе личного локатива способны согласовываться иначе, чем по четвертому классу. Такие формы не встречаются в корпусе, но достаточно надежно подтверждены элицитацией. Я обязан указанием на них М. Э. Чумакиной, которая обнаружила их после прочтения первой версии этой статьи (что косвенно доказывает, что друзей хорошо иметь и не только в Дагестане; кстати, пользуюсь этим случаем, чтобы передать свою глубокую благодарность Т. А. Майсаку, который прочитал эту статью пять раз ⚘).

Ср. примеры (4–5):

(4) согласование личного локатива (элицитация):

а. ***is-ma*** *ustul-li-t* *kum-mul* *i*
4.я.GEN-LOC стол-OBL-SUP 4.есть-NMLZ 4.COP

б. ***b-is-ma*** *ustul-li-t* *kum-mul* *i*
3-я.GEN-LOC стол-OBL-SUP 4.есть-NMLZ 4.COP
‘У меня на столе есть еда’.

(5) согласование личного локатива (элицитация):

а. ***olo-ma*** *q'ʷat'-l-a* *χulle-t:-ib*
4.мы.EXCL.GEN-LOC улица-OBL-IN NPL.умереть.PFV-ATTR-PL
unsur i
бык.PL NPL.COP

б. ***b-olo-ma*** *q'ʷat'-l-a* *χulle-t:-ib*
3.мы.EXCL.GEN-LOC улица-OBL-IN NPL.умереть.PFV-ATTR-PL
unsur i
бык.PL NPL.COP
'У нас на улице лежат (=есть) умершие быки'.

Наряду с конструкцией в (4–5а), в которой фигурируют формы личного локатива, записанные А. Е. Кибриком (с той поправкой, что наши консультанты вместо нерегулярной формы *asma* используют регулярную форму *isma*), возможна форма, в которой префиксальный слот заполняется показателем третьего класса (4-5б). Единственный возможный контролер согласования по третьему классу — локативная форма от слов *ustul* 'стол' и *q'ʷat'* 'улица' (третий класс), так как номинативы клауз контролируют согласование по четвертому классу (4) или по неличной множественности (5). Природа синтаксических отношений внутри этой конструкции не вполне ясна и требует специального исследования. Естественнее всего считать, что локативная форма (*ustullit*, *q'ʷat'la*) служит вершиной для зависимого (*bisma*, *boloma*) внутри локативной группы. Мы будем считать доказанным, что личный локатив может иметь формы, отличные от четвертого класса, которые в этом случае контролируются следующей за ним локативной формой, но что при этом допустима и форма с согласованием четвертого класса (указанием на эту теоретическую возможность, которая подтвердилась элицитацией и сыграет немаловажную роль в дальнейшем изложении, мы обязаны А. Н. Закировой).

Ключевой вопрос, который возникает в этой связи, — что происходит в таких контекстах с согласованием частицы в составе инклюзивного и рефлексивного местоимений. Убедительного ответа на этот вопрос у нас пока нет; в собранных нами примерах обнаруживаются не объясненные нами запреты, вероятно, сочетающие прагматические и грамматические предпочтения, а также включающие внешне похожие, но, возможно, имеющие иную структуру формы личных локативов (не подвергшиеся или не в такой степени подвергшиеся универбации). Так, нам не удалось надежно элицитировать формы ин-

клюзива или рефлексива с частицей, согласуемой не по четвертому классу, причем вместо предположительных форм *ʔlabuma*, *ʔžunabuma*, соответствующих (4б–5б), надежно подтверждаются лишь формы с согласованием четвертого класса, соответствующие (4а–5а); ср.:

(6) согласование личного локатива (элицитация)
а. ***žu-n(=)t'u-ma*** *ustul-li-t kum-mul i*
сам.1.OBL-GEN(=)4.PTCL-LOC стол-OBL-SUP 4.есть-NMLZ 4.COP
б. ****žu-n(=)a<b>u-ma*** *ustul-li-t kum-mul i*
сам.1.OBL-GEN(=)<3>PTCL-LOC стол-OBL-SUP 4.есть-NMLZ 4.COP
'У него на столе есть еда'.

(7) согласование личного локатива (элицитация)
а. ***la(=)t'u-ma*** *q'ʷat'-l-a χulle-tː-ib*
мы.INCL.GEN(=)4.PTCL-LOC улица-OBL-IN NPL.умереть.PFV-ATTR-PL
unsur i
бык.PL NPL.COP
б. ****la(=)b-u-ma*** *q'ʷat'-l-a*
мы.INCL.GEN(=)3-PTCL-LOC улица-OBL-IN
χulle-tː-ib unsur i
NPL.умереть.PFV-ATTR-PL бык.PL NPL.COP
'У нас на улице лежат (=есть) умершие быки'.

Складывается впечатление, что согласовательный слот, остающийся в форме личного локатива на внешней, левой периферии, оказывается доступен для «внешнего» согласования с локативной вершиной, в то время как слот, интериоризированный внутрь словоформы, допускает лишь согласование по четвертому классу.

Та же частица имеет и нелексикализованные употребления, являясь клитикой, которая выражает значение контрастивного типа и, в зависимости от сферы действия, может появляться как на вершине ИГ (ср. пример 8), так и на форме генитива (ср. пример 9):

(8) контрастивная частица на вершине ИГ (корпусные данные)
łːʷak i-tːu-t χˤor i šːaˤlla-r-tːu-t
рядом 4.COP-ATTR-4 село 4.COP Шалиб-QUOT-ATTR-4
tenik ***χːalmač'=ij<b>u*** *da<b>χi-r-t'u*
там **халмач=<3>CONTR** <3>ставить-IPFV-NEG
'Рядом есть село, называемое Шалиб, там халмача (переносной домик, в котором читают Коран у могилы усопшего) не ставят'.

(9) контрастивная частица на генитиве (корпусные данные)
ʕamal=či b-i=di wa-s, ʕamal marči-meː-n=u
характер=PTCL 3-COP=PTCL ты.OBL-DAT характер весь-OBL.PL-GEN=ADD
b-i, ***lobur-če-n=ij<b>u=wwu*** *b-i.*
3-COP **ребенок.PL-OBL.PL-GEN=<3>CONTR=ADD** 3-COP
‘Характер-то (хороший) у тебя, характер у всех хороший, и у детей хороший’.

В примере (9) контрастивная частица появляется на безвершинном генитиве; в корпусе не встретилось примеров на ее употребление на генитиве внутри ИГ, то есть на генитиве с выраженной вершиной. Оказывается, что контрастивная частица может присутствовать в составе формы личного локатива, что снова соответствует предлагаемой А. Е. Кибриком ее интерпретации как основанной на форме безвершинного генитива (ср. схему (2) выше). Такую структуру демонстрирует пример (10); возможна также альтернативная интерпретация примера (3) выше, при которой он представляет такую же структуру — т. е. не с частицей, лексикализованной в функции рефлексива, а с той же частицей в собственно контрастивной функции.

(10) контрастивная клитика в составе личного локатива (элицитация)
olo<=j<t’>u=>ma *χalq’ mu-ši*
4.мы.EXCL.GEN<=<4>CONTR=>LOC люди быть.хорошим-CVB
b-i uš-ma kilaw
HPL-COP вы.GEN-LOC чем
‘У нас-то люди получше, чем у вас’.

Однако и в этом случае нам не удалось надежно зафиксировать формы иные, чем последовательно согласуемые по четвертому классу. За неимением более подробных и надежных примеров примем эти данные как грамматический запрет и попробуем проанализировать доступный на настоящий момент материал.

Начнем с того, что контрастивная частица в составе личного локатива эксклюзивного местоимения не является лексикализованной, как в случае рефлексивного или инклюзивного местоимений. Здесь она выступает в той функции, в которой она свободно сочетается с составляющими разной природы, то есть является средством выражения значения уровня клаузы. Если оставаться на точке зрения Микаилова и Кибрика и считать личный локатив одним морфологи-

ческим словом, то статус частицы напоминает эндоклитики — клитики, в определенных условиях интегрирующейся в морфологическое слово и ведущей себя скорее как аффикс (об интернализованных клитиках в других нахско-дагестанских языках см. Harris 2002, Ganenkov et al. 2011, Maisak 2021); следуя глоссированию эндоклитик в некоторых удинских материалах, мы отражаем двойственную природу этих единиц особым типом разделителя <=...=> — ср. 10, где контрастивная частица находится до локативного показателя.

Однако в арчинском языке вместе с эндоклитизацией контрастивной частицы в состав личного локатива интегрируется согласовательный слот. Если это эндоклитика, считать форму четвертого класса в данном случае «окаменевшей» в составе личного локатива нежелательно. Действительно, форма выражает значение личного локатива как с контрастивной частицей (*olojt'uma* 'у нас-то'), так и без нее (*oloma* 'у нас'). Если это «живой» согласовательный слот, то он требует заполнения — а, следовательно, наличия контролера согласования. В примере (10) никакого потенциального контролера, который мог бы вызывать появление в контрастивной частице показателя четвертого класса *-t'-*, обнаружить не удается. Единственный эксплицитно выраженный потенциальный контролер находится в домене клаузы — это слово *χalq'* 'люди', которое должно было бы вызывать согласование HPL. Тем не менее частица принимает не форму *-jbu-* (/-ij<b>u/), а форму *-jt'u* (/ij<t'>u/). Следовательно, контролером согласования частицы является нечто четвертого класса (либо неличное множественное), являющееся вершиной, но ничем не выраженное.

Может ли эта невыраженная вершина быть синтаксическим нулем на уровне клаузы? Теоретически, да — в примерах (4-5б) мы видели, что контролером согласования в префиксальном слоте может являться имя в локативной форме, входящее в единую составляющую с личным локативом. Такую структуру можно представить схемой в (11а):

(11а) контролером согласования является локативная вершина (3 или 4 класс)

[CL-Pronoun.GEN-*ma* N-LOC]$_{AdvP}$

В примерах (4-5а) такое согласование отсутствует. Для них можно адаптировать тот же анализ, согласно которому контролером согласования является невыраженная локативная вершина, будь то

‘дом’, ‘место’ или просто обобщенное локативное значение с дефолтным согласованием. Одна из наших языковых консультантов предложила «поставить запятую» между личным локативом и локативной формой в конструкциях без согласования типа (5а), что указывает на возможное отличие синтаксической структуры в (5–6а) от (5–6б): во втором случае два локатива являются одной составляющей, а в первом — нет. Ср. структуру в (11б):

(11б) контролером согласования является локативная вершина, выраженная нулем (4 класс)

[CL-Pronoun.GEN-*ma* Ø]$_{AdvP}$ [N-LOC]$_{AdvP}$

На первый взгляд, примеры (1) и (3) не различают двух анализов, так как в (1) согласование вообще отсутствует, а в (3) личный локатив согласуется по четвертому классу, что может соответствовать как схеме (11а) (так как следующее существительной *noʟ’* ‘дом’ как раз и принадлежит четвертому классу), так и схеме (11б). Ту же структуру с нулевой вершиной, но без второй составляющей естественно предположить и для таких личных локативов, за которыми вообще не следует никакое локативное имя (пример 10), ср. схему (11в):

(11в) контролером согласования является локативная вершина, выраженная нулем (4 класс)

[CL-Pronoun.GEN-*ma* Ø]$_{AdvP}$

В рамках такого подхода мы принципиально закрепляем за личными локативами статус приименных зависимых, отличающихся от генитивов тем, что они требуют вершину в локативной форме — своего рода согласование по локативности. Однако у этого анализа есть несколько проблем.

Во-первых, в диахроническом плане не вполне понятно, в силу каких своих свойств локативный показатель -*ma* оказался способен присоединяться к форме генитива. Транскатегориальность показателя -*ma* крайне ограничена; в именной зоне он присоединяется к исходной форме небольшого числа существительных с локативной или временной семантикой, но не к падежным формам существительных. Этим он существенно отличается, например, от атрибутивизатора -*tːu*, который образует приименные атрибуты от падежных форм (в том

числе — от генитива), наречий и глаголов; или от квотативной клитики *=er*, которая, по-видимому, способна присоединяться к единицам любой природы. Свободно и продуктивно *-ma* используется для образования локативного конверба, что хорошо согласуется с гипотезой Кибрика, но не со структурой в (11).

Во-вторых, не вполне понятен механизм, который привел к грамматикализации данной конструкции. Если схема, представленная в (11), является исходным пунктом грамматикализации, то она существенно отличается от структуры, предполагаемой в качестве исходной А. Е. Кибриком. Согласно (11), контролер согласования находится вне формы личного локатива. По Кибрику, ‘дом’ находился внутри клаузы, подвергающейся универбации (ср. схему в (2) выше); причем в последнем случае использование *-ma* — его появление на связке *i* — не требует никаких дополнительных обсуждений, так как *-ma* является стандартным показателем локативного конверба. Принимая же (11), мы снова возвращаемся к вопросу о том, *зачем* для выражения личнолокативного значения понадобилась необычная конструкция с особым согласованием внутри AdvP.

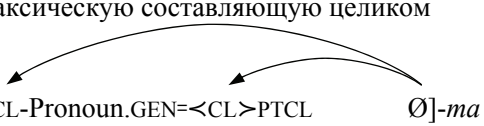
В-третьих, никак не объясняется запрет на внешнее согласование форм с эндоклитикой. Почему личный локатив рефлексивного и инклюзивного местоимения с лексикализованной эндоклитикой не позволяет внешнего согласования с локативной вершиной (6–7б), в то время как личный локатив местоимений первого лица с префиксальном слотом допускают такое согласование (4–5б)? Более того, почему местоимения первого лица перестают допускать такое согласование в том случае, если в их состав входит контрастивная (нелексикализованная) эндоклитика, как в примере (10)? Почему такие личные локативы имеют формы мишеней четвертого класса? Если предположить, что у таких форм присутствует внешняя нулевая вершина четвертого класса, как в схеме (11в), неясно, почему она не может быть заменена на вершину третьего класса, как в (11а), для которой (11в) является лишь частным случаем. Создается впечатление, что наличие эндоклитики блокирует для личных локативов возможность внешнего согласования.

Исходя из этого наблюдения, попробуем предложить такой анализ для формы *olo≺=j≺t’≻u=≻ma* в (10), который не опирается на наличие внешнего невыраженного контролера. Теоретически нейтральный анализ заключается в том, чтобы вернуться к анализу Кибрика и

Микаилова и считать, что по крайней мере в таких контекстах согласовательные слоты в составе личных локативов просто окаменели. Главное нежелательное следствие, которое имеет такой анализ, — это постулирование эндоклитики, которая, инкорпорируясь внутрь морфологического слова, с одной стороны, сохраняет свою фразовую контрастивную функцию (именно поэтому она является эндоклитикой, а не постфиксом, как в рефлексиве и в инклюзиве), но, с другой стороны, перестает быть мишенью согласования.

Другая альтернатива: считать, что показатель *-ma* оформляет составляющую, выраженную безвершинной ИГ в генитиве; ср. (12).

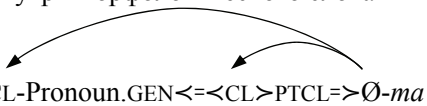
(12) альтернативная структура для личного локатива: кросскатегориальный локативный показатель оформляет двусловную синтаксическую составляющую целиком



В дагестанских языках вообще и в арчинском в частности такой подход иногда оказывается удобным, например, для описания атрибутивизации, при которой кросскатегориальный суффикс-атрибутивизатор может присоединяться к словоформе, находящейся на правой периферии составляющих разной природы. В (12) согласование внутри ИГ регулируется обычными правилами, причем генитивное зависимое, как и при полноценной вершине, может присоединять к себе контрастивную частицу. Как уже обсуждалось выше, показатель *-ma* тоже до некоторой степени кросскатегориален, присоединяясь и к глагольным основам (образуя локативный конверб), и к существительным (образуя формы с локативной и временной семантикой). Однако, в отличие от атрибутивизатора *-t:u*-CL, сочетаемостные возможности показателя *-ma* существенно ограничены. Кроме того, при таком анализе мы отвергаем интуицию А. Е. Кибрика и К. Ш. Микаилова, которые описывают личный локатив именно как единый морфологический комплекс (ср. также отмечаемую и А. Е. Кибриком, и К. Ш. Микаиловым нерегулярную морфонологию генитивов в составе личных локативов). Таким образом, модель, в которой этот показатель присоединяется к нулевой вершине именной группы, а вся конструкция признается синтаксическим, а не морфологическим комплексом, на наш взгляд, нельзя считать убедительной.

Наконец, наиболее теоретически неожиданной, но и наиболее, на наш взгляд, согласующейся с фактами, является постулирование в контекстах типа (10) нулевого контролера внутри самой морфологической формы личного локатива, причем доменом согласовании следует признать (безвершинную) именную группу, скрытую внутри морфологического слова.

(13) структура личного локатива: домен согласования (ИГ) заключен внутри морфологического слова



В каком отношении схема (13) находится к схеме (11)? Это два существенно разных анализа, которые с эмпирической точки зрения находятся в дополнительной дистрибуции: каждый из них объясняет свои примеры, но не способен дать вполне удовлетворительное объяснение другим фактам. Лучшее, что мы можем сделать на основании доступных данных, — предположить, что они действительно отвечают разным конструкциям, а именно внешнему (11) и внутреннему (13) согласованию личного локатива. При этом если в нормальной ситуации возможно и внутреннее, и внешнее согласование, то появление эндоклитики конструкцию с внешним согласованием блокирует.

Такое отношение между альтернативными анализами хорошо объясняется, если посмотреть на них с диахронической точки зрения, принимая сценарий грамматикализации, предложенный А. Е. Кибриком. Если личный локатив появляется путем универбации конвербной клаузы, то конструкция с внутренним согласованием (то есть с домом-нулем между генитивом и показателем *-ma*) была исходной. Внешнее согласование появляется в результате опрощения морфологизованной формы личного локатива. В ходе универбации внутренняя структура личного локатива теряет прозрачность, и префиксальный слот форм генитивов от местоимений первого лица освобождается из этого полупрозрачного домена согласования и становится вакантной мишенью. Форма личного локатива от местоимения ‘у меня’ CL-*is*(-)*ma* и ‘у нас’ CL-*olo*(-)*ma* похожа на форму генитива не только структурно (ср. ‘мой’ CL-*is* и ‘наш’ CL-*olo*), но и функционально — нахождение в личном пространстве часто развивается в направлении посессивного отношения. Такое развитие от-

мечено не только в различных языках мира (ср. фр. *chez*), но также в некоторых языках Дагестана (ср. ‘у волка из живота’ и другие багвалинские примеры в (Кибрик и др. 2001: 225)), в том числе и в арчинском (ср. пример Микаилова ‘У этой собаки на хвосте’ (Микаилов 1967: 59)). В качестве контролера по аналогии с посессивной конструкцией выбирается имя, которое следует за личным локативом, образует с ним единую группу и состоит в семантическом отношении, отчасти похожем на отношения обладания. Таким образом возникает новый синтаксический домен согласования, структурно похожий, но отличный от согласования генитива с его вершиной, что и создает столь необычную для дагестанских языков конструкцию, наблюдаемую в примерах (4–-5б) и смоделированную в схеме (11).

Осталось объяснить лишь почему переразложение блокируется в случае наличия в форме личного локатива эндоклитики. Мы предполагаем, что эндоклитика, попадая в середину морфологического слова, формально поддерживает морфологическую и морфосинтаксическую сложность его структуры. Эндоклитике, входящей в состав словоформы, необходим контролер, но ее положение внутри основы делает для нее затруднительным его поиск вне словоформы. Позиционно она не похожа ни на префиксальный слот, ни на клитику, из которой она получается эндоклизой. Поэтому она дольше сохраняет *воспоминание о доме*, и для нее оказывается более адекватным анализ с нулевым контролером внутри морфологического слова (схема 13).

Вероятно, существуют альтернативные интерпретации наблюдаемых фактов; кажется необходимым собрать и проанализировать другие примеры личных локативов. Основной целью этого раздела мы считаем пополнение эмпирической базы для дальнейшего изучения данного явления и предложить некоторые пути анализа — так сказать, затравку для теоретических споров в будущем.

3. *Расуллиммахут*: юбилейное

Расул — в хронологическом порядке мой не первый, не последний друг в Дагестане. Но именно у Расула — или правильнее сказать *через* Расула — я научился лучше понимать дагестанцев, не только его, но и многих других моих дорогих друзей. А все остальное, чем мы друг другу обязаны, пусть остается между нами.

Список сокращений

1, 2, 3, 4, HPL, NPL — согласовательные классы, ADD — аддитивная частица, ALL — аллатив, ATTR — атрибутив, CL — согласовательный класс (в обобщенном виде), CONTR — контрастивная частица, COP — копула, CVB — конверб, EL — элатив, ERG — эргатив, EVID — непрямая засвидетельствованность, EXCL — эксклюзивное местоимение, GEN — генитив, INCL — инклюзивное местоимение, INF — инфинитив, IN — локализация ‘внутри’, IPFV — имперфективная основа, LAT — латив, LOC — локатив, NMLZ — имя действия, OBL — формант косвенной основы, PERSLOC — личный локатив, PFV — перфективная основа, PL — множественное число, PST — прошедшее время, PTCL — частица, REFL — рефлексив, SUP — локализация ‘на верхней поверхности’, TRANS — транслатив.

Литература

Даниэль М. А., Майсак Т. А. 2014. Грамматикализация верификатива: об одной агульско-арчинской параллели. В сб.: *Язык. Константы. Переменные: Памяти Александра Евгеньевича Кибрика* / Под. ред. М. А. Даниэля, Е. А. Лютиковой, В. А. Плунгяна (гл. ред.), С. Г. Татевосова, О. В. Федоровой. СПб.: Алетейя, 377–406.

Искандер Ф. А. 1994. *Защита Чика*. М.: Книжный сад.

Кибрик А. Е. 1972. О формальном выделении согласовательных классов в арчинском языке. *Вопросы языкознания*, №1, 124–131.

Кибрик А. Е. 1977а. Опыт структурного описания арчинского языка. Том II. Таксономическая грамматика. Москва: Издательство МГУ.

Кибрик А. Е. 1977б. Опыт структурного описания арчинского языка. Том III. Динамическая грамматика. Москва: Изд-во МГУ.

Кибрик А. Е., Казенин К. И., Лютикова Е. А., Татевосов С. Г. (ред.). 2001. Багвалинский язык: Грамматика. Тексты. Словари. Москва: Наследие.

Микаилов К. Ш. 1967. Арчинский язык. Грамматический очерк текстами и словарем. Махачкала: ДФ АН СССР.

Chumakina M. 2018. Bound but still independent. In: Matthew Baerman, Oliver Bond and Andrew Hippisley (eds), *Morphological Perspectives: Papers in Honour of Greville G. Corbett*. Edinburgh: Edinburgh University Press, 281–299.

Chumakina M. 2021. The agreeing emphatic particle in Archi. This volume.

Chumakina M., Bond O., Corbett G. 2016. Essentials of Archi Grammar. In: Oliver Bond, Greville Corbett, Marina Chumakina and Dunstan Brown (eds), *Archi: Complexities of Agreement in Cross-Theoretical Perspective*. Oxford: Oxford University Press, 17–117.

Chumakina M., Kibort A., Corbett G. 2007. Determining a language’s feature inventory: person in Archi. In: Peter K. Austin & Andrew Simpson (eds), *En-*

dangered Languages. Special Issue of *Linguistische Berichte* 14. Hamburg: Helmut Buske, 143–172.

Corbett G., Baerman M. 2013. Person by other means. In: Dik Bakker and Martin Haspelmath (eds), *Languages across Boundaries: Studies in Memory of Anna Siewierska*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1–14.

Creissels D., Mounole C. 2011. Animacy and spatial cases: Typological tendencies, and the case of Basque. In: S. Kittilä, K. Västi, J. Ylikoski (eds), *Case, animacy and semantic roles*. Amsterdam: John Benjamins, 157–182.

Ganenkov D., Lander Y. and Maisak T. 2011. *The ordering of 'endoclitics' and the structure of verbal roots in Niž Udi*. Paper presented at the 3rd Vienna workshop on affix order "Advances in affix order research", Vienna, 15–16 January 2011.

Harris A. C. *Endoclitics and the Origins of Udi Morphosyntax*. Oxford: Oxford University Press, 2002.

Kuteva T., Heine B., Hong B., Long H., Narrog H. and Rhee S. 2019. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge University Press.

Luraghi S. 2011. The coding of spatial relations with human landmarks. From Latin to Romance. In: S. Kittilä, K. Västi, J. Ylikoski (eds), *Case, animacy and semantic roles*. Amsterdam: John Benjamins, 209–234.

Maisak T. 2016. Morphological fusion without syntactic fusion: The case of the "verificative" in Agul. *Linguistics*, 54(4), 815–870.

Maisak T. 2021. Endoclitics in Andi. *Folia Linguistica*, to appear.

Zhigulskaja V. 2015. *Towards a typology of personal locatives*. BA Thesis, HSE University.

ПАССИВНЫЙ БИЛИНГВИЗМ В ДАРГИНСКИХ СЕЛЕНИЯХ

Н. Р. Добрушина
НИУ Высшая школа экономики

1. Введение

Существует мнение, что жители соседних даргинских селений могут общаться друг с другом по принципу «каждый на своем» — не переходя на идиом соседа, но понимая его (Расул Муталов, личное общение; Сумбатова, Ландер 2014: 15). При этом остается непонятным, объясняется ли возможность взаимопонимания близостью идиомов или же является результатом выучивания соседского идиома вследствие долгого контакта. Этот вопрос интересен, в частности, для решения известной проблемы дивергентности даргинских идиомов — одни и те же идиомы считаются иногда отдельными языками, а иногда диалектами даргинского языка (Коряков, Сумбатова 2007; Муталов 2020; Коряков 2021). Наряду с собственно лингвистическими инструментами измерения дивергентности идиомов (такими как количество совпадающей базовой лексики и сходство в грамматике), одним из критериев близости идиомов является способность говорящих на разных идиомах понимать друг друга (см. обзор проблематики в Коряков 2017). Этот критерий, однако, трудно применять, поскольку, как указано выше, отличить «естественную» взаимопонимаемость идиомов от выученной непросто.

В настоящей статье обсуждаются данные полевого социолингвистического исследования четырех соседних даргинских сел — Кубачи, Урцаки, Сутбук и Ураги[1] (далее *кубачинская зона*). Будет показано, что пассивный билингвизм, характерный для этих сел, является

[1] За организационную помощь в этой и многих других поездках я благодарна Расулу Муталову — дорогому другу и надежному проводнику в мире горного Дагестана.

следствием близости идиомов в одних случаях и результатом почти осознанной установки (*языковой идеологии* — в терминах Pakendorf et al. forthcoming) — в других.

2. Материал исследования

В апреле-мае 2019 года состоялась социолингвистическая экспедиция НИУ ВШЭ в четыре села Дахадаевского района: Кубачи, Урцаки, Ураги и Сутбук[2]. Основной задачей экспедиции был сбор данных о языковом репертуаре местных жителей для проекта Атласа многоязычия Дагестана (Dobrushina et al. 2017). Данные собирались по стандартной методике проекта, описанной в (Dobrushina et al. 2020). Всем опрашиваемым задавались вопросы о владении соседскими идиомами (урцакинским в Кубачах, кубачинским и сутбукским в Урцаках, урцакинским в Сутбуке, кубачинским в Урагах), литературным даргинским, русским и кумыкским. С меньшей регулярностью задавались вопросы о владении аштынским, ицаринским и кайтагским и о том, как местные жители общаются в райцентре — Уркарахе. Кроме того, выяснялась способность читать и понимать Коран (на арабском). Помимо информации о способности говорить на идиоме или понимать его, в базе данных фиксировались также комментарии носителей относительно трудности идиома, типичном способе контактировать с его носителями, ситуациях контакта и т. д. Цитаты из этих записей приводятся в статье.

Таблица 1 показывает, сколько данных было собрано по каждому селу. Приведенные цифры включают в себя как непосредственно опрошенных, так и людей, данные о которых были получены косвенным образом (через близких родственников).

---

[2] Исследовательская группа состояла из десяти человек: М. А. Даниэль, Н. Р. Добрушина, А. Аксенова, П. Касьянова, А. Коновалова, С. Кудрявцев, А. Орлов, М. Сонькин, М. Чудновская, Е. Яцишин. Автор благодарен всем участникам группы за активное участие в сборе данных, и особенно Анне Аксеновой, Семену Кудрявцеву и Александру Орлову, высказавшим много ценных замечаний к первой версии этого текста. Особую благодарность автор выражает жителям селений Урцаки, Сутбук, Ураги и Кубачи, в первую очередь — М. Р. Магомедову и его семье.

Села Урцаки, Ураги и Сутбук сейчас примерно одинаковы по размеру. В каждом из них имеется около 30–40 хозяйств, школу посещают 20–30 детей. Кубачи значительно больше. В таблице 2 представлена динамика населения четырех сел согласно посемейным спискам и переписям разных лет (см. список источников в конце статьи).

Четыре села имеют общие границы: Кубачи, Урцаки и Ураги непосредственно граничат землями друг с другом, Сутбук имеет границы с Урцаки и Ураги (см. рисунок 1). Расстояние между соседними селами в пределах одного-двух часов пешего хода (4–6 км).

Таблица 1. Количество жителей села*, о языковом репертуаре которых собрана информация в 2019 году

	до 1919 г. р. включительно	после 1920 г. р. включительно	Всего
Кубачи	27	246	273
Урцаки	27	107	134
Сутбук	19	95	114
Ураги	8	115	123

* В указанное количество могут входить люди, которые являются родственниками жителей села, но сами провели свою жизнь в других местах.

Рисунок 1. Карта местности (Ю. Б. Коряков)

Таблица 2. Динамика населения сел Кубачи, Урцаки, Сутбук, Ураги

	1886	1895	1926	2010
Кубачи	2232	2241	1733	3055
Урцаки	511	521	504	299
Сутбук	363	359	327	286
Ураги	334	326	305	318

3. Результаты социолингвистического исследования

С языковой точки зрения выделяется село Кубачи. Как широко обсуждается в литературе, кубачинский идиом значительно отличается от других даргинских идиомов и в большинстве современных описаний считается отдельным языком (см. обсуждение проблемы в Магометов 1963). Такое представление характерно и для местных жителей, по мнению которых кубачинский язык совершенно другой, чем соседние. Как показало исследование, без опыта коммуникации между кубачинцами и жителями трех других сел нет взаимопонимания.

Жители сел Урцаки, Ураги и Сутбук говорят на различающихся, но близких диалектах. По данным, основывающихся на стословных списках, диалект селений Урцаки и Сутбука относится к сирхинскому типу, а диалект селения Ураги ближе к муиринскому. Однако местные жители не сообщают о принципиальном отличии диалекта Ураги от других. По словам жителей, «одинаковых языков нет», «у всех свой акцент», «90% понимаем», «все понимаем». Исходя из социолингвистических опросов, ни одно из этих трех сел не выделяется с точки зрения дивергентности диалекта. Среди жителей сел Урцаки, Ураги и Сутбук не нашлось таких, кто сказал бы, что не понимает речь какого-то из этих сел. В то же время отсутствие понимания кубачинского встречается часто.

В целом тип языкового взаимодействия в обследованной зоне можно охарактеризовать как *пассивный билингвизм*: типичным является навык понимания другого идиома, но редко встречается навык говорить на другом идиоме (это касается как урцакинского, сутбукского и урагинского идиомов, так и кубачинского языка); см. об этом в последнем разделе. Способность говорить на другом идиоме

гораздо более типична для кубачинцев, чем для жителей селений Урцаки, Ураги и Сутбук.

Кроме названных четырех идиомов и русского языка, другие языки в репертуаре жителей практически не встречаются. Владение кумыкским (о котором были последовательно опрошены все респонденты) встречается редко: по данным опроса, 23% жителей села Урцаки до 1919 года рождения могли говорить по-кумыкски, 11% жителей села Кубачи, 9% жителей села Сутбук, 0% жителей села Ураги; в поколениях, родившихся после 1920 года, эти показатели еще меньше. Хотя во всех четырех селах была распространена практика уезжать на время или навсегда в Узбекистан и Таджикистан (особенно в Кубачах), на языковом репертуаре это не отразилось.

В Кубачах живет много семей, переехавших или происходящих из других сел Дахадаевского района. В Урцаках, Урагах и Сутбуке есть несколько смешанных семей, где муж является уроженцем этого села, а жена переехала в село после замужества.

Далее будут последовательно изложены результаты обследования каждого села.

3.1. Урцаки

По данным посемейных списков и переписей, с конца 19-го века и до недавнего времени в селении Урцаки проживало около 500 человек (см. таблицу 2). Никаких особенных ремесел в селе, по-видимому, не существовало.

Ближайшие соседи урцакинцев — жители Сутбука, до которых меньше часа пешего хода. Школьники 10–11-го классов из Урцаков в настоящее время ходят в Сутбук пешком каждый день; по их оценке, дорога занимает полчаса. Относительно **сутбукского** идиома исследователями зафиксированы следующие оценки урцакинцев[3]:

— *Друг друга понимаем, но немного по-другому их язык*

— *Один сельсовет с ними, на похороны, свадьбы бывала, каждый на своем говорит*

— *Почти как наш, хорошо понимаю*

---

[3] Здесь и далее цитаты из базы данных приводятся в том виде, в каком они зафиксированы исследователем; иногда это высказывания от первого лица респондента, иногда — от третьего, с позиции исследователя.

— *На 98% совпадает с Урцаками*

— *Каждый по-своему; наш акцент, их акцент — особой разницы нет*

— *Язык очень похож на урцакинский, различий почти нет; некоторые слова произносим по-другому, но друг друга понимаем.*

Таким образом, по мнению жителей, диалекты Урцаков и Сутбука очень близки. Отметим, что практически не встретились сообщения о том, что житель Урцаков может говорить по-сутбукски, но очень часто встречаются ответы «каждый на своем, друг друга понимаем». Урцакинцы иногда называют свой диалект и диалект сутбукцев «литературным» и/или «даргинским»: «понимает сутбукский гораздо легче кубачинского, в разговоре каждый говорит на своем, почти литературный». Такие оценки, по-видимому, сформированы на основании сравнения с кубачинским, который весьма далек от литературного (= собственно «даргинского»).

Кубачинцы являются непосредственными соседями урцакинцев, находясь от них на расстоянии пяти-шести километров пешего хода (около часа). Контакты с Кубачами достаточно плотные; в частности, в Кубачах два дня в неделю происходит базар, популярный среди местных жителей. Житель Урцаков, у которого проживала экспедиционная группа, ездил на базар в Кубачи в среду, хотя не имел там особых дел; в селении Ураги в четверг в первой половине дня многих жителей не было дома, потому что они были на кубачинском базаре. Жители Урцаков, как правило, либо сообщают, что они не говорят на кубачинском и не понимают его (а взаимодействие происходит за счет того, что кубачинцы переходят на идиом, близкий к диалекту урцакинцев), либо что они понимают кубачинский, но на нем не говорят. Однако молодые респонденты, не имеющие тесных связей с Кубачами, этот язык не понимают. Способность понимать кубачинский тем самым является приобретенной, а не вытекающей из генетического родства идиомов. В базе данных встречаются следующие оценки кубачинского разными жителями Урцаков:

— *Понимала, как и все старики, но не говорила*

— *На базар ходят, каждый на своем, не говорим, но понимаем*

— *Очень сложный; при встрече кубачинцы говорят с ним по-урцакински*

— *Когда между собой кубачинцы говорят, не понимает, а так* [если к ней обращаются] *понимает примерно 50%; они нас лучше понимают*

— Понимает процентов на 20–30; кубачинцы общаются с нами на общедаргинском; кубачинцы нас понимают, это мы их плохо понимаем

— Понимает, потому что ходит туда по работе на заседания, но остальные понимают примерно 30%

— Я ниче не понимаю, у них французский[4]

— Когда говорят медленно, можно понять 4 слова из 10.

Один из жителей Урцаков, который регулярно работает в Кубачах на стройке, описал взаимодействие, сказав, что кубачинцы поначалу (первое время взаимодействия) на кубачинском не разговаривают, а выбирают для общения такие слова, которые все знают: «Самые ходовые слова только! У них там много людей, которые живут с других сел. Они знают, какие слова никто не понимает».

Из всех жителей Урцаков, о которых есть информация, лишь около 15%, по нашим данным, сообщили, что могут говорить по-кубачински, и еще около 50% — что они могут понимать кубачинский язык.

Владение **литературным даргинским** оценить довольно трудно. С одной стороны, урцакинцы, как и другие жители этой зоны, не пользуются активно литературным даргинским языком. По телеканалу «Дагестан» есть одна передача в неделю на даргинском языке, и особой популярности она не имеет, тем более что многие подключены к кабельному телевидению. Литературный даргинский связан либо с чтением книг (нечастое занятие), либо с уроками в школе. Кроме того, иногда упоминалось взаимодействие с акушинцами (акушинский диалект — основа литературного языка), которое тоже случается исключительно редко.

С другой стороны, большинство урцакинцев считает свой собственный идиом, как и идиомы соседних сел (кроме Кубачей), близким к литературному и иногда просто называют его литературным. Отмечают также сходство литературного с уркарахским. По сравне-

---

[4] Представление о том, что язык кубачинцев похож на французский, зафиксировано еще в переписях 1895 года — «У арабских писателей Серенгеран, Серебгерани пр. легенда о франкском их происхождении» — Памятная книжка Дагестанской области. Составил Е. И. Козубский. Темир-Хан-Шура: «Русская типография» В. М. Сорокина, 1895. См. также о происхождении этого поверия (Магометов 1963).

нию с кубачинским, местный сирхинский диалект действительно схож с литературным, но все же таковым не является. Поэтому, проводя социолингвистический опрос, термином «литературный язык» нужно пользоваться аккуратно, всегда адресуясь к конкретным обстоятельствам (телепередаче, книгам, школьным урокам, общению с акушинцами). Вот некоторые суждения относительно владения литературным даргинским:

— *Понимал, читал, писал, но чисто на литературном говорить ему не приходилось*

— *Понимала, но использовать не приходилось*

— *Понимает акушинцев, когда медленно говорят, уркарахский похож на акушинский*

— *Чисто владеет; преподает на литературном языке*

— *По телевизору даргинский все понимаем*

— *Хорошо владеет, учила его в школе до 8 класса, на литературном разговаривает с даргинцами.*

Таким образом, активного владения литературным даргинским языком в селе не наблюдается.

Приведем также мнения урцакинцев относительно некоторых отдаленных идиомов.

Про **аштынский** часто говорят, что с ними не встречались, нередко сообщают, что он похож на кубачинский, иногда сообщают о способности понимать этот идиом: «понимает, с ним работали аштынцы. Сказал, что Сулевкент, Ашты и Шири[5] — как один язык»; «похож на кубачинский, трудно понимать», «не было контактов».

Про **ицаринский** обычно говорят либо что с ицаринским никогда не сталкивались, либо оценивают его как достаточно похожий на урцакинский: «в основном понимает, отдельные слова бывают непонятны», «Ицари на нас похожий», «похож на урцакинский и сутбукский», «отличается, но не так уж сильно; был в Ицари, там по-нашему общался», «у них чуть-чуть трудный, когда быстро — не понимаю». С ицаринцами никаких регулярных контактов не было и привычки к взаимопониманию явно не существовало.

С **кайтагским** идиомом взаимодействия больше, поскольку на нем говорят в Маджалисе, через который сейчас лежит дорога вниз.

---

[5] Селение Шири Дахадаевского района на ряде карт представлено под именем Шари.

Раньше, по-видимому, урцакинцы тоже бывали в Маджалисе, хоть и нерегулярно. Этот язык оценивают как значительно более далекий, чем сутбукский, но гораздо более простой, чем кубачинский. Как правило, сообщают о некотором — но обычно весьма ограниченном — уровне понимания: «хорошо понимал, потому что там жила его двоюродная сестра», «знала, потому что ходила за яблоками в Маджалис», «непонятный, и они плохо нас понимают», «когда была в Маджалисе, жила с кайтагцами, знала несколько слов, но все равно говорила на русском с ними», «совсем не похож на урцакинский, но все равно понимает, потому что учился с ними», «есть некоторые, которых не поймешь, но понимаю, если не очень быстро говорят», «каждый на своем разговаривает, друг друга понимаем», «трудный; с кайтагцами только по-русски».

Знание **кумыкского** встречается у жителей Урцаков редко. Обычно оно связано с пребыванием на кутанах, которые были расположены в районе Каякента (нынешнее селение Шаласи — бывший кутан), с чабанованием в этих зонах в советское время (отгонное овцеводство практиковалось только в советское время, до колхозов овец не отгоняли). В одном случае упомянуто изготовление и продажа в кумыкских селах ювелирных изделий (в целом этот навык не был распространен в Урцаках); иногда упоминается учеба в Маджалисе, где тоже встречались кумыки: «знал кумыкский, потому что был в кутане у Каякента», «да, с отцом ездил, тот делал ювелирные изделия и ездил их продавать, по утрам приемник по-кумыкски слушает», «по-кумыкски несколько слов знала из-за учебы в Маджалисе, но говорили на русском».

Диалект **Уркараха** (районного центра) оценивается как очень похожий и понятный. Кроме того, многие часто бывают там по административным делам: «100% понятно, говорю на их диалекте», «чисто говорит, жила там и работала», «по-ихнему можем говорить»; «каждый по-своему говорит, понимаем», «понимаю очень хорошо на 90%», «понимаем, все документы там делаем, как литературный даргинский».

Таким образом, исходя из оценок урцакинцев, можно предложить следующую иерархию субъективной трудности идиомов: сутбукский < ицаринский < кайтагский < кубачинский. Если сутбукский не вызывает никаких трудностей в понимании и не требует выучивания, то кубачинский без длительной привычки к общению непонятен совсем.

3.2. Сутбук

Ближайшими соседями селения Сутбук являются села Урцаки и Бакни. Дорога из Сутбука в Кубачи лежит через Урцаки (около полутора-двух часов пешего хода).

В настоящее время по размеру Сутбук похож на Урцаки. Раньше Сутбук был центральным селом совхоза; возможно, поэтому в сутбукской школе до сих пор есть старшие классы, а в Урцаках их нет (хотя детей в урцакинской школе даже немного больше, чем в сутбукской: в 2019 году было 33 ученика в 1–9 классах в Урцаках, 21 ученик в 1–11 классах в Сутбуке, причем из них четверо из Урцаков и один из Бакни).

В Сутбуке сохраняется ремесло резки по камню: местные жители изготавливают могильные плиты, украшенные сложной резьбой, за которыми приезжают из других мест. По их мнению и по мнению соседей, это ремесло было характерно для Сутбука и в прошлом.

Мнения сутбукцев об урцакинском говоре не отличаются от мнения урцакинцев о сутбукском:

— *Мы на своем, они на своем*

— *Была на свадьбах, на похоронах, конечно понимаю! Нет никакой разницы!*

— *Немножко разница есть, но понимаем хорошо*

— *Урцаки, Бакни по-разному говорят* [произносит фразу «что делать» на трех языках]. *Мы их свободно понимаем. Они же сюда приходят, тут почта, совхозная контора, их дети к нам в школу ходят. Если надо, могу на их языке говорить, но они же меня и на моем понимают, поэтому обычно не говорю.*

— *Понимает и может спокойно имитировать, но не видит потребности.*

Последнее замечание особенно важно: в обе стороны взаимодействие происходит на основе пассивного симметричного владения диалектами — обе стороны понимают друг друга, но ни одна не пытается и не считает нужным говорить на языке соседа. Как будет показано в разделе 4, это почти осознанная установка.

В отношении **кубачинского** языка есть небольшое отличие сутбукцев от урцакинцев в сторону более слабого знания этого языка. В Сутбуке (который находится дальше от Кубачей, путь туда лежит через Урцаки), почти никто не сообщил о том, что способен гово-

рить на кубачинском, но практически столько же народу, сколько в Урцаках, сообщило, что понимает кубачинский язык. Начиная с 1920 года рождения около половины жителей Сутбука не может ни понимать, ни говорить по-кубачински (ср. около 35% жителей Урцаков). Тот факт, что даже небольшая разница в расстоянии отражается на уровне билингвизма, наблюдается и в других зонах Дагестана.

— Если одна сидишь, можно понимать; если между собой — не понимаем

— На базар ходила, трудно кубачинский понимает, некоторые слова только

— Понимает, ходит на базар. Есть подружки, они по-своему говорят, если непонятно — русский

— Кубачи тяжело, но понимаем. Когда чисто на своем говорят, тяжело. Когда на маршруте Кубачи—Каспийск работал, на меня кубачинцы обижались, что я по-русски с ними говорил, потому что понимать их сложно. Но те, кто наши в Кубачах живут, хорошо их понимают и говорят.

Ближайшим соседом сутбукцев с другой стороны является село Бакни. Оценка диалекта бакнинцев похожа на оценку диалекта урцакинцев: «Мы по-своему, они по-своему, понимаем».

3.3. Ураги

Селение Ураги в настоящий момент по размеру похоже на Урцаки и Сутбук, в школе в 2019 году училось 30 детей с 1 по 11 классы.

Село Ураги, как и Урцаки, непосредственно граничит землей с Кубачами. Ближайшими соседями Урагов являются села Дзилебки (сейчас это наиболее крупное село в окрестностях, не считая Кубачей), Шири и Амузги (в обоих жителей почти не осталось) и Уркутта, совсем небольшое село. В настоящее время урагинцы больше взаимодействуют с сутбукцами, дзилебкинцами и уркуттинцами, чем с урцакинцами.

По оценке местных жителей, диалект селения Ураги слабо отличается от **урцакинского, сутбукского** и **дзилебкинского**. Типичная модель взаимодействия — каждый говорит на своем диалекте и понимает другого:

— Отличается чуточку; все понятно. Когда с урцакинцами встречаемся, каждый на своем

— *Моя сестра в Урцаках, замуж вышла, она в Ставрополе сейчас. Понимаю. Акцент чуть-чуть другой, весь разговор понимаем друг друга. По-ихнему никогда не скажу. Похороны, кто на свадьбу приглашают, мы же ходим. На своем говорит*

— *Сутбукский похож* [на урагинский]*, но свой акцент; у каждого селения свой акцент*

— *У них* [дзилебкинцев] *тоже немножко произношение другое, а так почти все слова одинаковые; жесткостью, протяжностью произношение отличается; каждый на своем говорим и понимаем друг друга.*

Особенностью села Ураги является близкое соседство с **Шири** и **Амузги**, где говорили (в Шири еще говорят) на диалектах, которые, по свидетельству многих местных жителей, близки к кубачинскому языку. Судя по откликам жителей села Ураги, с ширинцами были плотные контакты до самого последнего времени (в том числе через школу, где в старших классах учились ширинские дети). Их речь большинству понятна, хотя и отмечается ее отличие от более простых диалектов сел Урцаки, Сутбука и Дзилебки. Амузгинцев перестали встречать намного раньше, поэтому представление об этом диалекте у урагинцев более слабое:

— *Разъехались они по всему Дагестану; мы не знаем их; в Амузги два человека живут, приходят сюда, общаемся тоже на нашем языке; мы на нашем и они на нашем говорят, на литературном; амузгинский-ширинский почти понятный; ширинцы живут дальше тоже, разъехались, 2–3 человека осталось, жили у нас целый год (из-за чеченцев)*[6]*, сейчас тоже в Шири ходим на свадьбы, на похороны; каждый на своем общаемся, понимаем друг друга*

— *Ширинский язык не поймешь, отсюда пешком два километра, там несколько хозяйств остались, у них язык сохранился; но смысл понять могу, а смысл аштынского не понимаем мы, кубачинский тоже сложный; амузгинский не слышала*

— *Похож на кубачинский, Шири отличается от Амузги, понятно всё.*

В отношении **кубачинцев**, с которыми Ураги граничит землями, ситуация похожа на Урцаки. Большинство сообщает о способности понимать кубачинский, но отсутствии способности говорить:

---

[6] Видимо, имеется в виду Чеченская война.

— По-их не могу, но понимаю хорошо, в гостях у нас часто были

— Понимает хорошо, общается «по-даргински»

— Не понимает, только некоторые слова; мы все языки понимаем, кроме кубачинского и аштынского языка, ихний язык отличается от даргинского

— Каждый день в Кубачи пешком ходит, убирается в домах, на базаре продает. По-кубачински говорит.

В количественном отношении доля жителей села Ураги, способных понимать или говорить и понимать кубачинский очень близка к Урцакам и менее похожа на Сутбук. Напомним, что Ураги и Урцаки, в отличие от Сутбука, непосредственно граничат с Кубачами, то есть дистанция вновь оказывается релевантной.

3.4. Кубачи

Кубачи выделяется в обследованном регионе сразу в нескольких отношениях.

Во-первых, это село по размеру и числу жителей намного превосходит все окружающие.

Во-вторых, кубачинский язык, являясь языком даргинской группы, непохож на диалекты окружающих сел, взаимопонимание без особой привычки невозможно. Кубачинский язык, по общему признанию, самый трудный. Его особенность очень часто подчеркивается как самими кубачинцами, так и жителями соседних сел; создается впечатление, что трудность и необычность кубачинского является стереотипом в этой местности. Распространено мнение, что он похож на французский. Жители Кубачей иногда противопоставляют свой язык «даргинскому», подчеркивая, что говорят не на даргинском. Под «даргинским» при этом имеется в виду как тот язык, который может преподаваться в школе, так и разные некубачинские диалекты даргинской зоны. Вопрос об этнической идентификации специально не исследовался, но есть впечатление, что кубачинцы считают себя частью даргинской общности (однако неизвестно, насколько это было характерно для них в досоветское время; в переписи 1885 года жители селения Кубачи названы кубачинцами, в то время как жители селений Амузги, Сулевкента, Шири, Харбука, Урцаки, Сутбука, Ураги — даргинцами).

В-третьих, село знаменито своими ремеслами, самое известное из которых — ювелирная работа по серебру. Однако, помимо этого, в селе

распространены навыки вязания и вышивания (до сих пор все женщины, включая школьниц, вышивают платки, в том числе на продажу). Кубачинцы имеют среди соседей репутацию «ремесленников». Про них говорят, что они «не делали грязную работу», не занимались сельским хозяйством, были богаче соседей за счет производства серебряных изделий (в советское время — на комбинате), не держали хозяйства и «кормили всех соседей» (покупая у них картошку, мясо, сыр и другие продукты сельского хозяйства). Некоторые объясняют строгую эндогамию кубачинцев нежеланием делиться секретами мастерства с жителями других сел. Тем не менее, на комбинате работали выходцы из других сел, и сейчас в Кубачах есть семьи из сел Урцаки, Сутбук, Бакни, Амузги, Карбучимахи и других, которые занимаются производством ювелирных изделий и постоянно живут в селе.

В-четвертых, село известно в округе своей очень строгой эндогамией. Про кубачинцев говорят, что они «гордые» и не любят чужих, в частности запрещая браки с жителями других сел. Строгая эндогамия кубачинцев подтверждается генетическими исследованиями (Bulaeva et al. 2003). В селах Урцаки, Сутбук и Ураги мы не встретили кубачинских жен (хотя иногда слышали о том, что они были; есть свидетельство кубачинца, зафиксированное А. Орловым, что запрет на смешанные браки ослаб в голодные военные годы, когда многие хотели пристроить своих дочерей в другое село, так как в самих Кубачах не производили достаточно еды). Амузгинец, проживающий в Кубачах много лет, сообщил, что один из его сыновей женат на кубачинке. Другие люди говорили, что этот брак вызвал большой скандал и родственники девушки перестали с ней из-за этого общаться. Эта супружеская пара не живет в селе.

Наконец, кубачинские женщины до сих пор носят традиционные белые платки и клетчатые шали, причем это повседневная одежда, которую носят даже молодые девушки.

Все перечисленное говорит о том, что кубачинцы обладают яркой идентичностью, которую хорошо осознают и поддерживают.

В Кубачах был и продолжает действовать популярный в округе базар. В настоящее время он происходит по средам и четвергам, а раньше был только по четвергам. В советское время, вплоть до 90-х, по свидетельству местных жителей, на базар привозили продавать продукты жители всех окрестных сел; сейчас на нем торгуют в основном привозными товарами.

Несмотря на высокий социальный статус кубачинцев в регионе, кубачинский язык, по-видимому, был слабо известен в других селах. Если жители ближайших, смежных сел (урцакинцы и урагинцы, в меньшей степени сутбукцы), сообщают о способности понимать кубачинский, то жители более дальних сел, по-видимому, кубачинского не знали совсем. По-видимому, кубачинцы общаются с ближайшими соседями либо по распространенному в этой зоне принципу «каждый на своем», либо на упрощенном варианте местных диалектов. Во всяком случае, кубачинцы почти поголовно сообщают о способности говорить на «даргинском» языке. Установить, что это за разновидность даргинского языка, непросто. Ясно, что это не литературный язык (хотя иногда его таким называют), потому что кубачинцы практически не изучали литературный язык в школе. Как описывал взаимодействие с кубачинцами житель Урцаки, который часто работает на стройках в Кубачах, кубачинцы умеют выбрать такие слова, которые распространены в местных диалектах и известны многим. Следующие мнения кубачинцев были зафиксированы исследователями:

— *Говорим с ними* [= с урцакинцами] *по-даргински, все друг друга понимают, чуть-чуть акцент другой*

— *Понимает, дети из Урцаки учатся здесь, люди из Урцаки строили здесь дома, но отвечает на русском*

— *Хоть даргинцы они, не понимают наш язык; кто обучался здесь, те понимают; наши понимают даргинские, а я особо не знаю*

— *Много ездил по другим селам (продавал) — хочешь не хочешь, будешь знать*

— *Очень хорошо говорю, на любом местном диалекте, как они прямо*

— *Наших местных которые в Кубачах живут, понимаю, у них язык не особо отличается, а так на русском общаемся, которые здесь живут, они на нашем наверное говорят, какой-то акцент отличается*

— *Понимаю, но разговаривать, как они, не могу. У них литературный, а у нас свой. Они понимают нас*

— *Урцаки, Сутбук, Уркарах, Бакни — отличия звуковые. Нас никто не понимает, а мы всех понимаем.*

Приведем также оценки некоторых других вариантов даргинского:

— про аштынский: «больше понимаем, чем других даргинцев»; «больше похож на кубачинский, тянут звуки. Сулевкентский тоже

тянучий, но слова похожие. Большую часть слов можно понять. Каждый на своем, понимают»;

— про кайтагский: «встречалась, они на базар приезжают фрукты-овощи продавать; в основном на русском с ними или на своем; если скажем, они иногда понимают, иногда нет, на своем отвечают»; «некоторые отличия есть, из 10 слов если 6 понимаешь, остальные догадываешься»;

— про муиринский: «в Уркарахе, честно говоря, в основном на русском наши общаются»; «Документы там все оформляем, бываю. Обычно по-русски там. Чуть-чуть понимаю, сказать не могу. Что не поняла, на русском прошу повторить».

Степень владения **литературным даргинским языком** среди кубачинцев установить трудно. Кубачинский язык сильно отличается от литературного и от локальных сирхинских говоров, причем все говоры, кроме кубачинского и родственных ему (аштынского, ширинского, амузгинского), по оценке местных жителей, больше похожи на литературный язык, чем кубачинский. Поэтому под «литературным» в Кубачах нередко понимаются просто «некубачинские» местные говоры. Чтобы выяснить степень владения собственно литературным языком, нужно обсуждать понимание теле- и радиопередач, чтение газет. Все это сейчас мало практикуется. При этом у многих поколений учеников в школе уроков даргинского языка не было совсем, поскольку с 1967 года вместо даргинского языка в программу обучения школы включены основы кубачинского искусства. На уроках труда и в многочисленных кружках школьники получают профессию ювелиров, учатся вышивать и вязать. Эти навыки были весьма востребованы до самого последнего времени, так как обеспечивали хороший заработок.

В целом литературным даргинским в Кубачах владеют немногие. Люди 1930–40-х годов рождения, оценивая владение литературным даргинским, часто апеллируют к школьным урокам:

— *Идеально знала, сама писала, сочиняла песни, стихи*

— *Читает, понимает, но не говорит. В школе преподавали*

— *Понимаю (в школе были уроки даргинского).*

Кубачинцы 1960–70-х годов рождения обычно даргинский в школе не изучали. Если они сообщают о своем владении литературным даргинским, то, как правило, имеют в виду какой-то из некубачинских вариантов даргинского, встреченный в регионе:

— Можно понять, но очень трудный, трудноватый; считает, что литературный язык — это цудахарский

— Учили в школе, понимает, но не говорит, друзья отца говорили на литературном на базаре

— РГВК Дагестан конечно понимает. Говорить тоже может

— Не изучали в школе (конкретно её поколение). У детей нет желания изучать, в начальной школе его преподают, а в старшей родители его отменили. Не понимает

— Я не знаю даргинский. Я понимаю, могу сказать, но не хочу по-даргински говорить, чтобы не вызывать смеха или неловких ситуаций. Понимаю, но стараюсь не общаться. Фактически нигде не нужен. Наши уроки родного перешли в уроки по кубачинскому искусству. Основа общедаргинского — это акушинский, кайтагский и сергокалинский

— Самый непонятный язык из даргинских! Очень трудно понимать. По телевизору — вот это мне трудно понимать. Вроде бы по-даргински говорят — но почти непонятно

— Не понимает, взял газету, читал по слогам и сказал, что понял только русские слова во всем абзаце.

Выросший в Аштах и переехавший в молодости в Кубачи аштынец сообщил, что в WhatsApp переписывается с односельчанами аштынцами и кубачинцами на этих языках, а с даргинцами из других сел — по-русски, чтобы не обнаружить свою неграмотность в литературном даргинском: «Все равно понимаем, но говорить не можем; в Аштах были уроки даргинского, здесь нет; на аштынском, с даргинцами чисто по-русски пишем, чтобы не показать свою неграмотность; между сельчанами — на своем».

Несмотря на все трудности опроса и потому низкую достоверность количественных данных, наши количественные результаты все же показывают, что литературный язык значительно хуже знаком кубачинцам, чем жителям Урцаков, Сутбука и Урагов.

4. Особенности многоязычия в селах кубачинской зоны

Как показало наше исследование, для кубачинской зоны характерен пассивный билингвизм, то есть способность понимать соседский язык, но не говорить на нем. Среди более чем пятидесяти обследо-

ванных ранее сел разных регионов Дагестана пассивный билингвизм как основной тип взаимодействия нам встретился впервые; для Дагестана более характерен асимметричный билингвизм или использование лингва франка. В социолингвистике есть мнение, что такой тип многоязычия характерен для зон с близкими идиомами, между которыми возможно взаимопонимание (см. ссылки на литературу в статье Herkenrath 2012). Для исследованной зоны это верно лишь отчасти. Диалекты селений Сутбук, Урцаки, Ураги, Бакни, Дзилебки, Уркутта очень близки и позволяют понимание даже без специальной привычки к контакту (что подтверждается тем, что молодое поколение, которое слабо взаимодействует с соседями, тоже понимает их), хотя для местных жителей имеют очевидные особенности и называются по именам селений (урцакинский язык, сутбукский язык, бакнинский язык и т. д.). Однако кубачинский, как показало исследование, не позволяет взаимопонимания без особой привычки. Тем самым с точки зрения дистанции между кубачинским идиомом и сирхинским и муиринским ситуация взаимодействия не отличается, например, от той, которую мы наблюдаем между агульским селом Хпюк и лезгинским селом Урсун или рутульским селом Кина и цахурским Гельмецем, где пассивный билингвизм — редкость. Тем не менее, кубачинцы редко говорят на диалектах соседних сел, и еще реже носители этих диалектов говорят на кубачинском, большинство обходится пониманием. Можно предположить, что установка на пассивный билингвизм является частью местной языковой идеологии, развившейся среди близких даргинских идиомов и распространившейся на кубачинский.

Этот же принцип — не переходить на идиом собеседника — неожиданным образом был обнаружен в языковом поведении, характерном для смешанных браков. В других зонах Дагестана (в Рутульском, Агульском, Цунтинском, Ботлихском районах) в смешанных браках практикуется переход жены на язык мужа и села: в тридцати семи из сорока обследованных случаев смешанных браков женщина использовала язык мужа для общения с ним, с детьми и с односельчанами. В кубачинской зоне ситуация другая.

В каждом из трех некубачинских сел было несколько смешанных семей. Интервью показали, что женщины, выходя замуж в другое село, сохраняют свой патрилект (язык отца) на протяжении всей жизни и используют его при общении с детьми. Более того, такое

поведение является осознанной, артикулируемой установкой. Так, женщина 1979 г.р. из селения Урари, которая вышла замуж в Сутбук, сообщила, что она не говорит по-сутбукски и не хочет говорить: «У нас разные языки; у них чуть мягкий, у нас чуть твердый. Я вообще не люблю по-сутбукски! Мне обидно станет, если мои сельчане и родители скажут — вот, по-сутбукски ты говоришь!». Другая женщина, приехавшая в Сутбук из селения Харбук, также все двадцать лет продолжает говорить по-харбукски. Про нее сообщают: «У нас не принято, по отцовской линии надо говорить». Женщина из Сутбука, прожившая жизнь в Урагах, говорит, что у нее «редко выходит ихний язык. А так всегда мои слова. У нас же считают позором. Если в другое селение выходишь, говорят “за хлеб язык продала”. Позором считают». В Урагах женщина из села Дзилебки перешла на диалект мужа, судя по всему, по его настоянию. Пожилой директор урагинской школы говорит об этом случае: «По правилам посвоему должны разговаривать. Если муж не разрешает — что будешь делать».

Таким образом, в смешанных браках есть установка сохранять патрилект (явление, описанное для многих языковых сообществ мира — Stanford 2009, Chernela 2013). В то же время она радикально отличается от той, которая наблюдается в других регионах Дагестана, где, выходя замуж в селение с другим языком, женщина полностью переходит на язык мужа и села. Так, женщина из Азербайджана, проживающая в рутульском селении Кина, объясняла свой переход на рутульский язык тем, что она ест хлеб этого селения, значит должна говорить на этом языке. Замечательно, что эта формулировка сходна с той, которую использовала процитированная выше жительница Сутбука, однако имеет противоположный смысл: если в южном Дагестане женщина должна говорить на языке села, чей хлеб она ест, то в даргинской зоне она не должна «продавать» свой язык за хлеб.

К сожалению, невозможно понять, в какой степени разница этих установок связана с тем, что местные некубачинские идиомы являются взаимопонятными (то есть сохранение отцовского диалекта не мешает общению в селении мужа), поскольку носительниц других языков в обследованных селах не было. В Кубачах проживает много семей из других сел, но эти семьи не являются смешанными, и даже в следующих поколениях, родившихся уже в Кубачах, стараются

выбирать брачных партнеров из своих сел. В амузгинской и аштынской семьях, проживающих в Кубачах, большинство владеет кубачинским языком (хотя аштынская женщина старшего поколения, по свидетельству сына и невестки, общается даже с кубачинцами по-аштынски). В кубачинской больнице вместе дежурят четыре женщины: две медсестры — одна из Ашты, вторая из Сутбука, и две санитарки — одна из Шири, вторая из Ураги. По свидетельству медсестры-аштынки, все четыре, общаясь, говорят на своих диалектах.

Таким образом, пассивный билингвизм между кубачинским и другими локальными диалектами является результатом не близости идиомов, а языковой идеологии, согласно которой человек должен говорить на своем патрилекте.

Явление, требующее особого исследования, — упоминающееся в ряде интервью явление, когда люди общаются на упрощенном варианте даргинского, на чем-то вроде койне. Этот тип речи встречается в коммуникации между кубачинцами и жителями других селений — тех, кто не научился еще понимать кубачинский. Вероятно, этот тип речи можно исследовать на кубачинском базаре.

Наконец, невозможно не отметить экспансию русского языка среди детей школьного возраста во всех обследованных селах. Так, в селе Ураги учительница сказала нам, что из четырех учеников второго класса трое не говорят на родном языке, предпочитая общаться между собой по-русски. Шестнадцатилетний юноша из урцакинской семьи, который последние годы живет с родителями в Кубачах, кубачинского языка не знает и не понимает, поскольку для общения с одноклассниками в кубачинской школе ему достаточно русского языка. Местные жители отмечают эти факты с огорчением, однако в школах поддерживается установка не использовать местные языки на уроках. По многим свидетельствам, дети говорят друг с другом по-русски даже на переменах.

Литература

Коряков Ю. Б. 2017. Проблема «язык или диалект» и попытка лексикостатистического подхода. *Вопросы языкознания*, № 6, 79–01.

Коряков Ю. Б. 2021. Классификация даргинских языков. В наст. сб.

Коряков Ю. Б., Сумбатова Н. Р. 2007. Даргинские языки. *Большая российская энциклопедия*, т. 8. М.: Большая российская энциклопедия, 328–329.

Магометов А. А. 1963. *Кубачинский язык.* Тбилиси: Издательство Академии наук Грузинской ССР.

Муталов Р. О. 2020. К проблеме разграничения даргинских языков и диалектов. *Журнал международных исследований «The Newman in foreign policy»*, т. 6, № 57(101), 6–8.

Bulayeva K., Jorde L. B., Ostler C., Watkins S., Bulayev O., Harpending H. 2003. Genetics and population history of Caucasus populations. *Human Biology*, v. 75, no. 6, 837–853.

Chernela J. 2013. Toward a Tukanoan ethnolinguistics: Metadiscursive practices, identity, and sustained linguistic diversity in the Vaupés basin of Brazil and Colombia. In: P. Epps, K. Stenzel (eds.), *Upper Rio Negro: Cultural and Linguistic Interaction in Northwestern Amazonia*. Rio de Janeiro: Museu do Índio — Funai, 197–244.

Dobrushina N., Daniel M., Koryakov Y. 2020. Atlas of multilingualism in Daghestan: A case study in diachronic sociolinguistics. *Languages of the Caucasus*, v. 4, 1–37. (Available online at https://escholarship.org/uc/item/6nw5x35t, accessed on 2021-02-20.)

Dobrushina N., Staferova D., Belokon A. (eds.). 2017. *Atlas of Multilingualism in Dagestan Online*. Linguistic Convergence Laboratory, HSE. (Available online at https://multidagestan.com, accessed on 2021-02-20.)

Herkenrath A. 2012. Receptive multilingualism in an immigrant constellation: Examples from Turkish-German children's language. *International Journal of Bilingualism*, v. 16, no. 3, 287–314.

Pakendorf B., Dobrushina N., Khanina O. Forthcoming. A typology of small-scale multilingualism. *International Journal of Bilingualism (special issue on "Typology of Small-Scale Multilingualism"*, edited by N. Dobrushina, O. Khanina, and B. Pakendorf)

Stanford J. N. 2009. 'Eating the food of our place': Sociolinguistic loyalties in multidialectal Sui villages. *Language in Society*, v. 38, 287–309.

Источники по численности населения
(в формате базы данных представлены на https://multidagestan.com/census)

VI. Города и округа Дагестанской области. Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Тифлис: Закавказский статистический комитет, 1893.

Памятная книжка Дагестанской области. Составил Е. И. Козубский. Темир-Хан-Шура: «Русская типография» В. М. Сорокина, 1895.

Материалы Всесоюзной переписи населения 1926 г. по Дагестанской АССР. Выпуск 1. Список населенных мест Дагестанской АССР. г. Махач-Кала: Издание Дагстатуправления, 1927.

Микроданные переписей. Всероссийская перепись населения 2010 года. ГМЦ Росстата.

СОГЛАСОВАНИЕ ПО ЧИСЛУ В АНДИЙСКИХ ДИАЛЕКТАХ: ГЛАГОЛ

А. Н. Закирова
Международная лаборатория языковой конвергенции
НИУ Высшая школа экономики

1. Введение

Один из многочисленных научных интересов Расула Османовича — даргинская глагольная морфология: ей посвящена его докторская диссертация (Муталов 2003) и известная монография (Муталов 2002). Я хочу предложить для этого сборника несколько страниц о глаголе андийском.

В одной группе диалектов андийского языка имеется суффиксальное числовое согласование, которое обнаруживается на разных типах мишеней — именных зависимых, глаголах, наречиях. Это явление недостаточно описано в грамматиках андийского языка и почти не рассматривалось как единый феномен. В этой статье нас в первую очередь будет интересовать такое согласование на формах глагола.

Андийский язык (андийские < аваро-андийские < аваро-андо-цезские < нахско-дагестанские) делится на две диалектные группы: верхнеандийскую и нижнеандийскую. К верхнеандийской относятся говоры нескольких сел Ботлихского района — Анди, Ашали, Чанко, Гагатли, Гунха, Риквани и Зило. Нижнеандийские говоры, довольно далеко отстоящие от верхнеандийских, распространены в селах Муни и Кванхидатли. Носителей андийского языка, по-видимому, более 20000: так утверждается в работе (Агларов 2002: 3); оценка, полученная суммированием количества жителей в перечисленных выше андийских селах по Всероссийской переписи населения 2010, сопоставима с оценкой в (Агларов 2002: 3). Андийский — бесписьменный язык.

Группа ближайших родственных языков также носит название *андийские языки*. Кроме андийского, в нее входят ахвахский, каратинский, ботлихский, годоберинский, чамалинский, багвалинский

и тиндинский языки. Таким образом, прилагательное «андийский» может относиться к трем разным объектам: 1) говору села Анди, 2) языку, на котором говорят в с. Анди и нескольких соседних селах, 3) целой группе языков — ближайших родственников андийского. В этой статье мы примем для этих объектов следующие обозначения: 1) говор села Анди / собственно андийский говор; 2) андийский язык, андийские говоры; 3) андийские языки. Черты, свойственные говору села Анди, мы будем называть *собственно андийскими*, черты, свойственные андийскому языку, — *андийскими*, а свойственные всем андийским языкам — *общеандийскими*.

В андийских говорах имеется по меньшей мере три механизма согласования:

1) классно-числовое согласование (далее *КЧ-согласование*, а его показатели — *КЧП*);
2) согласование по числу, которое выражается специальным суффиксом множественного числа *-(V)l* (далее *l-согласование*);
3) согласование по числу, которое выражается чередованием гласного в глагольном корне (*глагольный аблаут*).

В отличие от КЧ-согласования и глагольного аблаута, которые в андийских языках являются унаследованными (Алексеев 1988: 106–107), *l*-согласование, по-видимому, является (верхне)андийской инновацией. В других аваро-андийских языках такого механизма согласования нет; ближайшим аналогом может служить суффиксальное числовое согласование в цезских языках — гунзибском, бежтинском, хваршинском.

В грамматиках андийских диалектов *l*-согласование описано только применительно к отдельным типам мишеней — преимущественно именным зависимым и форме непереходного Императива. Объясняется это тем, что большинство зависимых в именной группе обязательно присоединяют суффикс *-(V)l* (1). Однако, как показывают данные текстов и элицитации, *l*-согласование также встречается на некоторых формах глагола (довольно редко) и наречных выражениях (на некоторых обязательно, на некоторых редко, на третьих никогда). В примере (2) на наречии *ʃu-CL*[1] ‘хорошо’ *l*-согласование обязательно, а на форме Прогрессива *hellir(il)* ‘бегают’ в том же примере — факультативно. При контролере согласования в единственном числе мишени *l*-со-

[1] *-CL* в записи лексем обозначает слот для классно-числового показателя.

гласования выступают в форме единственного числа, которая не маркируется специальным показателем (3). Подробное описание мишеней *l*-согласования в зиловском диалекте приведено в (Закирова 2020).

(1) *iʃːi-b-ul* *zilu-dira-b-ul* *b-etʃ'uχ-ol*
мы.EXCL.OBL-INAN1(GEN1)-PL Зило-RELAT-INAN1-PL INAN1-большой-PL
χink'ilo-l *ho-tɬ'ej* *dʒid-e*
хинкал.PL-PL DEM-MAN делать-HAB
'Наши зиловские большие хинкалы готовят так' (З[2], текст).

(2) *he-ge-w-ul* *ʃu-w-ul* *helli-r*(*-il*)
DEM-LL-M-PL хороший-M-PL бежать-PROG(-PL)
'Они хорошо бегают' (З, элиц.).

(3) *den* *ʃu-j* ***hell-e*(*-*l*)**
я хороший-F бежать-HAB(*-PL)
'Я хорошо бегаю' (З, элиц.).

В этой статье мы ставим перед собой цель описать морфологию показателя *-(V)l* на формах глагола и обсудить возможный сценарий диахронического развития таких форм.

Мы рассмотрим данные нескольких андийских говоров, прежде всего говоров с. Анди, Риквани и Зило (Ботлихский район Республики Дагестан). Материалы говора с. Анди представлены переводным текстом — «Сказками народов мира на андийском языке» (Магомедова, Алисултанова 2010) (8445 словоупотреблений) и текстами из грамматического очерка (Дирр 1906) (около 3400 словоупотреблений). Данные зиловского говора получены в экспедициях в с. Зило в 2017–2019 гг. в ходе опроса информантов; кроме того, мы использовали записанные в ходе экспедиций спонтанные тексты (около 30000 словоупотреблений). Материалы рикванинского говора представлены текстами, записанными в с. Риквани в 2015 г. М. А. Даниэлем и Т. А. Майсаком (4229 словоупотреблений). Кроме того, мы использовали кванхидатлинские данные — список Сводеша с примерами, записанный К. В. Филатовым и М. А. Даниэлем. Непронумерован-

[2] Для каждого примера в скобках указан диалект: А — андийский, Р — рикванинский, З — зиловский. Примеры, полученные при опросе информантов, сопровождаются пометой *элиц.*, для примеров, взятых из опубликованных текстов, указывается источник, в противном случае ставится помета *текст*.

ные примеры в тексте относятся к зиловскому диалекту, если не указано другое.

Раздел 2 посвящен происхождению согласовательного показателя *-(V)l* в андийских диалектах: мы покажем, что он восходит к одному из общеандийских показателей множественного числа существительных. Далее мы сосредоточимся на использовании *-(V)l* на глагольных формах. Раздел 3 представляет собой изложение данных, полученных в процессе полевого и текстового исследования: мы опишем функционирование *l*-согласования и алломорфическое варьирование показателя *-(V)l* на глагольных словоформах в андийском, рикванинском и зиловском диалектах. В разделе 4 мы обсудим возможный сценарий развития *l*-согласования на формах глагола из конструкций с причастием в предикативной позиции.

2. Экспансия показателя *-l*

Андийский показатель согласования по множественному числу имеет вид *-(V)l*, что наводит на мысль о его происхождении от показателя множественного числа существительных *-l*. Такой путь развития предполагает, что в андийском имела место экспансия показателя множественного числа: сначала он распространился на все существительные, а затем на зависимые в именной группе, глаголы и наречия. Рассмотрим выражение множественного числа в других андийских языках, а затем в диалектах андийского языка.

В других андийских языках показатели множественного числа разнообразны: ср. ахв. *-la*, *-li*, *-di*, *-do*, *-ba*, *-o*, *-na* (Магомедбекова 1967: 43–50), багв. *-Vbi*, *-dari*, *-di*, *-ali*, *-i*, *-a*, *-zabi*, *-adi*, *-āri*, *-ibadi* (Кибрик 2001: 132). Для праандийского состояния М. Е. Алексеев (Алексеев 1988: 92–93) восстанавливает следующие показатели множественного числа: **-be*, **-e*, **-di*, **-li*. Некоторые из современных суффиксов множественного числа в андийских языках восходят к ним, некоторые возникли путем комбинации этих суффиксов с другими суффиксами или с элементами косвенной основы.

Отдельного механизма согласования по числу в именной группе в других андийских языках нет, но именные зависимые часто имеют слоты для КЧ-согласования, при котором число на мишенях согласования выражается кумулятивно с классом:

(4) БАГВАЛИНСКИЙ [Кибрик и др. 2001: 152]

a. *w-aharu-w ima*
M-старый-M отец
‘старый отец’

b. *b-aharu-ba imari*
HPL-старый-HPL родители
‘старые родители’

c. *b-etf’atu-b zin*
N-черный-N корова
‘черная корова’

d. *r-etf’atu-r zin-a*
NPL-черный-NPL корова-PL
‘черные коровы’

В андийском языке числовое маркирование разнится по говорам. Так, ситуация в мунинском говоре (нижнеандийские) напоминает ахвахскую/багвалинскую: в нем представлены разнообразные показатели множественного числа *-li*, *-duli*, *-bi*, *-mi*, *-i*, *-du* (Жиль Отье, л.с.). Данных о суффиксальном согласовании по числу в этом говоре нет. В другом нижнеандийском говоре — кванхидатлинском — формы множественного числа обычно заканчиваются на *-l*: по крайней мере, это верно для всех существительных в форме AbsPl в материалах К. В. Филатова и М. А. Даниэля. Однако прилагательные, судя по этим материалам, не присоединяют согласовательных показателей множественного числа. Верхнеандийские говоры демонстрируют примерно гомогенную картину: показатели множественного числа заканчиваются на *-l*, ср. список алломорфов показателя AbsPl в очерке гагатлинского говора (Салимов 2010: 75): *-al*, *-bdul*, *-bil*, *-dul*, *-il*, *-l*, *-lal*, *-lil*, *-ol*, *-bol*, *-dil*, *-badul*, *-ol*, *-nil*, *-dobil*. Именные зависимые, некоторые формы глагола и наречия, как уже говорилось раньше, демонстрируют согласование по числу (1-3) с помощью похожего суффикса *-(V)l*: такое согласование обнаружено в андийском, рикванинском, зиловском и гагатлинском говорах.

Можно предположить, что процесс экспансии *-l* происходил в два этапа: 1) суффикс *-l* (<*-*li*) распространился на все типы существительных, причем он не заменил другие суффиксы множественного числа, а присоединился к уже имеющимся (Алексеев 1988: 92–93, Алексеев 2003: 175); 2) суффикс *-l* распространился на другие типы словоформ и тем самым развился в согласовательный показатель. Этап 1 затронул все андийские диалекты, кроме мунинского. Этап 2 затронул верхнеандийские диалекты, но, по-видимому, не затронул мунинский и кванхидатлинский (или же затронул их в меньшей степени, но у нас нет подтверждающих это свидетельств). Остается неизвестным, в каком порядке происходило распространение суффикса

-*l* на разные мишени согласования. Возможно, что экспансия -*l* на именные зависимые произошла раньше всего, так как их согласование обязательно, хотя причинно-следственная связь между древностью изменения и отсутствием вариативности неочевидна: так, например, в английском по крайней мере со среднеанглийского периода наблюдается вариативность фонетического облика суффикса герундия -*ing* [-*ɪŋ*]/[-*ɪn*], однако ни один вариант с тех пор не закрепился как единственный (Houston 1985: 33–36). Более полное описание суффиксального согласования по числу в андийских говорах, прежде всего в мунинском и кванхидатлинском, могло бы пролить свет на диахронию процесса.

Возможно, что похожие сценарии распространения именных показателей множественного числа имели место в родственных цезских языках. Так, в гунзибском (van den Berg 1995: 57) и хваршинском (Khalilova 2009: 101) прилагательные присоединяют суффиксы множественного числа. В гунзибском суффикс -*ar* при этом совпадает с одним из суффиксов множественного числа существительных (van den Berg 1995: 40), а хваршинский суффикс -*t'a*, по-видимому, имеет другой источник — множественное число существительных в хваршинском образуется с помощью суффиксов -*bo*/-*ba*, -*no*/-*na* (Khalilova 2009: 62–64). В гунзибском (van den Berg 1995: 81) и бежтинском (Комри и др. 2015: 336–359) глаголы согласуются по числу с существительными, и по крайней мере некоторые из этих согласовательных показателей восходят к именным показателям множественного числа (Ломтадзе 1953: 448, Алексеев 1988: 157).

3. *l*-согласование на глаголе

Этот раздел посвящен описанию *l*-согласования на глаголе, которое для большинства форм представляет собой довольно редкое явление. Чтобы оценить диапазон возможных мишеней такого согласования, мы привлечем материал элицитации и текстов на трех верхнеандийских диалектах — андийском, рикванинском и зиловском. Описав согласование глаголов по числу в верхнеандийских диалектах, мы сравним его с согласованием глаголов по числу в гунзибском и хваршинском.

3.1. *l*-согласование глагольных словоформ: морфология

Выражение типичного для нахско-дагестанских языков КЧ-согласования — лексическое свойство некоторых корней и аффиксов. Если в корне глагола имеется слот для КЧ-согласования, то глагол согласуется во всех формах, как финитных, так и нефинитных.

l-согласование, в отличие от КЧ-согласования, маркируется не в корне, а на правой периферии глагола, после словоизменительных аффиксов. Таким образом, можно ожидать, что возможность *l*-согласования будет зависеть от формы глагола. Это ожидание действительно оправдывается. В этом мы убедимся на примере основных форм индикатива и формы императива.

Формы индикатива

В Таблице 1 перечислены синтетические формы индикатива, общие для трех рассматриваемых диалектов. Кроме них, у некоторых глаголов есть нерегулярные формы презенса, например, у глагола *CL-etł'-eri* [CL-пахать-INF] 'пахать' наряду с формой Прогрессива *CL-etł'i-r* [CL-пахать-PROG] есть форма с презентной референцией *CL-etł'o* [CL-пахать.PRS].

Синтетические формы индикатива в большинстве своем могут маркироваться показателем множественного числа — за исключением формы Аориста. Для некоторых форм (например, Перфекта) возможность присоединения *-(V)l* зависит от диалекта. Рассмотрим далее каждую форму по отдельности.

Форма Аориста представляет собой чистую основу и не может присоединять показатель *-(V)l*. Формы типа **w-oʔo-l* [M-PL.прийти.AOR-PL] отвергались носителями зиловского диалекта как неграмматичные; ни одной такой формы не встретилось в текстах на андийском, рикванинском и зиловском диалектах.

Форма Перфекта в андийском и зиловском диалектах, по-видимому, тоже не присоединяет показатель *-(V)l*: формы типа **w-oʔo-j-il* [M-PL.прийти-PRF-PL] ни разу не встретились нам при работе с носителями зиловского диалекта и в текстах на этом диалекте; в «Сказках» отсутствуют примеры типа **w-oʔo-d:u-l* [M-PL.прийти-PRF-PL]. В рикванинском диалекте, однако, соответствующая форма на *-d* может факультативно присоединять показатель *-(V)l* (5):

Таблица 1. Синтетические формы индикатива в андийских диалектах

	основы на гласный: *anɬi-* ‘слышать’	носовые основы: *tɬ’iχ-* ‘спать’
Аорист	*anɬi*	*tɬ’iχ-on*[3]
Перфект	Анди: *anɬi-d:u* Риквани: *anɬi-d* Зило: *anɬi-j*	Анди: *tɬ’iχ-onni-d:u* Риквани: *tɬ’iχ-on-d* Зило: *tɬ’iχ-onni-j*
Прогрессив	*anɬi-r* / *anɬi-rado*	Анди: *tɬ’iχ-o-mado* / *tɬ’iχ-o-m* / *tɬ’iχ-o-n*[4] Риквани: *tɬ’iχ-o-mado* Зило: *tɬ’iχ-o-mado*
Хабитуалис	Анди: *anɬ-id*[5]*-o* Риквани: *anɬ-d-o* Зило: *anɬ-e*	Анди: *tɬ’iχ-inn-o* Риквани: *tɬ’iχ-inn-o* Зило: *tɬ’iχ-inn-e*
Будущее	Анди: *anɬ-id-ja* Риквани: *anɬ-d-ja* Зило: *anɬ-ija*	Анди: *tɬ’iχ-inn-ja* Риквани: *tɬ’iχ-inn-ja* Зило: *tɬ’iχ-inn-ija*

(5) *rejqχur b-erʁa-b rihil-l’a*
война INAN1-начаться-PST.PTCP время.OBL-SUP.ESS
w-oɢo-d-il *if:il he-ge-w kurtʃalil-łu*
M-PL.прийти-PRF-PL 1PL.EXCL DEM-LL-M Курчалой-ESS
‘Когда война началась, мы переехали в этот Курчалой’ (Р, текст).

[3] У глаголов с носовой основой мы выделяем вслед за (Rochant 2017) в формах Аориста, Перфекта и Прогрессива тематический суффикс *-(V₁)n-* (глоссируется как PFV), а в формах Хабитуалиса и Будущего — тематический суффикс *-(V2)n-* (глоссируется как IPFV). Гласный в тематическом суффиксе Аориста, Перфекта и Прогрессива в общем случае не совпадает с гласным в тематическом суффиксе Хабитуалиса и Будущего, ср. *-on-* и *-in-* соответственно в глаголе *tɬ’iχinnu* ‘спать’, поэтому мы и постулируем два разных тематических суффикса и по-разному их глоссируем.

[4] Глаголы с назальной основой почти всегда выступают в полной форме на *-mado*; существование двух кратких форм на *-m* и *-n*, по мнению А. Дирра, отражают неразличение *m* и *n* на конце слова.

[5] У глаголов с основой на гласный мы выделяем в формах Хабитуалиса и Будущего тематический суффикс *-id-* (глоссируется как IPFV). Исключением является зиловский говор, в котором формы Хабитуалиса и Будущего образуются атематически.

Формы Прогрессива, краткая (на *-r*) и полная (на *-rado* и *-mado*) в отношении маркирования показателем множественного числа ведут себя по-разному. Краткая форма Прогрессива на *-r* от неносовых основ факультативно присоединяет *-(V)l* во всех трех диалектах: ср. собственно андийские примеры (6) с согласующимся по числу Прогрессивом и (7) с не согласующимся по числу Прогрессивом, рикванинский пример (8) с согласованием формы Прогрессива, а также зиловский пример (9) с факультативным согласованием.

(6) *baʁu-hal-la,* *sonso-tʃ'u-kːu=lo*
красивый-состояние-SUP.ESS друг_друга-CONT-EL=ADD
w-orhan-dːu, *soru* *roq'i-dːu* ***w-aχunni-r-il***.
M-обрадоваться-CVB вместе мириться-CVB M-жить-PROG-PL
{Они} 'живут в согласии, в дружбе' (А, «Сказки»).

(7) *he-gel-tɬi* *ib=gu* *bak'ʷol=lo* *t'irt'iʃo-dːu* *b-ik'ʷo-dːu,*
DEM-LL.OBL-GEN весь=INT шкура=ADD рвать-CVB INAN1-быть-PRF
miχi-tɬol *k'ʷomodul=lo* ***gelgedi-r*** *b-ok'ʷo-dːu.*
мех.OBL-GEN.PL клок.PL=ADD висеть-PROG INAN1-PL.быть-PRF
'Вся шкура ее была изодрана, и мех ее висел клочьями' (А, «Сказки»).

(8) ***χodi-r-il*** *hege-w-l...*
просить-PROG-PL DEM-M-PL...
'Они просили' {их отпустить} (Р, текст).

(9) *gurdibo-l* ***gelgedi-r-(il)*** *ʃipaneru-la*
рубашка.PL-PL висеть-PROG-PL шкаф.OBL-IN.ESS
'Рубашки висят в шкафу' (З, текст).

О вариативном использовании суффикса множественного числа на формах Прогрессива пишет в примечании к одному из текстов на андийском говоре А. Дирр (1906: 106): «*ihiril* мн.ч. от *ihir*. Употребление множ. ч., должно быть, раньше было больше в ходу, чем теперь. ⟨…⟩ В моих записках есть пример: *beʃiril padamil* 'вяжет чулки', данные мне одним из моих помощников, но другие утверждали, что нельзя говорить *beʃiril*, а только *beʃir*» (курсив мой — *А. З.*).

Полные формы Прогрессива на *-rado*/*-mado* гораздо реже присоединяют показатель *-(V)l*: формы типа *helli-rado-l* [бежать-PROG-PL] обычно оцениваются носителями зиловского диалекта как неграмматичные. В текстах на андийском и рикванинском говорах таких

форм не встретилось, однако в одном из текстов на зиловском говоре находим пример:

(10) *din islam=lo kubolijdi-r-ol=lo uʒe, atann-ij*
религия ислам=ADD молиться-MSD-PL=ADD уже открыть-CVB
dʒidi-rado-l, *k'ol-ibol=lo dan=no dʒib dan*
делать-PROG-PL рот-PL=ADD вещь=ADD весь вещь
'Религия — ислам, молитвы уже, открыто делают, пост, это все' (З, текст).

Нерегулярные формы с презентной референцией тоже могут присоединять показатель *-(V)l* — по крайней мере в зиловском говоре.

(11) *soru-sːol=lo di-tʃ'u w-eχudu* ***haltʃ'itʃ'on-il***
вместе-ATTR.PL=ADD я.OBL-CONT M-за смотреть.PRS-PL
w-oʁi-j
M-PL.остановиться-PRF
'Те, кто были со мной, смотрели мне вслед' (З, текст).

(12) *xanni-r-il,* ***wetɬ'o-l,*** *r-iʃ-otɬi-r-il.*
косить-PROG-PL пахать-PL INAN2-собираться-CAUS-PROG-PL
{Что вас заставляли делать в колхозе?} 'Мы косили, пахали, собирали' {сено} (З, текст).

Форма Хабитуалиса имеет в андийском и рикванинском диалектах окончание *-do* (с носовыми основами *-do* → *-no*) и не встречается в текстах на этих диалектах с показателем множественного числа. В зиловском диалекте форма Хабитуалиса имеет показатель *-e* и, согласно суждениям наших информантов, может присоединять показатель *-(V)l*. В текстах на зиловском говоре такие формы тоже засвидетельствованы.

(13) *bisːil i-<w>a=k'o* ***w-oʔinn-e-l****?*
вы что-M:DIR=WH.HAB M-PL.уйти-HAB-PL
'Куда вы ходите?' (З, элиц.)

(14) *se-b q'uru=lo b-iχ-ij en-fːu-j=gu*
один-AN лягушка=ADD AN-взять-PRF REFL-M.OBL-DAT=INT
w-oʔinn-e-l *iʃːi-<w>a motʃ'i=lo* χ^{w}*ej=lo*
M-PL.уйти-HAB-PL дом-M:DIR мальчик=ADD собака=ADD
'Взяв одну лягушку себе, мальчик и собака идут домой' (З, текст).

Наконец, форма Будущего на *-idja* (*-ija* в зиловском) может присоединять показатель *-(V)l* по крайней мере в зиловском диалекте. В текстах на андийском и рикванинском диалекте бесспорных примеров *l*-согласования на форме Будущего мы не обнаружили.

(15) *sonso-ʔo* *hi-ʔo-hitł'-u* ***w-oʔ-ija-l***
друг_друга-SUP.LAT на-SUP.LAT-под-ESS M-PL.прийти-FUT-PL
w-oкi.
M-PL.быть.AOR
'Друг к другу ходили' (З, текст).

(16) *he-ge-j-il* *se-j-koł-ol* *reχudu-kːu* ***j-oʔ-ija-l***.
DEM-LL-F-PL один-F-немного-PL после-EL F-PL.прийти-FUT-PL
'Они придут немного позже' (З, элиц.).

Формы других наклонений

За пределами парадигмы индикатива существует еще одна форма глагола, для которой возможно *l*-согласование, — это форма непереходного Императива, общая для всех трех диалектов. Как и в других родственных аваро-андийских языках, в верхнеандийских диалектах показатель Императива выбирается в зависимости от переходности клаузы: в непереходной конструкции используется показатель *-b* (у носовых основ *-m*) а в переходной — показатель *-o*.

В зиловском диалекте непереходный императив на *-b* (*-m*) обязательно согласуется по множественному числу с абсолютивным аргументом (= адресатом), присоединяя показатель *-(V)l*, а переходный императив на *-o*, напротив, не согласуется с абсолютивной ИГ:

(17) *hono-b-ul=lo* *b-oχi-j* *χanʃːu-j*
DEM-INAN1-PL=ADD INAN1-PL.взять-CVB царь.OBL-F(GEN)
joʃìk'ʷal-χo ***w-oʔo-m-ul***
жена.OBL-APUD.LAT M-PL.уйти-IMP-PL
'Вот эти (вещи) возьмите и идите к жене царя' (З, текст).

(18) *enʃːu-w-ul* *motʃ'il* ***w-etłelt-o***
REFL.OBL-M(GEN)-PL ребенок.PL M-отпускать-IMP
'Оставь моих детей' (З, текст).

В андийском диалекте скорее всего представлена похожая ситуация: так, в «Сказках» непереходный императив присоединяет показатели *l*-согласования, а переходный их не присоединяет.

(19) *oh,* ***j-oвi-b-ul****=reχu!*
INTJ AN.PL-PL.останавливаться-IMP-PL=PTCL
‘Ну, погодите же!’ (А, «Сказки»)

(20) ***itſ:-o*** *ho-<r>a s:aвʷatol, den den=gu=bu*
дать-IMP DEM-<INAN2>DIR гостинец.PL я я=INT=PRST
r-oɢo-ll-ja.
INAN2-PL.прийти-CAUS-FUT
‘Давай гостинцы, я их сам отнесу’ (А, «Сказки»).

Однако в грамматическом очерке (Дирр 1906) имеются примеры *l*-согласования на обеих формах императива, причем судя по примеру (21), согласование на переходном императиве факультативно.

(21) ***qχard-o*** / ***qχard-o-l*** *he-ge-b-ul harp-ol*
писать-IMP писать-IMP-PL DEM-LL-INAN1-PL буква.PL-PL
‘Пиши эти буквы’ (А, Дирр 1906: 59).
‘Пишите эти буквы’ (А, Дирр 1906: 59).

В рикванинском диалекте непереходный императив присоединяет показатели *l*-согласования, при этом показатель *-b* перед ним изменяется в *-w*:

(22) *bis:il* ***halt’unni-w-l*** *ʒełal!*
вы работать-IMP-PL сегодня
‘Вы поработайте сегодня!’ (Сулейманов 1957: 388)

В грамматическом очерке рикванинского диалекта (Сулейманов 1957) утверждается, что императив множественного числа может иметь показатель *-l*/*-ol*, однако соответствующих примеров не приводится. В текстах на рикванинском диалекте не встретилось примеров переходного императива с множественным объектом, однако судя по следующему примеру, *l*-согласование на переходном императиве по крайней мере необязательно:

(23) *χodu-l* ***elt-o****!*[6]
собака.PL-PL отпустить-IMP
‘Отпусти собак! (Р, элиц.)’

В протасисе условного предложения в верхнеандийских диалектах используется форма с показателем *-bor*. В текстах на андийском,

[6] Автор благодарит за пример Н. Р. Добрушину.

рикванинском и зиловском диалектах эта форма не присоединяет показателя *-(V)l*. Носители зиловского говора считают формы типа **w-oʔo-bor-il* [M-PL.прийти-COND-PL] ‘если придут’ неграмматичными.

Приемлемость и показатели *l*-согласования глагольных форм суммированы в Таблице 2. До знака «+» указывается показатель глагольной формы (в случае Аориста — исход основы), после знака «+» — алломорф показателя *-(V)l*, если он возможен. Формы, к которым может присоединяться показатель *-(V)l*, выделены серым.

Итак, *l*-согласование на глагольных формах подвержено некоторому диалектному варьированию. Однако можно сделать следующие обобщения: форма Аориста не присоединяет его никогда, а форма непереходного императива согласуется обязательно. Остальные случаи описываются более частными правилами.

Как показано в (Закирова 2020), в именной группе закономерности *l*-согласования можно описать в синтаксических терминах: практически все именные зависимые согласуются, кроме указательных местоимений, которые согласуются факультативно. Данные, представленные в Таблице 2, не объясняются так же легко синтаксическими соображениями. Так, краткая и полная формы Прогрессива, между которыми не обнаружено синтаксической и семантической разницы, все же ведут себя по-разному. Формы Аориста и Перфекта в андийском и зиловском говорах противопоставляются другим финитным формам индикатива. Форма Аориста при этом отличается еще в нескольких аспектах — например, выбором репортативных и вопросительных клитик (Maisak 2020) и несовместимостью с вопросительной копулой *-ʁiro*. Форма Перфекта таких свойств не обнаруживает, однако в андийском и зиловском говорах они одинаково не принимают показателей *l*-согласования.

При сравнении функционирования *l*-согласования с функционированием классно-числового согласования оказывается, что *l*-согласование на глагольных формах регулируется другими, более сложными закономерностями: в то время как лексически обусловленные КЧП одинаково присутствуют на всех словоформах глагольной парадигмы, возможность присоединения показателя *-(V)l* определяется конкретной формой глагола.

Распределение алломорфов показателя *-(V)l* в глагольных формах можно описать следующим образом: после гласных *a*, *e* он имеет вид *-l*, после зубных согласных *d* и *r* — вид *-il*, а после губных *b* и *m* — вид *-ul*.

Таблица 2. Приемлемость согласования на формах глагола в андийских диалектах

	Анди	Риквани	Зило
Аорист	основы на гласный: *V* носовые основы: *n*	основы на гласный: *V* носовые основы: *n*	основы на гласный: *V* носовые основы: *n*
Перфект	*-d:u*	*-d* + *-il*	*-j*
Прогрессив (краткая форма)	основы на гласный: *-r* + *-il* носовые основы: *-m?*	основы на гласный: *-r* + *-il* носовые основы: не засвидетельствовано	основы на гласный: *-r* + *-il* носовые основы: не засвидетельствовано
Прогрессив (полная форма)	основы на гласный: *-rado* носовые основы: *-mado*	основы на гласный: *-rado* носовые основы: *-mado*	основы на гласный: *-rado* + *-l* носовые основы: *-mado*
Хабитуалис	основы на гласный: *-do* носовые основы: *-no*	основы на гласный: *-do* носовые основы: *-no*	*-e* + *-l*
Будущее	основы на гласный: *-idja* носовые основы: *-inn-ja*	основы на гласный: *-idja* носовые основы: *-inn-ja*	*-ija* + *-l*
Императив в непереходной клаузе	основы на гласный: *-b* + *-ul* носовые основы: *-m* + *-ul*	основы на гласный: *-b* + *-ul* носовые основы: *-m* + *-ul*	основы на гласный: *-b* + *-ul* носовые основы: *-m* + *-ul*
Императив в переходной клаузе	основы на гласный: *-o* + *-l* носовые основы: *-on*	основы на гласный: *-o* носовые основы: *-on*	основы на гласный *-o* носовые основы: *-on*
Условная форма	основы на гласный: *-bor* носовые основы: *-mor*	основы на гласный: *-bor* носовые основы: *-mor*	основы на гласный: *-bor* носовые основы: *-mor*

3.2. *l*-согласование в текстах на зиловском говоре

Чтобы лучше представить себе функционирование глагольных форм с показателем *-(V)l*, мы просмотрели имеющиеся в нашем распоряжении собрания текстов. Общий вывод, который можно сделать, состоит в том, что на формах индикатива показатель *-(V)l* встречается довольно редко. Так, в тексте «Сказок» на андийском говоре (8445 словоупотреблений) обнаруживается всего 4 такие формы — 3 формы Прогрессива и одна форма с презентной референцией, которую мы затрудняемся проанализировать: это или форма краткого прогрессива на *-n*, или нестандартный презенс. В текстах, собранных А. Дирром, (около 3400 словоупотреблений) форма *l*-согласования на глаголе встречается лишь однажды. В корпусе экспедиционных текстов на зиловском диалекте (около 30 тыс. словоупотреблений) индикативных форм с показателем *-(V)l* всего 22. Для более осмысленной оценки следует подсчитать количество контекстов, в которых у этих же форм глагола контролер согласования стоит во множественном числе, то есть таких контекстов, где можно ожидать появления *l*-согласования. По нашим наблюдениям, таких контекстов на порядок больше.

Таблица 3. Показатель *-(V)l* на формах глагола в текстах на зиловском говоре

	PROG *-r*	PROG *-rado (-mado)*	Нестандартные формы PRS	FUT	HAB	IMP
Неперех. констр.	9	1	2	1	3	14
Перех. констр.	2	1	0	3	0	0

Еще одна закономерность, которую можно усмотреть в Таблице 3, — это тот факт, что для формы Прогрессива *l*-согласование чаще всего обнаруживается в непереходных конструкциях: так, в примере (24) показатель *-(V)l* присоединяется к непереходным глаголам *lelederi* ‘кричать’, *qχiqχideri* ‘кричать’. В примере (25) показатель *-(V)l* присоединяется к переходному глаголу *χanneri* ‘косить’, который однако используется в непереходной конструкции.

(24) ***leledi-r-il*** ***qχiqχidi-r-il*** *j-itʃ'o-j* *baba*
плакать-PROG-PL кричать-PROG-PL F-умереть-PRF мама
j-it'u-j=du *ʃajt'ama-di* *j-eq':aʃːi-j=du*
F-исчезнуть-PRF=QUOT шайтан.OBL.PL-ERG F-украсть-PRF=QUOT
'Плакали, орали, что мама умерла, пропала, что шайтаны украли ее' (З, текст).

(25) *he-łe-w-ul* *bilada-qχi-kːu* ***χanni-r-il*** *w-oʁ-i*
DEM-UL-M-PL гора.OBL.PL-PROL-EL косить-PROG-PL M-PL.быть-PST
w-ok'ʷ-e *itłi-w-ul* *adam*
M-PL.быть-HAB мы.INCL.OBL-M(GEN)-PL человек.PL
'Они в горах косили, наши люди' (З, текст).

Возможно, что в форме Будущего наблюдается обратная тенденция: *l*-согласование чаще используется с переходными глаголами, и согласование происходит с P-аргументом переходного глагола.

(26) *łob-ul=gu=lo* *he-del-di* *soru* ***w-otʃinn-ija-l***
3-PL=INT=ADD DEM-SL.OBL-ERG вместе M-PL.привести-FUT-PL
'Она брала нас всех троих с собой' (З, текст).

4. Гипотеза с причастиями в позиции предиката

В сравнительно-исторических исследованиях дагестанских языков (Алексеев 1988: 107–110) высказывалась идея, что многие синтетические формы глагола по происхождению являются перифрастическими, то есть происходят от сочетаний причастия с глаголом-связкой. Можно предположить, что формы глагола, которые присоединяют показатели *l*-согласования, имеют причастное происхождение. Рассмотрим эту возможность применительно к зиловскому диалекту.

Мы действительно ожидаем, что причастия в позиции предиката будут присоединять показатель *-(V)l*, так как прилагательные в позиции предиката всегда присоединяют показатель множественного числа:

(27) *he-ge-w-ul* ***baʁol*** / **baʁu*
DEM-LL-M-PL красивый.PL красивый
'Они красивые' (З, элиц.).

Примером «канонической» причастной конструкции может служить конструкция с причастием прошедшего времени на *-b*. Ее семантика нуждается в более подробном изучении, но по нашим предварительным наблюдениям она имеет результативную семантику (28–29). Конструкция с причастием на *-b* требует согласования причастия по числу (29).

(28) *umuru χoro-χa* ***w-uk'o-b***
жизнь овца.PL.OBL-APUD.ESS M-быть-PST.PTCP
'Всю жизнь провел с баранами' {т.е. был чабаном} (З, текст).

(29) *he-tɬ'ej* ***w-oʔo-b-ul*** *he-w-ul.*
DEM-MAN M-PL.прийти-PST.PTCP-PL DEM-M-PL
{Расскажи им историю.} 'Они для этого пришли' (З, текст).

В зиловском диалекте также есть хабитуальное причастие на *-ija*, которое ставит нас перед вопросом, как трактовать форму на *-ija* в позиции предиката: как глагольную форму или же как причастную конструкцию с опущенной связкой. Из того, что примеры типа (26) с согласованием по числу редки, а чаще встречаются примеры без показателя *-(V)l* (30), можно сделать вывод, что конструкция с причастием на *-ija* приобрела в ходе грамматикализации некоторые свойства финитной глагольной формы.

(30) *itɬi-di=gu=lo* *he-ge-b-ul* *dana-ʔo*
мы.INCL.OBL-ERG=INT=ADD DEM-LL-INAN1-PL вещь.PL.OBL-SUP.LAT
waspitywat ***dʒid-ija*** *motf'il*
воспитывать делать-FUT ребенок.PL
'Мы на этом должны воспитывать детей' (З, текст).

Вариативное поведение формы на *-ija* можно рассматривать как аргумент в пользу того, что *l*-согласование — это «атавизм», сохранившийся в редуцированном виде с тех времен, когда форма на *-ija* была частью причастной конструкции, или же наоборот инновация.

Такая же трактовка возможна для формы непереходного Императива: она совпадает с причастием на *-b*, что засвидетельствовано и в других нахско-дагестанских языках (Dobrushina 2017). Однако, в отличие от правдоподобного синкретизма причастия/Будущего, совпадению причастия и формы Императива труднее дать объяснение.

Формы Прогрессива на *-r*/*-rado*, нестандартных презенсов и Хабитуалиса на *-e* представляют собой еще более сложные случаи. Прогрессив на *-r* формально соответствует андийскому Масдару, однако причины такого синкретизма неясны. Кроме того, суффикс множественного числа на формах Масдара имеет вид *-ol* (*ruq'u-r-ol* [болеть-MSD-PL] 'болезни'), а формы Прогрессива имеют суффикс *-il*, то есть Масдар в предикативной позиции не полностью соответствует Прогрессиву. Согласно (Нэж Рошан л.с.), в мунинском диалекте андийского языка имеется показатель настоящего времени *-ra*. Связи между этим показателем, *-r* и *-rado* требуют отдельного изучения, однако нам представляется преждевременным говорить об общем происхождении форм Масдара и Прогрессива в андийском. Формы нестандартных презенсов кажутся по крайней мере на синхронном уровне нечленимыми, впрочем, нельзя исключать их изначальной именной природы. Что касается формы Хабитуалиса, то она не совпадает ни с какой формой в современном андийском языке.

Итак, насколько убедительна наша причастная гипотеза? Нельзя сказать, что синхронные андийские данные ей вопиющим образом противоречат: по крайней мере если форма имеет причастное происхождение, то она может присоединять *-(V)l.* Для форм, произошедших не от причастий (ср. рикванинский Перфект), можно постулировать выравнивание в результате аналогии. Однако синхронное распределение показателя *-l* на глаголах оказывается сложнее.

Путь развития, подобный описанному выше, предлагается для гунзибского и бежтинского языков (Ломтадзе 1953: 448), в которых глаголы также присоединяют инфиксальные и суффиксальные показатели числа. Однако в этих языках экспансия показателей множественного числа, по-видимому, зашла дальше, чем в андийском. Так, формы *l*-согласования на андийских глаголах факультативны и даже редки. В бежтинском согласование по числу лексически задано, но если определенная лексема согласуется по числу, то согласование обязательно (Заира Халилова, л.с.). В андийских диалектах суффиксы множественного числа присоединяются после словоизменительных показателей времени и наклонения. В гунзибском (van den Berg 1995: 81) и бежтинском (Комри и др. 2015: 336–359) инфиксы и суффиксы множественного числа предшествуют показателям времени и наклонения, то есть сильнее интегрированы в словоформу.

5. Заключение

В этой работе мы описали путь развития показателя множественного числа -*(V)l* в андийских диалектах, который заключается в том, что суффикс из парадигмы существительного распространился на слова других частей речи. В результате этого развития в андийском появилось согласование по множественному числу, отдельное от классно-числового согласования.

Мы описали функционирование этого показателя на глаголах, а затем сравнили его с более распространенным в нахско-дагестанских языках классно-числовым согласованием. Выяснилось, что *l*-согласование отличается от классно-числового согласования тем, что́ ответственно за его появление: в то время как слот для КЧП является лексическим свойством глагола, показатели *l*-согласования тяготеют к концу словоформы и ассоциированы с определенными словоизменительными показателями и синтаксическими позициями, но не бывают лексически обусловленными.

Кроме того, мы обсудили гипотезу о происхождении показателя -*(V)l* на глаголах из причастных конструкций и нашли ее правдоподобной, хотя и несколько проблематичной.

Список сокращений

ADD — аддитивная частица; AOR — аорист; APUD — локализация возле ориентира; ATTR — атрибутивизатор; AN — класс животных; CAUS — каузатив; CONT — локализация на поверхности ориентира; CVB — конверб; DAT — датив; DEM — указательное местоимение; DIR — директив (словообразовательный показатель наречий); EL — элатив; ERG — эргатив; ESS — эссив; EXCL — эксклюзив (категория местоимений); F — женский класс; FUT — будущее время; GEN — генитив; HAB — хабитуалис; HPL — класс людей во множественном числе; IMP — императив; IN — инессив; INAN — неодушевлённый класс; INCL — эксклюзив (категория местоимений); INT — интенсификатор; LAT — латив; LL — местоимение нижнего уровня; M — мужской класс; MAN — указательное наречие образа действия; MSD — масдар; N — средний класс; NEG — отрицание; NPL — неодушевлённый класс во множественном числе; OBL — косвенная основа; PL — множественное число; PRF — перфективная основа; PROG — прогрессив; PROL — пролатив; PRST — презентатив; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; QUOT — квотатив; REFL — рефлексив; RELAT — суффикс, образующий названия жителей; SL —

местоимение одного уровня с говорящим; SUP — локализация на горизонтальной поверхности; UL — местоимение верхнего уровня; WH — вопросительное слово.

Литература

Агларов М. А. 2002. *Андийцы. Историко-этнографическое исследование*. Махачкала.

Алексеев М. Е. 1988. *Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков.* М.: Наука.

Алексеев М. Е. 2003. *Сравнительно-историческая морфология нахско-дагестанских языков. Категории имени*. М.: Academia.

Дирр А. М. 1906. Краткий грамматический очерк андийского *языка. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа.* Вып. 36. Отд. 4. С. 1–200. Тифлис.

Закирова А. Н. 2020. Согласование по числу в андийском языке: экспансия из парадигмы существительных. *Родной язык*, № 2, 94–123.

Кибрик А. Е., Татевосов С. Г., Лютикова Е. А., Казенин К. И (ред.). 2001. *Багвалинский язык: Грамматика. Тексты. Словари.* М.: Наследие.

Комри Б., Халилов М. Ш., Халилова З. М. 2015. *Грамматика бежтинского языка*. Лейпциг; Махачкала: Институт эволюционной антропологии общества Макса Планка, ИЯЛИ ДНЦ РАН.

Ломтадзе Э. А. 1953. Образование множественного числа в глаголе капучинско-гунзибского языка. *Иберийско-кавказское языкознание*, т. V, 417–446. [На груз. яз.]

Магомедбекова З. М. 1967. *Ахвахский язык. Грамматический анализ, тексты, словарь*. Тбилиси: Мецниереба.

Магомедова П. А., Алисултанова М. А. 2010. *Дунялла бахуннирсси халгъгъиллIол гъгъванабол гъгъванаб мицIцIиллассол мухал (Сказки народов мира на андийском* языке) / Отв. ред. П. А. Магомедова, пер. М. А. Алисултановой. Махачкала: ИД «Нуруль иршад».

Майсак Т. А. 2020. Выбор клитики в зависимости от видо-временной формы предиката: данные андийского языка. *Типология морфосинтаксических параметров*, т. 3, вып. 1, 77–94.

Муталов Р. О. 2003. *Морфологический строй глагола даргинского языка*. Дисс. … докт. филол. наук. Махачкала: ДГУ, 2003.

Муталов Р. О. 2002. *Глагол даргинского языка*. Махачкала.

Салимов Х. С. 2010. *Гагатлинский говор андийского языка.* Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН.

Сулейманов Я. Г. 1957. *Грамматический очерк андийского языка (по данным говора с. Риквани).* Дисс. … канд. филол. наук. М.: ИЯз АН СССР.

Dobrushina N. 2017. Transitivity split in imperative. *12th Conference of the Association for Linguistic Typology (ALT).* Canberra, Australia, 12th–14th December 2017.

Houston A. C. 1985. *Continuity and change in English morphology: The variable (ING).* Ph.D. diss., Univ. of Pennsylvania.

Khalilova Z. 2009. *A grammar of Khwarshi.* Amsterdam: LOT.

Rochant N. 2017. Morphologie, syntaxe et sémantique des verbes causatifs synthétiques dans un dialecte andi. Mémoire de recherche de Master 1. Paris: INALCO.

van den Berg H. 1995. Grammar of Hunzib (with Texts and Lexicon). München: Lincom Europa.

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ ПО РОЖДАЕМОСТИ В ДАГЕСТАНЕ: ДИНАМИКА И ЕЕ ВОЗМОЖНЫЕ ПРИЧИНЫ[1]

К. И. Казенин
Российская академия народного хозяйства и государственной службы / НИУ Высшая школа экономики

Полиэтничность Дагестана делает этот регион чрезвычайно интересным не только для лингвистов, но для исследователей всех тех социальных явлений, по которым ожидаются межэтнические различия. Особый интерес для изучения таких явлений Дагестан представляет благодаря процессам, которые происходили в нем в последние десятилетия, прежде всего — массовой миграции с гор на равнину и из сельской местности в города, приобретшей особую интенсивность после распада СССР. Эта миграция привела к значительно более смешанному характеру расселения основных народов региона, чем наблюдался ранее, и существенно интенсифицировала межэтнические контакты.

Общепринятое предположение состоит в том, что за таким этническим смешением следует стирание различий между народами по тем социальным, культурным параметрам, по которым они различались, когда их проживание было более раздельным. Однако исследования, проведенные в разных странах мира, показывают, что реальная картина может быть заметно сложнее (см. примеры ниже). Даже на фоне общей ассимиляции разных этносов в условиях совместного проживания, некоторые различия между ними по социальному поведению могут оставаться устойчивыми. Кроме того, некоторые народы даже в условиях многонациональных мегаполисов сохраняют

[1] Статья отражает результаты исследования, проведенного в рамках НИР государственного задания РАНХиГС. Автор выражает благодарность Е. Л. Сороко за помощь в получении и первичной обработке индивидуализированных данных Микропереписи населения России 1994 года.

«замкнутость» своих диаспор, в малой степени воспринимая все социальные практики своих новых соседей (ср. во многом пионерские исследования различий в поведении этнических диаспор в городах США, предпринятые социологами Чикагской школы в первой трети XX века и заложившие основы для последующих таких исследований в других частях мира; см., напр., (Парк 2011)). Вопрос о том, какими закономерностями регулируется этот сложный и нелинейный ход этнической ассимиляции, на сегодня далеко не ясен. Для выработки новых подходов к его решению может казаться полезным введение в научный оборот данных по регионам, где ранее степень сохранности межэтнических различий в условиях миграции исследовалась сравнительно мало, в том числе по Дагестану.

В настоящей статье делается попытка проследить динамику межэтнических контрастов в постсоветском Дагестане на примере рождаемости. Будет показано, что по крайней мере в течение нескольких десятилетий до начавшихся в 1990-е годы интенсивных миграционных процессов между основными этносами Дагестана наблюдались заметные различия как по уровню рождаемости (среднему количеству рожденных детей на одну женщину), так и по ее возрастным характеристикам. В постсоветский период в Дагестане началось быстрое снижение рождаемости, и на его фоне эти различия в целом стали слабее. Тем не менее, некоторые народы сохранили отличия от других жителей региона по основным параметрам репродуктивного поведения. Такая «точечная» сохранность демографических различий, обнаруживаемая в Дагестане, представляет интерес в контексте глобальных демографических исследований. Дело в том, что набор демографических изменений, имевших место в Дагестане в постсоветское время, то есть миграция сельского населения и снижение рождаемости, был типичен на рубеже XX–XXI веков для развивающихся стран мира. Судьба межэтнических различий по рождаемости на фоне этих процессов оказывалась разной: в некоторых странах они стирались, в некоторых сохранялись, и причины того, почему межэтнические различия демонстрируют разную степень устойчивости, остаются предметом дискуссий (см. ниже). Дагестан, как мы увидим ниже, дает пример достаточно сложной динамики межэтнических различий по рождаемости на фоне социальных изменений, тем самым обогащая представления о вариантах этой динамики.

Статья построена следующим образом. Раздел 1 кратко характеризует изменения рождаемости, имевшие место в последние десятилетия в развивающихся странах, и влияние этого процесса на межэтнические различия по рождаемости внутри стран. Это дает возможность рассматривать интересующие нас процессы в Дагестане на фоне аналогичных процессов, происходивших примерно в одно время с ними в других частях мира. В разделе 2 рассматриваются основные характеристики рождаемости у народов Дагестана в позднесоветское и постсоветское время, а также представлены ключевые особенности постсоветской миграции в регионе, включая и те, которые потенциально способствовали стиранию межэтнических различий по рождаемости, и те, которые могли придать этим различиям устойчивость. В разделе 3 охарактеризованы данные и метод количественного исследования, в разделе 4 изложены его результаты, в разделе 5 содержится их обсуждение.

1. Миграция и рождаемость в развивающихся странах на рубеже XX–XXI веков (краткий обзор)

Последняя треть XX — начало XXI веков стали периодом небывалых ранее по масштабам изменений в сфере рождаемости во многих частях мира, прежде всего — в развивающихся странах. Абсолютное большинство таких стран вплоть до середины XX века сохраняли «архаичную» модель рождаемости (Вишневский (ред.) 2006: 29–43). В ее рамках среднее число детей, рожденных женщиной к концу репродуктивного периода, в два раза или более превышало уровень, необходимый для простого воспроизводства населения (двое детей на одну женщину), а средний возраст женщины при рождении первого ребенка был близок к возрасту достижения половой зрелости. На сегодняшний день стран, где сохранились такие характеристики рождаемости, в мире остается менее десятка (Shapiro, Hinde 2020). Снижение рождаемости и сдвиг ее «старта» к более старшим возрастам начались в последние десятилетия XX века почти во всем развивающемся мире (Bongaarts 1999, 2008). Темп этих изменений был различным от страны к стране (Luy, Köppen 2018), однако практически везде они шли быстрее, чем ранее в странах Западной, Северной, Центральной Европы и Северной Америки, почти во всех из которых

снижение рождаемости до уровня простого воспроизводства (так называемый Первый демографический переход; см. (Вишневский (сост.) 2006:139сл.)) завершилось к середине XX века.

Возможным причинам изменений рождаемости в развивающихся странах и высоких темпов этих изменений посвящена огромная литература. Предлагаются как экономические, так и социокультурные объяснения. Среди возможных экономических причин — распад традиционного хозяйственного уклада на селе, вызывающий массовую миграцию в города. Такая миграция, в свою очередь, ведет к изменению традиционного разделения обязанностей между супругами в семье, а также уменьшает или вовсе снимает характерную для села потребность в детях в качестве рабочих рук в домохозяйстве (Dyson 2011; Mason 2001). Что касается социокультурных объяснений снижения рождаемости, то они связывают это снижение с ростом доступа населения к различным источникам информации, знакомством с культурными и семейными нормами других стран и регионов мира через опыт зарубежной миграции и т. д. (см., напр., (Jejeebhoy 1995)).

Если эти объяснения верны, то наряду со снижением рождаемости следует ожидать и уменьшения межэтнических различий по ее характеристикам в тех странах и регионах, где такие межэтнические различия ранее имелись. Действительно, даже если традиционная культура каких-либо этносов содержала разные нормы относительно брачно-репродуктивного поведения (желаемого количества детей, возраста вступления мужчин и женщин в брак и т. д.), эти различия с большой вероятностью нивелируются, когда в условиях информационной открытости у традиционных норм появляются «глобальные конкуренты». Кроме того, мигрируя в одни и те же города и регионы, представители разных этносов, как правило, оказываются в одинаковых экономических условиях, что также способствует восприятию ими одинаковых «стандартов» в репродуктивном поведении.

В целом предположение об уменьшении межэтнических различий по рождаемости одновременно с ее снижением в развивающихся странах находит много эмпирических подтверждений (ср. (Addai, Travato 1999; Adebowale 2019) о стирании межэтнических различий по рождаемости между народами ряда африканских стран в ходе миграции в города; (Lindstrom 2003) об аналогичных процессах в Гва-

темале и т. д.). Однако имеются и многочисленные примеры, указывающие на то, что процесс этот не всегда «успевает» за снижением рождаемости, а иногда и вовсе не наблюдается там, где прогнозируется. Например, в Кыргызстане разные народы в целом прошли через одинаковый опыт социальных изменений после распада СССР, однако на фоне общего снижения рождаемости стране в 1990-е — начале 2000-х годов рождаемость среди этнических узбеков в Кыргызстане была существенно выше, чем среди киргизов (Kazenin, Kozlov 2020a; Nedoluzhko 2012). Имеются и примеры того, как некоторые этнические группы сохраняют традиционные характеристики своей рождаемости после миграции за рубеж (см. (Hampshire et. al 2011) о ранней брачности и рождаемости среди мигрантов из Бангладеш в Великобритании).

Исследователи по-разному объясняют тот факт, что межэтнические различия по рождаемости могут сохранять стабильность, несмотря на присутствующие потенциальные стимулы к их стиранию. В частности, некоторые авторы доказывают, что сохранение традиционных репродуктивных норм наиболее вероятно среди населения с низким уровнем образования: для них может быть более существенной поддержка со стороны своих родственников и своей этнической общины в многонациональной среде, и они стремятся быть «лояльными» этим группам, в том числе через сохранение принятых у них семейных норм (Salway 2007). Кроме того, способствовать сохранению межэтнических различий может компактное проживание этносов; такая тенденция обнаружена в некоторых городах, включая современный Лондон, где, как показано в (Wilson, Kuha 2018), уровень рождаемости, характерный для своей исторической родины, чаще сохраняют те потомки иммигрантов, которые выросли в городских районах с большой долей своих соотечественников среди населения. Наконец, немногочисленные исследования указывают на то, что этнические особенности рождаемости лучше сохраняются среди той части населения, которая сохранила владение языком своего этноса. Так, согласно (Yavuz 2004), в Турции на рубеже веков характерная ранее для курдского населения повышенная рождаемость в большей степени сохранялась у тех женщин данной этнической группы, в семье которых основным языком общения был тот или иной курдский диалект.

2. Демографические процессы в Дагестане в конце XX — начале XXI века: общая характеристика

В 1940–1980-е годы рождаемость коренных народов Дагестана существенно превышала рождаемость в России в целом. Это видно из сопоставления среднего числа детей на одну женщину у русского населения и у основных дагестанских этносов. В Таблице 1 этот показатель, рассчитанный по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года, приводится для женщин тех возрастных групп, чей репродуктивный период полностью или в основном пришелся на указанные десятилетия (учитываются женщины данных этносов, проживавшие на момент переписи во всех регионах РСФСР)[2]. У русского населения наблюдалось планомерное снижение рождаемости от более старших к более младшим возрастным группам и ее выход на уровень ниже простого воспроизводства (меньше двух детей на одну женщину). У дагестанских народов среднее число родившихся детей во всех возрастных группах было как минимум в два раза выше, чем у русских; рождаемость к более молодым возрастным группам снижалась, но масштаб ее снижения был гораздо менее значительным, чем у русских, и снижение не было монотонным (подробнее о динамике рождаемости в России в этот период, в том числе в межэтническом измерении, см. (Zakharov 2008)).

Однако начиная с 1990-х годов рождаемость у коренных народов Дагестана стала существенно снижаться[3]. Это можно наблюдать по динамике среднего числа детей на одну женщину у тех возрастных групп, чей репродуктивный период основной своей частью пришелся на постсоветское время. На рис. 1–3 эти показатели, рассчитанные

---

[2] Данные переписей населения (а также микропереписей; см. о них в разделе 3) являются единственным официальным источником информации по рождаемости рассматриваемых этносов, поскольку ни в СССР, ни в постсоветской России публикуемые данные текущего учета рождаемости не различали детей по национальности родителей. Сравнение переписных данных в настоящем разделе статьи проводится только для тех дагестанских народов, данные по рождаемости которых доступны в материалах всех трех используемых в разделе переписей.

[3] Подробнее о рождаемости в постсоветском Дагестане, проблемах ее учета и факторах, значимых для ее динамики, см. (Архангельский 2019; Казенин, Козлов 2016, 2017; Казенин 2017).

Таблица 1. Среднее число детей на одну женщину по возрастным группам у ряда народов РСФСР по данным Всесоюзной переписи населения СССР 1989 г.

	русские	аварки	даргинки	кумычки	лезгинки
40–44	1,73	4,25	4,62	3,67	4,12
45–49	1,82	4,52	5,39	4,42	4,96
50–54	1,88	4,68	5,62	4,77	5,47
55–59	2,01	4,48	5,24	5,34	5,50
60–64	2,10	4,13	4,84	5,01	5,24
65–69	2,17	3,52	4,27	4,38	4,80

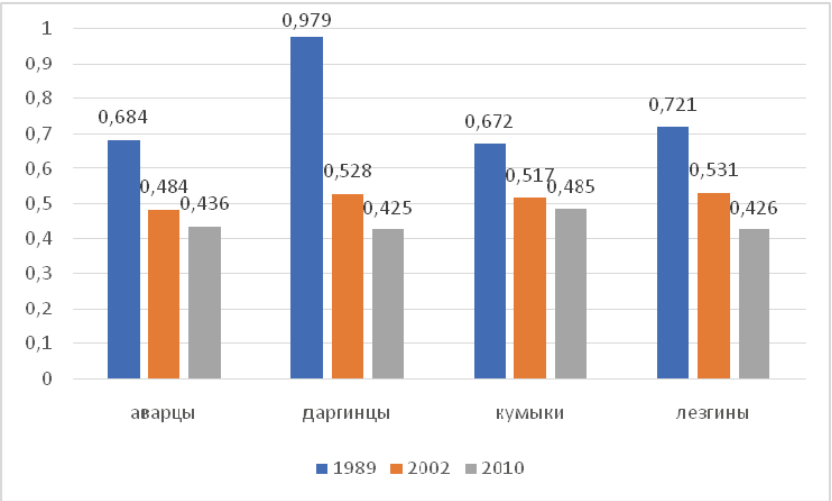


Рис. 1. Среднее число рожденных детей на одну женщину в возрасте 20–24 лет у ряда народов Дагестана по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года, ВПН2002 и ВПН2010

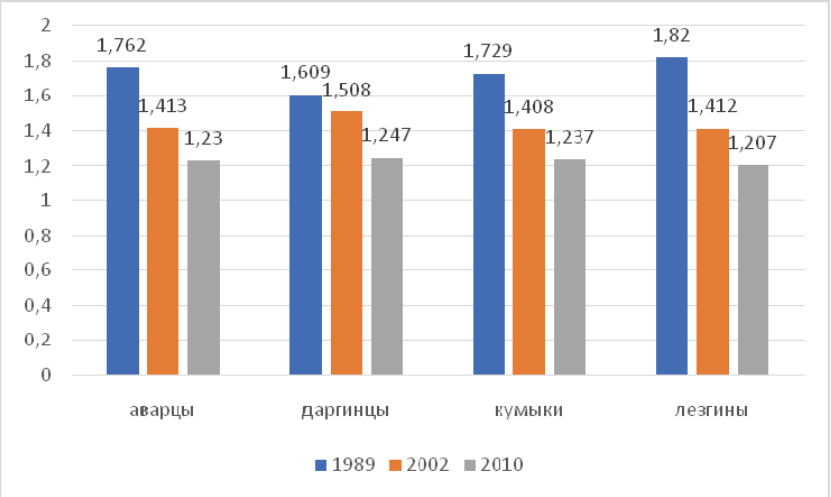


Рис. 2. Среднее число рожденных детей на одну женщину в возрасте 25–29 лет у ряда народов Дагестана по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года, ВПН2002 и ВПН2010

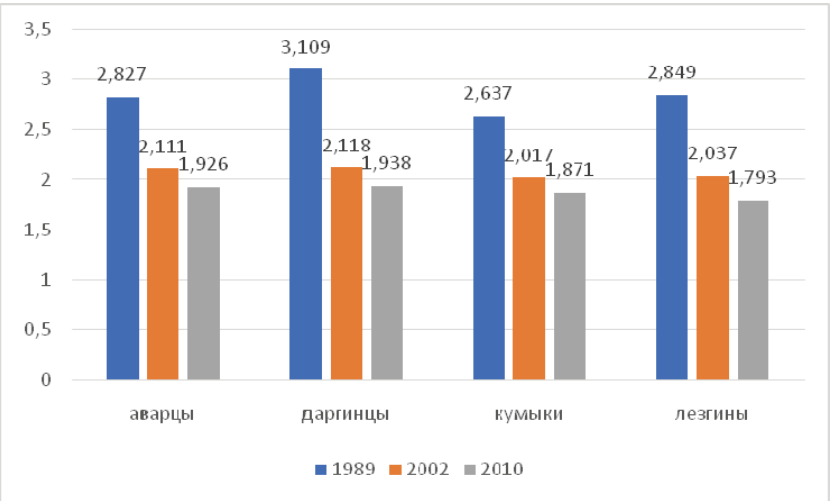


Рис. 3. Среднее число рожденных детей на одну женщину в возрасте 30–34 лет у ряда народов Дагестана по данным Всесоюзной переписи населения 1989 года, ВПН2002 и ВПН2010

для женщин четырех наиболее крупных народов Дагестана в возрасте 20–24, 25–29 и 30–34 лет по Всероссийским переписям населения 2002 и 2010 годов (далее ВПН2002 и ВПН2010), сравниваются с аналогичными показателями для тех же возрастных групп по Всесоюзной переписи 1989 года. Видно заметное снижение рождаемости между переписями 1989 и 2002 годов; снижение продолжилось и между переписями 2002 и 2010 годов, хотя там его масштаб был меньше, что отчасти может объясняться началом действия в 2007 году программы выплат федерального семейного (материнского) капитала[4].

Наряду со снижением рождаемости, в постсоветском Дагестане наблюдался и другой процесс, характерный в этот же период для многих развивающихся стран. Речь идет о миграции в города. Переезд представителей коренных этносов региона из сельской местности в города стал набирать силу еще в последние советские десятилетия, однако «обвальный» характер он приобрел только в 1990-е годы (наиболее подробно советская и постсоветская миграция дагестанского населения рассматривается в (Карпов, Капустина 2011); об особенностях миграции коренных народов Дагестана в последние десятилетия существования СССР см. также (Османов 2000)). Из-за проблем с учетом населения надежные статистические данные, позволяющие определить число переехавших в города, отсутствуют (Мкртчян 2019). Принимая во внимание, что за первые два постсоветских десятилетия численность населения большинства городов Дагестана выросла более чем в два раза, причем этот рост имел место на фоне отъезда из городов значительного количества представителей некоренных этносов, число совершивших миграцию из села в город в этот период, безусловно, измеряется сотнями тысяч человек.

Как уже было отмечено, миграция в города с большой вероятностью дает переселенцам новый социальный опыт, с которым могут быть связаны и перемены в брачно-репродуктивном поведении, в том числе снижение межэтнических различий по нему (если таковые имелись раньше). Для дагестанцев в постсоветское время этот эффект «плавильного котла», ожидаемый от миграции в города, мог дополнительно создаваться опытом миграции в другие регионы России, интенсивность которой у ряда дагестанских народов в постсо-

[4] О влиянии этой меры на рождаемость в республиках Северного Кавказа см. (Kozlov 2019).

ветское время также выросла, в том числе благодаря временной трудовой миграции (Карпов, Капустина 2011). С другой стороны, имелись по крайней мере две особенности миграционных процессов в постсоветском Дагестане, которые, исходя из предпосылок, изложенных в разделе 1, могли способствовать сохранению межэтнических различий по рождаемости в новых условиях.

Во-первых, характерной, хотя, разумеется, далеко не универсальной особенностью миграции дагестанцев в города было компактное расселение представителей одного и того же этноса. Чаще это можно было наблюдать при миграции в малые города. Некоторые из них притягивали в постсоветское время в основном мигрантов какой-то одной национальности (в Избербаш переселялись из сельской местности почти исключительно даргинцы, в Кизилюрт — почти исключительно аварцы). В других малых городах, полиэтничных по своему составу, имелись значительные группы переселенцев одной национальности или нескольких близкородственных малых этносов (например, андийцы в Хасавюрте, андо-цезские народности в Кизляре, табасаранцы в Дагестанских Огнях). Что касается Махачкалы, то само по себе проживание в таком мегаполисе представителей одного и того же этноса вряд ли создает предпосылки для поддержания между ними интенсивных контактов, которые могли бы способствовать сохранению каких-либо этнических особенностей демографического поведения. Однако и в Махачкале известны случаи компактного проживания представителей некоторых малых этносов (например, каратинцев в поселке Семендер). Такое расселение также может создавать предпосылки для сохранения этнических особенностей репродуктивного поведения.

Во-вторых, массовая миграция и смешение этносов в городах не привели к росту межнациональных браков. Ни у одного народа Дагестана доля состоявших на момент ВПН2010 в межнациональном браке среди всех состоявших в браке не превышала 15% (Сороко 2018: 179). В мононациональном браке, при прочих равных (и даже при учете тех общих угроз для сохранности коренных языков, которые присутствуют в постсоветском Дагестане), каждый из супругов имеет больше шансов на сохранение родного языка в повседневном общении. Это, в свою очередь, может быть значимым для сохранения межэтнических различий по рождаемости (см. примеры в разделе 1).

3. Данные и метод

Для решения нашей задачи требуется ответить на два вопроса: во-первых, имели ли место различия по рождаемости между народами Дагестана в период, предшествующий постсоветскому снижению рождаемости и массовой миграции в города; во-вторых, сохранились ли эти различия, и если да, то в какой степени, в указанный период.

Как уже было сказано, в советское время рождаемость различных этносов фиксировалась только в материалах переписей. Соответственно, наиболее очевидным способом ответить на первый вопрос был бы анализ данных о рождаемости различных народов Дагестана по советским переписям. Однако такой способ оказался, во-первых, трудновыполнимым технически, а во-вторых, неоптимальным с содержательной точки зрения. Технические трудности связаны с тем, что материалы всех послевоенных переписей, доступные для исследователей, содержат данные о рождаемости только четырех крупнейших коренных этносов Дагестана (аварцев, даргинцев, кумыков и лезгин). Как мы увидим ниже, наиболее заметные различия по рождаемости наблюдались в постсоветское время не между этими народами региона. Содержательная «недостаточность» переписных данных для наших целей была связана с тем, что материалы советских послевоенных переписей дают информацию о рождаемости только в форме распределения женщин разных возрастов по числу рожденных детей на момент переписи. Однако, когда речь идет о женщинах в начале или середине репродуктивного периода, такое сопоставление недостаточно информативно: различия между женщинами разных этносов в возрасте, например, 25 лет по среднему числу детей на момент переписи может быть следствием того, что у какого-то из сравниваемых этносов накануне переписи имело место «отставание» по рождаемости в молодых возрастах, которое имело какие-то ситуативные причины и вполне может быть «наверстано» в более старших возрастах (чего данные переписей, даже при сопоставлении переписей за разные годы, в полной мере показать, как правило, не могут).

Гораздо более надежные свидетельства регулярных межэтнических различий по репродуктивному поведению могут быть получены на основе данных о числе детей у женщин, родившихся в разные годы, к различным возрастам. Если в разных группах (когортах)

женщин по году рождения между этносами наблюдаются повторяющиеся контрасты по числу детей, рожденных к разным возрастам, это позволяет с большей уверенностью говорить о различиях этих этносов по репродуктивным «траекториям». Если же эти контрасты регулярно повторяются у когорт, рожденных на достаточно большом промежутке времени, например, в разные десятилетия, то ценность таких данных дополнительно увеличивается, поскольку межэтнические различия, фиксируемые на столь длительном промежутке времени, с большой вероятностью обусловлены культурными, историческими факторами.

Источником, позволяющим получить именно такие данные по рождаемости народов Дагестана, является Микроперепись населения Российской Федерации, проведенная в феврале-марте 1994 года (далее МП94)[5]. Среди всех постсоветских выборочных социально-демографических опросов, в ходе которых собиралась информация о полной «репродуктивной истории» опрашиваемых женщин (то есть о годе и месяце рождения каждого ребенка), МП94 отличается самой большой выборкой (5% населения страны) и наиболее полным охватом регионов. Расчеты, проведенные по базе данных МП94, позволили получить распределение женщин всех годов рождения по числу рожденных детей к разным возрастам для шести крупнейших народов Дагестана: аварцев, даргинцев, кумыков, лезгин, лакцев и табасаранцев. Среднее число детей на одну женщину к разным возрастам рассчитывалось для когорт женщин 1939–48, 1949–58, 1959–68 годов рождения (у каждой когорты — до возраста, которого на момент МП94 достигли все ее члены). Объединение респондентов МП94 в столь крупные (десятилетние) когорты по годам рождения было обусловлено соображениями статистической надежности, поскольку использование, например, пятилетних когорт по отдельным этносам давало бы слишком малые подвыборки респондентов. Численность женщин разных исследуемых этносов по десятилетним когортам, включенным в рассмотрение, в МП94 представлена в Таблице 2.

Данные ВПН2010 не позволяли рассчитать аналогичные данные по более молодым когортам (что, конечно, было бы идеальным способом сопоставления). Установленный Росстатом в период написания настоящей статьи режим доступа к данным ВПН2010 позволял вы-

[5] См. о ней (Пьянкова и др., 2018).

Таблица 2. Число женщин ряда народов Дагестана в выборке Микропереписи 1994 г. по годам рождения

	1939–48 г.р.	1949–58 г.р.	1959–68 г.р.
Аварцы	815	1638	2395
Даргинцы	465	884	1241
Кумыки	469	860	1067
Лакцы	186	276	387
Лезгины	748	1598	1904
Табасаранцы	122	297	415

числить только один актуальный для нашего исследования показатель: среднее число детей, рожденных женщинами пятилетних возрастных групп (15–19, 20–24 и т. д.) на момент переписи по разным этносам. Принимая средний возраст женщин каждой пятилетней возрастной группы ВПН2010 как среднее между ее возрастными границами (17,5, 22,5 лет и т. д.), мы параллельно рассматривали две группы параметров: (1) среднее число детей, рожденных к 22,5, 27,5 и 32,5 годам у женщин разных этносов по МП94[6]; (2) среднее число детей у женщин тех же этносов в возрастных группах 20–24, 25–29 и 30–34 по ВПН2010. Поскольку МП94, в отличие от ВПН2010, является выборочным опросом, средние числа детей по данным МП94 считались с доверительными интервалами на 95-процентном уровне значимости.

Если межэтнические различия, фиксируемые в первой группе параметров, повторялись и во второй группе, это рассматривалось как свидетельство сохранности в постсоветском Дагестане межэтнических различий по рождаемости, существовавших в советское время. Отметим, что выбор возрастных групп среди респондентов ВПН2010 позволял сосредоточиться именно на сохранении или исчезновении этих различий у женщин, находившихся в репродуктивном возрасте в первые постсоветские десятилетия, то есть в тот самый период, сохранность межэтнических различий в котором мы и исследуем[7].

[6] Считались как среднее числа детей, рожденных женщинами исследуемой когорты соответственно к 22 и 23, к 27 и 28, к 32 и 33 годам.

[7] Несмотря на то, что мы связываем потенциальное уменьшение межэтнических различий с миграцией в город, мы не рассматриваем отдельно рождаемость сельского и городского населения. Такое решение обусловле-

Выбранная нами процедура анализа, хотя и является, по-видимому, единственно возможной исходя из имеющихся данных, тем не менее, предполагает ряд ограничений.

Во-первых, данные МП94, как и данные любых «ретроспективных» опросов о рождаемости, не учитывают фактор смертности: они дают информацию о числе детей к разным возрастам только у тех женщин исследуемых когорт, которые дожили до момента опроса. Поскольку для данных ВПН2010, содержащих только количество детей на момент опроса, такого ограничения не возникает, наше сопоставление, строго говоря, не вполне корректно. Однако предположение о том, что женская смертность у исследуемых по МП94 когорт отличалась от этноса к этносу или по-разному была связана у разных этносов с числом рожденных женщиной детей к тому или иному возрасту, не выглядит обоснованным. Следовательно, нет оснований и полагать, что данная проблема приведет в нашем случае к существенному искажению результатов анализа.

Во-вторых, существенные ограничения связаны со степенью надежности данных ВПН-2010 для Северного Кавказа (о проблемах с данными этой переписи по северокавказским республикам см. (Андреев 2012; Мкртчян 2019). Однако доступные нам результаты критического анализа ВПН2010 не указывают на то, что ее данные содержат искажения, которые затронули бы только отдельные этносы и тем самым привели бы к смещению в оценке межэтнических контрастов.

4. Результаты

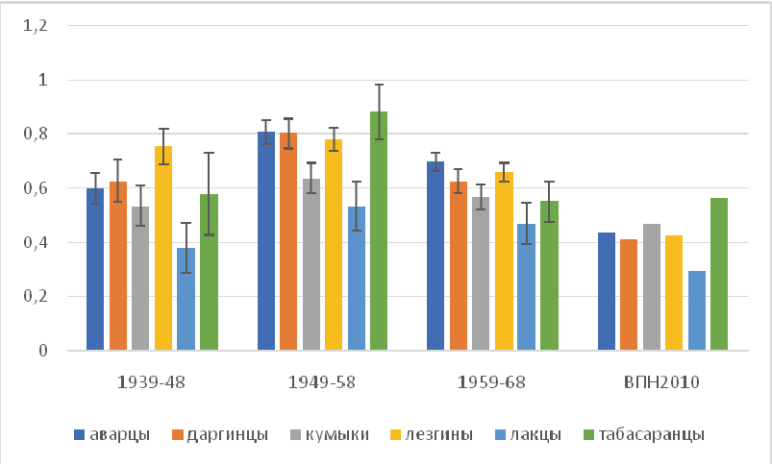
На рис. 4а-в для женщин когорт 1939–48, 1949–58 и 1959–68 г.р. из выборки МП94 показано среднее число детей, рожденных к возрасту соответственно 22,5, 27,5 и 32,5 лет (для когорты 1959–68 г.р. —

но прежде всего тем, что ни МП94, ни ВПН2010 не позволяют проследить «миграционную историю» женщины, в частности, то, проживала ли она в городе или на селе в том или ином возрасте до момента опроса. Поэтому и деторождения невозможно разделить на «городские» и «сельские». А поскольку среди респондентов МП94 и ВПН2010 значительную долю составляют мигранты в первом поколении, отдельное рассмотрение рождаемости женщин, проживавших на момент этих опросов в городе и на селе, не могло дать содержательных результатов.

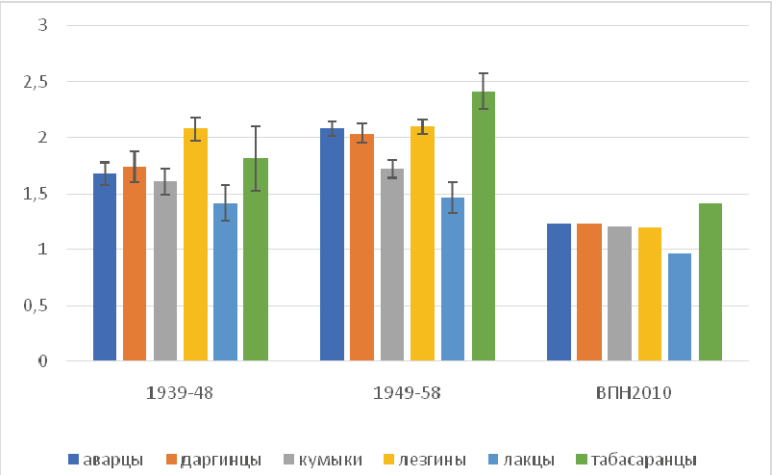
только для возраста 22,5 лет, так как двух более старших возрастов на момент МП94 достигли не все представители этой когорты). Виден ряд межэтнических различий по этим показателям. Самый низкий уровень рождаемости во всех когортах ко всем возрастам наблюдается у лакцев, причем их «отставание» от большинства других народов статистически значимо. За исключением когорты 1959–68 года рождения, тенденцию к лидерству по рождаемости демонстрируют табасаранцы (уровень значимости их отличий от других народов невысок в когорте 1939–48 г.р. из-за сравнительно малой выборки женщин табасаранской национальности в той когорте). Среди четырех других народов регулярно наиболее низкое среднее число детей — у кумыков, их «отставание» от аварцев, даргинцев и лезгин также в основном статистически значимо. У лезгин наблюдается значимо более высокая рождаемость по сравнению с большинством других этносов в когорте 1939–48 г.р., но в более молодых когортах значимость этого различия теряется.

Сопоставим теперь межэтнические различия, обнаруженные по данным МП94, с межэтническими различиями по данным ВПН2010, представленными на тех же рисунках. На момент переписи лакцы также «отставали» от других исследуемых народов по числу рожденных детей во всех рассматриваемых возрастных группах. Табасаранцы, напротив, во всех рассматриваемых возрастах заметно опережают другие народы по числу детей на момент ВПН2010. Что касается четырех других этносов, то различия по рождаемости между ними на момент ВПН2010 были значительно менее выраженными, чем в когортах, отраженных МП94. В частности, на момент переписи вовсе не наблюдалось «отставание» по рождаемости у кумыков (напомним, статистически значимое по данным МП94). Наблюдавшаяся в самой старшей когорте по МП94 повышенная рождаемость у лезгин также не зафиксирована ВПН2010.

Как в советское, так и в постсоветское время коренные народы Дагестана характеризовались очень низким уровнем внебрачной рождаемости. В таких условиях различия любых групп населения по числу детей, рожденных женщинами к определенному возрасту, определяются двумя, вообще говоря, независимыми друг от друга демографическими факторами. С одной стороны, это интенсивность деторождений в браке, а с другой стороны, интенсивность заключения браков в разных возрастах. Чтобы выяснить, объясняются ли обнару-



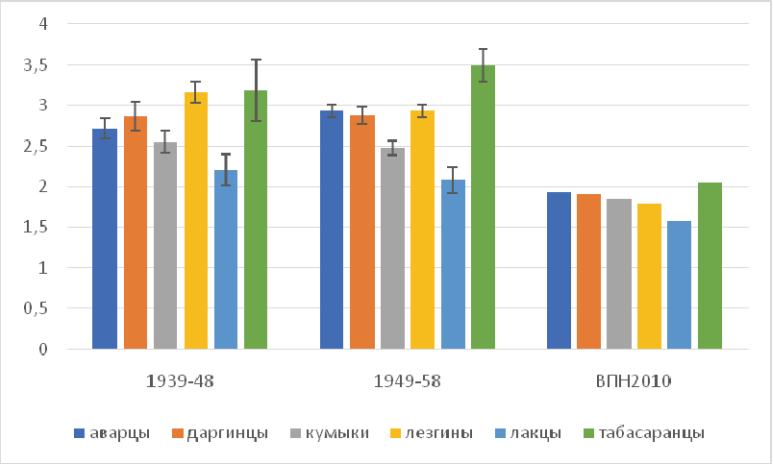
А. Когорты 1939–48, 1949–58, 1959–68 г.р. в возрасте 22,5 лет по МП94[8] и возрастная группа 20–24 по ВПН2010



Б. Когорты 1939–48, 1949–58 г.р. в возрасте 27,5 лет по МП94 и возрастная группа 25–29 по ВПН 2010

Рис. 4. Среднее число рожденных детей у когорт 1939–48, 1949–58, 1959–68 г.р. по МП94 и у возрастных групп по ВПН2010

[8] Здесь и далее значения параметров по МП94 даются с доверительными интервалами на 95-процентном уровне значимости.

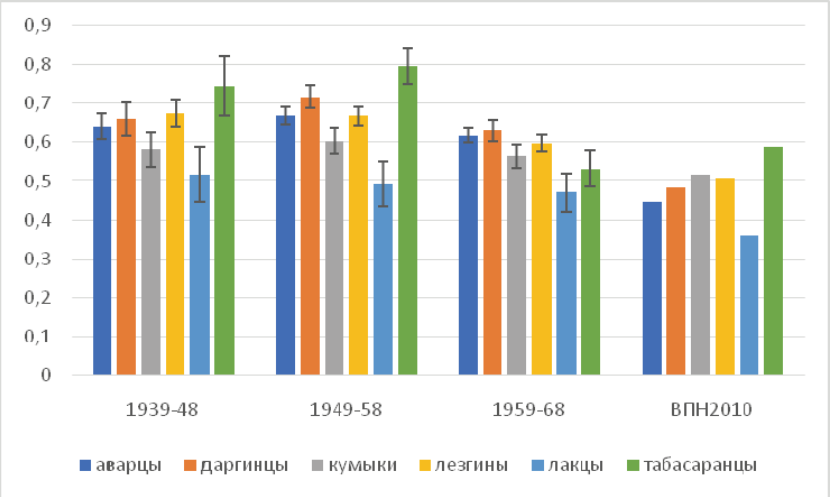


В. Когорты 1939–48, 1949–58 г.р. в возрасте 32,5 лет по МП94 и возрастная группа 30–34 по ВПН 2010

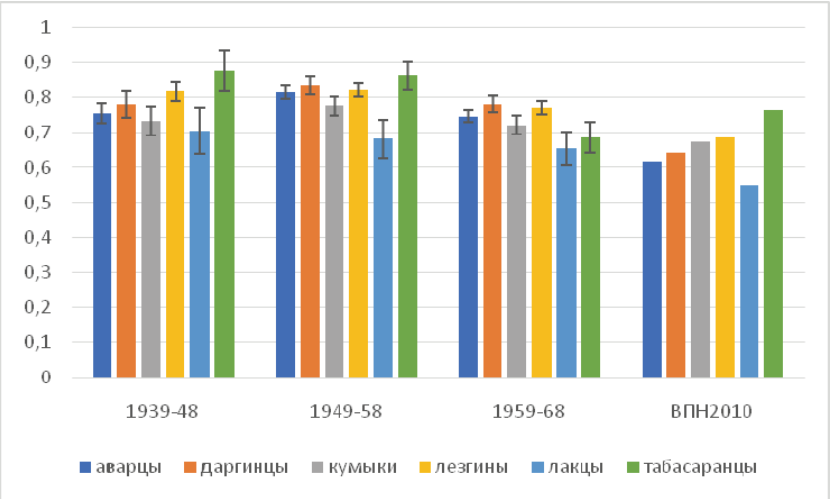
Рис. 4. Среднее число рожденных детей у когорт 1939–48, 1949–58, 1959–68 г.р. по МП94 и у возрастных групп по ВПН2010

женные различия по числу рожденных детей различиями по брачности, мы сопоставили доли вступивших в первый брак к разным возрастам у женщин исследуемых народов по трем когортам и доли вступивших в первый брак среди женщин тех же возрастов на момент ВПН2010. Различия между этносами наблюдались в основном для возрастов младше 25 лет. На Рис. 5а-б показаны результаты для 22 и 24 лет, соответственно. Опережающие темпы брачности у табасаранцев и «отставание» по брачности у лакцев регулярно наблюдаются и по когортам в выборке МП94, и на момент ВПН2010. «Отставание» кумыков от аварцев, даргинцев и лезгин, фиксируемое в когортах, не наблюдается на момент ВПН2010. В целом, таким образом, межэтнические различия по рождаемости хорошо коррелируют с различиями по брачности в молодых возрастах. (Интересно, что на момент ВПН2010 межэтнические различия по брачности между четырьмя крупнейшими народами Дагестана были более выраженными, чем различия по рождаемости[9].)

[9] Подробнее о динамике межэтнических различий по брачности в постсоветское время в регионах Северного Кавказа см. (Казенин, Сороко (в печати)).



А. Женщины когорт 1939–48, 1949–58, 1959–68 г.р. к возрасту 22 лет по МП 94 и женщины 22 лет на момент ВПН2010



Б. Женщины когорт 1939–48, 1949–58, 1959–68 г.р. к возрасту 24 лет по МП 94 и женщины 24 лет на момент ВПН2010

Рис. 5. Доля вступивших в первый брак у когорт 1939–48, 1949–58, 1959–68 г.р. по МП94 и у возрастных групп по ВПН2010

5. Обсуждение

Существенная особенность полученных результатов состоит в том, что межэтнические различия зафиксированы в том числе и в период, предшествующий началу снижения рождаемости. Это очевидно из отсутствия монотонного уменьшения среднего числа детей, рожденных к одному и тому же возрасту, от старшей когорты, рассмотренной по данным МП94, к более младшим (рис. 4а-в). Поэтому межэтнические различия, которые мы наблюдали, не могут быть интерпретированы как различия между народами по темпам снижения рождаемости, а являются именно теми различиями, которые существовали между дагестанскими этносами до начала этого снижения (к сожалению, мы не располагаем данными о том, насколько глубоко в историю уходят эти различия[10]).

Общая тенденция к уменьшению межэтнических различий, отраженная в ВПН2010, вполне соответствует общероссийским тенденциям на «унификацию» характеристик рождаемости разных этносов в постсоветское время, совпавшую по времени со снижением рождаемости у тех этносов, у которых она до 1990-х годов существенно превышала общестрановую (Богоявленский 2014). Также обнаруженное нами уменьшение межэтнических различий подтверждает предположения о том, что интенсивная миграция, приводящая к смешанному проживанию представителей разных народов, в целом ведет к ослаблению этнических особенностей в демографическом поведении (см. раздел 1). С этой общей тенденцией, однако, не согласуется сохранение отличий лакцев и табасаранцев по рождаемости от других народов Дагестана.

Отметим, что особенности рождаемости этих народов на фоне других народов Дагестана, видимо, имеют некоторые исторические объяснения. Насколько можно судить по результатам полевых интервью с представителями старшего поколения табасаранцев, прове-

---

[10] Источником, позволяющим расширить хронологические рамки исследования, могла бы послужить Микроперепись населения СССР 1985 года (см. о ней (Пьянкова и др., 2018)), в ходе которой женщинам-респондентам также задавался вопрос о годе и месяце рождения каждого ребенка. К сожалению, индивидуализированные данные этого опроса не доступны для исследователей.

денным нами в Табасаранском и Хивском районах в 2016 году, высокая рождаемость у этого народа до распада СССР часто была результатом сознательного решения иметь больше детей, поскольку дети были необходимы в качестве рабочих рук: среди сельских табасаранцев вплоть до 1990-х годов большое распространение имело ковроткачество, которым занимались в том числе в частных домах, активно привлекая детей подросткового возраста к этому труду. То есть стимулом высокой рождаемости была экономическая выгода от многодетности, по-видимому, исчезнувшая у табасаранцев позже, чем у других дагестанских народов. Что касается лакцев, то более низкий уровень рождаемости у этого народа исторически мог объясняться более поздним возрастом мужчин при вступлении в брак как принятой культурной нормой. О поздней брачности мужчин как об устойчивой отличительной особенности своего народа говорили респонденты в ходе полевого исследования, проведенного нами в Лакском районе Дагестана в 2015 году. Возможно, такие нормы сложились еще в 19 веке, когда среди лакцев была высока доля ремесленников-отходников, работавших за пределами Дагестана (Карпов, Капустина 2011:47–49). Такая форма трудовой деятельности обычно требовала от молодых людей достаточно долгих лет ученичества, только после которых они могли начать собственное дело и считались, по традиционным меркам, готовыми к браку. Этим может быть объясним и исторически более поздний брак у женщин, если исходить из того, что разница в возрасте вступления в брак мужчин и женщин у лакцев не отличалась существенно от других народов Дагестана (это подтверждается для когорт, исследованных нами по МП94; данными по более ранним когортам или периодам мы не располагаем). Более поздний брак у женщин, в свою очередь, регулярно коррелирует с более низкой рождаемостью.

С другой стороны, очевидно, что описанные социально-экономические стимулы к «особому» репродуктивному поведению ни у лакцев, ни у табасаранцев не могли действовать в постсоветское время. Однако другие особенности современного состояния этих этносов могут способствовать сохранению исторических особенностей их рождаемости. Для табасаранцев это прежде всего преимущественно компактное проживание на равнине на малом удалении от своей родины в горах: по данным ВПН2010, более 90% табасаранцев, проживавших в Дагестане за пределами горных Табасаранского и Хивского рай-

онов, были расселены в Дербентском районе и в городах Дагестанские Огни и Дербент. Такое расселение обеспечивает устойчивые связи с исторической родиной, при которых более ожидаемо сохранение принятых на ней норм, включая нормы репродуктивного поведения. Количественный опрос табасаранцев, проживающих в южном Дагестане на равнине и в горах, проведенный нами в 2016 году, показал отсутствие значимых различий по рождаемости между горными и равнинными жителями (Казенин 2019). Для лакцев стимулом к низкой рождаемости может быть их крайне дисперсное расселение на равнине и сравнительно низкий, по оценкам респондентов уже упомянутого полевого исследования, уровень контактов проживающих в городах с родственниками, выходцами из родного села и т. д. При отсутствии поддержки этнической общины на территориях с многонациональным населением, для этнических меньшинств характерна низкая рождаемость в силу ориентации и мужчин, и женщин в составе таких меньшинств на получение образования, самостоятельное построение карьеры и т. д. (см. классическую работу об особенностях рождаемости этнических меньшинств (Goldscheider, Uhlenberg 1969)).

Сохранность межэтнических различий по отдельным характеристикам рождаемости отмечается и в некоторых других республиках Северного Кавказа (Kazenin, Kozlov 2020b). Одним из перспективных направлений исследований этих различий может стать изучение связи между характеристиками рождаемости и уровнем владения родным языком в семье женщины. Сложность подобного исследования, однако, связана с тем, что в рамках стандартных социально-демографических количественных опросов определение уровня владения респондента родным языком затруднено (из-за невозможности, в силу ограниченного времени интервью, включить в них тестовые вопросы на знание родного языка, в таких опросах обычно ограничиваются выяснением уровня владения языком по самооценке респондента, однако адекватность такой самооценки часто проблематична).

Литература

Андреев Е. М. 2012. О точности результатов Российских переписей населения и степени доверия к разным источникам информации о населении. *Вопросы статистики*, 11, 21–35.

Архангельский В. Н. 2019. Динамика рождаемости на Северном Кавказе: играет ли роль материнский капитал? *Журнал исследований социальной политики*, 17, №1, 57–74. doi: 10.17323/727-0634-2019-17-1-57-74

Богоявленский Д. Д. 2014. Этническая дифференциация рождаемости в России. В сб.: А. Г. Вишневский (ред.). *Население России 2012: двадцатый ежегодный демографический доклад*. М.: Издательский дом НИУ ВШЭ, 174–188.

Вишневский А. Г. (сост.) 2006. *Демографическая модернизация России*. М.: Новое издательство.

Казенин К. И., Козлов В. А. 2016. Омоложение материнства в Дагестане: тенденция или артефакт? (Предварительные результаты обследования сельского населения). *Демографическое обозрение*, 3, №3, 100–123. doi: 10.17323/demreview.v3i3.1748

Казенин К. И. 2017. Число детей в сельских поселениях Дагестана: сопоставление источников данных. *Демографическое обозрение*, 3, №4, 93–113. doi: 10.17323/demreview.v3i4.3208

Казенин К. И., Козлов В. А. 2017. Особенности брачно-репродуктивного поведения населения в Республике Дагестан: их причины и социально-экономические последствия. *Вестник Института экономики РАН*, №2, 65–81.

Казенин К. И. 2019. Миграция северокавказского населения с гор на равнину: истоки разнообразия. *Журнал исследований социальной политики*, 17, №1, 23–38. doi: 10.17323/727-0634-2019-17-1-23-38

Казенин К. И., Сороко Е. Л. (в печати) Демографическая модернизация и возраст вступления в первый брак: случай Северного Кавказа. *Демографическое обозрение*.

Карпов Ю. Ю., Капустина Е. А. 2011. *Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX — начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы*. СПб.: Петербургское востоковедение.

Мкртчян Н. В. 2019. Миграция на Северном Кавказе сквозь призму несовершенной статистики. *Журнал исследований социальной политики*, 17, №1, 7–22. doi: 10.17323/727-0634-2019-17-1-7-22

Османов А. И. 2000. *Аграрные преобразования в Дагестане и переселение горцев на равнину (20–70-е годы 20 в.)*. Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН.

Парк Р. 2011. Личность и культурный конфликт. В сб.: Парк Р.. *Избранные очерки. Сборник переводов*. М.: ИНИОН, 201–216.

Пьянкова А. И., Щербакова Е. М., Васин С. А. 2018. Микропереписи населения России: прошлое, настоящее и будущее. *Демографическое обозрение*, 5, №2, 61–102. doi: 10.17323/demreview.v5i2.7935

Сороко Е. Л. 2018. Этнический состав населения и межэтнические браки в России по данным переписей населения. В сб.: С. В. Захаров (ред.). *Население России: двадцать четвертый ежегодный демографический доклад*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 99-–159.

Addai I., Trovato F. 1999. Structral Assimilation and Ethnic Fertility in Ghana. *Journal of Comparative Family Studies*, v. 30, no. 3, 409–427.

Adebowale A. S. 2019. Ethnic disparities in fertility and its determinants in Nigeria. *Fertility research and practice*, v.5, no. 3, 1–16, doi: 10.1186/s40738-019-0055-y.

Bongaarts J. 1999. The fertility impact of changes in timing of childbearing in developing world *Population Studies*, v.53, no. 3, 277–289.

Bongaarts J. 2008. Fertility transitions in developing countries: progress or stagnation? *Studies in Family Planning,* v.39, no.2, 105–110. doi: 10.1111/j.1728-4465.2008.00157.x

Dyson T. 2011. The role of the demographic transition in the process of urbanization. *Population and Development Review,* v. 37 (Supplement), 34–54. doi: 10.1111/j.1728-4457.2011.00377.x

Goldscheider C. Uhlenberg P.R. 1969. Minority group status and fertility. *American Journal of Sociology*, v. 74, no. 4, 361–372.

Hampshire K., Blell M., Simpson B. 2011. Navigating New Socio-Demographic Landscapes: Using Anthropological Demography to Understand the 'Persistence' of High and Early Fertility Among British Pakistanis. *European Journal of Population*, v. 28, no. 1, 39–63. doi: 10.1007/s10680-011-9252-z

Jejeebhoy S. 1995. *Women's Education, Autonomy, and Reproductive Behavior: Experience From Developing Countries*. Oxford: Clarendon Press.

Kazenin K., Kozlov V. 2020a. What factors support the early age patterns of fertility in a developing country: the case of Kyrgyzstan. *Vienna Yearbook of Population Research,* 18, 185–213. doi: 10.1553/populationyearbook2020.res04

Kazenin K., Kozlov V. 2020b. Post-Soviet traditionalism, human capital, and fertility: the case of the North Caucasus. *Post-Soviet Affairs*, v. 37, no. 2, 137–154. doi: 10.1080/1060586X.2020.1802826

Kozlov V. A. 2019. Changing fertility patterns in two North Caucasian republics: is it only social policy that matters? *The Journal of Social Policy Studies*, v. 17, no. 1, 89–102. doi: 10.17323/727-0634-2019-17-1-89-102

Lindstrom, D. P. 2003. Rural-Urban Migration and Reproductive Behavior in Guatemala. *Population Research and Policy Review*, v. 22, no. 4, 351–372. doi: 10.1023/A:1027336615298

Luy M., Köppen B. 2018. ‘Express transitioning’ as a special case of the demographic transition. *Vienna Yearbook of Population Research*, v. 16, 235–257. doi: 10.1553/populationyearbook2018s235

Mason K. O. 2001. Gender and family systems in the fertility transition. *Population and Development Review,* v. 27 (Supplement), 160–176.

Nedoluzhko L. 2012. Achieved fertility and fertility intentions among ethnic groups of Central Asia: Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan compared. *Stockholm Research Reports in Demography*, no. 4, 2–31.

Salway S. M. 2007. Economic activity among UK Bangladeshi and Pakistani women in the 1990s: Evidence for continuity or change in the family re-

sources survey. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, v. 33, no. 5, 825–847. doi: 10.1080/136 91830701359256.

Shapiro D., Hinde A. 2020. Laggards in the global fertility transition. *Vienna Yearbook of Population Research,* v. 18, 123–140. doi: 10.1553/populationyearbook2020. res01

Wilson B., Kuha J. 2018. Residential segregation and the fertility of immigrants and their descendants. *Population, Space and Place*, v. 24, no. 3. doi: 10.1002/psp.2098.

Yavuz S. 2004. Completing the fertility transition: Third birth developments by language groups in Turkey. *Demographic Research*, v. 15, art. 15. doi: 10.4054/DemRes.2006.15.15.

Zakharov S. 2008. Russian Federation: From the first to second demographic transition. *Demographic Research*, v. 19, art. 24. doi: 10.4054/DemRes.2008.19.24.

ДАРГИНСКИЕ ЯЗЫКИ И ИХ КЛАССИФИКАЦИЯ

Ю. Б. Коряков
НИУ Высшая школа экономики / Институт языкознания РАН

В данной статье мне бы хотелось описать текущее положение дел с (лексикостатистической) классификацией даргинских языков.

Даргинские языки представляют собой один из тех интересных случаев, когда один народ (даргинцы) говорит на нескольких, довольно различных языках. В данном случае наличие нескольких взаимонепонятных языков не влияет на самосознание даргинцев как единого этноса. Этим они напоминают такие крупные этнические общности, как арабы, китайцы или армяне, каждая из которых также говорит на большом количестве языков.

Этносоциолингвистический подход в разграничении языков и диалектов приводит к тому, что языки даргинцев (как и других вышеупомянутых народов) низводят до статуса диалектов единого «даргинского» языка. Однако, с точки зрения собственно лингвистики многие даргинские «диалекты» взаимонепонятны друг с другом и с точки зрения общепринятого ныне в мировой лингвистике подхода («если две разновидности относят к одному языку, они должны быть взаимопонятны», ср., например, (Hammarström 2008)) должны считаться отдельными языками. Так, в работе (Malyshev et al. 2019), сравнивая взаимопонимание между носителями кайтагского, кубачинского, цудахарского, муиринского и севернодаргинского (акушинское наречие) языков, авторы приходят к выводу, что как минимум эти пять языков имеют уровень взаимопонимания такой, что должны считаться разными языками. К сожалению, пока не проведено исследований по взаимопониманию, которые охватывали бы достаточное количество даргинских идиомов, чтобы на их основе можно было бы построить полноценную классификацию. Поэтому в качестве модели, аппроксимирующей уровень взаимопонимания, мы используем метод на основе сравнения базовой лексики, предложенный в 2017 году (Коряков 2017). В его основе лежит сравнение 100-слов-

ных списков Сводеша — Старостина (Swadesh 1955; С. Старостин 2007: 784), для которого обоснованы и разработаны строгие семантические спецификации (G. Starostin 2010; Kassian et al. 2010). В случае, если процент совпадений (ПС) по этим спискам между двумя идиомами оказывается выше 90 %, они считаются диалектами одного языка, если ниже — разными языками (диалектами разных языков). К настоящему моменту имеются списки из 41 селения, хотя в некоторых из них имеются довольно существенные лакуны. Селения, для которых имеются списки, указаны на карте жёлтыми квадратиками. Большая часть списков собраны при полевой работе непосредственно с носителями соответствующих идиомов, в их сборе в той или иной мере принимали участие следующие лингвисты: Р. О. Муталов, Я. Г. Тестелец, О. И. Беляев, Д. С. Ганенков, М. А. Даниэль, Н. Р. Добрушина, Э. А. Казимова, Ю. А. Ландер, Т. А. Майсак, С. Р. Мерданова, Г. А. Мороз, Г. Сулайбанов, Н. Р. Сумбатова, Д. Форкер. Меньшая часть списков взята из опубликованных работ: (Шахбанова 2007; Мирзамагомедова 2007; Магомедов, Саидов-Аккутта 2017; Темирбулатова 2004).

Тот факт, что даргинский язык представляет собой фактически группу языков, давно предполагался исследователями. Собственно, ещё в переписи 1926 года отдельно числились кубачинский и кайтагский языки. Пробные лексикостатистические подсчёты (Алексеев 1999: 156) показали, что фактически даргинский представляет собой целую группу языков, по глубине (минимальный ПС = 68%) сравнимую с германской, романской или славянской. Первый достаточно подробный анализ (Koryakov 2002) выделил 11 языков. По мере поступления новых данных классификация даргинских языков уточнялась. В (Коряков 2006; Коряков, Сумбатова 2007) выделено 17 языков; в (Коряков 2012; Koryakov 2013) их число сократилось до 12–13. В данной работе мы постулируем существование 15 отдельных языков. По мере дальнейшей полевой работы возможны новые изменения.

В принятой ниже таксономии внутри языков выделяются наречия (языковые единицы, довольно сильно отличающиеся друг от друга, но меньше, чем языки), диалекты (более близкие единицы внутри наречий) и говоры (единицы внутри диалектов, как правило соответствующие отдельным селениям). В то же время термин «диалект» может использоваться и как гипероним, в значении «любая языковая разновидность, входящая в язык».

1. Лингвогеография даргинских языков и диалектов

В данном разделе будет рассмотрено распространение отдельных языков, а также основных диалектов в традиционных областях распространения даргинцев. Для каждого языка даётся английское название, самоназвание (после знака @), территория распространения, численность говорящих в пределах традиционной территории, наличие монографических описаний, посвящённых данному языку или диалекту и некоторые другие сведения.

Численность населения рассчитывалась как сумма людей, указавших «даргинский язык» в качестве родного, в селениях, традиционно относящихся к данному языку. К этому также добавлялись даргиноязычные жители равнинных поселений при наличии сведений, что в данном селении большинство даргинцев составляют выходцы из одного языкового ареала. Наконец, для небольших языков, носители которых полностью или почти полностью переселились на равнину, указывались примерные оценки их численности.

Языки сгруппированы в четыре группы: северо-центральную, южную, чирагскую и кайтагскую. Более детально классификацию даргинских языков и некоторых наречий можно посмотреть на схеме № 1, а распространение — на карте № 1.

Северно-центрально-даргинская группа

Северо-центральная группа включает крупное ядро — северно-даргинский язык и периферийные языки — муиринский, гапшиминский, мегебский, цудахарский и усиша-бутринский. Последние два языка довольно близки друг к другу (89%), наиболее удалённым от всех северо-центральных языков выглядит мегебский, остальные более-менее одинаково далеки друг от друга. Кроме того, гапшиминский и усиша-бутринский имеют подскоки в процентах совпадений с тантынским и сирхинскими, что выглядит как контактное явление.

Севернодаргинский язык (*Northern Dargwa*) — самый крупный даргинский язык, как по числу носителей, так и по занимаемой территории. Он занимает восток Левашинского, центр и северо-восток Акушинского, весь Сергокалинский, юг Карабудахкентского, юго-восток Буйнакского и отдельные участки Каякентского районов. Численность носителей в пределах традиционной территории оцени-

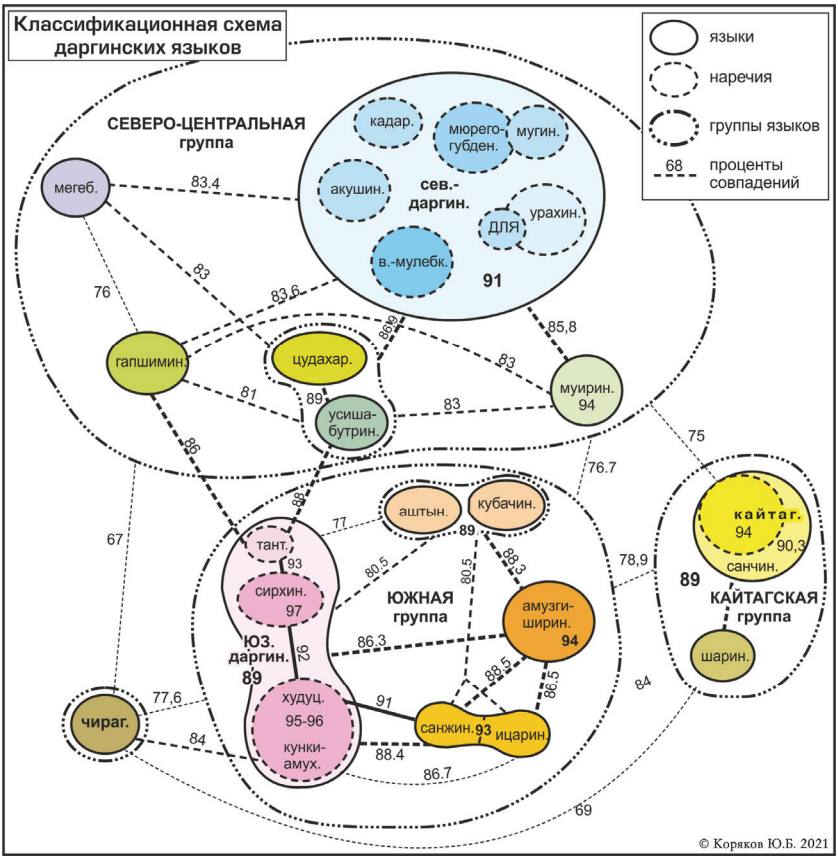
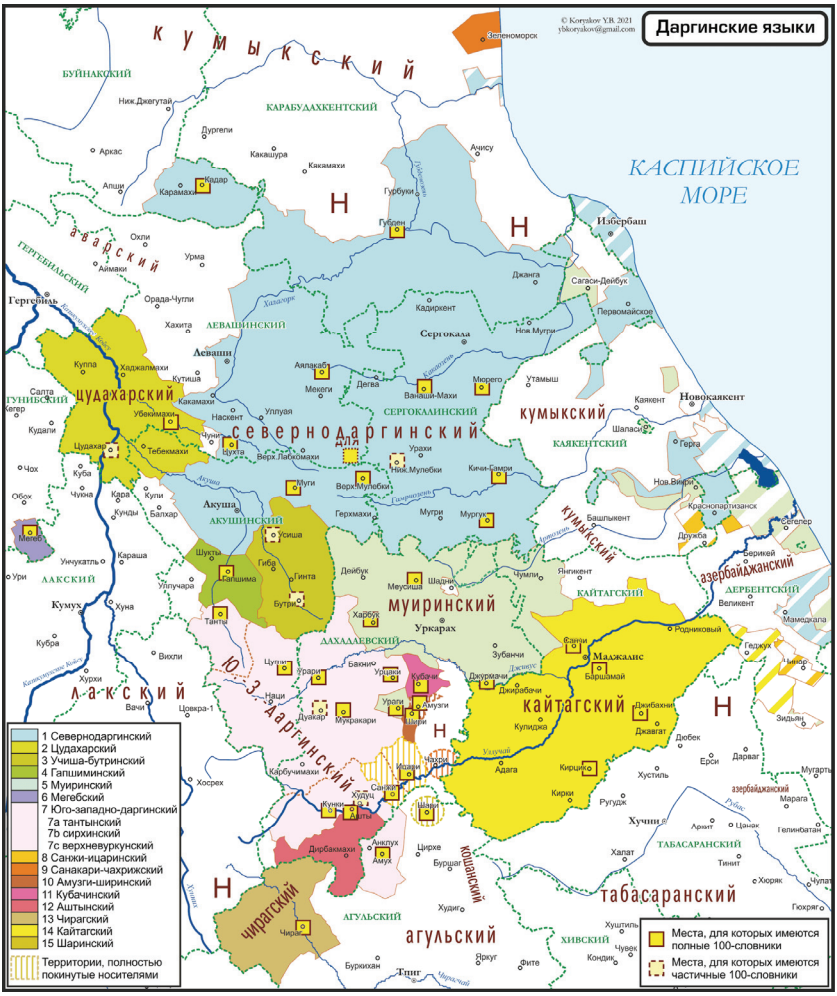


Схема 1. Классификационная схема даргинских языков

вается в 133 тыс. чел. Именно на основе диалектов этого языка (в основном акушинского и урахинского) был создан *даргинский литературный* язык. Севернодаргинский включает несколько наречий, близость между которыми чуть выше грани между языком и диалектом (ПС около 91%):

— акушинское наречие (акушинско-левашинское; *Aqusha*; @ ахъушан / ахъушала лугъат, aqušan / aqušala luʁat) — центр Акушинского и восток Левашинского районов;

— урахинское наречие (кабинское, хюркилинское; *Urakhi, Qaba*; @ хIурхъила лугъат, ħuʿrqila luʁat) — крупнейшее наречие, занимает



Карта 1. Распространение даргинских языков

большую часть Сергокалинского и некоторые части Каякентского районов; описанию именно этого наречия (под названием хюркилинского) посвящено первое монографическое описание одного из даргинских языков — (Услар 1892);

— верхнемулебкинское наречие (кебах-мулебкинское; *Upper Mulebki*) — с. Верхние Мулебки на северо-востоке Акушинского района;

— мюрего-губденское наречие (мюрегинское; *Murego-Gubden*) — 24 селения на востоке Левашинского, юге Карабудахкентского и севере весь Сергокалинского районов;

— мугинское наречие (*Mugi*; @ мухIела, muħela) — селение Муги на севере *Акушинского* района;

— кадарское наречие (*Kadar*; @ гъадаран, ʁadaran) — 6 селений на юго-востоке Буйнакского района.

Интересно, что хотя считается, что литературный даргинский основан на акушинском, по данным лексикостатистики он оказывается более близким урахинскому. В то же время верхнемулебкинский, традиционно относимый к мугинскому (90%) или урахинскому (91%) диалектам, оказался более близким к мюрего-губденскому (93%).

Цудахарский язык (*Tsudaqar*; @ цIудхърила мец, c'udqrila mec) — занимает нижние течения р. Казикумухское Койсу и впадающей в неё р. Акуша на юго-западе Левашинского и северо-западе Акушинского районов. Численность носителей в пределах традиционной территории оценивается в 33 тыс. чел. (2010).

Усиша-бутринский язык (*Usisha-Butri*) — распространён в селениях Усиша, (возможно, также в Зильмукмахи), Геба, Гинта, Куркимахи и Бутри, находящихся в среднем и верхнем течении р. Дарголакотты на востоке Акушинского района. Численность носителей в пределах традиционной территории оценивается в 8 тыс. чел. (2010).

Гапшиминский язык (*Gapshima*; @ хIабшила мец, ħabšila mec) — распространён в селениях Гапшима и Шукты на западе Акушинского района (средне-верхнее течение р. Акуша). Численность носителей в пределах традиционной территории оценивается в 2,3 тыс. чел. (2010).

Муиринский язык (*Muira*; @ муйрала гъай, mujrala ʁaj) — распространён более чем в 20 сёлах на севере Дахадаевского и северо-западе Кайтагского районов. Значительное число выселок расположено на территории Каякентского и Дербентского районов. Численность носителей в пределах традиционной территории оценивается в 35 тыс. чел. (2010).

Мегебский язык (*Mehweb*; @ мехIвела мез, meħʷela mez) — язык селения Мегеб, находящегося в аварско-лакском окружении в Гунибском районе. Единственный даргинский язык, носители которого в качестве литературного языка используют аварский. Численность

ок. 1300 чел., из них в Мегебе — 845 чел., также кутан Нижний Мегеб в Кизлярском р-не. Мегебскому языку посвящены две монографии: (Магометов 1982; Daniel et al. 2019).

Южнодаргинская группа

Эта группа устроена иначе. Языки этой группы образуют классический языковой континуум (развитие диалектного континуума): крайние точки Ашты и Танты, между которыми тянется цепочка селений с почти равномерно одинаковыми процентами схождений: Ашты — Кубачи — Санжи — Ицари — Худуц — Кунки — Амух — сирхинские селения (Урари и др.) — Танты. Соответственно, чем дальше друг от друга селения в этой цепочке, тем меньше процент совпадений между ними. Так, если между каждой парой соседних селений ПС не опускается ниже 91%, то с увеличением расстоянии он становится всё меньше и между крайними точками (Ашты и Танты) составляет всего 76% (нагляднее см. на схеме № 1).

Причём этот континуум не позднего ареального происхождения:

— географическое положение Ицари/Санжи и Амуха не совпадает с их положением в этой цепочке;

— Ашты уже довольно долго находится в окружении верхневуркунских селений, но имеет с ними минимальные проценты совпадений;

— сами эти селения (Кунки, Худуц и Амух) хоть и разделены аштынской территорией, но имеют довольно высокий ПС между собой (94–96%).

В то же время, по предварительным данным, южная группа, возможно, не образует собственно генетического единства, а является так называемым линкиджом (англ. *linkage*). Линкидж — это часть потомков языкового континуума, носители одного или нескольких других потомков которого покинули основную территорию. Оставшиеся члены изначального диалектного континуума (языкового комплекса), развиваясь самостоятельно, продолжают обмениваться некоторыми чертами и инновациями, так что со временем возникает некоторое подобие генетического единства. Однако его общие характеристики оказываются либо унаследованными архаизмами (часто утраченными в отселившихся членах языкового комплекса), либо объединяют лишь часть членов комплекса, обычно ближайших со-

седей. Примером линкиджей являются центрально-малайско-полинезийские, балтийские, северно-эфиосемитские языки.

Более-менее надёжно можно выделить пять языков: юго-западно-даргинский, санжи-ицаринский, амузги-ширинский, кубачинский и аштынский, а также предположительно санакари-чахрижский язык.

Юго-западно-даргинский язык (ЮЗД; *South-Western Dargwa*) — условное название языка, включающего ряд близких идиомов, ранее рассматривавшихся как два или три разных языка: танты-сирхинский и верхневуркунский (ранее кункинский и амухский). Численность носителей в пределах традиционной территории оценивается в 14 тыс. чел. (2010). Включает:

— **тантынское** наречие (тантинское; *Tanti*; @ тIантIала мец, t’ant’ala mec) — с. Танты (юго-запад Акушинского района), 0,8 тыс. Подробно описано Н. Р. Сумбатовой и Ю. А. Ландером (Сумбатова, Ландер 2014).

— **сирхинское** наречие (сиргинское, сюргинское, серхинское; *Sirhwa*; @ ссерхIяла мец, sːerħaˁla mec) — более 50 селений на западе Дахадаевского и юге Акушинского районов. Многие периферийные сёла (особенно в Акушинском районе) совершенно не изучены и могут скрывать неизвестные наречия и даже языки.

— **верхневуркунское** наречие (верхневуркнийское, амухско-худуцско-кункинское; *Upper Vurqni*) — четыре селения в верхнем бассейне р. Уллучай: Кунки и Худуц (юг Дахадаевского района), Анклух и Амух (север Агульского района). Занимает верхнюю часть исторической области Вуркун (Буркун-Дарго), откуда и образовано название. Все жители Анклуха и большая часть Амуха переселились в город Дагестанские Огни и в село Чинар Дербентского района.

Санжи-ицаринский язык (нижневуркунский; *Sanzhi-Itsari*) — включает два наречия: санжинское (@ сунглан гъай, sunglan ʁaj) и ицаринское (@ ицIран гъай, ic’ran ʁaj), которые были распространены в селениях Санжи и Ицари на юго-востоке Дахадаевского района. Все носители выселились на равнину, общую численность можно оценить в 1,5–2 тыс. чел. По обоим наречиям существуют грамматики: (Sumbatova, Mutalov 2003) и (Forker 2020), по санжинскому — онлайн словарь (https://dictionaria.clld.org/contributions/sanzhi).

Санакари-чахрижский язык (*Sanakari-Chakhrizhi*) — был распространён в селениях Санакари и Чахрижи (Джахри), располагав-

шихся ниже Ицари по течению Уллучая, на границе с Кайтагским районом. Сейчас жители обоих селений живут в городе Зеленоморск (к югу от Махачкалы), общая численность даргинцев в котором составляет 900 чел. (2010). Никаких данных по этому языку пока не собрано, поэтому даже неизвестно, относится ли он к южной группе или к кайтагской.

Амузги-ширинский язык (*Amuzgi-Shiri*) — включает два наречия: амузгинское (@ гIямузгъан гъай, ʔaˁmuzʁan ʁaj) и ширинское (@ хьхьеран гъай, x:eran ʁaj), изначально распространённых в двух селениях — Амузги и Шири (на картах называется Шари) — в нижнем течении р. Кинтуракотты (центр Дахадаевского района). Почти все амузгинцы и ширинцы переселились на равнину, в Шири и на хуторе рядом с Амузги осталось несколько семей. Общая численность — ок. 1500–2000 чел. Лишь недавно открыт для науки О. И. Беляевым (2019).

Кубачинский язык (*Kubachi*; @ гIюгъбугъан куб/гъай, ʔūˁʁbugan kub/ʁaj) — язык крупного посёлка Кубачи (2781 ч.), ещё несколько тысяч по всей России. У кубачинцев развито собственное самосознание, и их идиом — единственный из даргинских, за которым признаётся право именоваться языком. Возможно, к кубачинскому относится также неисследованный диалект с. Сулевкай, жители которого переселились в с. Сулевкент (2129 ч.) на севере Хасавюртовского района. Данный язык описан в монографии А. А. Магометова (1963).

Аштынский язык (*Ashti*; @ иштIан гъай, išt’an ʁaj) — язык селений Ашты и Дирбакмахи на юге Дахадаевского района. Считается, что его носители переселились из Кубачей, однако, по данным лексикостатистики, это могло случиться более тысячи лет назад. Свыше 600 чел. числилось в 2010 в двух горных селениях, часть переселилась на равнину.

Чирагская группа

Чирагский язык (*Chirag*; @ хьаргънилла, xarʁnilla kub) — язык с. Чираг в верховьях р. Чирагчай (запад Агульского района). Значительная часть жителей также выселилась в Каспийск. Общую численность можно оценить в 2,1–2,4 тыс. чел., из них ок. 150 чел. в горах, остальные на равнине. Активно изучается Д. С. Ганенковым, см., например, (Ganenkov 2016).

Кайтагская группа

Традиционно считалось, что в эту группу входит только один язык, однако недавний ввод в научное обращение данных шаринского языка показал, что он тоже входит в эту группу.

Кайтагский язык (хайдакский; *Kaytag, Kajtak*, *Kaytak*; @ хайдакьла гъай, χajdaq'la ʁaj[1]) — язык 37 селений, занимающих большую часть Кайтагского района (кроме севера). Численность носителей в пределах традиционной территории оценивается в 24 тыс. чел. (2010). Развито кайтагское самосознание, ещё в переписи 1926 года числился отдельным языком. Описанию этого языка посвящена монография С. М. Темирбулатовой (2004).

Шаринский язык (*Shari*) — язык бывшего села Шари на севере Агульского района, все жители которого переселились в район возле Махачкалы. Общая численность — ок. 1200 чел. Лишь недавно данные этого языка были введены в научный оборот Р. О. Муталовым (2017).

2. Анализ предыдущих классификаций

Диалектно-языковая раздробленность даргинского ареала давно бросалась в глаза исследователям. Первым, кто попытался классифицировать даргинские диалекты, был П. К. Услар (1892: 1–6). Он выделял следующие языки (даргинская орфография Услара переведена в современную):

— акушинский, с наречиями частно-акушинским, цудакарским, усишинским, мугинским, микигинским, кява (хюркилинским, = урахинским), муиринским, гапшиминским, мегебским;

— сирхинский (сирхIвя), про который Услар пишет, что оно «подходитъ къ ус'иша»;

— хайдакский (= кайтагский);

— кубачинский (гIарвукI) — в обществах ХIанк (1055 дворов из 1685, остальные — урахинский) и ГIуцIари (259 дворов; имеется в виду Ицари);

— вуркунский (вуркьун) — селения Ашты, Кунки, Худуц, Санжи, Анклух, Амух;

---

[1] Только для носителей нижнекайтагских говоров.

— чирахский (хьугъул) — Услар пишет, что «наречие подходит к Вуркьун даргва».

Эти языки он объединяет в три группы: акушинскую (акушинский и сирхинский), вуркунскую (кубачинский, вуркунский и чирагский) и хайдакскую. При этом Услар признаёт, что «классификація нарѣчій основана не на спеціальномъ изученіи каждаго изъ нихъ, а на голословныхъ показаніяхъ туземцевъ, которые вообще плохіе судьи въ дѣлѣ сравнительной лингвистики», и что данных о вуркунских наречиях слишком мало, чтобы делать однозначные выводы.

Услар, видимо, первым предложил использовать название «даргинские наречия» для всей совокупности даргинских языков, потому что до этого у этой группы не было общего названия, а термин «дарга» использовался в географическом смысле лишь для некоторых из даргинских земель.

Тремя годами спустя Эркерт упоминает сильно меньше диалектов «северо-восточной или даргинской группы» и выделяет пять диалектов:

1) Диалект Варкун (*Varkun*/*Burkun*/*Vurkun-Dargua*), включая сюда диалект селений Урари, Кунки (называя его сирхинским (*surxinischer*)) и диалект селения Ашты (*Ašti*).

2) Кара-Кайтагский (*Kara-Kajtaxischer, Xajdaqischer*) диалект, про который пишет, что он наиболее близок варкунскому и кубачинскому.

3) Диалект сел. Кубачи (*Kubači, Khubači*).

4) Диалект Акуша-Дарга (*Akuša-Dargua*), включая собственно акушинский, урахинский (*Xürkilinischer, Hyrkanischer*) и мекегинский (*Mekegé, Mixagé*).

5) Маджалисско-кайтагский диалект (*Madžalis-Kajtax*, *Mūra-Sprache*), про который пишет, что он близок акушинскому.

Эти пять диалектов он затем объединяет в две группы: варкунскую (1, 2 и 3) и акушинскую (4 и 5) (Erckert 1895: 87–140).

Эта классификация в целом похожа на усларовскую, с той разницей, что вместе объединяются сирхинские и вуркунские диалекты, чирахский не упоминается, а хайдакские делятся почему-то на две группы. Возможно, под маджалисско-кайтагским скрывается не один из кайтагских диалектов, а, например, муиринский (носители которого составляли значительную часть населения Маджалиса), что также подтверждается вторым названием этого диалекта — *Mūra*.

Лишь спустя полвека учёные вернулись к вопросам группировки даргинских идиомов. С. Л. Быховская (1940: 85), а вслед за ней и С. Н. Абдуллаев (1954: 9–11) делили все даргинские диалекты на две

группы: диалекты акушино-урахинского (АУ) и цудахарского типов на основании единственного признака — наличия/отсутствия геминированных согласных (преруптивов). Акушино-урахинская группа включала акушинский, урахинский, мекегинский, кадарский, губденский, нижнемулебкинский (с гергинским) диалекты. Цудахарская группа — цудахарский, бутринский, усишинский, гинтинский, сургинский (= сирхинский, иногда вкл. Худуц), кайтагский, мугинский (с верхнемулебкинским), муиринский, тантинский, гапшиминский (вкл. шукдинский и мегвинский), кубачинский (вкл. Ашты, Сулерки и Амузги), кункинский, амухский, чирагский, мемугинский (= мегебский) диалекты.

В то же время Ш. Г. Гаприндашвили (1948; 1952) предлагал делить даргинские диалекты на три группы: акушинскую (акушинский, губденский и др. говоры), урахинскую (аулы Урахи, Сергокала) и цудахарскую. В последней он выделяет а) собственно цудахарский диалект (речь аулов Цудахар, Хаджалмахи и др.); б) кайтагский диалект с двумя говорами: верхнекайтатским (речь аулов Шилаги, Барсит, Цириц и др.) и нижнекайтагским (речь аулов Баршамай, Рука, Чибанчи, Санчи, Джавгат, Карацан и др.); и в) кубачинский диалект, из которого выделяется говор аула Ашты.

Т. е. фактически диалекты одной группы (или даже двух у Гаприндашвили) соответствуют в современной классификации одному севернодаргинскому языку (ещё и без мугинского и верхнемулебкинского наречий), а диалекты цудахарской группы — всем остальным языкам. Позднее Гаприндашвили (1956: 4) добавил ещё одну группу — переходного типа, однако не уточнил, какие диалекты туда включаются.

Наконец, С. М. Гасанова (1971) отказалась от примитивной бинарной (или тернарной) схемы и разделила даргинские диалекты на 13 групп (см. таблицу 1).

В классификационной схеме Гасановой (см. схему 2) по-прежнему диалекты, соответствующие севернодаргинскому языку, представлены чрезмерно подробно. Группа III сформирована по остаточному принципу после выделения из неё почти всех южных диалектов. Не представлены диалекты южных селений Амузги, Шири, Кунки, Худуц, Санакари и Чахрижи. Но несмотря на эти недостатки, классификация Гасановой была несомненным прорывом в даргинской диалектологии.

Таблица 1. Диалектные группы (ДГ) по Гасановой (1971)

I. ДГ акушинского типа	VIII. ДГ кубачинского типа
II. ДГ урахинского типа	1. Кубачинский диалект
III. ДГ цудахарского типа	а) кубачинский говор
1. Цудахарский диалект	б) аштинский говор
а) цудахарский и б) куппинский говоры	в) сулевкентский говор
в) тантинский говор	IX. ДГ санжинского типа
2. Гапшиминский диалект	1. Санжинский диалект
3. Усишинский диалект	2. Ицаринский говор
4. Бутринский диалект	X. ДГ кайтагского типа
5. Хинтинский диалект	XI. ДГ мугинского типа
6. Хебинский диалект	а) мугинский говор
IV. ДГ муиринского типа	б) верхнемулебкинский говор
V. ДГ сирхинского типа	XII. ДГ амухского типа
VI. ДГ мюрегинского типа	1. Амухский диалект — с. Амух
VII. ДГ кадарского типа	2. Чирагский диалект — с. Чираг, Анклух, Шари
	XIII. Мегебский диалект

3. Ориентиры будущих исследований

Уточнение и доработка классификации даргинских языков возможны в нескольких направлениях. Прежде всего, ощущается острая нехватка стословных списков по следующим селениям: Шукты, Санакари, Чахрижи (жители двух последних переселились в Зеленоморск), желательно также Дирбакмахи, Анклух, Герхмахи, Верхние Лабкомахи. Списки из Усиши, Бутри, Худуца собраны не полностью и требуют доработки. В целом, довольно мало списков по цудахарскому, усиша-бутринскому, кайтагскому языкам и акушинскому наречию. Почти полностью отсутствуют списки по сирхинским селениям Акушинского района (часть из них может оказаться ближе к тантынскому наречию) и муиринским селениям Кайтагского района.

С другой стороны, необходимо выявить фонетико-морфологические инновации и построить на их основе параллельную классификацию, сравнив её с имеющейся лексикостатистической. Именно в этом направлении работает Р. О. Муталов, который предлагает создать «грамматическую базу из 100 (или более) основных морфологических и синтаксических явлений… по всем даргинским идиомам» и на её основе выявить «изоглоссы распространения тех или иных морфем и грамматических категорий» (Муталов 2020).

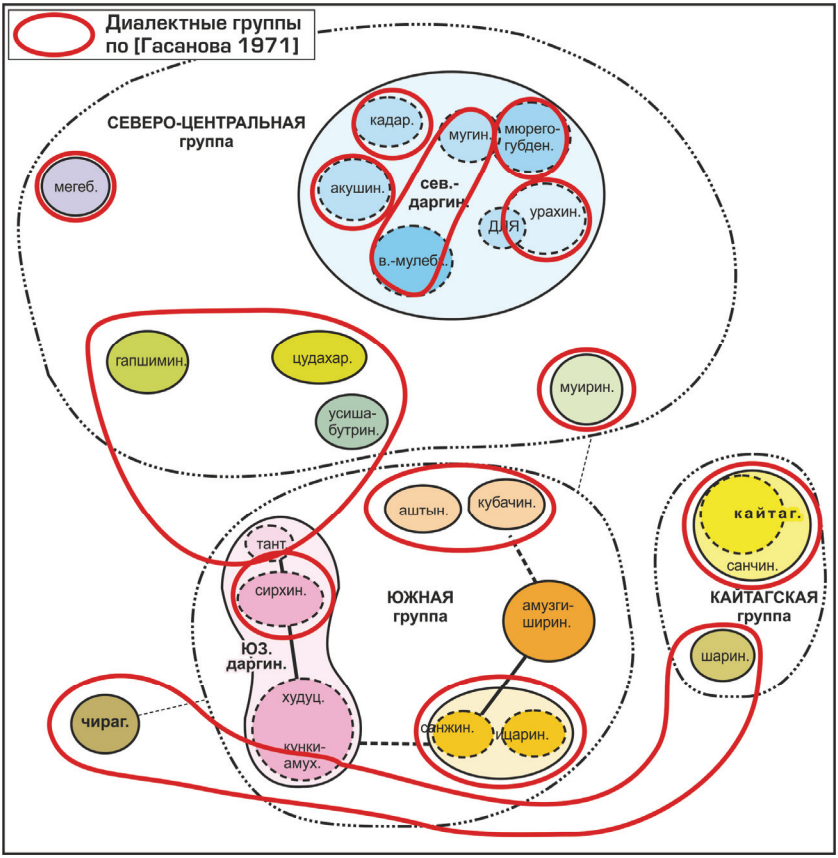


Схема 2. Соотношение текущей классификации и диалектных групп по Гасановой (1971)

Литература

Абдуллаев С. Н. 1954. *Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология)*. Махачкала: Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР.

Алексеев М. Е. 1999. Нахско-дагестанские языки. *Языки мира: Кавказские языки*. М.: Academia, 156–165.

Беляев О. И. 2019. Место ширинского и амузгинского среди диалектов даргинского языка. *Томский журнал лингвистических и антропологических исследований*. Т. 2, № 24, 20–38.

Быховская С. Л. 1940. Пережитки inclusiv-а и exclusiv-а в даргинских диалектах. *Язык и мышление*, т. IX. М. — Л., 85–100.

Гаприндашвили Ш. Г. 1948. Фонетические особенности цудахарского диалекта даргинского языка (по данным говора аула Ходжал-Махи). В сб.: *Языки Дагестана*, вып. I. Махачкала: Изд. Дагестанской Базы Академии наук СССР, 105–134.

Гаприндашвили Ш. Г. 1952. К вопросу о классификации диалектов и говоров даргинского языка. В сб.: *Тезисы докладов III (IX) научной сессии Института языкознания АН ГССР*. Тбилиси.

Гаприндашвили Ш. Г. 1956. *Фонетика даргинского языка по данным диалектов*. Автореферат докт. дисс. Тбилиси.

Гасанова С. М. 1971. *Очерки даргинской диалектологии*. Махачкала: Дагестанский филиал Академии Наук СССР Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы.

Коряков Ю. Б. 2006. *Атлас кавказских языков*. М.: Институт языкознания РАН.

Коряков Ю. Б. 2012. *Лексикостатистическая классификация даргинских языков*. Доклад на московском семинаре по нахско-дагестанским языкам под руководством Н. Р. Сумбатовой, 30.10.2012.

Коряков Ю. Б. 2017. Проблема «язык или диалект» и попытка лексикостатистического подхода. *Вопросы языкознания*, №6, 79–101.

Коряков Ю. Б., Сумбатова Н. Р. 2007. Даргинские языки. *Большая российская энциклопедия*, том 8. — М.: Научное изд-во «Большая российская энциклопедия», 328–329.

Магомедов А.Дж., Саидов-Аккутта Н. И. 2017. *Кубачинско-русский словарь*. М.: Наука.

Магометов А. А. 1963. *Кубачинский язык*. Тбилиси: Издательство Академии наук Грузинской ССР.

Магометов А. А. 1982. *Мегебский диалект даргинского языка (Исследование и тексты)*. Тбилиси: Мецниереба.

Мирзамагомедова Р. М. 2007. *Фонетические и именные особенности нижнемулебкинского говора даргинского языка*: автореферат диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Махачкала.

Муталов Р. О. 2020. К проблеме разграничения даргинских языков и диалектов. *The Newman In Foreign Policy*. № 57 (101), Vol. 6.

Муталов Р. О. 2017. Падежная система шаринского диалекта даргинского языка. *Acta Linguistica Petropolitana*. Т. XIII, Ч. 1, 751–773.

Старостин С. А. 2007. О доказательстве языкового родства. В: Старостин С. А. *Труды по языкознанию*. М.: Языки славянских культур, 779–793.

Сумбатова Н. Р., Ландер Ю. А. 2014. *Даргинский говор селения Танты: грамматический очерк, вопросы синтаксиса*. М.: Языки славянской культуры.

Темирбулатова С. М. 2004. *Хайдакский диалект даргинского языка*. Махачкала: Издательство ДНЦ РАН.

Услар П. К. 1892. *Хюркилинский язык*. (Этнография Кавказа. Языкознание. V). Тифлис: Издание Управления Кавказского учебного округа.

Шахбанова Д. Н. 2007. *Бутринский говор даргинского языка: фонетические и морфологические особенности*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологически х наук. Махачкала.

Daniel M., Dobrushina N., Ganenkov D. (eds.). 2019. *The Mehweb language: Essays on phonology, morphology and syntax* (Languages of the Caucasus 1). Berlin: Language Science Press.

Erckert R. 1895. *Die Sprachen des kaukasischen Stammus. T. II. Sprachproben untl grammatische Skizzen*. Wien.

Forker D. 2020. *A grammar of Sanzhi Dargwa* (Languages of the Caucasus 2). Berlin: Language Science Press.

Ganenkov D. 2016. *Cases in Chirag Dargwa*. Paper presented at the Linguistische Werkstatt, Universität Bamberg, 20 January 2016.

Hammarström H. 2008. Counting languages in dialect continua using the criterion of mutual intelligibility. *Journal of Quantitative Linguistics*. Vol. 15. No. 1, 34–45.

Kassian A., Starostin G., Dybo A., Chernov V. 2010. The Swadesh wordlist. An attempt at semantic specification. *Journal of Language Relationship*. No. 4, 46–89.

Koryakov Y. B. 2002. *Atlas of the Caucasian languages*. Moscow: Institute of Linguistics RAS.

Koryakov Y. B. 2013. Convergence and divergence in the classification of Dargwa languages. In: *46th Annual Meeting of the Societas Linguistica Europaea (SLE 2013). 18–21 September 2013. Book of abstracts*. Part 1. Split: University of Split.

Malyshev V., Malysheva V., Gutz A., Novaya I., Panina A., Yurkova A., Clifton J. M. & Tiessen C. 2019. The Sociolinguistic Situation of the Dargwa in Dagestan. *SIL Electronic Survey Report* 2019-011. Dallas: SIL International, 2019.

Starostin G. 2010 — Starostin G. Preliminary lexicostatistics as a basis for language classification: A new approach. *Journal of Language Relationship*. No. 3, 79–116.

Sumbatova N. R., Mutalov R. O. 2003. *A Grammar of Icari Dargwa*. [Languages of the World Series 92]. München — Newcastle: LINCOM Europa.

Swadesh M. 1955. Towards greater accuracy in lexicostatistic dating. *International Journal of American Linguistics*. 1955. Vol. 21. No. 2, 121–137.

ТАНТЫНСКИЕ СРАВНИТЕЛЬНЫЕ КОНСТРУКЦИИ: ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРЫ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Ю. А. Ландер, М. Х. Мамаев
НИУ Высшая школа экономики, Тантынская СОШ

Расул, дорогой, мы — и в Москве, и в Дагестане — очень тебя любим, любим как хорошего друга, любим не только за твою любовь к языку, но и за твою любовь к людям. Этим коротким произведением мы немного присоединяемся к тебе в деле описания удивительных черт даргинских языков.

Твой Юра.

О Расуле Османовиче, о его достижениях можно говорить долго. Он прекрасный человек, верный, преданный друг, заботливый муж, любимый и любящий отец, который воспитал замечательных детей. Это человек, который достиг вершин науки исключительно своим умом и трудом.

Поздравляя с 60-летним юбилеем, хочу пожелать тебе, дорогой Расул, прежде всего железного здоровья, счастья в семье, долгих лет жизни в кругу семьи, среди внуков. Дальнейших творческих успехов на твоем поприще!

С уважением, Мамаев М. Х.

1. Введение

Считается, что в дагестанских языках отсутствуют формы сравнительной степени вроде русских *лучше*, *веселее* или сочетания вроде *более высокий*, но соответствующее значение выражается особыми конструкциями; см., например, обзор даргинских сравнительных конструкций в (Гусейнова 2002: 135–137). Чаще всего в таких конструкциях то, с чем происходит сравнение (стандарт сравнения),

ставится в элативную форму — форму, обозначающую источник движения, хотя встречаются и другие способы его оформления; см. (Naccarato 2020). Так, в ицаринском даргинском примере (1), заимствованном из грамматики (Sumbatova, Mutalov 2003), стандарт сравнения ‘Разият’ выражен так называемой суперэлативной формой:

(1) *pāt’ma razijat-līr čak^{w}a-ci=ca-r*
Патимат Разият-OBL+SUPER+EL красивый-ATR=COP-F
‘Патимат красивее Разият’.

Но даже если русские сравнительные конструкции переводятся конструкциями типа (1), можно ли считать, что они функционируют одинаково? В последние годы появилось несколько работ, которые показывают, что то, что описывается как сравнительные конструкции (см., например, (Stassen 1985; 2013; Dixon 2008)), обнаруживает разные свойства в том, что касается употребления; см., например, (Beck et al. 2009; Kennedy 2009). Мы рассмотрим этот вопрос для даргинского наречия, используемого в селении Танты (Акушинский район Республики Дагестан), для которого сравнительные конструкции до сих пор были описаны чрезвычайно кратко (Сумбатова, Ландер 2014: 92–93).

В разделе 2 мы описываем строение тантынских сравнительных конструкций. Раздел 3 посвящен принципиальным синтаксическим характеристикам выражения стандарта сравнения. В разделе 4 обсуждаются особенности функционирования рассматриваемых выражений. Наконец, раздел 5 включает выводы и поднимает новые вопросы для исследования.

2. Сравнительная конструкция: основы

Обычно в сравнительных конструкциях противопоставляются:

— **субъект сравнения** (то, что сравнивается),
— **стандарт сравнения** (то, с чем сравнивается)
— **параметр сравнения** (признак, по которому происходит сравнение).

Так, в русском предложении, *Шунудаг выше Тарки-Тау на 2218 метров* имеется субъект сравнения *Шунудаг*, объект сравнения *Тар-*

ки-Тау и параметр *выше*. Кроме того, как видно из этого примера, сравнительная конструкция может содержать **дифференциал** — указание на разницу между субъектом и объектом сравнения (*на 2218 метров*). В примерах ниже выражение стандарта выделяется подчеркиванием, основное выражение параметра — жирным шрифтом, дифференциал — подчеркиванием и жирным шрифтом.

В тантынском даргинском выражение, переводимое как стандарт сравнения, принимает форму, включающую суффиксы локализации SUPER ‘на верхней поверхности’ *-ja* и элатива ‘из’ *-r*:

(2) *hi.š-t:i ħinc-be* <u>*limun-ni-ja-r*</u> ***c’akʷ-le****=sa-d*
этот-PL яблоко-PL лимон-OBL-SUPER-EL кислый-ADV=COP-NPL
‘Эти яблоки кислее лимона’.

Правда, обычно элативные формы в таком виде не употребляются, поскольку они требуют добавления показателей ориентации вроде ‘вниз’, ‘вверх’, ‘туда’, ‘сюда’; ср. *dubur-li-ja-r-ka* [гора-OBL-SUPER-EL-DOWN] ‘с горы вниз’; см. описание тантынских локативных форм в (Ландер 2010; Сумбатова, Ландер 2014: 64–74). Использование элативных форм без показателей ориентации, как в сравнительных построениях, характерно для вторичных непространственных употреблений (Ганенков, Ландер 2011).

Конструкция легко образуется от обозначений градуируемых качеств — «прилагательных»/«наречий» (в тантынском это обычно одни и те же основы), выступающих как в функции сказуемого (3), так и в функции определения (4) или обстоятельства (5–6), но, по-видимому, не допускается, если параметр выражен исключительно глаголом, а с существительными разрешается, только если они употреблены оценочно (7). В целом очевидно, что тантынская сравнительная конструкция — как и сравнительные конструкции во многих других языках — требует, чтобы в значении параметра присутствовала оценка.

(3) <u>*s:a-li-ja-r*</u> *iž.beri* ***b-uχ:ar-le****=sa-b*
вчера-OBL-SUPER-EL сегодня N-холодный-ADV=COP-N
‘Сегодня холоднее, чем вчера’.

(4) <u>*mitru-li-ja-r*</u> ***d-urša*ˁ*-se*** *k:alk-ne d-irχʷ-ar*
метр-OBL-SUPER-EL NPL-толстый-ATR дерево-PL NPL-становиться:IPF-TH
‘Бывают деревья толще метра’.

(5) *s:a* *d-arq'-ib-se-li-ja-r* *iž.beri* *nerʁ*
вчера NPL-делать:PF-PRET-ATR-OBL-SUPER-EL сегодня суп
qaˁrq-le *d-arq'-ib*
скорый-ADV NPL-делать:PF-PRET
'Сегодня она приготовила суп быстрее, чем то, что делалось вчера'.

(6) *ħaˁmšima-la* *q:ala* *ic'ari-lla* *q:ala-li-ja-r* ***kam-le***
Гапшима-GEN башня Ицари-GEN башня-OBL-SUPER-EL мало-ADV
b-alχ-a
N-знать:IPF-TH
'Гапшиминскую башню знают меньше, чем ицаринскую башню'.

(7) *hi.t* *har* *dila* *mac:a-li-ja-r* ***mac:a****=sa-j*
тот каждый я:GEN овца-OBL-SUPER-EL овца=COP-M
'Он бóльшая овца, чем любая из моих овец'.

Параметр может также быть обозначен кванторным словом (8), хотя для передачи значения 'больше' регулярно появляется корень *imc'a-* (исходно 'добавлять, добавок') (9).

(8) *c'imiχ:-a-ja-r* ***d-aqal*** *culat'* *le-d*
алыча:PL-OBL:PL-SUPER-EL NPL-много персик EXST-NPL
'(Здесь) есть больше персиков, чем алычи'.

(9) *dam* *d-ič:-aq-i-d* *čaj* ***imc'a-le*** *se-li-ja-r*
я:DAT NPL-хотеть:IPF-CAUS-TH-1 чай более-ADV что-OBL-SUPER-EL
b-iχʷ-ar=ra
N-становиться:IPF-TH=ADD
'Я люблю чай больше, чем что бы то ни было'.

Как видно, параметр сравнения в норме не маркируется как таковой. Тем не менее при нем может появиться дополнительный показатель *hat'ira* — комбинация *hat'i* 'ещё' и аддитивной частицы *=ra*. Примечательно, что такое же использование частиц со значением 'ещё' наблюдается в аналогичных конструкциях в тюркских языках; см., например, (Тенишев (ред.) 1988: 156). Естественно, *hat'ira* становится обязательным, когда нет других признаков того, что перед нами сравнительная конструкция, — стандарта сравнения или дифференциала.

(10) *du* *hat'i=ra* ***duχ:u-sa****=da*
я еще=ADD умный-ATR=1
'Я умнее'.

Дифференциал в тантынских сравнительных конструкциях обычно получает генитивный (родительный) падеж (11) или появляется с адвербиальным суффиксом — в случае кратного дифференциала ‘в *n* раз’ (12). При выражении *imc’a-* ‘более’ дифференциал может вообще не оформляться — появляться в немаркированном абсолютивном падеже, что, вероятно, обусловлено исходной семантикой этого выражения ‘добавлять’ (13).

(11) *hi.t* ***č’-al*** ***santimit’ru-lla*** ***haq-le=sa-j***
тот два-CARD сантиметр-GEN высокий-ADV=COP-M
‘Он выше на два сантиметра’.

(12) *niš:ala* *š:i* *k:ubteni-lla* *š:i-li-ja-r* ***č’u-jna-le***
мы:GEN селение Губден-GEN селение-OBL-SUPER-EL два-MULT-ADV
haq-le*=sa-b*
высокий-ADV=COP-N
‘Наше селение в два раза выше, чем селение Губден’.

(13) *hi.t* *q’ʷaᶜl-li-ja-r* *hi.ž-i-li* ***č’-al*** ***lit’ru*** ***imc’a-le***
тот корова-OBL-SUPER-EL этот-OBL-ERG два-CARD литр более-ADV
luk:-un-ne=sa-b
давать:IPF-PRS-CONV=COP-N
‘Эта (корова) дает (молока) на два литра больше той коровы’.

Какие-либо специфические ограничения на оформление субъекта сравнения нам неизвестны.

3. Синтаксис стандарта сравнения

В языках вроде русского стандарт сравнения иногда представляет собой предложение. Так, в предложении *Шунудаг дальше, чем ты думаешь* стандарт сравнения выражен предложением *ты думаешь*, введенным союзом *чем*. Для выражений вроде *Он дорожит своей машиной больше, чем ослом* можно думать, что они образованы аналогичным образом: союз вводит предложение, у которого удалена часть, тождественная главному предложению — *Он дорожит своей машиной больше, чем ~~он дорожит~~ ослом* (и это объясняет, почему у стандарта сравнения *ослом* возникает творительный падеж).

В тантынском, в отличие от русского, стандарт сравнения получает фиксированный падеж. Ср. следующий пример, где падеж субъекта сравнения никак не влияет на падеж стандарта сравнения:

(14) *du ʕaᶜži-ja-w* ***imc'a-le*** *pikri-w-ik'-u-l=da*
я ты:OBL-SUPER-M(ESS) больше-ADV думать-M-LV:IPF-PRS-CONV=1
damži-ja-r
я:OBL-SUPER-EL
'Я о тебе думаю больше, чем о себе'.

При этом стандарт сравнения — это всегда именная группа, то есть выражение, которое в норме призвано описывать конкретные объекты. Соответственно, любые стандарты сравнения, не обозначающие конкретные объекты, требуют «превращения» в именную группу путем так называемых атрибутивных показателей, которые позволяют им функционировать как имена (см. об этом (Сумбатова 2013)):

(15) *hi.ž ħerk'ʷ dam han-b-irk-u-se-li-ja-r*
этот река я:DAT думать-N-LV:IPF-PRS-ATR-OBL-SUPER-EL
murx-le*=sa-b*
глубокий-ADV=COP-N
'Эта река глубже, чем я думал'.

(16) *dirx:a ʔaᶜʔni-se-li-ja-r* ***q:ant'-le****=sa-b*
палка нужно-ATR-OBL-SUPER-EL короткий-ADV=COP-N
'Палка короче, чем нужно'.

По той же причине, по-видимому, в тантынском недопустимы так называемые субкомпаративы — сравнение значений разных признаков. Предложения вроде *Ты знаешь больше букв, чем наша кошка — слов* (где сравниваются степени знания букв и знания слов) простой конструкцией не переводится, поскольку такой сложный стандарт сравнения может быть выражен только предложением.

4. Функционирование

Сфера употребления тантынских сравнительных конструкций тоже отличается от того, как используются русские конструкции. Приведём несколько интересных фактов.

— В тантынском при сравнении можно использовать прилагательные-параметры в сочетании с наречием ‘очень’ (17), в то время как буквальный перевод таких предложений на русский язык невозможен.

(17) *hi.š-t:i ħinc-be limun-ni-ja-r (hat’i=ra)* ***dewga-le***
этот-PL яблоко-PL лимон-OBL-SUPER-EL еще=ADD очень-ADV
c’ak^{w}-le*=sa-d*
кислый-ADV=COP-NPL
‘Эти яблоки кислее (букв. более очень кислые) лимона’.

— Тантынское предложение (18) выглядит как бессмысленное — в отличие от его русского эквивалента.

(18) *#musa hi.ž učenik-li-ja-r* ***haq-le****=sa-j,*
Муса этот ученик-OBL-SUPER-EL высокий-ADV=COP-M
amma haq-le ak:^{w}ara
но высокий-ADV NEG.COP
‘Муса выше этого ученика, но не высокий’.

— Предложение (19) переводится на русский язык сравнительной конструкцией *Ты левее меня*, если при этом берется перспектива наблюдения извне, в то время как в тантынском оно допускается и в перспективе говорящего (правда, допустимость показателя *hat’ira* в этом случае сомнительна).

(19) *ʕu^{ʕ} damži-ja-r* ***kuk:.il*** *š:al=de*
ты я:OBL-SUPER-EL левый сторона:LOC=2SG
‘Ты слева от меня’. (Букв.: ‘Ты левее меня’.)

По-видимому, эти наблюдения объясняются через простое отличие тантынских конструкций от русских. В языках вроде русского наименование параметра в сравнительных конструкциях появляется для того, чтобы указать на шкалу, с которой соотносятся субъект и стандарт сравнения. Как видно из русского перевода (18), их соотнесение с соответствующей шкалой — это ещё не утверждение, что они обладают соответствующей характеристикой. В отличие от русских конструкций, тантынские сравнительные конструкции обязательно приписывают признак субъекту сравнения.

Приведенные выше особенности тантынских конструкций объясняются следующим образом:

а) появление обстоятельства ‘очень’ в (17), естественно, предполагает, что субъект сравнения уже имеет соответствующий признак; соответственно, такие обстоятельства допустимы в тантынском, но не в русском;

б) явное указание на отсутствие признака в тантынском примере (18) приходит в противоречие с приписыванием этого признака в первом предложении этого примера; в русском переводе признак не приписывается и проблемы не возникает;

в) для русского языка конструкция вроде (19) не приписывает признак — не описывает *взаимное* расположение двух объектов, поскольку один из этих объектов заведомо образует полюс шкалы; напротив, тантынская конструкция приписывает признак и в данном случае описывает расположение одного объекта через его отношение к другому объекту.

Нельзя исключать, что построение шкалы для тантынского вообще необязательно. В принципе, сравнительные конструкции и здесь требуют параметр, который предполагает оценку, а оценка всегда зависит от контекста. Стандарт сравнения может попросту задавать этот контекст, так что более аккуратным переводом предложений вроде (2) будет ‘По сравнению с лимоном эти яблоки кислые’; ср. аналогичные, хотя и концептуально разные подходы в (Beck et al. 2014; Zeisler 2018). Если это предположение верно, такие предложения вообще не содержат собственно описания шкалы, что не исключает того, что какая-то шкала может задаваться контекстом (в частности, появление шкалы обязательно, если стандарт сравнения сам определяется как величина, как в (4)). Примечательно в этой связи, что выражение дифференциала, которое описывает в других языках разницу на некоторой шкале, в тантынском может совпадать с указанием на количественное значение признака — вне связи с каким-либо стандартом сравнения:

(20) *hi.t mit’ru-lla murx-le=sa-b*
тот метр-GEN глубокий-ADV=COP-N
a. ‘Она (яма) глубже на метр.’
b. ‘Она (яма) глубиной метр.’

Так или иначе, вопрос об адекватной семантической модели, описывающей тантынские сравнительные конструкции, остаётся открытым.

5. Заключение

Предложенное выше описание фрагмента тантынской грамматики — несомненно, ещё далекое от полноты — тем не менее, уже показывает множество функциональных различий между сравнительными конструкциями в языках типа русского и сравнительными конструкциями в языках типа тантынского. Существует ряд контекстов, в которых русские конструкции оказываются возможны, а тантынские невозможны — и наоборот. Иногда такие различия можно отнести на счет строго формальных характеристик конструкций (см. раздел 3). В других случаях, однако, речь явно должна идти о разном значении (раздел 4). При этом как раз формальное противопоставление даргинских и типичных европейских конструкций несколько преувеличено: в тантынском при выражении параметра может возникать особый показатель, хотя его семантический вклад нуждается в дальнейшем изучении. Точно так же остается для дальнейших исследований и вопрос о том, насколько другие дагестанские языки похожи на тантынский в отношении признаков, которые мы рассмотрели в этой статье, — существующие описания, даже специально обращенные к теме сравнительных конструкций (Сосенская 2001; Халилова 2016), эти вопросы пока не затрагивали.

Благодарности

Авторы признательны М. А. Даниэлю, Кс. И. Романовой, Н. Р. Сумбатовой и Т. А. Филипповой за обсуждение некоторых затронутых вопросов, а также Т. А. Майсаку за комментарии по первой версии работы. Исследования, проводившиеся Ю. А. Ландером, поддержаны грантом № 17-18-01184 Российского научного фонда (руководитель В. И. Подлесская, Российский государственный гуманитарный университет).

Сокращения в глоссах

ADD — аддитив, ADV — адвербиальный (обстоятельственный) суффикс, ATR — атрибутивный суффикс, CARD — количественное числительное, CAUS —

каузатив, CONV — деепричастие, COP — связка, DAT — дательный падеж, ESS — эссив (‘нахождение в’), EXST — бытийное сказуемое, F — женский род, EL — элатив (‘движение из’), GEN — генитив (родительный падеж), IPF — имперфектив (несовершенный вид), LOC — общая локализация, LV — «легкий глагол» (корень вспомогательного глагола в составе сложного глагола), M — мужской род, MULT — кратное числительное, N — неличный («средний» род, NEG.COP — отрицательная связка, NPL — неличное множественное число, OBL — косвенная основа, PF — перфектив (совершенный вид), PL — множественное число, PRET — претерит, PRS — настоящее время, SUPER — локализация ‘на поверхности’, TH — тематический элемент в составе глагола. Числа указывают на лицо.

Литература

Ганенков Д. С., Ландер Ю. А. 2011. Локативные формы как источник нелокативных падежей: даргинские данные. *Acta Linguistica Petropolitana*, т. VII, ч. 3, 55–60.

Гусейнова М. М. 2002. Категория атрибутивности и её выражение в даргинском языке. Канд. дисс. Махачкала: ДГУ.

Ландер Ю. А. 2010. О разных морфологиях: тантынские даргинские локативные формы. В сб.: *Бюллетень Общества востоковедов РАН 17. Труды межинститутской научной конференции «Востоковедные чтения-2008»*. М.: ИВ РАН, 139–161.

Сосенская Т. Б. 2001. Сравнительные конструкции. В кн.: А. Е. Кибрик и др. (ред.). *Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари*. М.: Наследие, 408–424.

Сумбатова Н. Р. 2013. *Проблема частей речи в даргинском языке*. М.: Тезаурус.

Сумбатова Н. Р., Ландер Ю. А. (при участии Мамаева М. Х.) 2014. *Даргинский говор селения Танты: Грамматический очерк, вопросы синтаксиса*. М.: Языки славянской культуры.

Тенишев Э. Р. (ред.) 1988. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология*. М.: Наука.

Халилова З. М. 2016. Сравнительные конструкции в бежтинском языке. *Альманах современной науки и образования*, вып. 103, 104–107.

Beck S., Oda T., Sugisaki K. 2004. Parametric variation in the semantics of comparison: Japanese vs. English. *Journal of East Asian Linguistics*, v. 13, no. 4, 289–344.

Beck S., Krasikova S., Fleischer D., Gergel R., Hofstetter S., Savelsberg C., Vanderelst J., Villalta E. 2009. Crosslinguistic variation in comparison constructions. *Linguistic Variation Yearbook*, v. 9, 1–66.

Dixon R. M. W. 2008. Comparative constructions. A cross-linguistic typology. *Studies in Language*, v. 32, no. 4, 787–817.

Kennedy C. 2009. Modes of comparison. *Proceedings of Chicago Linguistic Society (CLS)*, v. 43, 141–165.

Naccarato C. 2020. Standard of comparison. In: M. Daniel, K. Filatov, G. Moroz, T. Mukhin, C. Naccarato, S. Verhees. *Typological Atlas of the languages of Daghestan (TALD).* Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, HSE University. URL: http://lingconlab.ru/dagatlas/standard_of_comparison.html

Stassen L. 1985. *Comparison and Universal Grammar*. Oxford / New York: Blackwell.

Stassen L. 2013. Comparative Constructions. In: M. S. Dryer, M. Haspelmath (eds.). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology. URL: http://wals.info/chapter/121

Sumbatova N. R., Mutalov R. O. 2003. *A Grammar of Icari Dargwa*. München: LINCOM Europa.

Zeisler B. 2018. Contrast instead of comparison: Evidence from West Tibetan differentiating property ascriptions. *Linguistic Discovery*, v. 16, no. 1, 184–217.

РУССКИЕ НОМИНАЛИЗАЦИИ В ПОЗИЦИИ ЗАВИСИМОГО И ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОЕ ОБЪЕКТНОЕ МАРКИРОВАНИЕ

А. Б. Летучий
НИУ Высшая школа экономики

1. Введение

Наша статья посвящена маркированию номинализаций при некоторых матричных предикатах: в частности, когнитивных глаголах типа *знать*, *осознавать*, *понимать* и близких к ним лексемах типа *чувствовать*. При этом к номинализациям мы причисляем любое производное (не обязательно от глагола) имя со значением ситуации: *важность* ‘тот факт, что нечто важно’, *погрузка* ‘ситуация, в которой нечто грузят’, *строительство* ‘ситуация, в которой нечто строят’ и т. д. И дериват от прилагательного/предикатива *важность*, и отглагольные *погрузка* и *строительство* в равной мере рассматриваются как номинализации.

Необходимо ещё одно замечание. К номинализациям мы относим любые имена ситуаций (как динамических ситуаций, так и свойств и состояний), соотносящиеся с исходным словом другой части речи, даже если они образованы с помощью редкой морфологической стратегии: тем самым, в поле исследования попадают и имена *важность*, *закрытие*, *осознание*, *хамство*, где используются продуктивные словообразовательные суффиксы, и *начало*, образованное по менее распространённой модели, и *приезд* или *раздел*, не содержащие эксплицитного словообразовательного показателя.

В центре нашего внимания — нестандартное поведение при матричных глаголах особого класса номинализаций типа *важность*. Ниже мы подробнее проанализируем особенности этого класса. Как мы покажем, эти номинализации способны либо выступать при предикатах, стандартно не сочетающихся (в рассматриваемом значении)

с номинализациями, либо допускающие номинализации, но с другим маркированием.

Номинализации и их поведение — одна из самых актуальных сейчас проблем синтаксиса. Во многом это внимание к ним связано с их двойственной природой: номинализации сочетают в себе глагольные (клаузальные) и именные свойства. Однако не все проблемы номинализаций исследованы одинаково подробно. Очень многие исследования номинализации сконцентрированы в области свойств номинализаций как вершин. К этому типу, например, относятся исследования (Stowell 1981, Пазельская 2005, Pereltsvaig et al. 2018, Руднев & Волкова 2020), обсуждающие наследование актантной структуры от глаголов к номинализациям, или более частные по задачам (Kayne 2008, 2010; Knjazev 2014; de Cuba 2017; Letuchiy 2018), где анализируется сочетаемость номинализаций с сентенциальными актантами. Надо сказать, что внимание к номинализациям постоянно усиливает материал тех языков, где они полностью или в большой степени интегрированы в глагольную парадигму и представляют собой разветвлённую систему регулярных глагольных форм. К таким языкам относятся и дагестанские (см. работу (Муталов 2004), полностью посвящённую образованию даргинского масдара).

Другая распространённая перспектива — обсуждение образования номинализаций, их значения и степени близости их семантики к значению исходной ситуации. Здесь можно выделить следующие группы проблем:

а) как образуются номинализации (см., среди прочих, работы (Муталов 2004, Пазельская 2005))?
б) сохраняются ли аспектуальные/акциональные/агентивные свойства исходного предиката (Giorgi & Longobardi 1991 и др.)?
в) есть ли аспектуальные типы ситуаций, которые получают выражение глаголами, но в номинализациях не кодируются?
г) есть ли случаи, когда одна номинализация относится к нескольким ситуациям?
д) как выбирается семантико-синтаксический тип номинализации (Grimshaw 1990)?

По сравнению с семантикой и актантной структурой, недостаточно исследованы свойства номинализаций как зависимых матричных глаголов (ср. *Он удивился* ***нашему приезду***): классы матричных глаголов, которые ими управляют, и модели управления. Следующие вопросы довольно редко хорошо проработаны в грамматиках:

а) как выбирается падеж номинализаций — так же, как у «обычных» ИГ при том же глаголе, или по-другому?
б) обязательно ли, если глагол управляет сентенциальными актантами и управляет ИГ, он управляет и номинализациями?
в) бывает ли, что разные номинализации имеют разные свойства (сочетаемость, маркирование при одних и тех же глаголах)?

В этой статье мы рассмотрим некоторые свойства русских номинализаций как зависимых при матричных глаголах. Наибольшее внимание мы уделим явлению, близкому к дифференциальному маркированию объекта/субъекта (DOM/DSM соответственно). Хотя, как мы показываем, DOM/DSM в каноническом смысле в русском языке усматривать сложно, ситуация с распределением номинализации в позиции ядерного аргумента и другого способа маркирования близка к дифференциальному маркированию.

Наш материал будет включать предикаты знания (*знать*, *понимать*, *осознавать*, *выяснить*, прилагательное *известный* в предикатном употреблении), мнения (*чувствовать* в эпистемическом употреблении), а также лексему *забыть*. При этом мы рассматриваем только те употребления, где глаголы сочетаются с номинализацией в значении факта: например, *Они одобряют изменение паспортного режима* / *заинтересованность французов в сотрудничестве* означает ‘Они одобряют тот факт, что паспортный режим изменится (может измениться, изменился) / тот факт, что французы заинтересованы в сотрудничестве’.

Оставшаяся часть статьи организована следующим образом. В части 2 показано, что номинализации при матричном глаголе не всегда маркируются так же, как прочие именные зависимые. Часть 3, центральная для статьи, содержит данные о явлении, близком к дифференциальному маркированию объекта и субъекта. В части 4 мы уточняем описания класса номинализаций, демонстрирующих особое падежное маркирование. В части 5 предлагается объяснение этому явлению. Итоги исследования подводятся в Заключении.

2. Предпочтительность непрямого маркирования

При сочетаниях некоторых матричных глаголов с номинализациями действует тенденция, которую можно сформулировать как «Не делай номинализацию ядерным актантом (прямым объектом или субъектом)».

Даже если матричный глагол или предикатив способен управлять именными группами в аккузативе или номинативе, номинализации при нём выступают с предлогом и имеют более низкий синтаксический статус. К примеру, так ведут себя глаголы *знать* и *рассказывать*, прилагательное *известный* в предикатной позиции. В примерах (1), (5) и (6) стандартные именные группы могут выступать при данных предикатах в позиции прямого объекта (знать, рассказывать) или субъекта (известный). Напротив, в (2), (4) и (7) номинализации *участие*, *начало* и *приезд* к этому не способны — они могут выступать в конструкциях с предлогами *о* или *про* (одна из таких конструкций проиллюстрирована в (3)).

(1) *Я знаю эту историю.*
(2) **Я знаю участие Пети в митинге.*
(3) *С большой любовью В. Филимонов рассказывал о* ***начале*** *футбольной карьеры сына.* [«Каждый раз все начинаю сначала» (2003) // «Марийская правда» (Йошкар-Ола), 2003.01.14]
(4) **В. Филимонов рассказывал* ***начало*** *футбольной карьеры сына*.
(5) *В. Филимонов рассказывал* ***всякую чепуху****.*
(6) *Мне известны* ***все твои доводы****.*
(7) **Мне известен* ***приезд Серёжи****.*

Как правило, то же маркирование, которое имеет номинализация, имеют и составляющие с проформой *то*. Как показано в работах (Князев 2009, Летучий 2020), они проявляют свойства, промежуточные между свойствами сентенциальных и именных актантов. И если, как при предикате *знать*, сомнительно аккузативное маркирование для номинализации, оно сомнительно и для конструкции с *то, что* или *то, как*:

(8) *?Филимонов знал то, как всё случилось / то, что он пропустил дурацкий гол от Шевченко.*

Однако это не всегда так. Например, при предикате *быть известным* поведение *то, что* и номинализации различается: первый тип зависимого может стоять в именительном падеже (9), наряду с маркированием предложной группой с *о* (10), тогда как для второго возможно только предложное выражение (11)–(12):

(9) *То, что он пропал, мне известно.*
(10) *Мне известно о том, что он пропал.*

(11) **Мне известна его пропажа.*
(12) *Мне известно о его пропаже.*

Как кажется, отмеченное различие в маркировании между номинализациями и другими ИГ во многом связано с тематической структурой и пресуппозицией. Стандартно номинализации (как и обороты с *то*) обладают меньшей тематичностью, чем стандартные ИГ. Стандартные ИГ в прямообъектной или субъектной позиции часто (хотя и не всегда) являются частью темы, а существование их референта — пресуппозицией. Конструкция с номинализацией часто входит в рему (ср. *Стало известно о пропаже двух чемоданов*). Более того, при номинализации (даже с фактивными глаголами типа *знать*) ситуация может не быть сильной пресуппозицией — знание о пропаже чемодана может быть затем отменено последующей информацией.

Сказанное не значит, что номинализации вообще не маркируются аккузативом. Конечно, случаев, когда это всё-таки происходит, тоже немало — например, при некоторых глаголах логического соответствия (*означать*, *предполагать*) или отношения (*одобрять*, *осуждать*). Однако есть случаи, где при наличии двух вариантов маркирования: ядерного, как у субъекта или привилегированного объекта (аккузатив, номинатив), и периферийного — номинализации выбирают последний.

Рассмотрим теперь особый случай распределения двух моделей. Речь идёт о матричных предикатах, которые стандартно требуют периферийного маркирования номинализаций, однако для некоторых номинализаций возможно и ядерное маркирование.

3. Явления, сходные с дифференциальным маркированием

Для русского языка обычно не говорят о дифференциальном маркировании объекта: если неканоническое маркирование субъекта может усматриваться в конструкциях типа *Ему плохо* или *Его тошнит*, то объект с высоким синтаксическим статусом маркируется всегда аккузативом. Однако материал, который рассматривается в этой статье, весьма близок к дифференциальному маркированию[1].

[1] Забегая вперёд, скажем, что о дифференциальном маркировании объекта в полном смысле слова говорить всё-таки нельзя, поскольку в разных типах

Обсуждаемые матричные глаголы управляют самыми разными номинализациями, однако для некоторых из них доступен особый вариант маркирования. К рассматриваемому нами классу относятся когнитивные предикаты: группа знания (*осознавать*, *понимать*, *знать*, *известен*), глаголы *забыть*, *выяснить* и *чувствовать*.

Сразу нужно отметить, что мы не учитываем некоторые употребления. Приведём примеры таких употреблений, выходящих за рамки нашего рассмотрения.

1. Употребление глагола *осознавать* в значении ‘воспринимать рассудком, воспринимать полностью’ (ср. *Только через два дня он полностью осознал уход жены*).
2. Употребление глагола *знать* с номинализацией, соответствующей косвенному вопросу, — см. ниже (13), где слово *последовательность* употребляется в смысле ‘то, какова последовательность’.
3. Употребление глагола *забыть* в значении ‘не хранить ситуацию в памяти, не помнить её протекание’ (ср. *Я уже почти забыл тот разговор* ‘Я не до конца помню, как именно проходил разговор’). В этом употреблении *забыть*, в терминах (Арутюнова 1988, Сердобольская 2005) сочетается не с фактом (‘помнить тот факт, что P имело место’), а с событием, ситуацией во всех его проявлениях.

(13) *Он* ***знал*** *всю дальнейшую* <u>*последовательность*</u> *действий — уже видел во время прошлой, такой же бесплодной рыбалки.* [Виктор Пелевин. S.N.U.F.F (2011)] — ‘знал, какой должна быть последовательность действий’ (косвенный вопрос).

Иначе говоря, как уже упоминалось во Введении, мы не учитываем все употребления, где глаголы не обозначают эпистемический статус факта, а кодируют некий дополнительный компонент: степень осознания ситуации говорящим, подтип ситуации, аспекты протекания ситуации и др. Мы рассматриваем употребления, где

оформления актант имеет и разный синтаксический статус (прямого объекта / субъекта vs. периферийного аргумента). Для дифференциального маркирования объекта предполагается, что варианты маркирования не отличаются друг от друга статусом в синтаксической иерархии или хотя бы отличаются не по всем критериям (подробнее см. (Kornfilt 2009) и другие работы сборника (de Hoop, de Swart (eds.) 2009)).

глаголы сочетаются с номинализацией в значении факта: например, *Они одобряют изменение паспортного режима* / *заинтересованность французов в сотрудничестве* означает ‘Они одобряют тот факт, что паспортный режим изменится (может измениться, изменился) / тот факт, что французы заинтересованы в сотрудничестве’.

Далее мы рассмотрим поведение каждого из матричных глаголов. К ним, напомним, относятся группа знания (*осознавать*, *понимать*, *знать*, *известен*), глаголы *забыть*, *выяснить* и *предполагать*.

Глагол *осознать*/*осознавать*

При употреблении с обозначением факта глагол *осознавать* близок по значению к *понимать* и сочетается, как правило, с зависимыми клаузами с союзом *что*:

(14) *Я вставал в восемь утра и отправлялся на тренировку, а после ее завершения* ***осознавал****, что уже сделал сегодня что-то хорошее для себя и своего организма.* [Сергей Шубенков, Ян Гордиенко. Чемпион мира Сергей Шубенков и блогер Ян Гордиенко — о беге, соцсетях и мотивации // Афиша Daily, 2018]

Стандартно номинализация при *осознавать* невозможна: например, с именами типа *приезд*, *обсуждение* глагол не сочетается — для выражения данного смысла необходима зависимая финитная клауза:

(15) *Мы* ***осознаём****, что этот вопрос уже обсуждался.*
(16) **Мы* ***осознаём*** *обсуждение этого вопроса.*

Тем не менее, некоторые номинализации со стативным значением — прежде всего, образованные от прилагательных с помощью суффикса *-ость* — свободно употребляются в аккузативе:

(17) *Пациентки* ***осознают*** *возможность управлять своими чувствами, не вытесняя, а переживая их.* [Психологические особенности женщин с бесплодием (2003) // «Вопросы психологии», 2003.12.23] (‘осознают тот факт, что возможно управлять чувствами’)
(18) *Древние гораздо сильнее нас* ***осознавали*** *важность алфавита.* [Елена Сергеева. Происхождение Кириллицы // «Пятое измерение», 2003] (‘осознавали тот факт, что алфавит важен’)

В прочих случаях стандартно номинализации не выступают в позиции прямого объекта. Если же это происходит, предложение имеет значение ‘осознать полностью, полноценно’, то есть выражают дополнительный компонент к значению ‘понимать’. Часто в этом случае употребляются модификаторы типа *до конца, полностью*:

(19) *До сих пор не могу до конца* ***осознать*** *уход Нокси. Не могу принять. Очень большую вину за собой чувствую.* (http://ratmania.ru/forum/index.php?topic=14223.80)

Зависимая клауза в этом случае несёт не только значение факта. Значение сочетания *осознать уход Нокси* в (19) не сводится к ‘осознать тот факт, что собака умерла’ (хотя значение факта может входить в интерпретацию номинализации). Скорее речь идёт о том, что полностью осмыслить происшедшее, дать ему оценку говорящий не может. Тем самым скорее всего этот контекст включает фактивный компонент, но благодаря значению матричного глагола *осознать* несёт дополнительный компонент интенсивной ментальной обработки ситуации.

Глагол *понимать*

Понимать в значении ‘осознавать, что верно P’, то есть в значении факта, способен сочетаться с оборотами, маркированными *то, что*, однако с обычными номинализациями стандартно не сочетается (см. (21), (23)).

(20) *Вася* ***понял****, что Петя уехал.*
(21) *#Вася* ***понял*** *Петин отъезд.*
(22) *Работник* ***понимал****, что директор раздражён.*
(23) *#Работник* ***понимал*** *раздражение директора.*

Примеры типа (21) и (23), конечно, возможны, однако не означают ‘Вася понял, что Петя уехал (что верно, что Петя уехал)’, ‘Работник понимал, что директор раздражён’. Понимание здесь касается не факта возникновения ситуации, а её причин, оснований (‘Работник понимал, почему директор раздражён / понимал, что раздражение директора имеет основания’).

Однако и с этим матричным глаголом имена состояний ведут себя особым образом и могут употребляться в аккузативе.

(24) *Однако если бы я и* ***понял*** *важность этой задачи своевременно, не уверен, что ко мне бы прислушались те, кто делает политику.* [Георгий Арбатов. Человек Системы (2002)] (‘понимает тот факт, что эта задача важна’)

(25) *Другое дело, что каждый из подписавшихся* ***понимает*** *сомнительность принятия президентом отставки кабинета — стране сейчас не нужны политические кризисы.* [Дмитрий Чернов. Чисто предвыборный вотум // «Время МН», 2003] (‘понимает тот факт, что это действие президента сомнительно’)

Глагол *знать*

Фактивный глагол *знать* ведёт себя иначе, чем большинство рассматриваемых предикатов: с номинализациями он сочетается, однако главным вариантом является предложное управление с помощью *о*:

(26) *Я уже* ***знал*** *о приезде брата* / **приезд брата.*

(27) *— Дело в том, что мой муж не* ***знал*** *о существовании этого произведения.* [Сати Спивакова. Не всё (2002)] (ср. невозможное **существование этого произведения*).

Как и при предыдущих глаголах, стативные номинализации выбиваются из общего ряда. Аккузативное управление ими возможно, хотя, может быть, несколько менее частотно, чем при *понимать* и *осознавать*:

(28) *Я* ***знал*** *всю нашу неготовность к войне, всю слабость нашей «военной организации» ...* [В. Н. Коковцов. Из моего прошлого / Части 5–7 (1933)]

(29) *Он* ***знал*** *умение приятеля изменять свой облик и знал, что тому известны все способы, каким образом переодеваются самые опытные в этом люди, но, если бы не слышал подлинного голоса Чигиринского, он прозакладывал бы все что угодно, что сидевший теперь против него человек был настоящий немец, ничего общего не имеющий с отставным конногвардейцем.* [М. Н. Волконский. Слуга императора Павла (1903)]

(30) *Глаза его без очков казались беспомощными, как у ребенка, но она уже* ***знала*** *обманчивость этой беспомощности…* [Анна Берсенева. Полет над разлукой (2003–2005)][2]

[2] Стоит отметить, что в примерах (28)–(30) можно усматривать дополнительный к знанию компонент семантики — за это замечание я благодарен

Предикатное употребление прилагательного *известный* в краткой форме

Прилагательное *известный* в предикатной позиции (при выраженной форме связки *быть*, близких к нему глаголов *стать*, *оказаться* или нулевой связке), по сути, является аналогом пассивной формы от *знать*. Как и *знать*, *известный* стандартно управляет предложной группой с *о*, но не именной группой (ср. примеры (31)–(32)), а при стативных номинализациях допускает номинализацию в позиции ядерного актанта (в данном случае — номинативного субъекта), как в (33) и (34):

(31) *Мне ничего не* ***известно*** *о покупке ЦСКА и даже о факте переговоров по этому поводу.* [Алексей Демин, Андрей Митьков. Кому плей-офф, а кому слухи. Говорят, что Соловьев уволен из «Спартака», а Гинер купил хоккейный ЦСКА // «Известия», 2002.03.15]

(32) *#Мне не* ***известна*** *покупка ЦСКА.*[3]

(33) *Ведь коллеге* ***была известна*** *невозможность пользоваться кредитной карточкой, а также трудности человека, доставшего на якутской улице сотню зеленых, чтобы расплатиться.* [Анастасия Цветкова. Штрихи к портрету // «Сибирские огни», 2012]

(34) *хорошо* ***известна*** *его зависимость от США* (https://www.alexanderyakovlev.org/fond/issues-doc/59680)

Глагол *забыть*

Как показано выше, глагол *забыть* представляет собой ещё один случай сложной полисемии: он имеет «фактивное» и «процессуальное» значения (см. Сердобольская 2005, 2016). В фактивном значении он фиксирует исчезновение из сознания участника самого факта, например, предложения типа *Я забыл, что ты сегодня приехал* означают ‘Я забыл, что факт твоего сегодняшнего приезда имел место’.

Н. Р. Сумбатовой. На сегодняшний день имеющиеся данные не позволяют ни отвергнуть, ни принять эту точку зрения.

[3] Конечно, пример (32), как многие обсуждавшиеся, возможен в другом значении — ‘Мне не известно, что именно купил ЦСКА’ (т. е. при употреблении номинализации как эквивалента косвенного вопроса).

В процессуальном значении забываются конкретные впечатления от ситуации, её протекание (в *Я почти забыл поездку в горы* говорящий помнит, что поездка была, однако конкретные впечатления стёрлись).

Как и другие рассматриваемые глаголы, *забыть* в употреблениях с семантикой факта допускает аккузативное маркирование, в основном, для стативных номинализаций, как в (35)–(37). Для прочих оно невозможно, поэтому пример (38) не имеет фактивного значения. В процессуальном значении ограничение на класс номинализации не действует, аккузатив употребляется шире (ср. процессуальное значение примера (38)):

(35) *В конце сентября 1893 года в заседании Общества содействия русской промышленности и торговле один оратор прямо заговорил, что «Россия должна обособиться,* ***забыть*** *существование других западноевропейских государств, отделиться от них китайскою стеною».* [Н. С. Лесков. Загон (1893)]

(36) *Она* ***забыла*** *мелкость своих слез и, надо сказать, была абсолютно права.* [Галина Щербакова. Ангел Мертвого озера // «Новый Мир», 2002]

(37) *Донесу кратко: начал курить — организм* ***забыл*** *необходимость вырабатывать никотин из продуктов, — его в избытке попадает от сигарет.* (https://zen.yandex.ru/media/id/5aedbd748309050751692579/brosit-kurit-za-2-minuty-navsegda-5af015c2256d5cf5602c069f)

(38) #**Я забыл приезд друзей* / *поход в гости* (только в значении ‘забыл в подробностях ситуацию, в которой они приезжали’*).*

Глагол *чувствовать*

Глаголы чувственного восприятия могут употребляться как эпистемические, в значении ‘предполагать, осознавать, считать’. Эпистемический статус зависимых и способ получения знания или мнения могут при этом быть различны. Например, эпистемические употребления *видеть* и *чувствовать* различаются и тем, что *видеть* подразумевает бóльшую уверенность в верности мнения, и тем, что для *чувствовать* более характерны контексты, где речь идёт не о логическом суждении, а скорее об интуиции.

Глагол *чувствовать* попадает в рассматриваемую группу: динамические номинализации в позиции объекта при нём не встречаются

(см. (42), (44)), а статические могут занимать позиции прямого дополнения, как в примерах (39)–(40)[4].

(39) *А в Японии и США корпорация McDonalds,* ***чувствуя*** *перспективность и прибыльность нового формата, активно помогает в развитии бизнеса.* [Владимир Ляпоров. Молодая гвардия. Искусство быстрого завоевания новых рынков сбыта // «Бизнес-журнал», 2003.10.23]

(40) *Перебирая тяжёлыми лапами, он постыдно бежал за нею, и, даже* ***чувствуя*** *постыдность своего положения, он продолжал бежать, на ходу стараясь хранить солидность.* [Фазиль Искандер. Петух (1962)]

(41) *Он* ***чувствовал****, что Серёжа нарушает данные обещания.*

(42) **Он* ***чувствовал*** *нарушение Серёжей данных обещаний.*

(43) *Инженер* ***чувствовал****, что оборудование вышло из строя и работает неправильно.*

(44) **Инженер* ***чувствовал*** *выход оборудования из строя.*

Как многие глаголы данного ряда, *чувствовать* сочетается с номинализациями, обладающими динамической, а не стативной семантикой. Однако в этом случае значение глагола — не когнитивное (‘интуитивно предполагать, что что-л. верно’), а скорее ближе к перцептивному (‘ощущать что-л. напрямую, органами чувств или другим способом’):

(45) *— Перенес, — согласился Стас. —* ***Чувствую*** *изменения в психике. Кошмар полный! Начинаю сам себя бояться.* [А. Макеев, Н. Леонов. Эхо дефолта (2000–2004)]

Именно поэтому в (45) номинализацию *изменения* нельзя заменить на более осязаемую — например, *нарушение Серёжей обещаний* или *выход оборудования из строя*: эти ситуации можно когнитивно предполагать верными (и в этом значении аккузативное маркирование номинализации невозможно, как в примерах (42), (44)), но не ощущать органами чувств или психикой.

---

[4] Возможно, к нашему исследованию можно было бы отнести и глагол *видеть*, однако на сегодняшний день для него различие между классами номинализаций менее очевидно.

Глагол *выяснить* и косвенные вопросы

Особняком в нашей группе стоит глагол *выяснить*: он отличается от прочих лексем тем, что сочетается почти исключительно с косвенными вопросами. Хотя это нарушает декларированный нами выше принцип, что зависимая клауза в наших примерах будет выражать факт, данные с *выяснить* полезны потому, что в них наблюдается такое же распределение: косвенный вопрос может быть заменён номинализацией, если речь идёт о состоянии.

(46) *Теперь нужно* ***выяснить*** *<u>возможность</u> расселения не умозрительно… а конкретно, в обозримый период …* [Сергей Красносельский. Зачем нам космос? // «Знание — сила», 2011]

(47) *С 25 ноября по 25 декабря 2001 года ГИБДД России провела первую в истории операцию «Зима» —* ***выясняла*** *<u>готовность</u> коммунальных служб к неожиданно наступившему сезону.* [Новости // «Автопилот», 2002.02.15]

В редких случаях встречаются и примеры (как правило, архаичные), где номинализация со значением состояния выражает даже факт:

(48) *Она* [ревизия Гарина] *принесла несомненную пользу, так как привела к наказанию виновных и одновременно* ***выяснила*** *<u>существование</u> в Интендантстве нескольких вполне честных лиц...* [А. Ф. Редигер. История моей жизни (1918)]

Остальные номинализации при *выяснить* почти не употребляются — исключения с динамическими номинализациями редки и выглядят сомнительно для современного языка (ср. явно архаичный пример (49)):

(49) *Закончившееся разбором дело о еврейском погроме восстановило картину подготовлявшегося вооруженного восстания в Киеве и* ***выяснило*** *<u>участие</u> многих лиц, оставшихся непривлеченными к суду.* [Неизвестный. Телеграммы наших корреспондентов (1908.02.10) // «Новое время», 1908]

Результаты анализа данных приведены в таблице 1. Как видно, некоторые матричные предикаты (*осознать*/*осознавать*, *понимать*, *чувствовать*) в рассматриваемом нами употреблении не сочетаются с большинством номинализаций вообще, а со стативными сочетаются. Другие матричные предикаты, такие как *знать*, *известный* и *забыть*,

с большинством номинализаций выбирают периферийный способ выражения — предложную группу с *о* или *про*, а для стативных становится возможным аккузативное или номинативное маркирование.

В наибольшей мере на дифференциальное объектное/субъектное маркирование похож именно второй случай: один способ маркирования допустим для большинства номинализаций, другой — только для небольшого класса, тем самым, семантические свойства номинализации (см. о них подробнее раздел 4) влияют на тип маркирования. Первый случай находится от дифференциального маркирования дальше, однако сходство есть и здесь. Можно сказать, что при *осознавать*, *понимать* или *чувствовать* для большинства зависимых ситуаций выбирается клаузальный способ выражения, и только для небольшого класса может быть выбран именной.

Таблица 1. Маркирование стативных и прочих номинализаций при рассмотренных матричных глаголах

	стативные номинализации	прочие номинализации
осознать/*осознавать*	ACC	не употребляются
понимать	ACC	не употребляются
знать	ACC	*о* + LOC / *про* + ACC
известный	NOM	*о* + LOC / *про* + ACC
забыть	ACC	*о* + LOC / *про* + ACC
чувствовать	ACC	не употребляются
выяснить	ACC (номинализации со значением косвенного вопроса, реже — факта)	почти не употребляются (существующие употребления архаичны)

В следующем разделе мы уточним описание класса номинализаций, способных к нестандартному употреблению при исследуемых матричных предикатах.

4. Класс нестандартных номинализаций: уточнённая формулировка

Выше мы всё время говорили о классе номинализаций, допускающих особое управление, как о стативных, то есть выражающих

состояние. Эта характеристика не совсем точна. Дело в том, что класс состояний очень широк: он включает, например, кратковременные состояния типа *спать*, *болеть* (о части тела), *стоять*, *висеть*. Если проверить такие состояния на сочетаемость с рассмотренными выше матричными глаголами, будет видно, что они либо сочетаются с ними с трудом, либо не сочетаются вообще:

(50) *#Он понимал **сидение** людей на вокзале.*
(51) *#Мы знаем **лежание** Серёжи на пляже.*

Даже в примере (27) выше, где номинализация *существование* выражает вроде бы состояние, которое не меняется со временем, замена предложной группы с *о* на аккузативную (или генитивную) ИГ невозможна[5]:

(52) **— Дело в том, что мой муж не **знал** существование/существования этого произведения.*

Правильнее сказать, что особое поведение в роли зависимых демонстрируют номинализации свойства — то есть такого состояния, которое (1) в норме не подлежит изменениям[6] и (2) жёстко связано с некоторым объектом (носителем свойства) и определяет его. Ср. пример (53) и сходные примеры выше, например, *понять важность задачи* (24) или *знать неготовность к войне* (28), где номинализации *возможность*, *важность*, *неготовность* имеют именно такие свойства.

(53) (=18) *Пациентки **осознают** возможность управлять своими чувствами, не вытесняя, а переживая их.* [Психологические особенности женщин с бесплодием (2003) // «Вопросы психологии», 2003.12.23] (‘осознают тот факт, что возможно управлять чувствами’)

---

[5] Впрочем, такого рода пограничные контексты могут быть в разной мере приемлемы при разных матричных глаголах: ср. пример (35) с матричным глаголом *забыть*, где конструкция *забыть существование* скорее приемлема, в отличие от (27), с глаголом *знать*.

[6] Это не означает, что свойство вообще не может измениться: например, государство, не готовое к войне, может стать к ней готовым. Однако стандартно для употребления номинализаций свойства возможность изменений нерелевантна.

Состояние *существование* не полностью подходит под первый критерий (существование может и прерваться) и не подходит под второй (существование не определяет предмет, необходимы другие свойства, чтобы понять, чем данный предмет отличается от других).

5. Поиск объяснения

Попробуем объяснить наблюдаемые различия между классами номинализаций. Самое первое (и самое непродуктивное) объяснение состоит в том, чтобы постулировать разные семантико-синтаксические классы для номинализаций свойства и других номинализаций. Можно предположить, что, наряду со стандартными ИГ и стандартными номинализациями, существует класс номинализаций свойства, который особым образом себя ведёт. Это объяснение сразу сталкивается со многими проблемами. Во-первых, непонятно, что такое «стандартная номинализация» — ведь и производные от процессных динамических глаголов имена типа *разрушение*, *обсуждение* или *исследование* часто имеют по несколько прочтений, среди которых и стативные. Во-вторых, при многих моделях, не рассматриваемых здесь, сочетаемость номинализаций свойства с матричными глаголами в целом похожа на сочетаемость обычных (модели типа *узнать о* доступны и для обычных, и для стативных номинализаций).

Другое направление ***осознать*/*осознавать*** связано с частью речи. Можно было бы считать, что номинализации, образованные от прилагательных (*важность*, *необходимость*, *способность*, *возможность*) вообще ведут себя по-другому, чем отглагольные. Однако и этот путь вряд ли перспективен. Дело в том, что хотя морфологически эти имена действительно образованы от прилагательных, соотносятся конструкции с ними скорее с конструкциями, где прилагательные находятся в предикатной позиции (*Он понимал важность этого проекта — Этот проект важен*). Тем самым, едва ли стоит считать, что они не соотносятся ни с какой предикацией. А предполагать, что синтаксическое поведение предопределено непосредственно частью речи, к которой относится исходная основа, тоже не логично: стандартно, как предполагает принцип цельнооформленности (lexical integrity), путь словообразования и вообще морфологические преобразования на синтаксическое поведение получившегося слова не

влияют. Кроме того, в класс «особых» попадают не только отадъективные номинализации: ср. *Он осознавал своё умение выгодно представить содержание проекта.*

Мы склонны выбрать ещё одно объяснение, связанное с видовременными характеристиками ситуации. Как уже говорилось, особым образом себя ведут стативные номинализации, конкретнее, свойства — а это значит, что выражаемые ими ситуации стандартно не предполагают изменений и не имеют точной временной локализации. *Важность этого разговора* (как и соотносительное финитное предложение *Этот разговор важен*) — это характеристика, которая по умолчанию не имеет временных границ. Сама характеризуемая ситуация (например, *разговор*) имеет начало и конец, но описать её как важную, возможную, сомнительную и др. можно также до начала или после конца ситуации. Характеристика не возникает в момент актуального начала ситуации и не кончается вместе с ней.

Напротив, динамические номинализации имеют явные границы. Например, *обсуждение*, *осознание*, *разрушение* локализованы во времени. Это различие видно и в синтаксической сочетаемости номинализаций с некоторыми модификаторами точной временнóй локализации. Динамические номинализации сочетаются с ними довольно свободно, хотя и ограничены в той же мере, в какой это касается любого имени.[7] Ср. следующие комбинации:

(53) *вчерашнее* ***обсуждение*** *заявки*
(54) ***разрушение*** *варварами Рима в 5 в. н.э.*

Даже состояния — но не из разряда свойств, а, например, из класса психических состояний — допускают выражение границ. Естественного предела они, конечно, не имеют, но предполагается, что они способны закончиться и смениться другими:

(55) *сегодняшнее Юрино* ***раздражение***
(56) *Недавняя* ***уверенность*** *в победе сменилась нервозностью.*

---

[7] Примером может служить выражение при именах повторяемости. По-видимому, в области повторяемости для номинализаций существуют лакуны, не все финитные конструкции с этим значением находят соответствие в сфере номинализаций. Ср., например, *Мы то и дело возвращаемся к этому вопросу*, *Дирекция нет-нет да и высылает всем письмо с предупреждением* — конструкции, которые напрямую не переводятся в номинализации.

Поскольку номинализации не дают возможность морфологически выразить время совершения события, а его выражение с помощью модификаторов тоже ограничено, именно номинализации свойства могут употребляться при матричных предикатах без потери существенной информации. Для них вопрос о времени не стоит, тем самым, никакой информации при замене, например, конструкции (57) на (58) не теряется:

(57) *Мы понимали, что эта дискуссия важна.*
(58) *Мы понимали важность этой дискуссии.*

Связь употребления номинализаций свойства в нестандартных для номинализаций контекстах с отсутствием у них локализации во времени подтверждается нестандартными примерами типа (59), где при глаголе *осознавать* в позиции прямого объекта неожиданно употребляется номинализация с динамическим, процессным значением:

(59) *Страна, которая первой* ***осознает*** *<u>изменение</u> парадигмы науки и достойно ответит на нановызов, обеспечит лидерство в сфере высоких технологий, улучшение условий жизни, национальную безопасность.* [Нанопанорама «bottom-up» // «Знание — сила», 2008]

Пример (59) возможен, поскольку динамическая фаза ситуации, время её развёртывания не является главным для говорящего. Значение этого примера — скорее результативное: *осознает изменение* означает, видимо, ‘осознает тот факт, что изменение уже произошло / начало происходить’. При этом никакой вариантивности эта результативная интерпретация не допускает — пример может пониматься только в том смысле, что изменения уже произошли и мы наблюдаем их результат.

Почему же, тем не менее, глаголы типа *осуждать*, *одобрять* и др. допускают номинализации в аккузативе вне зависимости от их семантики? В частности, потому, что здесь в выбор модели вмешивается другой фактор — тематичность. Если для глаголов знания и мнения вполне обычны контексты, где зависимая ситуация находится в реме (*Я узнал, что Серёжа уже приехал!*), то для глаголов типа *осуждать* или *одобрять* это невозможно. Сам факт наступления ситуации находится в теме, а в рему может входить отношение к нему Субъекта оценки. По-видимому, привилегированное (прежде всего,

аккузативное и отчасти номинативное) маркирование в русском в большой мере ассоциировано с тематичными элементами.

Может иметь значение и ещё одна черта номинализаций свойства — а именно то, что хотя бы часть из них выражает скалярные свойства. Такие свойства, как *совершенство*, *неспособность*, *важность*, *зависимость* и т. д. в том или ином смысле допускают измерение: например, объект или ситуация могут быть ближе или дальше от полюса совершенства; могут быть более или менее важны; могут сильнее или слабее зависеть от некоторого фактора. И хотя семантика контекстов типа *Он понимал неспособность Серёжи к решительным действиям* не предполагает измерения степени неспособности, дополнительным фактором прямообъектного/субъектного употребления номинализаций-свойств может быть аналогия с конструкциями, где номинализации выражают тип или степень проявления ситуации, аналогично косвенным вопросам. Косвенные вопросы и функционально близкие к ним конструкции выделяются среди зависимых ситуаций тематичностью и пресуппозицией существования части содержания: в конструкции типа *Я знаю, что случилось* / *виновника* / *позицию Саши* тот факт, что нечто всё-таки случилось, что есть виновник или что у Саши есть определённая позиция, является частью темы и находится в пресуппозиции. В самом начале мы говорили, что бóльшая склонность к аккузативному маркированию у стандартных именных групп может быть связана с тем, что они более тематичны, чем номинализации, и их существование находится в пресуппозиции. Возможно, этот фактор работает и для номинализаций свойства, но только как дополнительный.

Заключение

Итак, в статье мы представили данные о нестандартном поведении номинализаций как актантов матричного предиката. Конкретнее, обсуждался специфический случай, напоминающий дифференциальное объектное (реже — субъектное) маркирование. Это конструкции, где для узкого подкласса номинализаций доступно привилегированное маркирование аккузативом, для предикатива *известен* — номинативом, а прочие номинализации либо маркируются как периферийные зависимые (с помощью предложной группы), либо невозможны.

Рассмотрев возможные объяснения, мы посчитали наиболее вероятным то, которое связано с противопоставлением временных и постоянных (вневременных) состояний. Номинализация не оставляет возможности маркировать время, в которое состояние имеет место, поэтому наиболее естественно выражение номинализацией именно для тех ситуаций, которые обычно не мыслятся в контексте времени, временных изменений и так далее.

С собственно дифференциальным маркированием наши случаи роднит и ещё одна вещь. Они реагируют не только на тип объекта, но и на значение глагола и связанные с ним различия в выделенности и тематичности зависимых. Вспомним, что противопоставление маркированного и немаркированного аккузатива в тюркских языках и оформленных и неоформленных падежом форм имён в абхазо-адыгских тоже завязано и на лексическое значение, и на референциальный и коммуникативный статусы*.

Литература

Арутюнова Н. Д. 1988. *Типы языковых значений. Оценка, событие, факт*. М.: Наука.

Князев М. Ю. 2009. *Предикатные актанты с местоимением то в русском языке: грамматический статус и особенности употребления*. Дипломная работа. СПб.: СПбГУ.

Летучий А. Б. 2020. *Конструкции с сентенциальными актантами в русском языке: семантика, синтаксис, сочетаемость*. Дисс. … докт. филол. н. М.: НИУ ВШЭ.

Муталов Р. О. 2004. Способы морфологического выражения масдара в даргинском языке. *Дагестанский лингвистический сборник*, № 13. Москва.

Пазельская А. Г. 2006. *Наследование глагольных категорий именами ситуаций* (на материале русского языка). Дисс. … канд. филол. н. М.: МГУ.

Сердобольская Н. В. 2005. *Синтаксический статус актантов нефинитной предикации*. Дисс. … канд. филол. Н. М.: МГУ.

Сердобольская Н. В. 2016. Синтаксический статус нефактивных пропозиций в составе конструкций с сентенциальным актантом. В сб.: Лютикова Е. А., Циммерлинг А. В., Коношенко М. Б. (ред.). *Материалы международной*

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 18-78-10128), предоставленного через Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2016». Вып. 3. М.: МПГУ.

Aissen J. 2003. Differential object marking: Iconicity vs. economy. *Natural Language & Linguistic Theory*, Vol. 21, No. 3 (Aug., 2003), 435–483.

de Cuba C. 2017. Noun complement clauses as referential modifiers. *Glossa: A Journal of General Linguistics,* Vol. 2(1), №3.

Giorgi A., Longobardi G. 1991. *The syntax of noun phrases: Configuration, Parameters, and Empty Categories.* Cambridge: CUP.

Grimshaw J. 1990. *Argument structure*. Cambridge, MA: MIT Press.

Kayne R. 2008. Antisymmetry and the lexicon. *Linguistic Variation Yearbook*, №8. 1–31.

Kayne R. 2010. Why isn't this a complementizer? In: R. Kayne (ed.). *Comparisons and contrasts.* Oxford: Oxford University Press, 190–227.

Knyazev M. 2014. Structural licensing of sentential complements: evidence from Russian noun-complement constructions. In: L. Avram. (ed.). *Bucharest working papers in linguistics* 2. Bucharest University Press, 21–45.

Kornfilt J. 2009. DOM and two types of DSM in Turkish. In: H. de Hoop, P. de Swart (eds.). *Differential Subject Marking.* Dordrecht: Springer, 79–111.

Letuchiy A. B. 2018. Complement clauses of nouns in Russian. *Типология морфосинтаксических параметров*, Вып. 1, №2, 46–66.

Pereltsvaig A., Lyutikova E. A., Gerasimova A. 2018. Case marking in Russian eventive nominalizations: inherent vs. dependent case theory. *Russian Linguistics*, Vol. 37(2). 1–16.

Rudnev P. V., Volkova A. A. 2020. Case marking in Russian eventive nominalizations revisited. *Russian Linguistics*. 44, no. 2, 157–175.

Stowell T. 1981. *Origins of phrase structure*. Cambridge: Massachusetts Institute of Technology PhD dissertation.

СОГЛАСОВАНИЕ ПО КОСВЕННОСТИ В ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ: ЭСКИЗ СИНТАКСИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ[1]

Е. А. Лютикова
МГУ имени М. В. Ломоносова[2]

1. Введение

Согласование компонентов именной группы по категории косвенности, засвидетельствованное в некоторых ветвях дагестанских языков, неоднократно отмечалось в работах по морфосинтаксису дагестанских языков и описательных грамматиках, ср. (Кибрик и др. 1972, Ибрагимов 1978, Kibrik, Testelets 1994, Кибрик, Тестелец (ред.) 1999, Kibrik 2003, Khalilova 2009, Polinsky 2015). С теоретической точки зрения проблема согласования по косвенности обсуждается в нескольких аспектах. Ставится вопрос о связи такого согласования, отмеченного лишь в нескольких лезгинских и цезских языках, с морфологическим противопоставлением прямой и косвенной основы в именном словоизменении, характерным в той или иной степени для всех дагестанских языков (Кибрик, Кодзасов 1990, Кибрик 2003, Kibrik 2003, Daniel, Ganenkov 2008). Поскольку все формы косвенных падежей образуются от косвенной основы[3], можно считать, что согласование модификаторов по косвенности происходит не с падежной формой имени, а с той категорией, которая выражается морфологически как косвенная основа. Этому подходу препятствует се-

---

[1] Расулу Муталову, моему проводнику в мир дагестанских языков, с горячей признательностью за Ицари 1991 и всё, что было дальше.

[2] Исследование выполнено при поддержке Междисциплинарной научно-образовательной школы Московского университета «Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект».

[3] Возможно также синхронное совпадение одной из падежных форм (чаще всего эргатива или генитива) с косвенной основой.

мантически не интерпретируемый (обусловленный формальным фактором — наличием падежной морфемы) статус косвенной основы.

Предлагаются модели диахронического развития, которые могли бы привести к возникновению двухуровневых морфологических оппозиций внутри падежных систем. Одной из таких моделей является развитие из двухпадежной системы с противопоставлением двух падежей, директива (=прямого) и обликвуса (= косвенного), так что косвеннопадежные формы современного языка соответствуют грамматикализованным комбинациям обликвуса с послелогами (Аркадьев 2006: 224 и сл.). Эта гипотеза применительно к правосточнокавказскому языку впервые высказывается в (Назаров 1974: 18), а затем в (Климов, Алексеев 1980)[4]. Тем не менее, поскольку системы грамматических показателей восточнокавказских языков достаточно уверенно реконструируются как многопадежные (Старостин 1991, Алексеев 2003[5]), а согласование по косвенности представлено лишь в части языковых ветвей и использует морфологические техники с разными диахроническими источниками, едва ли можно считать, что согласование по косвенности развивается вместе со становлением многопадежной системы.

В этой ситуации на первый план выходит поиск синхронных грамматических моделей, описывающих согласование по косвенности. В литературе представлены различные подходы к анализу согласования различных атрибутов по косвенности: множественное падежное маркирование для косвенных генитивов (Kibrik 1995), кумулятивная техника озвучивания комбинации формальных признаков для косвенных атрибутивов (Лютикова 2017), удвоение послеложной группы грамматикализованного послелога на каждом атрибуте (Тестелец 2019а). Отдельный интерес представляет перечень морфологических мишеней согласования по косвенности: обобщения в (Даниэль, Никитина 2020) показывают, что приименные модификаторы образуют иерархию (числительное > указательное местоимение > прилагательное, причастие > генитивный посессор), так

---

[4] Благодарю Я. Г. Тестельца за консультацию по этому вопросу. Пользуюсь случаем, чтобы выразить признательность Якову Георгиевичу за заинтересованное отношение и полезные комментарии к первой версии статьи.

[5] Соответственно, М. Е. Алексеев отказывается от более ранней гипотезы (Климов, Алексеев 1980) о развитии двухуровневой падежной оппозиции из двухпадежной системы правосточнокавказсих языков.

что элементы на левом конце иерархии более склонны к тому, чтобы выступать мишенями согласования по косвенности, чем элементы на правом конце иерархии. Соответственно, на синтаксическую модель согласования по косвенности может в принципе быть возложена и задача объяснения асимметрии различных модификаторов в отношении способности к согласованию.

Цель этой статьи — предложить набросок синтаксического анализа согласования по косвенности в хваршинском языке[6]. Я предполагаю показать, что категория косвенности может получать естественное выражение в синтаксисе в виде падежной вершины (K) на именной группе и в виде согласования с K всех элементов именной группы, включая вершину, способных к морфологическому выражению данной категории.

Дальнейшее изложение построено следующим образом. В разделе 2 представлены данные хваршинского языка, на основе которых строится описание. В разделе 3 предлагается синтаксическая модель согласования по косвенности. Рассматриваются важнейшие свойства модели — ее локальность и автономность от морфологии. В разделе 4 суммируются результаты исследования и обсуждаются возможности расширения модели для анализа других языков с согласованием по косвенности и без нее.

2. Данные

Категория косвенности в хваршинском языке охватывает как именные вершины (существительные и местоимения), так и все виды приименных модификаторов. Отличия между категориями сво-

[6] В данной статье используются данные хонохского (собственно хваршинского) говора хваршинского языка, полученные в ходе моей собственной полевой работы в июле 2019 года или собранные Я. Г. Тестельцом и П. В. Гращенковым и представленные в их материалах. Также используются примеры из текстов сборника (Каримова 2014), принадлежащих собственно хваршинскому говору. Ближайший идиом — инхокваринский хваршинский (Khalilova 2009) — имеет некоторые отличия от описываемого в отношении организации системы приименных модификаторов. В дальнейшем изложении я использую обозначение «хваршинский» для хонохского хваршинского.

дятся к обязательности vs. факультативности согласования по косвенности и к морфологической специфике оппозиции прямой и косвенной форм.

2.1. Существительные и местоимения-существительные

В падежной системе существительных сегментное противопоставление основ (1a-c) сосуществует с просодическим (1d-e). Отметим, что косвенная основа множественного числа более регулярна и отличается от косвенной основы единственного числа. В парадигме личных местоимений представлено тернарное противопоставление основ абсолютива, эргатива и прочих косвенных падежей (2a-b); местоимения 3-го лица демонстрируют бинарную оппозицию (2c)[7].

(1)	a.	*es*	*es-t'e-*	*es-t'i*	*es-t'e-s*
		брат	брат-OBL	брат-OBL.ERG	брат-OBL-GEN1
	b.	*kad*	*kande-*	*kandi*	*kande-s*
		девочка	девочка.OBL	девочка.OBL.ERG	девочка.OBL-GEN1
	c.	*es-neba*	*es-ne-za-*	*es-ne-za*	*es-ne-za-s*
		брат-PL	брат-PL-OBL.PL	брат-PL-OBL.PL.ERG	брат-PL-OBL.PL-GEN1
	d.	*úža*	*užá-*	*užá*	*užá-s*
		мальчик	мальчик.OBL	мальчик.OBL.ERG	мальчик.OBL-GEN1
	e.	*sájro*	*sajró-*	*sajró*	*sajró-s*
		лошадь	лошадь.OBL	лошадь.OBL.ERG	лошадь.OBL-GEN1

(2)	a.	*da*	*di-*	*de*	*di-lo*
		я	я.OBL	я.ERG	я.OBL-GEN2
	b.	*ma*	*deb-*	*mi*	*deb-lo*
		ты	ты.OBL	ты.ERG	ты.OBL-GEN2
	c.	*žu*	*isu-*	*isi*	*isu-lo*
		он	он(I).OBL	он(I).OBL.ERG	он(I).OBL-GEN2

Хотя все приименные модификаторы способны выражать оппозицию прямой-косвенной формы, обязательность выражения данной оппозиции различна для разных морфосинтаксических классов. Ниже

[7] Можно предположить, что отличие местоимений 3-го лица связано с тем, что они являются по происхождению демонстративами, то есть приименными модификаторами, и выражают бинарную оппозицию по косвенности аналогично другим модификаторам.

мы рассмотрим два типа приименных модификаторов — обязательно и факультативно согласующиеся по косвенности.

2.2. Модификаторы с обязательным согласованием по косвенности

Указательные местоимения в атрибутивной позиции различают прямую и косвенную формы, распределенные на основе падежных характеристик вершины. Прямая и косвенная формы местоимения *žu* ‘этот’ супплетивны: прямая форма *žu*, косвенная форма *isi* для класса I и *iłi* для прочих классов. Эти же пары показателей обнаруживаются и в сложных указательных элементах, напр., *hobožu* ‘вот этот’, прямая форма — *hobosi*, *hobołi* ‘вот этот’, косвенная форма; *a-w-žu* ‘вот этот’, I класс, прямая форма — *a-w-si*, ‘вот этот’, I класс, косвенная форма.

Согласование по косвенности для всех указательных элементов обязательно. В (3a-c) показаны некоторые примеры: в (3a) — контекст генитива, в (3b) — контекст эргатива, в (3c) — контекст местного падежа.

(3) a. ***isi*** ***begawul-e-s*** *mihi* *b-eča-na.*
этот(I).OBL старшина-OBL-GEN1 хвост III-быть-CNV.PF
‘**У этого старшины** был хвост’. (У стен есть уши, 9)

b. ***iłi*** ***īs-a-l*** *j-at’t’a-ha*
этот(NHPL).OBL бык-OBLPL-DAT V-приходить-CNV.PF
j-eča-na *bataχu.*
V-быть-CNV.PF хлеб
‘**Этим быкам** доставлялся хлеб’. (Переселение, 5)

c. ***hobo-łi-č*** ***ʕaλ-a*** *ʕumru* *b-u-ho* *eča-na*
тот-OBL-INTS село-IN жизнь III-делать-CNV.IPF I.быть-CNV.PF
c’aq’ *šiλ’u-niλu* *n-aq^{w}-ala-sa* *žik’^{w}a.*
очень одежда-обувь IV-шить-FUT-PTC человек
‘**В том же селе** жил очень хороший портной’. (У стен есть уши, 2)

Количественные числительные также с необходимостью используют особую форму в контексте косвенных падежей. Примеры приводятся в (4): в (4a) показано числительное *has* ‘один’ в контексте локативной именной группы, в (4b) — числительное *łona* ‘три’

в контексте темпорального эргатива, выражающего обстоятельство длительности.

(4) a. ***hãda*** ***zamana-λ'o*** *b-ita-ha* *b-ejč-a*
один.OBL время-SUP III-исчезать-CNV.IPF III-быть-AOR
idu zaru.
эта лиса
'**Однажды** эта лиса исчезла'. (Лиса, медведь и волк, 3)

b. *hobona* *židu-ł* *hãda-l* *il-a* *obu-n*
так они-CONT один.OBL-DAT мы-GEN1 отец-ADD
ła-la ***ʁ^{w}ada,*** *lac'a* *l-aq'a-bč'u*
три-OBL день.ERG еда IV-находить-NEG.CVB
mik^{w}a-ha *λiχ^{w}a-na.*
голодать-CNV.IPF оставаться-CNV.PF
'И так с ними вместе и наш отец, **три дня** еды не находя, голодным оставался'. (Переселение, 19)

Генитивные зависимые также различают две формы: прямую (показатель -*s*) и косвенную (показатель -*lo*). В (5a) показаны два генитива: прямой, форма которого определяется абсолютивом существительного *mihi* 'хвост', и косвенный, вложенный в генитивную именную группу (*illo begawules* 'нашего старшины'). В (5b) демонстрируется косвенная форма генитивного зависимого, вложенного в косвеннопадежную посессивную именную группу.

(5) a. *wo* *hun-ba,* *wo* *ła-ba,* *wo* *ʁ^{w}an-ʁur-eba,*
эй гора-PL эй вода-PL эй дерево-камень-PL
il-lo ***begawul-e-s*** ***mihi*** *gołe !*
мы-GEN2 старшина-OBL-GEN1 хвост COP
'– Эй, горы да реки, деревья да камни, **у нашего старшины хвост** есть!' (У стен есть уши, 29)

b. ***beq-a-lo*** ***leχo-qo*** *žu* *k'ant'a* *n-ic-a-n*
солнце-OBL-GEN2 тепло-POSS этот палка IV-таять-INF-ADD
n-ica-na *ak'ej-ni* *l-eq-qo*
IV-таять-CNV.PF маленький-ADD IV-становиться-CNV.IPF
l-eča-na.
IV-быть-CNV.PF
'**От солнечного тепла** эта палка таяла и уменьшалась'. (Мулла и знахарь, 16)

Отдельный интерес представляет форма генитива, выступающего в качестве глагольного аргумента или аргумента послелога. Глагольные аргументы могут оформляться генитивом в том случае, если в падежной рамке глагола имеется имплицитный аргумент, который определяет генитивная именная группа. В зависимости от того, является ли этот аргумент абсолютивным или косвеннопадежным, выбирается прямая (6a) либо косвенная (6b) форма генитива.

(6) a. *maduƛ-e* ***kand-i-s*** ***(leƛ'a)*** *ħajna.*
куница-ERG девочка-OBL-GEN1 рука кусать.AOR
'Куница укусила **девочку** (**за руку**)'.

b. *isa* *q'atal* ***c'ohor-lo*** ***(lol-e-ł)*** *č'ij-ja.*
этот.GEN1 пуля вор-GEN2 нога-OBL-INTER попадать-AOR
'Его пуля попала **в** (**ногу**) **вора**'. (Тестелец 2019b, (4c))

Послелоги, управляющие генитивом, принимают свой аргумент в косвенной форме (7). Это ожидаемо, поскольку сами послелоги этого класса в диахронической перспективе являются локативными формами реляционных имен, что ясно видно из наличия в их структуре показателей локализации и/или двигательного падежа.

(7) *dacci-ƛa* *zamana-ƛ'o* *durida-ha* *eča-na* *dibir*
сколько-INDF время-SUP бежать-CNV.IPF I.быть-CNV.PF мулла
bajdan-qo *liƛ'ol,* *ƛ'ala-ʁol* *leƛ'a-ba-n*
поляна-POSS наверх наверху-DIR рука-PL-ADD
l-ah-ek'-na, *kaʁajto-lo* ***bečola-lo*** ***žoho***.
NHPL-подниматься-CAUS-CNV.PF бумага.OBL-GEN2 змея-GEN2 вслед
'Какое-то время бежал мулла по поляне наверх, вверх руки поднимая, **за** бумажным **змеем**'. (Мулла и знахарь, 15)

Еще один структурный тип приименных модификаторов в хваршинском языке представлен атрибутивизированными зависимыми. Атрибутивизация используется для создания приименного модификатора на основе наречий, послеложных групп и форм семантических (в первую очередь пространственных) падежей (Лютикова 2020). Атрибутивизированные зависимые также имеют разную форму в прямом и косвеннопадежном контексте. Морфологический контраст по косвенности достигается за счет использования дополнительно распределенных показателей *-sa* (прямая форма атрибутива) и *-jžo* (косвенная форма атрибутива). Использование косвенной формы атрибутива обязательно в косвеннопадежном контексте (8a-b).

(8) a. *hobondu hiban l-uj-ja* ***žil-lo*** ***ʕaλ-a-jžo***
такой вещь IV-делать-AOR они.OBL-GEN2 село-LOC-AOBL
/*-sa užá.
/*-A парень.ERG
‘Вот такую вещь сделал **парень из их села**’.

b. *hed isi* ***il-lo-ho-jžo*** ***žik’^{w}á,***
тогда этот(I).OBL мы-GEN2-AD-AOBL мужчина.ERG
aλ’ilzi-lo žik’^{w}á iλa-na…
Хварши-GEN2 мужчина.ERG сказать-CNV.PF
‘Тогда хваршинец, **мужчина с нашего села**, и говорит…’ (Мне толокно, 6)

2.3. Модификаторы с факультативным согласованием по косвенности

Прилагательные могут согласовываться по категории косвенности, что выражается добавлением показателя *-la* в именных группах обоих чисел. Некоторые примеры показаны в (9).

(9) a. *hobona* ***c’odora-w-la*** ***užá***
так умный-I-ADJOBL мальчик.ERG
isi-isa obu žene-qo-žu
этот(I).OBL.ERG-этот(I).OBL.GEN1 отец Джинн-POSS-ABL
χ^{w}asar un-na.
свободный I.делать-CNV.PF
‘Так **умный мальчик** своего отца от Джинна спас’. (Сказка о чабане и злом духе, 44)

b. *čanaqan-ba m-i:χa* ***k’ojtu-la*** ***huni-qo-jža,***
охотник-PL HPL-ходить.GNT.PTC короткий-ADJOBL дорога-POSS-TRNS
heč’č’e lissu ʁ^{w}an gojła-za-jža ãk’a-na.
самый густой лес COP.PTC-LOC.CNV-TRNS I.идти-EVD
‘(Он) **по короткой дороге**, которой ходят только охотники, через самый густой лес пошел’. (Сыновья кузнеца, 17)

c. *isi* ***uq’u-la*** ***žik’^{w}á*** *iλa-na hen-na…*
этот(I).OBL I.большой-ADJ.OBL человек.ERG сказать-CNV.PF потом-ADD
‘Этот **большой человек** сказал потом…’ (Девушка и джинны, 23)

При этом согласование прилагательных по косвенности не обязательно. В (10) приводятся примеры из текстов, в которых прилагательное, входящее в косвеннопадежную именную группу, не несет на себе показателя косвенности. Аналогичные данные были получены и П. В. Гращенковым (л.с.).

(10) a. ***j-uq'u*** ***ʁur-el*** *is-a* *q'em*
V-большой камень-LAT он(I).OBL-GEN1 голова
č'untida-k'-k'o *l-eča-na.*
разбиваться-CAUS-CONV.IPF IV-быть-CNV.PF
'[Джинн] **большим камнем** ему голову разбить собрался'. (Сказка о чабане и злом духе, 12)

b. *hũq'q'osa* *žil-lo* *ʕaƛ-a-l* *has* *ãse*
однажды они-GEN2 село-O-LAT один знахарь
at't'a-na, *zamana-q'aru-n* *m-ajk'-a* *dunjal-ƛ'o*
I.приходить-CNV.PF время-время-ADD III-идти-PST.PTC мир-SUP
bat'-bat'ija-r-t'a ***muk'o-za-ƛ'o*** *c'ali:dd-a…*
разный-NHPL-PL место-OBL.PL-SUP учиться-PST.PTC
'Однажды в их село пришёл один знахарь, который долгое время **в разных странах** мира обучался...' (Мулла и знахарь, 9)

Взаимное расположение показателя косвенности и показателя дистрибутивной множественности *-t'a*, описываемого в (Шарафутдинова, Левина 1961) как показатель факультативного согласования прилагательных по числу, заслуживает отдельного замечания. Если бы функции *-t'a* сводились к согласовательным, мы ожидали бы порядка следования показателей, изоморфного порядку приписывания соответствующих категорий — сперва число, затем падеж/косвенность (Mirror principle, Baker 1988). Однако, как показывают материалы, собранные П. В. Гращенковым, допустимыми являются оба порядка, ср. (11).

(11) *pat'imat-i* *iɬi* *iɬi-lo*
Патимат-ERG этот(II).OBL.ERG этот(II).OBL.GEN2
*k'anu-b-**t'a-la*** / *k'anu-b-**la-t'a***
мелкий-HPL-DST-ADJ.OBL мелкий-HPL-DST-ADJ.OBL
kand-e-za-l *padarka-ba* *l-uj-ja.*
девочка-PL-OBL.PL-DAT подарок-PL NPL-делать-AOR.
'Патимат сделала подарки своим маленьким дочерям'. (Гращенков 2019)

По-видимому, показатель *-t'a* по меньшей мере в части употреблений является не согласовательным, а семантически мотивированным. С одной стороны, он явным образом задает дистрибутивную интерпретацию, присоединяясь к числительным (12); более того, даже при прилагательных он поддерживает дистрибутивную (а не коллективную) интерпретацию именной группы (13).

(12) a. *hobo-łi zihĩ iƛa-la-sa ʁĩ-šu buca-d*
этот-OBL корова.ERG давать-FUT-A молоко-ABL месяц-ADV
uc'a-t'a *kila łał-o-s l-e:q^{w}a.*
десять-DST килограмм масло-OBL-GEN1 IV-получаться<GNT>
'Из молока, которое дает эта корова, в месяц **по десять** килограммов масла получается'. (Сокол Моллы Насреддина, 24)

b. *hobbona,* ***has-t'a*** ***has-t'a*** *kamida-na, č'orolo-s*
так один-DST один-DST не.хватать-CNV.PF перепёлка-GEN1
hiha-ba łeq'a-na, has qarčiʁa-s ƛiχ^{w}a-čo-q'a.
птенец-PL кончаться-CNV.PF один ястреб-GEN1 оставаться-TMP-TERM
'Так, **по одному** пропадая, птенцы у перепёлки закончились, пока не остался один ястребиный'. (Ненасытная перепелка, 14)

(13) *gic'a-na lol-za-qo-l, lol-ba bit'e-l*
смотреть-CNV.PF нога-OBL.PL-POSS-LAT нога-PL прямо-LAT
*l-u:jƛ-a-**t'a**, hadam-e-s l-ajła-**t'a***
NHPL-повернуться-PST.PTC-DST люди-O-GEN1 NHPL-похожий-DST
l-isa-zal, ak'ej lok'^{w}a hĩƛa-na.
NHPL-находить-TMP немного сердце успокоиться-CNV.PF
'Посмотрел на ноги, ноги оказались прямые, как у людей, и он немного успокоился'. (У стен есть уши, 18)

С другой стороны, анализ морфемы *-t'a* как показателя адъективного согласования по числу сталкивается и с категориальными проблемами. В ряде случаев мы наблюдаем присоединение этого показателя к адвербиальным составляющим (14); имеются также примеры, где именная вершина выступает в форме единственного числа, так что согласование может быть только семантическим, но не формальным (15).

(14) *hobona-**t'a*** *b-ita-ha b-eča-na.*
так-DST III-исчезать-PRS III-быть-EVD
'И **так** скрывалась она (еще несколько раз)'. (Лиса, медведь и волк, 9)

(15) a. *hobondu-**t'a** **slučaj** l-ejč-a.*
такой-PL случай NHPL-быть-AOR
'Вот такие **случаи** бывали'. (Девушка и джинны, 34)

b. *hoboža isi begawul-e-l c'aq'*
теперь этот(I).OBL старшина-OBL-DAT очень
*bat'-bat'ija-b-**t'a**, č'uħ-č'uħi:dda-**t'a**, łij-a-n*
<RED>-разный-NHPL-DST <RED>-роскошный-DST кто.OBL-GEN1-ADD
*gobič'u l-ajłi **šiλ'u** goq^{w}e-he*
NEG.COP.CNV NPL-подобный одежда любить-CNV.IPF
l-eča-na šiλ'-a.
NHPL-быть-CNV.PF надевать-INF
'Теперь этот старшина любил носить разную дорогую **одежду**, подобной которой ни у кого не было'. (У стен есть уши, 14)

Таким образом, можно сделать вывод, что данные о вариативном взаимном расположении показателей *-t'a* и *-la*, приведенные в (11), не могут быть использованы для реконструкции тайминга согласования по категориям числа и косвенности и, соответственно, для аргументации структуры именной группы, в которой происходит такое согласование.

Наконец, еще один класс модификаторов, демонстрирующих факультативное согласование по косвенности, — это причастия. В хваршинском языке в качестве приименного определения могут выступать следующие синтетические формы: причастие прошедшего времени (положительная и отрицательная формы), причастие будущего времени, причастие настоящего времени, причастие общего времени. Собранный материал ограничивается только тремя из них — причастиями прошедшего, будущего и настоящего времени (только положительные формы).

Причастие прошедшего времени образуется от основы аориста и в прямой форме всегда заканчивается на *-a* (показатель аориста *-ja*). При этом в косвеннопадежном контексте могут использоваться формы, идентичные причастию прошедшего времени, но заканчивающиеся на *-o*, ср. (16a-b). По-видимому, как обязательность такого согласования, так и его использование различаются у разных носителей. В некоторых текстах согласование по косвенности причастия прошедшего времени используется последовательно, в некоторых — факультативно (ср. (16b) и (17), взятые из одного текста), в некоторых — не используется вовсе.

(16) a. *il-a obu ĩgo-ho-l* ***b-at't'o:-k'k'-o***
мы-GEN1 отец там-AD-LAT HPL-приходить-CAUS.PTCP.PST-OBL
ašem-λ'o *kalχoz-λ'o birgadir-łana eča-na…*
время-SUP колхоз-SUP бригадир-DEP I.быть-EVD
'Наш отец **в то время**, когда (их) туда **отправили**, был колхозным бригадиром…' (Переселение, 3)

b. ***j-ez-j-ejz-o*** ***вin-a-qo-žu*** *bałgo-n*
II-брать-II-брать.PTCP.PST-OBL женщина-OBL-POSS-ABL тайна-ADD
l-un-na eča-ha eča-na idu.
IV-делать-CVB I.быть-CNV.IPF I.быть-CNV.PF он
'Он **от каждой жены**, которую **брал**, это скрывал'. (У стен есть уши, 10)

(17) *hoboža-λλan iλa-łal, ec'nu* ***ho:jca*** ***begawul-i***
теперь-QT сказать-CND новый выбирать-PST.PTC старшина-ERG
… hãdi isu-l-ebč'a šiλ'u n-aq^{w}-a
один.OBL он(I).OBL-DAT-FOC одежда IV-шить-INF
ešt'a-ha eča-na gobč'i idu žik'^{w}a.
I.пускать-CNV.IPF I.быть-EVD NEG.COP этот человек
'Теперь же **новоизбранный старшина** … разрешал этому человеку шить одежду только себе'. (У стен есть уши, 4)

Причастия будущего времени могут употребляться в атрибутивном контексте только с атрибутивным показателем, напр. *l-uw-a-la-sa* [IV-делать-POT-FUT-A] 'тот, кто сделает/делает'. Форма без атрибутивного показателя *l-uw-a-la* [IV-делать-POT-FUT] используется для образования аналитических глагольных форм; ее причастный (а не деепричастный) статус не очевиден. Следует отметить, что, будучи формально образованным от футуральной основы, атрибутивное причастие будущего времени может соотноситься с хабитуальными и — по меньшей мере для тех носителей хваршинского, которые не используют атрибутивное причастие от основы настоящего времени, — актуально-длительными ситуациями.

Поскольку атрибутивный показатель различается в отношении категории косвенности, можно ожидать, что в составе причастий будущего времени оппозиция по косвенности также будет соблюдаться. Действительно, имеются употребления с согласуемым по косвенности атрибутивным показателем, ср. (18a-b). Тем не менее, как следует из примера в (19), согласование атрибутивного показателя в причастиях будущего времени не является обязательным.

(18) a. *q^{w}aj-a* *c'alid-a* ***l-iq'a-la-jžo*** ***hadam-e***
писать-INF читать-INF IV-знать-FUT-AOBL люди-ERG
ʕaƛa-lo *ahlu-s* *ʕadlu* *b-u-ho* *b-eča-na.*
село-GEN2 народ-GEN1 порядок III-делать-CNV.IPF III-быть-CNV.PF
'Грамотные (**умеющие** писать и читать) **люди** управляли делами сельчан'.

b. *kande-za* ***l-uw-a-la-jžo*** ***χĩk'o-za-ł***
девочка-PL-OBL.PL.ERG IV-делать-POT-FUT-AOBL хинкал-OBL.PL-INTER
de *l-u:j-ja* *χĩk'o-ba* *šič'aχ-χo.*
я.ERG IV-делать-PST.PTC хинкал-PL добавлять-CNV.IPF
'Я добавлю к тем хинкалам, которые сделают девочки, сделанные мной хинкалы'. (Гращенков 2019)

(19) *ħalt'uqan-i* *dibir-lo* *aq-ʁa-žu* ***m-ak'a-la-sa***
слуга-ERG мулла-GEN2 дом-DIR-ABL III-идти-FUT-A
huni-ƛ'o *qoq-ƛ'o* *ƛ'ala-jža* *gojła* *t'ero-s*
дорога-SUP пропасть-SUP наверху-TRNS быть.PST.PTC мост-GEN1
ĩgo-idi-sa *šulija-r-t'a* *q'ot-eba* *χeχiłana* *leʁ-na…*
там-сям-A крепкий-NHPL-PL доска-PL быстро вынимать-CNV.PF
'Слуга быстро вынул там-сям (расположенные) крепкие доски моста, проложенного над пропастью **на дороге**, **идущей** от дома муллы...' (Мулла и знахарь, 31)

Аналогичным образом ведет себя причастие, образованное при помощи атрибутивизатора от имперфективного конверба, напр. *l-u-ho-sa* [IV-делать-CNV.IPF-A] 'делающий'. Некоторые носители хваршинского языка признают возможной такую деривацию (что не противоречит общим правилам присоединения атрибутивной морфемы к падежным формам, поскольку имперфективный конверб содержит показатель адэссива) и функционирование полученной формы в качестве причастия; другие последовательно отвергают саму деривацию либо использование деривата в приименном контексте. Для причастных употреблений атрибутивной формы засвидетельствованы как согласуемые, так и не согласуемые по косвенности употребления (20a-b).

(20) a. *mašina-ba* ***n-iχe-he-jžo*** ***huni-ma***
машина-PL NHPL-идти-CNV.IPF-AOBL дорога-IN
b-e:qq-o *k'ara-ł* *esan-na*
III-выходить.PTCP.PST-OBL лужа-CONT мыть-CNV.PF

b-ac'-na isi hobožu łona-č muh.
III-кушать-CNV.PF этот(I).OBL.ERG этот три-INTS зернышко
'**На дороге**, где **проходили** машины, в оставляемой (ими) луже помыв, съел он эти три зернышка'. (Переселение, 22)

b. *isu-ʁa-jža* ***ãk'a-ha-sa*** ***ãse-l*** *ħalt'uqan-e-s*
он-DIR-TRNS I.идти-CNV.PRS-A знахарь-LAT слуга-O-GEN1
maʕna-gobič'u kuc b-ak^{w}a-zal, rakłal-el
смысл-NEG.COP.CNV вид III-видеть-TMP добро-LAT
gobč'i idu-ƛƛan lok'^{w}a č'ejda-na…
NEG.COP это-QUOT сердце стремиться-CNV.PF
'Когда **проходивший** мимо **знахарь** увидел странный вид слуги, он почувствовал неладное…' (Мулла и знахарь, 33)

Факультативность согласования в причастиях будущего и настоящего времени отличается от таковой в причастиях прошедшего времени и прилагательных. И у прилагательных, и у причастий прошедшего времени косвенная форма является морфологически более маркированной и производной от прямой формы. У прилагательных это добавление морфемы *-la*; у причастий прошедшего времени — изменение гласного *-a* в ауслауте, унаследованного от основы аориста, на *-o*. Напротив, прямая и косвенная формы атрибутива образуют эквиполентную оппозицию. Более того, другие типы атрибутивных зависимых, деривированные из наречий, послеложных групп и форм пространственных падежей, демонстрируют обязательное выражение косвенности.

По-видимому, существует две возможных трактовки отсутствия согласования по косвенности в причастиях будущего и настоящего времени. Во-первых, можно предположить, что несогласуемые причастия не являются приименными модификаторами, а образуют абсолютный оборот; в таком случае формальное согласование атрибутивизатора может происходить с абсолютивом главной клаузы (ср. аналогичное согласование суффиксального показателя конвербов в багвалинском языке, (Кибрик (ред.) 2001: 482). Во-вторых, возможно, что атрибутивизатор в рассматриваемых случаях подвергается реанализу как деривационный показатель причастия и как таковой может не поддерживать оппозицию по косвенности.

Следует отметить, что атрибутивный показатель, создающий контрастивные модификаторы из прилагательных, генитивных зави-

симых и причастий прошедшего времени, всегда демонстрирует согласование по косвенности, независимо от того, выражено ли согласование по косвенности у основы, к которой он присоединяется. Так, например, в (21a) контрастивный атрибутив оформляет прилагательное, которое в принципе способно к выражению категории косвенности (*ak'ej-la-jžo* [маленький-ADJ.OBL-AOBL] ‘младший (брат, ERG)’); несмотря на то, что согласование прилагательного по косвенности не происходит, согласование атрибутивного показателя обязательно. Аналогично в (21b) при замене согласованной формы причастия на несогласованную (*l-u:j-ja-jžo* [IV-делать-PST.PTC-AOBL] ‘сделанным (хинкалам, INTER)’) согласование атрибутивного показателя остается обязательным.

(21) a. *hada* *qu-ł* *iƛa-na* ***ak’e-jžo***
один.OBL день-CONT сказать-CNV.PF младший-AOBL
es-t’i *uq’u-jžo-qo-l…*
брат-OBL.ERG старший-AOBL-POSS-LAT
‘Однажды сказал **младший брат** старшему…’ (Сыновья кузнеца, 12)

b. *kande-za* ***l-u:j-j-o-jžo***
девочка-PL-OBL.PL.ERG IV-делать-PST.PTC-OBL-AOBL
χĩk’o-za-ł *de* *l-u:j-ja* *χĩk’o-ba*
хинкал-OBL.PL-INTER я.ERG IV-делать-PST.PTC хинкал-PL
šič’aχ-χo.
добавлять-CNV.IPF
‘Я добавлю к тем хинкалам, которые сделали девочки, сделанные мной хинкалы’. (Гращенков 2019)

Таким образом, мы приходим к выводу, что согласование некоторой словоформы по косвенности происходит независимо для всех ее деривационных элементов. Каждый деривационный элемент соответствует синтаксической вершине определенной категории. Например, атрибутивная форма прилагательного может быть представлена как [$_{AtrP}$ [$_{AdjP}$ Adj] Atr]. Категория вершины определяет способность соответствующего элемента к согласованию по косвенности. Так, если согласование прилагательных по косвенности факультативно, а атрибутивов — обязательно, получаем следующий диапазон форм в косвеннопадежном контексте, представленный в Таблице 1.

Таблица 1. Формы контрастивного прилагательного в косвеннопадежном контексте

Согласование прилагательного	Согласование атрибутива	Форма	Грамматичность
+	+	*ak'ej-la-jžo*	☝
+	—	*ak'ej-la-sa*	*
—	+	*ak'ej-jžo*	☝
—	—	*ak'ej-sa*	*

Подчеркнем, что если бы согласование словоформ по косвенности определялось для всей словоформы целиком, то мы ожидали бы, что наличие в словоформе деривационного элемента с обязательным согласованием по косвенности (например, контрастивного атрибутива) вынуждало бы согласование тех элементов, для которых оно факультативно (например, прилагательных и причастий прошедшего времени). Соответственно, словоформа *ak'ej-jžo* [младший-AOBL] ‘младший (брат, ERG)’ из Таблицы 1 была бы неграмматична, что противоречит фактам (ср. (21а)).

В следующем разделе мы формализуем высказанную выше интуицию и предложим синтаксическую интерпретацию согласования по косвенности.

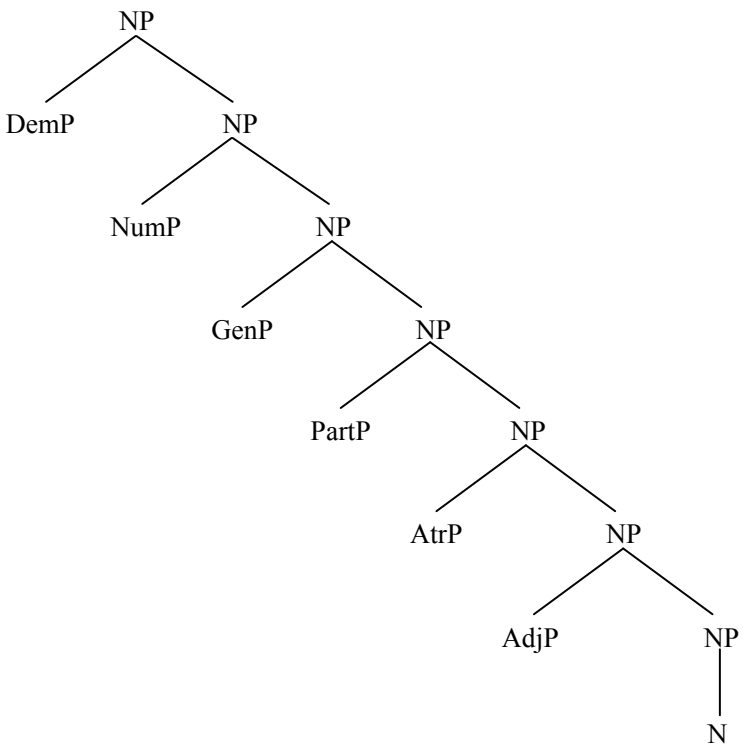
3. Модель

Разрабатываемая модель должна включать несколько компонентов. Во-первых, это синтаксическая структура именной группы в хваршинском языке, определяющая позиции всех приименных модификаторов. Во-вторых, это синтаксическая репрезентация падежных форм, явным образом устанавливающая синтаксический смысл категории косвенности. В-третьих, это механизм согласования, проводящий различие между наличием признака на некоторой составляющей и его морфологической реализацией.

Именная группа в хваршинском языке, как и во всех других дагестанских языках, практически не проявляет никаких асимметрий в отношении расположения модификаторов разных типов. Наименее маркированным является порядок с финальным положением верши-

ны; атрибуты упорядочиваются в соответствии с их весом; перестановки внутри именной группы обычно допустимы. Подобные свойства наиболее адекватно отражаются в модели адъюнкции зависимых различных категорий к максимальной проекции лексического существительного (22).

(22)

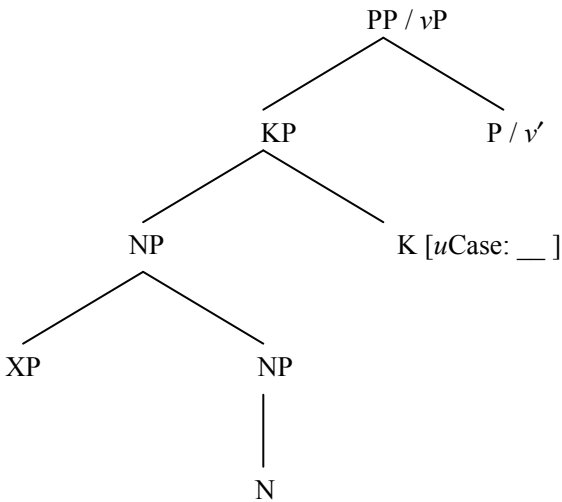


Синтаксическая репрезентация падежных форм в дагестанских языках подробно аргументируется в (Лютикова 2017, 2020, в печати). В этих работах защищается анализ, в соответствии с которым абсолютивная именная группа является беспадежной и, соответственно, противопоставлена прочим падежным формам. Косвеннопадежные формы делятся на реляционные, управляемые функциональной вершиной (переходным или экспериенциальным легким глаголом), и семантические, управляемые нулевым послелогом. К последним относятся все именные адъюнкты, а также косвеннопадежные до-

полнения и некоторые типы подлежащих (например, посессивное подлежащее при потенциальных предикатах в хваршинском языке).

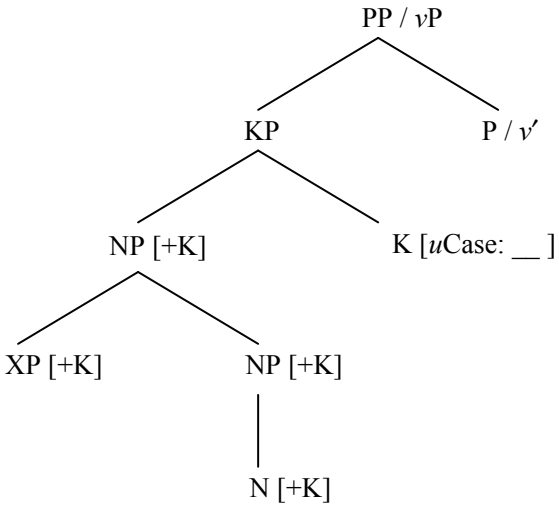
В рамках модели согласования по косвенности я предлагаю более радикальное синтаксическое представление оппозиции абсолютива и прочих падежных форм, см. (23). Суть этого представления состоит в том, что любая падежная форма, кроме абсолютивной, содержит группу падежа, KP. Формальный признак падежа в таком случае характеризует не NP, а KP и означивается в результате управления со стороны соответствующей вершины (*v* или P). Абсолютивная именная группа лицензируется предикатом (V или Adj); прочие именные группы являются KP и лицензируются падежным признаком на вершине K. Легко видеть, что эта модель сходна с репрезентацией, предлагаемой в (Bittner, Hale 1996) с точностью до способов лицензирования абсолютивной именной группы.

(23)



В рамках репрезентации (23) открывается возможность моделирования косвенности как согласования именной группы (NP) с вершиной K по синтаксической категории, в соответствии с подходом, представленным в (Pesetsky 2013) и реализованным для цахурского языка в (Lyutikova 2015). Категориальный признак K копируется на NP и далее передается всем компонентам NP, то есть всем модификаторам, а также именной вершине (24).

(24)



Последний компонент модели — это механизм реализации формального признака [+K] на составляющих разных типов.

Я полагаю, что морфологическая реализация согласовательного формального признака на некоторой составляющей происходит тогда, когда (i) данная составляющая получает этот признак в синтаксисе и (ii) способна к его морфологическому выражению. При таком подходе модель обладает следующими свойствами. Во-первых, морфологическая реализация признака F на некоторой составляющей X означает наличие формального признака F на X. Во-вторых, для составляющих, морфологически не реализующих признак F либо реализующих его факультативно, отсутствие морфологического выражения F не влечет отсутствия самого формального признака F. Наконец, распространение формального признака монотонно: если признак F выявляется у составляющих X и Y, и Y вложено в X, и источником F на X и Y является один согласовательный процесс, то F характеризует также все составляющие между X и Y.

Рассмотрим процесс распространения и морфологической реализации формального признака [+K] в структуре (24). Как предложено выше, распространение признака [+K] происходит как минимум на все зависимые и вершину именной группы. Рассмотрим теперь реализацию этого признака на разных компонентах именной группы и «глубину» его распространения.

Вершина именной группы реализует признак [+K] морфологически в виде косвенной основы существительного. Неветвящиеся модификаторы, такие как демонстративы и числительные, также реализуют формальный признак [+K] только на вершине — при помощи косвенной формы указательного местоимения и числительного, соответственно. Прочие модификаторы представляют собой ветвящиеся группы, так что возникает вопрос о возможности реализации признака [+K] элементами, вложенными в эти модификаторы. Соответственно, необходимо определить границы «просачивания» признака косвенности в приименных модификаторах.

Очевидно, что далеко не все модификаторы создают подходящий контекст для проверки локальности согласования по косвенности. Рассмотрим, например, генитивный посессор. Будучи ветвящейся фразовой категорией, он способен иметь собственные зависимые, которые могли бы показать границы распространения признака [+K]. Однако генитивная именная группа, будучи косвеннопадежной, сама является KP, поэтому ее собственные модификаторы будут принимать косвенную форму независимо от того, проникает ли признак косвенности через ее границу, ср. (25).

(25) a. *di-lo* *uk'u-jžo* *es-t'e-lo* *ʁin-a-l*
я.OBL-GEN2 I.большой-AOBL брат-OBL-GEN2 жена-OBL-DAT
'жене моего старшего брата'

b. [$_{KP}$ [$_{NP}$ [$_{KP}$ [$_{NP}$ *di-lo uk'u-jžo es-t'e*] [$_{K}$ *-lo*]] *ʁin-a*] [$_{K}$ *-l*]]

Аналогичным образом, атрибутивные зависимые, образованные на основе форм пространственных падежей и послеложных групп, также включают в свой состав KP, поэтому проверить проницаемость атрибутивной группы для согласования по косвенности на этом материале невозможно.

Обратимся теперь к причастным зависимым. Причастный оборот может в принципе содержать элементы, способные морфологически выражать согласование по косвенности и не опосредованные KP: это зависимые абсолютивных именных аргументов (в частности, генитивные зависимые имплицитных абсолютивов). Примеры в (26) показывают, что дистантное согласование по косвенности невозможно, и, следовательно, граница причастного оборота препятствует распространению признака [+K].

(26) a. [*il-a* / **il-lo* *obu* *ĩgo-ho-l*
мы-GEN1 / мы-GEN2 отец там-AD-LAT
at't'o:-k'k'-o] *ašem-λ̂'o*
I.приходить-CAUS.PST.PTC-OBL время-SUP
'в то время, когда нашего отца туда отправили'

b. [*obu-t'e-s* / **obu-t'-lo* *e:js-a*]
отец-OBL-GEN1 / отец-OBL-GEN2 рассказывать-PST.PTC
kand-e-l
девочка-OBL-DAT
'девочке, рассказавшей об отце'

c. [*qala-s* / **qala-lo* *l-e:jc'-o*] *klass-ma*
дети-GEN1 / дети-GEN2 IV-наполняться.PST.PTC-OBL класс-IN
muk'o *b-eča-j.*
место III-быть-NEG.AOR
'В полном детей классе места не было'.

Ту же закономерность мы наблюдаем и у прилагательных, проецирующих внутренний абсолютив (27). Таким образом, граница группы прилагательного непреодолима для согласования по косвенности.

(27) *q'uni-č* / *#q'$_w$a-na-č* *k'ak'a-ba* *λiq^{w}e-la*
два-INTS / два-OBL-INTS нога-PL кривой-ADJ.OBL
uq'uč'i-ʁal *t'iλ̂o* *os!*
старик-DIR давать.IMP деньги
'Старику с обеими кривыми ногами деньги отдай!'
'Обоим кривоногим старикам деньги отдай!'[8]

Имеются ли случаи, когда согласование по косвенности «просачивается» через границу модификатора? На настоящий момент есть положительные данные о двух конфигурациях. Во-первых, рассмотрим контрастивные модификаторы, образованные при помощи атрибутивизатора от прилагательных, причастий и генитивов. Если анализ контрастивной атрибутивизации, предложенный в (Лютикова 2021), верен, то атрибутивная морфема возглавляет собственную

[8] Вторая интерпретация возникает, в частности, за счет того, что собирательные числительные могут сочетаться как с именной группой во множественном (*q'uni-č k'ak'a-ba* 'обе ноги'), так и в единственном (*q'uni-č uq'uč'i* 'оба старика') числе.

проекцию PredP, присоединяя группу прилагательного/причастия/генитивную группу в качестве комплемента:

(28) a. *ut’t’e-j-sa* *ʁamasu*
красный-V-A сундук
‘КРАСНЫЙ сундук’
b. [$_{NP}$ [$_{PredP}$ *Op* [$_{AdjP}$ *ut’t’e-j*] [$_{Pred}$ *-sa*]] [$_{NP}$ *ʁamasu*]]

Тот факт, что контрастивное прилагательное (причастие) может, а генитивная группа — должна выражать косвенность своим собственным морфологическим экспонентом (29), свидетельствует о том, что граница составляющей, проецируемой атрибутивной морфемой, проницаема для распространения признака [+K].

(29) a. *ut’t’e-j-(la)-jžo* *ʁamasu-ma*
красный-V-ADJ.OBL-AOBL сундук-IN
‘в КРАСНОМ сундуке’
b. [$_{PP}$ [$_{KP}$ [$_{NP}$ [$_{PredP}$ *Op* [$_{AdjP}$ *ut’t’e-j-(la)*] [$_{Pred}$ *-jžo*]] [$_{NP}$ *ʁamasu*] [$_{K}$ *ma*]] P]

Второй контекст, демонстрирующий распространение признака [+K] внутри зависимых именной группы, создается производными предикативами на *-ge*. Морфема *-ge* относится, по-видимому, к классу транскатегориальных аффиксов: она способна присоединяться, как минимум, к именным группам, прилагательным и имперфективным конвербам. Нас интересуют случаи, когда морфема *-ge* образует приименное зависимое из абсолютивной именной группы, как в (30).

(30) *zẽ-s* *ãhi-ba:-ge* *uža*
медведь-GEN1 ухо-PL-COM мальчик
‘парень с медвежьими ушами’

Оказывается, что в косвеннопадежном контексте генитивное зависимое в такой конфигурации согласуется по косвенности, так что прямой генитив заменяется на косвенный генитив (31):

(31) *«ła* *iʎ-o* *di-l»-eʎʎa* *iʎa-na* ***zẽ-lo***
вода дать-IMP я.OBL-DAT-QUOT сказать-CNV.PF медведь-GEN2
ãhi-ba:-ge-la ***užá***.
ухо-PL-COM-ADJ.OBL парень.ERG
‘«Воды дай мне!» — сказал парень с **медвежьими** ушами’. (Медвежье ухо, 10)

К сожалению, имеющегося материала недостаточно, чтобы обосновать анализ для примеров типа (31). Если генитивная именная группа действительно зависит от инкорпорированного абсолютива, налицо согласование по косвенности через границу составляющей, проецируемой морфемой *-ge*. Интересно, что в отношении согласования по косвенности сама словоформа *ãhi-ba:-ge* ‘с ушами’ ведет себя как прилагательное, присоединяя адъективный показатель косвенности *-la*. Тем не менее, налицо и различие в проницаемости границы категории для прилагательных и зависимых на *-ge*, ср. (31) и (27).

Возможное объяснение согласования в (31), совместимое с представлением о дериватах на *-ge* как производных прилагательных, состоит в том, что при инкорпорации абсолютива его зависимое переподчиняется вышестоящей именной вершине, так что структура составляющих в (31) выглядит как (32).

(32) [$_{KP}$ [$_{NP}$ [$_{GenP}$ *zẽ-lo*] [$_{AdjP}$ *ãhi-ba:-ge-la*] [$_{NP}$ *užá*]] [$_{K}$ *ERG*]]

Подобное переподчинение засвидетельствовано как при инкорпорации (ср. (33a-b) из языка мохок и (34a) из русского), так вне его (34b).

(33) a. *Ka-rakv ne sawatis hrao-nuhs-aʔ.*
3N-белый DET Джон 3M-дом-SUF
‘Дом Джона белый’. (Baker 1988: 97)
b. *Hrao-nuhs-rakv ne sawatis.*
3M-дом-белый DET Джон
‘Дом Джона белый’. (Baker 1988: 96)

(34) a. точное приборостроение ← [точные приборы] строить
b. мой любимый композитор ← [мной любимый] композитор

Таким образом, если рассматривать (31) как еще один случай зависания зависимого и его переподчинения при инкорпорации, случаи «просачивания» признака [+K] через границу зависимого именной группы ограничиваются атрибутивизированными составляющими. Весьма показательно, что такую же проницаемость демонстрирует и так называемый «фокусный» атрибутив (Тестелец 2019c), располагающийся на именной вершине (35). Специфика атрибутива в хваршинском языке состоит, в частности, в том, что он может использоваться как фокусный маркер, присоединяясь к именной вершине и распространяя свою сферу действия на именную группу. В то время как прямой атрибутив используется в контексте абсолютива и при-

соединяется к прямой основе существительного, косвенный атрибутив используется в косвеннопадежном контексте и присоединяется к косвенной основе существительного.

(35) a. *obu-sa at'iq'q'a.*
отец-A I.приходить.AOR
‘ОТЕЦ пришел’.
b. *obu-t'e-jžo-l pat'imat j-ajka.*
отец-OBL-AOBL-DAT Патимат II-видеть.AOR
‘ОТЕЦ увидел Патимат’.

4. Заключение

В этой статье я предложила набросок модели согласования по косвенности в дагестанских языках. Остается еще много нерешенных вопросов — о глубине просачивания признака косвенности в разных синтаксических конфигурациях, о связи морфологической способности к выражению признака косвенности и синтаксической категории элемента, о репрезентации противопоставления обязательного и факультативного согласования. Тем не менее, представляется, что изложенный в статье предварительный эскиз дает возможность увидеть потенциальные достоинства полноценной модели. Я хотела бы отметить два из них.

Во-первых, в рамках предложенной модели обосновывается единый подход к согласованию по косвенности, представленному лишь в нескольких дагестанских языках, и двухосновной системе склонения, представленной в той или иной степени во всех языках группы. Этот подход состоит в том, что и согласуемые по косвенности модификаторы, и обусловленный падежной формой выбор основы представляют собой морфологическое выражение признака [+K], получаемого именной группой извне в результате согласования. Косвенная основа существительного не является экспонентом никакой отдельной вершины, но является реализацией именной вершины с признаком [+K]. Альтернативный анализ, при котором согласование приименных модификаторов вызывается показателем косвенной основы и именно он является вершиной-триггером согласования по косвенности, дает худшие результаты. В частности, он оказывается

неспособен объяснить не-сохранение показателя косвенной основы при эллипсисе именной вершины (36a-b).

(36) a. *at'iq'q'a* *ak'ej-sa* *es* *uq'u-jžo-(~~es-t'e~~)-ʁal.*
I.приходить.AOR младший-A брат старший-AOBL-(~~брат~~-OBL)-DIR
'Пришел младший брат к старшему'.

b. **at'iq'q'a* *ak'ej-sa* *es* *uq'u-jžo-(~~es~~-t'e)-ʁal.*
I.приходить.AOR младший-A брат старший-AOBL-(~~брат~~-OBL)-DIR

Во-вторых, предложенный анализ позволяет разделить формальный признак [+K], распространяющийся на все компоненты именной группы, и его морфологическое выражение, которое доступно не для всех категорий и не во всех языках. Наличие морфологического согласования по косвенности определяется двумя факторами: синтаксической позицией элемента в области распространения формального признака [+K] и наличием у его экспонента морфологического контраста по данному признаку. Такой анализ позволяет реализовать как единый подход ко всем случаям выражения косвенности в дагестанских языках, так и модель диахронического развития согласования по косвенности, намеченную в (Даниэль, Никитина 2020): согласование по косвенности в адъективах и именных атрибутивах возникает в результате грамматикализации в качестве показателей соответствующих категорий (адъективаторов, атрибутивизаторов) элементов, которые ранее сами были мишенями согласования по косвенности (например, демонстративов). Иерархия приименных модификаторов в отношении согласования по косвенности не предопределяется иерархическими отношениями между модификаторами в синтаксической структуре (как это происходит, например, при «просачивании» падежа в русской количественной группе), но является следствием морфологических свойств их экспонентов[9]. Возможное влияние синтаксической иерархии на грамматикализацию морфем-категори-

[9] Как заметил Я. Г. Тестелец (л.с.), подобным образом устроено и согласование по определенности внутри именной группы в немецком языке. Морфологическое различение демонстрируют атрибутивные прилагательные (кроме несклоняемых прилагательных), а также субстантивированные прилагательные, выступающие в качестве именной вершины, ср. ***der*** *amerikanisch**e** Werktätig**e*** 'американский трудящийся (опр.)' vs. ***ein*** *amerikanisch**er** Werktätig**er*** 'американский трудящийся (неопр.)'.

заторов (и тем самым на иерархию согласования по косвенности) — тема отдельного захватывающего исследования.

Литература

Алексеев М. Е. 2003. *Сравнительно-историческая морфология нахско-дагестанских языков. Категория имени*. Москва: Academia.

Аркадьев П. М. 2006. *Типология двухпадежных систем*. Дис. ... канд. филол. наук. М., Институт славяноведения РАН, 2006.

Гращенков П. В. 2019. *Хваршинский язык. Полевые материалы*. Хонох.

Даниэль М. А., Никитина Т. В. 2020. Согласование по косвенности в нахско-дагестанских языках: обзор данных. *Доклад на конференции «Звегинцевские чтения»*, М., МГУ, 30-31 октября 2020 года.

Ибрагимов Г. Х. 1978. *Рутульский язык*. М.: Наука.

Каримова Р. Ш. 2014. *Хваршинский фольклор (с переводом на русский язык)*. Под ред. Б. Комри. Лейпциг; Махачкала: АЛЕФ.

Кибрик А. Е. (ред.). 2001. *Багвалинский язык. Грамматика, тексты, словари*. М.: ИМЛИ РАН, Наследие.

Кибрик А. Е. 2003. *Константы и переменные языка*. СПб.: Алетейя.

Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Оловянникова И. П. 1972. *Фрагменты грамматики хиналугского языка*. М.: Изд-во МГУ.

Кибрик А. Е., Тестелец Я. Г. (ред.). 1999. *Элементы цахурского языка в типологическом освещении*. М.: ИМЛИ РАН.

Кибрик А. Е., Кодзасов С. В. 1990. *Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика*. М.: Изд-во МГУ.

Климов Г. А., Алексеев М. Е. 1980. *Типология кавказских языков*. М.: Наука.

Лютикова Е. А. 2017. Падежная морфология, синтаксические категории и проблема классификации падежей. *Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований*. Т. 13, 652–679.

Лютикова Е. А. 2020. Еще раз о падежной морфологии дагестанских языков: свидетельства хваршинского атрибутива. В сб.: Кс. П. Семёнова (ред.). *Малые языки в большой лингвистике*. М.: «Буки Веди», 112–121.

Лютикова Е. А. 2021. Атрибутив как лицензор предикативной структуры в хваршинской именной группе. *Доклад на конференции «Малые языки в большой лингвистике»*, М., МГУ, 23–24 апреля 2021 года.

Лютикова Е. А. Типология эргативности и грамматические асимметрии в дагестанских языках. *Rhema. Рема*, в печати.

Назаров В. П. 1974. *Разыскания в области исторической морфологии восточнокавказских языков (проблема архаизмов и инноваций)*. Махачкала: Дагучпедгиз.

Старостин С. А. 1991. Реконструкция общевосточнокавказской системы основных падежей. В сб.: *Славистика. Индоевропеистика. Ностратика. К 60-летию со дня рождения В. А. Дыбо*. М.: Институт славяноведения и балканистики, 35–37.

Тестелец Я. Г. 2019a. Грамматика косвенности в дагестанских языках. *Доклад на международной конференции «Кавказские языки: типология и диахрония» памяти М. Е. Алексеева*, М., Институт языкознания РАН, 24 октября 2019 года.

Тестелец Я. Г. 2019b. *Генитив в позиции аргумента*. Рукопись. Хонох.

Тестелец Я. Г. 2019c. *Фокусные конструкции*. Рукопись. Хонох.

Шарафутдинова Р., Левина Р. 1961. Хваршинский язык (предварительное сообщение). В сб.: Бокарев Е. А. (ред.) *Вопросы изучения иберийско-кавказских языков*. М.: Изд-во АН СССР, 90–122.

Baker M. C. 1988. *Incorporation. A theory of grammatical function changing*. Chicago: The Univ. of Chicago Press.

Bittner M., Hale K. 1996. The structural determination of case and agreement. *Linguistic Inquiry* 27, 1–68.

Daniel M., Ganenkov D. 2008. Case marking in Dagestanian: Limits of elaboration. In: A. Malchukov, A. Spencer (eds.). *The Oxford Handbook of Case*. Oxford: Oxford University Press, 668–685.

Khalilova Z. 2009. *A grammar of Khwarshi* (Doctoral dissertation, LOT, Netherlands Graduate School of Linguistics, Utrecht).

Kibrik A. 1995. Direct-oblique agreement of attributes in Daghestanian. In: F. Plank (ed.). *Double case: agreement by Suffixaufnahme*. Oxford: Oxford University Press, 216–229.

Kibrik A. 2003. Nominal inflection galore: Daghestanian, with side glances at Europe and the world. In: F. Plank (ed.). *Noun phrase structure in the languages of Europe*. Berlin-New York: De Gruyter, 37–112.

Kibrik A., Testelets Ya. 1994. Bezhta. In: M. Job (ed.). *The indigenous languages of the Caucasus*. Vol. 3. Ann Arbor: Caravan books, 217–295.

Lyutikova E. 2015. Tsakhur as a case-stacking language. In: P. Arkadiev, I. Kapitonov, Yu. Lander, E. Rakhilina S. Tatevosov (eds.). *Donum Semanticum: Opera Linguistica et Logica in Honorem Barbarae Partee a Discipulis Amicisque Rossicis Oblata*. Moscow: Languages of Slavic Cultures, 297–312.

Pesetsky D. 2013. Russian case morphology and the syntactic categories. Cambridge, MA: MIT Press.

Polinsky M. 2015. *Tsez syntax: A description*. Ms., lingbuzz/ 002315, accessed 27.05.2019.

ОТОБРАЖЕНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ ЖЕНСКОЙ И МУЖСКОЙ РЕЧИ В МОРФОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ АВАРСКОГО ЯЗЫКА

М. А. Магомедов
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы ДФИЦ РАН

В отличие от исследований, рассматривающих гендер как социолингвистическую категорию, в данной статье мы хотим показать, как отражается половое различие в морфологической структуре языка. Материал языков эргативного строя для этих исследований еще не привлекался. Различение мужской и женской речи отмечено в некоторых дагестанских языках, в частности, в аварском и в андийском.

Личные местоимения аварского языка следующие: *дун* ‘я’, *мун* ‘ты’, *ниж* ‘мы’ (эксклюзив), *нилI* ‘мы’ (инклюзив), *нуж* ‘вы’. В аварском языке не представлены личные местоимения 3 лица, их функции выполняют указательные местоимения. Характерной особенностью личных местоимений является отсутствие в их составе показателей грамматического класса.

Личные местоимения обладают морфологически выраженной категорией падежа. Категория числа, как для личных, так и для других местоимений является категорией не словоизменительной, а словообразовательной, или лексико-сематической. Исследуя образование эргатива в аварском языке в историческом плане, А. С. Чикобава (1948: 15) пришел к выводу, что в «личных (1 и 2), вопросительных и возвратных местоимениях эргатив дифференцировался позднее, чем в местоимениях указательных и личных (3 лица), оформляясь соответственно флексиями *-д*, *-ца* и *-лълъа*. Иначе говоря, эргатив данных местоимений наиболее поздней формации, особенно в местоимениях 1 и 2 лиц».

В диалектах и говорах аварского языка (Чикобава 1948: 15), в андийском языке[1] (Dirr 1928: 187) формы личных местоимений совпадают в именительном и эргативном падежах единственного числа. Кроме андийского, подобный факт отмечен А. Дирром (1928: 187) в годоберинском языке, в котором формы личных местоимений совпадают с формами андийского языка. Более подробно функциональное своеобразие личных местоимений в говорах аварского языка исследовал Ш. И. Микаилов (1959: 426; 1964: 154 и др.). Особо выделяя келебский говор среди других говоров южного наречия, он отмечает, что подлежащее при переходном глаголе в гидском диалекте, в кахибском и бацадинском смешанных говорах и в кегерском говоре андалальского диалекта личных местоимений 1 и 2 лиц множественного числа стоит в именительном падеже (Микаилов 1959: 426).

А. С. Чикобава (1948: 15) приводит также примеры из кегерского и кахибского говоров и гидского диалекта, сравнивая их с примерами из литературного языка:

(1) а. *Гъалмагъ-ас чед квана* ‘Товарищ (эрг.) хлеб съел’ (перевод наш. — М. М.), но:
б. *Ниж (!) чед квана* ‘Мы (ном.) хлеб съели’
в. *Нуж (!) чед квана* ‘Вы (ном.) хлеб съели’

(2) а. *До-с чед квана* ‘Он (эрг.) хлеб съел’, но
б. *Ниж (!) чед квана* ‘Мы (ном.) хлеб съели’
в. *Нуж (!) чед квана* ‘Вы (ном.) хлеб съели’

(3) а. *Дваз цIа бакина* ‘Они (эрг.) огонь разожгли’ но
б. *Нуж (!) цIа бакина* ‘Вы (ном.) огонь разожгли’
в. *Нилъ (!) цIа бакина* ‘Мы (инкл.) огонь разожгли’.

Келебский смешанный говор «распространил» неразличение форм номинатива и эргатива и на форму единственного числа личных местоимений второго лица. Ш. И. Микаилов отмечает: «При переходном глаголе вместо эргативного падежа от местоимения 2 лица единственного числа, употребляемого в литературном языке, в Келебе бытует именительный падеж; в этом отношении келебский го-

[1] Следует отметить, что формы личных местоимений *дин*//*ден* ‘я’ и *мен*//*мин* ‘ты’ как маркеры мужской и женской речи соответственно в андийском языке имеют место только в речи сел. Анди.

вор является исключением из всех других говоров; примеры: *Мун чед конги* «Ты ешь хлеб». *Мун чед квабиш?* «Ты съел хлеб?», *Мун чед квенуге* «Ты не ешь хлеба». *Мун хIур бекьубищ?* «Ты вспахал поле?» вместо *Дуцца чед кванай*; *Дуцца чед кваниш?*; *Дуца чед кунге*; *Дуцца хур бекьанищ?* [в литературном языке — *М. М.*]» (Микаилов 1959: 427).

В отличие от келебского говора, эргативная форма местоимения 2 лица единственного числа имеется в гидском, кахибском, бацадинском и кегерском сравниваемых говорах, но в них она представлена в форме *дулълъа* в отличие от литературного *дуцца*.

Сравнивая личные местоимения 1 и 2 лиц единственного и множественного чисел литературного языка, можно заметить следующее.

Косвенная основа местоимения 2 лица единственного числа *мун* ‘ты’ — *ду-* совпадает по форме с основой именительного падежа личного местоимения 1 лица *ду-н* ‘я’. При словоизменении, в данном случае при склонении, как было отмечено выше, личное местоимение 2 лица представлено супплетивной косвенной основой, а местоимение 1 лица сохраняет основу в форме *ди-*, ср. им. п. *ду-н*. Во множественном числе при склонении форма местоимений остается без изменения.

Самым интересным явлением в келебском говоре (общество *къел*) аварского языка, пожалуй, является использование в речи мужчин и женщин разных падежных форм личного местоимения первого лица единственного числа, а именно мужчины в своей речи используют только форму эргатива при непереходных глаголах — подлежащее выражено формой эргатива и при переходных, и при непереходных глаголах, что не характерно для аварского языка и не только. Данное отличие распространяется только на эту форму личных местоимений.

Отметим, что употребление терминов «эргатив» и «номинатив» в данной статье не соответствуют принятому в лингвистической типологии: падеж на *-лълъа* в мужской речи келебского говора мы по аналогии с его употреблением в существительных называем эргативным даже в этом случае, когда он оформляет и подлежащее при переходных и непереходных глаголах, и прямое дополнение, см. ниже.

Вне зависимости от статуса глагола (переходный-непереходный), который в литературном языке требует постановки субъекта при переходном глаголе в эргативном падеже, а при непереходном — в именительном, в келебском смешанном говоре субъект, обозначаемый местоимением 1 лица ед. числа, в речи мужчин (только!) всегда стоит в эргативном падеже.

Например:

келебский говор, мужская речь	литературный язык
Дилъльа (эрг.) *ана вана магIарде.* (неперех.) ‘Я (I класс) иду в горы’.	*Дун* (ном.) *унев вуго магIарде.*
Дилъльа (эрг.) *вакъу вана*. (неперех.) ‘Я (I класс) голоден’.	*Дун* (ном.) *вакъун вуго.*
Дилъльа (эрг.) *кунанав вана*. (перех.) ‘Я (I класс) кушаю’.	*Дун* (ном.) *кваналев вуго.*

Вне зависимости от статуса глагола (переходный-непереходный), который в литературном языке требует постановки субъекта при переходном глаголе в эргативном падеже, а при непереходном — в именительном, в келебском смешанном говоре субъект, обозначаемый местоимением 1 лица ед. числа, в речи женщин стоит в именительном падеже, например:

келебский говор, женская речь	литературный язык
Дун хIурие ана яна. (неперех.) ‘Я (II класс) иду в поле’.	*Дун хурие уней йиго.*
Дун жанахI бацIцIу. (перех.) ‘Я убрала в коридоре’.	*Дицца жанахI бацIцIана.*
Дун ххинк квадун. (перех.) ‘Я съела хинкал’.	*Дицца ххинкI кванана.*

Интересным явлением, на наш взгляд, является полное отсутствие в келебском смешанном говоре формы эргатива личных местоимений второго лица единственного числа вне зависимости от обращения к женщине или к мужчине, например:

келебский говор, номинатив (I класс)	литературный язык, эргатив
Мун (ном.) *чед квабищ?* ‘Ты съел(а) хлеб?’ (перех.)	*Дуцца* (эрг.) *чед кварабищ?*
Мун (ном.) *гIемераб гIетI тIу гIодобе?* (перех.) ‘Ты много пота пролил(а)?’	*Дуцца* (эрг.) *гIемераб гIетI тIуна гIодобе*?
Мун (*ном.) кагътиа хвай къурагIурабщинаб.* (перех.) ‘Ты на письме напиши все, что нужно’.	*Дуца* (эрг.) *кагътида хъвай къваригIарабщинаб.*

В келебском смешанном говоре отсутствуют и формы эргатива личных местоимений второго лица множественного числа вне зависимости от того, к кому обращаются, например:

келебский говор, номинатив	литературный язык, эргатив
Нуж (ном.) *цIул бичIубищ?* (перех.) ‘Вы накололи дрова?’	*Нужеца* (эрг.) *цIул бичIанищ?*
Нуж (ном.) *хьатал росе*. (перех.) ‘Вы купите сапоги’.	*Нужеца* (эрг.) *хьитал росе*.
Нуж (ном.) *гъутаа рагIа*. (неперех.) ‘Вы были на кутане’.	*Нуж* (ном.) *гъутада рукIана*.

В роли прямого дополнения в мужской и в женской речи в келебском смешанном говоре местоимение 1 л. ед. ч., в отличие от литературного языка, также употребляется в разных падежных формах. Так, в мужской речи в роли прямого дополнения ожидаемой формы номинатива употребляется форма эргатива, тогда как в литературном языке представлена форма номинатива, например:

(4) *Расули-д* (эрг., подлежащее) *ди-лълъа* (эрг., прямое дополнение) *гьоболлъухъ ахIу вагIа* ‘Расул меня [мужчину] пригласил в гости’, ср. лит. (5) *Расули-ца дун гьоболлъухъ ахIун вукIана*. В женской речи в роли прямого дополнения, как и в литературном языке, употребляется форма номинатива, а подлежащее стоит в форме эргатива, напр.: (6) *Расули-д* (эрг., подлежащее) *дун* (ном., прямое дополнение) *гьоболлъухъ ахIу йагIа* ‘Расул меня [женщину] пригласил в гости’.

Приходится принять во внимание тот факт, что форма именительного падежа единственного числа представляет собой по своей сути прямую основу без окончаний, служащую для образования косвенной основы, а форма эргатива на *-сс*, *-лълъ* единственного числа и на *-з* множественного числа по своей сути является косвенной основой без тех же падежных окончаний (суффиксов). При такой трактовке принцип двух основ получает новую интерпретацию: от основы именительного падежа (прямой основы), которая представляет собой одновременно и форму именительного падежа, образуется опять же основа эргативного падежа, если склонение происходит по типу *-асс*, *-алълъ*, *-аз* (мн. ч.), и от нее, в свою очередь, образуется форма эргативного падежа, если склонение происходит по типу *-цца*, т. е. в аварском языке у имен в именительном падеже нет формооб-

разующих суффиксов прямой основы и нет в эргативе формообразующих суффиксов косвенной основы, если иметь в виду склонение по типу *-асс*, *-алълъ*, *-аз*. Эргатив в данном случае, на наш взгляд, представляет собой неоформленную основу.

Вызывает интерес в этом плане не отмеченное в специальной литературе своеобразие речи некоторых селений, относящихся к батлухскому переходному диалекту. Так, речь жителей с. Карадах (*Къорода*) Гунибского района делится на мужскую и женскую, а женская речь соответствует речи жителей соседнего села Голотль (*Гъолокь*) Шамильского района этого же диалекта. На голотлинцев карадахцы говорят, что «они разговаривают как наши женщины». Видимо, неразличение эргатива личных местоимений в женской речи и неразличение номинатива в мужской речи, наиболее последовательно проявляющееся в келебском смешанном говоре, восходит к активному (мужскому) и пассивному (женскому) началу вообще, нашедшему в языке такое своеобразное отражение.

Литература

Чикобава А. С. 1948. Из истории образования эргативного (активного) падежа в аварском языке. В сб.: Гаджиев М. (ред.). *Языки Дагестана (Труды Института истории, языка и литературы народов Дагестана. АН СССР. Дагестанская научно-исследовательская база).* Вып. I, 5–18.

Микаилов Ш. И. 1959. *Очерки аварской диалектологии.* М.; Л.: Изд-во АН СССР.

Микаилов Ш. И. 1964. *Сравнительно-историческая морфология аварских диалектов.* Махачкала: ИИЯЛ Дагестанского филиала АН СССР.

Dirr A. M. 1928. *Einführung in das Studium der Kaukasichen Sprachen.* Leipzig: Verlag der Asia Major.

«ГРАММАТИКА ПРИТВОРСТВА»: К ВНУТРИГЕНЕТИЧЕСКОЙ МИКРОТИПОЛОГИИ ОДНОЙ КОНСТРУКЦИИ В НАХСКО-ДАГЕСТАНСКИХ ЯЗЫКАХ

Т. А. Майсак
Институт языкознания РАН / НИУ Высшая школа экономики

1. Введение

Цель настоящей статьи — выявить, в самом общем и предварительном виде, типологическое варьирование, наблюдаемое при выражении значения ‘сделать вид, что’ в языках нахско-дагестанской семьи.

Значение ‘сделать вид, что’ (как и ‘притвориться, что’, ‘притвориться кем-либо’) не является «популярным» в нахско-дагестанском языкознании: средства его выражения, по всей видимости, никогда систематически не изучались. Более того, заранее неизвестно, какими в принципе средствами — например, лексическими или грамматическими, — это значение чаще всего выражается в языках семьи. По нашим наблюдениям, в словарях нахско-дагестанских языков далеко не всегда удается найти отдельный словарный вход с соответствующим предикатом; в грамматических очерках это значение, как правило, также не комментируется, что может указывать на отсутствие специализированных грамматических (по крайней мере морфологических) средств его выражения.

Предлагаемое исследование является *внутригенетическим* в том смысле, какой вкладывался в это понятие Дж. Гринбергом (Greenberg 1969/1990) и А. Е. Кибриком (Кибрик 1993; 2003; Kibrik 1998), — оно посвящено типологии выражения определенного значения на материале родственных языков и призвано выявить вариативность, наблюдаемую именно в рамках данной языковой семьи. Наше исследование можно также назвать *микротипологическим* — хотя число привлекаемых к рассмотрению языков не так мало (если иметь в виду общее число языков семьи и ее внутреннюю классификацию),

материалом для исследования стал перевод на эти языки всего лишь одного предложения. Это предложение — вторая часть стиха 28 главы 24 из Евангелия от Луки (Лк. 24:28), в современном русском переводе звучащая как *Иисус сделал вид, что хочет идти дальше*. Мы анализируем перевод этого фрагмента во всех доступных нам переводах Евангелия от Луки на языки нахско-дагестанской семьи — в общей сложности это 13 языков и 15 переводов. Дополнительно, с целью ареального сопоставления, мы привлекаем данные по трем тюркским языкам Дагестана (азербайджанскому, кумыкскому и ногайскому).

Таким образом, резюмируя, задачей настоящей работы является краткое описание конструкций, использованных при передаче одного и того же переводного контекста в выборке из тринадцати нахско-дагестанских языков с привлечением трех тюркских языков того же ареала. Далее в разделе 2 мы кратко остановимся на обсуждении «предикатов притворства» в типологической литературе, а в разделе 3 опишем наши исходные данные. Основной раздел 4 посвящен обзору выявленных конструкций со значением ‘сделать вид, что’ по языковым группам, в разделе 5 сформулированы обобщения, а в Заключении подведены итоги.

2. «Предикаты притворства» в типологической литературе

Насколько нам известно, способы выражения значения, передаваемого в русском языке при помощи предикатов *притвориться*, *прикинуться* и *сделать вид*, обсуждались в рамках двух направлений исследований — это типология комплементации (конструкций с сентенциальными актантами) и типология сравнительных (симилятивных) конструкций.

Так, в типологических обзорах комплементации Майкла Нунана выделяется отдельная группа «предикатов притворства» (*pretence predicates*), см. (Noonan 1985: 115–116; 2007: 126–127) (среди других групп — предикаты речи, пропозиционального отношения, знания, боязни, желания, фактивные, манипулятивные, фазовые предикаты и др.). В качестве английских эквивалентов предикатов притворства Нунан упоминает *imagine* ‘вообразить’, *pretend* ‘притвориться’, *make*

believe ‘сделать вид, притвориться’, *fool (into thinking)* и *trick (into thinking)* — последние два предиката можно перевести как ‘обманом или хитростью заставить думать, что’. Это предикаты с временной референцией, независимой от времени главной клаузы, а субъекты таких предикатов могут быть как экспериенцерами, так и агенсами. По словам автора, особенность предикатов этой группы состоит в том, что описываемый в зависимой клаузе мир не является реальным миром и, хотя этот статус не всегда специфицирован, вложенная пропозиция обычно считается ложной. При этом в тех языках, где проводится различие между оформлением «реальных» (ассертивных) и «ирреальных» комплементов, — например, за счет использования индикативных vs. конъюнктивных клауз, — предикаты притворства неожиданным образом кодируются так же, как «реальные» (ср. в русском *Я притворился, что* / **чтобы Иван пришел*). Предлагаемое Нунаном объяснение такого поведения состоит в том, что хотя предикаты притворства конструируют альтернативную реальность, комплемент содержит утверждение о состоянии дел в рамках этой реальности.

В классификации Роберта Диксона предикат со значением ‘притворяться’ относится к «вторичным концептам», которые в языках мира могут реализовываться либо в лексиконе, либо в грамматике; к той же группе автор относит, например, предикаты ‘хотеть’, ‘надеяться’, ‘намереваться’ и др.). Относительно ‘притворяться’ Диксон отмечает, что в отличие от большинства других членов того же класса комплемент этого глагола нередко описывает ситуацию в настоящем или прошедшем, поэтому является фактивным и не включает модальный глагол (в качестве примера приводится *I pretended* [*that I was a preacher*] ‘я притворился, что я пастор’) (Dixon 2010: 394, 399, 403). В книге о типологии субординации (Cristofaro 2005) предикаты притворства не рассматриваются, хотя классификация семантических типов в целом базируется на обзоре Нунана.

В рамках исследования сравнительных конструкций к семантике притворства близок тот подтип сравнения, который в работах последних лет называется *симулятивом* (ср., в частности, статьи недавних сборников (Treis & Vanhove 2017) и (Treis & Wojtylak 2018)). Так, по классификации Ивонн Трайс сравнение разделяется на квантитативное и квалитативное. К первому относится сравнение неравенства (‘больше/меньше, чем’, ‘наибольший/наименьший’) и срав-

нение равенства (‘такой же, как’). Ко второму типу относится «реальное» сходство, которое называют «симилятивом» (*similative*), и «нереальное»/«притворное» сходство, который называют «симулятивом» (*simulative*) (Treis 2018: iii); первое из них можно проиллюстрировать примером *Петя бежит как заяц*, второе — *Петя ведет себя так, будто он ребенок*. Во многих языках в симулятивных контекстах фигурируют обычные симилятивные показатели, однако в некоторых языках представлены и специализированные симулятивы, в том числе морфологические (например, в амазонском языке эсеэхха, см. (Vuillermet 2018: 157–158)).

К данному подходу близко разделение двух типов клауз образа действия (*manner*) у Роберта Диксона — реальных и гипотетических. В первом случае действие главной клаузы происходит тем образом, который описывается в зависимой, ср. *He shaped the boomerang, in the way that / like his father had taught him* ‘он изготовил бумеранг так, как его учил отец’. В гипотетическом же подтипе зависимая клауза описывает то, чем «притворяется» основное действие или чем оно могло бы быть, но не является, ср. *He extended his finger within his pocket, as if pointing a gun at her* ‘он выпрямил палец в кармане, как будто наставив на нее пистолет’ (Dixon 2009: 35–37).

Хотя конструкции с сентенциальными актантами кажутся морфосинтаксически далекими от сравнительных конструкций, между ними нет непроходимой грани: заметим хотя бы, что русский глагол *притворяться* может управлять не только зависимой клаузой с союзом *что* (см. выше пример из работы Нунана), но и клаузой, вводимой сравнительной частицей/союзом *будто* (ср. *Я притворился, что/будто мы не знакомы*). Как мы увидим ниже, показатели сравнения используются в интересующем нас контексте и в некоторых нахско-дагестанских языках.

Наконец, конструкции притворства могут описываться в языках и вне системы сентенциальных актантов или средств выражения сравнения, а среди особых глагольных форм (например, дериваций или наклонений). Так, в свое исчисление «семантических дериватем» И. А. Мельчук включает «дериватемы, обозначающие факты и присоединяющиеся к обозначениям фактов», к которым он относит, в частности, каузатив, трансформатив, реципрок, поссибилитив и ряд других значений, в том числе «симулятив», который толкуется как ‘делать вид, что R’. В качестве примера приводятся суффиксы с

соответствующим значением из языков кечуа и калиспель (без перевода производных глаголов) (Мельчук 1998: 413–414).

Для обозначения показателей со значением типа ‘притворяться, будто’ иногда используется термин «претенсив» (*pretensive*), ср. краткий обзор в (Cinque 1999: 105–106). Так, в абхазском языке В. А. Чирикба описывает «притворное» наклонение (*pretensive mood*) с суффиксом *-šʷa* ‘как будто’ (‘as if’), передающим значение уподобления, ср. контексты типа ‘она притворилась, будто встает’. Конструкция включает также вспомогательный глагол (в обоих приводимых автором примерах это ‘делать’) (Chirikba 2003: 253). В грамматике (Аристава и др. 1968: 121) данная форма названа «призрачным наклонением» и описывается как выражающая «призрачность явления, то, что мерещится, мнится, представляется» (приводимые примеры имеют такие значения, как ‘им показалось, что якобы вышел Святой Георгий’, ‘он так стоит, будто взлетит’ и пр.).

Заметим, что термин «симулятив» использовался и применительно к данным нахско-дагестанских языков. В грамматике ицаринского языка даргинской группы описывается аналитическая симулятивная конструкция, состоящая из причастия или деепричастия и вспомогательного глагола *aǧ-*/*arǧ-* ‘идти, становиться’ (‘go, become’) в различных видо-временных формах. Функция конструкции состоит в обозначении «ситуации, которая выглядит, как будто действие главного глагола имеет место, хотя это неверно», при этом «агенс ситуации не обязательно притворяется, что осуществил ее: ложное впечатление может происходить из ошибки, определенных обстоятельств и т. п.». Так, пример (1) имеет следующее пояснение: «Были и другие люди, которые делали работу, или же, возможно, Мурад ничего не сделал, однако у всех возникло ложное ощущение, что вся работа была сделана им» (Sumbatova & Mutalov 2003: 111).

(1) *murad-il* *ʕaˁči* *baˁrq’-ib-li* *aǧ-ur-cab*
Murad-ERG work [N]do:PFV-PRET-CVB go:PFV-PRET-PRS[N]
‘It looks as if Murad did the whole job’. (Sumbatova & Mutalov 2003: 111)

Очевидно, что в конкретных языках значение «притворства» может выражаться конструкциями самого разного типа — это могут быть как специальные лексические единицы (матричные предикаты с сентенциальными актантами), так и грамматические конструкции

с вспомогательными глаголами более общей семантики или даже специализированные «претенсивные» аффиксы или клитики. Такие конструкции, в свою очередь, могут включать или не включать симилятивные/симулятивные показатели типа ‘как’, ‘будто’, ‘подобно’. Более того, конструкций «притворства» в одном языке вполне может быть несколько: например, в русском мы уже упоминали три лексических единицы, выражающих соответствующее значение, причем у каждой из них имеется более одной модели управления, в том числе с валентностью на ситуацию, объект или признак[1].

У нас нет никаких априорных ожиданий относительно того, как значение «притворства» будет выражаться в языках нахско-дагестанской семьи — выявление возможных стратегий как раз и является нашей задачей. При этом в рамках текущего пилотного исследования мы рассматриваем только один тип: это конструкция ‘сделать вид, что’ с сентенциальным актантом, описывающим «изображаемую ситуацию» и выраженным непереходной клаузой, при совпадении «субъекта притворства» с субъектом изображаемой ситуации.

3. Наши данные: одно предложение, шестнадцать языков

При глубоком изучении конструкций со значением «притворства» на материале нахско-дагестанских языков имело бы смысл привлечь к рассмотрению всю совокупность возможных источников данных. Сюда относятся как грамматические очерки соответствующих языков, так и словари, корпуса текстов и перевод заданных предложений (контекстов типологической анкеты) носителями языков. Для нашего пилотного исследования мы выбрали другой путь, а именно использование своего рода «параллельного корпуса», в котором имеется интересующий нас контекст со значением ‘сделать вид, что’, представленный в переводах на несколько языков.

---

[1] Ср. предикаты с сентенциальными актантами *притвориться* / *прикинуться* / *сделать вид, что* / *будто* (например, *Петя притворился, что не узнал Машу*) vs. предикаты с дополнением, выраженным именной группой в творительном падеже *притвориться* / *прикинуться кем-либо* / *чем-либо* (например, *Петя притворился Колей*) vs. предикаты с дополнением, выраженным прилагательным или причастием в творительном падеже *притвориться* / *прикинуться каким-либо* (например, *Петя притворился веселым*).

Использование параллельных корпусов в типологии имеет уже относительно длительную историю (ср. ранний обзор (Cysouw & Wälchli 2007)) и на сегодня представлено как минимум десятками работ. В случае привлечения особенно большого количества языков в подобных исследованиях могут использоваться как переводы классических произведений мировой литературы (в том числе детской, например, «Маленького принца» Сент-Экзюпери или «Гарри Поттера» Роулинг), так и официальные документы (ООН, ЮНЕСКО или Европарламента) или же субтитры к фильмам и телесериалам. Библия играет в исследованиях на основе параллельных корпусов не последнюю роль, будучи, вероятно, «самой переводимой» книгой в истории. Так, на библейских переводах основаны типологические исследования семантики основных глаголов движения (Wälchli & Cysouw 2012), парных слов (Wälchli 2005), категории перфекта и ямитива (Dahl & Wälchli 2016) и пр.

К сожалению, метод параллельных корпусов не так просто применить к языкам нахско-дагестанской семьи, на многих из которых письменность используется лишь ограниченно: трудно назвать хотя бы несколько произведений мировой литературы, переведенных на значительное число этих языков. Как ни странно, именно текст Библии является здесь исключением: благодаря деятельности российского Института перевода Библии за последние 20–30 лет на целый ряд нахско-дагестанских языков была переведена одна или несколько книг Библии (для некоторых крупных языков стал доступен полный перевод Нового Завета). В некоторых случаях перевод библейской книги становился первым или же самым объемным произведением, опубликованном на данном языке. Наиболее часто переводимым из всех книг Библии оказалось Евангелие от Луки: оно по состоянию на начало 2021 года имеется в переводе на 12 языков. Еще на один язык, удинский, Четвероевангелие было переведено в конце XIX века, а в начале XXI века современный перевод трех библейских книг был выполнен при участии переводческой компании *Ufuq-S*.

Выбор именно библейских текстов для лингвистического анализа может показаться неожиданным применительно к нахско-дагестанским языкам — помимо того, что Библия представляет собой переводной, а не оригинальный, текст, она не является традиционным компонентом культуры носителей этих языков (за исключением удин). Тем не менее, помимо доступности на наибольшем числе

языков семьи, о чем уже было сказано выше, библейские переводы обладают еще одним достоинством. В отличие от переводов художественной литературы, над каждым из которых, как правило, трудится один переводчик, в процесс библейского перевода вовлечена целая группа переводчиков и редакторов, а сам перевод проходит ряд стадий проверки и апробации[2]. По словам М. Е. Алексеева, возможность использования библейских переводов для сравнительного анализа обеспечивается «тем, что переводчики (исключая, впрочем, синодальный перевод) ориентировались на передачу смысловой структуры оригинала, не копируя способы ее поверхностной реализации» (Алексеев 2011: 98).

Прецеденты использования библейских переводов на нахско-дагестанские языки в лингвистических работах уже имеются. Так, именно примеры из удинского перевода Четвероевангелия анализируются в статье (Гигинейшвили 1959), посвященной противопоставлению двух основных форм прошедшего времени, и в недавней работе (Gippert 2011) о структуре удинских относительных предложений; ср. также исследование употреблений перфекта в удинском языке на материале современного перевода книг Руфь, Ионы и Евангелия от Луки (Майсак 2013; 2014). Ряд примеров сопоставительных исследований на материале нахско-дагестанских языков, с одной стороны, и русского и некоторых европейских языков, — с другой, рассмотрены в книге (Алексеев 2011: 98–144). Настоящая работа продолжает это направление, привлекая, однако, значительно большее число языков, чем это делалось ранее.

Как уже говорилось выше, интересующее нас значение ‘сделать вид, что’ фигурирует во второй части стиха Лк. 24:28 (современный перевод РБО: *Иисус сделал вид, что хочет идти дальше*, ср. синодальный перевод: *...и Он показывал им вид, что хочет идти далее*). Для нашего исследования мы взяли все переводы этого фрагмента на языках, для которых доступен текст Евангелия от Луки.

В таблице 1 перечислены языки нашей выборки: это 13 языков нахско-дагестанской семьи и 3 тюркских языка. Среди нахско-дагестанских языков представлены, хотя и неравномерно, все основ-

---

[2] О современных стандартах организации процедуры перевода Библии см., в частности, (де Ваард, Найда 1998: 228–253), об особенностях библейского перевода на языки России см. (Алексеев 2011: 74–92).

ные группы; единственным значимым исключением является отсутствие хиналугского, представляющего собой отдельную ветвь семьи. Определенный «перекос» наблюдается в области лезгинских языков: из девяти языков группы в выборку вошло шесть, что обусловлено тем, что все они являются письменными (что, к сожалению, неверно для большинства даргинских, андийских и цезских идиомов). При том, что языков в нахско-дагестанской выборке тринадцать, переводов привлечено к рассмотрению больше, пятнадцать. Связано это с тем, что для удинского языка доступно три перевода Евангелия от Луки, один конца XIX века (варташенский диалект) и два — начала XXI века (оба представляют ниджский диалект). Тюркские языки, как указывалось выше, были выбраны по ареальному принципу: все они представлены в Республике Дагестан, поэтому их данные представляют интерес в свете возможного контактного влияния (в том числе и на конструкцию с «предикатом притворства»).

В таблице 2 приведены те фразы, которые мы проанализировали, в алфавитном порядке языков. В случае, если интересующая нас часть входила в сложное предложение (ср. в русском переводе РБО: *Когда они подошли к деревне, куда держали путь, Иисус сделал вид, что хочет идти дальше*), мы оставляли для анализа только вторую часть.

Таблица 1. Языковая выборка

Нахско-дагестанская семья	*Лезгинская группа:*
Нахская группа:	лезгинский
ингушский	табасаранский
чеченский	агульский
Даргинская группа:	рутульский
литературный даргинский	цахурский
Лакский язык	удинский (три перевода)
Аваро-андийская группа:	
аварский	Тюркская семья
андийский	азербайджанский
Цезская группа:	кумыкский
бежтинский	ногайский

Таблица 2. Языковые данные

Язык	Перевод
аварский	*Жив дагьавги цевехун ине кколеб ххвел гьабуна гьес.*
агульский	*Іисайи Уч хъара гисаас тич ушуна ккандеяф суман акьуная.*
азербайджанский	*...вә О Өзүнү елә көстәрди ки, куја јолуна давам етмәк истәјир.*
андийский	*Жив колъило седи вулинну вуккуддягъодду ххвел игьидду гьошди.*
бежтинский	*Иса эченоцІечІе э^{н}кьецас хел бōйо.*
даргинский	*ГІисани вашес дигусиладариб.*
ингушский	*Іийсас Ше дІахо водаш хилара кеп оттайир.*
кумыкский	*...ва Иса Оьзю дагъы да ари гетме сюегенде йимик гёрюне.*
лакский	*Эсал, чІарах увккуну, гихунай ачай мишан дурну дур.*
лезгинский	*Исади Вич гьа хуьрелай анихъ физвайди хьиз къалурна.*
ногайский	*Иса йолын бардыргандай этти.*
рутульский	*ГьІасара джуды рахъІне хъІугъІус йигадбишдыбыр гьыъыри.*
табасаранский	*Исайи Чаз дилинтина гъягъюз ккунди айиганси улупури гъахьну.*
удинский (варт.)	*ваъ Шетін акІеснестІай шотІгъо нишІан, те бутІукъса тайсун тІечъо.*
удинский (нидж.)	*İsusen İçu iz yaq'a davam bala amdar k'inək'e taşeri.*
удинский (нидж.)	*İsusen İçu t'etəre taşeri ki, güvə hələ t'et'iinal t'ağay tağale.*
цахурский	*Мангъве манбишылхъа агагь гьаъа ки, гуя мани хивылер шахъана мана алгьааІ ворна.*
чеченский	*Іийсас Ша кхин а дІаваха воллу сурт хІоттийра.*

4. Анализ конструкций: лексика и грамматика

В данном разделе описывается структура предложений, передающих значение ‘сделал вид, что’ в языках нашей выборки; для большей компактности изложения и проведения предварительного сравнения языки объединены в генеалогические группы. Порядок изложения принят следующий: аваро-андийские и цезские языки,

нахские языки, лакский и даргинский, восточнолезгинские, западнолезгинские, удинский язык, тюрские языки.

Исходная строка оригинала оставлена без изменений, не считая разбиения на морфемы; добавлена строка глоссирования и буквальный перевод. После примера следует краткая характеристика его структуры и, при необходимости, другие комментарии. Хотя выявление того, как значение ‘сделать вид, что’ выражается в соответствующем языке по данным других источников (грамматик, словарей), не входило в нашу задачу, в некоторых случаях эта информация добавлена для лучшего понимания структуры анализируемой фразы.

4.1. Аваро-андийские и цезские языки

В трех языках из этих групп, вошедших в выборку, используются две разные конструкции: главным предикатом во всех случаях является сложный глагол ‘притворяться’ («притворство делать»), а зависимой клаузой может быть либо причастное определение к существительному ‘притворство’, либо финитный комплемент с квотативным показателем. В андийском и бежтинском существительное ‘притворство’, которое входит в состав сложного глагола, по всей видимости, заимствовано из аварского.

Аварский

(2) *Жи-в* *дагьа-в=ги* *це<в>ехун* *ине* *кк-ол-е-б*
сам-M[ABS] еще-M=ADD вперед<M> идти.INF случаться-PRS-PTCP-N
ххвел *гьабу-на* *гье-с.*
притворство[ABS] делать-AOR этот-ERG.M
букв. «(что) Он должен идти дальше вперед, Он притворился»

Предикат главной клаузы — *ххвел гьабуна* ‘притворился’ с субъектом-агенсом в эргативе. Существительное *ххвел* ‘притворство’ имеет препозитивное определение, возглавляемое причастием настоящего времени *кколеб*, т. е. структуру предложения можно передать как «он сделал [[он дальше вперед идти долженствующее] притворство]». Иначе, причастную клаузу можно рассматривать как реализующую сентенциальный актант: «он притворился, [что он должен идти дальше]»; этот анализ кажется нам менее удачным, но в настоящее время мы не располагаем аргументами для его исключения. Конструкция с глаголом *кквезе* ‘оказываться, случаться, становиться’

и инфинитивом имеет значение необходимости. Кореферентный субъекту главной клаузы *гьес* субъект зависимой *жив* выражен простым рефлексивным местоимением в форме абсолютива — в целом, употребление рефлексивов в составе зависимых клауз характерно для нахско-дагестанских языков (ср. (Тестелец, Толдова 1998)), и ниже мы увидим ту же стратегию в большинстве примеров.

Существительное *ххвел* отмечается в словаре (Гимбатов 2006: 745) со значением ‘притворство, симуляция’, ср. его там же как компонент сложного глагола *ххвел гьабизе* ‘притворяться, притвориться; делать вид’ (приводимый пример *бихьичIеб-рагIичIеб ххвел гьабизе* ‘делать вид, что не видел и не слышал’ также включает препозитивную причастную клаузу «невидимое-неслышимое»). Аналогично толкование в словаре андалальского диалекта (Саидова 2019: 478), ср. существительное *ххвел* ‘притворство, симуляция’, сложный глагол *ххвел гьубуде* ‘притворяться, делать вид’, пример использования *рагIчIаб ххвел гьубуде* ‘делать вид, что не слышал’ («неслышимое притворство делать»).

Андийский

(3) *Жи-в* *кольи=ло* *седи* *в-улин-ну*
сам-M[ABS] немного=ADD вперед M-уходить-INF
в-укку-дя=гъодду *ххвел* *игьи-дду* *гьо-ш-ди.*
M-должен-FUT=QUOT притворство[ABS] делать-PRF этот-OBL.M-ERG
букв. «(что) Он должен идти дальше вперед, мол, Он притворился»

Конструкция почти тождественна аварской: сложный предикат *ххвел игьидду* ‘притворился’ («притворство сделал») с эргативным субъектом и препозитивной зависимой клаузой, субъект которой выражен рефлексивом. Отличие состоит в том, что зависимая клауза оформлена квотативным показателем *=гъодду*, обычно используемым для передачи речи (на правой границе цитаты). Предикат зависимой клаузы *вуккудя*[3] имеет финитную форму футурума, которая характерна для модальных глаголов, выражающих состояние в настоящем.

Компонент сложного глагола ‘притворяться’ *ххвел* не удалось найти в доступных источниках по андийской лексике, за исключением диссертации Я. Г. Сулейманова, который упоминает фонетическое соответствие андийского /о/ в рикванинском говоре аварскому /ве/, приводя пример *ххол* ‘притворство, вид’ ~ *ххвел*; в другом месте ра-

[3] В оригинале опечатка: *вуккуддя*.

боты автор упоминает существительное *ххол* ‘внимание’ (Сулейманов 1957: 51, 108). В переводе Евангелия от Луки это слово имеет вид *ххвел*, тождественный аварскому; правда, сам перевод ориентирован скорее на собственно андийский говор, хотя в нем встречаются и элементы других говоров (рикванинского, гагатлинского).

Бежтинский

(4) *Иса* *эченоцI-ечIе*
Иисус[ABS] 1.останавливаться-CVB.PST.NEG
э^{н}кье-ца-с *хел* *б-ō-йо.*
1.уходить-PTCP.PRS-ATTR.ABS притворство[ABS] 3-делать-AOR
букв. «Иисус, не остановившись, уходящее притворство сделал»

Конструкция также близка к аварской: предикат *хел бōйо* ‘притворился’ («притворство сделал») с согласованием глагола ‘делать’ по 3-му классу с объектом *хел*. Препозитивная причастная клауза ‘Иисус не останавливаясь уходящее’ является определением к *хел* ‘притворство’. Эргативный субъект в главной клаузе не выражен, а в зависимой выражен полной именной группой *Иса* в абсолютиве.

Существительно *хел* ‘притворство’ (3-го класса) и глагол *хел бовал* ‘притворяться’ отмечены в словаре (Халилов 2015: 449). В грамматике *хел* упоминается среди аваризмов и приводится для иллюстрации соответствия аварского /хх/ бежтинскому /х/: *ххвел* ~ *хел* (Комри и др. 2015: 192).

4.2. Нахские языки

В обоих языках, попавших в нашу выборку, структура переводного предложения почти одинакова: использовано сочетание «сделать вид» (с разными словами, обозначающими ‘вид’) и зависимая клауза, которая является препозитивным определением к имени ‘вид’.

Ингушский

(5) *Iийса-с* *Ше* *дIахо* *в-ода-ш* *хила-р-а*
Иисус-ERG сам[ABS] дальше M-идти.IPFV-CVB быть-MSD-GEN
кеп *отта-йи-р.*
форма[ABS] стоять-CAUS.J-WPST
букв. «Иисус сделал Он дальше идущий вид»

В главной клаузе употреблен сложный глагол ‘сделать вид’, сочетание полнозначного глагола ‘класть, ставить’ (каузатива от ‘стоять’) с объектом *кеп* ‘форма, вид’ (тюркское заимствование). Каузативный суффикс, исходно представляющий собой глагол ‘делать’, согласуется по роду с объектом *кеп*. Субъект-агенс при главном предикате выражен эргативом *Іийсас* ‘Иисус’. Зависимая клауза номинализована и выступает в качестве определения имени *кеп*: ее предикат *водаш хилара* представляет собой аналитический презенс (имперфективное деепричастие + вспомогательный глагол) с вспомогательным глаголом в форме отглагольного имени (масдара). Субъект зависимой клаузы *Ше* кореферентен субъекту главной и выражен рефлексивным местоимением в абсолютиве, согласование в глаголе (мужской класс) контролируется абсолютивной именной группой.

В данном примере масдарная клауза, определяющая вершину ‘форма, вид’, выступает в генитиве. Конструкция *kep ottaju* (‘pretend’, lit. ‘make semblance, pose the appearance’) упоминается также в грамматике (Nichols 2011: 371), однако зависимая клауза в приводимом там примере содержит немаркированную форму масдара (абсолютив).

Чеченский

(6) *Іийса-с Ша кхин а дІа-в-ах-а*
Иисус-ERG сам[ABS] еще ADD PV-M-уходить-INF
в-олл-у сурт хІоттт-ий-ра.
M-находиться-PTCP.PRS образ.J[ABS] стоять-CAUS.J-WPST
букв. «Иисус сделал Он дальше собирающийся идти вид»

Структура чеченского предложения аналогична структуре ингушского: главный предикат ‘сделать вид’ выражен сочетанием глагола ‘класть, ставить’ (каузатив от ‘стоять’) и имени в абсолютиве *сурт* ‘рисунок, портрет, облик, внешний вид’ — это тоже заимствование, но на этот раз арабизм, широко распространенный в восточнокавказских языках. Сочетание *сурт хІоттō* со значением ‘а) сделать вид; б) представить, вообразить себе’ отмечается в словаре (Алироев 2005: 224).

Субъект главного предложения — эргативная именная группа *Іийсас* ‘Иисус’. Зависимая клауза является причастным определением к имени *сурт*. В отличие от ингушского примера, здесь аналитическая форма *дІаваха воллу* в зависимой клаузе представляет собой не

презенс, а форму намерения — сочетание инфинитива смыслового глагола с вспомогательным глаголом ‘собираться’ (ср. описание данной конструкции в (Халидов 2004: 45, 85 и др.)). Исходное значение глагола *далла* (с префиксальным классно-числовым показателем) — ‘заключаться, содержаться, находиться в чем-л.’ (Алироев 2005: 66).

Таким образом, близко к тексту перевод данного фрагмента из Лк. 24:28 можно передать как «Иисус сделал вид, что Он собирается идти дальше».

4.3. Лакский и даргинский языки

В лакском и даргинском языках в интересующих нас переводах используются совершенно разные конструкции, при этом в обоих случаях речь может идти о специализированных грамматических средствах выражения «притворства».

ЛАКСКИЙ

(7) *Эса-л, чIарах увкку-ну,*
Иисус-ERG мимо 1.выходить.PFV-CVB
гихунай ач-ай мишан-дур-ну д-ур.
дальше уходить-PTCP.PRS <притворяться>-4.делать.PFV-CVB 4-COP
букв. «Иисус, пройдя мимо, притворился идущим дальше»

Общая структура предложения такова: субъект-агенс в эргативе *Эсал* ‘Иисус’ и переходный предикат *мишандурну дур* ‘притворился, что’ в аналитической форме перфекта/результатива, имеющий препозитивный деепричастный сентенциальный актант *гихунай ачай* ‘уходящий дальше’; кроме того, главная клауза модифицирована деепричастной обстоятельственной клаузой *чIарах увккуну* ‘пройдя мимо’. В данной конструкции непонятен статус главного предиката, а именно сочетания *мишан* + глагол *дан* ‘делать’. Хотя это сочетание выглядит как сложный глагол, в качестве самостоятельного лексического входа оно не приводится в лакско-русском словаре (Хайдаков 1962). В русско-лакском словаре *мишан дан* фигурирует в качестве переводного эквивалента для глаголов *прикинуться* и *притвориться*, причем в словарном входе *притвориться* этот глагол записан с начальным дефисом (-*мишан дан*), а в приводимом там примере — слитно с предшествующим словом (*къашаймишан дан* ‘притвориться

больным’) (Джидалаев 1994: 620, 631). Аналогично слитно с предшествующим словом компонент *-мишан* записан в словарной статье *юродствовать* как один из переводных эквивалентов, ср. *авдалмишан руллан* (Джидалаев 1994: 917). Впрочем, в других источниках встречается и раздельное написание, ср. пример из художественной литературы *Нагу... уссара шанаши мишан дурну* ‘И я (…) притворялся спящим’ в (Казенин 2013: 307).

Как можно предварительно заключить, сочетание *мишан дан* со вторым компонентом — глаголом *дан* ‘делать’ представляет собой не столько сложный глагол, сколько особую конструкцию со значением «притворства», в которой ‘делать’ принимает сентенциальный актант, вводимый показателем *-мишан* (который, в свою очередь, является слабоавтономной единицей типа суффикса или энклитики). Этот показатель может примыкать к существительному (ср. *авдал* ‘юродивый’ в примере выше) либо форме презентного деепричастия (ср. *ачай* ‘идущий’, *къашай* ‘больной, букв. не могущий’, *шанаши* ‘спящий’ в примерах выше). Что касается этимологии показателя *мишан*, то она неизвестна, хотя нельзя не отметить сходства с существительным *ишан* ‘знак, сигнал, прицел’ (ср. также *лишан* ‘знак, признак’), распространенным персидским заимствованием в языках Дагестана. Так или иначе, *мишан* не является обычным симилятивнным показателем, который в лакском выглядит как *-куна*. В глоссах мы условно заключаем перевод «притворяться» в угловые скобки, хотя, возможно, *мишан* следовало бы обозначить и грамматическим ярлыком.

Даргинский

(8) *Гиса-ни в-аш-ес диг-уси-ла-дар-иб.*
Иисус-ERG М-идти.IPFV-INF хотеть.IPFV-PTCP-GEN-делать.PFV-PRET
букв. «Иисус сделал вид, что хочет идти»

Перевод интересующего нас фрагмента из Лк. 24:28 на даргинский литературный язык является наиболее лаконичным из всех и состоит всего лишь из трех слов: агентивного субъекта ‘Иисус’ в эргативе, сентенциального актанта, выраженного инфинитивной клаузой ‘идти’ (с согласованием по мужскому роду), и финитного предиката в форме аориста ‘сделал вид, что хочет’. Интерес представляет прежде всего структура финитного предиката, в котором вычленяются компоненты *дигусила* (форма генитива от имперфективного

причастия глагола ‘хотеть’) и *-дариб* (претерит глагола ‘делать’); глагол ‘делать’ в составе данной формы следует, вероятно, считать морфологизованным «легким», или вспомогательным, глаголом.

Конструкция «имперфективное причастие в генитиве + ‘делать’» со значением ‘притвориться, сделать вид’ является продуктивной и, в частности, встречается в ряде словарных входов словаря (Юсупов 2017), ср. (в форме перфективного инфинитива) *балусиладарес* ‘прикинуться знающим, сделать вид знающего, разумеющего’, *бусусиладарес* ‘притвориться спящим’, *дигусиладарес* ‘сделать вид, что нравится, что любит’, *изусиладарес* ‘прикинуться больным, симулировать болезнь’ и пр. Образуется она и от прилагательных и существительных (также в форме генитива), ср. *ахмахладарес* ‘притвориться, прикинуться дурачком’ (< *ахмах* ‘дурак’), *гIянцIсиладарес* ‘притвориться глухим’ (< *гIянцIси* ‘глухой’), *кепсиладарес* ‘сделать вид пьяного, уподобиться пьяному’ (< *кепси* ‘пьяный’). Заметим, что в глаголах с префиксальным классно-числовым показателем согласование сохраняется (ср. для *б-алусиладарес* формы других классов *в-алусиладарес*, *р-алусиладарес*, мн.ч. *д-алусиладарес*). Между тем, в компоненте *-дарес* бывший классно-числовой показатель множественного числа *д-* является в составе данной конструкции неизменяемым (ср. формы перфективного инфинитива глагола ‘делать’: *в-арес*, *б-арес*, *р-арес*, мн.ч. *д-арес*).

Хельма ван ден Берг среди глаголов с «исключительными» моделями управления упоминает глагол *ʕerdar* (*гIердар*) ‘притворяться’ с эргативным субъектом и генитивным объектом (van den Berg 2001: 58, 322). В словарях этот глагол толкуется как ‘1) прикинуться, притвориться, представиться, подделаться; скопировать; 2) передразнить’ (Юсупов 2017), ‘1) повести за собой, вслед; 2) скопировать (*повторить, воспроизвести, подражая кому-чему-л.*)’ (Абдуллаев 2017). Образован глагол от основы ‘делать’ при помощи локативного преверба *гIе-* ‘за’ с последующим показателем, указывающим на удаление (т. е. в целом значение сложного преверба — ‘из расположения сзади’). Таким образом, наряду с чисто лексическим выражением семантики «притворства» в даргинском существует и морфологизованная конструкция с генитивом причастия/прилагательного и глаголом ‘делать’, выражающая то же значение; именно эта вторая конструкция была использована в переводе Лк. 24:28.

4.4. Лезгинские языки: восточнолезгинские

Начнем рассмотрение данных лезгинских языков с трех языков восточнолезгинской подгруппы, которые проявляют частичную общность и в оформлении интересующей нас конструкции: в частности, во всех трех языках зависимая клауза маркирована симилятивным показателем сравнения ‘как, словно’.

Лезгинский

(9) *Иса.ди Вич гьа хуьр.е-лай анихъ*
Иисус(ERG) сам[ABS] тот село-SUP.EL по_ту_сторону
фи-зва-й-ди хьиз къалур-на.
уходить-PRS-PTCP-SUBST словно показывать-AOR
букв. «Иисус, (что) Он за то село идущий словно, показал»

Предикатом данного предложения является переходный глагол *къалурна* ‘показал, изобразил’, имеющий субъект в эргативе. Всю остальную часть предложения можно считать зависимым при главной клаузе *Исади ... къалурна* ‘Иисус показал’. Зависимая клауза вводится показателем симилятивного сравнения *хьиз* ‘как, словно’, которому предшествует именная группа «Сам дальше за то село идущий»: форма причастия настоящего времени *физвай* субстантивирована и выступает в форме абсолютива, субъект при глаголе ‘идти, уходить’ выражен рефлексивом *Вич*, также в форме абсолютива.

Описывая адвербиальный сравнительный показатель *хьиз* ‘как, словно’, Мартин Хаспельмат упоминает, что при бытийном предикате или глаголе ‘видеть’ конструкция с этим показателем передает значение ‘кажется, будто’ или ‘выглядит, будто’ (Haspelmath 1993: 438). Пример (9) из перевода Лк. 24:28 можно считать разновидностью этой («симулятивной», в современной терминологии) конструкции, только вместо глагола ‘видеть, казаться’ использован агентивный глагол ‘показывать’. При глаголе ‘делать’ конструкция имеет значение ‘притворяться’, ср. пример (10), иллюстрирующий последний случай (букв. «Саидов сделал, словно сам не видевший»).

(10) *Saidov.a wiči-z t-akwa-zwa-j-di x̂iz awu-na.*
Saidov(ERG) [self-DAT NEG-see-PRS-PTCP-SUBST] like do-AOR
‘Saidov pretended that he did not see [it].’ (Haspelmath 1993: 438)
‘Саидов притворился, что он не видел (этого)’.

ТАБАСАРАНСКИЙ

(11) *Иса.йи* *Ча-з* *дилин-тина* *гъягъю-з* *ккун-ди*
Иисус(ERG) сам-DAT оттуда-туда 1.уходить-INF хотеть-CVB
а-йи-ган-си *улупу-ри* *гъахь-ну*
IN.быть-PTCP-TEMP-словно показывать.IPFV-CVB стать.PFV-AOR
букв. «Иисус, (что) Он хочет туда дальше идти словно, показал»

Здесь главным предложением также является переходная клауза *Исайи ... улупури гъахьну* ‘Иисус показал/показывал’ (исключение состоит только в том, что использована аналитическая форма). Между субъектом и предикатом вложена зависимая клауза, на правой границе которой также находится показатель симилятивного сравнения. Зависимая клауза устроена иначе, чем в лезгинском, и может быть переведена как «когда Он хотел пойти туда дальше». Субъект при глаголе ‘хотеть’ имеет форму датива и выражен рефлексивным местоимением. Аналитическая форма глагола ‘хотеть’ (деепричастие + вспомогательный глагол ‘быть, находиться внутри’) сопровождается темпоральным показателем *-ган*, образующим деепричастия со значением ‘когда’ (ср. *гъафи-ган* ‘когда пришел’), а также наречия времени (ср. *хябяхъ-ган* ‘вечером’).

Значение сочетания темпоральной формы с симилятивной частицей можно буквально представить как ‘как (тогда,) когда хотел’. В качестве особого средства выражения сравнения на клаузальном уровне («симилятивного конверба») форма на *ганси* рассматривается в работе (Babaliyeva 2013: 247–248, 305–306): как отмечает автор, в данном сочетании бывший конверб на *-ган* «теряет свое темпоральное значение».

АГУЛЬСКИЙ

(12) *Iиса.йи* *Уч* *хъара* *гисаас* *тич* *ушу-на*
Иисус(ERG) сам[ABS] еще оттуда туда уходить.PFV-CVB
кканде-я-ф *суман* *акьу-ная.*
нужно-PTCP-SUBST[ABS] словно делать.PFV-PRF
букв. «Иисус, (что) Ему нужно туда дальше идти словно, показал»

Предложение по общей структуре сходно с лезгинским и табасаранским: главное предложение — *Iисайи ... акьуная* ‘Иисус сделал’, внутри него находится зависимое, представляющее собой субстантивированную причастную клаузу с показателем симилятивного

сравнения. Отличие состоит в том, что в качестве главного предиката здесь выступает не глагол ‘показать’ — использована конструкция с глаголом ‘делать’, которая для лезгинского отмечается как выражающая значение ‘притворяться’ (буквально ее структуру можно передать как «сделал как тот, которому нужно идти дальше»). Глагол ‘любить, хотеть, быть нужным’ в данном случае выступает именно в значении необходимости, на что указывает выбор комплемента с вершиной в форме перфективного деепричастия *ушуна* (в значении ‘хотеть’ комплемент оформлялся бы инфинитивом).

4.5. Лезгинские языки: западнолезгинские

Обратимся теперь к данным западной подгруппы лезгинских языков, в которую входят рутульский и цахурский. В имеющихся переводах фразы в этих языках использованы совершенно различные конструкции: структура цахурского предложения стоит ближе к тому, что мы увидим в удинском и азербайджанском языках.

Рутульский

(13) *ГъIаса-ра джу-ды рахъI-не хъI-угъIу-с*
Иисус-ERG 1.сам-ATTR дорога-ADV RE-уходить-INF
йига-д-биш-ды-быр гьыъы-р-и.
хотеть.IPFV-ATTR-OBL.HPL-ATTR-PL[ABS] NPL.делать.PFV-CVB-COP
букв. «Иисус своей дорогой пойти желающие сделал»

Структура этого предложения на первый взгляд стандартна: субъект-агенс *ГъIасара* ‘Иисус’ в эргативе, «тяжелая» пациентивная именная группа во множественном числе, переходный предикат *гьыъыри* ‘сделал’ в аналитической (но морфологизованной) форме аориста. Нетривиальной кажется собственно пациентивная именная группа, а точнее ее вершина. Она представляет собой субстантивированную форму имперфективного причастия *йигад* глагола ‘хотеть’ (атрибутивный показатель *-д/-ды* обязателен на причастии, как и на ряде других определений, ср. форму рефлексива *джу-ды* ‘свой, его’). Этот глагол имеет комплемент, возглавляемый инфинитивом. Атрибутивная форма рефлексива *джуды* является определением к ‘дороге’ (‘своей дорогой пойти’). Глагол *гьыъыри* имеет «нулевой» классно-числовой показатель, т. е. потенциально может иметь в качестве контролера согласования именную группу 1-го (мужского) или 4-го

(неодушевленного) класса единственного числа либо 3-4 (неличных) классов множественного числа; в данном случае контролером может быть только форма *йигадбишдыбыр*, которая, тем самым, имеет признак множественного числа неличного класса[4].

Морфологическая структура причастной формы такова: *йига-* — это основа глагола желания, *йига-д* — это атрибутивная форма этого глагола (традиционно называемая причастием), с ней совпадает и субстантивированная форма абсолютива единственного числа ‘желающий, желаемый’. Абсолютив множественного числа причастия выглядел бы как *йига-д-быр* ‘желающие, желаемые’, косвенная же основа множественного числа имеет вид *йига-д-биш-*. В атрибутивном склонении противопоставлены косвенная основа множественного числа личных и неличных референтов, и *-биш-* является именно показателем «личной» косвенной основы (т. е. мужского либо женского класса). Таким образом, референт *йига-д-биш-* — это ‘те, кто хотят’ (а не, например, ‘те объекты желания’: суффикс «неличной» косвенной основы имел бы вид *-мы-*, а не *-биш-*). Далее, *йигадбиш-ды* — это атрибутивная форма от *йигадбыр* ‘желающие’, т. е. ‘тот, который относится к желающим’, а *йигадбишды-быр* — это субстантивированная форма множественного числа от этой атрибутивной формы, т. е. ‘те, которые относятся к желающим’. Как видно по согласованию с глаголом ‘делать’, референт *йигадбишдыбыр* является неличным, т. е. это ‘те (объекты, вещи), которые относятся к желающим (людям)’.

Атрибутивную форму множественного числа «личного» класса от причастия можно встретить в текстах, она имеет стандартное значение ‘относящийся к тем, что осуществляет действие’. Ср. выражение «главный из собирающих дань», используемое в переводе Евангелия от Луки для обозначения главного сборщика податей (14): здесь форма сложного глагола *ягъмиш гьаъадбишды* буквально означает ‘относящийся к тем (людям), кто собирает’.

(14) *кире ягъмиш гьаъа-д-биш-ды кьухь-ды*
плата[ABS] собирать 4.делать.IPFV-ATTR-OBL.HPL-ATTR старший-ATTR[ABS]
{В городе был человек по имени Закхей,} ‘главный сборщик податей…’ (Лк. 19:2)

---

[4] Заметим, что в даргинской конструкции «окаменевший» классный показатель в глаголе ‘делать’ также содержит классно-числовой показатель множественного числа, хотя контролер согласования в конструкции отсутствует.

Форма причастия множественного числа на *-бишды-быр* не встретилась нам вне контекста «притворства». В русско-рутульском словаре, при отсутствии словарных входов для *притворяться* или *прикидываться*, для одного из значений глагола *корчить* приводится пример (15), в котором мы видим ту же конструкцию, что в (13) выше (букв. «делает он хорошо языки знающие»). Встречается она и в текстах на рутульском языке с тем же значением ‘притворился, сделал вид’.

(15) *джу-с йых-ана ч1ел-быр*
1.сам-DAT хороший-ADV язык-PL[ABS]
гьац1а-д-биш-ды-быр гьаъа-р-а
NPL.знать.IPFV-ATTR-OBL.HPL-ATTR-PL[ABS] NPL.делать.IPFV-CVB-BE
‘{корчи}ть из себя знатока языка’ (Исмаилова 2011: 135)

Таким образом, относительно рутульской «конструкции притворства» *-бишдыбыр гьаъас* с глаголом ‘делать’ и субстантивированным множественным числом атрибутива от (субстантивированного же) причастия «личного» класса можно утверждать, что мы в данном случае имеем дело именно с особой, идиоматизированной «конструкцией», в рамках которой использование соответствующей формы зависимого глагола не является синхронно прозрачным. Вероятно, исходную структуру конструкции можно реконструировать как «X делает вещи, относящиеся к (или: подобные) тому, что делают участники ситуации P».

ЦАХУРСКИЙ

(16) *Ма-н-гъв-е ма-н-бишы-л-хъа агагь*
тот-ATTR-OBL.M-ERG тот-ATTR-OBL.HPL-SUP-ALL сведущий
гьаъа ки, гуя ма-ни хив.ы-л-е=р ша-хъа
4.делать.IPFV COMP будто тот-ATTR.OBL село-SUP-EL=ADD.1 там-ALL
ма-на алгьааI во-р-на.
тот-ATTR[ABS] 1.уходить.IPFV COP-1-ATTR
букв. «Он им сообщил, что якобы из того села туда он идет»

Цахурский перевод отличается от всех рассмотренных ранее вариантов в ряде отношений. Прежде всего, сентенциальный актант оформлен здесь не по типичной «дагестанской» стратегии с использованием нефинитных форм, а скорее по «индоевропейской» модели — с использованием комплементайзера *ки* (азербайджанское заимство-

вание, исходно из иранских языков), вводящем постпозитивную финитную клаузу. Главный предикат — переходный сложный глагол *агагь гьаъа* — представляет проблему для анализа. В словаре (Ибрагимов, Нурмамедов 2010: 22) отмечается целых два словарных входа для существительного *агагь*, один с переводами и примерами «1. Догадка. *Агагь гьимааъа* Не устраивай догадку. 2. Если. *Агагь гъу арые* Если ты придешь. 3. Надежда, -ы. *Йизда агагь валхъа вобна* Мои надежды на тебя // Надеюсь на тебя», другой с переводами и примерами «1. Возможность. *Йизди мей са агагь гьеэъэ* Ради меня найди возможность. 2. Если. *Агагь ахыIе, айре* Если сможешь, приходи». Сложный глагол *агагь гьаъас* в словаре не отмечен. Само по себе слово *агагь* является азербайджанским заимствованием, и в толковании *agah* как прилагательного в азербайджанско-русском словаре мы находим значение «1. осведомлённый, сведущий; 2. бдительный; 3. трезвый; 4. предупреждённый о чём-л.», а также сложный глагол *agah etmək (eləmək) kimi* ‘осведомлять, осведомить кого, дать знать кому’ (например, *agah et bizi* ‘поведай нам’) (Tağıyev 2006, I: 48). Вероятно, цахурское *агагь гьаъас* калькировано именно с азербайджанского *agah etmək* с глаголом ‘делать’ и означает что-то вроде ‘сообщить, дать знать’. Местоимение множественного числа в форме супераллатива *манбишылхъа* выражает адресата сообщения (‘сообщил им’, т. е. ученикам).

После комплементайзера *ки* следует финитная клауза ‘он из того села туда (т. е. дальше) идет’ с аналитической формой дуратива. Обращает на себя внимание, что в начале этой клаузы имеется частица *гуя*. В словаре (Ибрагимов, Нурмамедов 2010) она не отмечается, а ее азербайджанский оригинал *guya* является начальной частицей со значением ‘будто, будто бы, как будто’, ср. *Guya o mənə deyib* ‘будто он говорил (сказал) мне’ (Tağıyev 2006, II: 306). Таким образом, именно этот компонент ответствен за «симулятивную» семантику конструкции.

Заметим, что в грамматике (Кибрик, Тестелец 1999: 572) отмечается предикат *aˁmalbɨ haʔas* ‘притвориться, будто’, букв. «хитрости делать», с эргативным субъектом и сентенциальным актантом, вводимым симилятивной частицей *xinne* ‘как, словно’. Аналогичные сложные глаголы со словом ‘обман, хитрость’ имеются и в некоторых других лезгинских языках (агульском, табасаранском), однако, как и в цахурском, для интересующего нас контекста Лк. 24:28 переводчики предпочли другой вариант.

4.6. Лезгинские языки: удинский

Для удинского языка мы рассмотрим три варианта перевода, в том числе наиболее ранний из сохранившихся, выполненный в конце XIX в.[5] Для единообразия мы приводим все удинские оригиналы в кириллической транскрипции, которая была использована в словаре (Гукасян 1974) (оригинальное написание для переводов 2011 и 2019 гг. см. в таблице 2; оригинальное написание для перевода 1902 г. не приводится ввиду наличия ряда идиосинкратических транскрипционных знаков).

УДИНСКИЙ, перевод 1902 года

Перевод четырех Евангелий на варташенский диалект удинского языка в последние годы XIX в. выполнил священник из г. Варташен Семен Бежанов при помощи своего брата Михаила Бежанова; он был опубликован в 1902 г. с параллельным русским текстом, см. также обновленное переиздание в латинской транскрипции (Schulze 2001).

(17) *ваъ Ше-тI-ин акI-ес-не-стIа-й шо-тI-гъо*
и тот-OBL-ERG видеть-INF-3SG-CAUS+PRS-PST тот-OBL-PL.DAT
нишIан, те бу-тIу-къ-са тай-сун тIе-чъо.
знак[ABS] что хотеть-3SG.DAT-ST-PRS уходить-MSD[ABS] тот-сторона
букв. «и Он показывал им знак, что хочет идти в ту сторону»

Как и рассмотренное выше цахурское предложение, этот удинский перевод демонстрирует «индевропейскую» стратегию комплементации: главная клауза, комплементайзер *те* и зависимая финитная клауза. В главной клаузе предикатом является переходный глагол *акIеснестIай* в форме имперфекта (образован от презенса при помощи клитики прошедшего времени *-й*). Этот глагол представляет собой каузатив от *акIес* ‘видеть’: каузативы в удинском строятся по модели сложных глаголов с инфинитивом и «легким глаголом» *-д-* (ср. *акIес* ‘видеть’ > **акIес-д-* ‘показывать’). В форме презенса *акIеснестIа* между инфинитивом и легким глаголом располагается

[5] Перевод Евангелия от Луки с большой долей вероятности мог быть сделан более тысячи лет назад и на агванский (кавказско-албанский) язык, который — с некоторыми оговорками — считается предком удинского, однако в дошедших до нас фрагментах «Синайского палимпсеста», опубликованных в (Gippert et al. 2008), отрывка Лк. 24:28 нет.

личная эндоклитика 3-го л. ед.ч. *-не*; кроме того, сочетание *-д-* и показателя презенса *са* подвергается метатезе (исходная структура имеет вид **акIес-не-д-са*).

Зависимая клауза включает финитную форму презенса *бутIукъса* ‘хочет’ — поскольку этот глагол относится к классу экспериенциальных, при нем используется личная эндоклитика 3-го л. ед.ч. *-тIу-* особой «дативной» серии. При глаголе желания субъект не выражен, а комплемент возглавляется формой масдара (отглагольного имени). Таким образом, в целом оба компонента предложения сугубо «индикативны» и не содержат никакого показателя, который бы отвечал за «симулятивность» происходящего. Иными словами, в данном случае никак не подчеркивается, что субъект только «сделал вид», что хочет пойти куда-то: возможно, он действительно собирался идти дальше. В целом перевод Бежановых нередко называют слишком буквально следующим русскому оригиналу (Schulze 2001: 13–28), и данное конкретное место не кажется исключением — ср. синодальный перевод: *...и Он показывал им вид, что хочет идти далее*.

УДИНСКИЙ, перевод 2011 года

Два других перевода сделаны в начале XXI века и представляют уже ниджский диалект. Сначала рассмотрим вариант из издания Евангелия от Луки 2011 года.

(18) *Исус-ен Ич-у из йакъ-а давам*
Иисус-ERG сам-DAT сам.GEN дорога-DAT продолжать
б-ала амдар кIинаькI-е ташер-и.
делать-PTCP:IPFV человек[ABS] как-3SG уносить-AOR
букв. «Иисус повел себя, как свой путь продолжающий человек»

Ядром данного предложения является *Исусен Ичу ... ташери*, буквально ‘Иисус повел себя’ (датив в удинском языке — основное средство кодирования определенных пациенсов). Глагол *ташес* имеет значения ‘нести, уносить’ и ‘вести, уводить’, а сама конструкция «вести себя», вероятно, калькирована с азербайджанского *özünü apartmaq* с теми же компонентами либо с русского. «Симулятивное» зависимое при предикате вводится показателем *кIинаькI* ‘как, словно’, следующим за абсолютивной именной группой ‘свой путь продолжающий человек’: компонент сложного глагола *давам* заимствован из азербайджанского, как, возможно, и в целом вся конструкция ‘продолжать свой путь’

(ср. азерб. *yoluna davam etmək*, букв. «в дорогу продолжение делать»). Таким образом, предложение можно перефразировать как «Иисус повел себя как человек, который будет продолжать путь».

УДИНСКИЙ, перевод 2019 года

Обновленный перевод Евангелия от Луки выполнен в рамках текущего проекта по переводу Библии на ниджский диалект компанией *Mozaika-T MMC*. Мы признательны Корине Ван Виллиген за возможность ознакомиться с переводом, который в настоящее время готовится к изданию под эгидой Библейского общества Азербайджана.

(19) *Исус-ен Ич-у тIетаьр-е ташер-и ки,*
Иисус-ERG сам-DAT так-3SG уносить-AOR COMP
гуьваь гьаьлаь тIетIиин=ал тIагъай тагъ-ал-е.
будто еще оттуда=ADD туда уходить-FUT-3SG
букв. «Иисус повел себя так, будто он пойдет еще оттуда туда»

Здесь мы снова видим конструкцию с «индоевропейским» подчинением: главная клауза ‘Иисус повел себя так’, комплементайзер *ки*, с которым мы уже встречались в цахурском примере, и финитная зависимая клауза. *Ки* чрезвычайно частотен в ниджском диалекте и заимствован из азербайджанского (тогда как его аналог *те* в варташенском диалекте — из армянского). В зависимой клаузе нет показателя сравнения, однако снова, как и в цахурском, имеется начальная частица *гуьваь* ‘будто’, заимствованная из азербайджанского (и чуть фонетически измененная). Наконец, выражения типа «оттуда туда» уже также были использованы в ряде из рассмотренных ранее примеров в контексте указания на продолжение пути.

4.7. Тюрские языки

В трех рассмотренных тюркских языках конструкции, использованные в соответствующих переводах предложения, оказались совершенно различными.

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЙ

(20) *…вә О Өз-ү-нү елә көстәр-ди ки,*
и он сам-POSS.3-ACC так показывать-PST что

ҡуја јол-у-на давам ет-мәк истә-јир.
будто дорога-POSS.3-DAT продолжение делать-INF хотеть-PRS
букв. «и Он показал себя так, будто хочет продолжать свой путь»

Структура этого предложения аналогична структуре варташенского удинского (с поправкой на аккузативное падежное кодирование): главное предложение ‘он показал себя так, что’ с комплементайзером *ки*, вводящем финитное зависимое ‘будто хочет продолжать свой путь’ (со сложным глаголом ‘продолжать’ = «продолжение делать»). С начальным показателем *guya* ‘будто’ в зависимой клаузе мы уже встречались в цахурском переводе (16).

Кумыкский

(21) *...ва Иса Оьз-ю дагъы да ари*
и Иисус сам-POSS.3 еще ADD дальше
гет-ме сю-еген-де йимик гёр-юн-е.
уходить-INF хотеть-PTCP.PRS-LOC подобно видеть-PASS-PRS
букв. «и Иисус выглядит так, словно хочет идти еще дальше»

Структура этого предложения напоминает один из типов, который мы наблюдали в нахско-дагестанских языках: начальный субъект и конечный финитный глагол, между которыми располагается зависимая клауза. Ядро предложения — *Иса … гёрюне* ‘Иисус выглядит/кажется’, зависимая причастная клауза в локативной форме содержит конечный симилятивный показатель *йимик* и буквально может быть переведена как ‘как когда хочет идти еще дальше’.

Ногайский

(22) *Иса йол-ы-н бар-дыр-ган-дай эт-ти.*
Иисус дорога-POSS.1-ACC идти-CAUS-PTCP-SIMIL делать-PST
букв. «Иисус сделал, словно продолжая путь»

Данный перевод является одним из наиболее коротких и отчасти напоминает даргинский пример (8). Между членами главного предложения *Иса ... этти* ‘Иисус сделал’ располагается зависимое, причем на глаголе выделяется симилятивный показатель *-дай*. Вершина зависимого предложения — причастие на *ган* от каузатива глагола движения *бар-* ‘идти’. Как отмечается в грамматике (Баскаков 1973:

259), сочетание причастия на *ган* с «аффиксом уподобления» *-дай* функционирует как особое «деепричастие уподобления», ср. приводимый в описании пример *Атлыдынъ астындагы аты, бир зат* ***сезгендей*** *болып, пыскыра-пыскыра барады* ‘Лошадь всадника, будто почуяв что-то, шла пофыркивая’.

5. Обсуждение: выявленные модели

Структура шестнадцати предложений, которые были проанализированы выше, в схематическом виде суммирована в таблице 3 (языки упорядочены по алфавиту). Во втором столбце представлена общая схема предложения, отражающая порядок основных компонентов: субъект, главный предикат, зависимый предикат; главный предикат здесь представлен в обобщенном виде. В третьем столбце дается буквальный перевод главного предиката, а в четвертом указывается форма предиката в зависимой клаузе и, при их наличии, используемые в ней служебные слова. Звездочкой обозначена морфологизация компонентов главного и зависимого предикатов.

Для **общей схемы предложения** выделяется три варианта: препозиция зависимой клаузы, ее постпозиция и ее вложение между субъектом и предикатом главной (о том, как в точности понимается «зависимая клауза», см. ниже). Первый вариант (схема «[…] вид сделал он») представлена только в близкородственных аварском, андийском и бежтинском языках; вопрос о том, связан ли выбор данной схемы со структурным сходством этих языков либо с влиянием аварского перевода на переводы на два малых языка, мы оставляем за пределами нашего рассмотрения. Схема с постпозицией зависимого предиката ожидаемо представлена в двух тюркских языках и в двух языках лезгинской группы — удинском и цахурском, в которых соответствующая модель развилась в результате контакта с азербайджанским (в удинском — также армянским). За исключением кумыкского, постпозитивная зависимая клауза в языках этой группы вводится комплементайзером и содержит финитную форму глагола. Кумыкское предложение представляет промежуточный случай — в нем использовано постпозитивное, но нефинитное зависимое. Наконец, в остальных десяти языках зависимая клауза, выражающая изображаемую ситуацию, располагается после субъекта (‘Иисус’) и до главного предиката.

Для выражения **главного предиката** используется целый ряд различных глаголов и сочетаний. В шести случаях это сложные глаголы со значением ‘сделать вид’: в аварском, андийском и бежтинском это сочетание «притворство делать» с существительным ‘притворство’, по всей видимости, заимствованным из аварского в два малых языка, однако в самом аварском исконное. В чеченском и ингушском языках использовано сочетание «вид класть» с двумя разными, но в обоих случаях заимствованными существительными (тюркизмом и арабизмом) со значением ‘вид, образ, форма’. Наконец, сочетание вида «сведущий делать», используемое в цахурском, также содержит заимствованное имя и, по всей видимости, калькировано с азербайджанского эквивалента. В четырех языках (азербайджанском и трех лезгинских) использован переходный глагол ‘показывать’, в одном языке (кумыкском) — непереходный ‘выглядеть, казаться’. В двух современных удинских переводах главный предикат выражен сочетанием ‘вести себя (так, что)’. Наконец, наиболее интересная группа из пяти языков в качестве главного предиката использует глагол ‘делать’, так что специфический смысл ‘сделать вид, притвориться’ возникает в этих переводах только за счет комбинации с определенной формой зависимого. В двух языках глагол ‘делать’ выступает (в литературном даргинском) или может выступать (в лакском) в морфологизованной конструкции.

Наибольшее разнообразие наблюдается в оформлении **зависимой клаузы**, описывающей изображаемую ситуацию. Статус такой «зависимой клаузы» может быть различным — она может оформлять сентенциальный актант при глаголе ‘сделать вид’, служить определением к существительному ‘вид’ или выполнять другие функции. В пяти случаях зависимая клауза является комплементом, включающем финитную форму глагола. В четырех переводах (азербайджанском, двух удинских и цахурском), как уже говорилось выше, использована структура с подчинением «индоевропейского» типа: финитное зависимое находится в постпозиции к главному предикату и вводится начальным (по отношению к зависимой клаузе) комплементайзером. В андийском языке реализуется финитная стратегия другого типа: зависимая клауза препозитивна по отношению к главному предикату и закрывается квотативным показателем; тем самым, конструкция «притворства» здесь максимально близка к конструкции передачи речи. В нашей выборке это единственный случай, ко-

гда клауза, описывающая изображаемую ситуацию, маркируется квотативом, хотя типологически такое оформление не уникально[6].

В подавляющем большинстве переводов (а именно, в двенадцати) предикат зависимой клаузы имеет форму причастия, хотя статус причастной клаузы в этих случаях может быть различен. Так, в четырех языках (аварский, бежтинский, ингушский и чеченский) причастная клауза является определением к существительному ‘вид’ как компоненту предиката ‘сделал вид’: здесь представлена структура типа «он [дальше идущий] вид сделал».

В шести переводах в зависимой клаузе использован показатель симилятива — во всех этих случаях это постпозитивная частица или суффикс. Так, в агульском и лезгинском зависимое содержит субстантивированную форму причастия и показатель симилятива (структура типа «как идущий дальше»), в одном из удинских переводов причастная клауза определяет именную группу ‘человек’ с показателем симилятива (структура типа «как [идущий дальше] человек»), в кумыкском причастие выступает в локативном падеже, в данном случае с временным значением (структура типа «как когда идущий дальше»). В ногайском же языке сочетание причастия с показателем симилятива представляет собой скорее особый «уподобительный» конверб, так что общая структура зависимого может быть перифразирована как «словно идя дальше».

Заметим, что в двух переводах, в которых зависимое оформлено по финитной стратегии с комплементайзером (цахурский и один из удинских), также используется дополнительный показатель, однако скорее симулятивный, чем симилятивный — это начальная частица ‘будто’, пришедшая из азербайджанского *guya*.

Наконец, три языка стоят в нашей микротипологии особняком, хотя формально во всех трех из них также использована причастная форма глагола в зависимой клаузе; во всех этих языках главным предикатом является глагол ‘делать’. В лакском особый показатель *мишан*, возможно, является компонентом сложного предиката, при

---

[6] Так, А. Айхенвальд упоминает использование квотативных или репортативных показателей в контекстах притворства, в т. ч. в ситуации распределения ролей в детских играх, в колумбийском испанском, австралийских языках вальпири и янкуньтятяра и западногренландском языке (Aikhenvald 2004: 142–143, 181–182).

Таблица 3. Структура проанализированных предложений

Язык	Общая схема предложения	Главная клауза	Зависимая клауза
аварский	[…] вид сделал он	притворство делать	причастие
агульский	Иисус […] вид сделал	делать	причастие (субст.) + SIMIL
азербайджанский	Он сделал вид, что […]	показывать	финитная, с комплементайзером
андийский	[…] вид сделал он	притворство делать	финитная + QUOT
бежтинский	[…] вид сделал он	притворство делать	причастие
даргинский	Иисус […] вид сделал	делать*	генитив причастия
ингушский	Иисус […] вид сделал	вид класть	причастие
кумыкский	Иисус выглядел, будто […]	выглядеть	причастие (лок.) + SIMIL
лакский	Иисус […] вид сделал	*-мишан* + делать*	причастие*
лезгинский	Иисус […] вид сделал	показывать	причастие (субст.) + SIMIL
ногайский	Иисус […] вид сделал	делать	причастие + SIMIL
рутульский	Иисус […] вид сделал	делать	причастие (субст., атриб., мн.ч.)
табасаранский	Иисус […] вид сделал	показывать	темпоральная форма + SIMIL
удинский (варт.)	Он сделал вид, что […]	показывать	финитная, с комплементайзером
удинский (нидж.)	Иисус себя […] повел	вести себя	причастие + ‘человек’ + SIMIL
удинский (нидж.)	Иисус повел себя так, что […]	вести себя	финитная, с комплементайзером и частицей ‘будто’
цахурский	Он сделал вид, что […]	сведущий делать	финитная, с комплементайзером и частицей ‘будто’
чеченский	Иисус […] вид сделал	вид класть	причастие

этом он может либо сливаться с «легким глаголом» ‘делать’, либо же, наоборот, примыкать к причастию в препозитивной зависимой клаузе. В рутульском в роли объекта при глаголе ‘делать’ выступает субстантивированная форма множественного числа от атрибутивной формы причастия (с некоторой долей условности можно назвать атрибутивную форму генитивом причастия). В даргинском также использован генитив причастия, хотя морфологически он слит с глаголом ‘делать’, причем «окаменевший» классно-числовой показатель на глаголе — тоже множественного числа. Очень условно перефразировать обе конструкции, рутульскую и даргинскую, можно следующим образом: значение ‘сделал вид, что хочет идти дальше’ выражено как «сделал (вещи,) которые связаны с желающим(и) пойти». Именная вершина в двух последних языках опущена, и в целом «конструкции притворства» в них представляются наиболее идиоматичными.

Заключение

Итак, мы проанализировали перевод одного и того же контекста в Евангелии от Луки (*Иисус сделал вид, что хочет идти дальше*, Лк. 24:28) на шестнадцать языков, в числе которых тринадцать языков нахско-дагестанской семьи, принадлежащих всем ее основным ветвям. Сделано это было с целью установить средства выражения значения ‘сделать вид’, ‘притвориться’ в языках семьи, сопоставив их не только между собой, но и с тремя тюркскими языками восточнокавказского ареала. Поскольку с семантической точки зрения данный контекст является достаточно маргинальным, априорных ожиданий ни о способе его выражения, ни о степени вариативности в языках нашей выборки у нас не было. Из типологических работ мы знали лишь, что выражение значения «притворства» может быть релевантным, с одной стороны, для комплементации, с другой — для сравнительных конструкций, а кроме того, не исключено и наличие специализированных грамматических средств кодирования этого значения.

Как показало наше внутригенетическое микроисследование, вариативность в средствах выражения интересующего нас значения оказалась чрезвычайно высокой. Так, можно заметить, что в таблице 3,

представляющей средства выражения в обобщенном схематическом виде, совпадают только три пары строк (это аварский и бежтинский, ингушский и чеченский, варташенский удинский и азербайджанский), хотя и внутри этих пар могут наблюдаться различия по более частным параметрам. В той мере, в какой это можно утверждать по нашим данным, в нахско-дагестанских языках не существует никакого общего или «прототипического» способа описать значение ‘сделать вид’. Для ряда языков можно говорить о преимущественно лексическом способе выражения (ср. наличие сложных глаголов типа «притворство делать», «вид делать» в аваро-андо-цезских и нахских языках). В других языках используются глаголы с общим значением (типа ‘показывать’, ‘вести себя’ или просто ‘делать’), однако присутствуют дополнительные средства указания на ситуацию как на «изображаемую», а не реальную — прежде всего симилятивные (‘как, словно’) или, реже, симулятивные (‘будто’) показатели. Нельзя утверждать и что в нахско-дагестанских языках отсутствуют специальные грамматические средства выражения значения «притворства»: таковыми, по всей видимости, можно считать конструкции, отмечаемые в лакском, литературном даргинском и рутульском языке (все они при этом различны).

В начале нашей работы мы уже отмечали, что более полное изучение конструкций со значением «притворства» в нахско-дагестанских языках должно включать как сбор данных по словарям, грамматикам и текстам этих языков, так и опрос носителей, причем на основе не одного, а нескольких различных контекстов. Тем не менее, мы надеемся, что начало такому изучению положено и будущие исследователи смогут опираться на наши данные, приступая к этой незаслуженно обойденной вниманием теме.

Благодарности

Мы признательны за консультации по анализу конкретно-языковых примеров М. О. Ибрагимовой, В. С. Мальцевой, З. Молочиевой, Дж. Николс и Н. Р. Сумбатовой. Отдельная благодарность — Самире Ферхеес, которая невольно привлекла внимание автора к конструкциям со значением притворства.

Сокращения

1, 3, 4 — 1-й, 3-й, 4-й род (класс); 1, 3 — 1-е, 3-е лицо (в тюркских языках); 3SG — 3-е лицо ед.ч.; ABS — абсолютив; ACC — аккузатив; ADD — аддитив; ADV — наречие; ALL — аллатив; AOR — аорист; ATTR — атрибутив; BE — бытийный глагол; CAUS — каузатив; COMP — компементайзер; COP — связка; CVB — деепричастие; DAT — датив; EL — элатив; ERG — эргатив; FUT — будущее время; GEN — генитив; HPL — множественное число личного класса; IN — локализация ‘внутри’; INF — инфинитив; IPFV — имперфектив; J — род (класс) с показателем *-j*; LOC — локатив; M — мужской род; MSD — масдар; N — средний род; NEG — отрицание; NPL — множественное число неличного класса; OBL — косвенная основа; PASS — пассив; PFV — перфектив; PL — множественное число; POSS — посессивность; PRET — претерит; PRF — перфект; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; PV — преверб; QUOT — квотатив; RE — рефактив; SIMIL — симилятив; ST — отделимая часть основы; SUBST — субстантивация; SUP — локализация ‘наверху’; TEMP —деепричастие времени (‘когда’); WPST — прошедшее время прямой засвидетельствованности. Точка в именных формах отделяет семантически пустой показатель косвенной основы. Глоссы в примерах из цитируемых работ незначительно изменены в целях унификации.

Источники библейских переводов[1]

аварский	*Инжил*. М.: ИПБ, 2008.
агульский	*Лукайин Китаб. Месигь Іисайихъас Иджe Хабар*. М.: ИПБ, 2005.
азербайджанский	*Инчил*. М.: ИПБ, 1998.
андийский	*Лукашди босам рергьанолълъи хабар*. М.: ИПБ, 2015.
бежтинский	*Лука мӗйо Рохеллис Хабар*. М.: ИПБ, 1999.
даргинский	*Инжил. Лукала гІяхІ хабар*. М.: ИПБ, 2010.
ингушский	*Хоза Кхаъ. Іийсас бена, Лукийс дІаязбаь*. М.: ИПБ, 2005.
кумыкский	*Сыйлы Китап*. М.: ИПБ, 2007.
лакский	*Инжил. Ххарисса Хавар*. М.: ИПБ, 2012.
лезгинский	*ЦІийи Икьрар*. М.: ИПБ, 2018.
ногайский	*Инжил*. М.: ИПБ, 2011.
рутульский	*Лукадаады Шадды Хабар*. М.: ИПБ, 2004.

[1] Указываются отдельные издания Евангелия от Луки или полные издания Нового Завета; все цитируемые переводы Института перевода Библии доступны на сайте http://ibt.org.ru/.

табасаранский	*ЦIийи Йикьрар*. М.: ИПБ, 2010.
удинский (варт.)	Господа Нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея, Марка, Луки и Иоанна на русском и удинском языках. *Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа*. Вып. XXX. Тифлис, 1902.
удинский (нидж.)	*Luk'an exlətbi Мйq Xavar*. Bakı, 2011.
удинский (нидж.)	*Luk'an śampi Мйq Xavar*, 2019. [Рукопись.]
цахурский	*Лукайкена Шадна хабар*. М.: ИПБ, 2003.
чеченский	*Делан Йозанаш*. М.: ИПБ 2012.

Литература

Абдуллаев З. Г. 2017. *Даргинско-русский словарь. Дарган-урус словарь*. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН.

Алексеев М. Е. 2011. *Перевод Библии на языки народов России: социолингвистические аспекты*. М.: Academia.

Алироев И. Ю. (сост.). 2005. *Чеченско-русский словарь*. М.: Academia.

Аристава Ш. К. и др. 1968. *Грамматика абхазского языка. Фонетика и морфология*. Сухуми: Алашара.

Баскаков Н. А. (ред.). 1973. *Грамматика ногайского языка. Ч. 1. Фонетика и морфология*. Черкесск: Ставроп. кн. изд-во.

Гигинейшвили Б. 1959. О категории аспекта в удинском языке. *Иберийско-кавказское языкознание*, т. XI, 361–383. [На груз. яз.]

Гимбатов М. М. 2006. *Аварско-русский словарь*. Махачкала: ДНЦ РАН. Рукопись.

Гукасян В. Л. 1974. *Удинско-азербайджанско-русский словарь*. Баку: Элм.

де Ваард Я., Найда Ю. А. 1998. На *новых языках заговорят. Функциональная эквивалентность в библейских переводах*. СПб.: Российское библейское общество.

Джидалаев Н. С. 1994. *Русско-лакский словарь*. Махачкала: Дагучпедгиз.

Ибрагимов Г. Х., Нурмамедов Ю. М. 2010. *Цахурско-русский словарь*. Махачкала: ДНЦ РАН.

Исмаилова Э. И. 2011. *Русско-рутульский словарь*. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН.

Кибрик А. Е. 1993. Родственные языки как объект типологии. В сб.: Т. Н. Молошная и др. (ред.). *Типологические и сопоставительные методы в славянском языкознании*. М.: Ин-т славяноведения РАН.

Кибрик А. Е. 2003. Родственные языки как объект типологии. В кн.: А. Е. Кибрик. *Константы и переменные языка*. СПб.: Алетейя, 159–163.

Кибрик А. Е., Тестелец Я. Г. (ред.). 1999. *Элементы цахурского языка в типологическом освещении*. М.: Наследие.

Комри Б., Халилов М. Ш., Халилова З. М. 2015. *Грамматика бежтинского языка: Фонетика.Морфология.Словообразование.* Лейпциг — Махачкала: АЛЕФ.

Майсак Т. А. 2013. Удинский перфект: анализ употреблений в параллельном корпусе. В сб.: *Семантика языковых единиц разных уровней*, вып. 15. Махачкала, 97–100.

Майсак Т. А. 2014. Удинский перфект в параллельном корпусе (на материале перевода Евангелия от Луки). *Структурная и прикладная лингвистика*, № 10, 119–142.

Мельчук И. А. 1998. *Курс общей морфологии. Том II. Часть вторая: морфологические значения*. М.: Языки русской культуры — Вена: Wiener Slawistischer Almanach.

Саидова П. А. 2019. *Словарь андалальского диалекта аварского языка*. Махачкала: ИЯЛИ ДФИЦ РАН; АЛЕФ.

Сулейманов Я. Г. 1957. *Грамматический очерк андийского языка (по данным говора с. Риквани)*. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: ИЯз АН СССР.

Тестелец Я. Г., Толдова С. Ю. 1998. Рефлексивные местоимения в дагестанских языках и типология рефлексива. *Вопросы языкознания*, № 4, 35–57.

Хайдаков С. М. 1962. *Лакско-русский словарь*. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей.

Халидов А. И. 2004. *Типологический синтаксис чеченского простого предложения*. Нальчик: Эль-Фа.

Халилов М. Ш. 2015. *Словарь бежтинского языка*. Махачкала: АЛЕФ.

Юсупов Х. А. 2017. *Даргинско-русский словарь*. *Дарган-урус словарь.* Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН.

Aikhenvald A. Y. 2004. *Evidentiality*. Oxford: Oxford University Press.

Babaliyeva A. 2013. *Études sur la morphosyntaxe du tabasaran littéraire*. Thèse de doctorat. Paris: École Pratique des hautes etudes.

Chirikba V. 2003. Evidential category and evidential strategy in Abkhaz. In: A. Y. Aikhenvald, R. M. W. Dixon (eds.). *Studies in evidentiality*. Amsterdam & Philadelphia: Benjamins, 243–272.

Cinque G. 1999. *Adverbs and functional heads: a cross-linguistic perspective*. Oxford: Oxford University Press.

Cristofaro S. 2005. *Subordination*. Oxford: Oxford University Press.

Cysouw M., Wälchli B. (eds.). 2007. Parallel texts. Using translational equivalents in linguistic typology. Theme issue in: *Sprachtypologie & Universalienforschung — STUF* 60(2).

Dahl Ö., Wälchli B. 2016. Perfects and iamitives: Two gram types in one grammatical space. *Letras de Hoje*, v. 51(3), 325–348.

Dixon R. M. W. 2009. The semantics of clause linking in typological perspective. In: R. M. W. Dixon, A. Y. Aikhenvald (eds.). *The semantics of clause linking. A cross-linguistic typology*. Oxford: Oxford University Press, 1–55.

Dixon R. M. W. 2010. *Basic linguistic theory. Vol. 2: Grammatical topics*. Oxford: Oxford University Press.

Gippert J. 2011. Relative clauses in Vartashen Udi: preliminary remarks. *Iran and the Caucasus*, v. 15, 207–230.

Gippert J., Schulze W., Aleksidze Z., Mahé J.-P. 2008. *The Caucasian Albanian palimpsests of Mount Sinai. Edition and interpretation*. 2 vols. Turnhout: Brepols.

Greenberg J. H. 1969. Some methods of dynamic comparison in linguistics. In: J. Puhvel (ed.). *Substance and structure of language*. Berkeley: University of California Press, 147–203. (Reprinted in: K. Denning, S. Kemmer (eds.). 1990. *On Language: Selected writings of Joseph H. Greenberg*. Stanford, CA: Stanford University Press, 71–118.)

Haspelmath M. 1993. *A grammar of Lezgian*. Berlin: Mouton de Gruyter.

Kibrik A. E. 1998. Does intragenetic typology make sense? In: W. Boeder, C. Schroeder, K. H. Wagner, W. Wildgen (eds.). *Sprache in Raum und Zeit: In memoriam Johannes Bechert*, *Bd. 2: Beiträge zur empirischen Sprachwissenschaft*. Tübingen: Narr, 61–68.

Nichols J. 2011. *Ingush grammar*. Berkeley: University of California Press.

Noonan M. 1985. Complementation. In: T. Shopen (ed.). *Language typology and syntactic description. Volume 2: Complex Constructions*. Cambridge: Cambridge University Press, 42–140.

Noonan M. 2007. Complementation. In: T. Shopen (ed.). *Language typology and syntactic description. Volume 2: Complex Constructions*. Cambridge: Cambridge University Press, 52–150.

Schulze W. 2001. *The Udi Gospels: Annotated text, etymological index, lemmatized concordance*. München: Lincom Europa.

Sumbatova N. R., Mutalov R. O. 2003. *A grammar of Icari Dargwa*. München: LINCOM Europa.

Tağıyev M. T. oğlu (red.). 2006. *Azərbaycanca-rusca lüğət*. 4 vols. Bakı: Şərq-Qərb.

Treis Y. 2018. Comparative Constructions: An Introduction. In: Y. Treis, K. I. Wojtylak (eds.). On the expression of comparison: Contributions to the typology of comparative constructions from lesser-known languages. Special issue of: *Linguistic Discovery*, v. 16(1), i–xxvi.

Treis Y., Vanhove M. (eds.). 2017. *Similative and Equative constructions: A cross-linguistic perspective*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.

Treis Y., Wojtylak K. I. (eds.). 2018. On the expression of comparison: Contributions to the typology of comparative constructions from lesser-known languages. Special issue of: *Linguistic Discovery*, v. 16(1). https://journals.dartmouth.edu/cgi-bin/WebObjects/Journals.woa/1/xmlpage/1/issue/51

van den Berg H. 2001. *Dargi folktales: Oral stories from the Caucasus with an introduction to Dargi grammar*. Leiden: Research School of Asian, African and Amerindian Studies.

Vuillermet M. 2018. Comparative, similative and simulative expressions in Ese Ejja. In: Y. Treis, K. I. Wojtylak (eds.). On the expression of comparison: Contributions to the typology of comparative constructions from lesser-known languages. Special issue of: *Linguistic Discovery*, v. 16(1), 141–161.

Wälchli B. 2005. *Co-compounds and natural coordination*. Oxford: Oxford University Press.

Wälchli B., Cysouw M. 2012. Lexical typology through similarity semantics: Toward a semantic map of motion verbs. *Linguistics*, v. 50(3), 671–710.

LENGTH OF EAST CAUCASIAN SUBJECT INDEXES: A QUANTITATIVE RESEARCH[1]

G. A. Moroz
Higher School of Economics University

1. Introduction

Since Zipf's claim that word length is determined by frequency (Zipf 1936; Bentz, Ferrer-i-Cancho 2016; Ferrer-i-Cancho, Bentz, Seguin 2020), a lot of works appeared within the field of computational linguistics seeking to confirm or disconfirm this claim. It has been shown that frequency of linguistic objects (e.g. words, morphemes, syllables, phonemes) is connected to other cognitive processes like parsing and production. As a result, frequency of linguistic objects can correlate with other features, such as the information content of words (Piantadosi, Tily, Gibson 2011), affix ordering (Hay 2002), probability of phonological contrast loss (Wedel, Jackson, Kaplan 2013), phonological structure of words (Landauer, Streeter 1973), and many others. Language unit frequency also plays a huge role in usage-based linguistic approaches (see (Tummers, Heylen, Geeraerts 2005) and the references therein), since frequency is treated as an indication of prototypicality and usage tendencies.

Frequency itself is an ambiguous notion, since there are **type frequencies** and **token frequencies** (Berg 2014). Type frequency refers to frequency across e.g. a dictionary or any other collection of language units. Token frequency refers to frequency across some corpus of speech events. Not all linguistic problems are equally approachable using both types of frequency:

---

[1] I would like to express my gratitude for Rasul's hospitality and willingness to help with research. Johannes Helmbrecht also thanked the honoree in his article, so I hope this topic will lure more researchers, who will be able to meet Rasul and learn to appreciate his passion and expertise in the future.

The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Program.

some problems can be approached with both types of frequencies (e.g. obstruents vs. sonorants, transitive vs. intransitive verbs etc), some problems can be approached only with token frequency (e.g. past vs. present tense, singular vs. plural forms), and some problems can be approached only with type frequency (e.g. sex-based vs. non-sex-based gender systems).

In order to show how frequency can determine the length of grammatical morphemes, I decided to select a small subdomain and explore subject, person and number indexing on the verb. Although only a few East Caucasian languages show agreement with person, it has been found in all branches of East Caucasian languages except Khinalug, and it appears to be an independent development in all of them (Troubetzkoy 1929; Гасанова 1962; Helmbrecht 1996; Berg 1999; Муталов 2002; Schulze 2007; Sumbatova 2011; Foley 2020).

In this article I present a connection between frequency and length of person-number indexes via two independent researches: token frequency obtained from the Universal Dependencies' treebanks (section 2) and type frequency gathered within a typological study. After introducing the results of those two studies, I will present East Caucasian data (section 3). I show that the unusual history of person-number indexes in these languages leads to violations of the tendencies that were shown in sections 2 and 3. The last section concludes the paper.

2. Token frequency of person-number indexes: data from Universal Dependencies' corpora

2.1. Data

In order to prove the claim that the relative frequency of person-number indexes is connected with marker length, one needs to obtain those frequencies. I used the Universal Dependencies' corpora (De Marneffe et al. 2014; Zeman et al. 2020) for this purpose. The Universal Dependencies project[2] provides a collection of treebanks (in version 2.7, which was used for this paper, there were 183 treebanks of 104 languages) that use the same strategy for marking syntactic dependency and morphological annotation. In order to prevent biases towards a particular language family I sampled languages with a big number of tokens (greater than 50,000),

[2] All corpora can be accessed here: http://universaldependencies.org.

and only one language per branch. After deciding on the language sample, I automatically extracted all non-clitical verb forms that contain `Person` and `Number` tags. As a result, I obtained a list of language corpora that could be used in a frequency estimation: Arabic, Armenian, Bulgarian, Greek, Hindi, Persian, Romanian, Turkish, Wolof. This list is small, and 2/3 of the languages are Indo-European (though from different branches). However, it can still be used to get a preliminary estimation. For the sake of comparability, I decided to remove dual number forms from the Arabic corpus.

2.2. Results

The results of the analysis are presented in Figure 1. On the x-axis is the ratio of different forms colored by number and split by person on the y-axis. Results are presented not as separate values, but as a kernel density estimation curve, which is a smoothed version of the histogram. For

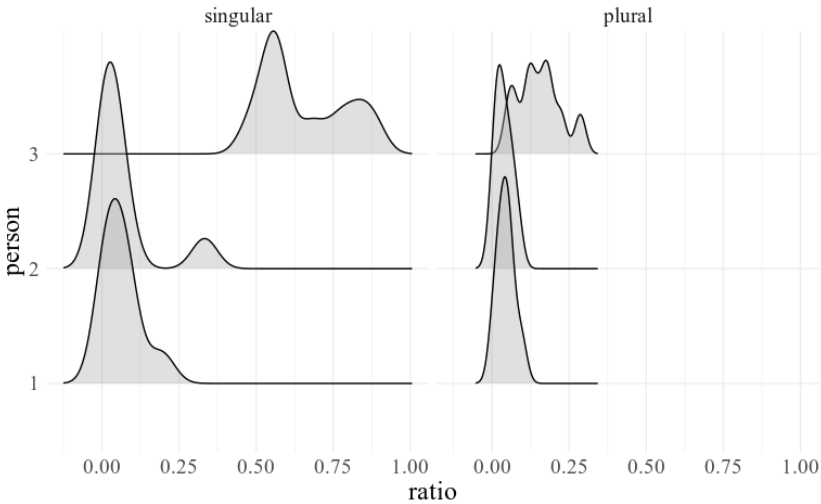


Figure 1. Kernel density function of the ratio of subject indexes in Universal Dependencies corpora (Arabic, Armenian, Bulgarian, Greek, Hindi, Persian, Romanian, Turkish, Wolof)[3]

[3] All graphs in this paper were created with the R programming language (R Core Team 2020) using the following packages: `ggplot2` (Wickham 2016), `ggeffects` (Lüdecke 2018), and `lingtypology` (Moroz 2017).

example, the density peak in the third singular form around 0.5 signals that the majority of languages have a value around 0.5 for third person forms in the corpus. Overall grouping of this curve after the value 0.5 denotes that all languages have values around 0.5 or greater. This means that in all corpora third singular forms constitute half of all person forms.

From Figure 1 one can see that third singular tokens form the majority of all forms. Peaks of the second and first singular forms are around 0 and do not differ much, except for a small subcluster for the second singular forms. In plural forms the difference between third and other persons is not so drastic, although it still shows a significant predominance of third person forms. It appears that in the plural forms there is no visible distinction between second and first persons that could be found in the singular forms. The overall effect of number is also visible on the graph: plural forms in first and second persons are a little bit less frequent, and in the third person it is even significantly rarer.

To conclude this section I can formulate my expectations after collecting token frequencies of personal indexes. If the length of a personal index is determined by its frequency, then I expect that:

(1) third person forms are shorter than first and second person forms;
(2) first and second forms are more or less of the same length;
(3) singular forms within each person are shorter than plural forms.

For now we confirmed this with the token frequency analysis presented in this section. In order to strengthen those claims in the following section I will discuss a typological survey of personal indexes that analyzes type frequency (Seržant, Moroz in preparation). In this survey we also came to the same conclusions.

3. Type frequency of person-number indexes: data from a typological survey

3.1. Data

This section is based on the results of a typological survey of personal indexes (Seržant, Moroz in preparation). One of the main ideas of this article is that the length of personal indexes is not random but has some values that are more probable than others. Those preferences are de-

scribed as attractors (Cooper 1999: 28). Attractors is a notion borrowed from the mathematical field of dynamic systems, in which they are defined as a subspace of possible values where the behavior of the system tends to be a fixed value. In order to discover those attractors, 383 languages from 53 families were analyzed (East Caucasian languages were not in the sample), covering all six macro-areas of the world: Eurasia, both Americas, Australia, Africa and Oceania (the languages are presented as dots on the map in Figure 2, see also the list in Appendix 1). The study is confined to intransitive verbs in the present tense. Dual forms were excluded. As a result, each language contributed six markers (1, 2, 3 singular and 1, 2, 3 plural).

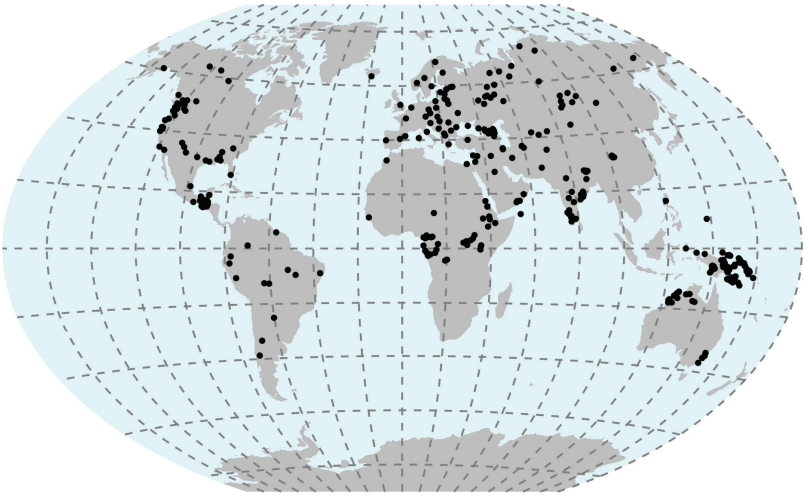


Figure 2. Distribution of languages from (Seržant, Moroz in preparation).[4]

3.2. Results

In order to test our attractor hypothesis we evaluated the Poisson regression model in order to model the observed relations between the length of indexes, person, and number. The first singular form was treated

[4] The plots in Figures 2 and 3 are provided after consulting and with agreement of the authors.

as a baseline for the regression. The `lme4` (Bates et al. 2015) formula used for this model is as follows:

(4) index length ~ person * number + (1|clade)

The overall predictions of our model are presented in Figure 3, with estimated values and a 95% confidence interval. The dots and triangles denote the estimated length of the corresponding personal index, e.g. the value of the first singular form is 1.65. This means that in general, this index tends to have a length of 1 or 2, but 2 is more likely. All variables in the model (person, number) except the interaction between second person and plural form are statistically significant. The non-significance of this interaction could be interpreted as a lack of any statistical difference between second singular and second plural forms. All other variables and their interactions differ significantly from zero.

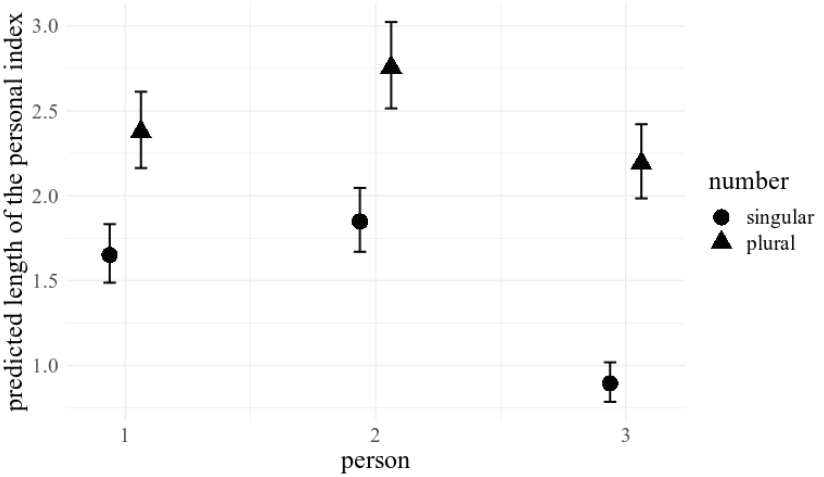


Figure 3. Poisson mixed effects model's predictions for the number of segments based on person and number (clade is used as a random effect). Triangles correspond to the average predicted value for plural forms. Dots correspond to the average predicted value for plural forms. The errorbar denotes the 95% confidence interval for the estimated mean.

In order to test whether there is a diachronic pressure towards the attractor lengths, we compared the lengths of each of the six person-number indexes in the respective proto-language reconstructed with the Histori-

cal-Comparative Method in authoritative literature. We tested this with the logistic regression model, which revealed that indeed in all persons there is a high probability to obey the attractor: all predicted probabilities for singular forms were higher than 90%, and higher then 50% for plural forms. We treated those results as evidence for the attractor hypothesis. From our token frequency analysis we can predict:

(5) significantly shorter forms for third person singular (compare with (1));
(6) not much difference in length between first and second persons (compare with (2));
(7) shorter indexes for singular forms (compare with (3)).

It appears that our token and type frequency analyses agree with each other, so in the following section I will show how the East Caucasian data fits to the attractor hypothesis.

4. East Caucasian data

4.1. Data

East Caucasian (Nakh-Dagestanian) is an indigenous language family spoken in a mountainous area in Dagestan, Chechnya, and Ingushetia (North Caucasian autonomous republics of the Russian Federation), as well as in the adjacent areas of Azerbaijan and Georgia. Traditionally it is divided into several branches (Avar-Andic, Dargwa, Lezgic, Nakh, Tsezic) and a few isolated languages (Lak, Khinalug) (Catford 1977; Hewitt 2004; Berg 2005; Daniel, Lander 2011; Ganenkov, Maisak 2020). Although in comparison to gender agreement, person agreement is rare across East Caucasian languages, although it is present in all branches of the East Caucasian family except Khinalug. In the current study I analyzed the following varieties:

- Nakh languages: Tsova-Tush (Bats), Kist dialect of Chechen;
- Andic languages: Akhvakh;
- Tsezic languages: Hunzib;
- All Dargwa lects;
- All Lak dialects;
- Lezgic languages: Tabasaran, Udi;
- Zaqatala dialect of Avar.

Even though the dot to language representation is generally misleading (an alternative can be found in (Daniel et al. 2020)), I presented all data with the kind of map as in Figure 4. Figure 4 shows that the majority of languages with personal indexes are concentrated in central Dagestan, and not in the north or the south. Two dots located in Georgia (Tsova-Tush and the Kist dialect of Chechen) are colored black, since both lects have personal indexes, and its appearance could have been induced by the contacts with Georgians.

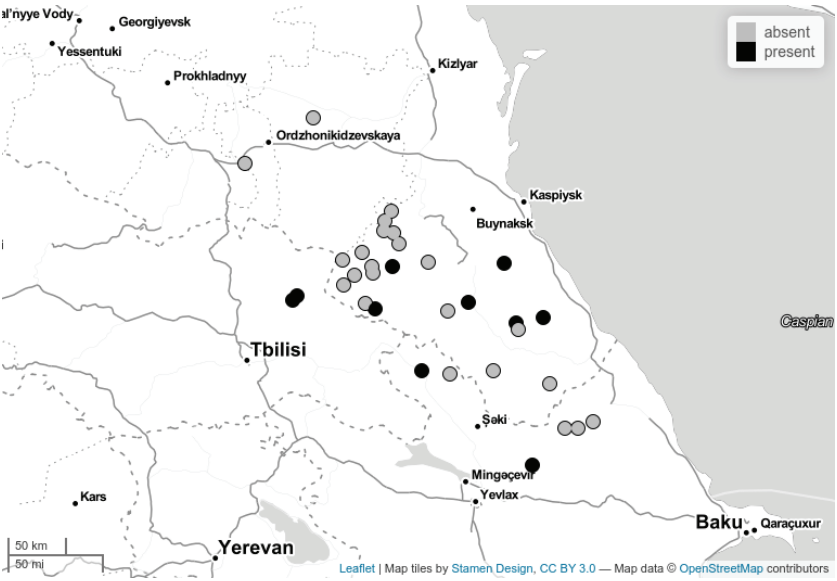


Figure 4. Distribution of East Caucasian languages with person-number indexes

Mimicking the data collection methodology from (Seržant, Moroz in preparation) I collected person-number indexes of intransitive verbs in the present tense from published sources. It is worth mentioning that markers found on other word forms in East Caucasian languages can have different markers (with different combinations of agreement categories, e.g. person and gender). At this point I decided to exclude Kist Chechen from the sample, since it has nonconcatenative person marking that is represented by an alternation of the initial vowel of verb stems (Алироев, Маргошвили 2006: 74–84). The result is summed up in Table 1, which contains nine East Cauacasian lects (the whole list of languages is in Appendix 2):

Table 1. Person-number indexes of East Caucasian languages.

Language	1sg	2sg	3sg	1pl	2pl	3pl
Akhvakh	-do	-ri	-ri	-de	-ri	-ri
Avar (Zaqatala)	-ow, -ej, -eb	-a	-a	-al	-a	-a
North Dargwa (Sanzhi)	-d	-tːe	–	-d	-tːe	–
North Dargwa (Standard Dargwa)	-ra	-ri	–	-ra	-ri	–
Lak	-ra	-ra	-j	-ru	-ru	-j
Tabasaran	-za	-wa	-w	-tʃa	-tʃʷa	-w
Udi (Vartashen)	-zu	-nu	-ne	-jan	-nan	-qːun
Tsova-Tush	-s	-ħ	–	-txo	-aiʃ	–
Hunzib	-tʃo	-tʃo	–	-tʃo	-tʃo	–

It appears that person-number indexing in East Caucasian is a recent development (Schulze 2007 and others). For languages spoken in Georgia (Tsova-Tush, Kist Chechen) and Azerbaijan (Udi, Zakatala Avar) one can stipulate a contact-induced origin of person agreement. Person-number index development at least for some lects located in Dagestan (Tabasaran and Hunzib) can also be explained through contact, since there has been extensive contact with Azerbijani and Georgian, respectively (Dobrushina 2016). It is more or less clear that the Tabasaran and Udi forms developed from personal pronouns, but this is not obvious for all other languages. For most of the cases the scenario was different: the markers present in Table 1 are drastically different from pronouns. It is also worth mentioning that there is a high level of number and person syncretism in East Caucasian languages, which makes it possible to analyze some person-number indexes systems as lacking the number category (e.g. all Dargwa and Hunzib). This is crucial for our analysis, since both token (Section 2) and type (Section 3) frequency analyses predicted longer indexes for plural forms.

4.2. Results

Let us now compare the length of East Caucasian person-number indexes with the predictions from Sections 2 and 3. In Figure 5 all data are presented together. This plot consists of six subplots for each combination

of person and number. On the y-axis is the length of the personal index, and on the x-axis is the source of our data: either East Caucasian languages from Table 1 or (Seržant, Moroz in preparation). Each East Caucasian language is represented with one dot, which is randomly offset on the x-axis in order to avoid the overplotting of dots. The asterisk denotes the average length for a particular combination of person and number. The predictions from (Seržant, Moroz in preparation) are represented with errorbars (same as in Figure 3), which shows a 95% confidence interval for the estimated mean.

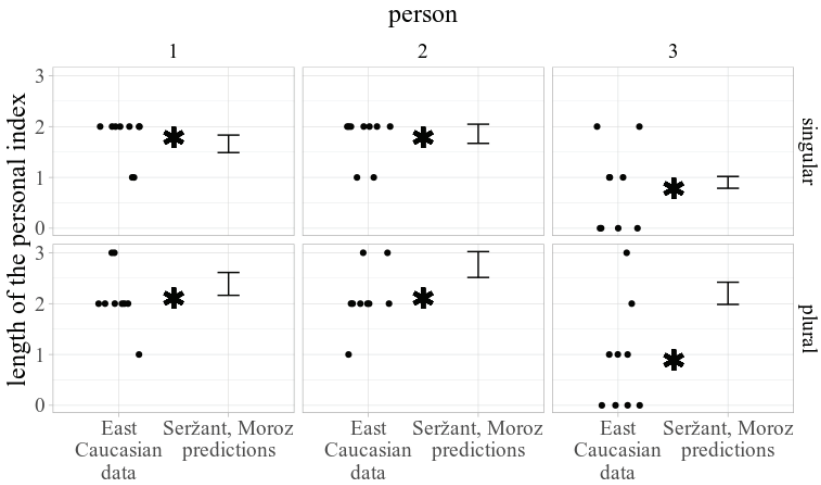


Figure 5. Comparison of East Caucasian person-number indexes' length (points) with predictions from (Seržant, Moroz in preparation) (errorbar). The asterisk denotes the mean length for the East Caucasian data.

Analyzing the difference between the asterisk value and the values predicted by the errorbars in Figure 5, we can see that only the average personal index length of the second and third plural forms deviate from the predictions. This not an unexpected deviation if we recall the observation from the previous section, that East Caucasian languages have a high level of number syncretism (from Table 1 it is obvious that only Udi distinguishes third singular and plural forms). As we can see, East Caucasian thus meets our expectations about the length of the third singular form (see (1) and (5)), and the first and second person forms (see (2) and (6)), while it violates our expectations about number (see (3) and (7)).

5. Conclusions

In this paper I analyzed the length of East Caucasian person-number indexes and checked whether they align with universal tendencies found in other language families. In order to present a broader context for the East Caucasian data and formulate some expectations about the length of person-number indexes, I provided a hypothesis that the length of the personal index correlates with its frequency, which is a reasonable hypothesis within a usage-based approach (see (Tummers, Heylen, Geeraerts 2005)). Since there are two types of frequencies (token frequencies and type frequencies, see (Berg 2014)), I provided results of two surveys of person-number indexes that cover each type of frequency. The first survey covered token frequencies of person-number indexes based on Universal Dependencies treebanks (see (De Marneffe et al. 2014; Zeman et al. 2020)). The second survey covered type frequencies of person-number indexes based on the typological research of person-number indexes in the languages of the world (Seržant, Moroz in preparation). The two surveys agree with each other and make it possible to formulate some expectations for the length of person-number indexes:

- third person forms are shorter than first and second person forms;
- first and second person forms are more or less the same length;
- singular forms within each person are shorter than plural forms.

After these preparations I presented East Caucasian data. Even though there are only ten languages out of 33 that have person-number indexes, the languages are distributed across all branches of East Caucasian (except the family-level isolate Khinalug). Person-number indexes in East Caucasian languages are a quite recent and independent development. They show a high level of number and person syncretism and as a result, they violate only one of our expectations: singular and plural forms within each person have more or less the same length.

These results demonstrate that even though both surveys predicted more or less the same, there is always room for expecting some exceptions. East Caucasian languages are a particularly clear example of such an exception. This exceptionality could be explained by the history of East Caucasian languages, and it is possible that adding historical information about the grammaticalization path of person-number indexes will increase the accuracy of the model.

References

Алироев И. Ю., Маргошвили Л. Ю. 2006. *Кистины*. Москва: Книга и бизнес.

Гасанова С. М. 1962. *Глагол в даргинском языке*. Махачкала: Изд-во АН СССР.

Муталов Р. О. 2002. *Глагол даргинского языка*. Махачкала: ИПЦ ДГУ.

Bates D. et al. 2015. Fitting linear mixed-effects models using lme4. *Journal of Statistical Software*, v. 67, 1–48.

Bentz C., Ferrer-i-Cancho R. 2016. Zipf's law of abbreviation as a language universal. In: *Proceedings of the leiden workshop on capturing phylogenetic algorithms for linguistics*. Tübingen: University of Tübingen, 1–4.

Berg T. 2014. On the relationship between type and token frequency. *Journal of Quantitative Linguistics*, 199–222. https://doi.org/10.1080/09296174.2014.911505

Catford J. C. 1977. Mountain of tongues: The languages of the Caucasus. *Annual Review of Anthropology*, v. 6, 283–314.

Cooper D. L. 1999. *Linguistic attractors: The cognitive dynamics of language acquisition and change*. Amsterdam: John Benjamins.

Daniel M. et al. 2020. *Typological atlas of the languages of Daghestan (TALD)*. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, NRU HSE. URL: http://lingconlab.ru/dagatlas/

Daniel M., Lander Y. 2011. The Caucasian languages. In: Kortmann B., Auwera J. van der (eds.). *The languages and linguistics of Europe: A comprehensive guide*. Berlin: De Gruyter Mouton, 125–158.

De Marneffe M.-C. et al. 2014. Universal Stanford dependencies: A cross-linguistic typology. In: *Proceedings of the Ninth International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC'14)*. Reykjavik: European Language Resources Association, 4585–4592.

Dobrushina N. 2016. Multilingualism in highland Daghestan throughout the 20-th century. In: Sloboda M., Zabrodskaja A., Laihonen P. (eds.). *Sociolinguistic transition in former eastern bloc countries: Two decades after the regime change*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 75–94.

Ferrer-i-Cancho R., Bentz C., Seguin C. 2020. Optimal coding and the origins of Zipfian laws. *Journal of Quantitative Linguistics*, 1–30. https://doi.org/10.1080/09296174.2020.1778387

Foley S. 2020. Agreement in languages of the Caucasus. In: Polinsky M. (ed.). *The Oxford Handbook of Languages of the Caucasus*. Oxford: Oxford University Press.

Ganenkov D., Maisak T. 2020. Nakh-Dagestanian languages. In: Polinsky M. (ed.): *The Oxford handbook of languages of the Caucasus*. Oxford University Press.

Hammarström H. et al. 2020. *Glottolog 4.3*. Jena: Max Planck Institute for the Science of Human History. URL: http://glottolog.org/

Hay J. 2002. From speech perception to morphology: Affix ordering revisited. *Language*, v. 78, 527–555.

Helmbrecht J. 1996. The syntax of personal agreement in East Caucasian languages. *STUF — Language Typology and Universals*, v. 49, 127–148.

Hewitt G. 2004. *Introduction to the study of the languages of the Caucasus*. Munich: Lincom.

Landauer T. K., Streeter L. A. 1973. Structural differences between common and rare words: Failure of equivalence assumptions for theories of word recognition. *Journal of verbal learning and verbal behavior*, v. 12, 119–131.

Lüdecke D. 2018. Ggeffects: Tidy data frames of marginal effects from regression models. *Journal of Open Source Software*, v., 772.

Moroz G. 2017. *Lingtypology: Easy mapping for linguistic typology.* URL: https://CRAN.R-project.org/package=lingtypology

Piantadosi S. T., Tily H., Gibson E. 2011. Word lengths are optimized for efficient communication. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, v. 108, 3526–3529.

R Core Team 2020. *R: A language and environment for statistical computing.* Vienna, Austria: R Foundation for Statistical Computing. URL: https://www.R-project.org/

Schulze W. 2007. *Personalität in den ostkaukasischen Sprachen*. Munich: IATS University of Munich.

Seržant I., Moroz G. in preparation. *Efficiency-driven attractor states of verbal person-number indexes.*

Sumbatova N. R. 2011. Person hierarchies and the problem of person marker origin in Dargwa: facts and diachronic problems. Gilles Authier & Timur Maisak (ed.). *Diversitas Linguarum* 30 (Tense, aspect, modality and finiteness in East Caucasian languages). 131–160.

Troubetzkoy N. S. 1929. Notes sur les désinences du verbe dans les langues tchétchénolesghiennes (caucasiques-orientales). *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*, v. 29, 153–171.

Tummers J., Heylen K., Geeraerts D. 2005. Usage-based approaches in cognitive linguistics: A technical state of the art. *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*, v. 1, 225–261.

van den Berg H. 1999. Gender and person agreement in Akusha Dargi. *Folia linguistica*, v. 33, 153–168.

van den Berg H. 2005. The East Caucasian language family. *Lingua*, v. 115, 147–190.

Wedel A., Jackson S., Kaplan A. 2013. Functional load and the lexicon: Evidence that syntactic category and frequency relationships in minimal lemma pairs predict the loss of phoneme contrasts in language change. *Language and speech*, v. 56, 395–417.

Wickham H. 2016. *ggplot2: Elegant graphics for data analysis.* New York: Springer-Verlag.

Zeman D. et al. 2020. *Universal dependencies 2.7.* URL: http://hdl.handle.net/11234/1-3424.

Zipf G. K. 1936. *Word lengths are optimized for efficient communication*. Oxon: Routledge.

Appendix 1

List of languages from (Seržant, Moroz in preparation). Glottocode is a universal language identifier from the Glottolog database (Hammarström et al. 2020).

language	glottocode	clade1	area
Lithuanian	lith1251	Indo-European	Eurasia
Latvian	latv1249	Indo-European	Eurasia
Mgreek	mode1248	Indo-European	Eurasia
Ukrainian	ukra1253	Indo-European	Eurasia
Belarusian	bela1254	Indo-European	Eurasia
Russian	russ1263	Indo-European	Eurasia
Polish	poli1260	Indo-European	Eurasia
Kashubian	kash1274	Indo-European	Eurasia
Serbian-Croatian	sout1528	Indo-European	Eurasia
Czech	czec1258	Indo-European	Eurasia
Slovak	slov1269	Indo-European	Eurasia
Bulgarian	bulg1262	Indo-European	Eurasia
Macedonian	mace1250	Indo-European	Eurasia
Slovenian	slov1268	Indo-European	Eurasia
UpperSorbian	uppe1395	Indo-European	Eurasia
German	stan1295	Indo-European	Eurasia
Dutch	dutc1256	Indo-European	Eurasia
English	stan1293	Indo-European	Eurasia
Swedish	swed1254	Indo-European	Eurasia
Norwegian	norw1259	Indo-European	Eurasia
Icelandic	icel1247	Indo-European	Eurasia
Ossetian	iron1242	Indo-European	Eurasia
Persian	west2369	Indo-European	Eurasia
Marathi	mara1378	Indo-European	Eurasia
Hindi	hind1269	Indo-European	Eurasia
Italian	ital1282	Indo-European	Eurasia
Portuguese	port1283	Indo-European	Eurasia
Spanish	stan1288	Indo-European	Eurasia
Catalan	stan1289	Indo-European	Eurasia
Romanche	fran1269	Indo-European	Eurasia

French	stan1290	Indo-European	Eurasia
Sardinian	sass1235	Indo-European	Eurasia
Rumanian	roma1327	Indo-European	Eurasia
Albanian	gheg1238	Indo-European	Eurasia
Seimat	seim1238	Oceanic	Papua
Penchal	penc1239	Oceanic	Papua
Lele (Papua New Guinea)	lele1270	Oceanic	Papua
Ere	eree1241	Oceanic	Papua
Nyindrou	nyin1250	Oceanic	Papua
Kove	kove1237	Oceanic	Papua
Gitua	gitu1237	Oceanic	Papua
Sio	sioo1240	Oceanic	Papua
Tami	tami1290	Oceanic	Papua
Mindiri	mind1255	Oceanic	Papua
Gedaged	geda1237	Oceanic	Papua
Medebur	mede1237	Oceanic	Papua
Manam	mana1295	Oceanic	Papua
Biem	biem1237	Oceanic	Papua
Kaiep	kaie1237	Oceanic	Papua
Numbami	numb1247	Oceanic	Papua
Iwal	iwal1237	Oceanic	Papua
Yabem	yabe1254	Oceanic	Papua
Labu	labu1248	Oceanic	Papua
Wampar	wamp1247	Oceanic	Papua
Arifama-Miniafia	arif1239	Oceanic	Papua
Are	aree1239	Oceanic	Papua
Wedau	weda1241	Oceanic	Papua
Iamalele	iama1237	Oceanic	Papua
Dobu	dobu1241	Oceanic	Papua
Duau	duau1237	Oceanic	Papua
Suau	suau1242	Oceanic	Papua
Kilivila	kili1267	Oceanic	Papua
Misima-Paneati	misi1243	Oceanic	Papua
Sudest	sude1239	Oceanic	Papua
Magori	mago1248	Oceanic	Papua
Sinaugoro	sina1266	Oceanic	Papua
Motu	motu1246	Oceanic	Papua
Bulu (Papua New Guinea)	bulu1253	Oceanic	Papua

Bola	bola1250	Oceanic	Papua
Notsi	nots1237	Oceanic	Papua
Barok	baro1253	Oceanic	Papua
Konomala	kono1269	Oceanic	Papua
Patpatar	patp1243	Oceanic	Papua
Label	labe1239	Oceanic	Papua
Minigir	mini1251	Oceanic	Papua
Kandas	kand1301	Oceanic	Papua
Nehan	neha1247	Oceanic	Papua
Solos	solo1257	Oceanic	Papua
Petats	peta1245	Oceanic	Papua
Halia	hali1244	Oceanic	Papua
Torau	tora1259	Oceanic	Papua
Mono-Alu	mono1273	Oceanic	Papua
Varisi	vari1239	Oceanic	Papua
Ririo	riri1237	Oceanic	Papua
Babatana	baba1268	Oceanic	Papua
Yapese	yape1248	Oceanic	Papua
Liko	lika1243	Bantu	Africa
Nzadi	nzad1234	Bantu	Africa
Bonkeng	lund1274	Bantu	Africa
Duala	dual1243	Bantu	Africa
Benga	beng1282	Bantu	Africa
Basa (Cameroon)	basa1284	Bantu	Africa
Dimbong	dimb1238	Bantu	Africa
Nugunu (Cameroon)	nugu1242	Bantu	Africa
Eton-Mengisa	eton1253	Bantu	Africa
Makaa	maka1304	Bantu	Africa
Kwakum	kwak1266	Bantu	Africa
Mpongwe	mpon1255	Bantu	Africa
Kélé	kele1257	Bantu	Africa
Tsogo	tsog1243	Bantu	Africa
Punu	punu1239	Bantu	Africa
Njebi	njeb1242	Bantu	Africa
Mbere	mber1262	Bantu	Africa
Teke-Tege	teke1275	Bantu	Africa
Ding	ding1239	Bantu	Africa
Ngundi	ngun1270	Bantu	Africa

Akwa	akwa1248	Bantu	Africa
Mand	atem1241	Sogeram	Papua
Apali	apal1256	Sogeram	Papua
Gants	gant1244	Sogeram	Papua
Nend	nend1239	Sogeram	Papua
Manat	payn1244	Sogeram	Papua
Mum	mumm1238	Sogeram	Papua
Sirva	sile1255	Sogeram	Papua
Aisian	aisi1234	Sogeram	Papua
Kulsab	fait1240	Sogeram	Papua
Mandobo Atas	mand1444	Awyu-Dumut	Papua
Yonggom	yong1280	Awyu-Dumut	Papua
Ketum-Wambon	ketu1239	Awyu-Dumut	Papua
Edera Awyu	eder1237	Awyu-Dumut	Papua
Aghu	aghu1255	Awyu-Dumut	Papua
Kombai	komb1274	Awyu-Dumut	Papua
Japhug	jiar1240	Rgyalrongic-Kiranti	Eurasia
Situ	situ1238	Rgyalrongic-Kiranti	Eurasia
Khroskyabs	guan1266	Rgyalrongic-Kiranti	Eurasia
Northern Gyalrong	sida1238	Rgyalrongic-Kiranti	Eurasia
Northern Gyalrong	zbua1234	Rgyalrongic-Kiranti	Eurasia
Tshobdun	tsho1240	Rgyalrongic-Kiranti	Eurasia
Camling	caml1239	Rgyalrongic-Kiranti	Eurasia
Bantawa	bant1281	Rgyalrongic-Kiranti	Eurasia
Puma	puma1239	Rgyalrongic-Kiranti	Eurasia
Limbu	limb1266	Rgyalrongic-Kiranti	Eurasia
Belhariya	belh1239	Rgyalrongic-Kiranti	Eurasia

Sunwar	sunw1242	Rgyalrongic-Kiranti	Eurasia
Khaling	khal1275	Rgyalrongic-Kiranti	Eurasia
Tamil	tami1289	Dravidian	Eurasia
Irula-Muduga	kada1242	Dravidian	Eurasia
Malayalam	mala1464	Dravidian	Eurasia
Irula of the Nilgiri	nort2701	Dravidian	Eurasia
Yerukula	yeru1240	Dravidian	Eurasia
Kota (India)	kota1263	Dravidian	Eurasia
Toda	toda1252	Dravidian	Eurasia
Kodava	koda1255	Dravidian	Eurasia
Kannada	nucl1305	Dravidian	Eurasia
Tulu	tulu1258	Dravidian	Eurasia
Koraga	kora1289	Dravidian	Eurasia
Bellari	bell1261	Dravidian	Eurasia
Telugu	telu1262	Dravidian	Eurasia
Northwestern Kolami	nort2699	Dravidian	Eurasia
Southeastern Kolami	naik1250	Dravidian	Eurasia
Duruwa	duru1236	Dravidian	Eurasia
Mudhili Gadaba	mudh1235	Dravidian	Eurasia
Maria (India)	gond1265	Dravidian	Eurasia
Konda	kond1295	Dravidian	Eurasia
Pengo	peng1244	Dravidian	Eurasia
Manda (India)	mand1413	Dravidian	Eurasia
Kui (India)	kuii1252	Dravidian	Eurasia
Kurukh	kuru1302	Dravidian	Eurasia
Malto	malt1248	Dravidian	Eurasia
Brahui	brah1256	Dravidian	Eurasia
Finnish	finn1318	Uralic	Eurasia
Estonian	esto1258	Uralic	Eurasia
Liv	livv1244	Uralic	Eurasia
Votic	voti1245	Uralic	Eurasia
Ingrian	ingr1248	Uralic	Eurasia
North Saami	nort2671	Uralic	Eurasia
South Saami	sout2674	Uralic	Eurasia
Erzya	erzy1239	Uralic	Eurasia
Moksha	moks1248	Uralic	Eurasia

Mari (East Sepik Province)	east2328	Uralic	Eurasia
Selkup	selk1253	Uralic	Eurasia
Tundra Nenets	nene1249	Uralic	Eurasia
Forest Enets	enet1250	Uralic	Eurasia
Nganasan	ngan1291	Uralic	Eurasia
Kamas-Koibal	kama1351	Uralic	Eurasia
Komi-Zyrian	komi1268	Uralic	Eurasia
Komi-Permyak	komi1269	Uralic	Eurasia
Udmurt	udmu1245	Uralic	Eurasia
Hungarian	hung1274	Uralic	Eurasia
Central Mansi	mans1258	Uralic	Eurasia
Surgut Khanty	khan1273	Uralic	Eurasia
North Azerbaijani	nort2697	Turkic	Eurasia
Tatar	tata1255	Turkic	Eurasia
Southern Altai	sout2694	Turkic	Eurasia
Nogai	noga1249	Turkic	Eurasia
Bashkir	bash1264	Turkic	Eurasia
Northern Altai	nort2686	Turkic	Eurasia
Gagauz	gaga1249	Turkic	Eurasia
Dolgan	dolg1241	Turkic	Eurasia
Kazakh	kaza1248	Turkic	Eurasia
Karaim	kara1464	Turkic	Eurasia
Karachay-Balkar	kara1465	Turkic	Eurasia
Kirghiz	kirg1245	Turkic	Eurasia
Crimean Tatar	crim1257	Turkic	Eurasia
Krymchak	krym1236	Turkic	Eurasia
Kumyk	kumy1244	Turkic	Eurasia
Taiga Sayan Turkic	kara1462	Turkic	Eurasia
Tuvinian	tuvi1240	Turkic	Eurasia
Turkish	nucl1301	Turkic	Eurasia
Turkmen	turk1304	Turkic	Eurasia
Northern Uzbek	nort2690	Turkic	Eurasia
Uighur	uigh1240	Turkic	Eurasia
Urum	urum1249	Turkic	Eurasia
Khakas	khak1248	Turkic	Eurasia
Khalaj	khal1270	Turkic	Eurasia
Khorasani Turkish	khor1269	Turkic	Eurasia
Chuvash	chuv1255	Turkic	Eurasia

Chulym Turkic	chul1246	Turkic	Eurasia
Shor	shor1247	Turkic	Eurasia
Sakha	yaku1245	Turkic	Eurasia
Tigre	tigr1270	Semitic	Eurasia
Tigrinya	tigr1271	Semitic	Eurasia
Amharic	amha1245	Semitic	Eurasia
Argobba	argo1244	Semitic	Eurasia
Harari	hara1271	Semitic	Eurasia
Zay	zayy1238	Semitic	Eurasia
Gafat	gafa1240	Semitic	Eurasia
Sebat Bet Gurage	chah1248	Semitic	Eurasia
Classical Mandaic	clas1253	Semitic	Eurasia
Ancient Hebrew	anci1244	Semitic	Eurasia
Western Neo-Aramaic	west2763	Semitic	Eurasia
Mehri	mehr1241	Semitic	Eurasia
Soqotri	soqo1240	Semitic	Eurasia
Harsusi	hars1241	Semitic	Eurasia
Jibbali	sheh1240	Semitic	Eurasia
Hobyót	hoby1242	Semitic	Eurasia
Egyptian Arabic	egyp1253	Semitic	Eurasia
Gilit Mesopotamian Arabic	meso1252	Semitic	Eurasia
Standard Arabic	stan1318	Semitic	Eurasia
Moroccan Arabic	moro1292	Semitic	Eurasia
Huastec	huas1242	Mayan	North America
Tzotzil	tzot1259	Mayan	North America
Chuj	chuj1250	Mayan	North America
Popti'	popt1235	Mayan	North America
Q'anjob'al	qanj1241	Mayan	North America
Mam	mamm1241	Mayan	North America
Aguacateco	agua1252	Mayan	North America
Poqomchi'	poqo1254	Mayan	North America
Poqomam	poqo1253	Mayan	North America
Kekchí	kekc1242	Mayan	North America
K'iche'	kich1262	Mayan	North America
Achi	achi1256	Mayan	North America
Kaqchikel	kaqc1270	Mayan	North America
Uspanteco	uspa1245	Mayan	North America
Tz'utujil	tzut1248	Mayan	North America

Yucatec Maya	yuca1254	Mayan	North America
Itzá	itza1241	Mayan	North America
Mopán Maya	mopa1243	Mayan	North America
Lacandon	laca1243	Mayan	North America
Cholti	chol1283	Mayan	North America
Chortí	chor1273	Mayan	North America
Chol	chol1282	Mayan	North America
Tabasco Chontal	taba1266	Mayan	North America
Ixil	ixil1251	Mayan	North America
Tzeltal	tzel1254	Mayan	North America
Ngarinyin	ngar1284	Worrorran	Australia
Worora	woro1258	Worrorran	Australia
Kwini	kwin1241	Worrorran	Australia
Wunambal	wuna1249	Worrorran	Australia
Unggumi	ungg1243	Worrorran	Australia
Choctaw	choc1276	Muskogean	North America
Chickasaw	chic1270	Muskogean	North America
Alabama	alab1237	Muskogean	North America
Koasati	koas1236	Muskogean	North America
Mikasuki	mika1239	Muskogean	North America
Mikasuki	hitc1239	Muskogean	North America
Afro-Seminole Creole	afro1254	Muskogean	North America
Creek	cree1270	Muskogean	North America
Navajo	nava1243	Athabaskan	North America
Mescalero-Chiricahua Apache	mesc1238	Athabaskan	North America
Hupa	hupa1239	Athabaskan	North America
Mattole	matt1238	Athabaskan	North America
Kato	kato1244	Athabaskan	North America
Galice	gali1261	Athabaskan	North America
Chipewyan	chip1261	Athabaskan	North America
Sarsi	sars1236	Athabaskan	North America
North Slavey	nort2942	Athabaskan	North America
Dogrib	dogr1252	Athabaskan	North America
Tanaina	tana1289	Athabaskan	North America
Lillooet	lill1248	Salishan	North America
Shuswap	shus1248	Salishan	North America
Thompson	thom1243	Salishan	North America
Okanagan	okan1243	Salishan	North America

Okanagan	colv1241	Salishan	North America
Kalispel-Pend d'Oreille	kali1309	Salishan	North America
Spokane	spok1245	Salishan	North America
Coeur d'Alene	coeu1236	Salishan	North America
Columbia-Wenatchi	colu1250	Salishan	North America
Tillamook	till1254	Salishan	North America
Upper Chehalis	uppe1439	Salishan	North America
Twana	twan1247	Salishan	North America
Southern Puget Sound Salish	sout2965	Salishan	North America
Northern Lushootseed	lush1252	Salishan	North America
Clallam	clal1241	Salishan	North America
Northern Straits Salish	clal1241	Salishan	North America
Northern Straits Salish	song1308	Salishan	North America
Halkomelem	halk1245	Salishan	North America
Squamish	squa1248	Salishan	North America
Sechelt	sech1246	Salishan	North America
Bella Coola	bell1243	Salishan	North America
Mauwake	mauw1238	Nuclear Trans New Guinea	Papua
Lavukaleve	lavu1241	isolate	Papua
Maybrat	maib1239	Maybrat-Karon	Papua
Tidore	tido1248	NorthHalmahera	Papua
Yawa	nucl1454	Yawa-Saweru	Papua
Bilua	bilu1245	isolate	Papua
Terei	tere1278	South Bougainville	Papua
Iloko	ilok1237	Austronesian	Papua
Kuman	kuma1280	Nuclear Trans New Guinea	Papua
Korafe	kora1294	Nuclear Trans New Guinea	Papua
Marind	nucl1621	Anim	Papua
Maklew	makl1246	Bulaka River	Papua
Jaminjung-Ngaliwurru	djam1255	Mirndi	Australia
Nungali	nung1291	Mirndi	Australia
Jingulu	djin1251	Mirndi	Australia
Ngarnka	ngar1283	Mirndi	Australia
Wambaya	nucl1328	Mirndi	Australia
Gudanji	guda1243	Mirndi	Australia

Binbinka	binb1242	Mirndi	Australia
Dyaberdyaber	dyab1238	Nyulnyulan	Australia
Nyulnyul	nyul1247	Nyulnyulan	Australia
Bardi	bard1254	Nyulnyulan	Australia
Nimanbur	nima1245	Nyulnyulan	Australia
Yawuru	yawu1244	Nyulnyulan	Australia
Nyigina	nyig1240	Nyulnyulan	Australia
Thurawal	thur1254	Southeastern Pama-Nyungan	Australia
Dhurga	dhur1239	Southeastern Pama-Nyungan	Australia
Gundungurra	gund1248	Southeastern Pama-Nyungan	Australia
Southern Coastal Yuin	sout2771	Southeastern Pama-Nyungan	Australia
Mapudungun	mapu1245	Araucanian	South_America
Pilaga	pila1245	Guaicuruan	South_America
Achuar	achu1248	Chicham	South_America
Aguaruna	agua1253	Chicham	South_America
Aikana	aika1237	isolate	South_America
Allentiac	alle1238	Huarpean	South_America
Yanesha'	yane1238	Arawakan	South_America
Wayana	gali1262	Cariban	South_America
Fulnio	fuln1247	isolate	South_America
Kotiria	guan1269	Tucanoan	South_America
Arikapu	arik1265	Nuclear-Macro-Je	South_America
Xerente	xere1240	Nuclear-Macro-Je	South_America
Kayapo	kaya1330	Nuclear-Macro-Je	South_America
Jarawara	jara1276	Arawan	South_America
Nandi	nand1266	Nilotic	Africa
Kipsigis	kips1239	Nilotic	Africa
Markweeta	mark1255	Nilotic	Africa
Markweeta	endo1242	Nilotic	Africa
Pökoot	east2420	Nilotic	Africa
Biafada	biaf1240	Northern Atlantic	Africa
Tennet	tenn1246	Surmic	Africa
Awngi	awng1244	Afroasiatic	Africa
Buduma	budu1265	Afroasiatic	Africa

Fiyadikka	fiya1238	Nubian	Africa
Miza	miza1238	Central Sudanic	Africa
Ma'di	madi1260	Central Sudanic	Africa
Lugbara	lugb1240	Central Sudanic	Africa
Mamvu	mamv1243	Central Sudanic	Africa
Lese	lese1243	Central Sudanic	Africa
Svan	svan1243	Kartvelian	Eurasia
Lahnda	lahn1241	Indo-European	Eurasia
Adyge	adyg1241	Abkhaz-Adyge	Eurasia
Lak	lakk1252	Nakh-Daghestanian	Eurasia
Kati	kati1270	Indo-European	Eurasia
Bondo	bond1245	Austro-Asiatic	Eurasia
Yukaghir	sout2750	Yukaghir	Eurasia
Acoma	west2632	Keresan	North America
Biloxi	bilo1248	Siouan	North America
Cahuilla	cahu1264	Uto-Aztecan	North America
Chumash	barb1263	isolate	North America
Cherokee	cher1273	Iroquoian	North America
Chimariko	chim1301	isolate	North America
Highland Oaxaca Chontal	high1242	Tequistlatecan	North America
Coosan	coos1249	Coosan	North America

Appendix 2

List of East Caucasian languages used in the survey. Glottocode is a universal language identifier from the Glottolog database (Hammarström et al. 2020).

lang	lect	glottocode
Akhvakh		akhv1239
Andi		andi1255
Avar		avar1256
Avar	Zaqatala	zaqa1242
Bagvalal		bagv1239
Botlikh		botl1242
Chamalal		cham1309
Godoberi		ghod1238

Karata		kara1474
Karata	Tukita	kara1474
Tindi		tind1238
North Dargwa	Sanzhi	sanz1248
North Dargwa	Standard Dargwa	darg1241
Khinalug		khin1240
Lak		lakk1252
Agul		aghu1253
Archi		arch1244
Budukh		budu1248
Kryz		kryt1240
Lezgian		lezg1247
Rutul		rutu1240
Tabasaran		taba1259
Tsakhur		tsak1249
Udi		udii1243
Tsova Tush		bats1242
Chechen		chec1245
Chechen	Kist	chec1245
Ingush		ingu1240
Bezhta		bezh1248
Hinuq		hinu1240
Hunzib		hunz1247
Khwarshi-Inkhoqwari	Khwarshi	khva1239
Tsez		dido1241

ДОБРОЕ УТРО, ПРОСНУЛИСЬ? УТРЕННИЕ ПРИВЕТСТВИЯ В ЯЗЫКАХ ДАГЕСТАНА

К. Наккарато, С. Ферхеес
Международная лаборатория языковой конвергенции
НИУ Высшая школа экономики

0. Введение

Наиболее распространенным способом утреннего приветствия в языках мира являются сочетания понятий ‘утро’ (или ‘день’, ‘рассвет’) и ‘добрый, добро’, как, например, *Доброе утро* в русском языке. Реже встречаются вопросы о ночном отдыхе, напр. *Oraire ota?* ‘Как прошла ночь?’ в бантуанском языке ньянколе. В языках Дагестана представлены оба варианта приветствия: носители аварского и других языков утром приветствуют друг друга с вопросом *в-орчIами* (букв. ‘проснулись?’, мужская форма), тогда как в языках южного ареала используют выражения со значением ‘доброе утро’, как *пакама-н хийир* (букв. ‘утреннее добро’) в лезгинском языке[1]. Внутри этих двух основных видов наблюдается значительная вариативность в плане лексических единиц, которые входят в их состав, а также в плане структуры выражения. Настоящая статья посвящена типологии утренних приветствий в языках Дагестана. В первую очередь нас интересуют лексические и морфосинтаксические свойства разных выражений, а во вторую очередь — распределение разных типов по языкам и идиомам.

Данные были собраны по методологии Типологического атласа языков Дагестана (Daniel et al. 2020): была заполнена база данных с помощью информации из существующей литературы, в данном случае преимущественно из словарей. Чтобы получить наиболее пол-

[1] Примеры приводятся в орфографии, используемой в источниках по отдельным языкам.

ную картину распространения разных вариантов, данные были дополнены формами, полученными от консультантов-носителей и экспертов по разным языкам и идиомам[2]. Стоит здесь оговорить некоторые недостатки метода и собранных данных. Не для каждого языка нужная нам информация нашлась в доступных нам научных источниках, и пришлось пользоваться онлайн-разговорниками, надежность которых неизвестна. Помимо этого, мы не имели доступ к консультантам и экспертам по каждому из языков в нашей выборке, и в результате данные получились асимметричными: в одних случаях мы можем с некоторой долей уверенности сказать, что наши данные отражают действительную ситуацию в языке, а в других случаях мы на самом деле не знаем, насколько информация из источников является полной и актуальной. Также были случаи, где мы имели доступ только к одному консультанту (и то посредством другого исследователя) и не нашли релевантной литературы. В таких случаях мы, возможно, тоже не получили полную картину. Поскольку подход Типологического атласа подразумевает, что базы данных дополняются и обновляются, когда появляется новая информация, мы надеемся, что будем постепенно улучшать репрезентативность наших данных.

Сама база данных представляет собой таблицу, в которой отражена следующая информация про каждое приветствие: сама форма выражения, ее лексический и морфологический состав, идиом и ис-

---

[2] Авторы выражают свою благодарность консультантам-носителям и экспертам, которые нам оказали бесценную помощь при сборе и анализе данных: М. Г. Абусову, Й. Вихерсу Схрёру, Ч. Р. Газиеву, У. У. Гасановой, М. А. Даниэлю, Ю. А. Ландеру, А. Г. Магомедову, М. З. Маммаеву, Т. А. Майсаку, П. Н. Нурмагомедовой, М. Ринд-Павловски, Н. Р. Сумбатовой, Р. Ш. Халидовой, З. М. Халиловой, М. Э. Чумакиной. Все ошибки и неточности — наши. Мы также благодарны юбиляру за его гостеприимство и вечную готовность помочь по любым вопросам. Когда мы начали заниматься этим исследованием, мы в очередной раз осознали, какую важную роль занимает Расул Османович в дагестановедении, ведь собрать и проанализировать даргинские данные, не испортив сюрприза, оказалось весьма непросто.

Статья подготовлена в ходе работы в рамках Программы фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

точник информации о нем. На данный момент представлены всего 57 выражений из 46 идиомов, покрывая почти все языки восточного Кавказа, т. е. не только Дагестана (включая все нахско-дагестанские языки, кроме крызского, а также местные тюркские языки, татский, а также армянский и грузинский языки в качестве соседних языков)[3].

Работа имеет следующую структуру. В Разделе 1 представлен обзор собранных форм. Сначала обсуждаются вопросы о ночном отдыхе (1.1), а затем рассматриваются сочетания понятий типа ‘утро’ и ‘добрый’ (1.2). В Разделе 2 показано распределение разных вариантов на карте. В Разделе 3 изложены общие результаты исследования, которые также обсуждаются в более широкой перспективе.

1. Утренние приветствия

Языки Дагестана, представленные в нашей выборке, можно разделить на две группы, согласно типу конструкции, используемой для выражения утреннего приветствия. В первую группу входят языки, в которых утреннее приветствие передается в форме вопроса с буквальным значением ‘проснулись/встали/спали?’ (см. 1.1). Вторая группа включает в себя языки, в которых встречаются сочетания понятий ‘утро’ и ‘добрый’, или близких им понятий (см. 1.2). В данном разделе перечисляются языки, входящие в одну или в другую группу, и обсуждается морфосинтаксическая и/или лексическая вариативность внутри каждой группы.

1.1. Проснулись?!

В аварском языке для утреннего приветствия используется выражение *в-орчIами* (согласующееся по роду: *в-орчIами* для обращения к мужчине, *й-орчIами* для обращения к женщине, *р-орчIами* для обращения к мужчинам и женщинам). Выражение основано на глаголе *б-орчI-изе*, который имеет значение ‘просыпаться’, а также может значить ‘вырываться, выбегать, освобождаться’ (Гимбатов 2006: 275). Согласно Гаджиахмедову и др. (2012: 67) выражение *в-орчIами* восходит к вопросительной форме *в-орчI-а-н=ищ* [M-просыпаться-LV-PST=Q].

[3] Данные доступны по адресу http://lingconlab.ru/dagatlas/.

Во всех андийских языках отмечены автохтонные варианты для утреннего приветствия, состав которых в основном соответствует аварской форме (по близости глагольной семантики, а также по наличию форм вопросительного прошедшего). В Таблице 1 представлены формы утреннего приветствия в андийских языках.

Таблица 1. Андийские языки

Андийский (Анди)	*в-учIчI-и=де*	M-вставать-AOR=Q
Андийский (Риквани)	*в-учI-и=де*	M-вставать-AOR=Q
Андийский (Зило)	*в-учIчI-и=де*	M-вставать-AOR=Q
Андийский (Муни)	*гь<у>чI-и=де*	вставать<M>-AOR=Q
Ахвахский (Тадмагитль)	*гьечI-айи=чи*	вставать-PST=Q
Багвалинский (Хуштада)	*гьецIӣвāли*	вставать.PST.CVB.Q[4]
Ботлихский	*гьичIчI-у=ма*	вставать-AOR=Q
Годоберинский	*гьичч-и=дā*	вставать-PST=Q
Каратинский (Карата)	*гьерчIчI=оле*	вставать.PST=Q
Каратинский (Тукита)	*гьащду паркъа*	как быстро
	гьерчIчI-у-б-е	вставать-PTCP-HPL-PL
Тиндинский	*гьецц-о=да(-в)*	вставать-PST=Q(-M)
Чамалинский (Нижнее Гаквари)	*гьесIсI=ē*	вставать.PST=Q

В отличие от аварского, все андийские словоформы, представленные в Таблице 1, основаны на глаголе с общим значением ‘вставать, подниматься (в том числе с постели)’[5], в то время как специ-

[4] Форма утреннего приветствия в багвалинском языке имеет не совсем прозрачную структуру. Форма *гьецIӣв-* могла бы восходить к деепричастной форме мужского рода *гьецIи-в-о* (Т. А. Майсак, л.с.). В доступных нам источниках данных о багвалинском языке мы не встречали вопросительных форм, заканчивающихся на *-ли*, но в грамматике багвалинского языка с. Кванада (Кибрик и др. 2001) упоминаются разные вопросительные частицы, содержащие формант *-л-*. Общевопросительные частицы в багвалинском языке разрешают опущение связки (Казенин, Скобелкин 2001: 450), т. е., они сами могут выступать как предикативные вершины, что объяснило бы их сочетание с деепричастной формой глагола.

[5] Среди указанных форм отмечаются когнаты: ахв. *гьечI-*, багв. *гьецI-* и тинд. *гьецI-* (Гудава 1959: 189), анд. *би-чIчI-*, ботл. *гьирчIчI-,* год. *гьичч-*, кар. *гьерчIчI-*, тинд. *гьецIцI-* (Гудава 1959: 208).

фическое значение ‘просыпаться’ обычно передается другими глаголами (ср. анд. *лъорлъ-иду*, ахв. *го(чIо)чIу-рулъIа*, багв. *б-или-на*, ботл. *в-ил-и*, год. *б-илл-и*, кар. *б-ел-а*^{н}*лъа*, тук. *лъалъ-еду*, тинд. *б-илл-илъ’а*, чам. *билӣ-ла* ‘просыпаться’). В аварском тоже встречается отдельный глагол ‘просыпаться’ (*б-игь-ине*), а также глагол *б-ахъ-ине* с общим значением ‘вставать’, который используется и со значением ‘просыпаться’, но на основе этих глаголов не образуются выражения утреннего приветствия.

Что касается морфологической структуры представленных форм, в большинстве языков встречается форма прошедшего времени (аориста), к которой присоединяется вопросительная частица. Единственным исключением является тукитинский, в котором встречается причастная форма без вопросительной частицы (см. Таблицу 1). Интересно отметить, что в зиловском диалекте андийского языка используется вопросительная частица *=де*, как в собственно андийском диалекте, вместо зиловской частицы *=диле*, что свидетельствует о том, что, вероятно, выражение было заимствовано из собственного андийского. Форма с частицей *=диле* используется для конкретного вопроса ‘проснулись?’, а форма с частицей *=де* именно для выражения приветствия. В рикванинском диалекте глагольная форма и вопросительная частица не отличаются от андийской формы, а в мунинском диалекте используется свой вариант.

Помимо перечисленных форм, во многих андийских языках встречается и аварская форма приветствия. При этом, согласно информации из доступных нам словарей, в некоторых языках она согласуется по роду, как и в аварском (ср. ахв. *в-ачIами*, багв. *в-орчIами*, ботл. *в-орчIами*), в то время как в других языках используется одна форма (мужского рода) независимо от пола адресата, ср. год. *ворчIами* (Саидова 2006: 98), кар. *варчIами*/*ворчIами* (Магомедова, Халидова 2001: 87), чам. *ворчIами* (Магомедова 1999: 110). В упомянутых источниках эти формы приводятся без отделения классного показателя, что говорит об их неизменяемости. Также стоит отметить, что в некоторых языках аварская форма используется с более общим значением ‘здравствуйте’ независимо от времени суток, напр. в годоберинском (Саидова 2006: 98) и в каратинском (Р. Ш. Халидова, л.с.).

В ходе консультаций с носителями некоторых из перечисленных андийских языков создалось впечатление, что формы, заимствованные из аварского, являются более актуальными в настоящее время,

тогда как местные варианты используются более маргинально. Что касается ботлихского языка, например, в словаре (Саидова, Абусов 2012: 163) упоминается выражение *гьичIчI-у=ма* как форма утреннего приветствия, хотя консультанты-носители языка называют только аварскую форму в ответ на вопрос, как будет ‘доброе утро’ на ботлихском языке. Про форму *гьичIчI-у=ма* они прокомментировали, что ее используют только дома, в семейной обстановке, например, когда родители обращаются к детям.

Как и в андийских языках, в цезских языках утреннее приветствие выражается при помощи глагола ‘вставать’ в форме прошедшего времени, к которой (в большинстве случаев) присоединяется вопросительная частица (см. Таблицу 2). В хваршинском вопросительная модальность передается интонацией. Глаголы, на которых эти формы основаны, имеют общее значение ‘вставать, подниматься (в том числе с постели)’, в то время как значение ‘просыпаться’ передается другими глаголами (ср. бежт. *лъуьълI-аьл*, гин. *цIарелъ-а*, цезск. *чIарилъ-а*).

Таблица 2. Цезские языки[6]

Бежтинский	*ø-агъиъ-йо(=ди)*	М-вставать-PST(=Q)
Гинухский	*ø-их=ийе*[7]	М-вставать.PST=Q
Хваршинский	*ø-агь-и мо?*	М-вставать-PST 2SG
Цезский (Кидеро)	*ø-из-ий=аь*	М-вставать-PST=Q

В доступных нам словарях цезских языков приводятся и аварские формы приветствия, которые употребляются без морфонологических изменений и согласуются по роду, как в аварском языке. Как в андийских, так и в цезских языках аварское приветствие *в-орчIами*, по-видимому, имеет более широкое значение ‘здравствуйте’. Однако в ходе консультаций с экспертами по цезским языкам создалось впечатление о том, что аварские заимствования в цезских языках употребляются значительно реже, чем в андийских языках (З. М. Халилова, л.с.).

[6] Гунзибский язык не приводится в таблице, потому что автохтонный вариант утреннего приветствия не нашелся в доступных нам источниках.

[7] В гинухском языке суффикс прошедшего времени *-с*/*-ш*/*-иш* теряется при добавлении вопросительной частицы (Forker 2013: 235). Для утреннего приветствия также встречается вариант *ø-ихи-ш* [М-вставать-PST] ‘встал’ (З. М. Халилова, л.с.).

Во всех даргинских языках в нашей выборке утреннее приветствие выражается при помощи конструкций, главным образом похожих на андийские и цезские конструкции, рассмотренные выше. Главная разница заключается в том, что в большинстве языков используется глагол ‘просыпаться’ (в форме совершенного вида) вместо глагола ‘вставать’. Однако глагол ‘вставать’ (также в форме совершенного вида) представлен в кайтагском[8] и цудахарском языках (см. Таблицу 3). Преобладание глагола ‘просыпаться’ в даргинских языках можно было бы рассмотреть в качестве ареальной черты, но такое заключение нуждается в более подробном изучении, поскольку на данном этапе мы не можем исключить, что в других даргинских языках (кроме кайтагского и цудахарского) представлены оба варианта.

Таблица 3. Даргинские языки

Даргинский (литературный)	*в-елхI-ун=ри=в*	M-проснуться-PRET=2SG=Q
Ицаринский	*в-алгь-ун=дӣ*	M-проснуться-PRET=2SG.Q
Кайтагский	*в-алгь-ун=ди=в*	M-проснуться-PRET=2SG=Q
	гьицц-ур=ди=в	встать.M-PRET=2SG=Q
Мегебский	*в-алхI-ун-на=в*	M-проснуться-PST-EGO=Q
Муиринский	*в-алгьа-тти=в*	M-проснуться-PRET.2SG=Q
Санжинский	*в-алгь-ун=де=в*	M-проснуться-PRET=2SG=Q
Тантынский	*в-алгI-ун=ди*	M-проснуться-PRET=2SG.Q
Цудахарский	*гьайц-ур=ди*	встать.M-PRET=2SG.Q

Среди языков других групп только в лакском и в арчинском языках встречаются вопросы о ночном отдыхе. В лакском, помимо желательной конструкции (см. 1.2), мы обнаружили выражение *ивз-ра-в* [вставать.M-2SG-PST-Q], но в словаре (Хайдаков 1962: 124) данная форма переводится как ‘здравствуй’, а не как ‘доброе утро’ или ‘встали’. В арчинском языке (лезгинская ветвь) используется формула, которая несколько отличается от конструкций, рассмотренных выше, с точки зрения лексических единиц, из которых она состоит, см. (1).

[8] В кайтагском языке встречаются и другие варианты с глаголами ‘спать’ и ‘заснуть’: *ускагьундив!* (букв. ‘заснул ли, спал ли!’, *валгьундив-уссивдив!* (букв. ‘проснулся ли, спал ли!’), *валгьундив-ускагьундив!* (букв. ‘проснулся ли, спал ли!’).

(1) арчинский (М. Э. Чумакина, л.с.)
нибкIи а<р>цIу=ра
сон.ERG ‹F.SG›наполнять(PFV)=Q
‘Доброе утро’, букв. ‘сон наполнил ли (тебя.F)?’

1.2. Доброе утро

В рассматриваемых нами языках представлены два разных способа желать друг другу доброго утра: 1) сочетание слов ‘утро’ и ‘благо’; 2) желательная конструкция (‘пусть утро будет хорошим’). Первый тип во многих случаях состоит из слов арабского происхождения *sabaħ* ‘утро’ и *xair* ‘благо’. В самом арабском языке доброго утра желают фразой صباح الخي *sabaħ al-xair* [утро DEF-благо] ‘утро добро’. В нахско-дагестанских языках, где встречается данное словосочетание, отсутствует определенный артикль *al-* (см. Таблицу 4 ниже). Варианты слова *xair* (со значением ‘польза, выгода, прибыль’ бытуют во многих языках Дагестана, и также в других языках Кавказа (Забитов 2001: 88). Слово *sabaħ* обладает значительно более узким распространением: мы его не встретили в словарях языков северного и центрального Дагестана (включая, например, кумыкский). В тех языках, где слово *sabaħ* отмечено, его употребление ограничено: в агульско-русском словаре, например, отмечается, что слово имеет «шутливо-ироничный» характер (Рамазанов 2010: 504). В табасаранско-русском словаре, слово *сабагь* описано как «редкое» (Ханмагомедов, Шалбузов 2001: 265). В лезгинском языке слово *сабагь* встречается в словосочетании *сабагь хийир*, а самостоятельно слово, кажется, не употребляется, см. (Талибов, Гаджиев 1966: 282). В цахурском языке (единственный лезгинский язык в нашей выборке, в котором формула *sabaħ+xair* как утреннее приветствие отсутствует) слово вовсе не отмечено (Ибрагимов, Нурмамедов 2010).-

Таблица 4. Приветствия ‘утро-благо’

агульский	*сабахIх’айир*
лезгинский	*сабагь хийир*
рутульский	*сабах хайир*
табасаранский	*сабагь хайир*
удинский	*савах хеир*

В азербайджанском языке используется выражение *sabah-ın xeyir* [утро-2SG.POS благо] ‘твое утро добро’ (или, в более формальных контекстах, форма второго лица множественного числа *sabah-ınız xeyir* [утро-2PL.POS благо]); в фарси встречается похожая конструкция صبح بخیر *sobh be-kheir* [утро быть-благо]. Нам осталось не до конца ясным, в результате какого процесса появились нахско-дагестанские формы, представленные в Таблице 4, поскольку они имеют примерно такое же структурное сходство с арабским выражением, как и с азербайджанским.

Тем не менее, нам кажется значимым тот факт, что первое слово из конструкции имеет ограниченное распространение — оно не встречается в языках, где не используется данная формула. К тому же оно как самостоятельная лексема редко употребляется в дагестанских языках, что указывает на то, что его присутствие обусловлено заимствованием формулы приветствия. Узкое распространение формулы и слова *sabaħ* именно среди языков лезгинской группы, которые исторически находились под сильным влиянием азербайджанского языка, указывает на то, что мы имеем дело с контактным явлением. Возможно, произошла конвергенция двух независимых процессов заимствования: i) заимствование слов из арабского; ii) заимствование формулы приветствия из азербайджанского с использованием своих адаптаций.

Интересно отметить, что в двух языках представлены сочетания со словом ‘утро’ в атрибутивной форме. В плане структуры они тем самым ближе к азербайджанской формуле с посессивом.

Таблица 5. Приветствие ‘утреннее благо’

лезгинский	*пакама-н хийир*	утро-GEN благо
цахурский	*мичIейд-ын хайир*	утро-ATTR благо

Похоже, что данные выражения действительно являются кальками из азербайджанского, где слово *sabah* значит ‘утро’. В хиналугском языке используется азербайджанское приветствие *sabah-ın xeyir*, без адаптаций к хиналугской фонологии и морфологии, при этом вежливая форма (второго лица множественного числа) не употребляется (М. Ринд-Павловски, л.с.).

Желательные конструкции представлены в разных языках, см. Таблицу 6.

Таблица 6. Желательные конструкции

кумыкский	*танг яхшы бол-сун*	рассвет добрый быть-IMP.3SG
ногайский	*эртенъ яхшы бол-сын*	утро добрый быть-IMP.3SG
чеченский	*Іуьйре дика хуьл<д>а*	утро добрый стать.OPT<D>
ингушский	*wijra dika xal<d>a hwa*	утро добрый быть.OPT<D>
лакский	*хъинсса кІюрх хьуннав*	утро добрый стать.OPT.2
будухский	*памаджар хер сахье*	утро добрый будь
татский	*səbəħ ty ə xəjr bu*	утро ты в польза быть.SUBJ

Желательные конструкции преимущественно основаны на нативных лексических и морфологических средствах. В связи с этим встречаются разные способы оформления пожелания: желательное наклонение / оптатив, конъюнктив или повелительное наклонение, в зависимости от языка. Интересно отметить, что в тюркских языках кыпчакской группы используются разные слова для обозначения понятия ‘утро’, хотя в обоих языках оба слова наличествуют. В татском (горско-еврейском) языке обнаруживаем аналоги заимствованных слов из выше обсуждаемых конструкций: *xəjr* ‘благо, польза’ и *səbəħ* ‘утро’, но в отличие от дагестанских языков, обсуждаемых выше, в татском языке оба слова регулярно употребляются вне приветственной формулы. В связи с этим нам кажется, что татский язык скорее всего заимствовал лексемы независимо. Слово *хер* в будухской фразе *памаджар хер сахье* вероятно тоже восходит к арабскому *xair*, однако в будухском словаре оно встречается только именно в этой конструкции, а не как отдельное слово (Мейланова 1984), хотя (Забитов 2001: 88) отмечает наличие слова *хейир* в будухском. В связи с этим его глоссирование в Таблице 6 как ‘добрый’ несколько условно. В бацбийском (язык нахской группы, который находится далеко от других нахских языков и был в тесном контакте с грузинским) используются общие приветствия, которые не ограничены по времени (Й. Вихерс Схрёр, л.с.).

Мы также рассмотрели утренние приветствия в грузинском и армянском языках, поскольку они географически близки и какая-то конвергенция с нахско-дагестанскими языками, а также с азербайджанским и персидским могла произойти. Однако в этих языках встречаются выражения, которые не похожи на дагестанские приветствия как в плане структуры, так и по лексическому составу, ср. арм. Բարի լույս *bari luys* [добрый свет], Բարի առավոտ *bari arravot* [добрый утро]; груз. დილა მშვიდობისა *dila mshvidob-isa* [утро мир-GEN].

2. Ареальное распределение

В данном разделе мы рассматриваем распределение разных вариантов утреннего приветствия на карте. Распространение разных стратегий изображено на Рисунке 1[9].

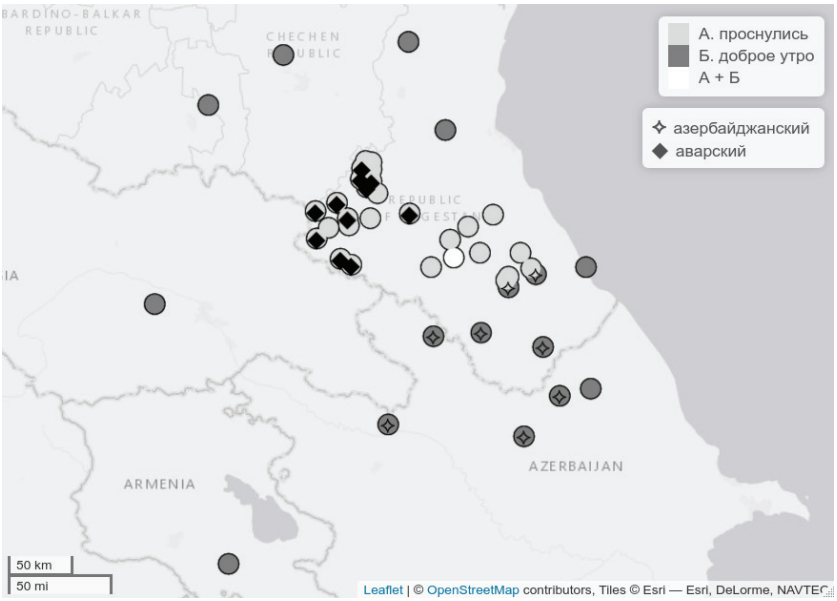


Рисунок 1. Карта: стратегии утренних приветствий

Как уже обсуждалось в Разделе 1.1, стратегия А (‘проснулись?’) характерна для аварского, андийского и цезского языков, и также встречается в арчинском — языке лезгинской ветви, который отдален от других лезгинских языков и находился под сильным влиянием аварского (хотя стоит отметить, что арчинское приветствие, представленное в примере (1), довольно своеобразное по сравнению с выражениями из других языков этой группы). В андийских и цезских языках встречаются собственные варианты стратегии А (воз-

[9] Карта была создана с помощью пакета lingtypology (Moroz 2017) для языка программирования R (R Core Team 2018).

можно, кальки из аварского), а также прямые заимствования из аварского (такие случаи помечены черным ромбиком на Рисунке 1). Есть вероятность, что прямое заимствование представлено в большем количестве языков, чем отражено на Рисунке 1. Дело в том, что литература не всегда упоминает наличие заимствованного варианта, и соответственно, без доступа к консультантам по определенным языкам мы не смогли составить полный инвентарь приветствий.

Помимо вышеперечисленных языков, стратегия А также распространена в даргинских языках, где встречаются свои варианты. Интересно, что они образуют один ареал вместе с зоной аварского влияния. Среди них при этом не обнаруживаются прямые заимствования из аварского. Зона распространения стратегии А тем самым довольно компактная. С одной стороны, она имеет ареальный характер, а с другой стороны — генеалогический, покрывая определенные группы внутри нахско-дагестанской семьи. Насколько нам известно, нет даргинских идиомов по соседству с лезгинскими языками, где использовалась бы Б-стратегия. Интересный случай представляет собой лакский язык: он граничит с даргинским, арчинским и аварским языками, где представлена стратегия А, и в нем, по нашим данным, представлены обе стратегии[10].

Б-стратегии делятся на желательные конструкции типа ‘пусть утро будет добрым’ и сочетания слов ‘утро’ и ‘благо’. Последний тип характерен для зоны распространения азербайджанского языка в качестве лингва-франка (на карте наличие такого выражения отмечено ромбиком с вогнутыми сторонами). Как обсуждалось в Разделе 1.2, установить точное происхождение этих конструкций на основе того, как они выглядят в отдельных языках, довольно сложно: в самом азербайджанском языке конструкция является адаптацией арабского приветствия, и сложно исключить для нахско-дагестанских языков (хотя бы частичное) заимствование прямо из арабского, за исключением полукалькированных конструкций, отмеченных в лезгинском и цахурском языках. Тем не менее географическое распределение можно считать указанием на то, что данный тип является ареальным признаком «азербайджанской зоны», поскольку данная формула не

[10] Стоит здесь отметить, что разные источники по лакскому языку упоминают разные стратегии. Нам не удалось выяснить точное распространение разных стратегий среди лакцев.

встречается вне ее, несмотря на то, что арабское влияние присутствует во всех языках семьи.

Желательные конструкции типа ‘пусть утро будет добрым’ разбросаны по карте и по генеалогическим группам: они отмечены в лакском, чеченском, ингушском, и будухском языках нахско-дагестанской семьи, в ногайском и кумыкском языках (тюркские языки кыпчакской группы) и в татском языке (иранский язык индоевропейской семьи). В будухском и татском при этом отмечается присутствие слов арабского происхождения, которые характерны для азербайджанской зоны. Это неудивительно, поскольку оба языка были под сильным влиянием азербайджанского.

3. Заключение

В статье было представлено исследование о формулах утреннего приветствия в языках Дагестана и соседствующих с ними языках восточного Кавказа. В данном регионе представлено два основных типа утренних приветствий: вопрос о предыдущей ночи типа ‘проснулись?’ (1.1), и пожелание доброго утра (1.2). Обнаружилось, что языки, представленные в нашей выборке, делятся на две большие группы согласно типу конструкции, используемой для выражения приветствия, и что их распределение по этим двум группам имеет как ареальный, так и генеалогический характер. Первый тип приветствий строго ограничивается зоной аварского влияния и даргинскими языками, а внутри второго типа формула из слов ‘утро’ и ‘благо’ встречается именно в зоне азербайджанского влияния (Раздел 2). Желательные конструкции на основе слова ‘утро’ или ‘рассвет’ не имеют специфической дистрибуции. При этом языки одной и той же ветви в основном попали в одну группу.

Выявилась значительная вариативность внутри групп в плане лексических единиц, из которых состоят формулы приветствия. В частности, языки первой группы варьируются по наличию разных глаголов (‘просыпаться’, ‘вставать’, ‘спать’), а языки второй группы — по наличию существительных разной семантики (‘утро’, ‘рассвет’) и разного происхождения (представлена нативная лексика и заимствованные лексемы арабского происхождения). Выражения первой группы довольно однородны в плане морфосинтаксиса (они почти

все состоят из глагола в форме вопросительного прошедшего), в то время как во второй группе наблюдается некоторая вариативность: встречаются формула типа ‘утреннее благо’ с атрибутивной или посессивной формой, словосочетание из двух «голых» существительных ‘утро-благо’ и разного рода желательные конструкции ‘пусть утро будет добрым’ (в зависимости от того, как желательные конструкции оформляются в отдельных языках).

Помимо ареального распределения стратегий, наличие (или, наоборот, отсутствие) конкретных приветствий также отражает степень билингвизма в определенных языковых сообществах. В андийских и цезских языках, например, помимо нативного варианта формулы ‘проснулись?’, встречается аварская форма *в-орчIами*. У ботлихцев (в отличие, например, от андийцев) аварская форма даже преобладает, что легко объясняется тем, что село Ботлих — многонациональное. В нем, помимо ботлихцев, преимущественно живут аварцы и другие андийские народы, для которых аварский издавна служил в качестве лингва-франка. В хиналугском языке, который претерпевает языковой сдвиг (Clifton 2009), употребляется только азербайджанское приветствие в исходной форме[11].

В даргинских языках представлены разные глаголы, ‘просыпаться’ и ‘вставать’ (по контрасту с андийскими и цезскими языками, где внутри ветвей используются в основном когнатные глаголы), первый из которых употребляется в литературном языке, тогда как второй вариант пока засвидетельствован только в кайтагском и в цудахарском. Причем первый вариант в кайтагском тоже встречается. К сожалению, нам не удалось выяснить полный инвентарь приветствий для всех даргинских языков в выборке. Возможно, что более точные данные покажут паттерны контактного влияния на микроуровне среди разных даргинских языков, или разные степени влияния литературного языка. Конвергенцию на микроуровне мы обнаружили, например, в зиловском диалекте андийского языка, где используется собственно андийский вариант формулы ‘проснулись?’ для приветствия (1.1), а зиловский вариант передает частный вопрос. Интересно заметить, что наш консультант указал на то, что зиловский вариант используется в семейной обстановке, например когда

[11] Это касается не только утреннего приветствия, но и приветствий в целом.

родители обращаются к детям, аналогично ситуации в ботлихском, описанной в Разделе 1.1.

По ходу исследования мы заметили, что утренние приветствия, и в частности их дискурсивная прагматика, являются недостаточно изученной областью в языках Дагестана, особенно в бесписьменных языках и идиомах. Не хватает информации о разговорных выражениях и о том, как они употребляются. Грамматики и словари, как правило, уделяют этой теме мало внимания. Актуальность этой проблемы подтверждается тем, что языковое своеобразие в этом плане легко теряется в ситуации асимметричного языкового контакта, и тем более в ситуации языкового сдвига и угрозы исчезновения. Причем, как показывает наше исследование, именно такие выражения могут отражать множество разных аспектов языковой эволюции: параллельное развитие (и также дивергенцию) в близкородственных языках, разные степени адаптации заимствованной лексики, разные дискурсивные практики использования таких выражений и признаки языкового сдвига.

Другой темой, которая нуждается в более подробном изучении, являются ограничения (или их отсутствие) в плане времени на употребление тех формул, которые мы называем утренними приветствиями. Как было отмечено в Разделе 1.1, по крайней мере в каратинском и годоберинском языках, аварская форма, которая употребляется наряду с местными вариантами, менее ограничена по времени, и воспринимается как более общее приветствие, такое как ‘здравствуйте’. В бацбийском языке при этом отсутствует специфическое приветствие для утра, а используются общие приветствия, которые допустимы в любое время суток.

Сокращения

2 — второе лицо; 3 — третье лицо; D — D класс; AOR — аорист; ATR — атрибутивный показатель; EGO — показатель эгофоричности; ERG — эргатив; F — женский класс; HPL — личный множественный класс; IMP — императив; LV — соединительная гласная; M — мужской класс; OPT — оптатив; PFV — перфектив; PRET — претерит; PST — прошедшее время; PTCP — причастие; Q — вопрос; SG — единственное число; SUBJ — конъюнктив

Литература

Гаджиахмедов Н. Э., Мусаева Т. М., Самедов Д. С. 2012. К вопросу о приветствиях в разных коммуникативных культурах. *Вестник Дагестанского государственного университета*, 3, 66–69.

Гимбатов М. М. 2006. *Аварско-русский словарь*. Махачкала: РАН ДНЦ, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы.

Гудава Т. Е. 1959. *Сравнительный анализ глагольных основ в аварском и андийских языках*. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы.

Забитов С. М. 2001. *Арабизмы в лексике восточнокавказских языков*. М.: Российская академия наук, институт языкознания.

Ибрагимов Г. Х., Нурмамедов Ю. М. 2010. *Цахурско-русский словарь*. Махачкала: Дагестанский Государственный Педагогический Университет.

Казенин К. И., Скобелкин А. В. 2001. Вопросительные предложения. В сб.: А. Е. Кибрик, К. И. Казенин, Е. А. Лютикова, С. Г. Татевосов (ред.). *Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари*. М.: Наследие, 444–456.

Кибрик А. Е., Казенин К. И., Лютикова Е. А., Татевосов С. Г. (ред.). 2001. *Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари*. М.: Наследие.

Магомедова П. Т. 1999. *Чамалинско-русский словарь*. Махачкала: РАН ДНЦ, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы.

Магомедова П. Т., Халидова Р. Ш. 2001. *Каратинско-русский словарь*. Махачкала: РАН ДНЦ, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы.

Рамазанов, М. Р. 2010. *Агульско-русский словарь.* Махачкала: Лотос.

Саидова П. А. 2006. *Годоберинско-русский словарь*. Махачкала: РАН ДНЦ, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы.

Саидова П. А., Абусов М. Г. 2012. *Ботлихско-русский словарь*. Махачкала: РАН ДНЦ, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы.

Талибов Б. Б., Гаджиев М. М. 1966. *Лезгинско-русский словарь*. М.: Советская энциклопедия.

Хайдаков С. М. 1962. *Лакско-русский словарь*. М.: АН СССР.

Ханмагомедов Б. Г.-К., Шалбузов К. Т. 2001. *Табасаранско-русский словарь*. М.: Наука.

Clifton J. M. 2009. The future of the Shahdagh languages. *International Journal of the Sociology of Language*, 198, 33–45.

Daniel M., Filatov K., Moroz G., Mukhin T., Naccarato C., Verhees S. 2020. *Typological Atlas of the Languages of Daghestan (TALD)*. Moscow: Linguistic Convergence Laboratory, NRU HSE. http://lingconlab.ru/dagatlas.

Forker D. 2013. *A grammar of Hinuq*. Berlin/Boston: De Gruyter Mouton.

Moroz G. 2017. lingtypology: easy mapping for Linguistic Typology. https://CRAN.R-project.org/package=lingtypology.

R Core Team. 2018. *R: A Language and Environment for Statistical Computing.* R Foundation for Statistical Computing. Vienna, Austria. https://www.R-project.org/.

SOME REMARKS ON THE NAKH-DAGESTANIAN AFFECTIVE CONSTRUCTION[1]

Maria Polinsky
University of Maryland

Nakh-Dagestanian languages are famous (and quite well studied) for their extensive case marking, which at first glance appears exotic (see Comrie & Polinsky 1998, Ganenkov & Maisak 2020 for a discussion). At the same time, the mapping from various nominal forms to verbal arguments has been investigated less. This paper is an attempt to explore such mapping, using data from the Nakh-Dagestanian language Tsez. It is my hope that similar studies can be carried out on other languages of the family, thus stimulating micro-comparative research on the encoding of argument structure.

The main focus of this paper is the status of arguments in the affective construction whose predicates come from the ranks of verbs expressing perception and cognition. In order to analyze this construction, I will first describe case forms and postpositional phrases (Section 1). Section 2 presents the affective construction. Section 3 introduces diagnostics indicating that the affective construction is not a homogenous phenomenon; of special interest there is the masdar relative construction, which has not been studied previously. Section 4 outlines the analysis of Tsez affective constructions, showing that they are structurally ambiguous.

1. Tsez case forms and postpositional phrases

The inventory of Tsez grammatical cases includes absolutive, ergative, genitive/possessive (which shows case concord with the head noun),

[1] I dedicate this paper to Rasul Mutalov, whose enthusiasm for all things linguistic and commitment to languages of the Caucasus have long been an inspiration for us all.

and lative (the form I will return to below); see Kibrik (1970); Comrie & Polinsky (1998), Ganenkov & Maisak (2020), a.o. For the majority of nouns, the ergative coincides with the oblique stem (see Kibrik & Kodzasov 1990 for details).

Spatial nominal expressions are formed by combining morphemes positioned in two or three morphological slots. The slot closest to the nominal stem is reserved for the morpheme indicating the reference point (aka localization) in a locative configuration: horizontal or vertical surface, inner space (hollow or filled), adjacent space, etc. (see Svorou 1994 for basic concepts and terminology). The second slot houses the morpheme encoding path with respect to the reference point, such as movement from that point, to that point, and so forth; the absence of motion is a separate interpretive component, one that is expressed by the essive. Yet another slot, furthest away from the stem, is reserved for morphemes expressing deictic distinctions, roughly [visible] (no marking) and [out of sight] (associated with overt marking); the two distinctions are referred to as non-distal and distal respectively (Comrie & Polinsky 1998). Table 1 shows the combination of reference-point (localization) marking and motion-path marking in the non-distal deictic form. The names of spatial forms are composed from the name of the localization followed by the name of the motion (e.g., apud-allative, poss-ablative, etc.).[2]

Table 1. Tsez spatial forms, non-distal series.

	Type of motion			
	Absence of motion (essive)	Motion to (lative)	Motion away from (ablative)	Motion towards (allative)
IN (in a hollow space)	-ä	-är	-äy	-äʁor
CONT (among, in filled space, in mass)	-ł	-łer	-łäy	-łχor
SUPER (on horizontal space)	-ƛ’(o)	-ƛ’or	-ƛ’äy	-ƛ’är/-ƛ’äʁor
SUB (under)	-ƛ	-ƛer	-ƛäy	-ƛχor
POSS (on vertical space)	-q(o)	-qor	-qäy	-qär/-qäʁor
AD (at, touching)	-χ(o)	-χor	-χäy	-χär/-χäʁor
APUD (near)	-de	-der	-däy	-där/-däʁor

[2] Abbreviations follow the Leipzig Glossing Rules.

Abstracting away from complications of stem morphology (see Comrie & Polinsky 1998; Imnajšvili 1963; Kibrik & Kodzasov 1990), and from variation in the ending of some spatial forms (most notably the allative), we notice that the lative and allative both share the morpheme *-r* (a simple scanning of the forms suggests that the allative can be further decomposed into two segments, of which the *-r* ending is also found in the lative).The same ending *-r* marks what is traditionally called the dative in grammars of other Nakh-Dagestanian languages (see Ganenkov & Maisak 2020 for an overview), as well as in descriptions of Tsez (Bokarev 1959; Imnajšvili 1963; Comrie & Polinsky 1998). Compare:

(1) a. *nesi-r*
DEM.CLASS.I-R
'to him'

b. *is-er*
bull-R
'to the bull'

c. *es-na-za-r*
sibling-PL-OS.PL-R
'to (the) siblings'

(2) a. *poč-ma-r*
post.office-OS-R
'to the post office'

b. *šahar-yä-χor*
town-OS-ALL.R
'to the city'

Since the lative function of the morpheme that appears in spatial forms is clear, it is more parsimonious to characterize the *-r* form as encoding the lative, rather than post two homophonous forms, one encoding a motion path, and the other, a more abstract dative marker. In the examples below, *-r* will be glossed as LAT(ive); the same convention is adopted in Polinsky (2015).

Tsez draws a distinction between permanent and temporary possession, in particular with respect to verbs of existence and verbs of transfer. With the former, the contrast is expressed by the genitive vs poss-essive, as shown in (3). With verbs of transfer, the lative encodes a permanent recipient, (4a), whereas the poss-essive marks the noun whose referent receives something temporarily, as in (4b).

(3) a. *Murad-e-s mašina zow-ä?*
Murad-OS-GEN1 car.ABS.III be.PST-INTERR
'Did Murad have (own) a car?'

b. *Murad-qo mašina zow-ä?*
Murad-POSS.ESS car.ABS.III be.PST-INTERR
'Did Murad have a car (for temporary use)?

(4) a. *obiy-ä Murad-e-r mašina b-iči-s.*
father-ERG Murad-OS-LAT car.ABS.III III-leave-PST.WIT
'Father left Murad the car (to keep).'

b. *obiy-ä* *Murad-qo* *mašina* *b-iči-s.*
father-ERG Murad-POSS.ESS CAR.ABS.III III-leave-PST.WIT
'Father left Murad the car temporarily.'

One class of verbs, however, always takes an argument in the lative, although one could argue that these verbs denote a fleeting eventuality: these are verbs of perception and cognition, which I describe in the next section.

2. Affective construction

Tsez, like other Dagestanian languages, has an affective construction (also known as experiencer construction), whose predicate is a verb denoting a psychological state: perception or cognition. Several verbs that occur frequently in this construction include:[3] AGR-*uk^{w}ad*- 'see', AGR-*iy*- 'know, understand', *koƛ'*- 'know, be trained, prepared for something', AGR-*et*- 'like, love, want, need', *teq*- 'hear', AGR-*ac*- 'dislike', AGR-*es*- 'find', *čuq*- 'recognize, understand', *šuƛ'*- 'forget'. They all share the same marking on their arguments: the experiencer, which in most cases is animate, appears in the lative form, and the stimulus is in the absolutive (see Comrie & van den Berg 2006; Cysouw & Forker 2009 for this construction in other Nakh-Dagestanian languages and further references). The verb agrees with the absolutive argument.

Consider examples of the affective construction below, with more literal equivalents in parentheses:[4]

(5) *nesi-r* *baru* *y-ukay-nč'i.*
DEM.I-LAT wife.ABS.II II-see-PST.WIT.NEG
'He did not see (his) wife.' (lit.: the wife was not visible to him)

---

[3] Only a subset of vowel-initial verbal stems take agreement prefixes; in the representation of these verbs, AGR stands for the agreement slot.

[4] Here and below, I use a number of elicited examples, which are critical when minimal pairs are needed. Some examples come from the Tsez Annotated Corpus (https://tsezacp.clld.org/), which includes fairy tales, published with Russian translation as Abdulaev and Abdullaev (2010). Examples from the corpus are followed by the name of the text and the corresponding line in that text.

(6) *dä-r nesi-s ʕamal b-aci-x.*
1SG-LAT DEM.I-GEN1 character.ABS.III III-dislike-PRS
'I can't stand his personality.' (lit.: his personality is distasteful to me)

(7) *elo-gon yisi-r surat-ce bercinaw kid*
there-CONTR.TOP DEM.I-LAT picture-EQUATIVE beautiful girl.ABS.II
y-esu-n.
II-find-PST.nWIT
'And there, he found a picture-perfect beautiful girl.' (ʕAliqilič:168)
(lit.: a … girl turned out…)

(8) *elu-r mašina c'aq' b-et-äsi yoł.*
1PL-LAT car.ABS.III very III-want-RES.PTCP AUX.PRS
'We badly need a car.' (lit.: car is wanted to us)

(9) *χeχ-za-r ecno-ni igruška šuλ'i-s.*[5]
children-OS-LAT new-DEF toy.ABS.IV forget-PST.nWIT
'The children forgot (about) the new toy.'
(lit.: the toy was forgotten to the children)

Some other affective predicates are derived on the basis of the verbs listed above. For example, 'smell' is *maħ b-iy-*, literally 'to know a smell', and 'taste' is *t'aʕam b-iy-/gimu y-iy-*, literally meaning 'to know a taste'; in each case, the word 'smell' or 'taste' is in the absolutive argument position and the stimulus is expressed as the adnominal genitive (the complex noun phrase expressing stimulus is shown in brackets below):

(10) *dä-r* [*gagali-s maħ*] *b-iy-χ.*
1SG-LAT flower-GEN1 smell.ABS.III III-know-PRS
'I smell flowers.' (lit.: flower's smell is known to me)

(11) [*ci-yo-s t'aʕam*] *b-iy-ä deb-er?*
salt-GEN1 taste.ABS.III III-know-INTERR 2SG-LAT
'Did you notice the saltiness?' (lit.: is salt's taste known to you?)

---

[5] The verb 'forget' has an additional case frame, with the experiencer in the absolutive and the stimulus in the sub-ablative form:

(i) χeχbi šuλ'i-s ecno-ni igruška-λ-äy.
children.ABS.(nIPL) forget-PST.WIT new-DEF toy-SUB-ABL
'The children forgot (about) the new toy.'

This development may be due to influence from Russian, where the verb *zabyvat' o* NP 'forget about' takes the nominative subject and a prepositional object.

Questions that arise in the analysis of the affective construction have to do with the status of the associated verbs (e.g., are these verbs transitive or intransitive?) and with the status of the absolutive and lative noun phrases, namely, are they both arguments? which one is the subject?

As an aside, not all predicates denoting internal or psychological states appear in the affective construction. For other constructions involving psychological verbs, see Polinsky (2015).

3. Two types of lative-argument verbs

The question that I will explore in this section has to do with the syntactic status of the lative and absolutive arguments. To anticipate the discussion below, I will show that lative-taking verbs of perception and cognition are not a homogeneous class, hence the affective construction is just a label, albeit a convenient one. These verbs differ in the way they causativize, and their arguments have different binding properties. We also observe differences in the way arguments of these verbs are modified by masdar clauses. I will now discuss these properties in turn.

3.1. Causative formation

Tsez has several causative affixes, among which the suffix -*Vr*- is most productive, deriving morphological causatives from all kinds of simple verbs (for other strategies of causative formation, see Polinsky 2015). This section will only discuss morphological causatives with the suffix -*Vr*-.

As mentioned a moment ago, verbs of cognition and perception do not causativize uniformly, but at the same time it is not a free-for-all. Rather, these verbs follow two patterns of causativization. One pattern creates transitive verbs (Pattern A), and the other, ditransitive (Pattern B).[6] Crucially, each verb follows just one of the two patterns; there is no optionality.

[6] Causativization of perception and cognition verbs outside the affective construction follows standard rules of causative formation for intransitives or transitives, and I will not be concerned with them here.

3.1.1. Pattern A: Transitivization of cognition/perception verbs

With a subset of cognition/perception verbs, namely, 'know', 'forget', 'find', and the verbs denoting the four non-visual senses ('hear', 'feel', 'taste', 'smell'), causativization creates volitional verbs whose agent corresponds to the experiencer in the affective construction. This is represented schematically as follows:

(12) Affective construction: Experiencer-LAT Stimulus-ABS V
↓ ↓ ↓
Causative construction: Agent-ERG Stimulus-ABS V-CAUS

To illustrate, compare the verb AGR-*es*- 'find', which combines wtih the absolutive stimulus and lative experiencer, and its causative counterpart AGR-*esur*- 'find; look for', which takes an ergative agent and absolutive stimulus/patient.[7] The verb changes from intransitive to transitive, and the roles change, with the experiencer now denoting the agent-like argument, but no new participants are introduced.

(13) a. *aħoˁ-r meši b-esu-s.*
shepherd-LAT calf.ABS.III III-find-PST.WIT
'The shepherd found the calf.' [LAT-experiencer, ABS-stimulus]
b. *aħ-ä meši b-esu-r-si.*
shepherd-ERG calf.ABS.III III-find-CAUS-PST.WIT
'The shepherd looked for the calf.' [ERG-agent, ABS-stimulus]

Likewise, with the complex verb 'smell', the experiencer in the affective construction corresponds to the agent-like argument in the transitive clause:

(14) a. *Madina-r* [*gagali-s maħ*] *b-iy-n.*
Madina-LAT flower-GEN1 smell.ABS.III III-know-PST.nWIT
'Madina perceived the scent of flowers.'
[LAT-experiencer, ABS-stimulus]
b. *Madin-ä* [*gagali-s maħ*] *b-iy-r-si.*
Madina-ERG flower-GEN1 smell.ABS.III III-know-CAUS-PST.WIT
'Madina sniffed at flowers.' [ERG-agent, ABS-stimulus]

The verb *šuƛ'*- 'forget (lit.: be forgotten)' takes the experiencer in the lative and the stimulus in the absolutive (see (9) above), whereas its causa-

[7] Whether the stimulus actually becomes a patient/theme in the ergative construction is unclear. I will continue to refer to that participant as stimulus, with the understanding that it corresponds to a patient-like (theme-like) argument.

tive counterpart takes the ergative agent/experiencer and the absolutive stimulus. Given its semantics, it is not surprising that the corresponding causative verb is often used in imperatives:

(15) pro *ac* *ħiš-a* *šuƛ'-är-no* / **šuƛ'-no!*
ERG door.ABS.II close-INF forget-CAUS-PROH / be.forgotten-PROH
'Don't forget to close the door!'

In some cases, the interpretive contrast between the intransitive psychological predicate and its transitive counterpart is quite subtle. Compare the intransitive AGR-*iy*- 'know; happen to know' and the transitive AGR-*iy-r*- 'know; get to know'. Example (16) is an appropriate comment on someone who grew up in a place where it was hard to learn Russian; meanwhile, (17) emphasizes commitment to knowing and maintaining one's language.

(16) *neła-r* *ʕurus* *mec* *b-iy-χ-ānu.*
DEM.nI-LAT Russian language.ABS.III III-know-PRS-NEG
'She does not know the Russian language.'

(17) [*q'ˁim-ä q'ˁim-e-s* *mec* *b-iy-r-ani-χ*]
own-OS-GEN1 language.ABS.III III-know-CAUS-MASD-AD.ESS
ħažetaw *šebin* (*yoł*).
important thing.ABS.IV be.PRS
'It is important to know one's own language.'

Similarly, (18) may be a statement about an accidental encounter, while in (19) the implication is that an intentional effort is being made.

(18) *dä-r* *ža* *užі* *ged-mo-χ-or* *Ø-iy-s.*
1SG-LAT DEM boy.ABS.I garment-OS-AD-LAT I-know-PST.WIT
'I recognized (knew) that boy by his shirt.'

(19) *aħ-ä* *nesi-s* *bˁeƛ'ƛ'u* *šila-za-χ-or*
shepherd-ERG DEM.I-GEN sheep(.SG).ABS.III horn-OS.PL-AD-LAT
b-iy-r-si.
III-know-CAUS-PST.WIT
'The shepherd recognized (knew) his sheep by its horns.'

3.1.2. Pattern B: Ditransitivization of cognition/perception verbs

In the second pattern of causativization of cognition and perception verbs, a new participant is introduced as the causer, creating a three-place predicate.

Consider the causative of AGR-*et*- 'like, want'; causativization adds a causer, the experiencer becomes the causee in the poss-essive, and the stimulus remains in the absolutive. To represent this schematically:

(20) Affective construction: Experiencer-LAT Stimulus-ABS V

Causative construction: Agent-ERG Causee-POSS-ESS Stimulus-ABS V-CAUS

For example,

(21) a. *debe-r čorpa b-eti-χ-ānu.*
2SG-LAT soup.ABS.IV IV-like-PRS-NEG
'You don't like (the) soup.'

b. *eni-y-ä debe-q yedu čorpa b-et-ir-χo.*
mother-OS-ERG 2SG-POSS.ESS DEM.nI soup.ABS.IV IV-like-CAUS-PRS
'The mother is making / will make you like this soup.'

The causative of AGR-*ukad*- 'see (be visible)' is the ditransitive verb AGR-*ukar*- 'show'. Here, the agent appears in the ergative, the recipient appears in the poss-essive, and the absolutive encodes the stimulus/patient:

(22) a. *χeχ-za-q kino r-ukay-s.*
child-OS-LAT movie.ABS.IV IV-see-PST.WIT
'(The) children saw a/the movie.'

b. *učitel-ä χeχ-za-q kino r-uka-r-si.*
teacher-ERG child-OS-POSS.ESS movie.ABS.IV IV-see-CAUS-PST.WIT
'The teacher showed the children a movie.'

The same causativization pattern can be found with complex verbs of cognition and perception. Compare the intransitive verb *bič'zi* AGR-*oq*- 'be clear, be understood' and its transitive counterpart *bič'zi* AGR-*od*- 'make clear, explain', where -*oq*- 'become, be' and -*od*- 'do, make' are the intransitive and transitive light verbs, respectively.

(23) a. (*kid-be-q*) *sual bič'zi b-oq-χ-ānu.*
girl-OS-POSS.ESS question.ABS.III understand III-become-PRS-NEG
'The question was not understandable (to the girl).'

b. *učitel-ä* (*kid-be-q*) *sual bič'zi b-oy-s.*
teacher-ERG girl-OS-POSS.ESS question.ABS.III understand III-do-PST.WIT
'The teacher explained the question (to the girl).'

Note that finer semantic distinctions within the class of cognition/perception verbs do not predict which of the two patterns of causativization will

occur. For example, the verb 'like' causativizes following Pattern B, while the verb 'dislike' uses the opposite pattern. And similarly, causativization turns the verb of seeing into a ditransitive, following Pattern B, but predicates denoting the other four senses follow Pattern A, causativizing into transitives.

In what follows, I will refer to those verbs that causativize into transitives (Pattern A) as *know*-verbs, and to those verbs that causativize into ditransitives (Pattern B) as *like*-verbs. These are just mnemonic labels, and I would like to underscore the apparently arbitrary connection between their meaning and the syntactic structure they project: an important take-home message reminding us all that syntax and semantics are not related isomorphically.

3.2. Reflexive binding

For reasons of space, I will only discuss reflexive binding. The formation and binding properties of reciprocals are very similar; see Polinsky & Comrie (2003) and Polinsky (2015).

3.2.1. Tsez reflexives: Some basics

Reflexives in Tsez are complex, consisting of two parts. Their formation is based on two different strategies, both of which involve repetition of the relevant pronoun or demonstrative. In one of these formations, the first component of the compound reflexive appears in the oblique form (which corresponds to the ergative), and the second component appears in the case required by the verb or postposition that takes the reflexive as its argument or adjunct. As the first component in the oblique form is not sensitive to context, the case of the entire compound reflexive is expressed by the second component in the formation. This formation is available for all cases other than the ergative. In the second formation, the order of the constituents in the compound reflexive is reversed as compared to the first formation. The case called for by the governing verb or postposition appears on the first constituent, and the second constituent is in the absolutive. This formation is available for all cases other than the ergative and the absolutive (see Polinsky & Comrie 2003 for details). Since both reflexive pronouns never occur in the contexts that require the ergative case, the gap in the paradigm is expected, cf. a similar ban on the

reflexives like **sheself* or **weselves* in English. Reflexive forms also index the noun class of the antecedent (class I vs. all the others); in the glosses, the class is shown as a Roman numeral after the case form of the reflexive.

In transitive clauses with the ergative and absolutive argument, only the ergative can bind the reflexive in the absolutive-argument position (or adjuncts in various forms). The ergative cannot be bound by the absolutive, as shown in (24b). The linear order of the antecedent and anaphor is quite free (Comrie et al. 2013; Polinsky & Comrie 2003), and binding relations remain the same regardless of word order.

(24) a. *Murad-ä nesä že goλ'i-n.*
Murad-ERG REFL.ABS.I call-PST. nWIT
'Murad invited himself.'
b. **Murad nesä nes-ä goλ'i-n.*
Murad.ABS REFL.ERG.I call-PST. nWIT
'Murad invited himself.'

The binding pattern illustrated in (24) indicates that the ergative argument is structurally higher than the absolutive object. For other evidence that the ergative asymmetrically c-commands the absolutive, see Polinsky & Potsdam (2001, 2002), Gagliardi et al. (2014), Polinsky (2015). For the purposes of this paper, the relevant generalization is that a structurally dominant argument can bind into a lower position, but not vice versa.

3.2.2. Reflexive binding in the affective construction

If we now test binding with respect to the lative and absolutive arguments of the verbs of perception or cognition, we find a bifurcation that matches the division observed in causatives. In clauses with *know*-verbs, the lative argument can bind the absolutive but not vice versa. This binding pattern indicates that the lative argument is structurally higher than the absolutive.

(25) a. *Irbahin-e-r nesir ža surat-yo-ł Ø-esu-s.*
Ibrahim-OS-LAT REFL.I.ABS picture-OS-CONT.ESS I-find-PST.WIT
'Ibrahim found himself in the picture.'
b. **Irbahin nesä nesi-r / nesir ža surat-yo-ł Ø-esu-s.*
Ibrahim.ABS REFL.I-LAT picture-OS-CONT.ESS I-find-PST.WIT

In contrast, *like*-verbs allow binding both ways, from the lative to the absolutive and vice versa. Consultants do not express a preference for one

binding direction over the other. Thus, we do not see clear evidence of structural superiority between the arguments.

(26) a. *eniw-r neła-r ža y-ukay-s.*
mother-LAT REFL.nI.ABS II-see-PST.WIT
'Mother saw herself.'
b. *eniw neł-ä neła-r y-ukay-s.*
mother.ABS.II REFL.nI-LAT II-see-PST.WIT
'Mother saw herself.'

3.3. Verbs of perception or cognition in modal existential clauses

3.3.1. Masdar relative clauses: Basic facts

Tsez has several strategies for forming noun-modifying clauses. Among those, clauses with the participial predicate allow for relativization of pretty much any position on the Noun Phrase Accessibility Hierarchy (Keenan & Comrie 1977); for this type of relative clause formation, see Comrie & Polinsky (1999). Another type of noun-modifying clause, the one I will be concerned with here, includes clauses whose predicate is the deverbal noun (masdar) or infinitive. I will only consider masdars here, but the analysis of infinitival modifying clauses is similar. In what follows, I will be referring to masdar noun-modifying clauses as masdar relative clauses, abbreviated as MRCs. Since MRCs are not well studied, this section will present basics of their structure. Building on the understanding of general MRC structure, I will turn to MRCs with verbs of perception and cognition as predicates.

Tsez MRCs resemble English infinitival relative clauses such as the ones in (27):

(27) a. A man [for John to play against] is in the other room.
(Hackl & Nissenbaum 2012)
b. Here is a table [to put the lamp on].
c. *The savior* [*to heal you*] *is coming.*
d. *The 20+ expenses* [*to include in your budget*] *are as follows…*

English infinitival relatives have attracted the attention of many researchers (e.g., Bhatt 2006; Bolinger 1988; Caponigro 2003; Faraci 1974; Fleischer 2008; Green 1973; 1992; Hackl & Nissenbaum 2012; Šimik 2011, 2013a, b). The details of such relatives in English (and other familiar languages) tend to be quite complex, but the recurrent generalization is that such

clauses also have a modal reading (e.g., *a table on which one could/should/would put the lamp*).

As in English, the referent of the noun modified by a Tsez MRC is construed as available in the eventuality denoted by the masdar, and Tsez MRCs exhibit the same modal range as infinitival relative clauses in English (see Bhatt 2006), including circumstantial possibility or weak necessity.

In some languages, Russian among them, infinitival relatives can be formed with a wh-word, as in (28). Tsez, however, does not have that formation, (29).

(28) *Tebe / U tebja est' [čto poest' večerom]?*
2SG.DAT / by 2SG.GEN is what eat.INF in.the.evening
'Do you have food to eat in the evening?'

(29) a. [*r-ac'-ani-χ*] *šebin yoł-ä debe-q?*
IV-eat.TR-MSD-AD.ESS thing.ABS.IV be.PRS-INTERR 2SG-POSS.ESS
'Do you have something to eat?'
b. *[*šebi r-ac'-ani-χ*] *yoł-ä debe-q?*
what.ABS.IV IV-eat.TR-MSD-AD.ESS be.PRS-INTERR 2SG-POSS.ESS
(lit.: "Do you have what to eat?")

Tsez masdars are formed from the vP base, with the suffix *-ni* exponing the functional head *n*, which turns the verbal constituent into a deverbal nominal:

(30) $[_{nP}\,[_{VoiceP}$ DP $[_{vP}\,[_{VP}$ DP V]]]]

Among other things, masdar structures have their own negation, distinct from the negation in tensed clauses, which underscores the relatively small structural size of these expressions.

Tsez arguments are licensed inside the vP and receive their case marking there (Gagliardi et al. 2014). Because of this low licensing position, the subject (or the highest argument, to be more precise) can be mentioned inside the MRC, just as in English (27a). Unlike English, where the highest argument has to be introduced by *for,* the highest argument in Tsez MRCs has the same case marking as in finite clauses; for instance, the ergative in (31) or the absolutive in (32):

(31) [*kid-b-ä nełā neła-z tuple-za-ƛ teƛ-ani-χ*]
girl-OS-ERG REFL.nI-GEN1 shoe-OS.PL-SUB.ESS pay-MASD-AD.ESS
micχir
money.ABS.III
'(the) money for the girl to pay for her shoes'

(32) [*gulu* *b-et'u-n* *k'oƛ-ani-r*] *huni*
horse.ABS.III III-tear.away-PFV.CVB run-MASD-LAT road.ABS.IV
'the/a road for a/the horse to gallop on'

Assuming this line of analysis of masdars, MRCs behave as extended verbal projections under a nominalizing head, while at the same time having apparent relative-clause paraphrases.

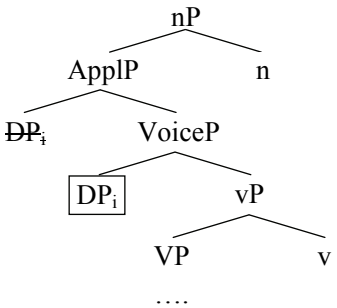
Let me return to interpretive properties of MRCs. In addition to their modal flavor, MRCs have a clear control reading; for example, they are impossible with non-volitional, inanimate subjects:

(33) ??[*isi* *y-ay-ani-r*] *zaman*
snow.ABS II-go-MASD-LAT time
('the time for snow to fall')

The selectional restrictions indicate that an MRC includes a control predicate; not a completely novel finding, but one consistent with existing proposals for similar clauses in English (Hackl & Nissenbaum) and some other languages (Šimik 2011, 2013a, b). The MRC's highest argument (boxed in (34)) serves as the referent for whom the circumstantial possibility is established.

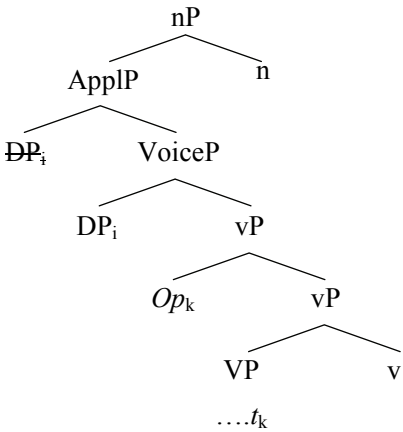
If this argument were introduced by an applicative head, similar to the English *for* (e.g., (27a)), we would expect uniform case marking in MRCs, contrary to fact. Assuming that the control relationship holds, the configuration is an instance of inverse or backward control, namely, the outcome of A-movement where the tail of the A-chain is spelled out rather than its head. This is shown by strikethrough in (34). Tsez has backward control in other structures (Polinsky & Potsdam 2002; Polinsky 2015), but it remains unclear why backward control is obligatory in these relative clauses.

(34)



The verb phrase embedded under the controller includes an operator in spec,v, coindexed with a trace in the lower portion of the verb phrase; this is the constituent that is relativized (and coindexed with the overt noun phrase which serves as the head of an MRC).

(35)



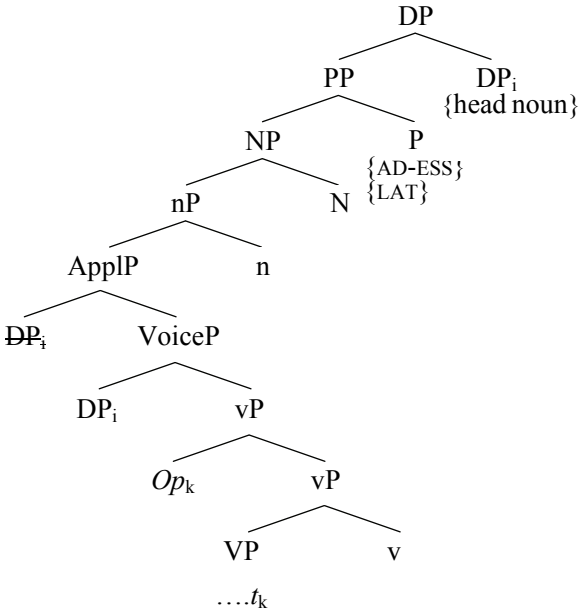
The next set of generalizations has to do with the way MRCs combine with the external head. The examples of MRCs above show that it bears a spatial marker. Such a marker is obligatory; an MRC cannot modify the head noun without spatial marking. The choice of a spatial form is not random; the MRC must appear either in the ad-essive or lative form. In that regard, MRCs are different from infinitival relatives which do not require spatial marking. Further still, Tsez MRCs require an overt head noun.

These facts can be captured as follows: The nominalized verb phrase, (35), serves as the complement to the P head spelled out by lative or ad-essive. The resulting PP is adjoined to the noun which is construed as the head noun of the MRC:

(36) $[_{NP}\ [_{PP}\ [_{NP}\ [MRC]]\ P_{adessive/lative}]\ NP_{Head\ noun}]$

Because the MRC is encapsulated inside a PP it requires an overt head noun; the resulting expression is intended as a noun phrase, not a PP, and an invisible head would make this structure impossible to identify. (In contrast, infinitival clauses are not PPs, and can be headed by a null head nominal, giving an appearance of a headless relative clause.)

(37)



Finally, Tsez MRCs can include the subject (cf. (31) or (32)) but cannot modify that subject. In that regard they differ from English infinitival relatives which can modify the subject, as shown in (27c) above. To illustrate this latter restriction, consider (38) which can only mean that there is someone who could or should heal the doctor, but not that a doctor exists who could heal a patient.

(38) [*say* *od-ani-χ*] *doχtur*
health do-MASD-AD.ESS doctor.ABS.I
'the/a doctor that someone could/should heal'
NOT: 'the doctor to do the healing'

The structure in (35) allows us to account for this restriction. In an MRC, only the material inside the vP can undergo A-bar movement. The subject in an MRC, which corresponds to the controller, is outside the domain from which the operator raises. Thus, this DP cannot be modified by a relative clause.

Table 2 summarizes the properties of Tsez MRCs. More work needs to be done to study these constructions; here, I only identified the facts that are relevant for the discussion of the affective construction.

Table 2. Tsez masdar relative clauses

Property	Explanation
Does not show properties of tensed clauses	Syntactically is a vP embedded under the nominalizing head *n*
Has a modal reading	Expresses the availability of some entity with respect to the event expressed by the VP
Must appear in a spatial form (AD-ESS or LAT)	Attaches to the head noun as a PP
Cannot appear without the head noun	MRC is a complement of P which adjoins to modified noun
Exhibits properties of control	Backward control between the argument introduced by ApplP and the subject in spec,Voice
The highest structural argument of the MRC cannot be the head noun	A-bar movement occurs in the portion of the masdar clause below the highest argument

3.3.2. Verbs of cognition and perception in MRCs

Turning now to our cognition/perception verbs, they differ with respect to formation of MRCs.

With *know*-verbs, only the absolutive argument can be relativized with a masdar clause. Consider the following example, where (39a) is the baseline sentence:

(39) a. *ʁˤana-za-r* *čorpa-s* *taʕam* *b-iy-χosi* *yol.*
woman-OS.PL-LAT soup-GEN taste.ABS.III III-know-PRS.PTCP be.PRS
'The women are tasting the soup.'

b. [*ʁˤana-za-r* *taʕam* *b-iy-ani-χ*] *čorpa*
woman-OS.PL-LAT taste.ABS.III III-know-MASD-AD.ESS soup.ABS.IV
'soup for the women to taste'

c. *[*čorpa-s* *taʕam* *b-iy-ani-χ*] *ʁˤana-bi*
soup-GEN taste.ABS.III III-know-MASD-AD.ESS women-ABS.PL.nI
('women who could/should/would taste the soup')

Thus, the lative argument of *know*-verbs behaves as the subject or external argument with respect to an MRC. This accords well with its binding properties, given that it also asymmetrically binds the absolutive.

With *like*-verbs, both the absolutive and the lative can be modified by an MRC. In the following example, (40a) is the baseline sentence:

(40) a. *ʁˤana-za-r* *yedu* *ħalt'i* *b-eti-χ.*
woman-OS.PL-LAT DEM work.ABS.III III-want-PRS
'Women like this kind of work.'

b. [*ʁˤana-za-r* *b-eti-χ-ani-χ*] *ħalt'i*
woman-OS.PL-LAT III-want-MASD-AD.ESS work
'(the) work that women could/would/should like'

c. [*yedu* *ħalt'i* *b-eti-χ-ani-χ*] *ʁˤana-bi*
DEM work.ABS.III III-want-MASD-AD.ESS woman-PL
'women who could/would/should like that kind of work'

Let me underscore that these MRC patterns match the patterns of causative formation discussed in section 3.1 and the binding patterns discussed in section 3.2. Predicates that form the affective construction neatly divide into two classes with respect to all the criteria.

In addition to the cluster of properties discussed here, another area of divergence between the two types of verbs that form the affective construction has to do with coreference across clauses. The lative experiencer of *know*-verbs has priority over the absolutive in determining coreference across clauses; meanwhile, with *like*-verbs, both noun phrases seem to have equal access to such coreference.

A summary of the differences between the two types of cognition and perception verbs is given in Table 3.

Table 3. Structural differences across cognition/perception verbs

	Verb type	
	'know', 'hear', 'feel, 'forget', 'find', 'dislike'	'like/love/want', 'see'
Causative formation	transitive volitional verbs with experiencer as ergative argument	ditransitive verbs with experiencer mapping to cause and an added causer argument
Reflexive binding	LAT binds ABS; *ABS binds LAT	LAT binds ABS; ABS binds LAT
Modification with MRC	Only ABS can be modified	Both ABS and LAT can be modified
Coreference across clauses	LAT has priority over ABS	LAT and ABS are equal in coreference-tracking

In the next section, I will present an account that can capture these differences.

4. Analysis

The data presented so far indicate that the so-called affective construction is not uniform, and accordingly, even those verbs of perception and cognition that take the experiencer argument in the lative are not a coherent class either. Rather, there are two subclasses of perception and cognition verbs, the class I referred to as *know*-verbs and the class I termed *like*-verbs.

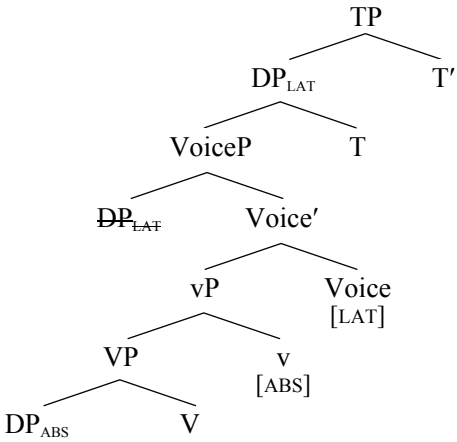
With respect to *know*-verbs, let us revisit sentence (13a), repeated below:

(41) *aħoˁ-r meši b-esu-s.*
shepherd-LAT calf.ABS.III III-find-PST.WIT
'The shepherd found a/the calf.'

The lative argument in this clause has all the properties of subjects; in particular, it can asymmetrically bind an anaphor and can participate in control structure in an MRC. Further still, it can also participate in control structures when embedded in a regular infinitival clause (see Polinsky & Potsdam 2002: 252). These verbs typically do not form imperatives, for an obvious reason: positive imperatives must represent an intentional event, and one does not ordinarily issue a directive to someone to do something that is not under their intentional control.

Based on these considerations, the structure of clauses with *know*-verbs has the following representation:

(42)



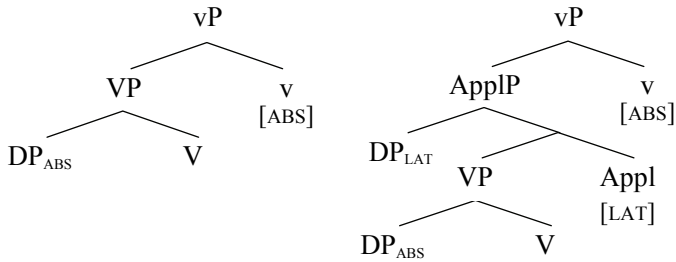
The internal argument gets its absolutive case from the functional head *v*, or if the configurational case licensing model is used, it gets the

only case in its local domain. Nothing hinges on the choice between these two case licensing approaches. The verb root associated with this class of verbs can select for two types of Voice heads, one that introduces the external argument in the lative, as shown in (42), and the other, introducing the ergative external argument. The lative-assigning Voice head does not have a morphological exponent, whereas the head assigning ergative is spelled out as the -V*r*- marker, traditionally described as causative. By hypothesis, the lative argument raises to spec,T, to satisfy the EPP on that head. Both cases, the ergative and the lative, are thus inherent, and that characterization is consistent with the specific theta-role semantics associated with these forms.

This derivation is also consistent with the characterization of the lative argument as a non-canonical subject in other frameworks (e.g., Helasvuo & Huumo 2015) where the main insight is that a prototypical subject is characterized by a cluster of properties (following Keenan 1976), whereas a non-canonical subject lacks some such properties, which may be reflected in its meaning, grammatical encoding, and/or discourse function.

Turning now to *like*-verbs, the lative argument is not a subject; it is a structurally prominent argument of an unaccusative predicate, added through a process akin to applicativization. Such predicates have been described as applicative unaccusatives (see Režać 2008 for the term and for the analysis of the Basque *gustatu* 'like', and see also Baker 2014, 2015) or dyadic unaccusatives (e.g.., Davis & Demirdache 2000). Unlike the *know*-type verbs, these verbs do not project a Voice head. Instead, the unaccusative functional head *v* selects for a VP and assigns the absolutive to its internal argument, (43a). In the interpretation of such unaccusative structures, a property is assigned to the referent of the absolutive argument, such as 'X is visible' or 'X is pleasing'. In addition, the low applicative head inside the vP licenses an argument with the experiencer theta-role and assigns it the lative case, as shown in (43b).

(43)



A dyadic unaccusative can either appear in a clause with an expletive subject in spec,T, as shown in (44a); alternatively, the internal absolutive argument can raise to that position, as in (44b):

(44) a. expl *debe-r* *čorpa* *b-eti-χ-ānu.*
2SG-LAT soup.ABS.IV IV-like-PRS-NEG
SUBJECT APPLIED OBJECT BASE OBJECT

b. *čorpa* *debe-r* *b-eti-χ-ānu.*
soup.ABS.IV 2SG-LAT IV-like-PRS-NEG
SUBJECT APPLIED OBJECT

In the schema in (44a), the internal argument of the verb appears in its base position. In this realization, the applied (lative) object is higher than the base object and can bind it. Alternatively, in the schema in (44b), the internal argument of the applicative unaccusative raises to the subject position, in which case it is now higher than the lative object and can bind it. This results in the appearance of symmetrical binding in clauses with *like*-verbs.

Neither of the internal arguments of the unaccusative is in the right position to participate in the control relation in MRCs. And relatedly, verbs of this type do not participate in regular control structures—in contrast to *know*-verbs.

Finally, since the unaccusative structure does not have a Voice head associated with it, the causative morpheme -V*r*- expones the added Voice head, which licenses the transitive (ergative) argument associated with it. (In contrast, *know*-verbs are associated with a Voice layer, so the difference is only in the type of Voice and the case of the external argument.)

(45) *eni-y-ä* *debe-q* *yedu* *čorpa* *b-et-ir-χo.*
mother-OS-ERG 2SG-POSS.ESS DEM.nI soup.ABS.IV IV-like-CAUS-PRS
'The mother is making / will make you like this soup.'

Note that the experiencer, which corresponds to the causee in (45), is no longer in the lative but is instead expressed by the poss-essive form, which is used for causees of transitives, (46b), where the poss-essive appears on the causee-agent.

(46) a. *kid-b-ä* *ac* *y-uqi-s*
girl-OS-ERG door.ABS.II II-close-PST.WIT
'The girl closed the door.'

b. *eni-y-ä* *kid-be-q* *ac* *y-uq-ir-si.*
mother-OS-ER girl-OS-POSS.ESS door.ABS.II II-close-CAUS-PST.WIT
CAUSER CAUSEE
'The mother made the girl close the door.'

The case on the experiencer-turned-causee suggests that this argument is licensed by a different applicative head, arguably higher than the applicative projected in a dyadic unaccusative (more work is indeed to determine its exact position). The syntax of causative structures in Nakh-Dagestanian is awaiting further study, but for the purposes of the current discussion, the contrast between poss-essive and lative will suffice.

5. Conclusions

Tsez data lend novel support to the generalization that the theta-grid of verbs expressing psychological states can be projected into a number of syntactic configurations, and in an apparently arbitrary way (Belletti & Rizzi 1988). Further still, Tsez shows that what is traditionally described as the affective construction is not uniform either. The surface encoding of the experiencer in the lative and stimulus in the absolutive stands for two different structures identifiable through a number of syntactic diagnostics: a structure with a regular transitive verb whose subject is in the lative, and a structure with a dyadic unaccusative where the absolutive internal argument may optionally move to the subject position. The association between individual verbs of perception and cognition with one of these structures is arbitrary and cannot be predicted on the basis of their lexical semantics.

If this analysis is on the right track, it has implications for case licensing issues both in Tsez and beyond. With respect to Tsez, we end up with at least two inherent cases, ergative and lative, licensed by different Voice heads. An alternative that I did not explore here has to do with the difference in the nature of the verbal categorizer (*v*), which then combines with one and the same Voice head; under this solution, case licensing would be mediated by the interaction of different *v* heads with a single Voice head. I leave the decision between these options for future research. This particular question of case licensing is also related to a larger issue having to do with the ways ergative case is assigned. It is rather uncontroversial that there is more than one way to assign ergative (Legate 2008; Polinsky 2016,

among others), and Nakh-Dagestanian data call for an inherent case analysis (see Gagliardi et al. 2014), but this issue could be explored further.

Several analytical moves in this paper involved positing additional applicative heads in the clausal structure. Adding new projections should never be taken lightly, and further work on the inventory and placement of applicative heads in the clausal spine of Tsez (and Nakh-Dagestanian more generally).

The empirical data in this paper open up two new areas of inquiry. One of them has to do with a comparative investigation of verbs denoting psychological states in Nakh-Dagestanian languages. Based on the data from the closely related Bagvalal (Kibrik 2001: 214-216, 388-392), it also has at least two different classes of verbs denoting psychological states, and its affective construction may be structurally ambiguous. Whether or not the contrast in the affective construction is always between transitive and unaccusative predicates is an open empirical question. If such a bifurcation is steady across a number of languages, it raises further questions, in particular, the following: how does a child acquire the contrast?

The other line of inquiry suggested here has to do with the structure of masdar relative clauses, which denote properties of availability in hypothetical situations. These clauses co-exist with infinitival relative clauses (which I did not discuss here); their semantics is quite similar to that of infinitval relatives in other languages, and further comparative work that includes Tsez MRCs in the family of infinitival relatives would be welcome. In contrast to the semantics of MRCs, their syntax is less clear. I have proposed a tentative analysis for Tsez which should be explored further, and if proven correct, tested against the data from related languages.

Acknowledgments

I would like to thank my Tsez consultants, first and foremost Arsen Abdulaev. I am grateful to Ivano Caponigro, Radek Šimik, and Yakov Testelets for comments. All errors are my responsibility.

References

Abdulaev A. K., Abdullaev I. K. 2010. *Cezyas folklor* / *Dido (Tsez) folklore* / *Didojskij (cezskij) fol´klor*. Leipzig–Makhachkala: Lotos.

Baker M. C. 2014. On dependent ergative case (in Shipibo) and its derivation by phase. *Linguistic Inquiry* 45, 341–379.

Baker M. C. 2015. *Case: Its principles and its parameters*. Cambridge: Cambridge University Press.

Belletti A., Rizzi L. 1988. Psych-Verbs and θ-Theory. *Natural Language & Linguistic Theory* 6, 291–352.

Bhatt R. 2006. *Covert modality in non-finite contexts*. Berlin: Mouton de Gruyter.

Bokarev E. A. 1959. *Cezskie (didojskie) jazyki Dagestana*. Moskva: Izd-vo AN SSSR.

Bolinger D. 1988. The infinitive as complement of nouns in Spanish and English. *Studies in Descriptive Linguistics* 16, 227–234.

Caponigro I. 2003. *Free not to ask: On the semantics of free relatives and Wh-words cross-linguistically*. Ph. D. Dissertation, UCLA.

Comrie B., Forker D., Khalilova Z. 2013. Alignment typology, reflexives, and reciprocals in Tsezic languages. In: C. Cathcart, S. Kang, and C. S. Sandy (eds.) *Proceedings of the thirty-seventh annual meeting of the Berkeley Linguistics Society. Special session on languages of the Caucasus*. Berkeley: Berkeley Linguistics Society, 32–51.

Comrie B., Polinsky M. 1998. The great Dagestanian case hoax. In: A. Siewierska, and J. J. Song (eds.) *Case, typology, and grammar*. Amsterdam: John Benjamins, 95–114.

Comrie B., Polinsky M. 1999. Relative clauses in Tsez. In: M. Darnell et al. (eds.) *Formalism and functionalism in linguistics*. vol. II: *Case studies*, 77–123. Amsterdam: John Benjamins.

Comrie B., van den Berg H. 2006. Experiencer constructions in Daghestanian languages. In: Ina Bornkessel, Matthias Schlesewsky, Bernard Comrie, and Angela D. Friederici (eds.) *Semantic role universals and argument linking: Theoretical, typological, and psycholinguistic perspectives*, 127–154. Berlin: Mouton de Gruyter.

Cysouw M., Forker D. 2009. Reconstruction of morphosyntactic function: Non-spatial use of spatial case marking in Tsezic. *Language* 85, 588–617.

Davis H., Demirdache H. 2000. On lexical verb meanings: Evidence from Salish. In: Tenny C. and Pustejovsky J. (eds.) *Events as grammatical objects. The converging perspectives of lexical semantics and syntax*. Stanford: CSLI, 97–142.

Faraci R. A. 1974. *Aspects of the grammar of infinitives and for-phrases*. Ph. D. Dissertation, MIT.

Fleischer N. 2008. A crack at a hard nut: Attributive-adjective modality and infinitival relatives. In: Chang C. B., Haynie H. (eds.) *Proceedings of the 26th West Coast Conference on Formal Linguistics,* Somerville, MA: Cascadilla, 163–171.

Gagliardi A., Goncalves M., Polinsky M., Radkevich N.. 2014. The biabsolutive construction in Lak and Tsez. *Lingua* 122, 1569–1595.

Ganenkov D., Maisak T. 2020. Nakh-Dagestanian languages. In: Polinsky M. (ed.) *The Oxford Handbook of languages of the Caucasus.* Oxford: Oxford University Press, 87–146.

Green G. M. 1973. The derivation of a relative infinitive construction. *Studies in the Linguistic Sciences* 3, 1–32.

Green, G. M. 1992. Purpose infinitives and their relatives. In: Brentari D., G. Larson and L. A. Macleod (eds.) *The joy of grammar*. Amsterdam: John Benjamins, 95–130.

Hackl M., Nissenbaum J. 2012. A modal ambiguity in *for*-infinitival relative clauses. *Natural Language Semantics* 20, 59–81.

Helasvuo M.-L., Huumo T. (eds.) 2015. *Subjects in constructions — Canonical and non-canonical.* Amsterdam: John Benjamins.

Imnajšvili D. S.1963. *Didojskij jazyk v sravnenii s ginuxskim i xvaršijskim jazykami.* Tbilisi: Izd. AN Gruzinskoj SSR.

Keenan E. L. 1976. Towards a universal definition of "subject". In: Li C. N. (ed.) *Subject and topic*. New York: Academic Press, 303–333.

Keenan E. L., Comrie B. 1977. Noun phrase accessibility and universal grammar. *Linguistic Inquiry* 8, 63-99.

Kibrik 1970: Кибрик А. Е. 1970. К типологии пространственных значений (на материале падежных систем дагестанских языков) В сб.: *Язык и человек. Сборник статей памяти профессора П. С. Кузнецова*. Публикации ОСиПЛ. Вып. 4.

Kibrik 2001: Кибрик А. Е. (гл. ред.). 2001. *Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари. М.: Наследие*.

Kibrik & Kodzasov. 1990. Кибрик А. Е., Кодзасов С. В. 1990. *Сопоставительное изучение дагестанских языков. Имя. Фонетика*. М.: МГУ.

Polinsky M. 2015. *Tsez syntax*. Ms., Harvard University. lingbuzz/002315

Polinsky M. 2016. *Deconstructing ergativity*. Oxford: Oxford University Press.

Polinsky M., Comrie B. 2003. Constraints on reflexivization in Tsez. In: Holisky D. A. and K. Tuite (eds.), *Current Trends in Caucasian, East European and Inner Asian Linguistics: Papers in Honor of Howard I. Aronson*. Amsterdam: John Benjamins, 265–289.

Polinsky M., Potsdam E.. 2001. Long-distance agreement and topic in Tsez. *Natural Language and Linguistic Theory* 19, 583–646.

Polinsky M., Potsdam E. 2002. Backward control. *Linguistic Inquiry* 33, 245–282.

Režać M. 2008. The syntax of eccentric agreement: The Person Case Constraint and absolutive displacement in Basque. *Natural Language and Linguistic Theory* 26, 61–106.

Šimik R. 2011. *Modal existential wh-constructions*. PhD. Diss., University of Groningen.

Šimik R. 2013a. Modal existential wh-constructions as affordance descriptions. In E. Chemla, V. Homer, and G. Winterstein (eds.) *Proceedings of Sinn und Bedeutung* 17. Amherst: GSLA , 563–580.

Šimik R. 2013b. The PRO-wh connection in modal existential wh-constructions. *Natural Language and Linguistic Theory* 31, 1163–1205.

Svorou S. 1994. *The grammar of space*. Amsterdam: John Benjamins.

«НУЛЕВЫЕ» КОРНИ ГЛАГОЛОВ В МУИРИНСКОМ ЯЗЫКЕ ДАРГИНСКОЙ ГРУППЫ[1]

Н. Р. Сумбатова
Российский государственный гуманитарный университет

Дорогому другу Расулу, благодаря которому мы встретились с даргинскими языками.

1. Предварительные вопросы

В первые же дни полевой работы с муиринском языком (даргинская группа нахско-дагестанской семьи)[2] мы были озадачены большим числом очень частотных глагольных форм, которые — по крайней мере на первый взгляд — не имеют никакого корня. Рассмотрим, например, формы аориста (прошедшего времени совершенного вида). Аорист в муиринском языке маркируется при помощи суффиксов *-ib*, *-ub*, *-aʔb* и *-un*, которые присоединяются непосредственно к перфективной основе. Выбор показателя аориста лексический, показатель не зависит от грамматических характеристик глагола (и лишь в части случаев зависит от конечного согласного основы).

В приведенных ниже формах аориста (1) все формы (a–d) имеют обычную для аориста морфологическую структуру, а в формах (e–j)

[1] Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 17-18-01184.

[2] Как хорошо известно, даргинский язык — это скорее не один язык, а группа близкородственных языков глубиной расхождения более 2000 лет. Однако внутри даргинской группы языков далеко не всегда ясно, какие идиомы должны называться языками, а какие — диалектами этих языков. В этой статье я опираюсь на текущую версию классификации даргинских языков (Коряков 2021). В соответствии с ней я буду говорить о муиринском *языке*. В ряде других случаев для наименования того или иного варианта я буду пользоваться нейтральным термином *идиом*.

как будто бы не видно никакого корня (или, по крайней мере, его присутствие неочевидно)[3].

(1) a. *b=uc-ib*
N=ловить.PFV-AOR
‘поймал’

b. *b=ek:-ub*
N=гореть.PFV-AOR
‘сгорел’

c. *b=aʿq-aʿb*
N=ударять.PFV-AOR
‘ударил’

d. *ka-b=iš-ib*
DOWN-N=класть.PFV-AOR
‘положил’

e. *b=ib*
N=AOR
‘стал’

f. *b=ub*
N=AOR
‘оставался’

g. *b=ab*
N=AOR
‘стал’

h. *ka-b=ib*
DOWN-N=AOR
‘сел’

i. *či-b=ab*
ON-N=стать.PFV+AOR
‘увидел’

j. *w=it-aw*
M=THITHER-стать.PFV+AOR
‘стал; достиг’

Разумеется, само по себе наличие лексемы или словоформы с нулевым корнем неудивительно (всем хорошо знаком русский глагол *вынуть*), но в муиринском языке таких словоформ (или лексем) подозрительно много. Дело осложняется еще и тем, что некоторые глаголы с нулевыми (на первый взгляд) корнями имеют сходные или пересекающиеся значения. В некоторых случаях трудно понять, какие из «нулевых» словоформ объединяются в одну парадигму и сколько лексем они представляют.

В этой работе я попытаюсь разобраться в морфологии и морфонологии нескольких частотных глаголов муиринского языка, а именно тех, которые проиллюстрированы в (1e)–(1j). Все эти глаголы имеют морфологически нестандартные корни и вызывают сложности при попытке их морфемного членения. Помимо муиринского языка, я буду использовать данные других даргинских языков и диалектов, в частности — литературного даргинского языка, тантынского, ицаринского, кадарского, мегебского, худуцкого идиомов. Данные муиринского языка получены в результате полевой работы в селении Калкни (Республика Дагестан, Дахадаевский район) в 2019–2020 году[4].

---

[3] Глоссирование словоформ в (1) предварительное, вопрос об их морфологическом составе разбирается в разделе 3.4.

[4] Приношу свою искреннюю благодарность нашим информантам и всем жителям гостеприимного селения Калкни, прежде всего Абдулле Сулайбановичу Абдуллаеву, Асият Тагировне Абдуллаевой и Маликат Абдуллаевне Абдуллаевой. Помимо собственных данных, я использовала словарную информацию, собранную магистранткой РГГУ (на момент проведения экспе-

Данные прочих идиомов получены из следующих источников: даргинский литературный — словари (Абдуллаев 2017) и (Юсупов 2017); ицаринский — (Sumbatova, Mutalov 2003); тантынский — (Сумбатова, Ландер 2013); худуцкий — полевые данные 2007–2009 гг. (участники работы — Д. С. Ганенков, Р. О. Муталов, Н. В. Сердобольская, Н. Р. Сумбатова, В. Хуршудян); кубачинский — словарь (Магомедов, Саидов-Аккутта 2016); кадарский — диссертация (Вагизиева 2018) и устная информация от Н. А. Вагизиевой.

Прежде чем перейти к основной теме статьи, я приведу некоторые базовые сведения о структуре глагольного корня в даргинских языках.

2. Структуры глагольных корней в даргинских языках

2.1. Стандартные корни

Для даргинских языков характерна категория глагольного вида (совершенный vs. несовершенный), выражаемая противопоставлением двух вариантов глагольного корня. Два глагольных вида взаимодействуют в составе одной лексемы, то есть категория вида характеризует не лексемы, а отдельные словоформы и их корни. Таким образом, абсолютное большинство даргинских корней образуют видовые пары, а абсолютное большинство глагольных лексем имеет два варианта глагольного корня — корень совершенного вида (далее СВ) и корень несовершенного вида (НСВ). Например, у глагола *baq'ara*/*biq'ara*[5] 'слышать' (муиринский) корень совершенного вида *CL=aq'*, корень несовершенного вида *CL=iq'*:

(2) a. *b=**aq'**-ib*
N=слышать.PFV-AOR
'услышал'

b. *b=**iq'**-u-li=sa‹b›i*
N=слышать.IPFV-PRS-CVB=COP‹N›
'слышит'

Корни, образующие видовую пару и встречающиеся в разных словоформах одной глагольной лексемы, обладают фонологическим

диции) Викторией Поздняковой и студенткой РГГУ Дианой Пчелинцевой, которых также благодарю за сотрудничество.

[5] Глаголы цитируются в форме инфинитива с показателем неличного класса (*b=*).

сходством, но соотносятся нерегулярным образом, причем определить направление деривации (СВ > НСВ или НСВ > СВ) в общем случае не представляется возможным (о проблеме даргинского глагольного корня см. также (Муталов 2002: 13–28); о структуре корня в чирагском языке даргинской группы — (Кибрик, Кодзасов 1988); в мегебском языке — (Daniel 2018)).

Большинство глагольных корней одну из следующих структур: VC и *CL*=VC; VRC и *CL*=VRC; RVC, где C — согласная (кроме сонорных), будем называть ее *базовой*; V — любая гласная; R — согласная, чаще всего *r* или *l* (возможны также *š*, *ž*, *m*, *b*). Большинство корней требуют присутствия перед ними показателя согласования по именному классу, что обозначено у нас символами '*CL*='.

Корни, образующие видовую пару, могут различаться наличием/отсутствием согласной R, местом ее расположения (в начале или в середине корня), выбором гласной (V) и/или наличием классного показателя. Базовый согласный C у двух членов видовой пары совпадает.

Примеры глагольных корней (муиринский):

(3) Значение	Корень СВ	Корень НСВ
'находить'	*CL=ark:*	*CL=urk:*
'давать'	*CL=ik:*	*luk:*
'бросать'	*ih*	*irh*

Некоторые корни не имеют видовой пары (чаще это корни НСВ, но иногда и СВ); например, в тантынском диалекте не имеют видовой пары корни совершенного вида *ag* 'уйти, случиться'[6] и *ʔ* 'сказать'; корни несовершенного вида: *ic:* 'болеть', *CL=uc:* 'работать', *CL=is:* 'плакать', *CL=ax* 'идти', *umc'* 'искать'. Иногда встречаются также корни, в которых СВ и НСВ совпадают, например *umc* 'мерить, измерить' (СВ и НСВ).

2.2. Нестандартные корни

Существует несколько типов корней, отклоняющихся от стандарта, описанного в предыдущем разделе. Некоторые из этих отклоне-

[6] В других идиомах, например, в ицаринском, этот корень имеет коррелят несовершенного вида *arg*.

ний встречаются во многих или даже во всех даргинских языках и, видимо, отражают прадаргинское состояние, другие характерны только для некоторых идиомов и возникли сравнительно недавно.

Корни структуры С

Во многих языках имеются глаголы (3–5), корень которых либо в совершенном, либо в несовершенном виде состоит из одного базового согласного С. При этом второй корень в видовой паре либо имеет стандартную структуру, либо отсутствует. В таблице 1 приведены основы таких глаголов в тантынском и кадарском идиомах.

Таблица 1. Корни структуры С в тантынском и кадарском идиомах

Тантынский			Кадарский		
	Корень СВ	Корень НСВ		Корень СВ	Корень НСВ
‘давать’	**k:**, b=ik:[7]	luk:	‘давать’	**g**	lug
‘нести’	**q**:/b=uq:	CL=iq:			
‘идти’	—	**q’**	‘уходить’	CL=uq’	**q’**
‘вести’	CL=uk	**k**, CL=ik	‘уносить’	CL=uk	**k**
‘сказать’[8]	**ʔ**	—	‘сказать’	**ʔ**	—

Корни структуры C_1VC_2, RVRC и C_1VRC_2

Во многих языках синхронно выделяются корни структуры C_1VRC_2. В большинстве случаев очевидно, что такие корни возникли в результате слияния стандартного корня с предшествующей ему морфемой — это может быть классный показатель или преверб.

Например, в большинстве даргинских языков корень глагола ‘хотеть, любить’ (только НСВ) имеет стандартную структуру *CL=ig* или

[7] Через запятую в таблице даны варианты корня.

[8] Фонема *ʔ* во многих диалектах в ряде позиций реализуется как фонетический ноль. Однако даже в этом случае ее присутствие препятствует стяжению гласных и тем самым влияет на фонологическую структуру слова. Поэтому, на мой взгляд, корень глагола ‘сказать’ в тантынском и других известных нам идиомах нельзя считать нулевым, однако этот вопрос требует более тщательных исследований.

CL=ik: (литер. *b=ig-es*; тантынский *b=ič:-iž*, корень *CL=ik:*), а в кадарском идиоме этот глагол утратил классное согласование, в результате чего корень слился с предшествующим ему классным показателем:

(4) *rasuj-s* *ʔinc* *dig-aq-u*
Расул.OBL-DAT яблоко(ABS) хотеть.IPFV-CAUS-TH
‘Расул хочет яблоко’.

В примере (4) видно, что согласования по классу абсолютива ‘яблоко’ (который требовал бы показателя неличного класса *b=*) не происходит. Корень современного кадарского глагола *dig* имеет нестандартную структуру C_1VC_2.

Другой, гораздо более распространенный случай — слияние преверба с корнем, которое часто происходит в тех случаях, когда преверб десемантизирован, а исходный корень не имеет классного показателя, который отделял бы его от преверба. Например, в тантынском основа глагола ‘оставаться’ *kalg*/*kulg* (инфинитив *kalž-iž*/*kulž-iž*) возникла из сочетания преверба *ka-* с корнем *elg*/*lug* (в некоторых диалектах преверб и корень легко выделяются, ср., например, ицаринский *ka-t:-elg-an-aj*/*ka-lug-an-aj*): в форме СВ преверб отделен от корня семантически пустым интерфиксом *-t:-*. На синхронном уровне допустимы разные варианты морфемного членения: поскольку в тантынском существует преверб *ka-,* можно считать основу состоящей из двух морфем (преверба и корня); с другой стороны, поскольку исходное значение преверба (‘вниз’) в этом глаголе стерто, можно считать, что перед нами корень структуры C_1VRC_2. Аналогичные примеры достаточно многочисленны и в других идиомах (ср., например, глаголы литературного языка *kert’-es* (СВ и НСВ) ‘лить, наливать’, *kerħ-es* (СВ и НСВ) ‘строгать’, *kerχ-es*/*karχ-es* ‘вступить, войти’.

Кроме того, во многих диалектах существуют единичные корни структуры RVRC или C_1VRC_2, происхождение которых не так очевидно[9]. Во многих диалектах это глаголы ‘кипеть, кипятить’ и/или

[9] Источником начального *r* вряд ли может быть классный показатель, так как синхронно *r=* — маркер женского класса, который при глаголе ‘кипеть, кипятить’ практически невозможен. Судя по очерку исторической фонетики в (Nikolaev, Starostin 1994), начальное *r* не может восходить к какому-либо другому классному показателю, включая показатель неличного множественного класса *d=* (к которому в даргинских языках относятся все жидкости). Не исключено, что корни структуры RVRC являются идеофонами.

‘дрожать’, ср. литературный и кадарский: *rurž-es* ‘кипеть, кипятить; дрожать’; тантынский *rurq-iž* ‘кипеть’, *rurč:-iž* ‘дрожать’; ицаринский *rurč:-araj* ‘дрожать’; *ʔaˁbħ-aˁraj*/*ʔibħ-aˁraj* ‘уставать’, *ʔaˁlħ-aˁnaj* ‘летать’.

Корни структуры VR и *CL*=VR

Во многих диалектах, особенно в северодаргинской группе, есть заметное число глагольных корней структуры «гласный плюс сонорный *r* или *l*»; например, глагол ‘делать’ в литературном языке (совпадает также с кадарским) имеет корень *CL=ar*/*CL=ir*: *b=ar-es*/*b=ir-es*. В принципе такие корни можно считать вариантом стандартной структуры VC, хотя наша первоначальная формулировка не предполагала, что базовый согласный может быть сонорным. Судя по всему, исторически такие корни возникают в результате падения базового согласного C, так как в языках других ветвей им соответствуют корни структуры VRC, ср. таблицу 2.

Таблица 2. Корни структуры VR в даргинском литературном языке и их соответствия в тантынском и ицаринском диалектах

	Литературный		Тантынский		Ицаринский	
‘делать’	CL=ar	CL=ir	CL=arq'	CL=irq'	CL=arq'	CL=irq'
‘сказать’	CL=ur	—	CL=urs	—	CL=urs	—
‘оставаться’	kal (ka- + Vl[10])	kawl (ka- + ul)	kalg (ka- + Vlg)	kulg (ka- + ulg)	elg	lug
‘знать’	CL=ah	CL=al	CL=aχ	CL=alχ	CL=ah	CL=arh

3. Нулевые корни?

3.1. Непонятные глаголы

В разделе 1 мы привели несколько примеров глаголов, корни которых — по крайней мере на первый взгляд — либо не имеют фоно-

[10] В данном случае преверб сливается с корнем, не имеющим показателя класса; гласный в корне мог быть *a* или *e* (другие гласные дали бы другой результат при стяжении). Судя по параллели в ицаринском, более вероятно *e*, но синхронно проверить это невозможно.

логической манифестации, либо вызывают серьезные трудности при попытках ее обнаружить.

Мы рассмотрим пять таких глаголов. В таблице 3 даны их основные формы: два инфинитива (СВ и НСВ), аорист (основная форма совершенного вида)[11] и деепричастие презенса (в комбинации со связкой это деепричастие образует презенс, наиболее частотную форму НСВ). Глаголы, имеющие классные показатели, даны в форме мужского класса; если показатель мужского класса нулевой, то дается также форма женского класса (формы прочих классов можно получить заменой любого ненулевого классного показателя на нужный). Морфемное членение в Таблице 3 предварительное, не учитывающее морфонологические правила — возможно, в дальнейшем потребуются исправления.

Ниже в этом разделе мы коротко охарактеризуем морфологический состав приведенных в Таблице 3 форм; более подробное их обсуждение будет в разделах 3.3 и 3.4.

Глагол *wara* ‘оставаться’

Этот глагол в муиринском идиоме не выражает видового противопоставления (в частности, имеет только один инфинитив). Все приведенные в таблице 3 формы этого глагола легко раскладываются на классный префикс (префикс мужского класса *w=* перед начальным *u* имеет нулевой алломорф) и грамматические суффиксы, характерные для каждой формы. Никаких следов корня не заметно:

(5) a. *w=ara* b. *Ø=ub* c. *r=ub* d. *Ø=u-li* e. *r=u-li*
M=INF M=AOR F=AOR M=PRS-CVB F=PRS-CVB

Глагол *wera*/*wirhara* ‘становиться’, ‘мочь’

Это очень частотный глагол, от которого к тому же образуется большое число сложных глаголов, например, *zaja-CL=era*/*zaja-CL=irhara* ‘портиться’, *razi-CL=era*/*razi-CL=irhara* ‘радоваться’. Формы несо-

[11] В таблице приводится форма третьего лица. Первое лицо образуется добавлением клитики *=ra* (то есть с точки зрения структуры корня ничем от третьего лица не отличается), второе лицо рассматривается в 3.4.

Таблица 3. Формы глаголов с нулевыми и близкими к нулевым корнями (муиринский)

Форма \ Глагол	‘оставаться’	‘становиться’; ‘мочь’	‘садиться’ (только с превербом)	‘видеть’ (с превербом *či-*); ‘становиться’ (без преверба)	‘достигать’; ‘становиться’ (обычно с превербом *CL=it-*)
Инфинитив СВ, показатель *-ara*	w=ara	w=era	ka-jera, ka-r=era	(či-)w=ara	w=it-ara
Аорист (СВ), показатели *-ib, -ub, -aʿb, -un*	ub, r=ub	w=ib	ka-jib, ka-r=ib	(či-)w=ab	w=it-aw (aw)
Инфинитив НСВ, показатель *-ara*	w=ara	w=irh-ara	ka-jr-ara, ka-r=r-ara	(či-)w=era	w=it-ar-ara[1]
Деепричастие презенса (НСВ), показатель *-u-li*[2]	u-li, r=u-li	w=irh-u-li	ka-jr-u-li, ka-r=r-u-li	(či-)w=i-w-li	w=it-ar-u-li (aruli)

[1] Форма, судя по всему, малоупотребительна, однако допустима в значении ‘достигать’.

[2] Суффикс *-u* является показателем основы презенса, *-li* — показатель деепричастия.

вершенного вида этого глагола имеют вполне стандартный корень *CL=irh*, как в инфинитиве НСВ и деепричастии презенса.

Формы третьего лица аориста как будто бы имеют нулевой корень, так же, как и формы глагола *w=ara*, только *w=ara* присоединяет показатель аориста *-ub*, а *w=era* — самый частотный показатель аориста *-ib*. То же самое можно сказать и о некоторых других формах СВ: например, аналогично устроена форма императива *w=i*, состоящая из классного префикса и суффикса императива *-i*.

Однако в инфинитиве СВ (*w=era*) появляется гласный *e*, который, очевидно, является результатом взаимодействия корневой фонемы с гласным суффикса. Аналогичное явление наблюдается в форме второго лица аориста: показатель второго лица *-at:i*, но аорист второго лица от данного глагола — *w=et:i*.

Глагол *kajera*/*kajrara* ‘сесть’

Этот глагол всегда имеет преверб, чаще всего *ka-* ‘вниз’. В несовершенном виде выделяется корень *CL=ir*, для которого, возможно, следует также постулировать варианты *CL=jr* и/или *CL=r* (см. раздел 3.4); во всяком случае, корень НСВ не является нулевым.

Формы СВ напоминают формы глагола *wera*/*wirhara* ‘становиться’, ‘мочь’ и отличаются от них, во-первых, наличием преверба и, во-вторых, присутствием согласного *j* в формах мужского рода — априори неясно, является ли он частью корня или вариантом префикса мужского класса.

Глагол *(či)wara*/*(či)wera* ‘видеть’, ‘становиться’

Один и тот же корень представлен в непроизводном глаголе *wara*/*wera* ‘стать’ и в глаголе *čiwara*/*čiwera* ‘видеть’ с десемантизированным превербом *či-* ‘на’.

Инфинитив СВ как будто бы имеет нулевой корень, однако форма аориста (*w=ab*) вызывает вопросы: в муиринском есть показатель аориста *-aʕb*, но, видимо, нет показателя *-ab*: на *-ab*, помимо форм глагола *wara*/*wera* ‘становиться’, оканчиваются только аористы глаголов, производных от него же. В принципе можно считать, что *-ab* — еще один показатель аориста (и тогда получится, что перед нами опять нулевой корень), но вряд ли следует вводить специальный показатель для одного непроизводного глагола.

В несовершенном виде корень тоже выделяется не очень легко: форма инфинитива НСВ совпадает с формой СВ глагола *wera*/*wirhara* ‘становиться; мочь’, а в презенсе, похоже, корень состоит из одной гласной *i* (если принять, что -*w* — это вариант показателя презенса -*u*).

Глагол *witara*/*witarara* ‘становиться, уходить, достигать’

Этот глагол обычно употребляется с превербом *CL=it-*, обозначающим удаление, хотя иногда выступает и без преверба. Показатель класса есть только на превербе, собственно корень, каким бы он ни был, класса не имеет. В несовершенном виде выделяется корень -*ar*.

В инфинитиве СВ корень как будто бы нулевой. Форма аориста выглядит еще более загадочно: последовательности «корень + показатель аориста» соответствует отрезок *aw* — и это при том, что показателя аориста -*w* или -*aw* в муиринском нет.

Прежде чем мы перейдем к обсуждению морфологической структуры тех форм, членение которых остается непонятным, сравним муиринские глаголы с их когнатами в нескольких других даргинских языках, а также рассмотрим правила стяжения гласных, действующие в муиринском языке.

3.2. Когнаты в языках даргинской группы

Сравнение муиринских данных с данными других даргинских идиомов позволяет установить, как образовались морфологические странности, показанные в разделе 3.1. В таблице 4 приводятся когнаты всех рассмотренных выше корней в нескольких идиомах даргинской группы — литературном даргинском (образованном на основе диалектов севернодаргинского языка), кадарском (севернодаргинский), ицаринском (санжи-ицаринский < юго-западно-даргинская группа), кубачинском, тантынском (юго-западно-даргинский) и худуцком (верхневуркунское наречие < юго-западно-даргинский). Прочерк в таблице означает отсутствие того или иного корня, клетки не заполнены в случае отсутствия у нас соответствующих данных.

Сравнивая данные, легко прийти к выводу, что в муиринском все рассматриваемые корни, очевидно, имели ранее базовый согласный *h* или *g*, который при определенных условиях выпадал (в последней строке Таблицы 4 дана реконструируемая форма корня до выпадения

Таблица 4. Когнаты муиринских глаголов в других даргинских языках

Муиринский (глагол)	wara ‘оставаться’		wera/wirhara ‘становиться’, ‘мочь’		kajera/kajrara ‘садиться’		(či)wara/(či)wera ‘видеть’; ‘становиться’		witara/witarara ‘достигать; становиться’	
Корни	СВ	НСВ	СВ	НСВ	СВ	НСВ	СВ	НСВ	СВ	НСВ
Даргинский литературный	CL=u	CL=u	CL=Ø	CL=ir	CL=i	CL=ir	CL=Ø	CL=j	a	ar
Кадарский	CL=uh	CL=ur			ka-CL=iʔ	ka-CL=irʔ	CL=a	CL=i		
Кубачинский	CL=ug	CL=ug	CL=uχ^{w}	CL=iχ^{w}	CL=ig	CL=i:g	(CL=ibh)	(CL=ibh)	ag	—
Ицаринский	CL=u:h, CL=ur(h)	—	CL=ih	—	CL=ig	CL=irg	Cl-ag	CL=ig	ag	arg
Тантынский			CL=iχ^{w}	CL=irχ^{w}	CL=ig	CL=irg	CL=ag	CL=ig	ag	—
Худуцкий			CL=iχ^{w}	CL=irχ^{w}	CL=ig	CL=irg	CL=ag	CL=ig	ag	arg
Муиринский (реконструкция корня)[1]	*CL=uh	*CL=uh	*CL=ih	*CL=irh	*CL=ig	*CL=irg	*CL=ag	*CL=ig	*ag	*arg

[1] Более глубокую реконструкцию можно найти в (Мудрак 2016).

базового согласного). После выпадения гласная корня подвергается стяжению с последующей гласной того или иного грамматического показателя, в результате чего мы получаем формы, которые сложно разделить на морфемы. Рассмотрим эти процессы немного подробнее.

Хотя имеющиеся данные неполны, их достаточно, чтобы заключить, что выпадение базового согласного *h* не вызвано никаким синхронным фонологическим процессом. По нашему предположению, согласный *h* выпал в корне (**CL=uh*) глагола *wara* ‘оставаться’ и в совершенном виде глагола *wera*/*wirhara* ‘становиться; мочь’ (**CL=ih*), но сохранился в несовершенном виде того же глагола (*CL=irh*), где он стоит после согласной. Все грамматические показатели, которые могут находиться после корня, либо состоят из одной гласной, либо начинаются на гласную. Таким образом, если перед нами фонетический процесс, то речь идет о выпадении согласного в позиции между гласными и после гласной на конце слова.

Легко видеть, что в общем случае это правило в муиринском не действует ни на синхронном уровне, ни, видимо, даже исторически: в языке встречаются слова с согласной *h* между гласными (*urq’lahi* ‘окно’, *maʿhaʿr* ‘ячмень’, *laha* ‘голубь’ и др.) и на конце слова (*čirah* ‘лампа, светильник’, *žah* ‘молодой’[1]); имеются также глагольные корни с базовым согласным *h*: *ah*/*alh* ‘надевать’, *CL=ah*/*CL=alh* ‘знать’, *CL=elh*/*luh* ‘резать (скотину)’, *CL=urh* ‘сказать’. Особенно показателен глагол *ih*/*irh* ‘бросать’, в котором согласный *h* стоит точно в такой же позиции, как в корне глагола *wera*/*wirhara* ‘становиться; мочь’, и при этом прекрасно сохраняется в обоих видах[2].

По-видимому, выпадение *h* в корнях глаголов *wara* ‘оставаться’ и *wera*/*wirhara* ‘становиться; мочь’ — результат нерегулярных фонетических изменений, характерных для частотных слов с широким значением. Действительно, оба эти глагола по своему значению близки к связкам и широко используются для образования сложных глаголов, а также аналитических форм и конструкций.

---

[1] *žah* — краткая форма прилагательного, она малоупотребительна с существительными в единственном числе, однако вполне нормативна с именами во множественном числе: *žah rursbi* ‘молодые девушки’ (полная форма этого прилагательного — *žah-il*).

[2] Все перечисленные корни (кроме *CL=urh* ‘сказать’) имеют в рассмотренных диалектах одинаковые соответствия базовых согласных.

Согласный *g* в корнях современных глаголов *kajera*/*kajrara* ‘садиться’, *(či)wara*/*(či)wera* ‘видеть; становиться’ и *witara*/*witarara* ‘уходить; становиться’ выпадает в тех же условиях, что и *h*. В современном муиринском *g* (как и *h*) вполне допустимо в позициях между гласными и перед гласной после сонорного — например, в многочисленных прилагательных с суффиксом *-gan* (*χulagan* ‘большой’, *amugan* ‘чистый’, *ʔaᶜsigan* ‘злой’ и т. д.) или в словах типа *murgul* ‘муж’, *ħalga* ‘уродливый’. Однако в глагольных корнях согласный *g* последовательно выпадает как между гласными, так и в позиции после *r* перед гласной. Аналогичное явление наблюдается также в литературном языке (близком к акушинскому диалекту), в кадарском и в некоторых других даргинских идиомах (примеры см. в разделе 2.2).

На данный момент неочевидно, какой характер носил процесс, приведший к выпадению *g* в глагольных корнях, показанных в Таблице 4, однако он, видимо, был более последовательным, чем выпадение *h*.

3.3. Стяжение гласных

Синхронные правила стяжения гласных на стыках морфем действуют в большинстве или во всех даргинских идиомах, однако точно сформулированных списков правил для большинства идиомов, включая муиринский, пока нет (см. (Абдуллаев 1954: 47–48)).

В большинстве случаев мы наблюдаем стяжение гласных в префиксальной части глагольных словоформ: либо на стыке преверба и корня (6a), не имеющего классного показателя, либо на стыке преверба и корня с показателем мужского класса, который в пределах фонетического слова реализуется между гласными как нулевая морфема (6b):

(6) a. {*ka-isː-u-li*}[3] > *ka-jsː-u-li*
DOWN-купить.IPFV-PRS-CVB
‘строгая’ (деепричастие)

[3] Здесь и ниже, в таблицах 5–9, глубинное (морфонологическое) представление словоформы (с морфемным членением) дается в фигурных скобках. Фонологическое представление и все промежуточные уровни для простоты даны без всяких скобок.

b. {*ka-w=ik-ib*} > *ka-Ø=ik-ib* > *ka-jč-ib*[4]
DOWN-M-падать.PFV-AOR
‘упал’

Сформулируем и проиллюстрируем те правила стяжения, которые нам понадобятся для разбора наших глаголов.

Правило 1. V + V > V (два одинаковых гласных стягиваются в тот же самый гласный; пример 7)
Правило 2. a + i > aj (примеры 8 (префиксальная часть) и 10)
Правило 3. i + a > e (примеры 8 (связка) и 9)
Правило 4. a + u > aw (пример 11)

Примеры:

(7) *sasː-ib* < *sa-asː-ib* ‘взял’
ANTE-брать.PFV-AOR

(8) *ajsːulekːu* < *a-isː-u-li=akːu* ‘не покупает’
UP-брать.IPFV-PRS-CVB=NEG.COP

(9) *čina ar-q’-aˁ-r=re?* (< *a-r-q’-aˁ-li=ri=a*)
куда UP-EL-идти.IPFV-PRS-CVB=2SG=CQ
‘Куда ты идешь?’

(10) *ʁajkajk’urra* < *ʁaj-ka-Ø=ik’-u-li=ra* < *ʁaj-ka-w=ik’-u-li=ra*
речь-DOWN-M=говорить.IPFV-PRS-CVB=1
‘разговариваю’

(11) *mawkut* < *ma-Ø=uk-u-t* < *ma-w=uk-u-t*
PROH-M-есть.ITR.IPFV-TH-2
‘Не ешь!’

3.4. Морфемное членение форм с нулевыми и другими непонятными корнями

Рассмотрим еще раз наши нерегулярные глаголы, на этот раз возьмем чуть более полный список форм. Поскольку во всех глагольных формах, кроме «простого оптатива»[5], после корня следует

[4] В этом примере также происходит палатализация k (> č) перед *i*.

[5] Форма «простого оптатива» совпадает с лексической основой глагола: *w=at!* ‘пусть его оставят’ (корень СВ *CL=at*).

некоторый грамматический показатель, причем он всегда либо начинается на гласную, либо состоит из одной гласной, то после выпадения согласного образуется последовательность двух гласных, которая упрощается по сформулированным выше правилам 1–4. Теперь попробуем разобраться, какое морфемное членение наших глаголов окажется наиболее удобным.

Глагол *wera*/*wirhara* ‘становиться’, ‘мочь’

Формы несовершенного вида этого глагола, как уже было сказано имеют корень стандартной структуры *CL=irh*.

Появление *e* в инфинитиве СВ (а также во втором лице аориста *w=et:i*) может быть объяснено как результат стяжения *i* + *a* (правило 9), а это значит, что мы должны постулировать корень *i*. Отсюда вытекает, что в формах аориста и императива, где корень как будто бы нулевой, удобнее считать, что на глубинном уровне корень *i*, а форма типа *w=ib* получается в результате стяжения *i* + *i* (правило 7).

Таблица 5. Формы глагола *wera*/*wirhara* ‘становиться; мочь’

Название формы	Показатель	Муиринские формы
Инфинитив НСВ	-ara	{w=i-ara} > w=era
Аорист (СВ)	-ib	{w=i-ib} > w=ib
Императив СВ	-i	{w=i-i} > w=i

Глагол *kajera*/*kajrara* ‘сесть’

У этого глагола мы можем объяснить все формы СВ, кроме форм мужского рода, постулировав корень *CL=i*/*CL=ir* и применив те же правила, что и для предыдущего глагола, см. Таблицу 6.

В формах мужского рода глаголов с превербом *ka-* префикс мужского класса *w=* оказывается между двумя гласными. В этой позиции основной вариант показателя невозможен. В тех случаях, когда корень начинается с гласной *i*, сразу после преверба появляется согласный *j*, который можно интерпретировать либо как алломорф показателя мужского класса, либо как результат стяжения *a* + *i* при нулевом алломорфе показателя мужского класса. Мы предпочитаем второе решение, так как в первом случае мы получили бы разные

Таблица 6. Формы глагола *kajera*/*kajrara* ‘сесть’

Название формы	Показатель	Муиринские формы
Инфинитив СВ	-ara	{ka-w=i-ara} > ka-Ø=i-ara > ka-i-ara > kajera {ka-r=i-ara} > ka-r=era
Аорист (3)	-ib	{ka-w=i-ib} > ka-Ø=i-ib > ka-i-ib > kajib {ka-r=i-ib} > ka-r=ib
Инфинитив НСВ	-ara	{ka-w=ir-ara} > ka-Ø=ir-ara > ka-ir-ara > kajrara {ka-r=ir-ara} > ka-r=r-ara
Деепричастие презенса	-u-li	{ka-w=ir-u-li} > ka-Ø=ir-u-li > ka-ir-u-li > ka-jr-u-li {ka-r=ir-u-li} > ka-r=r-u-li
Императив СВ	-i	{ka-w=i-i} > ka-Ø=i-i > kaji {ka-r=i-i} > ka-r=i
Будущее (3) (НСВ)	-ar	{ka-w=ir-ar} > ka-Ø=ir-ar > ka-ir-ar > kajrar ka-r=ir-ar
Оптатив СВ (3)	-ab	{ka-w=i-ab} > ka-Ø=i-ab > ka-i-ab > kajeb {ka-r=i-ab} > ka-r=eb

правила стяжения для разных типов морфемных границ, в то время как во втором варианте эти правила не опираются на морфологическую информацию (ср. примеры 6a и 6b выше, где, несмотря на разный морфемный состав, результаты стяжения не различаются).

В формах мужского класса глагола *kajera*/*kajrara* происходит стяжение на стыке сразу трех гласных. В инфинитиве и оптативе встречаются гласные *a* + *i* + *a*, причем правила (8) и (9) как будто бы применяются одновременно (*a* + *i* > *aj, i* + *e* > *e*): {*ka-Ø=i-ara*} > *ka-i-ara* > *kajera*; {*ka-Ø=i-ab*} > *ka-i-ab* > *kajeb*.

Мы, однако, зафиксируем правило стяжения трех гласных отдельно[6]:

Правило 5. a + i + a > aje

В аористе *kajib* и императиве *kaji* стягиваются гласные *a* + *i* + *i* по правилу 6: {*ka-Ø=i-ib*} > {*ka-i-ib*} > *kajib*, {*ka-Ø=i-i*} > *ka-i-i* > *kaji*.

[6] Интересно, что сочетания *ja* и даже *aja* в муиринском вполне допустимы в тех случаях, когда они не являются результатом стяжения (ср. *jal* ‘грива’, *maja*ˤ ‘пот’, *zaja* ‘испорченный’ и т. д.).

Правило 6. a + i + i > aji

Вообще говоря, мы можем считать, что в аористе и императиве работает только правило 2 или что в них, как и в случае с тройным стяжением *a + i + a*, первое *i* участвует в двух стяжениях одновременно: *a + i > aj*, *i + i > i*.

В НСВ этот глагол имеет корень *CL=ir*, гласная которого в инфинитиве и презенсе выпадает. Условия этого выпадения пока неясны, возможно, есть варьирование у разных говорящих.

Глагол *(či-)w=ara/(či-)w=era* ‘видеть’, ‘становиться’

Для этого корня историческая форма корня предположительно **CL=ag/CL=ig*, выпадение *g* должно было дать *CL=a/CL=i*. Действительно, большинство зафиксированных форм глаголов с данным корнем не противоречат такому анализу, см. Таблицу 7.

Таблица 7. Формы глагола *(či-)w=ara/(či-)w=era* ‘видеть’, ‘становиться’

Название формы	Показатель	Муиринские формы
Инфинитив СВ	-ara	{(či-)w=a-ara} > (či-)wara
Аорист (3)	? (-ib, -ub, -aˤb)	{(či-)w=a-Vb} > (či-)wab
Инфинитив НСВ	-ara	{(či-)w=i-ara} > (či-)wera
Деепричастие презенса	-u-li	{(či-)w=i-u-li} > (či-)wiwli
Будущее (3) (НСВ)	-u	{(či-)w=i-u} > (či-)wiw
Императив СВ	-a	{(či-)b=a-a} > (či-)ba
Императив НСВ	-in	{(či-)b=i-in} > (či-)bin
Прохибитив (НСВ, перех.)	-i-t	{či-ma-b=i-i-t} > čimabit

Самой сложной оказывается форма аориста. Судя по всему, гласный *a* в ее составе принадлежит корню (выше мы писали, что показателя аориста *-ab* в муиринском нет). При этом мы не знаем, какое окончание аориста подверглось стяжению с корнем. В других диалектах этот глагол присоединяет суффикс *-ib* (тантынский *če-w=až-ib* ‘увидел’), однако стяжение *a + i* дало бы сочетание *aj*, чего в действительности не наблюдается. Приходится предположить, что показатель аориста тут либо *-ub*, либо *-aˤb*. Во втором случае надо постулировать правило a + aˤ > a, для проверки которого пока нет данных. В первом случае мы бы ожидали бы сочетание *awb* (**či-w=awb*), ко-

торого тоже не наблюдаем. Возможно, тут присутствует какая-то морфологическая нерегулярность, связанная с исключительной частотностью этого слова, возможно, следует еще уточнить правила стяжения — так или иначе, корень данного глагола вряд ли можно считать нулевым даже в форме аориста.

Глагол *witara*/*witarara* ‘стать; достигать’

Для этого глагола приходится постулировать корень *a*/*ar* (без классного показателя), который возникает в результате падения *g* в корне **ag*/*arg*. Как и в случае с предыдущим глаголом, сложность представляет форма аориста. Применив все правила стяжения к предполагаемой исходной форме аориста, мы получаем **(w=it-)awr*, в то время как реально зафиксированная форма — *w=it-aw*. Видимо, в этой очень частотной форме произошло нерегулярное падение конечного *r*.

Таблица 8. Формы глагола *witara*/*witarara* ‘достигать’, ‘становиться’ (с превербом *CL=it-*)

Название формы	Показатель	Муиринские формы
Инфинитив СВ	-ara	{w=it-a-ara} > w=it-ara
Аорист (3)	-ur (?)	{w=it-a-ur} [7] > w=it-awr > w=it-aw
Инфинитив НСВ	-ara	w=it-ar-ara
Деепричастие презенса	-u-li	w=it-ar-u-li
Будущее (3) (НСВ)	-ar	w=it-ar-ar

Таким образом, применение правил стяжения ко всем рассмотренным глаголам привело нас к тому, что нулевых корней мы (пока) не обнаружили, хотя и обнаружили безусловно нестандартные корни, состоящие из одной гласной или из гласного в сочетании с *r* и не имеющие базового согласного. Осталось рассмотреть глагол *wara*, который мы на предварительном этапе легко разложили на грамматические морфемы, не прикрепленные ни к какому материально выраженному корню.

[7] Предполагается показатель аориста *-ur* — на основании сравнения с другими диалектами (например, аорист в ицаринском: *ag-ur*).

Глагол *wara* ‘оставаться’

Все формы глагола *wara*, представленные выше, а также формы будущего времени, оптатива и условного наклонения (см. Таблицу 9) выглядят как формы с нулевым корнем. Осложняет картину только форма императива *uj-i*, *r=uj-i*. Отделив суффикс императива *-i* получим корень *CL=u* или *CL=uj*, который к тому же хорошо соотносится с когнатами в других диалектах (Таблица 9). У нас нет правила стяжения *u* + *i*, так как в других глаголах это стяжение в наших материалах пока не встретилось. Можно предположить, что результатом его должно было бы быть сочетание *uj*, но окончание императива, похоже, не стягивается, и вместо *uj* у нас получается *uji*.

Можем ли мы считать, что корень *u* представлен и в других формах глагола *wara*, но гласный *u* выпадает в результате стяжения? Для форм аориста, презенса и императива (в которых после корня идет еще один гласный *u*), такая интерпретация легко допустима, но в остальных формах Таблицы 9 после предполагаемого корневого *u* идет гласный *a* (инфинитив, оптатив, условное наклонение)[8]. Чтобы постулировать корневое *u*, нам надо допустить существование правила

(18) u + a > a.

К сожалению, у нас пока нет примеров других слов, где на стыке морфем встретились бы гласные *u* и *a*. Аналогичный стык *i* + *a*, как мы знаем, дает *e*; можно было бы ожидать, что *u* + *a* > *o*, но в даргинских языках фонема *o* отсутствует[9]. Таким образом, правило (18) могло бы существовать, но пока для него недостаточно данных. Соответствующий ему вариант разбора показан в третьей колонке Таблицы 9. Если же правило (18) не вводить, то получается, что корень глагола *wara* имеет два алломорфа, один из которых, нулевой, встречается во всех формах, кроме императива, а другой (*CL=u*) — исключительно в форме императива (четвертая колонка Таблицы 9).

---

[8] Гласный *e* в посткорневых грамматических показателях не встречается, *i* встречается только в императиве.

[9] Можно было бы предположить, что гласный *u* при стяжении оставляет лабиализацию предыдущего согласного, но в нашем случае перед ним возможны только согласные *w*, *b*, *r*, *d* (классные показатели). Первые два из них (*w*, *b*) уже и так губные, вторые два (*r*, *d*) не имеют лабиализованной пары.

Таблица 9. Формы глагола *wara* ‘оставаться’

Название формы	Показатель	Муиринские формы (вариант 1)	Муиринские формы (вариант 2)
Инфинитив СВ/НСВ	-ara	{w=u-ara} > wara	{w=Ø-ara} > wara
Аорист (3)	-ub	{w=u-ub} > Ø-u-ub > ub {r=u-ub} > rub	{w=Ø-ub} > Ø=Ø-ub > ub {r=Ø-ub} > rub
Деепричастие презенса	-u-li	{w=u-u-li} > Ø-u-li > uli {r=u-u-li} > ruli	{w=Ø-u-li} > Ø=Ø-u-li > uli {r=Ø-u-li} > ruli
Будущее (3) (НСВ)	-ar	{w=u-ar} > war	{w=Ø-ar} > war
Оптатив (3)	-ab	{w=u-ab} > wab	{w=Ø-ab} > wab
Условное наклонение (3)	-a-j	{w=u-a-j} > waj	{w=Ø-a-j} > waj
Императив	-i	{w=u-i} > Ø=u-i > uji {r=u-i} > ruji	{w=Ø-u-i} > Ø=Ø-u-i > uji {r=Ø-u-i} > ruji

4. Заключение

В результате наших усилий нулевые корни в муиринском (почти) исчезли — точнее, остались только на относительно поверхностных уровнях языковой структуры. Интересно, что мы обнаружили нули двух типов: гортанная смычка *ʔ*, образующая корень глагола ‘сказать’, в ряде позиций не реализуется фонетически, но препятствует стяжению гласных, то есть присутствует в фонологическом представлении слова. «Нулевые» корни глаголов, которые мы рассмотрели в разделе 3, не препятствуют стяжениям гласных, а наоборот, кажутся нулевыми в результате таких стяжений.

Строго говоря, корни рассмотренных в разделе 3 глаголов (кроме, возможно, наиболее частотного варианта корня глагола *wara*) нельзя считать нулевыми ни на каком уровне, так как они влияют на фонологическую структуру тех словоформ, в которые входят. Однако эти корни все же остаются нестандартными, так как не имеют базового согласного и состоят либо из одной гласной, либо из сочетания «гласный + r» (классный показатель может присутствовать и отсутствовать в обоих случаях). Если о структуре корня (CL=)VR речь уже шла в разделе 2.2, то структура (CL=)V нам до сих пор не встречалась.

Сокращения

1, 2, 3 — первое, второе, третье лицо; SG — единственное число; ANTE — преверб ‘перед’; AOR — аорист; CAUS — каузатив; COP — связка; CQ — частный вопрос; CVB — деепричастие; DAT — датив; DOWN –преверб ‘вниз’; EL — элатив; F — женский класс; INF — инфинитив; IPFV — несовершенный вид; ITR — непереходный глагол; M — мужской класс; N — неличный класс; NEG — отрицание; OBL — косвенная основа; ON — преверб ‘на’; PFV — совершенный вид; PROH — прохибитив; PRS — презенс; TH — тематический суффикс; THITHER — преверб ‘туда’; UP — преверб ‘вверх’.
Знак ‘=’ отделяет классный показатель, знак ‘=’ — клитику.

Литература

Абдуллаев, З. Г. 2017. Даргинско-русский словарь: 12 000 слов, терминов и выражений [Дарган-урус словарь]. Махачкала: Ин-т ЯЛИ ДНЦ РАН.

Абдуллаев, С. 1954. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР.

Вагизиева, Н. А. 2018. Лексико-фразеологические особенности кадарского диалекта даргинского языка. Диссертация на соискание ученой степени канд. филол. наук. Махачкала: ДГПУ.

Кибрик, А. Е. & С. В. Кодзасов. 1988. Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол. Москва: МГУ.

Коряков Ю. Б. 2021. Даргинские языки и их классификация. В наст. сб.

Магомедов, А. Дж. & Н. И. Саидов-Аккутта. 2017. Кубачинско-русский словарь. Махачкала: Ин-т ЯЛИ ДНЦ РАН. М.: Наука.

Мудрак О. А. 2016. Даргинские основы. Т. 1–2. М.: Языки народов мира.

Муталов, Р. О. 2002. Глагол даргинского языка. Махачкала: ДГУ.

Сумбатова, Н. Р. & Ю. А. Ландер. Даргинский говор селения Танты. Грамматический очерк, вопросы синтаксиса. Москва: Языки русской культуры.

Юсупов, Х. А. 2017. Дарган-урус словарь. Даргинско-русский словарь: около 40 000 слов и фразеологических выражений. Махачкала: Ин-т ЯЛИ ДНЦ РАН.

Daniel, Michael. 2018. Aspectual stems in three East Caucasian languages. In: Forker, Diana & Timur Maisak (eds.). The Semantics of Verbal Categories in Nakh-Daghestanian languages. Tense, Aspect, Evidentiality, Mood and Modality. Leiden — Boston: Brill. P. 247–266.

Nikolaev, S. L. & S. A. Starostin. 1994. A North Caucasian Etymological Dictionary. Moscow: Asterisk.

Sumbatova, N. R. & R. O. Mutalov. 2003. A Grammar of Icari Dargwa. [Очерк грамматики ицаринского диалекта даргинского языка.] München: LINCOM Europa.

«НЕ МАГОМЕД НЕ ПРИШЕЛ»: О СЕМАНТИКЕ РАСЩЕПЛЕННОГО ‘ТОЛЬКО’

С. Г. Татевосов
Междисциплинарная научно-образовательная школа
МГУ имени М. В. Ломоносова
«Сохранение мирового культурно-исторического наследия»

О конструкции, засвидетельствованной во многих дагестанских языках, которая выступает предметом этих заметок, их автор узнал от Р. О. Муталова в августе 1991 года на экспедиционной кухне в селении Ицари, когда экспедиционеры пили чай вечером дождливого дня. Разговор шел о лингвистических чудесах.

— А вот, например, в дагестанских языках, — сказал Расул, — нет слова *только*.

— И как же? — спросили экспедиционеры.

— Очень просто, — улыбнулся Расул. — *Только Магомед пришел* будет *Не Магомед не пришел.*

Поздравляя сегодня Расула, я мысленно возвращаюсь в тот благословенный вечер. Набросок анализа *Не Магомед не пришел,* который начинается сразу после этого вступления, — моя попытка снова пережить счастье этого вечера и всех ицаринских вечеров тридцать лет назад.

С днем рождения, дорогой Расул!

1. Не и не

Интересующая нас конструкция имеет семантику, которая во многих языках, включая русский, выражается одной лексической единицей — *только* и его межъязыковыми аналогами. Эта конструкция показана в примерах (1)–(3) из багвалинского, цезского и акушинского даргинского языков:

(1) Багвалинский язык
*maħammad-**č'i** w-aː-**č'i**.*
Магомед-**EXPT** м-приходить-**NEG**
‘**Только** Магомед пришел’. [= Не Магомед не пришел.]

(2) Цезский язык
Sossi ***gurow*** *b-äk’-**inč’i*** *meži* *elo-r.*
единожды **EXPT** IPL-идти.FUT-**NEG** 2PL.ABS.IPL туда-LAT
‘Вы туда пойдете **только** один раз’. [= Не один раз вы туда не пойдете.] (Polinsky 2015)

(3) Акушинский даргинский язык[1]
*di-la u=**akːʷi** li-w=**akːʷ**-i-tːi*
я-GEN ты=**EXPT** быть-M=**AUX.NEG**-PRS-2SG
‘У меня есть **только** ты’. [= Не тебя у меня нет.] (О. И. Беляев, л.с.)

С морфосинтаксической точки зрения конструкция состоит из двух компонентов. Первый — **сентенциальное отрицание**, которое в дагестанских языках систематически реализуется либо в виде глагольного аффикса, либо как отрицательный вспомогательный глагол. Второй — **фокусная частица,** которую мы, следуя (von Fintel, Iatridou 2007), называем **эксептивной**; содержание этого термина проясняется ниже.

В (1)–(3) отрицание представлено аффиксами *č'i* и *-inč’i* и отрицательным вспомогательным глаголом *akːʷ*.

Фокусная частица, как показывает сравнение (1) и (3) с (2), может фонологически совпадать с показателем отрицания, но может и представлять собой отдельную лексическую единицу. Она размещается на той составляющей, которая находится в фокусе ‘только’. Так, в (4a) это косвенное дополнение, а в (4b) — прямое (багвалинский язык).

(4) a. *den* [*ʕali-la*]$_F$-***č'i*** *as* *ači-**č'i**.*
я.ERG Али-DAT-**EXPT** деньги давать-**NEG**
‘Я дал деньги **только** Али’.
b. *den* *ʕali-la* [*as*]$_F$-***č'i*** *ači-**č'i**.*
я.ERG Али-DAT деньги-**EXPT** давать-**NEG**
‘Я дал Али **только** деньги’.

Дистрибуция фокусного элемента не ограничена именными группами. В (2), например, мы видим его в комбинации с наречием, в (5) — с числительным, а в (6) — с условной клаузой:

---

[1] Н. Р. Сумбатова (л.с.) отмечает, что кроме конструкции, иллюстрируемой в (3), в даргинском языке есть элемент *=cun*, который в определенных конфигурациях имеет интерпретацию, похожую на ‘только’. Мы надеемся, что выбор анализа для *=cun* не будет влиять на то, что предлагается ниже для конструкции вида (1)–(3).

(5) *o-ru-b* *q'ar* *biɩ'i-ra-ła,* *hač'a-ra-ła-**č'i***
этот-OBL.HPL-GEN.N время восемь-CARD-LOC девять-CARD-LOC-**EXPT**
*b-ułu-**č'-u**-b.*
N-кончаться-**NEG**-PART-N
'Их время **только** в 8-9 часов заканчивается'. (Кибрик (ред.) 2001).

(6) *apxadit-la* *ʒe:-r-o* *b-eł-a-ra:-**č'i*** *miq'*
обходить-LA делать-HPL-CONV HPL-ехать-MS.POT-COND-NEG дорога
*b-uk'a-**č'i**.*
N-быть-NEG
'Дорога была, **только** если ехать в обход [= обходить сделав]'. (Кибрик (ред.) 2001)

2. Значение

Семантическая интерпретация предложений с 'только' к настоящему моменту относительно известна (Horn 1969, van Rooij, Schulz 2007, Beaver, Clark 2008, Ippolito 2008, Toosarvandani 2010, Roberts 2011, Neeleman, Van de Koot 2020, а также еще несколько десятков работ). Конструкции с 'только' содержат два семантических компонента, которые выписаны в (7b-c) для предложения в (7a).

(7) a. Только Володя пришел.
b. Володя пришел.
c. Ни один их индивидов, отличных от Володи, не пришел.

Аналогичные компоненты значения фиксируются и в предложениях (1)–(3). Они показаны в (8)–(10).

(8) a. Магомед пришел.
b. Ни один из индивидов, отличных от Магомеда, не пришел.
b′. Нет такого x, x — лицо и x ≠ Магомед, что x пришел.

(9) a. Событие, описываемое как 'Вы туда пойдете', будет иметь место один раз.
b. Нет такого n, что событие, описываемое как 'Вы туда пойдете', будет иметь место n раз, n ≠ 1 [2]

[2] (5) — пример конструкции с так называемым шкальным 'только'. В таких конструкциях альтернативы связаны отношением асимметричного

(10) a. У меня есть ты.
b. Нет такого x, x — лицо и x ≠ ты, что у меня есть x.

Мы видим, таким образом, что идентичный смысл в языках типа русского и в дагестанских языках имеет разную морфосинтаксическую реализацию: в одном случае это единственная лексическая единица, в другом — два разных компонента.

Следующая группа наблюдений над интерпретацией предложений с ‘только’ связана с ассертивным или пресуппозициональным статусом компонентов значения в (7)-(10). В формулировке Д. Бивера и Б. Кларка (Beaver, Clark 2008) ассерция и пресуппозиция ‘только’ распределены так, как описано в (11):

(11) *Только p* утверждает, что любая контекстно релевантная альтернатива *p* ложна и вводит пресуппозицию, что *p* истинна.

Чтобы убедиться, что компонент (7c) выступает ассерцией, а (7b) пресуппозицией, достаточно создать любой стандартный контекст, в котором происходит проекция пресуппозиции. В этом качестве в литературе часто используется общий вопрос.

(12) Только Володя пришел?

(12) показывает, что из двух компонентов значения (7b-c) в сферу действия вопроса входит только один: ‘никто другой не пришел’. (7a) невозможно понять как вопрос о том, пришел ли Володя. Напротив, его приход полагается совершившимся, а вопрос состоит в том, верно ли, что, кроме Володи, пришедших не было.

Таким образом, компонент значения в (7b) ‘Володя пришел’ ускользает от вопроса, или, как говорят семантисты, проецируется из-под вопроса. Он представляет собой условие, выполнение которого обеспечивает вопросу возможность иметь ответ, то есть имеет статус пресуппозиции. Компонент (7c), подпадающий под вопрос, — это ассерция (7a). (‘Только’ — один из немногих элементов, который, соединяясь с пропозицией *p*, превращает *p* в пресуппозицию, а ассерцией делает собственное семантическое содержание.)

следования (в данном случае ‘пойти туда n+1 раз’ → ‘пойти туда n раз’). В порядке упрощения мы не обсуждаем разнообразные примечательные особенности шкального ‘только’, в частности, тот предсказуемый факт, что предложение (5) не может значить ‘Вы пойдете туда 0 раз’.

Нетрудно убедиться, что и в этом отношении конструкции в (1)–(3) имеют ровно такие же свойства. В (13) показан общий вопрос, соответствующий предложению в (1):

(13) *maħammad-**č'i*** *w-aː-**č'i**-jšt?*
Магомед-**EXPT** М-приходить-**NEG**-Q
‘**Только** Магомед пришел?’

Как и в (12), вопрос в (13) осмысленен, только если выполняется пресуппозиция, то есть если верно, что Магомед пришел. Под вопрос в (13) ставится ассерция ‘кроме Магомеда, не пришел никто’.

Нетрудно заметить, что морфосинтаксис предложений (1)–(3) поразительно похож на структуру толкований ассертивного компонента в (7)–(10). Составляющую *w-aː-č'i* ‘не пришел’ в (1) есть соблазн соотнести с элементом толкования ‘не пришел’ в (7c), а *maħammad-č'i* — с ‘ни один из индивидов, отличных от Магомеда’. Задача, таким образом, состоит, во-первых, в том, чтобы построить полную и эксплицитную деривацию ассертивного компонента и объяснить, откуда возникает пресуппозициональный. В следующем разделе мы разберем один анализ, решающий эту задачу.

3. Расщепление

«Дагестанское ‘только’» не уникально для дагестанских языков. Его аналоги в языках Европы подробно обсуждаются в статье К. фон Финтеля и С. Иатриду (von Fintel, Iatridou 2007). (14) представляет собой иллюстрацию из французского языка:

(14) *Je **n’**ai vu **que** Jean.*
я **NE**-AUX.1SG видеть.PART **QUE** Жан
‘Я видел **только** Жана’.

Французская конструкция, которую К. фон Финтель и С. Иатриду называют **конструкцией с расщеплением ‘только’**, как и ее дагестанские аналоги, состоит из двух частей: сентенциального отрицания и эксептива — составляющей *que Jean*. Сентенциальное отрицание имеет обычную семантику: оно меняет истинностное значение на противоположное. Эксептив интерпретируется так, как показано в (15):

(15) a. $\lambda P.\exists x\ [x \neq \| DP \| \wedge P(x)]$
b. $\exists x\ P(x)=1$,
где P — предикат над индивидами.

К. фон Финтель и С. Иатриду анализируют ассертивную часть значения эксептива как обобщенный квантор в (15a). (15a) напоминает значение составляющих типа ‘кроме Вани’ — откуда и происходит название «эксептив» (англ. exceptive) (см., в частности, (Vostrikova 2019) и указанную в этой диссертации литературу). В техническом смысле это обобщенный квантор логического типа <<e,t>,t>, который принимает предикат в качестве аргумента и возвращает пропозицию, которая истинна ровно в том случае, если имеется индивид, удовлетворяющий этому предикату и не совпадающий с референтом именной группы. В частности, *que Jean* при таком анализе выглядит как (16a) — характеристическая функция множества множеств, не содержащих Жана. Очевидно, если распространить этот анализ на дагестанский материал, такую же интерпретацию должна получить и составляющая *maħammad-č'i* в (16b):

(16) a. $\|$ **que Jean** $\| = \lambda P.\ \exists x[x \neq \text{Jean} \wedge P(x)]$
b. $\|$ **maħammad-č'i** $\| = \lambda P.\ \exists x[x \neq \text{Mohammed} \wedge P(x)]$

Далее эта составляющая соединяется с предикатом — вида $\lambda x.\text{see(I)}(x)$ для (14) и вида $\lambda x.\text{come}(x)$ для (1). (Во втором случае предикат выступает непосредственным означаемым глагольной группы, в первом возникает благодаря λ-абстракции, вызываемой подъемом квантора из объектной позиции).

(17) a. $\|$ **que Jean** $\|(\lambda x.\ \text{see(I)}(x)) = \exists x[x \neq \text{Jean} \wedge \text{see(I)}(x)]$
b. $\|$ **maħammad-č'i** $\|(\lambda x.\text{come}(x)) = \exists x[x \neq \text{Mohammed} \wedge \text{come}(x)]$

Пропозиция в (17a) истинна в ровно в том случае, если имеется индивид, отличный от Жана, которого я видел, а в (17b) — если имеется индивид, отличный от Магомеда, который пришел. Завершающая стадия этой деривации — присоединение отрицания, которая дает соответственно (18a) и (18b).

(18) a. $\neg\exists x[x \neq \text{Jean} \wedge \text{see(I)}(x)]$
b. $\neg\exists x[x \neq \text{Mohammed} \wedge \text{come}(x)]$

(18a) утверждает, что не существует индивида, отличного от Жана, которого я видел, а (18b) — индивида, отличного от Магомеда, ко-

торый пришел. Это ассертивный компонент значения конструкций с расщепленным ‘только’ — ровно тот, который описан в (8b) и (8b′), и он возникает благодаря эксептивной семантике, которую предположительно привносят показатели типа *que* или *č′i*.

Утверждения ‘Я видел Жана’ и ‘Магомед пришел’ представляют собой, как мы видели, пресуппозиции предложений с ‘только’. Чтобы деривировать их, К. фон Финтель и С. Иатриду вводят в семантику эксептива пресуппозициональный компонент в (15b). Применительно к (14) и (1) он дает пропозиции в (19a-b): ‘есть некто, кого я видел’ и ‘есть некто, кто пришел’:

(19) a. ∃x[see(I)(x)]
b. ∃x[come(x)]

Пропозиции ‘Я видел Жана’ и ‘Магомед пришел’ — логические следствия соответственно (18a)–(19a) и (18b)–(19b). Если верно, что кто-то пришел, (19b), но ни один из тех, кто не пришел, — не Магомед, (18b), то пришедший — это Магомед. Пресуппозиция в (15b), таким образом, критически важна для деривации одного из элементов смысла конструкций с ‘только’. Непосредственно из (15a) он не вытекает.

Такова в общих чертах теория, изложенная в (von Fintel, Iatridou 2007) и описывающая языки с расщеплением ‘только’. Отметим, что такой же точно анализ авторы предлагают и для языков, где морфосинтаксического расщепления не происходит, — таких, как русский и английский. Основной аргумент в пользу семантической декомпозиции дают предложения, в которых ‘только’ присутствует одновременно с модальным оператором, как в исходном авторском (20a) или его русском аналоге в (20b):

(20) a. To get good cheese, you only have to go to the North End!
b. Хочешь хорошей осетрины? Надо только съездить в «Фуд-сити»!

Как в английском, так и в русском языке эти предложения имеют прочтение, выражающее идею достаточности: ‘чтобы добыть хороший сыр / осетрину, нет необходимости ехать куда-то, кроме Норт Энда / «Фуд-сити»’ = ‘чтобы добыть хороший сыр / осетрину, достаточно съездить в Норт Энд / «Фуд-сити»’. Нужное прочтение дери-

вируется, если один из компонентов ‘только’ — сентенциальное отрицание — имеет более широкую сферу действия, чем модальный предикат, а второй, эксептивный, — более узкую:

(21) ¬ > надо > EXPT

Если эти соображения верны, декомпозициональную структуру конструкций с ‘только’ следует признать универсальной; межъязыковое варьирование касается исключительно его поверхностной реализации[3].

При всех очевидных преимуществах этого анализа, у него, как кажется, есть несколько уязвимых позиций, которым посвящен следующий раздел.

4. Упущения

Одна проблема с анализом «расщепленного ‘только’» из предыдущего раздела связана с пресуппозицией существования в (15b), которая отвечает за то, чтобы предложение типа ‘Только Магомед пришел’ выражало смысл ‘Магомед пришел’.

---

[3] Отметим также, что декомпозициональный анализ ‘только’ имеет отчетливую параллель: анализ отрицательных кванторных выражений типа *no student* ‘ни один студент’ как комбинации сентенциального отрицания и обычной неопределенной именной группы (см., например, Iatridou, Sychel 2011). Структура аргументации в пользу такого анализа опирается ровно на тот же факт, что и соображения, ведущие к декомпозиции ‘только’: имеются конфигурации, где отрицание включает в свою сферу действия некоторый элемент α, который в свою очередь включает в свою сферу действия второй компонент декомпозициональной структуры. В частности, предложение (ia) допускает интерпретацию в (ib), которая предполагает взаиморасположение отрицания, модальности и квантора существования в (ic). Кванторное слово *no* в (ia) и элементы его семантической интерпретации в (ic) заключены в рамку.

(i) a. $\boxed{\text{No}}$ student has to leave.
b. Неверно, что требуется, чтобы какой-нибудь студент отбыл.
c. $\boxed{\neg}$ > требуется > $\boxed{\exists}$

Общая логика, вызывающая появления у эксептива такой пресуппозиции, остается непроясненной. В предложениях типа (1) эксептив, согласно (15a), удаляет элемент «Магомед» из множества людей, которые вступают в отношение пересечения с множеством тех, кто пришел. Почему оператор, основная функция которого — изъять элемент из первого из двух взаимодействующих множеств, должен заботиться о том, чтобы второе множество было не пусто? Очевидного ответа на этот вопрос не просматривается, и пресуппозиция в (15b) начинает выглядеть как решение *ad hoc*.

Другое сомнение возникает при осознании того, что эксептивный элемент представляет собой отрицательно-полярную единицу, которая нуждается в сентенциальном отрицании. Отсутствие отрицания неизменно приводит к неграмматичности:

(22) **maħammad-**č'i** w-a:.*
Магомед-**EXPT** M-приходить
‘Не Магомед пришел’.

При анализе в (15a-b) эта неграмматичность, строго говоря, ни из чего не вытекает. В русском языке, например, конструкции с термовым отрицанием при референтной именной группе, по-видимому, невозможны в конфигурации с широким фокусом, как в (23a), однако допускаются, если отрицание располагается на фокусируемой именной группе, предпочтительно с контрастивным фокусом, ср. (23b-c):

(23) a. {— Что вчера было?} — *[Вечером пришел не Магомед]$_F$ …
b. {— Кто вчера пришел?} — $^{?/??}$ Пришел не [Магомед]$_F$…
c. {— Я так понимаю, пришел Магомед.} — Пришел не [Магомед]$_F$

(23c) приемлемо, по-видимому, для всех носителей; (23b) сомнительно, однако улучшается при аккомодации определенной фоновой информации (например, ‘Вчера вызвали врача, и все были уверены, что по вызову явится Магомед, у которого как раз было дежурство’). Так или иначе, предложение *Пришел не Магомед* показывает ровно ту интерпретацию, которую должно, если *не Магомед* имеет семантику эксептива в (15a).

Однако грамматичность (22) не повышается даже при контрастивном фокусе:

(24) a. *[*maħammad*]$_F$-***č'i*** *w-a:*.
Магомед-**NEG** М-приходить
‘Не Магомед пришел’.
b. **w-a:* [*maħammad*]$_F$-***č'i*** .
М-приходить Магомед-**NEG**
‘Пришел не Магомед’.

Таким образом, связать неграмматичность предложений типа (22) можно только с отсутствием сентенциального отрицания. Осознавая эту особенность эксептивов, К. фон Финтель и С. Иатриду вынуждены постулировать их отрицательно-полярный статус в качестве отдельного свойства, которое не выводится из семантики в (15a-b).

Еще одна уязвимость обусловлена тем, что система, предложенная К. фон Финтелем и С. Иатриду, никак не соотносит свойства ‘только’ с его фокусной природой. В большинстве имеющихся вариантов анализа нерасщепленного ‘только’ этот аспект его дистрибуции полностью отражается в семантике. Упомянутые в (11) альтернативы, отрицание которых становится частью ассерции, чаще всего рассматриваются как фокусные альтернативы, порождаемые благодаря стандартной семантике фокуса, введенной в оборот М. Рутом (Rooth 1985).

В теории М. Рута языковые выражения в общем случае имеют два типа означаемого: обычное («O») и фокусное («F»). Фокусное значение представляет собой множество всех сущностей того логического типа, который имеет обычное значение. Если обычное значение референтной именной группы — конкретный индивид, то фокусное — множество всех индивидов:

(25) a. $\| \textbf{maħammad}_e \|^O$ = Mohammed
b. $\| \textbf{maħammad}_e \|^F$ = {Mohammed, Ali, Jennifer, Vasja, Leila,… } = D_e

Зародившись на уровне фокусируемой именной группы, альтернативы в конечном итоге проецируются на сентенциальный уровень, где в качестве фокусного значения предложения возникает множество пропозиций:

(26) $\|$ **maħammad w-a**: $\|^F$ = {Mohammed came, Ali came, Jennifer came, Vasja came,… }

Именно эти альтернативы поступают в распоряжение ‘только’ и все попадают под отрицание, кроме одной — ‘Магомед пришел’.

Ни этот, ни какой-либо другой механизм, увязывающий интерпретацию ‘только’ с его фокусной природой, не находит места в теории (von Fintel, Iatridou 2007). В частности, отрицание альтернатив внедряется непосредственно в семантику эксептивного элемента.

Еще одна уязвимость кажется намного менее существенной, но все же не полностью ничтожной. Она дает о себе знать, если в фокусе ‘только’ находятся именные выражения, в частности, именные группы, как в (1).

Эксептивный компонент конструкции — это, согласно (15a), обобщенный квантор. Обобщенные кванторы — один из канонических типов денотатов именных групп. Проблема состоит в том, что именная группа, имеющая квантор типа (17a-b) в качестве означаемого, предполагает невозможную в естественных языках семантическую деривацию.

Чтобы оценить проблему, представим себе, что (17b) деривируется как денотат обычной именной группы кванторного типа <<e,t>,t>. В этом случае эксептивный показатель имеет семантику кванторного слова, соединяется с существительным как с аргументом, а само существительное представляет собой характеристическую функцию множества. Эти ингредиенты обобщенного квантора показаны в (27a-c):

(27) a. $\| \textbf{č'i} \| = \lambda P.\ \lambda Q.\ \exists x\ [\neg P(x) \wedge Q(x)]$
b. $\| \textbf{maħammad} \| = \lambda x.x = \text{Mohammed}$
c. $\| \textbf{maħammad-č'i} \| = \lambda Q.\ \exists x\ [\neg\ [x = \text{Mohammed}] \wedge Q(x)] = \lambda Q.\ \exists x\ [x \neq \text{Mohammed}] \wedge Q(x)]$

В (27b) существительное ‘Магомед’ анализируется как характеристическая функция одноэлементного множества. После применения кванторного слова в (27a) к предикату (27b) создается эксептивный обобщенный квантор в (27c) (=(17b)), как и требуется.

Основная проблема в (27a-c) связана с *č'i* как кванторным словом, функция которого — соотнести экстенсионалы двух предикатов. Согласно гипотезе, выдвинутой в (Barwise, Cooper 1981) 40 лет назад и с тех пор не столкнувшейся с контрпримерами, универсальное свойство кванторных слов естественных языков — консервативность. Оно состоит в том, что для определения истинности выраже-

ния с кванторным словом к рассмотрению принимаются только те индивиды, удовлетворяющие второму предикату, которые также удовлетворяют первому предикату. Чтобы установить истинность предложения *Всякий человек смертен*, вовсе не требуется принимать к рассмотрению индивидов, не являющихся людьми. В общем виде консервативность кванторного слова Q показана в (28):

(28) $Q(P)(Q) \leftrightarrow Q(P)(\lambda x.P(x) \wedge Q(x))$

Нетрудно заметить, что для (27c) условие в (28) не выполняется, поскольку правая часть отношения равносильности в (28) для (27c) тривиально ложна, в отличие от левой части:

(29) $\exists x\ [x = \text{Магомед} \wedge x \neq \text{Магомед} \wedge \text{пришел}(x)]$

Исходя, в частности, из соображений консервативности, нерасщепленное ‘только’ действительно не принято анализировать как кванторное слово. Оно чаще всего рассматривается как оператор сентенциального уровня, аргументом которого выступает полностью продеривированная пропозиция.

Однако у расщепленного ‘только’ ситуация иная: среди двух его компонентов сентенциальный оператор может быть только один, и это не эксептив, а отрицание. Эксептив должен соединяться со своим аргументом более локально, а сам аргумент должен быть непропозиционального семантического типа. (1) как раз показывает одну из возможностей в этом ряду: аргумент эксептива — именная группа, имеющая тип *e*; на выходе получается обобщенный квантор. Его семантику желательно сформулировать так, чтобы не возникало неприятных аллюзий, связанных с неконсервативными кванторными словами.

Анализ, предлагаемый ниже, как кажется, позволяет снять перечисленные выше проблемы: фокусный характер ‘только’ удается связать с его отрицательной полярностью и с пресуппозицией истинности пропозиции-аргумента, а потенциального источника неконсервативности при этом не возникает.

5. Альтернатива

Анализ, который мы хотим предложить, в общих чертах следует идеям К. фон Финтеля и С. Иатриду, однако отличается несколько-

ми более или менее важными деталями. Мы ограничимся случаем, когда эксептивный элемент соединяется с референтной именной группой, как в (1), предполагая, что распространение его на другие конфигурации из разделов 1-2 — более техническая, чем содержательная задача.

Во-первых, мы предполагаем, что эксептивная именная группа представляет собой обычный экзистенциальный обобщенный квантор, не содержащий элемента “x ≠ Mohammed”, который создает обсуждавшиеся выше проблемы с консервативностью. Роль эксептива — не добавление этого условия в ассертивную часть квантора, а сужение домена индивидов за счет изъятия из него элемента, обозначаемого именной группой:

(30) Эксептивный компонент
$\| \textbf{maħammad-č'i} \| = \lambda Q\colon Q \in D_{<e,t>}.\ \exists x\colon x \in D_e \backslash \{Mohammed\}.\ person(x) \wedge Q(x)$

Эксептив, таким образом, обеспечивает в первую очередь рестрикцию домена; в прочих отношениях его семантика — это в точности семантика кванторной именной группы типа русского *кто-то* или английского *somebody* ‘кто-то’.

Можно, далее, предполагать, что обобщенный квантор в (30) образуется применением кванторного слова в (31) к предикату в (27b), содержащему единственного индивида — Магомеда — в своем экстенсионале. (Соответственно, следует предположить сдвиг логического типа референтной именной группы *maħammad* из типа e в тип <e,t>, как в (27b)[4].)

(31) Кванторное слово для деривации эксептивного компонента
$\lambda P_{<e,t>}.\lambda Q_{<e,t>}.\ \exists x\colon x \in D_e \backslash \{y\colon P(y)\}.\ person(x) \wedge Q(x)$

После соединения с глагольной группой ‘пришел’ создается пропозиция в (32), а затем, применением отрицания, — пропозиция в (33):

(32) Пропозиция до применения отрицания
$\| \textbf{maħammad-č'i w-a} \| = \exists x\colon x \in D_e \backslash \{Mohammed\}.\ person(x) \wedge come(x)$

---

[4] Альтернативной может быть допущение, что эксептив соединяется с именной группой логического типа *e* непосредственно: $\| \textbf{č'i} \| = \lambda x_e.\ \lambda Q_{<e,t>}.\ \exists y\colon y \in D_e \backslash \{x\}.\ person(y) \wedge Q(y)$.

(33) Пропозиция после применения отрицания
$\| \textbf{maħammad-č'i w-a:-č'i} \| = \neg\exists x\colon x \in D_e \backslash \{\text{Mohammed}\}.\ \text{person}(x) \wedge \text{come}(x)$

Согласно (33), среди индивидов в дополнении множества {Mohammed} до множества всех индивидов нет таких, которые пришли. Это ассерция предложения (1), и с этой точки зрения этот анализ делает ровно такие же предсказания, как и предыдущий.

Следующий шаг — допущение в (34), которое следует идеям Дж. Кьеркии из (Chierchia 2013):

(34) Экзостификация доменных альтернатив
Будучи фокусно-чувствительным элементом, *č'i* запускает построение доменных альтернатив для фокусируемой составляющей, как субдоменных, так и супердоменных. На завершающем этапе деривации альтернативы подвергаются экзостификации.

Субдоменные альтернативы — это пропозиции, содержащие квантификацию по домену меньшего размера. Субдоменные альтернативы для пропозиции в (33) показаны в (35):

(35) Субдоменные альтернативы
$\text{ALT}_{\subseteq} = \{\neg\exists x\colon x \in D'.\ \text{person}(x) \wedge \text{come}(x) \mid D' \subseteq D_e \backslash \{\text{Mohammed}\}\}$

Супердоменные альтернативы — пропозиции с квантификацией по домену большего размера. Для домена $D_e\backslash\{\text{Mohammed}\}$ есть ровно один домен большего размера — сам D_e. Тем самым для пропозиции в (33), не считая ее самой, имеется ровно одна супердоменная альтернатива.

(36) Супердоменные альтернативы
$\text{ALT}_{\supseteq} = \{\neg\exists x\colon x \in D'.\ \text{person}(x) \wedge \text{come}(x) \mid D' \subseteq D_e \backslash \{\text{Mohammed}\}\}$

Выражения, генерирующие альтернативы, подвергаются обязательной экзостификации, *Exh*, которая показана в (37):

(37) Экзостификация
$Exh_{\text{ALT}}\ p = p \wedge \forall q \in \text{ALT}\ [\ q \rightarrow (p \subseteq q)]$

Exh — операция, которая применяется к утверждаемой пропозиции *p* и прилагаемому к ней множеству альтернатив ALT и отрицает

все альтернативы, более сильные, чем *p*. Согласно (37), любая альтернативная пропозиция *q* истинна только в том случае, если она выступает логическим следствием утверждаемой.

Экзостификацию можно в первом предложении рассматривать как семантический аналог прагматического механизма, основанного на грайсовской максиме количества, который задействован, например, в (38):

(38) A: Тебе нравятся Володя и Феликс?
B: Мне нравится Володя.

Ответ B создает импликатуру ‘B не нравится Феликс’. Если, стремясь быть максимально информативным, B не делает более сильного утверждения «Мне нравятся Володя и Феликс», следует полагать, что оно ложно. Если же верно, что B нравится Володя и неверно, что B нравятся Володя и Феликс, то B не нравится Феликс.

Аналогично, отрицание более сильных альтернатив — суть экзостификации. Особенность ее состоит в том, что *Exh* — компонент логической формы предложения, и его вклад в интерпретацию — семантический, а не прагматический.

Рассмотрим экзостификацию субдоменных альтернатив, заданных в (35) применительно к пропозиции в (33):

(39) Экзостификация субдоменных альтернатив для отрицательного предложения
$Exh_{ALT_{\subseteq}}$ [**maħammad-č'i w-a:-č'i**] =
$Exh_{ALT_{\subseteq}}$ [$\neg\exists$x: x $\in$ $D_e\backslash\{Mohammed\}$. person(x) $\wedge$ come(x)]

Важнейший факт, относящийся к (39), состоит в том, что любые альтернативные субдоменные пропозиции из (35) связаны с ассерцией отношением нисходящего следования: всякий элемент, входящий в $ALT_{\subseteq}$ в (35) — логическое следствие ассерции в (33), т. е. более слабое утверждение. Если верно, что ни один элемент домена $D_e\backslash\{Mohammed\}$ не пришел, это же верно и для любого меньшего домена. Таким образом, экзостификация в (39) не затрагивает субдоменных альтернатив, поскольку отрицает только более сильные утверждения. Результат экзостификации тем самым эквивалентен простой ассерции.

Иное дело — экзостификация для утвердительной пропозиции в (40) и тех же субдоменных альтернатив из (35):

(40) Экзостификация для субдоменных альтернатив и утвердительного предложения
$Exh_{\mathrm{ALT}\subseteq}$ [**maħammad-č'i w-a**:] =
$Exh_{\mathrm{ALT}\subseteq}$ [$\exists$x: x $\in$ D_e\{Mohammed}. person(x) $\wedge$ come(x)]

В этом случае альтернативы связаны с ассерцией отношением не нисходящего, а восходящего следования. Если D = D_e\{Mohammed}, а D′ $\subseteq$ D, то истинность пропозиции относительно меньшего домена влечет за собой истинность относительно большего домена. Любая субдоменная альтернатива — более сильная пропозиция, чем утверждаемая. В результате экзостификации все более сильные альтернативы полагаются ложными, и это создает логическое противоречие. Ассерция утверждает, что в домене D_e\{Mohammed} имеется хотя бы один индивид, который пришел. Попавшие под отрицание субдоменные альтернативы утверждают, что ни в одном из подмножеств D_e\{Mohammed} такого индивида нет. Результат экзостификации оказывается тривиально ложным, и это делает невозможным употребление *č'i* в любом предложении, не предполагающем нисходящего следования, частности, в утвердительных предложениях типа (24a-b).

Именно так Дж. Кьеркиа объясняет отрицательно-полярные свойства большого класса единиц — таких, как местоимения типа английского *anybody*: будучи экзистенциальными кванторами, чувствительными к фокусу, они генерируют субдоменные альтернативы, которые дают непротиворечивый результат экзостификации только при нисходящем следовании, в частности, под отрицанием.

Предложенный нами анализ задействует те же самые исходные допущения и те же самые рассуждения для объяснения отрицательной полярности эксептивных составляющих. Преимущество анализа состоит в том, что порождение альтернатив независимо обеспечивается, как и предполагает Дж. Кьеркиа, фокусным характером отрицательно-полярной составляющей и не требует отдельного постулирования.

Рассмотрим роль супердоменных альтернатив. Как мы только что видели, утвердительные предложения с эксептивным компонентом неграмматичны из-за логического противоречия, с которым сталкивается экзостификация субдоменных альтернатив. Супердоменные альтернативы для этого случая можно, таким образом, не рассматривать. Остается единственный случай: экзостификация для отрицательных предложений, которая показана в (41):

(41) Экзостификация для супердоменных альтернатив и отрицательного предложения
$Exh_{ALT\subseteq}$ [**maħammad-č'i wa**:**- č'i**] =
$Exh_{ALT\subseteq}$ [$\neg\exists$x: x $\in$ $D_e\backslash$\{Mohammed\}. person(x) $\wedge$ come(x)]

Согласно (36), множество альтернатив $ALT_{\subseteq}$ включает, кроме ассерции, единственную альтернативу, в которой доменом квантификации выступает не $D_e\backslash$\{Mohammed\}, а весь домен D_e. Она показана в (42):

(42) Супердоменная альтернатива: квантификация по домену D_e
$\neg\exists$x: x $\in$ D_e. person (x) $\wedge$ come(x)

Из этой альтернативы асимметрично следует ассерция: если верно, что не пришел ни один индивид из D_e, верно и то, что не пришел ни один индивид из подмножества D_e, в частности, $D_e\backslash$\{Mohammed\}. Результат экзостификации в (41) — ложность этой более сильной альтернативы:

(43) $\neg$ [$\neg\exists$x: x $\in$ D_e. person(x) $\wedge$ come(x)]

(43) эквивалентно (44):

(44) $\exists$x: x $\in$ D_e. person(x) $\wedge$ come(x)

Сочетание (44) и ассерции в (33) дает в качестве логического следствия тот же результат, что и пресуппозиция, привязанная к эксептивному элементу в (von Fintel, Iatridou 2007). В множестве всех индивидов есть такой, который пришел, (44). В множестве, которое получается из него удалением Магомеда, таких нет, (33). Это означает, что тот, кто пришел, — Магомед.

Таким образом, тот же механизм экзостификации, который отвечает за придание эксептивной составляющей отрицательно-полярного статуса, дает возможность получить второй ключевой компонент значения ‘только’ — истинность зависимой пропозиции. Для этого не требуется, в отличие от системы К. фон Финтеля и С. Иатриду, постулировать его в качестве отдельной пресуппозиции, не имеющей независимого обоснования.

Единственное конкретное допущение о вкладе эксептива в интерпретацию, — идея об изъятии денотата фокусируемой ИГ из соответствующего домена, сформулированная применительно к референтным именным группам в (30). Все остальное достигается общими механизмами взаимодействия фокуса, отрицательной полярности и экзостификации.

6. Вместо заключения

Изложенное выше — это лишь общие контуры анализа расщепленного ‘только’. Для полного анализа на данный момент недостает и эмпирического материала, и некоторых важных теоретических и технических деталей.

Серьезный вопрос, который не обсуждается в разделе 5, состоит в том, почему пропозиция в (44), выводимая в результате экзостификации пропозиции в (33), имеет пресуппозициональный статус. Ответ на этот вопрос, возможно, требует серьезной теоретической рефлексии и сопоставления рассматриваемого случая с другими явлениями, имеющими схожий семантический профиль. Отдельно отметим, что пресуппозициональный статус этой пропозиции, кажущийся бесспорным на основании примеров типа (13), может быть поставлен под сомнение при обращении к более широкомуу классу случаев. Релевантное обсуждение можно найти в (van Rooij, Schulz 2005), (Roberts 2011) и (Geurts, van der Sandt 2004).

Еще более увлекательный круг вопросов открывается при осознании того, что расщепленное ‘только’ в дагестанских языках остается критически недоисследованным. Нам не удалось найти примеров (ни в литературе, ни в собственных полевых материалах), в которых расщепленное ‘только’ представлено в любых других контекстах нисходящей монотонности, кроме контекста сентенциального отрицания. Доступен ли, например, эксептив в составе рестриктора универсального кванторного слова в той же степени, что и отрицательно-полярные единицы во многих других языках, например, русские *либо*-местоимения (*всякий, кто когда-либо видел слона*)? Доступен ли эксептив в составе зависимой клаузы, если отрицание расположено в главной (*Али не думает, что не Магомед пришел* ‘Али думает, что только Магомед пришел’)? Создает ли расщепленное ‘только’ само по себе контекст нисходящей монотонности, лицензирующий отрицательно-полярные единицы, как это происходит у нерасщепленного ‘только’ (*только человек, когда-либо видевший слона, Только Магомед когда-либо видел слона*)?

Рассчитывая прояснить все перечисленное в будущем, мы завершаем эту статью выражением умеренного оптимизма: в вопросе о ‘только’ остаются не только вопросы.

Литература

Кибрик А. Е. (ред.). 2001. Багвалинский язык. Грамматика. Тексты. Словари. М.: Наследие.

Barwise J., Cooper R. 1981. Generalized quantifiers and natural language. Linguistics and Philosophy 4, 159-219.

Beaver D., Clark B. 2008. Sense and Sensitivity: How Focus Determines Meaning. Oxford: Blackwell.

Chierchia G. 2013. Logic in Grammar: polarity, free choice and intervention. Oxford: Oxford University Press.

Geurts B., van der Sandt R.. 2004. Interpreting Focus. Theoretical Linguistics 30(1), 1–44.

Horn L. 1969. A presuppositional analysis of only and even. In: Papers from the Fifth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society, eds. Robert I. Binnick, Alice Davison, Georgia M. Green, and Jerry L. Morgan. Chicago: Chicago Linguistic Society. 98–107.

Ippolito M. 2007. On the Meaning of Only. Journal of Semantics 25(1).

Neeleman A, Van de Koot H. 2020. The syntax and semantics of temporal **only**. Ms.

Polinsky M. 2015. Tsez syntax: A description. Ms., Harvard University

Roberts C. 2011. Only: A Case Study In Projective Meaning. Baltic International Yearbook of Cognition, Logic and Communication. Vol. 6.

Rooth M. 1985. Association with focus. Ph.D. Dissertation, University of Massachusetts, Amherst.

Toosarvandani M. 2010. Association with Foci. PhD dissertation. University of California, Berkeley.

van Rooij R., Schulz K. 2007. Only: Meaning and implicature. In: Aloni M., Butler A., Dekker P. (eds.), Questions in Dynamic Semantics. Amsterdam: Elsevier, 193–223.

von Fintel K., Iatridou S. 2007. Anatomy of a Modal Construction. Linguistic Inquiry 38.3, 445–483.

Vostrikova K. 2019. Phrasal and Clausal Exceptive-Additive Constructions. PhD dissertation, University of Massachusetts, Amherst.

О СТРУКТУРЕ ГЛАГОЛЬНЫХ ОСНОВ В ЦЕЗСКИХ ЯЗЫКАХ[1]

Я. Г. Тестелец
Институт языкознания РАН /
Российский государственный гуманитарный университет

Введение

В словоизменительной морфологии нахско-дагестанских языков четко разграничивается осново- и формообразование, что на материале именных парадигм было продемонстрировано А. Е. Кибриком (2003, гл. 12). Исходная словарная основа может быть представлена как абстрактная единица, не обязательно совпадающая с какой-то наблюдаемой словоизменительной формой или основой. Как во многих языках с развитой морфологией, дагестанская парадигма подразделяется на зоны, каждая из которых образуется не прямо от исходной основы, а от промежуточной основы, обычно совпадающей с одной из наблюдаемых словоформ, причем основообразование менее регулярно, чем образование словоформ внутри каждой зоны.

Глагольное основообразование устроено сходным образом. Исходная основа может совпадать с корнем или включать деривационные, например, каузативные, аффиксы. «К основным относятся… диагностические формы, позволяющие максимально полно учесть нерегулярности в словоизменении; прочие формы образуются, как правило, автоматически присоединением стандартных аффиксов» (Кибрик, Кодзасов 1988: 15). В отличие от именного основообразования, глагольное часто использует средства, нарушающие линейную

---

[1] Автор благодарен Т. А. Майсаку за ценные замечания к первому варианту статьи и М. Ш. Халилову за сообщенные сведения по бежтинскому и гунзибскому языкам; все ошибки остаются на совести автора.

Данное исследование поддержано грантом РНФ № 17-18-01184 «Коммуникативная организация естественного дискурса на звучащих и жестовых языках».

сегментацию: разрывные или разрывающие аффиксы, элементы, лишенные самостоятельного значения, ср. «формативы» и «инфиксоиды» в составе даргинской глагольной основы (Муталов 2002), метатезы, удлинения, удвоения и неавтоматические стыковые чередования. Дальнейшее усложнение основ, то есть формообразование, использует агглютинативную или аналитическую технику.

Например, в хваршинском языке основа аориста от корней *gʷangʷa-* ‘прятать’ или *-ešt’a-* ‘пускать’ образуется с помощью суффикса *-ja* (ср. *k’ʷej-* ‘искать’ — *k’ʷej-ja* ‘искал’), который устраняет тематический элемент *-a*, удваивает последний согласный, при этом сам превращаясь в гласный и разбивая кластер:

(1) a. *gʷangʷa- + ja → gʷan-i-gg-a*
b. *-ešt’a- + ja → eš-i-t’t’-a* (I согласовательный класс)

В основе прохибитива кластер разделяется инфиксом *-o-* и добавляется суффикс *-ju*, который дает не удвоение, а метатезу:

(2) a. *gʷan-o-gʷa- + ju → gʷan-o-j-g-u*
b. *-eš-o-t’a- + ju → eš-o-j-t’-u* (I)

В основе причастия совершенного вида на *-ja* инфикс того же вида удлиняется: *gʷan-ō-j-g-a*, *eš-ō-j-t’-a*. Образование словоизменительных форм внутри парадигматической зоны, задаваемой основой, таких операций не использует, ср. образованную от причастия совершенного вида конструкцию временного конверба (3) *eš-ō-j-t’-o-q’ar-ƛ’o* ‘когда отпустил’(I) с грамматикализованным существительным *q’aru* ‘срок, время’ и четкой линейной сегментацией.

В арчинском языке основа несовершенного вида, совпадающая с формой общего времени, или, в терминологии А. Е. Кибрика, констатива, образуется в том числе с помощью нелинейных средств: разрывного аффикса *...-r-...-r* и редупликации: (4) *qa* ‘замерз’ (аорист, совпадающий с основой совершенного вида) — *qe-r-qi-r* ‘мерзнет’ (констатив); ср. образованную от этой основы аналитическую форму заглазного отрицательного имперфекта с агглютинативными суффиксами деепричастия несовершенного вида *-ši*, деепричастия совершенного вида *-li*, отрицания *-t’u* и двумя служебными глаголами: (5) *qe-r-qi-r-ši edi-li i-t’u* ‘оказывается, не мерз’ (Кибрик 1977: 90) — как можно видеть в (5), в формообразовании и аффиксы, и служебные слова линейно отграничиваются и от основы, и друг от друга.

Предлагаемое исследование посвящено сравнительно-историческому изучению механизмов глагольного основообразования в языках цезской группы. До сих пор эта тема глубоко не разрабатывалась: Е. А. Бокарев ограничился правдоподобным предположением, что в працезском языке различались глагольные основы на гласную и согласную (Бокарев 1959: 281); фактически то же у Д. С. Имнайшвили (1963: 166), который увидел противопоставление «принципа одной основы» (на согласную) и «двух основ» (на гласную). Эту идею впоследствии поддержал М. Е. Алексеев (1988: 152), который обратил внимание, кроме того, на то, что в описаниях цезских языков «разнообразие в образовании основных форм глагола вызвано прежде всего включением тематических гласных в состав суффиксов, в то время как естественно было бы их отнести к основе» (там же). В словаре С. Л. Николаева и С. А. Старостина (Nikolayev, Starostin 1994) глагольные корни и основы цезских языков даются, как правило, без тематических гласных, что приводит к потере этимологически значимой информации — но такое решение было неизбежным, так как без специального исследования для каждого из языков отличить тематические гласные от начальных гласных аффиксов невозможно.

Для выяснения вопроса о структуре основ нужны были полные глагольные словари цезских языков с диагностическими формами. Такие словари, кроме словаря бежтинских глаголов в (Кибрик, Кодзасов 1988), появились позже указанных выше работ в результате исключительной по объему и уровню проработки материала лексикографической деятельности М. Ш. Халилова (1995; 1999; 2015; Халилов, Исаков 2001; 2005). Задача нашей статьи — основываясь на новых данных, предложить правдоподобную реконструкцию глагольного основообразования в працезском языке.

В разделе 1 будет дан обзор глагольного основообразования в цезских языках. В разделе 2 мы предлагаем реконструкцию соответствующего фрагмента працезской морфологии.

1. Глагольное основообразование в цезских языках

1.1. Цезский язык

В цезском языке глагольные исходные основы на гласный и согласный различаются соответственно неполными и полными фор-

мами суффиксов: презенс *-χ//-χo*, прошедшее простое *-s//-si*, прошедшее эвиденциальное *-n//-no*, и различие между ними устраняется, если суффикс начинается на гласный (*-a* инфинитив, *-an* простое будущее, *-o* императив от переходных глаголов; Бокарев 1959: 206–209; Халилов 1999: 442–443):

(6) a. *b-iš-a* ‘есть’(неперех.)
III-есть-INF
b. *b-iš-χo* ‘ест’
III-есть-PRS
c. *b-iš-si* ‘съел’
III-есть-PST
d. *b-iš-no* ‘оказывается, съел’
III-есть-EVD
e. *b-iš-an* ‘съест’
III-есть-FUT
f. *b-iš* ‘ешь!’
III-есть.IMP

(7) a. *kos-a* ‘косить(траву)’
косить-INF
b. *kosi-χ* ‘косит’
косить-PRS
c. *kosi-s* ‘покосил’
косить-PST
d. *kosi-n* ‘оказывается, покосил’
косить-EVD
e. *kos-an* ‘покосит’
косить-FUT
f. *kos-o* ‘коси!’
косить-IMP

Последний гласный корня может быть *-i-*, *-u-* или *-a* (там же). Конечные сегменты исходной основы, обычно гласные из ограниченного набора, характеризующие тип спряжения, мы будем называть тематическими элементами. Корни с тематическим гласным *-a* образуют инфинитив и производные от него формы на *-a-da*. Поскольку стандартный аффикс инфинитива *-a*, в формах от основы инфинитива возникают два тематических элемента подряд ((8abc); Халилов 1999: 444):

(8) a. *iħan-a-d-a*
драться-TH-TH-INF
‘драться’
b. *iħan-a-d-a-nir*
драться-TH-TH-INF-INFII
‘драться’(инфинитив II)
c. *iħan-a-d-ās*
драться-TH-TH-FUTII
‘будет драться’(будущее II)
d. *iħan-a-χ*
драться-TH-PRS
‘дерется’
e. *iħan-a-s*
драться-PST
‘подрался’
f. *iħan-a-n*
драться-EVD
‘оказывается, подрался’

Формы с тематическим гласным *-u-* возникают с корнями, оканчивающимися на лабиализованный согласный (в том числе сонор-

ный -*r*^{w}, см. (9d)), причем лабиализация обнаруживается в качестве признака согласного перед суффиксами, начинающимися на -*a*:

(9) a. *es*^{w}*-a* (INF) ‘находить’ — *es-u-s* (PST) ‘нашел’
b. *λeχ*^{w}*-a* (INF) ‘оставаться’ — *λeχ-u-s* (PST) ‘остался’
c. *eχ*^{w}*-a* (INF) ‘умирать’ – *eχ-u-s* (PST) ‘умер’
d. *ser*^{w}*-a* (INF) ‘отпирать’ — *ser-u-s* (PST) ‘отпер’

В словаре М.Ш. Халилова формы инфинитива типа (9), записанные Е. А. Бокаревым (1959: 208–209) с лабиализацией, приводятся как свойственные асахскому диалекту, а инфинитивы описываемого (кидеринского) диалекта даны без лабиализации. Возможно, Е. А. Бокарев работал с диалектом, в котором лабиализация сохранилась, или с середины XX в. произошло изменение в кидеринском. Очевидно, -*u*- представляет собой возникающий при лабиализации предшествующего согласного позиционный вариант тематического гласного -*i*- (< празападноцезское **e* или **ə*, см. ниже).

Особый случай представляет основа общего времени (со значением хабитуалиса или будущего неопределенного), от которой образуется также причастие прошедшего времени на -*ru*. Эта форма образуется заменой корневого гласного на -*ā*- или -*ä*- (аблаут или инфиксация), и суффиксами -*i* или -*Ø*, выбор между которыми неясен (Бокарев 1959: 210–211):

(10) a. *r-ac’-a* → *r-<ā>-c’*
IV-есть-INF IV-есть<GEN>
‘есть’ ‘ест’
b. *kec-a* → *k-<ä>-c*
спать-INF спать<GEN>
‘спать’ ‘спит’
c. *kos-a* → *k-<ä>-s-i*
косить-INF косить<GEN>-GEN
‘косить’ ‘косит’

В глаголах на -*d-a* инфикс заменяет тематический элемент, при этом суффикс общего времени теряет слоговой характер (-*i* > -*j*):

(10) d. *iħan-a-d-a* → *iħan-ä-j*
драться-TH-TH-INF драться<GEN>-GEN
‘драться’ ‘дерется’

Согласно (Имнайшвили 1963: 174–176), основным инфиксом (или скорее с синхронной точки зрения — аблаутной ступенью) общего времени является *-a-*, который дает варианты с разными корневыми гласными по диалектам и говорам:

(11)

Корневой гласный	Гласный в общем времени: кидеринский	шайтлинский	асахский	сагадинский
-a-	*-ā-*	*-ā-*	*-ā-*	*-ā-*
-u-	*-ā-*	*-ō-*	*-(w)ā-*	*-ū-*
-o-	*-ā-*	*-ō-*	*-ā-*	*-ō-*
-e-	*-ā̄-*	*-ē-*	*-ā-*	*-ē-*
-i-	*-ā̄-*	*-ē-*	*-ā-*	*-ē-*

Об образовании общего времени в сагадинском диалекте см. еще (Wilson 2021). По-видимому, верно предположение Д. Имнайшвили, что инфикс общего времени **-a-* в результате элизии с корневым гласным привел к наблюдаемому разнообразию диалектных форм, отразивших влияние ряда и лабиализации корневого гласного.

1.2. Гинухский язык

В наиболее полном описании гинухского языка — монографии (Forker 2013) выделяются четыре типа спряжения в зависимости от «конечного сегмента глагольной основы» (Forker 2013: 190): первый тип с основой, оканчивающейся на согласный, и три типа в зависимости от тематического гласного: *-i*, *-e* или долгий гласный, обычно *-ā* (последний тип включает формы антипассивной деривации). Те же морфологические классы, хотя и не так четко, выделяются в работах предшественников (Бокарев 1959: 129–134; Ломтадзе 1963: 128–132; Халилов, Исаков 2005: 585–586).

Как и в цезском языке, в гинухском используются полные и редуцированные варианты некоторых суффиксов, первые с основами на согласный, вторые с основами на гласный: *-ho* (с ассимиляцией согласного*)//-(j)o* презенс; вариант с *-j-* после тематического гласного *-i-*; *-iš//-š*(*-s*) простое прошедшее; *-no//-n* прошедшее эвиденциальное. Суффиксы инфинитива *-a* или императива от переходных глаголов *-o* вытесняют тематический гласный; другие суффиксы, начинающиеся на гласный, отделяются от тематического гласного глайдом *-j-*, например, показатель условного конверба *-o//-jo*.

Основа на согласный
neƛ- ‘давать’:

(12) a. *neƛ-a*
давать-INF
‘давать’

b. *neƛƛ-o* {< *-ƛ-ho* }[2]
давать-PRS
‘даёт’

c. *neƛ-no*
давать-EVD
‘оказывается, дал’

Основа на *-i*
-eq’i- ‘знать’:

(13) a. *r-eq’-a*
IV-знать-INF
‘знать’

b. *r-eq’i-jo*
IV-знать-PRS
‘знает’

c. *r-eq’i-n*
IV-знать-EVD
‘оказывается, узнал’

Основа на *-e*
-aq’e- ‘приходить’:

(14) a. *b-aq’-a*
III-приходить-INF
‘приходить’

b. *b-aq’-o*
III-приходить-PRS
‘приходит’

c. *b-aq’e-n*
III-приходить-EVD
‘оказывается, пришел’

Основа на долгий гласный
-k’ilik’dō- ‘мыть’[3]:

(15) a. *k’ilik’-dō-s*
мыть-ANTIP-PST
‘мыл’

b. *k’ilik’-dō-ho*
мыть-ANTIP-PRS
‘моет’

c. *k’ilik’-dō-n*
мыть-ANTIP-EVD
‘оказывается, мыл’

Большинство глаголов с основой на долгий гласный представляют собой антипассивные формы (деривация, понижающая синтаксический статус или устраняющая пациенс-прямое дополнение), обычно с итеративным значением, образованные с помощью суффиксов *-lī* и *-dō*, из которых первый обычно присоединяется к основам на гласный, а второй к основам на согласный (Халилов, Исаков 2005: 591, 596; Forker 2013: 331).

Общее время в гинухском языке, которое, как и в родственных языках, «употребляется для обозначения обычных, постоянно повторяющихся… действий» (Бокарев 1959: 135), а также в значении будущего, образуется, в отличие от цезского и хваршинского, без

[2] Ср. *kur-ho* ‘бросает’.

[3] Инфинитив у этого морфологического класса отсутствует, вместо него употребляется целевой конверб.

инфиксации и, по-видимому, без суффиксов и совпадает с основой (Бокарев 1959: 134; Ломтадзе 1963: 129; Forker 2013: 205): (16) *b-ac'* (III) 'ест', *iƛ'i* (I) 'идет', *aq'e* (I) 'приходит', *uhe* (I) 'умирает', *gā* 'пьет'. Очевидно, гинухский язык «преодолел» сохранившийся в родственных языках инфиксальный (или аблаутный — путем удлинения корневого гласного) способ образования формы общего времени, нарушающий линейную сегментацию, и в результате парадигматического выравнивания данная форма в нем совпала с исходной основой.

1.3. Хваршинский язык

В настоящем исследовании удобно рассматривать как отдельные языки собственно хваршинский и инхокваринский (включая в последний квантлядинский, сантлядинский и хвайнинский говоры), поскольку между этими идиомами наблюдаются значительные различия в глагольном осново- и формообразовании.

В хваршинском языке различаются исходные основы на согласный, *-a* и *-e*; особый класс образуют глаголы на *-do-*//*-da-*//*-ja*, которые восходят к антипассивным формам, но синхронно антипассивами не являются (Бокарев 1959: 163–169; Шарафутдинова, Левина 1961: 115–118; Клягина 2016). В отличие от цезского и гинухского языков, суффиксы для основ на гласный и согласный не различаются, однако некоторые суффиксы обладают сингармоническими вариантами, например, показатель презенса *-ha*//*-he*//*-ho*. Суффиксы, начинающиеся на гласный, например, *-a* инфинитив или *-u* ({*-ju*}) прохибитив, вытесняют конечный гласный основы:

Основа на согласный
-ez- 'брать':

(17) a. *b-ez-a*
III-брать-INF
'брать'

b. *b-es-so* (< {*b-ez-ho*})
III-брать-PRS
'берёт'

c. *b-ez-na*
III-брать-EVD
'оказывается, взял'

Основа на *-a*
goƛ'a- 'звать':

(18) a. *goƛ'-a*
звать-INF
'звать'

b. *goƛ'a-ha*
звать-PRS
'зовёт'

c. *goƛ'a-na*
звать-EVD
'оказывается, позвал'

Основа на *-e*

-iq'e- 'знать':

(19) a. *l-iq'-a*
IV-знать-INF
'знать'

b. *l-iq'e-he*
IV-знать-PRS
'знает'

c. *l-iq'e-na*
IV-знать-EVD
'оказывается, знал'

Как и в цезском языке, отход от последовательной линейной сегментации в формообразовании наблюдается в общем времени. Общее время образуется с помощью суффикса *-a* (только для исходных основ на согласный) с удлинением последнего не тематического гласного исходной основы (20) или — для глаголов, исходная основа которых оканчивается на *-CC(V)*, например, в результате присоединения каузативного суффикса *-χ* (21b) — инфиксацией *-ō-* перед последним согласным (21):

(20) a. *kul-* 'бросать' → *kūl-a*
b. *-ac'-* 'есть' → *-āc'-a*
c. *k'iše-* 'играть' → *k'īše*
d. *biλ'ida-* 'делить' → *biλ'īda*
e. *λes-* 'спать' → *λēs-a*
f. *bado-* 'работать' → *bādo*

(21) a. *durda-* 'бежать' → *dur-ō-da*
b. *-itχ-* 'красть' → *-it-ō-χ-a*
c. *-eχλ'-* 'греться' → *-eχ-ō-λ'-a*

Линейная сегментация нарушается в хваршинском языке также и при образовании прохибитива на {*-ju*} и причастия совершенного вида на {*-ja*}, см. (2–3). Несмотря на то, что подробности образования этих форм недостаточно выяснены, ясно, что в этих формах происходит метатеза согласного суффикса, в причастии — удлинение корневого гласного (23ab) и для исходных основ на *-CC(V)* — инфиксация *-o-* в прохибитиве (22c) и *-ō-* в причастии (23c); для каузативов на *-χ* — инфикс *-ō-* без метатезы в обеих формах (22d, 23d):

(22) Прохибитив:

a. *-as-* ‘брать’ → *-a-j-s-u* ‘не бери’
b. *kul-* ‘бросать’ → *ku-j-l-u* ‘не бросай’
c. *durda-* ‘бежать’ → *dur-o-j-d-u* ‘не беги’
d. *-ĩt’e-χ-* ‘гасить’ → *-ĩt’-ō-χ-u* ‘не гаси’

(23) Причастие совершенного вида:

a. *-as-* ‘брать’ → *-ā-j-s-a* ‘взявший; взятый’
b. *ƛes-* ‘спать’ → *ƛē-j-s-a* ‘спавший’
c. *durda* ‘бежать’ → *dur-ō-j-d-a* ‘бежавший’
d. *-akʷa-χ-* ‘показывать’ → *-ak-ō-χ-a* ‘показавший; показанный’

1.4. Инхокваринский язык

Примечательная особенность инхокваринского языка состоит в том, что в нем, в отличие от близкородственного хваршинского, «сохранились только отдельные следы деления основ на гласный и согласный» (Бокарев 1959: 281) и, по-видимому, исчезло противопоставление «типов спряжения», то есть различие тематических гласных. Как и в хваршинском, вид суффикса не меняется в зависимости от исхода основы; между основой, оканчивающейся на гласный, и суффиксом, начинающимся на гласный, вставляется эпентетический глайд *-j-*; если суффикс, начинающийся на согласный, присоединяется к основе, кончающейся на два согласных, между этими согласными вставляется эпентетический гласный *-i*.

Чтобы убедиться в отсутствии тематических гласных, достаточно сравнить хваршинские формы (17–19), представляющие разные виды основ, и соответствующие им инхокваринские формы (24–26):

(24) a. *b-ez-a*
III-брать-INF
‘брать, принимать’
b. *b-es-se*{<*b-ez-še*}
III-брать-PRS
‘берёт, принимает’
c. *b-ez-in*
III-брать-EVD
‘оказывается, взял, принял’

(25) a. *goƛ’-a*
звать-INF
‘звать, приглашать’
b. *goƛ-ƛe*{<*goƛ’-še*}
звать-PRS
‘зовёт, приглашает’
c. *goƛ’-in*
звать-EVD
‘оказывается, позвал, пригласил’

(26) a. *l-iq'-a*
IV-знать-INF
'знать'
b. *l-iq'-še*
IV-знать-PRS
'знает'
c. *l-iq'-in*
IV-знать-EVD
'оказывается, знал'

Как можно видеть из приведенных примеров, там, где в хваршинском наблюдается различие исходов основ на *-C, -e,* и *-a*, в инхокваринском представлены единообразные формы основ, а суффиксы варьируются в зависимости от других факторов: суффикс прошедшего эвиденциального выступает в виде сингармонических алломорфов *-in*//*-in*//*-un* (Khalilova 2009: 185), а суффикс презенса *-še* в результате ассимиляции может выступать в виде вариантов *-λe*, *-če* и др., с потерей признаков абруптивности и лабиализации предшествующего согласного основы (Бокарев 1959: 164).

Нарушение линейной сегментации в основообразовании инхокваринского языка наблюдается, как в цезском и хваршинском, при образовании общего времени: моносиллабические глаголы на *-VC* с узким корневым гласным используют инфиксы *-wō-*/*-jō-* в зависимости от его ряда (27); другие моносиллабические глаголы — удлинение корневого гласного (28); глаголы на *-VCC* — инфикс *-ō-*, как в хваршинском (29); другие основы используют суффикс *-(j)ōj* ((30); Бокарев 1959: 166–167; Khalilova 2009: 185–187):

(27) a. *-uh-* 'умирать' → *-u-wō-h*
b. *is-* 'говорить' → *i-jō-s*

(28) a. *-ez-* 'взять' → *ēz*
b. *-akʷ-* 'видеть' → *ākʷ*

(29) a. *-ešt'-* 'пускать' → *-eš-ō-t'*
b. *-ot'q'-* 'приходить' → *-ot'-ō-q'*

(30) a. *durid-* 'бежать' → *durid-ōj*
b. *-i-* 'делать' → *-i-jōj*

Еще один случай нарушения линейной сегментации в инхокваринском — прохибитив, который образуется удлинением корневой гласной или инфиксацией и суффиксом *-bo* (Khalilova 2009: 247–248):

(31) a. *-ẽq'-* ‘приводить’ → *ẽ̃q'-bo* ‘не приводи’
b. *-uƛ̂'-* ‘бояться’ → *u-wo-ƛ̂'-bo* ‘не бойся’

1.5. Гунзибский язык

В гунзибском языке наблюдается наибольшее среди цезских языков разнообразие тематических гласных и соответствующих им типов спряжения — в описании Е. А. Бокарева 5 основных типов, а с учетом подтипов — 15 (Бокарев 1959: 50). Однако число типов может быть сокращено, если учесть, что, во-первых, ненулевая форма императива на *-o* возникает у переходных глаголов и не связана с видом исходной основы и, во-вторых, «второе» и «третье» спряжения у Е.А. Бокарева, как показано в (van den Berg 1985: 75), сводятся к сингармоническим вариантам суффиксов презенса *-o*//*-u* и простого прошедшего *-or*//*-ur* при соответствующих лабиализованных гласных основы, см. также примеры в (Исаков, Халилов 2012: 185). Лабиализованные тематические гласные переходят в *-e*, если им предшествует не содержащий лабиализованных гласных инфикс множественного числа (van den Berg 1985: 81); судя по когнатам в другом языке восточноцезской ветви — бежтинском, этот тип спряжения в гунзибском исторически восходит к основам на согласный и на *-ə* (бежт. > *-o*), и различие между ними сохраняется в презенсе:

		презенс:	простое прошедшее:	бежтинский презенс:
(32)	a.	*-uh-u*	*-uh-ur*	*-uʁo-s*
		умирать-PRS	умирать-PST	умирать-PRS
	b.	*gul*	*gul-ur*	*gul-ca*
		класть.PRS	класть-PST	класть-PRS

С учетом этого гунзибские исходные основы можно разделить на оканчивающиеся на согласный и на гласные *-e*, *-ə*, *-a* и *-ā*:

	Основа на согласный *b-ek-* ‘падать’:		Основа на *-e* *-ẽƛ'e-* ‘идти’:
(33)	a. *b-ek*	(34)	a. *ẽƛ'e*
	III-падать.PRS		I.идти.PRS
	‘падает’		‘идет’
	b. *b-ek-er*		b. *ẽƛ'e-r*
	III-падать-PST		I.идти-PST
	‘упал’		‘пошел’

Основа на *-ə*
-ĩcə- ‘привязывать’:

(35) a. *m-ɨcə*
III-привязывать.PRS
‘привязывает’
b. *m-ɨcə-r*
III-привязывать-PST
‘привязал’

Основа на *-a*
gɨχa- ‘надевать’:

(36) a. *gɨχa*
надевать.PRS
‘надевает’
b. *gɨχa-r*
надевать-PST
‘надел’

Основа на *-ā*
k’išā- ‘играть’:

(37) a. *k’išā*
играть.PRS
‘играет’
b. *k’išā-r*
играть-PST
‘играл’

Нарушение линейной сегментации в гунзибском языке возникает при выражении множественного числа дополнительно к классно-числовому префиксальному согласованию с аргументом в абсолютивном падеже (подлежащего при переходном и прямого дополнения при непереходном глаголе) с помощью инфиксов *-jā-*//*-wā-*, распределенных в зависимости от корневого гласного, или удлинения корневого гласного (Ломтадзе 1953; van den Berg 1995: 81–83; Исаков, Халилов 2012: 171–176):

(38) ед. число мн. число
a. *čaχ-* ‘писать’ → *čāχ-*
b. *-iƛ’e-* ‘убивать’ → *-i-jā-ƛ’e-*
c. *-ut’-* ‘ложиться спать’ → *-u-wā-t’-*

В двух- и трехсложных исходных основах и в основах на *-CC(V)* числовой инфикс *-a-* помещается между согласными кластера (39a) или заменяет второй гласный (39b):

(39) ед. число мн. число
a. *-ekle-* ‘ронять’ → *-ek-a-le-*
b. *-ezerič’-* ‘быть довольным’ → *-ez-a-rič’-*

Суффикс множественного числа *-bā* предшествует некоторым словообразовательным суффиксам (*-k* у глаголов движения, *-ƛe* у идеофонических глаголов и присоединяется к антипассивным или итеративным формам на *-da* и *-la* (Бокарев 1959: 49; van den Berg 1995: 81–82; Исаков, Халилов 2012: 175):

(40) ед. число мн. число
a. *gišo-k-e-* ‘выходить’ → *gišo-bā-ke-* (*gišo* ‘снаружи’)
b. *ḱäḱä-ƛe-* ‘хохотать’ → *ḱäḱä-bā-ƛe-*
c. *-əh-da-* ‘работать’ → *-əh-da-bā-*
d. *-ũcu-la-* ‘прятаться’ → *-ũcu-la-bā-* (*-ũcu-* ‘прятать’)

1.6. Бежтинский язык

Исходные глагольные основы бежтинского языка оканчиваются на согласный или на гласные *-e* или *-o* (с сингармоническим вариантом *-ö*); причем содержащие и не содержащие гласную алломорфы суффикса презенса — собственно бежтинский диалект *-s*//*-š*//*-ca*//*-čä*, тлядальский диалект *-c*//*-č*//*-ca*//*-čä* (варианты с шипящими с основами сингармонического переднего ряда), и содержащие и не содержащие эпентетическое *-i-* алломорфы суффикса простого прошедшего — собственно бежтинский диалект *-jo*//*-jö* //*-ijo*//*-ijö*, тлядальский диалект *-ro*//*-rö*//*-iro*//*-irö* — выбираются в зависимости от исхода основы на согласный и гласный соответственно (Kibrik, Testelets 2004: 252–254; Комри и др. 2015: 363):

(41) Тлядальский диалект:

исходная основа	презенс	простое прошедшее
a. *niso-* ‘сказать’	*niso-c*	*niso-ro*
b. *-eƛ’e-* ‘идти’	*eƛ’e-č* (I)	*eƛ’e-rö* (I)
c. *tuq-* ‘слышать’	*tuq-čä*	*tuq-iro*
d. *-ũq-* ‘есть, кушать’	*m-üq-čä* (III)	*m-üq-irö* (III)

Нарушение линейной сегментации в бежтинском языке происходит, как и в гунзибском, при инфиксальном выражении множественного числа для согласования с аргументом в абсолютивном падеже. Если исходная основа имеет вид *(C)VC(V)-* (без учета каузативных суффиксов), используется инфикс *-ā*//*-ja-*//*-wa-* с регулярными сингармоническими вариантами, морфонологически {*-a-*}, который по-

сле *-a-* дает удлинение, после лабиализованных гласных возникает *-w-*, после *-i-* и *-e-* — *-j-*:

(42) Тлядальский диалект:

	ед. число	мн. число
a.	*iƛ'e-č* 'убивает (его)'	*b-i-<ja>-ƛ'e-č* 'убивает (их)'
	I.убивать-PRS	HPL-убивать<PL>-PRS
b.	*m-üq-čä* 'ест (его)'	*r-ü-<wä>-q-čä* 'ест (их)'
	III.есть-PRS	NHPL-есть<PL>-PRS
c.	*aq-ca* 'становится'	*b-āq-ca* 'становятся'
	I.становиться-PRS	HPL-становиться<PL>-PRS

Если исходная основа имеет другой вид, перед ее последним согласным (обычно этот согласный даже с синхронной точки зрения не часть корня, а деривационный суффикс различной степени лексикализации или его часть) помещается инфикс *-ba*:

(43) Тлядальский диалект:

	ед. число	мн. число
a.	*laχ-ƛo-c* 'машет'	*laχ-ba-ƛo-c*
	махать-ID-PRS	махать-PL-ID-PRS
b.	*ō-dah-al* 'работать'	*b-ō-da-ba-h-al*
	I.делать-ANTIP-INF	HPL-делать-ANTIP<PL>-INF

В (43а) *-ƛo-* — суффикс идеофонических глаголов, *-dah-* — суффикс антипассива наряду с *-lah-* и *-rah-*; кроме того, выделяется лексикализованный суффикс *-jah* (*niz-ah-* 'мыться', *ĩj-ah-* 'плакать', *-ãs-ah-* 'взвешивать', который с антипассивными суффиксами выступает в виде *-dajah*, *-lajah*, *-rajah-* и выражает итеративное значение (Kibrik, Testelets 2004: 274; Комри и др. 2015: 331–332); вопрос, в какой мере эти отрезки выделяются в диалектах бежтинского языка синхронно и как в них отражается история антипассивных и итеративных маркеров в цезских языках, требует специального изучения.

2. Диахрония

Приведенные данные засвидетельствованных цезских языков показывают, что для працезского языка можно достаточно уверенно реконструировать два типа исходных основ: на согласный и на гласные *-*e* или *-*ə*. Тематические гласные всех языков, кроме инхоква-

ринского, где они утратили значение в формообразовании и оказались «поглощены» суффиксами, точно укладываются в два регулярных соответствия (Бокарев 1959: 254–256; Николаев 1978; Nikolayev, Starostin 1994: 113):

(44) Працезское (ПЦ) **e* — цез., гин. *i*, хв., инх., гунз., бежт. *e*:
  a. ПЦ **šelu* ‘рог’: цез. *šilu*, хв. *šeru*, инх., гунз. *šelu*, бежт. *šelo*;
  b. ПЦ **heɬu* ‘гребень’: цез., гин. *hiɬu*, хв. *ħeɬu*, инх., гунз. *heɬu*, бежт. *heɬo*;
  c. ПЦ **ẽIχV* ‘река’: цез. *iħu*, гин. *iχu*, хв. *ĩχu* (с регулярным сужением назализованного гласного среднего подъема), инх. *ẽIχu*, гунз. *ẽχu*, бежт. *ẽχe*;
  d. ПЦ **-eče-* ‘становиться, быть’: цез., гин. *-ičі-*, хв. *-eča-*, гунз., бежт. *-eče-*.

(45) ПЦ **ə* — цез. *i*, гин. *e*, хв. *a*, инх. *o*, гунз. *ə*, бежт. *o*:
  a. ПЦ **c’ə* ‘огонь’: цез. *c’i*, гин. *č’e*, хв. *c’a*, инх. *c’o*, гунз. *c’ə*, бежт. *c’o*;
  b. ПЦ **bəχ* ‘трава’: цез. *biχ*, гин. *beχ*, хв. *baχ*, инх. *boχ*, гунз. *bəχ*, бежт. *boχ*;
  c. ПЦ **də* ‘я’: цез. *di*, гин. *de*, хв. *da*, инх. *do*, гунз. *də*, бежт. *do*;
  d. ПЦ **-əc’-* ‘наполняться, наедаться’: цез. *-ic’-*, гин. *-ič’-* (вместо ожидаемого **-ec’-*), гунз. *-əc’*, бежт. *-oc’-*.

Не укладывающиеся в приведенные соответствия лабиализованные тематические гласные представляют собой результат воздействия лабиализованной согласной основы (в цезском) или сингармонизма по огубленности (в гунзибском).

Некоторые глаголы реконструируются на працезском и на более поздних хронологических уровнях с основой на согласный (46), другие — с основой на тематический гласный *-ə* (47) или на тематический гласный *-e* (48):

(46) a. ПЗЦ **kuL-* ‘бросать’: цез. *kur-χo* PRS, *kur-si* PST (Халилов 1999: 143); гин. *kur-ho* PRS (Халилов, Исаков 2005: 207); хварш. *kul-ho* PRS (Клягина 2016);
  b. ПЦ **-əc’-* ‘наполняться, наедаться’: цез. *-ic’-χo* PRS, *-ic’-si* PST (Халилов 1999: 63); гин. *-ič’-* (вместо ожидаемого **-ec’-*), *-ič-čo* PRS (Халилов, Исаков 2005: 92); хварш. *-ec’-na* EVD; инх. *-ec’-* (хваршинский и инхокваринский нарушают соответствие гласных; неясно отношение сюда хварш., инх. *-ac’-*

‘есть’); гунз. *-əc’* PRS (Халилов, Исаков 2001: 51), бежт. *-oc’-ijo* PST (Халилов 2015: 237); см. (Nikolayev, Starostin 1994: 526).

(47) a. ПЗЦ *-*ə̃cə-*, ПВЦ *-*ĩcə-* ‘связывать, завязывать’: цез. *-ici-χ* PRS, *-ici-s* PST (Халилов 1999: 62); гин. *-ece-s* PST (Халилов, Исаков 2005: 76); хварш. *-ãca-na* EVD; инх. *-õc-*; гунз *ĩcə* PRS (Халилов, Исаков 2001: 129); бежт. *-ĩco-s* PRS (Халилов 2015: 230); ср. (Nikolayev, Starostin 1994: 667);

b. ПЦ *-*iʁ^{w}ə-* ‘умирать’: цез. *-eχu-χ* PRS, *-eχu-s* PST (<*-*eχ^{w}i-χ*, *-*eχ^{w}i-s*); асахский д-т *-eχ^{w}-a* INF (Халилов 1999: 48); гин. *-uhe-s* PST (Халилов, Исаков 2005: 104); хварш. *-iha-na* EVD; инх. *-uh-*; гунз. *-uh* PRS с потерей тематического гласного (Халилов, Исаков 2001: 44); бежт. *-uʁo-s* PRS (Халилов 2015: 246); ср. (Nikolayev, Starostin 1994: 635);

(48) a. ПЦ *-*iq’e-* ‘знать’: цез. *-ij-χ* PRS, *-ij-s* PST < *-*eq’i-χ*, *-*eq’i-s* (варианты основы на *-a* — *-ij-a-χ, -ij-a-s*, вероятно, < *-*eq’i-jah* ANTIP) (Халилов 1999: 55); гин. *-eq’i-š* PST (Халилов, Исаков 2005: 67), *-üqIü-š* в (Ломтадзе 1963: 12); хварш. *-iq’e-na* EVD; инх. *-iq’-*; гунз. *-iq’e* PRS (Халилов, Исаков 2001: 39); бежт. *-iq’e-š* PRS (Халилов 2015: 221); ср. (Nikolayev, Starostin 1994: 647);

b. ПЦ *-*eže-* ‘брать, покупать; вести, нести’: цез. *-iži-χ* PRS, *-iži-s* PST (Халилов 1999: 54); гин. *-iži-š* PST (Халилов, Исаков 2005: 80); хварш. *-ez-na* EVD с потерей тематического гласного (Клягина 2016); инх. *-ez-*; гунз. *-eže* PRS (Халилов, Исаков 2001: 35); бежт. *-eže-š* PRS (Халилов 2015: 212); ср. (Nikolayev, Starostin 1994: 657).

Некоторые глаголы реконструируются с суффиксом *-ah*, точное значение которого установить трудно; возможно, он восходит к грамматикализованному вспомогательному глаголу, и, если это предположение верно, характерные для этой формы инфиксы общего времени (*-ō-* в хваршинском и инхокваринском) или множественного числа (*-ba-* в восточноцезских языках) могут восходить к классно-числовым префиксам во вспомогательном глаголе:

(49) a. ПЦ *-*ek$_1$^{w}-ah-* ‘видеть’: цез. *-ik-a-da-* (<**ik^{w}V-d-ah-* ANTIP), *-ik-a-da-χ* PRS; асахский д-т *-ik^{w}a-da-*, мококский д-т *-uka-da-* (Халилов 1999: 56); гин. *-ike-s* PST от корневой основы (Халилов, Исаков 2005: 81; Forker 2013: 41), *-ik^{w}-a* INF в (Бокарев 1959: 233), *-ük-a* INF (Ломтадзе 1963: 12); хварш. *-ak^{w}a-na*

EVD от корневой основы; инх. *-ak*^{w}- с нерегулярным отражением корневого гласного в хваршинском и инхокваринском; бежт. тляд. *-eg-äh-*, собств. бежт. д-т *-egā-l* INF <{*-egah-al*} (Халилов 2015: 210), ср. (Nikolayev, Starostin 1994: 255);

b. ПЦ **k'iš-ah-* 'играть': цез. *k'eš-a-na-da-* от *k'ešu* 'игра' (< **k'ešV-na-d-ah-* ANTIP), *k'eša-na-da-χ* PRS (Халилов 1999: 163); гин. *k'oši-lī-š* -ANTIP-PST от *k'oši* 'игра' (Халилов, Исаков 2005: 237); хварш. *k'iše-he* PRS от корневой основы; гунз. *k'išā* < **k'išah*) PRS от *k'išu* 'игра' (Халилов, Исаков 2001: 106); бежт. тляд. *k'iš-äh-äl* INF от *k'išö* 'игра', собственно бежтинский д-т *k'isa-bā-jo* 'играли' PST <{*k'isa-ba-h-jo*} с инфиксом мн. ч. *-ba-* (Халилов 2015: 312).

В (Тестелец 1993) была высказана гипотеза, что оппозиция працезских гласных **ə* и **e* была слабой, так как их контекстное распределение очень близко к дополнительному: переднеязычный вариант возникает в позиции перед или после шипящих, палатализованным **l'* или под фарингализацией. Если это распределение указывает, что в працезском обе гласные представляли фонологически одну единицу, можно предполагать, что имел место единственный тематический гласный **-e*.

По-видимому, в працезском языке особыми морфологическими свойствами обладали основы антипассивных и итеративных деривато в, суффиксы которых можно предположительно реконструировать как **-dah*, **-lah* и **-jah*. Эти суффиксы, возможно, восходящие к классно-числовым формам вспомогательного глагола, утратили грамматическое значение в цезском и в хваршинском, где превратились в тематические элементы исходных основ.

Нарушение линейной сегментации наблюдалось в инфиксальных формах — **-a-* с позиционными вариантами (**-ja-, -wa-*) после корневой гласной и **-bȧ-*//*-wȧ-*//*-ȧ-*, вероятно, второй выступал первоначально перед деривационным суффиксом. В западноцезских языках эта форма выражает общее время, в восточноцезских — множественное число, и решить, какое из двух значений представляет собой инновацию, а какое — архаизм, невозможно, тем более что первоначальное значение могло выражать какую-то разновидность итеративной семантики. Обращает на себя внимание также параллель между суффиксом общего времени *-(j)ōj* в инхокваринском после основ на гласную, бежтинскими (тлядальскими) формами общего

времени, упомянутыми в (Бокарев 1959: 283): *r-oχ-aj-ro* ‘берет’, *niƛ-aj-ro* ‘дает’, где элемент *-ro* совпадает с суффиксом простого прошедшего, а также соответствующими им формами давнопрошедшего дуративного на *-āh-ijo* <*-*āh-iro* в собственно бежтинском диалекте (Комри и др. 2015: 374–375).

Несомненным архаизмом является инфиксальная конструкция прохибитива в хваршинском и инхокваринском языках и, вероятно, образование причастия совершенного вида путем удлинения гласного в хваршинском. И инфикс *-o-*, и суффикс прохибитива *-bo* в инхокваринском, и, возможно, *-n(o)* в цезском (Alekseev, Radžabov 2004: 143) и *-(j)om* в гинухском (Forker 2013: 230), хотя они не укладываются в известные соответствия, могут быть связаны с показателями прохибитива в других ветвях восточнокавказской семьи, например, с префиксом прохибитива **ma-*//*me-* в лезгинских языках, который занимает место между (часто лексикализованным) превербом и основой: в рутульском *sa-ma-rɨt* ‘не оставляй’, в цахурском *gi-me-k’a* ‘не убивай’ (Алексеев 1985: 100), или с суффиксом императива и прохибитива *-be*//*-bi* в андийских языках (Алексеев 1988: 113–115).

Сокращения

ПВЦ — правосточноцезский язык; ПЗЦ — празападноцезский язык; ПЦ — працезский язык; I — I согласовательный класс, ед. ч.; III — III согласовательный класс, ед. ч.; IV — IV согласовательный класс, ед. ч.; ANTIP — антипассив; EVD — прошедшее эвиденциальное; FUT — будущее; GEN — общее время; HPL — личные, мн. ч.; ID — суффикс идеофонического глагола; IMP — императив; INF — инфинитив; NHPL — неличные, мн. ч.; PL — множественное число; PRS — презенс; PST — простое прошедшее, аорист; TH — тематический элемент

Литература

Алексеев М. Е. 1985. *Вопросы сравнительно-исторической грамматики лезгинских языков. Морфология. Синтаксис*. М.: Наука.

Алексеев М. Е. 1988. *Сравнительно-историческая морфология аваро-андийских языков*. М.: Наука.

Бокарев Е. А. 1959. *Цезские (дидойские) языки Дагестана*. М.: Изд-во АН СССР.

Имнайшвили Д. С. 1963. *Дидойский язык в сравнении с гинухским и хваршийским языками*. Тбилиси: Изд-во АН Грузинской ССР.

Исаков И. А., Халилов М. Ш. 2012. *Гунзибский язык*. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН.

Кибрик А. Е.1977. *Опыт структурного описания арчинского языка. Т. II. Таксономическая грамматика*. М.: Изд-во МГУ.

Кибрик А. Е. 2003. *Константы и переменные языка*. СПб.: Алетейя.

Кибрик А. Е., Кодзасов С. В. 1988. *Сопоставительное изучение дагестанских языков. Глагол*. М.: Изд-во МГУ.

Клягина Е. С. 2016. *Вид и время в собственно хваршинском*. Рукопись.

Комри Б., Халилов М., Халилова З. 2015. *Грамматика бежтинского языка*. Лейпциг–Махачкала: Институт эволюционной антропологии им. Макса Планка–ИЯЛИ ДНЦ РАН.

Ломтадзе Э. А. 1953. Образование множественного числа в глаголе капучино-гунзского языка. *Иберийско-кавказское языкознание*, т. IV. Тбилиси, 417–449.

Ломтадзе Э. А. 1963. *Гинухский диалект дидойского языка*. Тбилиси: Изд-во Академии наук Грузинской ССР.

Муталов Р. О. 2002. *Глагол даргинского языка*. Махачкала: ДГУ.

Николаев С. Л. 1978. Реконструкция фонетической системы працезского языка. В сб.: Ярцева В. Н. (ред.) *Конференция «Проблемы реконструкции». Тезисы докладов*. М.: АН СССР, 87–89.

Тестелец Я. Г. 1993. К сравнительно-исторической фонетике цезских языков (реконструкция вокализма). В сб.: Николаева Т. М. (ред.). *Проблемы фонетики*. I. М.: Наука., 126–134.

Халилов М. Ш. 1995. *Бежтинско-русский словарь*. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН.

Халилов М. Ш. 1999. *Цезско-русский словарь*. М.: Academia.

Халилов М. Ш. 2015. *Словарь бежтинского языка*. Махачкала: Aleph.

Халилов М. Ш., Исаков И. А. 2001. *Гунзибско-русский словарь*. М.: Наука.

Халилов М. Ш., Исаков И. А. 2005. *Гинухско-русский словарь*. Махачкала: ИЯЛИ ДНЦ РАН.

Шарафутдинова Р., Левина Р. 1961. Хваршинский язык (предварительное сообщение). В сб.: Бокарев Е. А. (ред.). *Вопросы изучения иберийско-кавказских языков*. М.: Издание АН СССР, 89–122.

Alekseev M. E., Radžabov R. N. 2004. Tsez. In: Job M. (ed.), *The Indigenous Languages of the Caucasus. Vol. 3. The North East Caucasian Languages. Part 1*. Ann Arbor: Caravan Books, 113–163.

Forker D. 2013. *A Grammar of Hinuq*. Berlin/Boston: Walter de Gruyter.

Kibrik A. E., Testelets Ya. G. 2004. Bezhta. In: Job M. (ed.), *The Indigenous Languages of the Caucasus. Vol. 3. The North East Caucasian Languages. Part 1*. Ann Arbor: Caravan Books, 213–295.

Nikolayev S. L., Starostin S. A. 1994. *A North Caucasian Etymological Dictionary*. Moscow: Asterisk.
van den Berg H. 1995. *A Grammar of Hunzib (with texts and lexicon)*. Leiden: Rijksuniversitet.
Wilson D. 2021. A sketch of Sagada morphology. В наст. сб.

A SKETCH OF SAGADA MORPHOLOGY[1]

Daniel J. Wilson
University of the Free State

Introduction

Sagada has been considered a dialect of the Tsez (Dido) language which belongs to the Nakh-Dagestanian (East Caucasian) language family. It is spoken in the highland villages of Sagada (*Soƛ'o*) and Mitluda (*Meƛ'ƛ'o*) as well as in several lowland regions of Dagestan, Russia. Tsez has two primary divisions: Sagada and the nuclear group of closely-related dialects. These other dialects are named after the main villages in which they are spoken: Kidero, Mokok, Shaytl, and Asakh. There are slight differences between the dialects in this nuclear group, but these rarely impede mutual comprehension. All these villages are found in the Tsunta district and are further south than the two villages where Sagada is spoken historically. Sagada is much more difficult for speakers of the nuclear group to understand. It is this difficulty of mutual comprehension and the limited previous research on Sagada that warrants an investigation into the phonology, morphology, and syntax of Sagada by itself.[2] There is not insignificant overlap between

---

[1] I wish to honor Rasul Mutalov for his extraordinary contribution to the field of linguistics, both through his exceptional research and writings as well as his service as a guide to so many into the villages of Dagestan. I consider it a great honor to join my colleagues in this volume in congratulating Rasul on his 60th birthday. He provided essential help to me on my first expedition. This article and subsequent research on Sagada would not have been possible without him. Though we have not known each other quite as long as the other contributors in this volume, I consider Rasul to be a close friend and a role model for excellence in scholarship. Being called *kunak* is one of the greatest honors I could receive.

[2] This work is part of a larger project to document Sagada and its relationship to the other dialects and languages in the Tsezic family, sponsored by the University of the Free State in Bloemfontein, South Africa and in cooperation with the Department of Caucasian Languages at the Institute of Linguistics of the Russian

some parts of Sagada phonology and morphology and that of Khwarshi. According to my language consultants, speakers of Sagada can roughly understand speakers of Khwarshi, which is likely due to ongoing contact.

There are roughly 700–800 speakers of Sagada who are split between the two villages of Sagada, Metluda, as well as lowland areas such as Khasavyurt and Mutsalaul in Dagestan, Russia. The speakers of Sagada consulted for this study speak Russian, Avar, and many switch into the other dialects of Tsez in order to be understood by those from other villages. The most thorough previous treatment was done by Imnaishvili (1963) which compares several Tsezic languages. There is also a list of 1493 words of Sagada collected for the Intercontinental Dictionary Series. This sketch will provide an overview of the morphology of Sagada with a brief discussion of its phonology and comparisons throughout with some other dialects of Tsez. The data for this study were collected on a research trip to Dagestan and through subsequent correspondence with native speakers.

In section 1, I will introduce a brief overview of the phonology of Sagada. This includes vowel and consonant inventories as well as a description of common phonological phenomena. Section 2 introduces nominal morphology of Sagada, including an overview of the plural morphology and cases. The discussion includes frequent comparisons with other dialects of Tsez. Section 3 is an abbreviated description of the verbal morphology of Sagada, including agreement, inflectional morphology, non-finite forms, and copular clauses. Section 4 introduces a few additional categories such as indefinites, causatives, and additional particles. Section 5 concludes.

1. Phonology

A brief description of the phonology of Sagada is important for an overview of its morphology. Sagada phonology differs from the nuclear group in several significant ways and a more extensive treatment requires a separate study. Table 1 lists the vowel inventory for Sagada.

Academy of Sciences. I would like to thank my language consultants: Muhammedrasul Gamzatov, Gamzat Gamzatov, Ilias Magomedov, Magomed Ramazanov, Alibeg Aligadjiev, Zuriali Isaev, and Abduraxman Isaev. I would also like to thank Arsen Abdulaev and Ramazan Rajabov, Masha Polinsky, and Bernard Comrie for their expertise and their help in answering many of my questions. Thanks also to Yakov Testelets for his comments on an earlier draft.

Table 1. Vowel inventory of Sagada

	Front	Central	Back
High	i ī		u ū
Mid	e ē		o ō
Low		a, ā	

In contrast with many of dialects in the nuclear group, Sagada has five long vowels corresponding to its five short vowels: ō, ē, ī ū, ā. Long vowels are common in affixal morphology e.g. case suffixes, interrogatives, as well as other inflectional morphology which can affect the vowels within the root. Other phonological features in Sagada can affect the quality of its vowels. In words with pharyngealization certain vowels can take on a nasal quality for some speakers e.g. *ħa^{n}ħwa^{ʕ}* 'to scratch'. Additionally, after an initial glottal stop, the *a* often becomes a near-open front vowel [æ] as in *ʔam* 'ash.' Table 2 lists the consonant inventory for Sagada.

Table 2. Consonant inventory of Sagada

	bilabial			dental			alveolar		post-alveolar		velar			uvular		pharyngeal	glottal
stop	[p]	[p’]	[b]	[t]	[t’]	[d]					[k]	[k’]	[g]	[q]	[q’]		[ʔ]
	p	p’	b	t	t’	d					k	k’	g	q	q’		ʔ
frica-tive		[f]		[s]		[z]		[ɬ]		[ʃ]	[ʒ]			[χ]	[ʁ]	[ħ]	[h]
		f		s		z		ɬ		š	ž			x	ɣ	ħ	h
affri-cate				[ts]		[ts’]	[tɬ]	[tɬ’]	[tʃ]	[tʃ’]							
				c		c’	ƛ	ƛ’	č	č’							
nasal	[m]		[n]														
	m		n														
liquid				[r]		[l]											
				r		l											

semivowels: glides [w], w and [j], y.

In Table 2 the top row in every box contains the phonetic value and the box below provides the orthographic representation used in this article. The top row divides the bilabial, dental and velar stops into unvoiced non-ejective, unvoiced ejective, and voiced in that order. The glottal stop is phonemic and written between vowels but is quite rare. There is a non-

phonemic glottal for many vowel-initial words. The affricates are unvoiced and are divided into non-ejective and ejective categories.

In Sagada, the non-ejective uvular stop often has a fricative component during the release of the stop, phonetically rendered as an affricate [qχ]. One interesting difference between Sagada and the other dialects is the place of articulation for the alveolar fricative (*ɬ*) and affricate (*ƛ*). This difference has been noted by Imnaishvili who calls these anterior-lingua-dental laterals (Imnaishvili 1963: 17). In my analysis, it seems like these can have a subapical articulation where the under side of the tongue is placed on in the alveolar or postalveolar region. This is especially true for older speakers.

1.1 Pharyngealization

Sagada has a very pronounced feature of vowels called pharyngealization where the root of the tongue is retracted to the back of the pharynx. In studies of Caucasian languages there has been some disagreement about whether the vowels or consonants experience the pharyngealization. I follow Starostin (1987: 465–466), Nikolayev and Starostin (1994: 59, 115) and Maddieson, Rajabov, and Sonnenschein (1996), who argue that it is a vocalic feature in Tsez, including in Sagada. Other consonants can also be accompanied by pharyngealization, but only in special circumstances. For Sagada, we find many examples of pharyngealization with many consonant-vowel combinations: *ɬˤeb* 'year', *ˤuƛ'ˤwa* 'to put', *q'ˤiƛ'a* 'to push', *ħˤulaw* 'wide', *aˤwaˤ* 'to hunt', *ɣˤutk'u* 'home.'

1.2 Gemination

Sagada is distinct among the Tsezic dialects in its abundance of geminates. There are many cases of gemination in Sagada which do not appear in equivalent words from the nuclear group. The geminated consonants are typically found in the root and not in inflectional suffixes. Examples (1) and (2) illustrate these differences.

(1)	Sagada	Tsebari	
	boc'c'in-ƛ'orey	*boc'-ƛ'orey*	drive-CVB
	baƛ'ƛ'-en	*bay-no*	arrive-PST.UW
	eƛƛ-en	*eƛi-n*	say-PST.UW
	łeƛ'ƛ'-en	*łiy-no*	finish-PST.UW

(2)	Sagada	Mokok	
	zeq'q'o	*zowa*	sit on / ride
	rak'k'er-xo	*rayir-xo*	bring-PRS

Gemination is also possible at morpheme boundaries. Among the Tsezic languages, geminates are also attested in Hinuq (Forker 2013: 35) and Khwarshi (Khalilova 2009: 20–22).

The significant phonological differences between Sagada versus the other dialects is further illustrated by some fairly consistent changes in the roots of words. As illustrated in (1) and (2), some of the phonological differences between dialects are *in* > *en*, *no* > *en*, *ay* > *ak'*, *iy* > *eƛ'ƛ'*, *ow* > *eq'w*. One common phonological difference is the presence of a uvular in Sagada where there is none in the other dialects: *aya* > *aq'a, mow* > *moq'u*, *aw* > *aq'u*, *ow* > *eq'w*.

2. Morphology

Having briefly introduced Sagada phonology I will now provide an overview of Sagada inflectional morphology with periodic comparisons of examples from other dialects of Tsez. This sketch will introduce the most common inflectional morphology on nouns and verbs as well as a discussion of smaller categories.

2.1. Nouns

Like all Tsezic languages, Sagada nouns have rich suffixal morphology for number and case. For the formation of the plural in Sagada the typical ending is *-bi* like in the other Tsez dialects. There are many stem formants to which the plural suffix adjoins as listed in (3).

(3)	*ħon*	'mountain'	*ħon-bi*	'mountains'
	raład	'sea'	*raład-ya-bi*	'seas'
	mec	'language'	*mec-ra-bi*	'languages'
	ax	'stomach'	*ax-o-bi*	'stomachs'
	buci	'moon'	*buci-r-bi*	'moons'
	ca	'star'	*ca-dara-bi*	'stars'
	ħuli	'feather'	*ħuli-ma-bi*	'feathers'

Some plurals change the final vowel of the singular form in order to form the plural stem.

(4)	*šilu*	'horn'	*šilabi*	'horns'
	reƛ'a	'wrist'	*reƛ'ibi*	'wrists'
	ˁotko	'house'	*ˁotk'abi*	'houses'
	gagali	'flower'	*gagalabi*	'flowers'
	roq'u	'heart'	*roq'bi*	'hearts'

There are also irregular plural endings (5). Words borrowed from Avar can preserve their plural morphology (6).

(5)	*noci*	'louse'	*noca*	'lice'
(6)	*baħarči*	'man'	*baħarzal*	'men'

2.2. Cases

The cases in Sagada can be divided between grammatical cases and spatial cases. The grammatical cases, listed in (7), are almost identical with the other Tsezic dialects. There are more differences in the spatial case system, which I will discuss following a review of the grammatical cases.

(7)	Absolutive	-ø
	Ergative	*-ē*, *ū*, *ō*, *ā*
	Genitive 1	*-s*
	Genitive 2	*-z*
	Dative	*-r*
	Instrumental	*-d*
	Equative 1[3]	*-q'amu*
	Equative 2	*- ce*
	Equative 3	*-xor*

Like many of the languages of Dagestan, the Tsezic languages have Ergative-Absolutive alignment. Absolutive is the case of subjects of intransitive verbs and direct objects of transitive verbs. The Ergative is the case of subjects of transitive verbs as in (8) and (9). The grammatical cases in Sagada show some differences from the nuclear group. The most common ergative ending is *ē* (8). There are some words, however, which

[3] The equative cases are debated as to their status as cases, which is discussed below.

take *ū* (9) or *ō* (13) as the ergative ending as well as *ā* (10) which is common in the nuclear group. In other dialects of Tsez the ergative case is homophonous with the inessive spatial case (Comrie and Polinsky, 1998), this is also what we see in Sagada (8).

(8) *c'iq'-ē* *ʕumru* *b-u-x* *zey-ē*
forest-INESS life.ABS III-do-PRS bear-ERG
'A bear lives in the forest.' (lit. 'a bear does life in the forest')

(9) *obuw-ū* *eƛ-ī* *"sida* *ħala* *ičі"*
father-ERG say-PST.W one.OBL state stop.IPV
'Father said, "Stop it."'

(10) *ɣˢan-ā* *teter-xo* *t'ek*
woman-ERG read-PRS book.ABS
'The woman is reading a book.'

The plural for non-absolutive is formed with the suffix *-za* as in (11), to which other suffixes can be added. This is identical to what happens in the other Tsez dialects. It is also noteworthy to point out that the ergative ending following the plural stem formant is *ā* and not the more common *ē* (e.g. *kid-b-ē* 'girl-OS-ERG').

(11) *kid-ba-z-ā* *ruk'-ī* *uža-za-s*
girl-OS-PL-ERG hit-PST.W boy-PL-GEN
'The girls hit the boys.'

(12) *užі-z-ā* *kid-ba-bi* *žek'-xosi* *r-ē-čiy-a*
boy-PL-ERG girl-OS.PL-PL hit-PRS.PTCP IV-must-NEG-INF
'Boys shouldn't hit girls.'

(13) *obuw-z-ā* *sayɣat* *r-u-ī* *žedu-z-tew* *uža-za-r* *t'aq'ˢwo-bi*
father-PL-ERG gift IIPL-do-PST.W son-GEN2-FOC son-PL-DAT knife-PL
'The fathers gave their sons knives.'

For complex nouns, the ergative ending follows the second noun as in (14).

(14) *ɣˢana-xedd-ō* *q'oyał* *ɣudi* *r-ox-xo* *plyaž-m-ā*
wife-husband-ERG whole day.ABS IV-spend-PRS beach-OS-INESS
'The couple is spending the whole day at the beach.'

As demonstrated by *kidbazā* in (11) and *plyažmā* in (14), non-absolutive cases are added to an oblique stem which is formed by adding an addi-

tional suffix (labeled OS). This oblique stem formant is common in the other Tsezic dialects as well (Abdulaev 2011: 42–43). Abdulaev provides six different oblique stem formants in his own dialect (Mokok), namely *-b-*, *-n-*, *-y-*, *-m-*, *-r-*, *-d-*. It is not clear yet how many Sagada has. There are certainly differences between the different dialects as to which oblique stem formant they utilize, which will be demonstrated in subsequent examples.[4]

Just like in the other Tsezic dialects there are two genitive suffixes which are distinguished by the role of the noun to which they are affixed. Genitive 1 is used as an attribute to an absolutive head noun (15) while genitive 2 is used as an attribute to an oblique head noun (16).

(15) *q'ema yoł aso-s łi*
rain COP.PRS sky-GEN1 water
'Rain is water of the sky.'

(16) *gut' c'ox-ī di-z oza-ł*
smoke.ABS get.stuck-PST.W 1SG-GEN2 eye-CONT-ESS
'Smoke got in my eye.'

The dative case is used in typical contexts such as example (17) for an indirect object or beneficiary (18). As noted in Comrie and Polinsky (1998:110) the dative has both grammatical and spatial functions, as the same exponent *-r* can be used in the spatial cases following an orientation suffix. These are discussed at the end of this section.

(17) *žoy-ē t'ek'-ī t'ek kid-be-r*
boy-ERG give-PST.W book.ABS girl-OS-DAT
'The boy gave a book to the girl.'

(18) *baħarč-ē b-is-ī ɣʿana-r podarok*
man-ERG III-buy-PST.W woman-DAT gift.ABS
'The man bought a gift for the woman.'

---

[4] There is an interesting gradation in the word for 'father' plus the ergative suffix in Tsez which can be seen areally. The name for father in Sagada (*obuw*) is the same as in Khwarshi (Khalilova 2009:58) though the ergative ending is different. The ergative ending on *obuw* is the same in Sagada and Metluda (*obuw-ū*). In Tlyatsuda, the closest village to Sagada which belongs to the nuclear group of Tsez dialects, the name for father is also *obuw* but the ergative ending is *ē*. In Mokok, the name is *babi* and the ergative ending is *ā,* rendering *babiyā.* This pattern is also observable on the word for mother, which is *eniw.*

Like the other Tsezic languages (Comrie and van den Berg, 2006; Comrie, Forker and Khalilova, 2018), Sagada utilizes the dative case for the subjects in affective (or experiencer) constructions.

(19) *ɣˁana-r* *r-et-en* *papruz* *ħiłˁa*
woman-DAT IV-want-PST.UW cigarette.ABS smoke.INF
'The woman wanted to smoke a cigarette.'

(20) *baħarči-r* *b-ukay-ī* *ɣˁana-c* *k'uk*
man-DAT III-see-PST.W woman-GEN1 hat.ABS
'The man noticed the woman's hat.'

The instrumental case is used in expected contexts (21). As I mentioned earlier in this section, there are differences in stem formation for the different dialects. The equivalent of *łidod* from (21) in two other dialects are listed in (22).

(21) *nesē* *r-it'r-i* *c'i* *łi-do-d*
DEM.ERG IV-extinguish-PST.W fire.ABS water-OS-INST
'He extinguished the fire with water.'

(22) *łä-d* (Mokok)
łi-yo-d (Asakh)
łi-do-d (Sagada)
'with water'

The grammatical cases are used on borrowed words as well, as in (23) where the word for 'lighter' has been borrowed from Russian.

(23) *baħarč-ē* *zažigalka-d* *ɣoner-xo* *nesis-tew* *sigaret*
man-ERG lighter-INST turn.on-PRS DEM.GEN1-FOC cigarette.ABS
'The man is lighting his cigarette with a lighter.'

There is some debate as to whether the equatives are to be considered cases or something else. They attach to the oblique stems and require the *-za* stem formant in the plural like other non-absolutive cases. The equative cases are formed by joining the suffix-*q'amu* (for equative 1) as in (24) and *-ce* (for equative 2) as in (25). Equative 2 is the same in Sagada as Mokok but the equivalent suffix for Equative 1 in Mokok is *-q'ay*. Magomedov and Akhimedilova (2014) contest that the suffix *-ce*, called the comparative case by Bokarev (1959), should instead be considered a particle rather than an inflectional affix. They demonstrate that this suffix attaches to the other case forms (26) both in the singular and the plural.

(24) *dir* *kid-be-q'amu* *uži* *ukay-ī*
1PL.DAT girl-OS-EQU1 boy see-PST.W
'I saw a boy who was like a girl.'

(25) *isi-ce* *aluk'a*
snow-EQU1 snow
'white as snow'

(26) *yiła* *onoča-s* *ozur* *yoł* *besuro-s-ce*
DEM chicken-GEN1 eye COP.PRS fish-GEN1-EQU2
'That chicken's eye is like a fish's.'

Magomedov and Akhimedilova (2014) list one more equative suffix which is in contrast to *-q'amu*. While *-q'amu* compares nouns in relation to their inherent qualities, *-xor* (called here EQU3) compares nouns in relation to the action they perform (27). This suffix is identical to the CONT.ALLAT case (described below) and may be an abstract (non-spatial) use of this case.

(27) *už-ē* *kid-be-xor* *keč'* *qʿaƛ-ī*
boy-ERG girl-OS-EQU3 song.ABS sing-PST.W
'The boy sang the song like a girl.'

Comrie, Polinsky, and Rajabov (1998) call the following suffixes "adjective-forming" suffixes, which is also how Abdulaev (2011) categorizes them. Comrie and Polinsky (1998) state that they are on the borderline between cases and derivational suffixes. They are considered cases by Magomedov and Akhimedilova (2014). The possession relation is formed with the suffix *-šaw* (POSS1) (28) and *-xu* (POSS2) (29). These suffixes are used to indicate that one noun is contained by another noun. POSS2 is the same in Mokok and Sagada, but in Mokok POSS1 is *-šay*.

(28) *čakaryo-šaw* *čay*
sugar-POSS1 tea
'tea with sugar'

(29) *ciyo-xu* *čorpa*
salt-POSS2 soup
'soup with salt'

The caritive (or abessive) is formed with the suffix *-tamu* (30). This suffix indicates that the suffix-bearing noun lacks the second noun. In the

Mokok dialect this suffix is *-tay*. The semantic meaning of the caritive is opposite of the possession suffixes listed above.

(30) *čakaryo-tamu čay*
sugar-CAR tea
'tea without sugar'

These last several markers are debated as to their classification as cases, derivational suffixes, or clitics. The equative, possessive, and abessive markers are considered cases by Magomedov and Akhimedilova (2014) and derivational suffixes which form adjectives out of nouns by Abdulaev (2011) and Comrie, Polinsky, and Rajabov (1998). Magomedov and Akhimedilova (2014) argue that since the cross-linguistic tendency is for word-building affixes to be located closer to the root than inflectional affixes, these affixes should be considered inflectional because in the plural they require the plural oblique stem formant *-za* which remains closer to the root. Since *-za* is part of the strategy for Tsez inflection, if these affixes were derivational, they would be located closer to the root than *-za* and not in the location typical of other inflectional case forms.

The spatial case system follows the same pattern as the other Tsezic dialects and, in most cases, the same morphemes, as listed in Table 3. The spatial cases are built via a seven-way marking of orientation and a four-way marking of direction. This grid can then be altered through the addition of a translative marker, meaning 'through' which is listed in table 5. The apudessive series and the ablative series are different from the other dialects, however, which are marked with bold and have the corresponding suffix from Mokok below them in parentheses. Sagada adopts the same apudessive suffix as the neighboring Khwarshi language (Khalilova 2009: 74), though the directional case endings differ widely between Khwarshi and all dialects of Tsez. Interestingly, Magomedov and Akhmedilova (2014) state that the Instrumental case suffix is related historically to the apudessive form (their Series 5 Essive) since the ending is *-de* and conceptually it is easy to see the semantic relationship. They also note a parallel phenomenon in Archi between the comitative and instrumental forms. In Sagada, however, there is no morphological overlap between these two case forms, casting doubt on this theory for Sagada.

Examples (31)–(33) demonstrate a few of these spatial case suffixes in the context of full sentences.

Table 3. Spatial cases

	ESS	LAT	ABL	ALLAT	
IN (series 1)	*gog-ā*	*gog-ār*	***gog-ay***	*gog-ā-ɣor*	inside a hollow space
CONT (series 2)	*goga-ł*	*goga-ł-er*	***goga-ł-ey*** ***(łay)***	*goga-ł-xor*	inside a continuous space, among
SUPER (series 3)	*goga-ƛ'*	*goga-ƛ'-or*	***goga-ƛ'-oy*** ***(ƛ'ay)***	*goga-ƛ'-or*	on a horizontal plane
SUB (series 4)	*goga-ƛ*	*goga-ƛ-er*	***goga-ƛ-ey*** ***(ƛay)***	*goga-ƛ-xor*	under
APUD (series 5)	***goga-ɣ*** ***(goga-de)***	***goga-ɣ-or*** ***(goga-der)***	***goga-ɣ-oy*** ***(goga-dāy)***	***goga-ɣ-oɣor*** ***(goga-daɣor)***	next to
AD (series 6)	*goga-x*	*goga-x-or*	***goga-x-oy*** ***(xay)***	*goga-ɣo-r*	near
POSS (series 7)	*goga-q*	*goga-qo-r*	***goga-q-oy*** ***(qay)***	*goga-ɣo-r*	on a vertical plane
	at	to	from	toward	

(31) *baħarč-ē yukar-xo ica-ƛ' yoł-ru k'emot'*
man-ERG point-PRS shelf-SUPER COP-PST.PTCP box.ABS
'The man is pointing to a box on the shelf.'

(32) *baħarč-ē teƛˤ-en tort-en baru-qor eƛˤ-en*
man-ERG give-CVB cake-CONN wife-POSS.LAT say-PST.UW
"y-ui-ru ɣudi barkula"
II-born-PTCP day congratulations.
'The man gave his wife a cake and said, "Congratulations on your birthday!"'

(33) *elu-ɣoɣor nex-ō' mi zenni*
1PL-APUD.ALLAT come-INTER 2SG together
'Will you come join us?' (lit. 'toward-next to us can you come join?')

The allative suffix *-ɣor* undergoes devoicing after a voiceless consonant to *-xor* in CONT.ALLAT and SUB.ALLAT.

Rajabov (p.c.) claims that spatial suffixes developed historically from postpositions. Table 4 lists the case suffix with the corresponding postposition to demonstrate the correlation. There are a couple of differences between the postpositions in Sagada, though they mostly correlate with the nuclear dialects of Tsez. Again, the apudessive demonstrates the greatest variation both in the suffix and in the corresponding postposition.

Table 4. Spatial cases with corresponding postpositions

Mokok		Sagada		
-ł	*teł*	*-ł*	*teł*	'inside'
-ƛ'	*ƛ'iri*	*-ƛ'*	*ƛ'iri*	'above'
ƛ	*waƛ*	*-ƛ*	*wˤeł*	'under'
-de	*dandi*[1]	*-ɣ*	*pureł*	'next to'
-x	*xizay*	*-x*	*xinzoz*	'near'

It has also been stated that the spatial case system of Tsez may also be modified by a distal marker which is added to a slot between the orientation and direction markers. When eliciting these forms, however, Tsez speakers from multiple dialects stated that the addition of the suffixes *-ēz*

[1] This postposition is borrowed from Avar *dande* 'against'.

Table 5. Spatial cases plus translative suffix

	ESS	LAT	ABL	ALLAT	
IN (series 1)	*hun-ēz*	*hun-ēz-ar*	*hun-ēz-ay*	*hun-ēz-a*	inside a hollow space
CONT (series 2)	*huni-ł-ēz*	*huni-ł-ēz-ar*	*huni-ł-ēz-ay*	*huni-ł-ēz-a*	inside a continuous space, among
SUPER (series 3)	*huni-ƛ'-oz*	*huni-ƛ'-oz-ar*	*huni-ƛ'-oz-ay*	*huni-ƛ'-oz(a)*	on a horizontal plane
SUB (series 4)	*huni-ƛ-ez*	*huni-ƛ-ez-ar*	*huni-ƛ-ez-ay*	*huni-ƛ-ez-a*	under
APUD (series 5)	*huni-x-oz*	*huni-x-oz-ar*	*huni-x-oz-ay*	*huni-x-oz-a*	next to
AD (series 6)	*huni-ɣ-oz*	*huni-ɣ-oz-ar*	*huni-ɣ-oz-ay*	*huni-ɣ-oz-a*	near
POSS (series 7)	*huni-q-oz*	*huni-q-oz-ar*	*huni-q-oz-ay*	*huni-q-oz-a*	on a vertical plane
	at	to	from	toward	

(for Sagada) or *-āz* (for Mokok and Asakh) carries a translative 'through' meaning. The addition of a translative case marker greatly increases the number of possible case combinations, as listed in Table 5.

One final example of morphology on nouns in Sagada is noun coordination. Noun coordination is marked by the clitic *=n* on the coordinated nouns as in (34). This clitic has very wide trans-categorial distribution in Sagada.

(34) *ɣˁana=n* *baħarči=n* *b-eti-x* *sid-er* *sis*
woman-AND man-AND IPL-love-PRS one.OBL-DAT one
'The woman and man love each other.'

3. Verbs

Verbal morphology in Sagada is quite complex and is largely suffixal. Prefixes are used on a subset of vowel-initial verbs (as well as other lexical categories) for agreement with the absolutive argument. Suffixes are used for tense, negation, changes in valency, nominalization, and many other functions.

3.1. Agreement

Agreement in Sagada works the same as in the other dialects of Tsez, namely, nouns are divided into four genders (also called noun classes). Gender I includes male humans and some supernatural beings. Gender II includes mostly female humans, some supernatural beings, and some inanimate objects. Gender III includes all animate non-humans, some supernatural beings, as well as some inanimate objects. Gender IV contains the remaining inanimate objects and nominalized forms.[1] Agreement in the plural divides only into two categories: gender I and genders II–IV.

Agreement is not marked on the noun, but on words that agree with the noun through prefixes. The prefixes emerge on vowel-initial verbs (including those which begin with a glottal stop followed by a vowel), adjectives, adverbs, and postpositions. Pronouns and numerals show agree-

[1] For a thorough historical analysis of the semantic classes in Tsez, see Rajabov (1997).

ment, but through other means. Table 6 shows the agreement prefixes in Sagada.

Table 6. Agreement prefixes in Sagada

	Singular	Plural
I	*ø-*	*b-*
II	*y-*	
III	*b-*	*-r*
IV	*r-*	

The noun which controls agreement is the absolutive. This means that in a transitive sentence, it is the syntactic object which controls the agreement and not the subject (35). There also exists in Sagada, as in other dialects of Tsez, the biabsolutive construction, as in (36). This construction reveals two arguments controlling agreement on two separate agreement-receiving forms.[2]

(35) *beq-ē* *y-ecer-ī* *isi*
sun(III)-ERG II-melt-PST.W snow(II).ABS
'The sun melted the snow.'

(36) *Patimat* *magalu* *b-ac'-xo* *y-ič-ēsi*
Patimat(II).ABS bread(III).ABS III-eat-IPFV.CVB II-stay-RES
'Fatima is eating bread.'

In Sagada, as in Tsez, smaller lexical categories such as postpositions (37) and adverbs (38) also host agreeing prefixes.

(37) *patimat-ē* *bišwa* *r-u-x* *q'ˢuna-n* *ist'oyli-za-ł*
patimat-ERG food.ABS IV-do-PRS two.OBL-CONN table-OS.PL-CONT.ESS
r-oƛiƛ'
IV-between
'Fatima cooks food between two tables.'

(38) *Rasul-ē* *b-iƛƛ-ī* *moči* *b-igtew* *xexłiƛ'*
Rasul-ERG III-plough-PST.W field(II).ABS III-very quickly
'Rasul ploughed the field very quickly.'

[2] For a more thorough treatment of the biabsolutive construction in Tsez see Polinsky 2015:168–174.

3.2. Tense

There are two suffixes used for simple past which are distinguished based on evidentiality. When the action was witnessed by the speaker or evidential information is not relevant the suffix *-ī* is used (39). When the speaker is indicating that the event took place though it was not witnessed, the suffix *-en* is used (40).

(39) *telefon-ē c'umur b-ok'k'-ī*
telephone-ERG bell.ABS III-give-PST.W
'The telephone was ringing (and I heard it).'

(40) *telefon-ē c'umur b-ok'k'-en*
telephone-ERG bell.ABS III-give-PST.UW
'The telephone was ringing (and I didn't hear or see it).'

The suffix for present tense in Sagada is the same as in the nuclear group, namely *-x*.

(41) *nesē y-eger-xo haqwa-za gut'*
DEM.ERG II-release-PRS mouth-through smoke.ABS
'He is releasing smoke through his mouth.'

Future tense is divided into two categories: the future definite and future indefinite. The future indefinite implies a degree of uncertainty of if/when in the future the action will take place. The future indefinite is unique compared to the morphology of the other tenses because the exponent is not a suffix but the lengthening of the first vowel of the root, as in (42) and (43). The future definite is formed by adding the suffix *-l* to the infinitive form (indicated with the ending *-a* on the verb) as in (44) and (45).

(42) *žeduri bēš*
DEM.PL eat.FUT.INDEF
'We will eat (maybe at some point).'

(43) *elu ɣˤutk'u r-ūy*
1PL house.ABS IV-do.FUT.INDEF
'We will build a house (but we don't know when).'

(44) *bišwa-l eli*
eat-FUT.DEF 1PL
'We will eat (very soon).'

(45) *elu ɣˤutk'u r-uwa-l*
1PL house.ABS IV-do-FUT.DEF
'We will build a house (in the near future).'[3]

3.3. Negation

There are two methods for sentential negation in Sagada which depend on the tense of the verb. In past tense, the suffix *-ēč'-* is added. These suffixes can be followed by the tense morphology, as in (46). In the present tense the suffix *-ał* is added. This suffix follows the tense morphology as example (47) demonstrates. In the future tense, the suffix *-ya* is added to the future tense inflected form (48). For the future imperfective, the suffix *-yał* is added to the infinitive form (49).

(46) *esu iƛ'-ēč'-u obuw-ɣor ħuł*
brother go-NEG-PST father-ALLAT yesterday
'Brother did not go to father's yesterday.'

(47) *esu y-iƛ'i-x-ał škol-ya-ɣor hoboy*
sister II-go-PRS-NEG school-OS-ALLAT now
'Sister is not going to school now.'

(48) *eni ɣude y-ēƛ'i-ya magazin-er*
mother tomorrow II-go.FUT-NEG store-DAT
'Mother is not going to the store tomorrow.'

(49) *eni y-iƛ'a-yał tukam-aɣor ɣude*
mother II-go-NEG.IPFV store-ALLAT tomorrow
'Mother will not be going to the store tomorrow.'

The negative suffix for past tense is the same in Sagada and the other dialects consulted for this study. The present and future suffix differs greatly, however. In Mokok, for example, the present negative suffix is *-ānu*.

3.4. Interrogative

The interrogative is formed by adding a long vowel, usually *-ē*, after the tense suffix of the verb as in (50). In some cases the interrogative suffix is *-ō* (51).

---

[3] In Tsebari which is part of the Asakh dialect, the indefinite is *r-āy* 'perhaps will do/make' and the definite is *r-od-an* 'will do/make'.

(50) *r-eq'ʕira r-et-ix-ē?*
IV-try.INF IV-want-PRS-INTER
'Do you want to try some?'

(51) *elu-ɣo-ɣor ne-x-ō mi?*
1PL-AD-ALLAT arrive-PRS-INTER 2SG
'Will you join us?'

3.5. Copular sentences

Sagada uses three different copular elements in copular sentences based on tense. The present tense copula is *yoł* (52), the past is *zeq'q'ū*/ *zeq'q'wen* (53), and the future is *-ēču* (54) which is the future indefinite form of the word *-ača* 'to sit/stay/be.'

(52) *di yoł kuxn-ē*
1SG COP kitchen-INESS
'I am in the kitchen.'

(53) *žo zeq'q'ū kuxn-ē*
DEM COP.PST.UW kitchen-INESS
'He was in the kitchen.'

(54) *žeduri kuxn-ē r-ēči*
DEM.PL kitchen-INESS IIPL-sit.FUT
'They will be in the kitchen.'

The two forms of the past tense copula are distinguished by the presence of evidentiality. The past witnessed form is used when the event or state was personally witnessed, as in (56).

(55) *žo q'warid-go zeq'q'wen*[4]
DEM sad-INDIV COP.PST.UW
'He was sad.'

(56) *žo q'warid-go zeq'q'ū*
DEM sad-INDIV COP.PST.W
'He looked sad.'

[4] This form of the copula varies from the other Tsezic dialects but is very close to the past copula in Hinuq (Forker 2013:530). The witnessed past in Hinuq, however, is *zoq'es* (Forker 2013:531).

Negative sentences with the past tense copula add the negative suffix which has some distinction in witnessed (57) and unwitnessed (58) forms.

(57) *žo* *q'warid-go* *zeq'q'we-ču*
DEM sad-INDIV COP.PST.UW-NEG
'He was not sad.'

(58) *žo* *q'warid-go* *zeq'q'u-či*
DEM sad-INDIV COP.PST.W-NEG
'He did not look sad.'

Sagada distinguishes individual-level predicate adjectives (59) from stage-level through the suffix *-go,* as in (60).

(59) *žo* *q'waridaw* *yoł*
DEM sad COP.PRS
'He is sad (generally).'

(60) *žo* *q'warid-go* *yoł*
DEM sad-INDIV COP.PRS
'He is sad (at the moment).'

3.6. Non-finite forms

The Tsezic languages are notorious for their abundance of non-finite forms which include participles, masdars, and converbs. Non-finite forms are used for many different clause-level functions such as subordinate clauses, relative clauses, anterior clauses, purpose clauses, etc.

3.6.1. Participle

The participle in Sagada in addition to several other functions serves to form relative clauses. The participial suffix *-ru* in (61) is joined to the verb in the relative clause.

(61) *nesē* *nāsinan* *k'e-x* *gugu-ru* *šeben*
DEM.ERG everywhere search-PRS lost-PST.PTCP thing
'He is looking everywhere for what he lost.'

(62) *ič'u* *futbolka-xu-ni* *žek'u* *eser-xo* *c'i*
orange shirt-PRS.PTCP-ATTR man ask-PRS fire
'The man in the orange shirt is asking for fire.'

3.6.2. Converbs

Converbs (gerunds or verbal adverbs) are quite common in East Caucasian languages. Converbs have many different syntactic functions in the Tsezic languages including purpose (63), cause (64), and conditional (65) meanings.

(63) *nesē ħalt'ize r-u-x łacaqu łasa-lor*
he.ERG use IV-do-PRS fan.ABS cool.off-CVB
'He is using a fan in order to cool off.'

According to Imnaishvili (1963: 227), the purpose suffix is formed from the future tense verbal adjective plus the suffix *-r*. For the other dialects consulted, this is *-ni* plus *-r* i.e. *ac'a-ni-r* 'in order to eat.' For Sagada this is *ac'a-lo-r* 'in order to eat. The causal converbal ending is *-ƛ'* as in (64).

(64) *žo iƛ'-ī keca, akełza-ƛ'*[5]
DEM.ABS go.PST.W sleep.INF tired-CVB
'He went to sleep because he was tired.'

The converbal ending for conditional clauses is *-oy*.

(65) *debe-r b-etin-oy*
2SG-DAT II-want-CVB
'If you want.'

Converbs in Tsez also indicate a rich set of temporal meanings which indicate the relationship of the events expressed by the main verb and the converb. These have not yet been elicited for Sagada.

4. Additional categories

In this final section I will list a few more features of Sagada morphology. This section could be greatly expanded to include many more categories, but this list is limited until future research can be conducted.

---

[5] This example is a contraction of two words *akeła* 'tired' and *oq'-za-ƛ'* 'become-OS-CVB. Converbs are formed through the combination of a verb plus a spatial case suffix.

4.1. Indefinites

The suffix *-ƛa* is added to different Wh-words in order to form the indefinite. This is the same in multiple argument positions (66)–(68). This is the same as the other dialects consulted (Polinsky 2015: 104). The indefinite marker follows the case suffixes on Wh-words, as in (69) and (70).

(66) *łu-ƛa* *neƛƛ-ī* *dir* *sayɣat*
who-INDEF give-PST.W 1SG-DAT gift
'Someone gave a gift to me.'

(67) *baħarči* *q'wari-łi-ƛ* *eq'ˁi-x* *nesi-q* *šew-ƛa* *gug-en*
man sad-NMLZ-SUB.ESS seem-PRS DEM-POSS what-INDEF lose-PST.UW
'The man seems sad, he lost something.'

(68) *nesis* *łina-ƛa* *raħħat* *b-exwe-r-en* *yoł*
DEM.GEN what-INDEF rest.ABS III-die-CAUS-CVB COP.PRS
'He is worried about something.' (lit. 'something is causing rest to die')

(69) *baħarči* *łina-q-ƛa-n* *ħił-en* *oq'-u*[6]
man what-POSS-INDEF-CONN hooked-PFV.CVB fall-PST
'The man tripped over something and fell.' (lit. 'The man fell by hooking on something')

(70) *ɣˁana* *łina-ƛ-ey-ƛa* *cimre-ƛ'* *yoł*
woman what-SUB-ABL-INDEF anger-SUPER COP.PRS
'The woman is angry about something.' (lit. 'anger is over the woman out-of-under-something')

4.2. Causative

The causative in Sagada is formed in the same way as in the other Tsezic dialects, via the suffix *-r* (72). The causative suffix is the closest to the root and may be followed by the other verbal suffixes reviewed thus far (tense, negation, evidentiality, etc.).

(71) *-oč'ik'a*
be.cold-INF
'to be cold'

---

[6] This verb forms past tense with *-u* instead of *-ī*.

(72) *b-očik'-r-a* *čay*
II-be.cold-CAUS-INF tea
'to cool off tea'

4.3. Particles

There are many particles in Sagada which serve different grammatical, syntactic, and discourse-related roles. For example, the particle *-k'on*[7] in (73) is used for the concept 'another/additional.' The particle *-ła* in (74) is used for reciprocal constructions. There are also derivational particles such as *-k'-* and *-ł-* which derive either a transitive (75) or intransitive (76) verb from a qualitative adjective. These derivational particles are the same as the other dialects reviewed for this study (Comrie 2000). The particle *-ƛ'o* indicates a state of personal curiosity or wonderment (77). An analysis of these particles and many more which exist in Sagada warrants an entirely separate study.

(73) *dahaw-k'on* *eral-ē*
small-another add-INTER
'Shall I add a little more?'

(74) *reč'-ła*
cut-RECIPR
'to cut oneself'

(75) *necē* *tatane-k'-xo* *łi*
he.ERG warm-TR-PRS water.ABS[8]
'He is warming the water.'

(76) *žo* *tatane-ł-xo* *c'i-do-x*
he.ABS warm-INTR-PRS fire-OS-ADESS
'He is warming (himself) by the fire.'

(77) *žo* *uryize* *oq'-xo* *"łu-c-ƛ'o* *yodu* *podarok"*
DEM.ABS thought become-PRS who-GEN1-I.wonder DEM gift
'He is thinking, "I wonder whose gift this is."'

---

[7] In the other dialects studied, this particle is *-gon* which has been labelled a contrastive topic marker in Polinsky (2015).

[8] The transitivizing and detransitivizing affixes in these examples are the same as in the other Tsez dialects.

5. Conclusion

This brief overview of Sagada morphology has demonstrated some of the core differences between Sagada and the other more studied dialects of Tsez (i.e. Mokok and Asakh). This study helps provide a more thorough understanding of all dialects of Tsez in comparison with each other. The continuum of distinct languages/dialects in the languages of the Caucasus is quite challenging. The overview of Sagada morphology presented here reveals significant overlap with the nuclear group of Tsezic dialects, but also significant divergence in many cases. The boundary between what is considered a dialect and what is considered a language is quite blurry, especially in cases such as Sagada. Further evidence from lexico-statistical studies and a more comprehensive examination of the grammar and syntax will bring more clarity on this question.

References

Abdulaev A. K. 2011. *Kategorija padeža v didojskom (cezskom) jazyke* [The category of case in the Dido (Tsez) language]. Avtoreferat diss. kand. filol. nauk. Maxačkala: IJALI DNC RAN.

Bokarev E. A. 1959. *Cezskie (Didojskie) Jazyki Dagestana* [*The Tsezic (Didoic) languages of Daghestan*]. Moscow: Izd. AN SSSR.

Comrie B. 2000. Valency Changing Derivations in Tsez. In: R. M. W. Dixon and A. Aikhenvald (eds.), *Changing Valency*. Cambridge: Cambridge University Press, 360–374.

Comrie B., Forker D., Khalilova Z. 2018. Affective constructions in Tsezic languages. In: J. Barðdal, S. Mark Carey, T. Eythórsson & N. Pat-El (eds.). *Non-canonically case-marked subjects within and across languages and language families: The Reykjavík-Eyjafjallajökull papers*. Amsterdam: Benjamins, 59–86.

Comrie B., Polinsky M. and Rajabov R. 1998. *Tsezian languages*. ms.

Comrie B., van den Berg H. 2006. Experiencer constructions in Daghestanian languages. In: I. Bornkessel, M. Schlesewsky, B. Comrie & A. D. Friederici (eds.) *Semantic role universals and argument linking: theoretical, typological and psycholinguistic perspectives*. Berlin: de Gruyter, 127–154.

Forker D. 2013. *A grammar of Hinuq*. Berlin: De Gruyter.

Imnajšvili D. S. 1963. *Didojskij jazyk v sravnenii s ginuxskim i xvarzijskim jazykami* [The Dido language in comparison with Hinukh and Khwarshi]. Tbilisi: Izd-vo AN Gruzinskoj SSR.

Khalilova Z. 2009. *A grammar of Khwarshi*. Utrecht: LOT.

Maddieson I., Rajabov R., Sonnenschein A. 1996. The main features of Tsez phonetics. *UCLA Working Papers in Phonetics*, no. 93, 94–110.

Magomedov M. A., Axmedilova A. M. 2014. Grammatičeskie (abstraktnye) padeži v cezskom jazyke [Grammatic (Abstract) Cases in Tsez]. *Vestnik Instituta jazyka, literatury i iskusstva im. G. Cadasy*. 5. Maxačkala, 65–68.

Rajabov R. 1997. The class category in Tsez: underlying principles. *Dagestanskij lingvističeskiij sbornik*. 4. M.: Academia, 125–135.

Starostin S. A. 1987. Kommentarii k severokavkazskim rekonstrukcijam [Comments to North Caucasian Reconstructions]. In: Trubeckoj N. S. *Izbrannye trudy po filologii*. M.: Progress, 437–473

Polinsky M. 2015. *Tsez syntax: A description*. Ms., Harvard University. https://www.researchgate.net/publication/268818709_Tsez_Syntax_A_Description

ПСИХОЛИНГВИСТИКА В ДАГЕСТАНЕ[1]

О. В. Федорова
Междисциплинарная научно-образовательная школа
МГУ имени М. В. Ломоносова
«Мозг, когнитивные системы, искусственный интеллект»

Введение

Слова, вынесенные в заглавие этой статьи — Дагестан и психолингвистика — принадлежат в моем сознании к разным научным мирам; вернее, к разным этапам моей научной жизни. Дагестан — это самое ее начало, экспедиции 1990-х годов, это Мегеб, Годобери, Кванада и Мишлеш. Психолингвистика — это уже XXI век, центр когнитивных исследований университета Ратгерса под Нью-Йорком, западные учебники, первые «взрослые» психолингвистические конференции AMLaP и CUNY. Правда, однажды мы с Солмаз (Федорова, Мерданова 2002) описали дейктическую систему хпюкского диалекта агульского языка, используя экспериментальные методы из анкеты Вилкинса (Wilkins 1999), однако все-таки это была не «настоящая» психолингвистика. В последние годы мы с Мишей Даниэлем обсуждали известный «Фильм о грушах» Чейфа (Chafe 1980), и он потом записывал его пересказы с носителями рутульского и мегебского языков, но это тоже был только сбор материала, а не собственно психолингвистика.

«Настоящая» психолингвистика — это исследование механизмов, при помощи которых человек говорит сам и понимает речь других людей, а также исследование связи языковых механизмов с более общими когнитивными механизмами, регулирующими использование языка. Несомненно, больше всего психолингвистических исследований к настоящему моменту выполнено на материале английско-

[1] Автор выражает благодарность М. А. Даниэлю, Н. Р. Добрушиной, С. Р. Мердановой и Я. Г. Тестельцу, помогавшим советами и материалами.

го языка; также относительно хорошо описаны в этом отношении нидерландский, испанский, немецкий, китайский, французский и несколько других. Подавляющее же большинство языков еще никогда не выступали в качестве объектов психолингвистических штудий[2]. В целом, психолингвистическая типология (то есть сравнение и классификация языков с точки зрения особенностей их усвоения, порождения и понимания речи, а также мозговых механизмов речевой деятельности людей, говорящих на этих языках) остается еще совсем малоизученной областью, подробнее см. (Федорова 2020). В некоторых подобных типологических работах язык выступает в качестве независимой переменной (то есть на разных языках проводится один и тот же эксперимент с одним и тем же стимульным материалом), в других сравнивается много языков, но используются разные экспериментальные методы, в третьих описывается только один — но не английский — язык. Особый интерес представляют исследования, проводящиеся под девизом “Laboratory in the field”, с привлечением материала «экзотических» языков, см. вступительную статью к специальному выпуску журнала “Language, Cognition and Neuroscience” (Norcliffe et al. 2015).

Как я постараюсь показать в дальнейшем изложении, Дагестан представляет собой очень перспективный регион не только для социолингвистических (что в последние годы уже хорошо осознано), но и для психолингвистических исследований. Данная статья — подарок Расулу — это некоторый план исследований одной частной психолингвистической задачи, а именно, задачи создания дагестанской батареи тестов по определению объема рабочей памяти. Решение этой относительно частной задачи может помочь по-новому взглянуть на две важные проблемы, принадлежащие разным научным областям. Во-первых, это вопрос об объеме рабочей памяти билингвов по сравнению с монолингвами — один из самых сложных и спорных в современной когнитивной науке. Во-вторых, это вопрос об индивидуальных различиях в речи информантов — одна из самых загадочных и интересных, на мой взгляд, особенностей экспедиционной работы.

---

[2] В качестве редкого примера экспериментального психолингвистического исследования языков Дагестана можно привести работу М. Полинской с соавторами о релятивизации в аварском языке (Polinsky et al. 2012).

Дальнейшее изложение устроено следующим образом. В разделе 1 будет кратко описана история создания теста по определению объема рабочей памяти, в разделе 2 я более подробно представлю современную русскоязычную версию теста. Наконец, раздел 3 будет посвящен будущим дагестанским тестам по определению объема рабочей памяти.

1. Вербальная рабочая память: краткая история изучения

Современный этап изучения памяти в области психологии начался в конце XIX в., когда Г. Эббингауз разработал первые экспериментальные методы ее исследования. Немного позже У. Джеймс предложил разделить память на первичную и вторичную (James 1890). Термин «рабочая память» (оперативная память, working memory, далее РП) впервые был использован в работе (Pribram et al. 1960). В модели Аткинсона и Шиффрина (1968) этим термином был обозначен атомарный блок трехкомпонентной модели памяти, а авторы работы (Baddeley, Hitch 1974) использовали его уже для обозначения некоторой сущности, которая сама состояла из трех — а позднее четырех, см. (Baddeley 2000) — отдельных компонентов.

Традиционно в психолингвистике при исследовании индивидуальных различий участники проходят тест по определению объема их вербальной РП, после чего на основании этого делятся на две или более групп; затем их тестируют при помощи разнообразных собственно лингвистических экспериментов, в которых чаще других варьируется уровень языковой сложности. Исследователи, таким образом, ищут корреляции между объемом вербальной РП и языковыми навыками испытуемых.

Психолингвистическая история теста начинается с работы (Daneman, Carpenter 1980). Данеман и Карпентер исходили из того, что в процессе понимания и интерпретации некоторого текста в РП человека происходят процессы, связанные как с пассивным хранением поступающей информации, так и с ее активной обработкой (Baddeley, Hitch 1974). Существовавшие же в то время методы определения объема кратковременной памяти тестировали только первую из этих двух составляющих, нивелируя тем самым индивидуальные различия испытуемых; между тем эти различия и возникают,

по мнению авторов, не вследствие большего или меньшего объема РП, а именно как следствие лучшей или худшей способности испытуемых эффективно распределять имеющиеся ресурсы РП, отводя какую-то часть для хранения поступающей информации, а другую — для ее обработки. Другими словами, чем меньше ресурсов затрачивается на обработку поступающей информации, тем больше их остается для ее хранения. Новый тест, получивший название “Reading span”, тестировал обе этих составляющих — в ходе теста испытуемый должен был читать отдельные предложения (обработка информации) и одновременно удерживать в памяти последние слова ранее прочитанных предложений (хранение информации). Таким образом, по словам самой М. Данеман, «теория кратковременной памяти была заменена теорией рабочей памяти (Baddeley, Hitch 1974), а методика измерения кратковременной памяти — методикой измерения рабочей памяти (Daneman, Carpenter 1980)» (Daneman 1994: 443). В конце 1980-х годов один из авторов пионерской статьи (Daneman, Carpenter 1980), М. Данеман, разработала новый тест на определение объема РП, связанный уже с порождением речи. Данный тест получил название “Speaking span” (Daneman, Green 1986; Daneman 1991).

За прошедшие годы было проведено множество разнообразных тестов РП. Некоторые исследователи полностью повторяли тест, описанный Данеман и Карпентер (Baddeley et al. 1985; Dixon et al. 1988), другие использовали его с разными группами испытуемых — детьми, пожилыми людьми, пациентами с различными формами мозговых нарушений, слабослышащими и слабовидящими (Daneman, Hannon 2007). Психолингвисты апробировали этот тест для исследования взаимодействия РП с различными аспектами процессов чтения, письма, усвоения языка (Gathercole, Baddeley 1993). Также этот тест стал активно применяться в областях, весьма далеких от первоначальных планов авторов — напр., при описании особенностей РП игроков в бридж (Clarkson-Smith, Hartley 1990). В настоящий момент наиболее популярной является версия теста из работы (van den Noort et al. 2008), в которой авторы модифицировали стандартный тест Данеман и Карпентер (1980), проведя тестирование на четырех языках — английском, нидерландском, немецком и норвежском.

Обратимся теперь к самому важному теоретическому вопросу данного класса исследований. Тесты по определению объема РП

традиционно относятся к области когнитивной психологии, однако в последние 40 лет они активно используются в работе психолингвистов. Почему? В 1980 г. Данеман и Карпентер, используя этот новый тест, впервые получили статистически значимую корреляцию объема РП с более частным заданием на понимание текста. Более конкретно, в ходе эксперимента испытуемые читали небольшие отрывки, после чего должны были правильно определить антецедент местоимения, которое было в последнем предложении данного отрывка (см. 1 и 2):

(1) Отрывок 1 (Расстояние 6)

Sitting with Richie, Archie, Walter and the rest of my gang in the Grill yesterday, I began to feel uneasy. Robbie had put a dime in the juke box. It was blaring one of the latest “Rock and Roll” favorites. I was studying, in horror, the reactions of my friends to the music. I was especially perturbed by the expression on my best friend's face. ***Wayne*** looked intense and was pounding the table furiously to the beat. Now, I like most of the things other teenage boys like. I like girls with soft blonde hair, girls with dark curly hair, in fact all girls. I like milkshakes, football games and beach parties. I like denim jeans, fancy T-shirts and sneakers. It is not that I dislike rock music but I think it is supposed to be fun and not taken too seriously. And here he was, “all shook up” and serious over the crazy music.

Question: Who was “all shook up” and serious over the music?

(2) Отрывок 2 (Расстояние 2)

It was midnight and the jungle was very still. Suddenly the cry of a wolf pierced the air. This anguished note was followed by a flurry of activity. All the beasts of the jungle recognized that an urgent meeting had been summoned by the lion, their king. Representatives from each species made rapid preparations to get to the river clearing. This was where all such emergency assemblies were held. The elephant and tiger were the first to arrive. Next came the gorilla, panther and snake. They were followed by the owl and the crocodile. The proceedings were delayed because ***the leopard*** had not shown up yet. There was much speculation as to the reasons for the midnight alarm. Finally he arrived and the meeting could commence.

Question: Who finally arrived?

Первое упоминание целевого персонажа встречалось в разных текстах на разном расстоянии от последнего предложения, их разделяло от двух до семи предложений. Оказалось, что испытуемые с большим объемом РП выполняют данное задание значительно лучше, чем испытуемые с меньшим объемом РП (см. рис. 1).

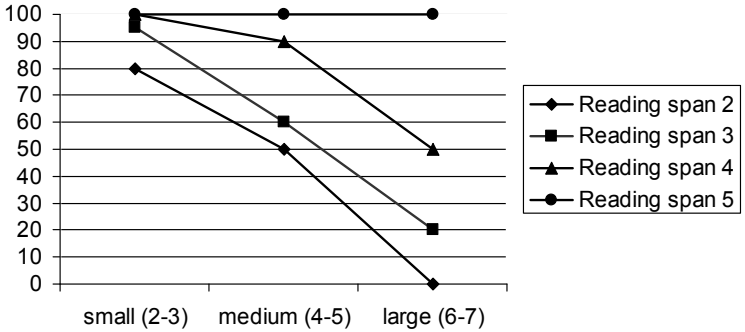


Рис. 1. Процент правильных ответов испытуемых как функция от расстояния между местоимением и его антецедентом по (Daneman, Carpenter 1980)

Аналогичные статистически значимые корреляции были получены и в экспериментах, проведенных в слуховой модальности, когда испытуемые воспринимали предложения на слух. Данные результаты были затем подтверждены в многочисленных последующих экспериментах — оказалось, что, действительно, люди с большим и небольшим объемами РП используют разные стратегии как при понимании, так и при порождении речи. Именно поэтому практически любой психолингвист, изучающий те или иные языковые явления, обычно использует тесты по определению объема РП для разделения своих испытуемых на группы, а затем пытается объяснить наблюдаемые индивидуальные различия в языковом поведении различиями в объеме РП испытуемых.

2. Русскоязычные тесты

2.1. Тест на понимание речи

Новая стандартизированная русскоязычная версия теста на понимание речи была разработана в 2020 г. В ходе теста испытуемому

предлагалось читать на экране компьютера отдельные предложения русского языка, сгруппированные в блоки по 2, 3, 4, 5 или 6 предложений. Всего в тесте 100 предложений, по 5 блоков каждого типа, перемешанных в псевдослучайном порядке (допускалось не больше двух идущих подряд блоков одного типа). Между блоками предложений были вставлены пустые слайды.

Испытуемый должен был запоминать последние слова предложений, а при появлении пустого слайда называть их точно в той же форме, в которой они появлялись. Количество названных слов, таким образом, должно было быть равно количеству предложений текущего блока. Если испытуемый не мог вспомнить какие-то слова из текущего блока, он переходил к следующему блоку.

Основные особенности данного теста, отличающие его от более ранних версий, заключались в следующем. Во-первых, блоки были перемешаны в псевдослучайном порядке, так чтобы перед началом каждого нового блока испытуемый не знал, сколько в нем будет предложений. Во-вторых, испытуемый мог вспоминать последние слова в произвольном порядке, а не в том, в каком предъявлялись предложения. Это дает возможность изучать так называемые краевые эффекты Эббингауза, то есть лучшее запоминание первых и последних элементов в цепочке.

Все предложения были взяты из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru), список первых 20 предложений теста см. в Приложении 1. Последние слова всех предложений были семибуквенными и совпадали со словами русскоязычного теста на порождение, см. раздел 2.2 ниже. Кроме того, контролировалась частеречная принадлежность последних слов предложений: из 100 слов по 25 слов были существительными, прилагательными, глаголами и наречиями, которые стояли в различных формах; все слова были высокочастотными словами русского языка. Наконец, внутри каждого блока не допускалась семантическая близость слов.

Данный тест был разработан в нескольких вариантах. Основной вариант был запрограммирован в программе E-Prime с контролем движений глаз; lite-версия теста была создана в программе PowerPoint для использования на любом компьютере; Lite-Zoom-версия также в программе PowerPoint была разработана для удаленного использования. Так как основной вариант сопровождался регистрацией движений глаз, был выбран пропорциональный шрифт Georgia, разработанный специально для чтения с экрана.

При прохождении теста испытуемый сам регулировал скорость чтения предложений нажатием на пробел, фиксировалось время реакции, велась запись движений глаз. Если испытуемый не успевал сам нажать на пробел, следующее предложение автоматически появлялось на экране через 7 секунд.

Для фиксации результатов была создана специальная анкета (см. Приложение 2). Подсчет результатов происходил с использованием двух методов:

1) Метод из пионерской работы Данеман и Карпентер (1980): испытуемый получает балл за очередной уровень, если по крайней мере три из пяти групп последних слов предложений данного уровня были воспроизведены правильно, и полбалла, если правильно было воспроизведено только две из пяти групп. Если следовать этому методу, то дальнейшее деление испытуемых на группы обычно происходит следующим образом: если мы делим их на две группы, то к группе испытуемых с небольшим (low) объемом РП обычно принадлежат испытуемые, получившие менее 4 баллов; соответственно, испытуемые, имеющие 4, 4.5, 5, 5.5 и 6 баллов, попадают в группу с большим (high) объемом РП. При делении испытуемых на три группы распределение обычно таково: 2, 2.5 и 3 — маленький объем, 3.5 и 4 — средний (medium) объем, 4.5, 5, 5.5 и 6 — большой объем. Вместо деления испытуемых на группы по объему их РП можно также использовать метод корреляционного или регрессионного анализа (Conway et al. 2005).

2) Процентный метод: испытуемый получает 1% за каждое правильно воспроизведенное слово, данный метод был использован, в частности, в работе (van den Noort et al. 2008), а также в (Friedman, Miyake 2004).

2.2. Тест на порождение речи

Новый тест на порождение речи также был разработан в 2020 г. В ходе теста испытуемому предлагалось читать на экране компьютера отдельные слова русского языка, сгруппированные в блоки по 2, 3, 4, 5 или 6 слов, всего 100 слов, по 5 блоков каждого типа, перемешанных в псевдослучайном порядке (допускалось не больше двух идущих подряд блоков одного типа). Между блоками слов были вставлены пустые слайды.

Испытуемый должен был запоминать появляющиеся на экране слова, а при появлении пустого слайда придумывать с каждым из них по предложению, причем слова должны были стоять точно в той же форме, в которой они появлялись. Кроме того, целевое слово не могло стоять на первом месте придуманного предложения. Количество придуманных предложений, таким образом, должно было быть равно количеству слов текущего блока. Если испытуемый не мог вспомнить какие-то слова из текущего блока и придумать с ними предложения, он переходил к следующему блоку.

Аналогично тесту на понимание речи, блоки были перемешаны в псевдослучайном порядке, а испытуемый мог вспоминать последние слова в произвольном порядке. Все слова были семибуквенными и совпадали с последними словами русскоязычного теста на понимание, см. раздел 2.1 выше. Был использован пропорциональный шрифт Georgia. Для фиксации результатов была использована та же анкета (см. Приложение 2). Подсчет результатов происходил с использованием тех же двух методов: метода Данеман-Карпентер и процентного метода.

3. Исследования рабочей памяти в Дагестане

Таким образом, тест по определению объема вербальной РП является важным инструментом работы психолингвиста. Для тех языков, которые с точки зрения психолингвистики изучены лучше других — в первую очередь, английского, а также некоторых других — подобные тесты были стандартизированы уже несколько десятилетий назад. Первая русскоязычная версия теста Данеман-Карпентер была создана в 2003 г. (Федорова 2003); в разделе 2 была подробно описана современная русскоязычная версия. Сейчас на кафедре теоретической и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова разрабатываются аналогичные тесты на материале якутского, башкирского и татарского языков. В данном разделе мы более подробно остановимся на том, какой вклад в психолингвистические теории РП могут внести результаты разработанных тестов на языках Дагестана. Из двух вопросов, упомянутых во введении — вопроса объема РП у билингвов по сравнению с монолингвами и вопроса индивидуальных различий в речи информан-

тов — подробно мы остановимся только на первом. Второй вопрос еще ждет своего практического подтверждения, см., однако, дискуссию в журнале “Language” о корреляции между тестами оценки грамматической приемлемости и тестами по определению объема РП (Sprouse et al. 2012; Hofmeister et al. 2012) и последующее за ним дальнейшее обсуждение (напр., Pham et al. 2020).

В области когнитивной психологии уже довольно давно существует представление, что владение двумя или более языками (билингвизм (= двуязычие) или мультилингвизм (= многоязычие), соответственно) дает людям преимущество в когнитивном развитии. В первую очередь когнитивные психологи говорят о так называемых управляющих функциях, выделяя среди них в том числе функции оттормаживания[3], переключения внимания и рабочую память. Предполагается, что эти три функции чаще тренируются у билингвов по сравнению с монолингвами, что и дает первым преимущество, особенно заметное среди детей и в пожилом возрасте. Данная гипотеза получила название ***когнитивного преимущества билингвов***. Среди большого количества современной литературы можно выделить русскоязычный метаобзор (Власова 2019), а также обзорную статью (Sekerina et al. 2019). Между тем, не все так однозначно и очевидно, как это иногда представляется. В упомянутых выше обзорах приводятся работы, авторы которых вообще отрицают эффект когнитивного преимущества билингвов, а некоторые вслед за Л. С. Выготским даже говорят об обратном эффекте (Выготский 1983; сама работа была написана в 1928–1929 гг.). Среди тех, кто признает существование этого эффекта, большинство считает необходимым проведение более комплексных исследований, направленных в первую очередь на проверку воспроизводимости результатов, что в данный момент является наиболее серьезной методологической проблемой. Таким образом, гипотеза когнитивного преимущества билингвов нуждается в дальнейшей проверке в новых исследованиях.

Как уже было упомянуто выше, одна из управляющих функций — функция рабочей памяти, что дает нам возможность проверить гипотезу когнитивного преимущества билингвов на материале тестов по определению вербальной РП испытуемых. Эта тематика в

---

[3] Оттормаживание (inhibition) – это способность человека игнорировать нерелевантную информацию, поступающую из внешней среды.

последние десятилетия также становится все более популярной среди когнитивных психологов. В частности, авторы метаобзора (Grundy, Timmer 2016), проанализировав результаты 27 опубликованных работ с участием в общей сложности около 3000 испытуемых, обнаружили небольшой, но значимый эффект большего объема РП у билингвов по сравнению с монолингвами, более сильно выраженный у детей. В то же время авторы недавней работы (Cockcroft et al. 2019) получили более сложную картину. Серия тестов батареи AWMA (Alloway 2007), которая была использована в этом исследовании, состояла из четырех групп тестов, по три теста в каждой группе: (1) на вербальный компонент, отвечающий за хранение информации в памяти; (2) на вербальный компонент, отвечающий за обработку информации; (3) на пространственный компонент, отвечающий за хранение информации в памяти; (4) на пространственный компонент, отвечающий за обработку информации. В исследовании приняли участие 78 южноафриканских студентов, половина из которых были монолингвами, вторая половина — мультилингвами. Каждый мультилингв знал по крайней мере три языка — английский и два языка Африки (один из подгруппы нгуни, второй из подгруппы сото-тсвана); у всех мультилингвов английский язык был вторым, усвоенным в детстве до достижения возраста 6 лет. Тестирование всех испытуемых проводилось на английском языке. Оказалось, что если для пространственных компонентов РП гипотеза о когнитивном преимуществе мультилингвов подтвердилась в пяти тестах из шести, для вербальных компонентов этот эффект оказался выражен слабее — мультилингвы показали более высокие баллы в двух из трех тестов, отвечающих за хранение информации в памяти и только в одном из трех тестов, отвечающих за обработку информации (то есть в общей сложности только в половине случаев).

Результаты работы (Cockcroft et al. 2019) говорят о том, что значимость эффекта когнитивного преимущества билингвов может зависеть от метода исследования, то есть от типа используемых тестов по определению объема вербальной РП. Насколько мне известно, классические тесты Данеман-Карпентер еще не были использованы в подобного рода исследованиях. Важным отличием психолингвистических тестов типа Данеман-Карпентер от классических психологических тестов типа AWMA является их ориентированность на большую экологическую валидность, то есть одновременная задей-

ствованность как вербальных, так и пространственных ресурсов, с одной стороны, а также как отвечающих за хранение информации, так и за ее обработку, с другой стороны.

Обратимся наконец к многоязычному Дагестану. Данный фрагмент статьи опирается в основном на работы сотрудников Международной лаборатории языковой конвергенции, посвященные многоязычию Дагестана (сайт проекта: https://multidagestan.com/ru/about). Как известно, Дагестан — это регион с самой высокой в Европе языковой плотностью: на сравнительно небольшой территории здесь живут народы, говорящие на более чем 40 языках. Подавляющее большинство жителей Дагестана являются билингвами, то есть знают как свой родной язык, так и русский; многие жители до сих пор знают три и более языка; в таких случаях к двум обязательным языкам добавляется более крупный язык, часто письменный, на котором говорят на данной территории, а также иногда языки соседних сел; подобное многоязычие, к сожалению, постепенно исчезает. Подробнее см. работы (Добрушина 2011; Dobrushina et al. 2019; Dobrushina, Kultepina 2020).

Первый вопрос, который встает перед психолингвистом, решившим провести корреляционное исследование и проверить гипотезу когнитивного преимущества билингвов — на каком языке / на каких языках проводить эти исследования. Самый простой путь — это провести эксперимент, аналогичный описанному выше в работе (Cockcroft et al. 2019), то есть взять две или три большие студенческие группы (напр., студентов Дагестанского государственного университета, ДГУ). В одну группу будут входить русские монолингвы, во вторую — те студенты, которые активно используют два языка: русский и один из языков Дагестана, в третью — те, кто активно используют три языка: русский и два языка Дагестана. Со всеми студентами нужно будет провести одинаковый тест на понимание и/или порождение речи на русском языке и сравнить результаты: согласно гипотезе когнитивного преимущества билингвов, группа билингвов и мультилингвов должна будет показать более высокий результат; возможно даже, группа мультилингвов покажет более высокий результат, чем группа билингвов. Данная задача является относительно простой и относительно быстро осуществимой, так как можно использовать уже существующие русскоязычные тесты и не создавать новые; кроме того, можно, как и в исследовании из работы

(Cockcroft et al. 2019), одновременно привлекать носителей разных языков Дагестана, что облегчит подбор испытуемых. Возможно, с подобного тестирования и стоит начать данную работу.

Однако наличие только русскоязычного теста сильно ограничит данное исследование, так как мы не сможем ответить на такие важные вопросы, как: (1) будут ли испытуемые-билингвы показывать более высокий результат по сравнению с монолингвами на всех тестируемых языках, или только на одном — видимо, на своем доминантном; (2) есть ли зависимость объема РП от степени знания/актуализованности того языка билингва или мультилингва, который он реже использует в своей актуальной жизни; (3) будут ли испытуемые-билингвы показывать разные результаты в тестах на разных языках; оказалось, например, что русскоязычные испытуемые в целом хуже справляются с данным тестом, чем англоговорящие испытуемые; самое распространенное объяснение состоит в том, что русский язык обладает более сложной системой словоизменения (Pechenkova, Fedorova 2007); (4) самый перспективный вопрос для дальнейшей лингвистической работы: как объем РП испытуемых, измеренный при помощи теста на некотором языке, будет коррелировать с индивидуальными особенностями языкового поведения испытуемых, говорящих на этом языке.

Таким образом, создание тестов по определению объема РП на языках Дагестана представляется важной и интересной задачей. Ниже я перечислю некоторые проблемы на этом пути и предложу возможные способы их решения.

Во-первых, большинство языков Дагестана — бесписьменные; кроме того, преобладающим письменным языком в современном Дагестане все-таки является русский, то есть у разных испытуемых могут оказаться разные навыки чтения на языках Дагестана, что может непредсказуемым образом повлиять на результаты тестирования. Таким образом, по-видимому, все тестирование — как на русском, так и на языках Дагестана — лучше проводить в слуховой модальности, когда испытуемый слушает заранее записанные предложения или слова, а после звукового сигнала называет последние слова предложений (в тесте на понимание речи) или составляет с этими словами свои предложения (в тесте на порождение речи).

Во-вторых, существующий тест на русском языке основан на литературных источниках, которые не всегда просто воспринимать на

слух; необходимо будет в таком случае создать устный русскоязычный вариант данного теста, который сначала должен быть протестирован и стандартизирован на большой выборке русскоязычных носителей.

В-третьих, нужно решить вопрос, из каких источников брать дагестанские примеры; обычно подобные примеры не придумываются исследователями, а берутся из существующих текстов; такой способ справедливо считается более экологически валидным. Однако если мы предъявляем к предложениям дагестанских тестов такие же высокие требования, как к русским (а именно, одинаковая длина, сбалансированная частеречная принадлежность и высокая частотность всех последних слов предложений), этот вопрос превращается в отдельную научную задачу.

Наконец, встает, пожалуй, самый важный вопрос — какие языки Дагестана лучше задействовать в первую очередь? По-видимому, все-таки сначала лучше создать тесты на крупных письменных языках — например, на даргинском, аварском, агульском, лезгинском, лакском, табасаранском или цахурском. Во-первых, на этих языках говорит много носителей, так что будет не так сложно найти испытуемых (а нам в идеале нужно набирать группы в 40 человек примерно одного и того же возраста и социального положения). Во-вторых, у нас будет возможность протестировать собранные предложения и в письменной модальности; возможно, удастся сравнить результаты теста в двух модальностях, так как обычно (например, для английском или русского языков) оказывается, что испытуемые значимо лучше проходят тест в слуховой модальности, чем в зрительной.

Итак, в этой небольшой статье мы описали современные психолингвистические исследования вербальной рабочей памяти и предложили некоторые пути развития этой проблематики на материале языков Дагестана. Очевидно, что мы находимся только в самом начале пути, на котором остается еще много нерешенных вопросов. Возможно, Расул или другие читатели этого сборника, хорошо знакомые с дагестанской проблематикой, смогут нам что-то посоветовать и тем самым приблизить момент начала полномасштабных психолингвистических исследований в Дагестане.

Литература

Власова Р. М. 2019. «Систематическая ошибка выжившего» и другие источники невалидности в исследованиях билингвального когнитивного развития. *Российский журнла когнитивной науки*, т. 6, № 1, 56–69.

Выготский Л. С. 1983. К вопросу о многоязычии в детском возрасте. В сб.: А. М. Матюшкин (ред.). *Собрание сочинений в 6 тт.*, 329 — 337.

Добрушина Н. Р. 2011. Многоязычие в Дагестане конца XIX — начала XXI века: попытка количественной оценки. *Вопросы языкознания*, № 4, 61–80.

Федорова О. В. 2003. Тест по определению объема оперативной памяти: история и современное состояние. В сб.: *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог 2003». Протвино, Московская область*. М.: РГГУ.

Федорова О. В. 2020. Почему языки такие разные: к вопросу о психолингвистической типологии. В сб.: А. А. Кибрик, Кс. П. Семенова, Д. В. Сичинава, С. Г. Татевосов, А. Ю. Урманчиева (ред.). *ВАПросы языкознания. Мегасборник наностатей. Сборник статей к юбилею В. А. Плунгяна*. М.: Буки Веди, 367–371.

Федорова О. В., Мерданова С. Р. 2002. Дейктическая система хпюкского диалекта агульского языка. В сб.: *Исследования по теории грамматики, Грамматикализация пространственных значений в языках мира*, т. 2. М.: Русские словари, 220–231.

Baddeley A. D., Hitch G. J. 1974. Working memory. In: G. A. Bower (ed.). *Recent advances in learning and motivation*. New York: Academic Press, 47–90.

Baddeley A. D., Logie R., Nimmo-Smith I., Brereton N. 1985. Components of fluent reading. *Journal of Memory and Language*, v. 24, no 1, 119–131.

Clarkson-Smith L., Hartley A. A. 1990. The game of bridge as an exercise in working memory and reasoning. *Journal of Gerontology*, v. 45, no 6, 233–238.

Cockcroft K., Wigdorowitz M., Liversage L. 2019. A multilingual advantage in the components of working memory. *Bilingualism: Language and Cognition*, v. 22, no 1, 15–29.

Conway A. R. A., Kane M. J., Bunting M. F., Hambrick D. Z., Wilhelm O., Engle R. W. 2005. Working memory span tasks: A methodological review and user's guide. *Psychonomic Bulletin and Review*, v. 12, no 5, 769–786.

Daneman M. 1991. Working memory as a predictor of verbal fluency. *Journal of Psycholinguistic Research*, v. 20, no 6, 445–464.

Daneman M. 1994. Working memory and language. *Language & Speech*, v. 37, no 4, 443–447.

Daneman M., Carpenter P. A. 1980. Individual differences in working memory and reading. *Journal of Verbal Learning and Verbal Behavior*, v. 19, 450–66.

Daneman M., Green I. 1986. Individual differences in comprehending and producing words in context. *Journal of Memory and Language*, v. 25, no 1, 1–18.

Daneman M., Hannon B. 2007. What do working memory span tasks like reading span really measure? In: N. Osaka, R. H. Logie, M. D'Esposito (eds.). *The cognitive neuroscience of working memory*. Oxford: Oxford University Press, 21–42.

Dixon P., LeFevre J.-A., Twilley L. C. 1988. Word knowledge and working memory as predictors of reading skill. *Journal of Educational Psychology*, v. 80, 465–472.

Dobrushina N., Kozhukhar A. A., Moroz G. 2019. Gendered multilingualism in highland Daghestan: story of a loss. *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, v. 40, no. 2, 115–132.

Dobrushina N., Kultepina O. 2020. The rise of a lingua franca: The case of Russian in Dagestan. *International Journal of Bilingualism* (submitted).

Friedman N. P., Miyake A. 2004. The reading span test and its predictive power for reading comprehension ability. *Journal of Memory and Language*, v. 51, no 1, 136–158.

Gathercole S. E., Baddeley A. D. 1993. *Working memory and language. Essays in cognitive psychology*. Hove; Hillsdale: L. Erlbaum Associates.

Grundy J. G., Timmer K. 2016. Bilingualism and working memory capacity: A comprehensive meta-analysis. *Second Language Research*, v.33, no 3, 325–340.

Hofmeister P., Staum Casasanto L., Sag I. A. 2012. How do individual cognitive differences relate to acceptability judgments? A reply to Sprouse, Wagers, & Phillips. *Language*, v. 88, no 2, 390–400.

Norcliffe E., Harris A. C., Jaeger T. F. 2015. Cross-linguistic psycholinguistics and its critical role in theory development: Early beginnings and recent advances. *Language, Cognition and Neuroscience*, v. 30, n. 9, 1009–1032.

Pechenkova E. V., Fedorova O. V. 2007. When colorless green ideas... meet working memory span. In: V. D. Solovyev, E. V. Pechenkova, V. N. Polyakov (eds.). *Proceedings of the 9th International conference Cognitive modeling in linguistics*. Казань: Издательство Казанского университета, 22–31.

Pham C., Covey L., Gabriele A., Aldosari S., Fiorentino R. 2020. Investigating the relationship between individual differences and island sensitivity. *Glossa: A journal of general linguistics*, v. 5, no 1, 1–17.

Pribram K. H., Miller G. A., Galanter E. 1960. *Plans and the structure of behavior*. New York: Holt, Rinehart and Winston.

Polinksy M., Gallo C. G., Graff P., Kravtchenko E. 2012. Subject preference and ergavity. *Lingua*, v. 122, no 3, 267–277.

Sekerina A. I., Spradlin L., Valian V. 2019. Bilingualism, executive function, and beyond. Questions and insights. In: V. Valian, I. A. Sekerina, L. Spradlin

(eds.). *Bilingualism, executive function, and beyond. Questions and insights*. John Benjamins Publishing Company, 1–14.

Sprouse J., Wagers M., & Phillips C. 2012. A test of the relation between working memory and syntactic island effects. *Language*, v. 88, no 1, 82–123.

van den Noort M., Bosch P., Haverkort M., Hugdahl K. 2008. A standard computerised version of the reading span test in different languages. *European Journal of Psychological Assessment*, v. 24, no 1, 35–42.

Wilkins D. R. 1999. *The 1999 Demonstrative Questionnaire: "THIS" and "THAT" in comparative perspective*. Unpublished.

Приложение 1.
Стимульный материал теста на понимание речи: первые 20 предложений

1. Вокзальный буфет был ярко освещен, народу за столиками довольно много, но не слишком. [Эмма Герштейн. Лишняя любовь (1985–2002)]
2. До сих пор нас держали как волков на цепи, а теперь мы им покажем. [В. Лихоносов. Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж. (1983)]
3. То вдруг пригонял ветер облака — становилось темновато, то облака быстро раскисали в воздухе. [Юрий Коваль. Гроза над картофельным полем (1974)]
4. Конечно, если запасы делаются на несколько недель или месяцев, особого ухода они не требуют. [WineCabinet. Дорогого стоит... (2003) // «Мир & Дом. City»]
5. Хотя комбинезоны всем арестантам были выданы одинаково сшитые, но носили их по-разному. [Александр Солженицын. В круге первом. (1955–1958)]
6. Все в мире переплетено, и вроде бы мы можем влиять на завтра тем, что мы делаем сегодня. [Виктор Пелевин. Любовь к трем цукербринам (2014)]
7. Из-под платка на скулы выбились две тонкие пряди, но Кирилл так и не разобрал, темные они или светлые. [Алексей Иванов. Псоглавцы. Гл. 1–20 (2011)]
8. Кира, нагнув голову, нырнула в уютный полумрак салона, и они поехали. [Ирина Безладнова. Такая женщина (2001) // «Звезда»]

9. Искусство каллиграфии, кажется, намного труднее постичь, чем казалось сначала. [М. В. Строганова, И. Джабир. Каллиграфия — таблетка от дурного настроения]
10. Мы делаем то, что обещаем, и обещаем только то, что действительно сделаем. [Манифест Всероссийской политической партии «Единство и Отечество» (2007)]
11. Сразу она этого не разглядела, а потом, особенно когда рассматривала его фотографии, увидела. [А. Слаповский. Большая Книга Перемен (2010) // «Волга»]
12. Украсить новогодний стол и создать себе праздничное настроение не так сложно, как кажется. [Мадина Дарчиева. Новогоднее застолье (1997) // «Здоровье»]
13. По сообщениям телеканалов, среди бывших заложников, к сожалению, очень много раненых. [Штурм завершен, заложники освобождены (2002) // «Известия»]
14. Она действительно ничего не понимала в этом виде спорта, кроме одного: когда смотришь по телевизору — безумно красиво. [Александра Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т. 1 (2014)]
15. Как оказалось позже, мы спустились на самое глубокое место в Австралии, и до нас это проделывалось лишь однажды. [С. П. Капица. Мои воспоминания (2008)]
16. Костюмерша отстала на подъеме и кричала что-то снизу визгливым голосом. [Сергей Юрский. Бумажник Хофманна (1993)]
17. Возможно, это происходит потому, что и конференции, и турпоездки обычно планируются и бронируются заранее. [Н. Литвинова, А. Либинсон. Вслед за культурой и самолетами (2014) // «Эксперт»]
18. Хотя письмо не было подписано, я мгновенно догадался, кто его написал. [Фазиль Искандер. Письмо (1969)]
19. В группе, которой они управляют, устанавливаются жесткие, почти террористические порядки. [Будем жить, ребята... (2004) // «Солдат удачи»]
20. Одновременно инвестиционные планы предприятий в третьем квартале изменились в лучшую сторону. [Осенью ждут продолжения роста (2002) // «Финансовая Россия»]

Приложение 2.
Анкета для фиксирования результатов

Участник#_____ Возраст#___

Пол#___

word	check
слишком	
покажем	
воздухе	
требуют	
разному	
сегодня	
светлые	
поехали	
сначала	
сделаем	
увидела	
кажется	
раненых	
красиво	
однажды	
голосом	
заранее	
написал	
порядки	
сторону	
работаю	
понятно	
подумал	
события	
черного	

word	check
главная	
приняли	
глазами	
порядок	
ласково	
холодно	
женщина	
широкую	
месяцев	
неплохо	
считают	
вежливо	
жителей	
честное	
очередь	
глубоко	
чувство	
обратно	
давайте	
впервые	
пустыми	
бутылку	
хочется	

word	check
желтыми	
понимаю	
поближе	
гораздо	
молодой	
говорят	
золотой	
скажешь	
нарочно	
местных	
солдаты	
вечером	
длинную	
темными	
ребенка	
подошла	
вовремя	
больных	
недавно	
крупные	
добавил	
остался	
тяжелая	
случаях	
грязные	

значило			головой	
			ботинки	
военные			отлично	
историю				
вопросы			словами	
товарищ			смешной	
хватает			красное	
старого			услышал	
			впереди	
большой				
следует			страшно	
			исчезла	
коротко			детства	
хозяина			молчали	
темноте			странно	
высоким			хороший	

Results	
in points	
in %	

THE IMPERFECTIVE ASPECT IN SANZHI DARGWA

D. Forker
Institute of Caucasian Studies, University of Jena

1. Introduction

East Caucasian languages have a relatively complicated verbal morphology that usually comprises the grammatical marking of categories such as tense, aspect, mood/modality, finiteness, gender, and — in a few languages — person by means of a plethora of analytic and synthetic verb forms. There are two basic ways in which aspect is encoded in East Caucasian languages: (i) through inflectional forms, and (ii) through verb stems. The first kind of aspectual marking is found in most if not all languages of the family. By contrast, aspectual distinction by means of stem allomorphy is only attested in certain sub-branches: all three Nakh languages, almost all Lezgic languages, Dargwa varieties, and Lak. In these languages, many or even most verbs come as aspectual pairs in the sense that a verbal lexeme has an imperfective and a perfective stem. It is usually the case that the two stems cannot attach all available inflectional suffixes or occupy all cells of the verbal paradigm. Instead, certain verb forms are exclusively formed from the imperfective stem and others solely from the perfective stem. For example, in Chechen the perfective stem can only occur in synthetic tenses with past time reference, whereas the imperfective stem is not restricted and occurs with synthetic past, present, and future tenses (Molochieva 2011: 32).

Languages with aspectual stem allomorphy also make use of (mostly periphrastic) inflection with combined temporal and aspectual meanings. This leads to intriguing interactions between the two systems, which makes the investigation of aspect in those languages particularly interesting and challenging. Another question concerns the relationship between the two aspectual stems: is it possible to analyze one stem as basic and the other as derived and if yes, is this relationship identical for all the re-

spective languages or can we identify different types of systems? These and some other questions will be discussed in this paper, which represents the first study of imperfective aspect in Sanzhi Dargwa. However, most if not everything that I analyze with respect to Sanzhi Dargwa in this paper equally applies to other Dargwa varieties and is not specific for Sanzhi only. There are a few studies that investigate aspect in other Dargwa varieties. Belyaev (2012) analyzes Ashti, Mutalov (2018) represents the first examination of tense and aspect in Standard Dargwa, and Daniel (2018) compares aspectual stems in Archi (Lezgic), Mehweb Dargwa and Khinalug.

Sanzhi Dargwa belongs to the Dargwa sub-branch of the East Caucasian language family (also called East Caucasian). It is spoken by approximately 250 people who live in the Dagestanian lowlands. It is heavily endangered since all speakers left their home village more than 40 years ago and moved to the multiethnic village of Druzhba where children acquire Russian as their first language.

As typical for East Caucasian languages, Sanzhi Dargwa has a rich case inventory, including ergative, absolutive, and dative cases, as well as a high number of spatial cases. A hallmark of East Caucasian languages is gender/number agreement. Sanzhi Dargwa has three genders (human masculine, human feminine, neuter) that are marked via agreement affixes on verbs and some other parts of speech. In this paper, all agreeing verbs and other items will be cited with the agreement prefix *b-* for neuter singular. Within the clause, gender agreement is predominantly controlled by the absolutive argument. Furthermore, the language has person agreement according to the person hierarchy 1, 2 > 3. For an overview of the grammar see Forker (2020).

In this paper, I will first provide some information on the terminology that I am going to use (Section 2). I will then describe the formal differences of the stems that come in aspectual pairs and the distribution of the inflectional forms across those stems (Section 3). In the following, I will discuss the aspectual meanings of the stems in combination with a number of inflectional forms that are, in principle, available for both stems (Section 4). The next section is devoted to four aspectual categories that traditionally would be categorized as imperfective, namely progressive, habitual, ingressive and continuative (Section 5). The semantic correlation of the antipassive construction and the imperfective is examined in Section 6. Section 7 contains an overview of aspect in other Dargwa varieties and Section 8 is the conclusion.

2. Theoretical background

For this paper, I largely adopt the terminology by Boland (2006: 51) who defines viewpoint aspect (henceforth simply referred to as 'aspect') as "a grammatical means to select a specific part of the temporal structure of a property or relation to be ascribed to the argument(s)." She further distinguishes between two major groups of aspectual categories:

(i) those that imply the complete temporal structure
(ii) those that don't imply the complete temporal structure

Aspectual categories that imply complete temporal structure are the perfect, the resultative, the perfective, and the egressive. The perfect expresses a post-state. This post-state, which itself is the result of a prior event, is ascribed to the participants of the event (e.g. the English perfect). The meaning of the resultative resembles the meaning of the perfect. The resultative also predicates a post-state but the agentive argument has little or no relevance, which means that the resulting state is not necessarily ascribed to an event participant. The perfective selects the entire temporal structure, which includes the initial and terminal boundary. The meaning of the simple past in English can be described as perfective. The perfective differs form the completive ('finish') and the egressive ('stop'), which focus on or select the terminal boundary of the respective event. Completives can only combine with telic events and indicate their completion.

The prospective, the ingressive, the progressive, the continuative, and the imperfective belong to the second type of aspectual categories, which does not imply the complete temporal structure. The prospective expresses the pre-state of an event. It is probable but not necessary that the respective event will take place. An example of a prospective is the English *going-to* future. The ingressive or inchoative refers to the initial boundary or start of an event. The progressive predicates an event that selects a subinterval in between the event boundaries without taking the initial or the terminal boundary into account. The English present and past progressive forms are examples of this aspectual category. The meaning of the continuative is almost identical to the progressive, but the predication extends also over the initial boundary (*keep V-ing*). Finally, the meaning of the imperfective is defined as the meanings of progressive and continuative when taken together.

In the classical work by Comrie, the two basic aspectual categories are perfective and imperfective, which Comrie (1976: 3) defines as follows: "Perfectivity indicates the view of a situation as a single whole, without

distinction of the various separate phases that make up that situation; while the imperfective pays essential attention to the internal structure of the situation." Figure 1 shows Comrie's classification of aspectual oppositions.

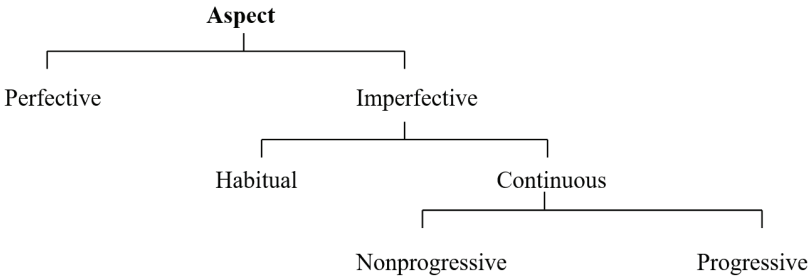


Figure 1. Aspectual categories according to Comrie (1976)

Imperfective aspect, which is the topic of this paper, pays attention to the internal structure of the situation. From this definition follows that the imperfective cannot be used to refer to strictly punctual situations that lack an internal structure. The main subtypes of the imperfective aspect are the habitual and the progressive. In Comrie's approach, the progressive aspect combines imperfective meaning with nonstative meaning (Comrie 1976: 35). This explains why stative verbs do not have progressive forms: this would involve a contradiction between the stativity of the verb and the nonstativity of the progressive.

Within Boland's account, the habitual is not viewed as an aspectual category, but as a category of event quantification. However, I will include it since it is traditionally discussed within the category of aspect (e.g., Comrie 1976: 25). Habituals 'describe a situation which is characteristic of an extended period of time […], the situation referred to is viewed not as an incidental property of the moment, but, precisely, as a characteristic feature of a whole period' (Comrie 1976: 27–28). Comrie argues that habitual meaning lies on the boundary of the three systems of tense, aspect, and mood. In principle, habituality could be expressed by means of a tense, since it involves location of a situation across a large slice of time. It could also be aspectual, since it refers to the internal temporal contour of a situation, in particular in that the situation must occupy a large slice of time. Finally, habituality can also be modal, because it involves inductions from limited observations about the actual world to a generalization about possible worlds. Thus, nouns in sentences with ha-

bitual meaning are often generic, non-referential expressions like for instance in ‘Johnny usually writes letters’.

In this paper, I will discuss the grammatical expression of aspect in Sanzhi Dargwa. I will not take into account situation aspect (i.e. the division of situations and verb types into states, activities, accomplishments, semelfactives, and achievements) or further lexical ways of expressing aspect by means of complement constructions.

Sanzhi Dargwa encodes viewpoint aspect in two ways: through stem allomorphy and through inflection. Most verbs come as aspectual pairs in the sense that a verbal lexeme generally has an imperfective and a perfective stem. Furthermore, inflection conflates aspect and tense in a rich number of synthetic and analytic verb forms.

3. Aspect encoded by stem alternation

In Sanzhi, just like in all other Dargwa varieties, simple underived stems come in pairs that can be treated as expressing an aspectual opposition between perfective and imperfective. There are a number of exceptional verbs that are not specified for aspect.

The formation of the aspectual pairs is largely lexicalized and cannot be predicted. However, verbs can be divided into groups that follow the same patterns. The two different aspectual stems are cognates that seem to be derived one from the other, but there is no unique direction of derivation. They can be distinguished on the basis of stem vowels, infix-like segments from a closed class of phonemes and the presence or absence of a gender agreement slot preceding the stem. In the following, I present some (but not all) of the patterns. For a complete list see Forker (2020). Table 1 shows aspectual pairs that differ only in their potential for gender agreement by means of a prefix, which is only present in perfective stems.

Table 1. Differences in the gender agreement:
the imperfective stem lacks a gender prefix

IPF	PFV	preterite (PFV)	translation
	iC vs. b-iC		
it-	*b-it-*	*-ib*	‘beat up’
irš:-	*b-irš:-*	*-ib*	‘mow’
ik:-	*b-ik:ʷ-*	*-ub*	‘burn’

Table 2 illustrates aspectual pairs of the structure V(C1)C2(:) with C1 being *r*, *b*, or *m*. The imperfective and the perfective stems only differ in the respective stem vowels. The vowel distinctions attested are *i* vs. *a*; *u* vs. *a*, and *u* vs. *e*.

Table 2. Differences in the stem vowel (ablaut)

IPF	PFV	preterite (PFV)	translation
i vs. a/aˤ (with or without gender agreement prefix)			
is:-	*as:-*	*-ib*	'take, buy'
b-ig- (g > ž)	*b-ag- (g > ž)*	*-ib*	'see'
u vs. a/aˤ (with or without gender agreement prefix)			
b-urχ-	*b-arχ-*	*-ur*	'sew'
u vs. e (with or without gender agreement prefix)			
urg-	*ergʷ-*	*-ur*	'sieve'
b-umt:-	*b-emt:-*	*-un*	'swell'

The pattern in Table 3 occurs without and in combination with ablaut of the stem vowel. The structure of the verbal root is usually VrC(:)/ VlC(:) for the imperfective and VC(:) for the perfective aspect. This pattern occurs mostly without but sometimes also in combination with ablaut of the stem vowel.

Table 3. Insertion of a sonorant (*r* or *l*) in the imperfective stem

IPF	PFV	preterite (PFV)	translation
VrC vs. VC (with or without gender agreement prefix)			
t:ura irt'-	*t:ura it'-*	*-ib*	'spill out'
irxʷ-	*ixʷ-*	*-ub*	'throw, shoot'
prv-irC vs. prv-aC (preverb, no gender agreement prefix)			
kert'-	*kat'-*	*-ib*	'pour'
VlC(:) vs. VC(:) (with or without gender agreement prefix)			
k.alt'-	*k.at'-*	*-un*	'stick, pin, attach'
ʔaˤlħ-	*ʔaˤħ-*	*-un*	'fly'

There are also aspectual pairs in which the sonorant occurs in the perfective stem (Table 4). Vowels can either be identical or diverge. There are a number of verbs in this group that lack gender agreement prefixes

for imperfective stems, and a subgroup of those imperfective verbs start with *l* and *r*.

Table 4. Insertion of a sonorant (*r* or *l*) in the perfective stem

IPF	PFV	preterite (PFV)	translation
VC(:) vs. gm-VrC(:) (gender agreement prefixes only with perfective stems)			
ic:-	*b-irc:-*	*-ib*	'milk'
uC(:) vs. erC(:) (with or without gender agreement prefix with imperfective stems)			
rux:-	*b-erx:-*	*-ur*	'color, paint'
b-uc'-	*b-erc'-*	*-ib*	'bake, fry, roast'
uC/iC vs. elC/ulC			
b-uq'-	*b-elq'-*	*-un*	'turn, whirl, grind, mill'
luC vs. alC/elC/iC			
luχ-	*b-elχ^{w}-*	*-un*	'slaughter, cut'
luk'-	*b-elk'^{w}-*	*-un*	'write'

In addition to the patterns given in Tables 1–4 there are a number of defective verbs that lack the second member of the aspectual pair and have only one stem. This single stem inflects for all TAM forms. Some examples are *b-ax-* 'go', *b-ibx:-* 'escape', *b-irʔ-* 'betray', *b-is:-* 'cry', *b-iχ:-* 'guard, beware, care, for.'

Finally, there are very few exceptional verbs that have restricted possibilities for inflection (*b-ik:-* 'want, love, like'; *urč:-* 'fit, suit'; *b-u^{ʕ}q'-* 'go' and the three verbs derived from it by means of spatial preverbs).

It can probably be argued that imperfective stems are formally more marked than perfective stems because it is reasonable to assume that the default structure of a verb consists of a gender agreement prefix added to a monosyllabic root. Verb that lack a gender prefix and start with a vowel or another consonant deviate from this pattern. In all aspectual pairs in which one of the verbs shows this kind of deviation it is the imperfective verb and not the perfective verb (Table 1, 4).

Inflection conflates aspect and tense in a rich number of synthetic and analytic verb forms. The two systems are formally independent and thus combine. However, there is a rather sharp distinction between verb forms that the imperfective stem inflects for and verb forms that the perfective stem inflects for (see the Table 5 below). In the table, morpho-syntactically identical forms that make use of the same suffix and/or auxiliary are

given in the same line. The distribution between the imperfective and the perfective stems is uneven in the sense that a number of forms are absolutely unavailable for perfective stems and can only be formed with imperfective or aspectually neutral stems. The opposite situation is not very common. This means that most forms available for the perfective stems can be elicited at least with some verbs for the imperfective stem as well, even though they are rarely if ever found in natural texts. These uncommon forms are given in brackets in the table. This distribution seems to point into the opposite direction for the question which of the stems of aspectual pairs could be analyzed as basic and which as marked. Forms discussed in this paper are given in grey-shaded cells.

Table 5. Distribution of inflectional verb forms with respect to aspectual stems

Imperfective stem	Perfective stem
Verb forms in declarative main clauses	
habitual present, habitual past	#
compound present, compound past	#
Future/obligative forms	#
(preterite & resultative)	preterite & resultative
(perfect & pluperfect)	perfect & pluperfect
(experiential forms)	experiential forms
Conditionals	
#	realis conditional, past conditional
imperfective realis conditional, imperfective past conditional	#
Non-finite verb forms	
(infinitive, subjunctive)	infinitive, subjunctive
(preterite participle)	preterite participle
modal participle	#
masdar	masdar
locative participle	#
imperfective converb	#
(perfective converb)	perfective converb
Non-indicative verb forms	
(imperative)	imperative
prohibitive	#
#	optative
modal interrogative	modal interrogative

4. The aspectual meaning of verbal stems

In order to access semantic differences between verbs in aspectual pairs it is useful to start the analysis by looking at verb forms that are available and used with both stems. There are three non-finite verb forms that do not express temporal reference and are used with imperfective and perfective stems: modal interrogative, infinitive, and masdar. After that I will examine the preterite, which can also be formed from both stems of the aspectual pair, and compare two realis conditional forms.

4.1. The modal interrogative

Sanzhi has a suffix *-ide* (with the allomorph *-ida*), which is only used in content questions with first person subject-like arguments of verbs of all valency classes. These questions have a modal meaning covering possibility, deontic modality and future (similar to English *can, should, will*). The questions are sometimes more like rhetorical questions to which an answer is not expected, but they can also have real interrogative illocutionary force as questions that are uttered to solicit answers.

The modal interrogative suffix can be added to perfective as well as to imperfective stems with the difference in meaning: habitual/iterative/generic if the verb is imperfective (1a) vs. specific singular event if the verb is perfective (1b). In the corpus, there are more instances of perfective than imperfective verbs used with this suffix, but in general it seems to be the only verb form that is relatively frequently used with both aspectual stems.

(1) a. *ce b-irq'-ide?* IPFV
what N-do.IPFV-MODQ
[talking about the present times and how they have changed]
'What should/can we do?' (in general) or 'What should/can be done?' (in general)

b. *c'il cet'-le b-arq'-ide?* PFV
then how-ADVZ N-do.PFV-MODQ
'Then how should I make (the plough)?'

4.2. The infinitive in complement clauses

The corpus contains almost only examples of infinitives (suffix *-ij*) from perfective stems, but infinitives from imperfective stems are normally

given in elicitation and frequently used in ingressive constructions (Section 5.3 below). However, there are a number of imperfective verbs for which the infinitive is at least very marginal if not downright ungrammatical.

The meaning of imperfective infinitives is habituality and/or iterativity. For instance, (2a) refers to the general ability to stop cars when driving. By contrast, (2b) refers to a specific temporally bounded situation in which Shamil in vain tried to prevent people from performing certain actions.

(2) a. *mašin t'aš.iʁ-ij du q:ihin-ne burs:i iχ-ub=da* IPFV
car stop.IPFV-INF 1SG difficult-ADVZ teach be.M.PFV-PRET=1
'With difficulty I learnt (lit. 'was taught') to stop a car.'

b. *šamil-li χalq' t'aš.aʁ-ij a-jχ-ub* PFV
Shamil-ERG people stop.PFV-INF NEG-be.PFV-PRET
'Shamil could not stop the people.'

4.3. The masdar in complement clauses

The functions of the masdar (suffix *-ni*) are: (i) formation of complement clauses, e.g. with matrix predicates such as 'know' and 'understand' (3a, b), and (ii) formation of deverbal nouns that can be used like other nominals, i.e. in the position of arguments or adjuncts.

If the masdar is formed from a stem with imperfective aspect, the temporal reference of the complement clause is non-past (3a), and if it is formed from a stem with perfective aspect the temporal reference is past time (3b). These meanings can be explained when we make use of the categorization given in Section 2. Imperfective stems do not imply the complete temporal structure of an event, which is the case for events taking place at the moment of speech or will take place in the future. In other words, if an event of dying is not completed yet this may be the case because it is still ongoing (which naturally leads to a Russian translation of (3a) by means of the present tense) or because it has not even started yet (which explains the Russian translation by means of the future tense in (3a)). By contrast, the perfective stem implies the complete temporal structure of the event of dying, which includes the endpoint and thus a Russian translation of (3b) by means of the past tense is obvious.

(3) a. *ubk'-ni dam a-b-alχ-ul=de* IPFV
die.M.IPFV-MSD 1SG.DAT NEG-N-know.IPFV-ICVB=PST
'I did not know that he dies / will die.'

b. *w-ebk'-ni* *dam* *a-b-alχ-ul=de* PFV
M-die.PFV-MSD 1SG.DAT NEG-N-know.IPFV-ICVB=PST
'I did not know that he died.'

4.4. The preterite when used with imperfective and perfective stems

The preterite is the most important verbal suffix in Sanzhi not just because it is extremely common in terms of token frequency and used as the base for a wide range of TAM forms, but also because it is the major indicator for verbal inflection classes.

Sanzhi has the standard Dargwa inventory of preterite suffixes: *-ib*, *-ub*, *-un*, and *-ur*.

The suffix *-ib* is the most frequently used preterite suffix and thus sometimes treated as the default variant. Since the preterite suffix is not predictable from the verbal stem, it is given in Tables 1–4. In principle, many verbs can inflect the imperfective as well as the perfective stem for the preterite, but not all verbs have this possibility (e.g. *b-alχ-* 'N-know.IPFV' cannot take any of the preterite suffixes). There are only very few corpus examples of imperfective verb stems bearing the preterite suffix, all occurring in the preterite. All other forms canbe elicited, but speakers do not seem to have clear intuitions about the meanings and context of use of these forms and their exact status remains open for future research.

However, in the following I will discuss the semantic differences between the preterite when used with imperfective stems and the preterite when used with perfective stems.

The imperfective preterite expresses past time reference in combination with imperfective aspect. The only corpus examples show it in combination with the antipassive construction. The preterite of imperfective verbs does not imply the complete temporal structure. In elicited examples this usually means that the meaning is iterative or habitual. For instance, (4a) can be used in a situation in which the speaker saw the addressee several times. Similarly, one of the meanings of (4b) is that the person whose activity is described is a businessman or trader who regularly sells apples. Another reading of (4b) resembles the past progressive. In both readings the direct object has indefinite reference.

(4) a. *dam* *u* *balnic'a-la* *ʔaʿme-r* *či-w-iž-ib=da*
1SG.DAT 2SG hospital-GEN window.LOC-ABL SPR-M-see.IPFV-PRET=1
'I saw you (repeatedly) from the window of the hospital.'

b. *hinc-be d-irc-ib it-i-l* IPFV
apple-PL NPL-sell.IPFV-PRET that-OBL-ERG
'S/he traded with apples.' OR 'S/he sold / was selling apples.'

The preterite can also occur with a verb stem expressing imperfective aspect and a definite object:

(5) *ʔaˤbal q:uruš-li-j het:i hinc-be d-irc-ib it-i-l* IPFV
three ruble-OBL-DAT those apple-PL NPL-sell.IPFV-PRET that-OBL-ERG
'She was selling those apples for three rubles.'

The perfective preterite is the default past tense with respect to form and function. It conveys past time reference in combination with perfective aspect and is very frequent in the corpus, especially in autobiographical narratives and in daily conversations when speakers report about past events.

(6) *q'ar S:anži-d a-d-ert:-ib=da*
plant Sanzhi-NPL NEG-NPL-take.PFV-PRET=1
'We did not gather plants in Sanzhi.'

However, it can also occur in traditional narratives and in other narratives about the past that are not related to the personal experience of the speaker.

(7) *ʔaˤbal q:uruš-li-j b-ic-ib ca-b hel amχa* PFV
three ruble-OBL-DAT N-sell.PFV-PRET be-N that donkey
'[He took out three rubles;] and for three rubles he sold this donkey.'

The meaning of the perfective stem seems to come close to the above definition, e.g. it selects the entire temporal structure, including the initial and terminal boundary, of a situation. This works well in combination with most past tenses (preterite, perfect, resultative, etc.), and it explains why habitual, progressive and obligative verb forms cannot be used with perfective stems.

4.5. Aspect in realis conditional forms

The aspectual difference between imperfective and perfective can also be shown in realis conditional clauses. The realis conditional is formed from perfective verb stems (for those verbs that occur in pairs of imperfective and perfective stems). To the verbal stem the stem augments (vowels *-u* or *-i*) are added, followed by the conditional suffixes. The im-

perfective realis conditional is formed from imperfective verb stems (if the verbs occur in pairs) by means of the suffix *-aχ:*, followed by the vowel *-a* that functions as a stem augment, and finally by (almost) the same person suffixes that are used for the realis conditional. The function of both conditionals is identical — the expression of real non-past conditions — and the only semantic difference in (8) concerns the aspectual categories.

(8) *dam urči či-b-ig-aχ:-alle* / *či-b-až-ille*
1SG.DAT horse SPR-N-see.IPFV-COND-COND.1 / SPR-N-see.PFV-COND.1
'if I see the horse (regularly/once)'

5. Verb forms that do not imply the complete temporal structure

Imperfective stems are used in a variety of verb forms. The respective aspectual categories are the progressive, the habitual, the ingressive and the continuative. The latter two meanings require periphrastic verb forms that include specialized auxiliaries.

5.1. Progressive aspect

Situations that are described by means of this category are assumed to occur at the moment of speech or were occurring at a certain moment in the past. They have not yet reached their end (i.e. beginning and endpoint are not important) but are ongoing actions and states that continuously obtain or obtained.

In Sanzhi, progressive aspect is expressed by the compound present, in which case it has present time reference, (9) and by the compound past (10) that has past time reference. For both verb forms the lexical verb has the form of the imperfective converb, which is obtained by means of the imperfective converb suffix *-ul* (occasionally also *-ule*) or with a few verbs, which have *-un* as the suffix for the perfective converb, the imperfective converb suffix is *-un(ne)*. The imperfective converb can only be formed from imperfective stems and from stems of which the aspect is not specified. For the compound present the person enclitics (9) or the copula are added to the imperfective converb; for the compound past the past enclitic is used in affirmative sentences, and negative past copula in negated sentences (10).

(9) *ak:ʷa-di nuš:a-l hin-na urχ:ab b-irq'-ul=da* IPFV
be.NEG-1 1PL-ERG water-GEN mill N-do.IPFV-ICVB=1
[Are you building a wind mill?] 'No, we are not, we are building a water mill.'

(10) *hak' b-ulq-unne ak:ʷ-i mašina* IPFV
jog N-shiver.IPFV-ICVB be.NEG-HAB.PST car
'The car was not shaking.'

However, the compound present and the compound past convey not only progressive aspect, but can also express non-progressive meanings and in that case, they can also be used with stative verbs.

5.2. Habitual aspect

As stated in Section 2, habituals refer to situations that represent characteristic feature of an extended period of time. Sanzhi has two specialized verb forms that express habitual aspect, namely the habitual present (12), and the habitual past (13). They are formed by adding stem augmentation vowels (not glossed separately) and person agreement markers to verbal stems that have imperfective aspect. The meaning of the habitual present encompasses time-less utterances that state general characteristics (of people, situations, etc.), in procedural texts, and for the description of (traditional) habits:

(11) *duq-n-a-lla χ:ink'-e d-irq'-id wec'al duqu*
egg-PL-OBL-GEN khinkal-PL NPL-do.IPFV-1.PRS ten egg
k-ert'-id, c'il nejg k-ert'-id
DOWN-pour.IPFV-1.PRS then milk DOWN-pour.IPFV-1.PRS
'We make egg khinkal. We pour ten eggs; then we pour milk.'

The meaning of the habitual present also comprises future and potential future ('will'/ 'could'/ 'should'), including the apodosis of conditionals. Note that the habitual/prospective polysemy is common for Dagestanian languages (Tatevosov 2005) and also cross-linguistically well-attested (Haspelmath 1998). The prospective/future reading has been developed from the habitual reading, but it is only available for predicates that express transitory and accidental properties (7). Predicates that denote temporally stable and essential properties that characterize their referents only express the habitual meaning (12).

(12) *ca cik'al a-b-alχ-ad*
one something NEG-N-know.IPFV-1.PRS
'I don't know anything.' (NOT: I will/should not know anything.)

The habitual past is the past-tense counterpart of the habitual present. Its marker is the suffix *-a* that is followed by person markers (first and second person). The semantic domain is habitual situations with past time reference. The verb form is used to express habitually occurring actions in the past (13), employed in characterizing persons, when referring to occupations, and so on. The functional range of the habitual past also includes the expression of future-in-the-past in the protasis of past conditionals and irrealis conditionals.

(13) *uc'ran-t-a-l b-uk-i, nuš:a-l k:ač*
Icari-PL-OBL-ERG N-eat.IPFV-HAB.PST.3 1PL-ERG touch
a-b-irq'-a-di IPFV
NEG-N-do.IPFV-HAB.PST-1
'Icari people ate it (the meat of boars), we did not touch it.'

In addition to those specialized forms the compound present (14) and the compound past (15) also express habitual aspect. Example (14) is part of the description of a popular children's game; example (15) describes a characteristic property of the grandfather of the speaker.

(14) *cara-te daˁʔaˁn b-irx:-ul ca-b* IPFV
other-ATTR.PL secret HPL-put.IPFV-ICVB be-HPL
'The others hide.'

(15) *χalq'-li-j kumek b-irq'-ul=de* IPFV
people-OBL-DAT help N-do.IPFV-ICVB=PST
'He helped the people.'

5.3. Ingressive and continuative

Ingressive and continuative aspect are not expressed by means of forms from the verbal TAM paradigm, but through complement clauses and periphrastic verb forms.

Formally, the ingressive construction is a complement construction with one of the three complement-taking predicates with the meaning 'begin, start' and the imperfective converb or the infinitive/subjunctive in the complement clause.

- *b-aʔ b-ač'-* (PFV) / *b-aʔ b-ik'-* (IPFV) (16)
- *b-aʔ b-ax:-* (PFV) / *b-aʔ b-irx:-*
- *či-ka-b-iħ-* (PFV)

There is a very strong tendency for the complement clause to be headed by the imperfective verb and not by the perfective verb if the verb comes as aspectual pair. In fact, the only examples of ingressive constructions with perfective verbs in the complement clause (in the form of infinitives) have been obtained in elicitation.

(16) *k:urt:a b-aʔ b-iš:-ib* [*šajt'an ruc:i r-irʔ-uˁl*]
fox N-begin N-put.PFV-PRET devil sister F-betray-ICVB
'The fox began betraying / to betray the devil sister.'

(17) *hel ruc:i-l r-aʔ r-iš:-ib ca-r b-uk:-un-ne*
that sister-ERG F-begin F-become.PFV-PRET COP-F N-eat.IPFV-ICVB
k:alk:i ka-b-ik-araj
tree DOWN-N-occur.PFV-SUBJ.3
'The sister started to eat up the tree so it would come down.'

(18) *durħuˁ=ra kac'i=ra či-ka-b-iħ-ib*
boy=ADD puppy=ADD SPR-DOWN-HPL-begin.PFV-PRET
[*umc'-anaj ʔaˁt'a-j*]
search.IPFV-SUBJ.3 frog-DAT
'The boy and the puppy began to search for the frog.'

Continuative aspect is expressed by periphrastic verb forms that also include the imperfective converb. There are two auxiliary-like verbs used in the continuative construction:

- *kelgʷ-* (PFV) 'remain, stay, continue, be'
- the defective verb *b-el* 'remain, stay, continue'

The verb *kelgʷ-* (PFV) is used as an auxiliary in constructions conveying continuous, enduring and sometimes habitually occurring situations and actions in the past. The auxiliary verb is either inflected for the preterite (*kelg-un*) or some other verb form derived from the preterite. The imperfective stem *kalg-* is not used in the auxiliary function. This means that the resulting clauses always have past time reference. Periphrasis with *kelgʷ-* is frequently used when talking about, for example, professions and more generally about the kind of work someone is/was doing (19).

(19) *Maħaˁmmadħaˁži acːi-l ce ʔaˁči b-irq'-ul*
Mahammadhazhi uncle-ERG what work N-do.IPFV-ICVB
kelg-un-il=de?
remain.PFV-PRET-REF=PST
'Which work was uncle Mahammadhazhi doing?'

When the defective verb is used in the form of the bare stem *b-el* the construction conveys present time reference, referring to an ongoing event (20) or existing state. When the past enclitic is added to the verb, the periphrastic verb form denotes a past state or an ongoing situation in the past.

(20) *ištːu-w w-isː-ul w-el iž*
here-M M-cry-ICVB M-remain this
'He continues crying.'

6. Imperfective aspect and the antipassive construction

Sanzhi Dargwa has an antipassive that is formed by reversing the case marking of A and P in a clause with a canonical transitive predicate. Since both A and P are obligatorily arguments in the antipassive construction, it is not an argument-decreasing operation, although the A argument is frequently covert in examples from natural texts. The verb remains unmarked, but the gender/number agreement on the verb changes. For more information on antipassive constructions in Dargwa varieties and other East Caucasian languages see Comrie et al. (2021).

The antipassive is restricted to imperfective verb stems and consequently to those tenses that are available for verbs with imperfective stems such as, for instance, the compound present. Although it is syntactically a detransitivizing operation, it is used for semantic reasons only.

It is the aspectual semantics of the verb (aspect/aktionsart) as well as the semantics of the patient that play a role. With regard to the semantics of the verb it is difficult to assess what semantic contribution comes from the antipassive construction itself and what from the fact that it is restricted to imperfective stems and TAM forms with appropriate meanings. In contrast to Avar-Andic-Tsezic, the imperfective aspect is a precondition of use for the antipassive construction rather than a meaning that is achieved by making use of the antipassive. This might explain why no verbal derivational morpheme with a concomitant aspectual/aktionsart semantics is

used: the meaning is provided by the aspectual stem of the verb, possibly in combination with the semantics of the TAM forms themselves.

Antipassives may describe an event as incomplete, non-punctual or habitual, and as either not leading to any observable results at all or ignoring possible results. Therefore, verbs for which the antipassive is not available are generally those verbs for which it is unclear what the result of the action that they denote would be (e.g. affective verbs). The activity referred to by an antipassive construction is understood as occurring habitually/frequently, e.g. the antipassive of 'drink' may be interpreted as 'drink alcohol' (21), 'read' as 'study (of pupils or students)', 'steal' as 'thieve, live dishonestly', etc.

(21) *heχ-tːi* *piwa-l* *b-učː-ul* *ca-b*
this.DOWN-PL beer-ERG HPL-drink.IPFV-CVB be-HPL
'They are (regularly) engaged in drinking beer.'

With respect to the semantics of the patient, we find a reduction of the effect of the verbal activity onto the patient, which does not necessarily undergo a change of state. The (demoted) patient in the ergative case has a low degree of identifiability in the proposition, as it is indefinite and/or non-referential (usually plural or omitted). For example, in all antipassive examples from the Sanzhi corpus (around 50,000 tokens in total) the P argument is indefinite and usually in the plural or it has the meaning of a mass noun. In contrast to Bezhta, morphologically singular P arguments are only allowed if they can have mass noun readings. The patient does not refer to a particular, specified object, but is semantically demoted. The sentences refer to repeatedly or habitually occurring actions. For instance, in (22) the speaker was talking about the life of her grandfather and how he used to be, which types of work he used to do.

(22) *χatːaj* *ʔaᶜči-l* *w-irq'-i,* ...
grandfather work-ERG M-do.IPFV-HAB.PST
'Grandfather used to work, …' [as builder, as …]

7. Aspectual system in other Dargwa varieties

Aspectual stems and inflectional expression of aspectual categories are found throughout all known Dargwa varieties. For Icari Dargwa, which is closely related to Sanzhi, the grammar by Sumbatova & Mutalov

(2003: 69–70) provides descriptions of verb forms that show a very similar distribution of perfective/imperfective stems and TAME forms.

The aspectual system of Akusha / Standard Dargwa, which has been described by Mutalov (2018) and van den Berg (2001: 38), is also comparable to Sanzhi Dargwa in its distribution of perfective and imperfective stems and TAM forms but shows slightly fewer restrictions, e.g. the attributive suffix *-usi* can be added to perfective and imperfective stems.

Belyaev (2012) studies aspect in Ashti Dargwa and concludes that usually the imperfective stem can be considered to be derived from the perfective stem. The Ashti system differs in a number of ways from Sanzhi. First, the TAME form that formally corresponds to the habitual past in Sanzhi, Icari etc. has taken over the function of the preterite (perfective past) and is formed from imperfective and perfective stems. Second, the form that corresponds to the perfect in Sanzhi has evidential meaning when used with imperfective stems. Third, the form that corresponds to the future can also be used with imperfective and perfective stems.

Daniel (Daniel 2018) only examines the morphological relationship between the two aspectual stems. Similar to Belyaev, he finds that the imperfective stem is more marked than the perfective stem because for a number of verbs the imperfective stem is derived from the perfective one by infixation or can be predicted in one way or another (the patterns being similar to what has been described for Sanzhi Dargwa in this paper). Furthermore, the perfective exhibits some inflectional forms that might be absent for the imperfective stem (including gender prefixes with some verbs).

8. Summary and conclusion

In this paper, I have discussed the forms and semantics of aspectual categories in Sanzhi Dargwa, mainly focusing on various imperfective subcategories. As typical for Dargwa varieties, aspect is expressed by means of stem allomorphy and through inflectional forms, whereby almost all verb forms show clear tendencies for the one or the other aspectual stem Table 5). Thus, one might ask whether we can explain the distribution of inflectional verb forms across the aspectual stems. In standard context the dominant or default meaning of the verb form goes hand in hand with the aspectual meaning of the stem. This means that, imperfec-

tive aspect, which does not imply the complete temporal entirety of the situation but instead pays attention to its internal structure, combines with a focus on particular phases of the situation, in particular the initial boundary (= ingressive aspect) or a subinterval viewed without taking into consideration temporal boundaries (= progressive and continuative). Similarly, perfective aspect, which implies the complete temporal structure comes together with a focus on the final temporal boundary as, e.g., expressed by resultatives (which have not been discussed in this paper).

This is also the case for non-indicative verb forms (imperative, prohibitive, and optative). In the default case the prohibitive refers to situation that do not imply a temporal boundary in the sense that they are used when the speaker utters a general prohibition that, in the usual case, has not temporal limitations and does not refer to a single, concrete situation. Therefore, the prohibitive is normally used with imperfective stems. By contrast, imperatives are typically used to express commands in specific, temporally limited situations, which explains why they are normally formed from the perfective stem. That explanation carries over to optatives.

However, not all inflectional forms convey (default) aspectual meanings. For instance, the modal interrogative conveys deontic modality, i.e. how a situation should be or what a person should do, with no limitations on specific temporal structures or boundaries of the situation or activity. Therefore, both aspectual stems are used with that form.

Overriding the default combinations of the aspectual meaning of the stem and the aspectual meaning of the inflectional form represents a non-standard situation that requires a special context. For instance, the imperative can be used in combination with the antipassive construction, in which case the verb stem is imperfective. The object is marked with the ergative case and semantically indefinite and there is no implication of a complete temporal structure of the situation.

(23) *χabur-t-a-l* *Ø-ux-e* / *r-ux-e!*
story-PL-OBL-ERG M-tell.IPFV-IMP / F-tell.IPFV-IMP
'Tell stories!'

References

Беляев О. И. 2012. Аспектуально-темпоральная система аштынского даргинского. *Acta Linguistica Petropolitana* 8.2, 181–227.

Boland J. H. G. 2006. *Aspect, tense and modality: Theory, typology, acquisition*. Utrecht: LOT.

Comrie B. 1976. *Aspect*. Cambridge: Cambridge University Press.

Comrie B., Forker D., Khalilova Z., van den Berg H. 2021. Antipassives in Nakh-Daghestanian languages: Exploring the margins of a construction. In: K. Janic, A. Witzlack-Makarevich. Amsterdam: Benjamins, 515–578.

Daniel M. 2018. Aspectual stems in three East Caucasian languages. In: D. Forker, T. Maisak (eds.). *The semantics of verbal categories in Nakh-Daghestanian languages*. Leiden: Brill, 247–266.

Forker D. 2020. *A grammar of Sanzhi Dargwa*. Berlin: Language Science Press.

Haspelmath M. 1998. The semantic development of old presents: New futures and subjunctives without grammaticalization. *Diachronica*, v. 15, no. 1, 29–62.

Molochieva Z. 2011. *Tense, aspect, and mood in Chechen.* Doctoral dissertation, University of Leipzig.

Mutalov R. 2018. The tense/aspect system of Standard Dargwa. In: D. Forker, T. Maisak (eds.). *The semantics of verbal categories in Nakh-Daghestanian languages*. Leiden: Brill, 49–79.

Sumbatova N. R., Mutalov R. O. 2003. *A grammar of Icari Dargwa*. München: Lincom Europa.

Tatevosov S. 2005. From habituals to futures. In: H. J. Verkuyl, H. de Swart, A. van Hout (eds.). *Perspectives on aspect*. Dordrecht: Springer, 181–197.

van den Berg H. 2001. *Dargi folktales: Oral stories from the Caucasus with an introduction to Dargi grammar*. Leiden: Research School of Asian, African and Amerindian Studies.

THE AGREEING EMPHATIC PARTICLE IN ARCHI

Marina Chumakina
Surrey Morphology Group, University of Surrey

Я впервые увидела Расула в Махачкале, после экспедиции в Мишлеш в 1996 году. С тех пор каждая моя поездка в Дагестан означала встречу с Расулом, и экспедиция начиналась еще у него дома. Когда я впервые поехала в Дагестан самостоятельно, не было вопроса, где остановиться — конечно, у Расула. Больше всего я запомнила поездку 2007 года, когда Расул и Ашура сначала работали круглые сутки, чтобы напечатать наш арчинский словарь, а потом Расул, со свойственной ему легкостью, предложил «заехать по дороге» в Ицари. Вся эта поездка была какой-то счастливый сон. Не успели мы въехать в Дахадаевский район, как за машиной Расула уже бежали люди, и в первом же ущелье неземной красоты уже был накрыт стол, и мы праздновали, и говорили тосты, и снова ехали, останавливаясь полюбоваться на красоту вокруг, и фотографировали бесконечно, и шутили и смеялись все время, и наконец доехали до Ицари, и побывали на башне и внутри нее, и обошли все село, восхищаясь невероятными четырехэтажными домами и узенькими полями-террасами на почти отвесном склоне, и я поражалась, как все и всегда, неиссякаемой энергии Расула, но и тосковала, мне казалось, вместе с ним по тому времени, когда село жило полной жизнью, когда во всех домах горел по вечерам свет, а не в том одном, в котором нас принимали. С веранды того дома открывался невероятный вид, и мне хотелось там сидеть часами, просто смотреть на горы. Но, конечно, с Расулом не посидишь — за один вечер в Ицари, после экскурсии на башню и вокруг села мы успели наловить рыбы, устроить пикник на природе, послушать зурну, узнать, как отличить настоящий цветочный мед. Выезжать надо было на следующий день в полседьмого утра, а Расул пе-

реживал, что мы не успели устроить шашлык на природе. И наутро, за первым же поворотом после башни нас ждал готовый шашлык! В семь утра все-таки это оказалось нам не под силу, мы загрузили его в багажник, и поехали дальше. Остановка в селении Танты, у друга Расула — и дальше, в Чародинский район, в Арчи. Но после Гуниба пришлось остановиться — в одном месте случился обвал, и дорога теперь представляла собой узенькую полоску над обрывом. Расул всех высадил из машины, мы перешли пешком, а он сел за руль и пронесся над этим обрывом, как горный тур. Наконец добрались до Арчи, и я увидела Расула в новом свете — до этого он всегда был хозяином, принимающей стороной, а тут он был гостем — и я снова поражалась его такту, умению вести разговор, искреннему интересу к арчинским обычаям, умению и желанию найти общедагестанское — и в лингвистическом, и в культурном смысле — и умению увидеть отличия, что и составляет в моем представлении уникальный дагестанский характер. За два дня, проведенные с Расулом, я, кажется, узнала больше о культуре и духе Дагестана, чем за все предыдущие годы.

1. Introduction

This paper discusses the emphatic particle *=ijt'u* in Archi, a Nakh-Daghestanian language belonging to the Lezgic group. In many aspects *=ijt'u* is a typical polysemous Nakh-Daghestanian emphatic particle: it can express reflexivity, identity, contrast and emphasis, and it is used in the derivation of cardinal numerals (compare, for example, the Avar intensifier *=go*, which can fulfil the same functions (Forker 2015)). I will be using the term 'emphatic particle' rather than 'intensifier' as the functions of the Archi particle is wider than those of a typical intensifier as defined in König and Gast (2006).

However, the Archi particle has one property that sets it apart. This is its ability to show agreement. In this paper I am interested in the morpho-syntactic and combinatorial properties of *=ijt'u*. I first discuss how it is used in texts (Section 2) and then consider it against the background of the Archi agreement system in general and the morphological properties

of the items derived by addition of this particle (Section 3), before discussing the syntactic properties of agreement in the emphatic particle proper (Section 4). In section 5 I address this particle in its wider Nakh-Daghestanian context and present my conclusions.

2. Emphatic particle =*ijt'u*[1] in Archi texts

The emphatic particle =*ijt'u* is a clitic[2] which attaches to various constituents in the clause and has a morphological slot for agreement. Often it agrees with the absolutive argument of the clause. In (1) the emphatic particle attaches to the superessive case form of the noun *sːaʕat* 'time' and has semantic scope over the phrase *jamut sːaʕat* 'that time' meaning 'at that very time, immediately'. It agrees in gender I singular with the absolutive of the clause, *juw* 'he':

(1) *jamu-t* *sːaʕal-li-tː=ij‹w›u*[3] *uqʕa-li*
that-IV.SG time(IV)-OBL-SUP=‹I.SG›EMPH I.SG.go.PFV-EVID
ju-w *jemim-me-s* *χir*
this-I.SG[SG.ABS] that-OBL.PL-DAT after
'[He understood everything and] immediately followed them.' (T26:37)[4]

In (2) the emphatic particle attaches to the inessive case form of the noun *šahru* 'town' and has semantic scope over the phrase *jamum doːʕzub šahrula* 'in that big city', giving the scalar additive meaning 'even in that

[1] In Kibrik's (1977) Archi grammar this particle is shown in the form -*ejt'u*, but since then the vowel has changed to *i*. This change was first registered in 2004, compare other instances of vowel raising: *ewdi* > *iwdi* ('he was'), *tow* > *tuw* ('he'). In the Archi dictionary (Chumakina et al. 2007a) and all subsequent publications on Archi I use the modern variant.

[2] If the host ends in a vowel, it is deleted, cf. *jamu* 'that' > *jam=ijt'u*; *šahrula* 'in town' > *šahrul=ij‹r›u* as in (2).

[3] Archi consonants (here, -*tː* of the superessive) become fortis in intervocalic position.

[4] The text numbers refer to the online collection of Archi texts (Kibrik, Arkhipov, Daniel and Kodzasov 2007); the text titles refer to the texts collected during my fieldwork in 2004–2012. If there is no reference after an example, it comes from my own field notes.

big city'. It agrees in gender II singular with the absolutive of the clause, *ł:onnol* 'woman':

(2) *χara-š χit:a jamu-r laha-t:i-š jamu-m do:ˁzu-b*
back-EL then that-II.SG girl(II).OBL-SUP-EL that-III.SG big-III.SG
šahru-l=ij‹r›u c'or oqˁa-t:u-r
town(III)-OBL.IN=‹II.SG›EMPH name(IV)[SG.ABS] IV.SG.go.PFV-ATTR-II.SG
ł:onnol e‹r›t:i-li
woman(II)[SG.ABS] ‹II.SG›become.PFV-EVID
'Time passed, and the girl turned into a woman famous even in that big city.' (T32:23)

In (3) the emphatic particle attaches to the lexical part of the complex verb *inžit et:i* 'become exhausted' and takes the whole clause as its semantic scope (meaning 'I am definitely not exhausted'), and agrees in gender I singular with the absolutive of the clause, *zon* 'I':

(3) *un inžit i‹w›t:i-t'aw χu-mč'iš*
2SG[ABS] be.exhausted ‹I.SG›become.PFV-NEG.CVB I.SG.find.PFV-COND
zon=či inžit=ij‹w›u i‹w›t:i-t'u bo-li
1SG.ABS=PCL be.exhausted=‹I.SG›EMPH ‹I.SG›become.PFV-NEG say.PFV-EVID
'If you are not exhausted, I am definitely not exhausted.' (T2:51)

When used with a pronoun, the emphatic particle functions as an intensifier comparable to those found in other Nakh-Daghestanian languages. In (4), it attaches to the ergative case form of the first person singular pronoun *zari* and agrees with the absolutive of the clause, the masdar *buwakul dijakul* 'motherhood (and) fatherhood':

(4) *buwa-kul dija-kul*
mother(II)-NMLZ(IV)[SG.ABS] father(IV)-NMLZ(IV)[SG.ABS]
zar=ij‹t'›u uw-qi
1SG.ERG=‹IV.SG›EMPH IV.SG.do.PFV-POT
'I myself will have to become mother and father for them.' (T3: 18)

Another meaning expressed by this particle is the identity relation. This meaning is most frequently expressed by a combination of the particle with demonstratives and adverbs of time and location. The examples below illustrate this meaning. In (5) the particle is used twice: in the first clause it attaches to the demonstrative *jamu* and agrees with the absolutive *nokł'* 'house'; in the second clause it attaches to the adverb *temmet* 'thus' and agrees with the absolutive *ł:onno:l* 'wife':

(5) *jamu-tː=ij‹t'›u* *eku-tːu-t*
this-IV.SG=‹IV.SG›EMPH [IV.SG]fall.PFV-ATTR-IV.SG
nokł'=u *χo-li,* *temmetː=ij‹r›u*
house(IV)[SG.ABS]=and [IV.SG]find.PFV-EVID thus=‹II.SG›EMPH
misgin-ši łːonnoːl=u *do-χo-li*
poor-ADV wife(II)[SG.ABS]=and II.SG-find.PFV-EVID
'(There) he found the same wrecked (falling apart) house and (his) wife who lived as poorly (as before) (lit.: thus-same poorly).' (T25:15)

In (6) the emphatic particle attaches to the adverb of location *ʁanak* 'up there' and agrees in gender IV singular. In Archi the word *lo* 'child' belongs to gender IV when it denotes a small child. In this example *lo* covertly defines the agreement of the attributives *łːennetːut* 'female' and *mekłletːut* 'male', two headless attributives which function as nouns controlling, in their turn, agreement on the verbs *asuli* 'put on' and *eχːuli* 'stayed' respectively; *mekłletːut* also controls agreement on the emphatic particle in the second clause:

(6) *łːenne-tːu-t* *qaqa* *asu-li*
female-ATTR-IV.SG on.the.back [IV.SG]put.on.PFV-EVID
mekłle-tːu-t *ʁanak=ij‹t'›u* *eχːu-li*
male-ATTR-IV.SG up.there=‹IV.SG›EMPH [IV.SG]stay.PFV-EVID
'(One of the witches) put the female (child) on her back, and they left the male (child) where he was (lit: up there in the same place).' (T13:6)

Finally, in (7) the emphatic particle attaches to the adverb *temmet* 'thus' and agrees in gender IV. Note that here the word *lo* means 'girl' and controls agreement in gender II, as is clear from the agreement marking on the demonstrative *jar* 'this'. There is no overt absolutive in the clause and there are two ways to interpret the agreement of the emphatic particle here: one may take the controller to be an omitted noun 'thing' or consider the expression *temmetːij‹t'›u* to be a nominalisation which, like all nominalisations, takes the default gender IV:

(7) *ha* *χita* *ja-r* *laha* *temmetː=ij‹t'›u*
well then this-II.SG girl(II)SG.ERG thus=‹IV.SG›EMPH
bo-li *batː-ur-če-r-ši*
say.PFV-EVID horn(III)-PL-OBL.PL-CONT-ALL
'The girl said the same to the horned ones.' (T6:47)

3. Morphological realisation of agreement in Archi

To take our discussion of the agreement of the emphatic particle further, we need to consider it as part of the whole system of agreement in Archi, which is rich and versatile, as is typical for a Nakh-Daghestanian language. With the exception of nouns, all word classes in Archi contain at least one agreeing lexeme. The features involved in agreement are gender and number (see Chumakina et al. 2007b for a discussion of whether Archi has the person feature). There are two numbers, singular and plural, and four genders. Genders I and II comprise male and female humans respectively. The rest of the nominal lexicon is distributed between genders III and IV, where III comprises animates, all insects, and some inanimates, and gender IV includes some animates, some inanimates and abstracts. The agreement paradigms of Archi can be divided into three different types. Section 3.1 provides an overview of these types, and the following sections consider each lexical class which has an agreement paradigm of Type 3 (which includes the emphatic particle) in turn.

3.1. Types of agreement paradigms in Archi

In terms of realisation, there are three major types of paradigms distinguished by different syncretisms and morphological exponence of agreement. Type 1 can be further divided into two subtypes depending on whether the agreement is expressed by a prefix or an infix. The types are briefly described and exemplified below in (8) to (11):

(8) Type 1A: Prefixal agreement, opposition I/II vs III/IV in the plural, zero exponence of gender IV, *d-* as an exponent of gender II. Verb *aχas* 'lie down, sleep', finalis:

gender	SG	PL
I	w-aχa-s	b-aχa-s
II	d-aχa-s	
III	b-aχa-s	aχa-s
IV	aχa-s	

(9) Type 1B: Infixal agreement, opposition I/II vs III/IV in the plural, zero exponence of gender IV. Verb *aχas* 'lie down, sleep', perfective aspect:

gender	SG	PL
I	a‹w›χu	a‹b›χu
II	a‹r›χu	
III	a‹b›χu	aχu
IV	aχu	

(10) Type 2: Suffixal agreement, no gender distinction in the plural, gender IV is expressed by a suffix *-t*. Adjective *haʁdu* 'real, reliable':

gender	SG	PL
I	haʁdu-(w)[5]	haʁd-ib
II	haʁdu-r	
III	haʁdu-b	
IV	haʁdu-t	

(11) Type 3. Infixal agreement towards the end of the word, opposition I/II vs III/IV in the plural, gender IV is realized by infix *t'*. Adverb *k'ellij‹t'›u* 'entirely':

gender	SG	PL
I	k'ellij‹w›u	k'ellij‹b›u
II	k'ellij‹r›u	
III	k'ellij‹b›u	k'ellij‹t'›u
IV	k'ellij‹t'›u	

Type 1 covers the agreement paradigms of all Archi verbs, as well as agreement marking on the postposition *eq'en* 'up to', which originates in an obsolete converb. Type 1A also includes the prefixal agreement of genitive and dative case forms of the first person pronoun (singular and plural). Type 2 includes agreement paradigms of adjectives, attributives and demonstratives. Type 3 describes the agreement of the emphatic particle, reflexives, numerals, adverbs and the infixal agreement of the ergative, dative and genitive cases of the first person plural inclusive pronoun. With the exception of the personal pronouns, I will discuss each of the members of Type 3 in turn.

[5] The final [w] of the suffix is not always pronounced, but it surfaces if followed by a conjunction.

3.2. Reflexive pronouns

The reflexive pronoun in Archi consists of a personal pronoun or the logophor *inž* and a particle *-a‹t'›u*/*-ij‹t'›u*. The forms of the particle are distributed as follows: *-a‹t'›u* attaches to consonants and *-ij‹t'›u* to vowels, with the exception of the ergative form of the logophor *žu* which has the reflexive form *žu‹t'›u* instead of expected *žij‹t'›u* (Kibrik 1977: 127). This distribution prompted my decision to consider the particle in pronouns as a suffix, so I use the notation *-a‹t'›u*/*-ij‹t'›u* rather than *=a‹t'›u*/*=ij‹t'›u* in the interlinear glossing. The variant *-ij‹t'›u* used with the pronouns can be considered a bound variant of the clitic *=ij‹t'›u*. The latter does not have positional variants and can attach both to consonants (*ʁanak=ij‹t'›u* from *ʁanak* 'up there' in (6)) or vowels (*šahru-l=ij‹r›u* from *šahrula* 'in town' in (2)).

Example (12) shows the full agreement paradigm of one of the reflexive pronouns (produced from *zon* '1SG.ABS' and *zari* '1SG.ERG'):

(12) a. First person singular reflexive pronoun in the absolutive

gender	SG	PL
I	zon-a‹w›[6]	zon-a‹b›u
II	zon-a‹r›u	
III	zon-a‹b›u	zon-a‹t'›u
IV	zon-a‹t'›u	

b. First person singular reflexive pronoun in the ergative

gender	SG	PL
I	zar-ij‹w›u	zar-ij‹b›u
II	zar-ij‹r›u	
III	zar-ij‹b›u	zar-ij‹t'›u
IV	zar-ij‹t'›u	

In (13) to (15) this particle attaches to the absolutive form of the pronoun (personal pronoun in (13), logophor in (14) and (15)) and agrees with it (or rather with the covert gender of this pronoun as defined by the referent):

[6] The final vowel [u] seems to be deleted only when the particle *-a‹t'›u* attaches to a gender I stem.

(13) *d-ez* *zon-a‹r›u* *d-akːu-r-ši* *d-i*
II.SG-1SG.DAT 1SG.ABS-EMPH‹II.SG› II.SG-see-IPFV-CVB II.SG-be.PRS
daχon-n-a
mirror(IV)-OBL.SG-IN.ESS
'I (woman) see myself in the mirror.'

(14) *pat'i-mu* *inž-a‹r›u* *čučebo*
Patimat-ERG self.SG.ABS-EMPH‹II.SG› wash.PFV
'Patimat washed [herself].'

(15) *zalik-li-s* *inž-a-w* *w-akːu*
Zalik-OBL.SG-DAT self.SG.ABS-EMPH-I.SG I.SG-see.PFV
daχon-n-a
mirror(IV)-OBL.SG-IN.ESS
'Zalik saw himself in the mirror.'

Pronouns with the emphatic particle can also function as intensifiers rather than reflexives. At the moment there seem to be two opinions as to how many particles participate in producing reflexive and emphatic pronouns: Kibrik (1977) considers *-a‹t'›u*/*-ij‹t'›u* to be phonologically conditioned variants of a single particle whereas Antonenko and Harris (2010) believe the particle *-a‹t'›u* to have its own meaning separate from *-ij‹t'›u* — that of the exhaustive-listing reading on pronouns ("X and only X", "It is X that ...") (Antonenko and Harris 2010: 6, note that they use a different notation to gloss this item, namely PCL for particle):

(16) *zon-a‹w›u* *nokł'-a-k* *uqˁa*
1SG.ABS-PCL‹I.SG› house(IV)-IN-LAT I.SG.come.PFV
'Only I entered the house.'

(17) *ušmu-s* *kł'an-ši* *Moħammad*
brother(I).SG.OBL-DAT want-CVB Magomed(I)[SG.ABS]
inž-a-w *nokł'-a-ši* *ukłi-s*
self.SG.ABS-PCL-I.SG house(IV)-IN-ALL I.SG.enter-FIN
'Brother wants only Mohammad to enter the house.'

(18) *d-isːa‹r›u* *łːonnol* *d-aqˁ'a* *nokł'-a-k*
II.SG-1SG.PCL‹II.SG› wife(II)[SG.ABS] II.SG-come.PFV house(IV)-IN-LAT
'Only my wife (and nobody else) entered the house.'

The *-a‹t'›u*/*-ij‹t'›u* alteration is observed not only in pronouns but also in numerals (below), which creates issues for the two-particle approach

represented in Antonenko and Harris (2010). I follow Kibrik's approach and notate both instantiations as EMPH (examples 16 to 18 use the gloss PCL because they are cited).

However, the particle *-a‹t'›u* can itself attach the particle *=ij‹t'›u*, as is seen in (19). The ergative case form of the logophor *žu* attaches *-a‹t'›u* (recall that this is an exception mentioned in (Kibrik 1977: 127)) which in turn attaches the clitic variant of the emphatic particle resulting in a form *žu-t'=ij‹t'›u*. Both particles agree with the absolutive *misərt:u* 'gold' and neither carries a reflexive meaning:

(19) *misərt:u* *žu-t'=ij‹t'›u* *kł'arak*
gold(IV)[SG.ABS] self.I.ERG-EMPH.IV.SG=‹IV.SG›EMPH under
ač-u-li *i-t:u-t* *žu-s:-a‹t'›u*
[IV.SG]do-PFV-CVB [IV.SG]be.PRS-ATTR-IV.SG self.I.OBL-DAT-EMPH‹IV.SG›
sin-t'u-ra
know-NEG-QUEST
'He himself has hidden the gold, surely he would know about it.' (T9:26)

In the same sentence there is also a dative case form of the logophor, *žu-s:-a‹t'›u*, where the dative case form *žus* attaches particle *-a‹t'›u* and produces not reflexive but emphatic meaning, as reflected by the word 'surely' in translation. A non-emphasized form *žus* would be grammatical in this sentence too. This means that *-a‹t'›u*/*-ij‹t'›u* when attaching to pronouns can express either reflexive or the emphatic meaning same as that expressed by the clitic *=ij‹t'›u* and this is why I use the term 'emphatic particle' for all representations (*-a‹t'›u* / *-ij‹t'›u* and *=ij‹t'›u*).

Note as well that when attaching to the pronouns, the emphatic particle is positioned after the case marker (as in *žu-s:-a‹t'›u* above). This is also true for noun hosts: the emphatic particle attaches to the right of the case ending. However, in forms containing the locative marker *-ma* the emphatic particle is positioned after the genitive case ending but before the locative marker (Daniel, this volume).

Most likely, the *-a‹t'›u* / *-ij‹t'›u* variants developed from the emphatic clitic, and acquired some suffixal properties (phonologically conditioned variants) while retaining some clitic properties (position after the case ending). Compare the numerals, addressed immediately, below, which went one step further in this clitic to affix development: in numerals, the particle attaches before the case ending.

3.3. Numerals

Cardinal numerals used in a phrase with a noun (as opposed to counting and mathematical expressions) require that noun to appear in the singular, and agree with it. These numerals are produced by adding an agreeing particle *-a‹t'›u*/*-ij‹t'›u* (just as in reflexives) to the independent numeral form. As with reflexive pronouns, *-a‹t'›u* attaches to consonants and *-ij‹t'›u* to vowels. Examples (20) and (21) show the paradigms of the numerals *łeb* 'three' and *łːo* 'five':

(20) agreement paradigm of the numeral *łeb* 'three'

gender	SG	PL
I	łiba‹w›	łiba‹b›u
II	łiba‹r›u	
III	łiba‹b›u	łiba‹t'›u
IV	łiba‹t'›u	

(21) agreement paradigm of the numeral *łːo* 'five'

gender	SG	PL
I	łːʷij‹w›u	łːʷij‹b›u
II	łːʷij‹r›u	
III	łːʷij‹b›u	łːʷij‹t'›u
IV	łːʷij‹t'›u	

Below are some examples of the usage of numerals in texts. We can see that the numeral agrees with the absolutive (*q'onq'* 'book' in (22), *bošor* 'man' in (23)):

(22) *jem-im q'or-če-qˤa-š ebq'-a‹t'›u*
this-PL book(IV).PL-PL.OBL-INTER-EL four-NUM‹IV.SG›
q'onq' šːe
book(IV)[SG.ABS] IV.SG-take.IMP
'Take four of these books'.

(23) *buq'-ij‹w›u okłni-tːu bošor i‹w›di-li*
forty-NUM‹I.SG› learn.PFV-ATTR.I.SG man(I)[SG.ABS] ‹I.SG›be.PST-EVID
'[In his time] there were forty educated scholars [in our village of Archi].'

When the numeral is used independently, without a nominal head, it attaches the case ending and the oblique stem formative to the right of the particle:

(24) *buwa-mu* *q'ˤʷe-‹r›u-li-s* *guruč'-mul*
mother(II)-SG.ERG two-NUM‹II.SG›-SG.OBL-DAT sweet(IV)-PL.ABS
kło
[IV.PL]give.PFV
'Mother gave sweets to the two (girls).'

As with the pronouns, the form of the numerals probably derives from the emphatic particle (as indeed is postulated in (Kibrik 1977: 326)) but there is no emphatic meaning; the particle is used as a bound morpheme positioned before not only the case ending but also before the oblique stem suffix, so the emphatic particle here is fully grammaticalized into a numeral marker.

3.4. Adverbs

The existence of agreeing adverbs is a peculiarity not only of Archi but also of other Nakh-Daghestanian languages, such as (probably among others) Avar, Bagvalal, Hinuq and Lak. In all languages agreeing adverbs comprise a short and closed list; the ability to agree is never a property of adverbs as a word class in general. The diachronic sources of agreeing adverbs differ from language to language. In Archi, the formative responsible for agreement is obviously the emphatic particle. Example (25) shows the list of agreeing adverbs from the Archi dictionary (Chumakina et al. 2007a):

(25) agreeing adverbs in Archi

allij‹t'›u	'for free'
dit:a‹t'›u	'early, soon'
horo:kij‹t'›u	'a very long time ago'
jellij‹t'›u	'in this way'
k'ellij‹t'›u	'entirely'
mumat:ij‹t'›u	'while I am asking you nicely'
no:su‹t'›u	'a long time ago'
sij‹t'›u	'alone (by oneself)'
wallit:ij‹t'›u	'at the very beginning'

Morphologically, the agreeing adverbs in Archi do not present a homogeneous group. For some adverbs such as *horoːkij‹t'›u* 'a very long time ago' the derivation is clear: there is a word *horoːk* 'a long time ago' existing in its own right and the particle simply attaches to it, retaining its emphatic meaning. For other adverbs, while the base word is used independently, the particle does not add any extra meaning[7]. Thus, the adverb *jellijt'u* 'in this way' clearly derives from *jella* 'thus' but the agreeing particle seems only to derive an adverb without adding any semantic component. The same happens in the case of the adverb *mumatːijt'u* 'while I am asking you nicely', which can sometimes be translated as 'willingly' (as in 'if you don't give this willingly'). This is derived from the temporal converb *mumat* of the stative verb *mu* 'be nice', but the particle here functions as an adverbializer only. For the adverbs *ditːat'u* 'early' and *noːsut'u* 'a long time ago' it is unclear what served as a base for the adverb, and whether the adverbializing particle should be identified with the *-a‹t'›u* used to derive numerals and reflexives.

3.5. Emphatic particle: interim summary

The independent emphatic particle is a clitic which attaches to the fully inflected forms of words belonging to various parts of speech (as was shown in Section 2), is not sensitive to the phonological form of the host, and expresses the emphatic meaning translated as 'very', 'even', 'definitely' or a meaning of identity. When used with pronouns, numerals and adverbs, the particle is grammaticalized to various degrees: with pronouns, it has acquired reflexive meaning and allomorphic variation but has not lost the ability to express the emphatic meaning, whereas with numerals, the particle has lost its original meaning, phonological independence and final position in the word. With adverbs, it has only lost its emphatic meaning in some cases and in most cases has retained its clitic nature.

4. Syntax of emphatic particle agreement

Kibrik's (1977) grammar of Archi states that reflexive pronouns and agreeing forms of numerals include the emphatic particle; I have shown

[7] Similar to Avar particle =*go* or Andi =*gu* (as was pointed out by Timur Maisak).

that the same also goes for agreeing adverbs. In some instances, the semantics of the emphatic particle contribute to the resulting meaning of the derived item, and sometimes the semantics of emphasis is lost. I will now discuss the agreement behaviour of the emphatic particle across word classes.

First, it must be noted that syntactically there are two types of agreement in Archi: clausal agreement and phrasal agreement. The predicate and all other clausally agreeing elements invariably agree with the absolutive of the clause, as shown in (26):

(26) *b-is* *χːˤele* *b-ez* *ditːa‹b›u* *e‹b›χni*
HPL-1SG.GEN guest(I)[PL.ABS] HPL-1SG.DAT soon‹HPL› ‹HPL›forget.PFV
'I soon forgot my guests.'

Here the verb *ebχni* 'forget', the dative pronoun *bez*, and the adverb *ditːabu* 'soon' all agree with the absolutive argument *χːˤele* 'guests'. The genitive pronoun *bis* agrees with it too, but this is not clausal agreement, as the next example will show. In section 2 I showed that the emphatic particle also agrees with the absolutive of the clause when functioning as a clitic attaching to nouns.

Agreement within the noun phrase works differently: the attributive (genitive pronoun, demonstrative, adjective etc.) agrees with the head noun irrespective of the case the noun is in. Thus, in (27) the genitive *wis* 'my' agrees with the noun 'brother', which itself appears in the genitive case, and not with the absolutive *zon* 'I', which in this instance denotes a female and thus triggers gender II agreement on the auxiliary *erdi*:

(27) *w-is* *uš-mi-n* *oq-li-t* *zon*
I.SG-1SG.GEN brother(I)-OBL.SG-GEN wedding(IV)-OBL.SG-SUP 1SG.ABS
qebu-li *e‹r›di*
dance.PFV-CVB ‹II.SG›be.PST
'I (female) was dancing at my brother's wedding.'

All examples involving the emphatic particle have shown it agreeing with the absolutive of the clause. When it attaches to nouns and pronouns, this happens irrespective of the case the noun/pronoun is in; examples (1) and (2) demonstrate locative cases of nouns attaching the emphatic particle, which then agrees with the absolutive of the clause, while example (4) shows the emphatic particle attaching to the ergative case form of the pronoun and again agreeing with the absolutive of the clause. If the parti-

cle attaches to the absolutive argument, it still agrees with it; examples (13) to (15) demonstrate this for the reflexive pronoun, and example (28) shows the same pattern with a noun:

(28) *mirza-dijo* *hanžugur* *w-i*
Mirza-Dad.VOC how I.SG-be.PRS
ħisab=ij‹t'›u *i-ra?*
improvement(IV)[SG.ABS]=EMPH‹IV.SG› [IV.SG]be.PRS-QUEST
'Uncle Mirza, how are you, any improvement (to your health)?' (Mirza: 52)

Now let us look at other word classes attaching the emphatic particle.

4.1. Agreement of the emphatic particle attaching to demonstratives

Example (5) shows demonstratives with the emphatic particle modifying the absolutive argument of the clause; the particle agrees with the absolutive. When the emphasized demonstrative modifies the non-absolutive argument, however, the particle still agrees with the head noun. In (29) the demonstrative *jamij‹w›u* 'that very (man), the same (man)' modifies *bošormirak*, the contlative form of the noun *bošor* 'man'. It may not be obvious from this particular example, but I discussed it with the Archi speaker, who confirmed that if the protagonist (the middle brother) is changed to a woman, agreement throughout the sentence is required to change to gender II except on the demonstrative *jamij‹w›u*:

(29) *q'$^{w\varsigma}$e* *k^{w}es-du=wu* *q'$^{\varsigma}$on-nu* *lo*
two I.SG.ORD-ATTR.I.SG=and middle-ATTR.I.SG lad(I)[SG.ABS]
q$^{\varsigma w}$a-li *imik* *w-irχ^{w}mu-s* *jam=ij‹w›u*
I.SG.come.PFV-EVID there I.SG-work-FIN that.I.SG=‹I.SG›EMPH
bošor-mi-ra-k *ku‹w›š-u-li* *w-irχ^{w}mu-s*
man(I)-SG.OBL-CONT-LAT ‹I.SG›happen-PFV-EVID I.SG-work-FIN
'Secondly, the middle brother (middle child) came to work to that place and he ended up having the same man to work for.' (T2:29)

4.2. Agreement of the emphatic particle attaching to adjectives

The existence of an adjective category is problematic in Archi, but as this issue is not the focus of the present paper I will merely say here that

by ‘adjectives’ I am referring to attributive forms of stative verbs. The Archi grammar (Kibrik 1977) does not mention this category among the combinatorial possibilities of the emphatic particle, and there are no instances in texts where the emphatic particle attaches to any attributive form. The reason for this is apparent: there is a word *pištan* ‘very’, which itself modifies adjectives and expresses emphatic meaning.

However, my Archi consultant Zumzum Musaeva, who helped substantially in the preparation of this paper, confirms that in certain contexts adjectives can indeed attach the emphatic particle, but only if some sort of contrast is either expressed as in (30) or implied as in (31):

(30) *w-ez* *beːχu-tː=ij‹w›u* *lo* *kł’an*
I.SG-1SG.DAT be.tall-ATTR=‹I.SG›EMPH guy(I)[ABS.SG] love
hulu-tːu *kilaw*
be.short-ATTR.I.SG than
‘I like the tall guy better than the short one.’

In (30) the emphatic particle agrees with the noun *lo* ‘guy’, which is the head of the phrase *beːχutːijwu lo* ‘tall guy’ but is also the absolutive of the clause. In (31) the emphatic particle attaches to the same adjective *beːχutːu* ‘tall’, but this time the latter modifies the dative case argument *lahas*. The emphatic particle still agrees with the dative head:

(31) *beːχu-tː=ij‹w›u* *laha-s* *č’at* *kł’o*
be.tall-ATTR=‹I.SG›EMPH guy(I).OBL.SG-DAT word(IV)[ABS.SG] [IV.SG]give.PFV
‘They let speak the guy who is as tall as someone else.’ (lit: ‘they give the word to the same tall guy’)

4.3. Agreement of numerals

Previous examples of nouns modified by numerals have only featured nouns in the absolutive. But when the noun is in an oblique case, the numeral still agrees with it, thereby demonstrating the same agreement behaviour as adjectives:

(32) *łib-a‹r›u* *łːanna-s* *ja-b* *χˤošon*
three-NUM‹II.SG› woman(II).SG.OBL-DAT this-III.SG dress(III)[SG.ABS]
kł’an *e‹b›tːi*
love ‹III.SG›become.PFV
‘Three women liked this dress’.

4.4. Agreement of adverbs

Adverbs in Archi agree with the absolutive argument of the clause:

(33) *tu-w* *tej-me-s* *w-allij‹w›u* *w-irχ^{w}ni*
that-I.SG.ABS that.OBL.PL-OBL.PL-DAT I.SG-for.free‹I.SG› I.SG-work.PFV
'He worked for them for free.'

It may seem at first glance that the 'independent' emphatic particle (i.e. attaching to nouns) and the emphatic particle functioning as the adverbializer display similar agreement behaviour. However, when we look at constructions allowing variation in agreement, the picture becomes more complex.

Archi, like the majority of Nakh-Daghestanian languages, possesses a so-called biabsolutive construction. It represents a deviation from the normal ergative pattern; compare (34) and (35):

(34) *But:a-mu* *buq'* *b-e‹r›k'u-r*
Butta(I)-SG.ERG grain(III)[SG.ABS] III.SG-‹IPFV›sort-IPFV
'Butta sorts grain.'

(35) *But:a* *buq'* *b-e‹r›k'u-r-ši* *w-i*
Butta(I)[SG.ABS] grain(III)[SG.ABS] III.SG-‹IPFV›sort-IPFV-CVB I.SG-be.PRS
'Butta is sorting grain.'

In (34) the subject (*But:a*, a man's name) is in the ergative case and the verb agrees in gender and number with the absolutive *buq'* 'grain'. In (35) both the subject *But:a* and the object *buq'* appear in the absolutive case. This biabsolutive variant is available only for verbs based on the imperfective stem, and it can only involve a periphrastic form where the lexical part (converb *berk'urši* in (35)) agrees with the absolutive object and the auxiliary (*wi* in (35)) agrees with the absolutive subject. The predicate therefore agrees with both arguments and does not have to 'choose' its controller. Agreeing adverbs, however, do not normally have two morphological positions for agreement and effectively have a choice between two potential controllers. For adverb agreement in biabsolutive constructions the situation seems to be as follows: normally the adverb agrees with the object absolutive (36–37), but when the adverb can be interpreted as modifying some aspects of the subject, it agrees with the subject (38–39):

(36) *zon* *gudum-mi-n* *nokł'* *abbadij‹t'›u*
1SG.ABS that.I.SG-OBL.SG-GEN house(IV)[SG.ABS] always‹IV.SG›
mu *a-r-mat* *w-i*
be.good [IV.SG]do-IPFV-CVB I.SG-be.PRS
'I am forever fixing his house.'

(37) *Pat'i* *dit:a‹b›u* *qʿwib*
Pati(II)[SG.ABS] early‹III.SG› potato(III)[SG.ABS]
b-o‹r›kłin-ši *d-i*
III.SG-‹IPFV›dig.IPFV-CVB II.SG-be.PRS
'Pati is digging the potatoes out early.' (It is too early for the potatoes to be ready.)

(38) *Pat'i* *dit:a‹r›u* *qʿwib*
Pati(II)[SG.ABS] early‹II.SG› potato(III)[SG.ABS]
b-o‹r›kłin-ši *d-i*
III.SG-‹IPFV›dig.IPFV-CVB II.SG-be.PRS
'Pati is digging the potatoes out early.' (Pati got up early.) (Chumakina and Bond 2016: 97)

(39) *zon* *abbadij‹w›u* *gudum-mi-n* *nokł'*
1SG.ABS always‹I.SG› that.I.SG-OBL.SG-GEN house(IV)[SG.ABS]
mu *a-r-mat* *w-i*
be.good [IV.SG]do-IPFV-CVB I.SG-be.PRS
'I am forever fixing his house.' ('forever' modifies the subject in a sense 'it is always me who fixes his house')

In both (36) and (37) the agreeing adverb is positioned next to the object absolutive, which also controls its agreement. In (36) it is also clear from the meaning of the sentence that the semantic scope of the adverb does not include the subject absolutive. In (38) and (39) the adverbs are positioned differently, next to the subject absolutive, and the meaning makes it clear that the semantic scope of the adverb involves the subject absolutive.

4.5. Agreement of emphatic particle 'proper'

The independent emphatic particle, i.e. the clitic, when it attaches to nouns, agrees with the absolutive of the clause as shown, for example, in (1) and (2). This agreement behaviour is the same as that of agreeing ad-

verbs, and we might therefore expect the particle to behave the same in the biabsolutive construction, i.e. to allow a choice between subject and object absolutive for the controller.

However, the emphatic particle attaching to the object absolutive in the biabsolutive construction allows only one agreement controller, namely, the object absolutive itself. I could not obtain examples with an emphasized subject absolutive, and the reason for this needs further research. Examples (40) and (41) illustrate the grammatical and ungrammatical variants respectively:

(39) *lo* *χilibχ^{ʕ}=ij‹b›u* *bu-kan-ši*
child(II)[SG.ABS] porridge(III)[SG.ABS]=EMPH‹III.SG› III.SG-eat.IPFV-CVB
e‹r›di *akł'* *kummu-s* *kilaw*
‹II.SG›be.PST meat(IV)[SG.ABS] [IV.SG]eat.IPFV-FIN than
'The girl was eating the porridge, she likes it better than eating meat.'
(lit. 'rather than to eat meat')

(40) **zon* *gel-k'oč'o=j‹r›u* *čučorši*
1SG.ABS mug-plate(IV)[SG.ABS]=EMPH‹II.SG› wash-IPFV-CVB
e‹r›di, *nokł'* *ekła-s* *kilaw*
‹II.SG›be.PST house(IV)[SG.ABS] [IV.SG]clean-FIN than
Intended: I was washing up rather than tidying up the house.

Most likely, the agreement of the emphatic particle cannot be controlled by the subject absolutive because the agreement relations cannot cross the clause border. Archi biabsolutive constructions demonstrate properties of biclausal structures. The matrix clause contains the subject absolutive and the auxiliary; the dependent clause consists of the object absolutive and the converb[8]. Some discussion of this can be found in Bond et al. (2016).

5. Conclusions

In this paper I have discussed the morphosyntactic properties of the Archi emphatic particle *=ijt'u*. It is similar in many ways to other Nakh-Daghestanian intensifiers, in that it can express meanings including emphasis, contrast, identity and reflexivity. The coexistence of two different

[8] The only problem with a biclausal interpretation of Archi biabsolutives is that even object-agreeing adverbs are allowed to appear on the right periphery.

morphological instantiations — that of a suffix and that of a clitic — is also familiar from, for example, the behaviour of the Andi =*gu* (Timur Maisak, p.c.). However, the Archi particle stands out for the fact that it agrees. The latter property makes it similar to agreeing floating focus markers found in other Nakh-Daghestanian languages such as the agreeing copula in Tsakhur and other focus constructions (Kazenin 1996, 2002; Kalinina and Sumbatova 2007) and person markers in Dargwa (Forker 2016). Often, however, once the copula grammaticalizes into an intensifier, it loses the ability to agree, as most likely happened to the Avar intensifier =*go* and emphatic particles in Andic languages (Forker 2015: 507–509).

The diachrony of Archi particle seems more obscure. The particle has an agreement paradigm distinct from all other agreement paradigms present in other Archi word classes. It seems impossible to trace the emphatic particle to the copula: Archi copula has an agreement paradigm which employs prefixes in the present and infixes in the past, and crucially has zero agreement marking in gender IV:

(41) Archi copula agreement

gender	PRESENT		PAST	
	SG	PL	SG	PL
I	w-i	b-i	i‹w›di	e‹b›di
II	d-i		e‹r›di	
III	b-i	i	e‹b›di	edi
IV	i		edi	

Archi has only one copula, the general one (Maisak 2011: 32) and it seems that it cannot be the origin of the agreement paradigm of the emphatic particle.

The syntactic behaviour of the agreement of the emphatic particle is not homogeneous. In its most independent instantiation it agrees clausally, i.e. with the absolutive of the clause, irrespective of what it attaches to and its semantic scope. When it attaches to adjectives, numerals and demonstratives, however, it agrees phrasally, i.e. with the head of the phrase, irrespective of what case the head is in. This is true whether the particle remains a clitic or becomes a bound element with allomorphs. The emphatic particle, therefore, inherits the syntactic properties of the item it attaches to and must agree with the same controller as the base does.

Abbreviations

I, II, III, IV — genders; 1,2 — person; ABS — Absolutive; ADV — Adverbializer; ALL — Allative; ATTR — Attributive; COND — Conditional; CONT — Cont(act) localization; CVB — Converb; DAT — Dative; EL — Elative; EMPH — Emphatic; ERG — Ergative; ESS — Essive; EVID — Evidential; FIN — Finalis; GEN — Genitive; HPL — Human plural; IMP — Imperative; IN — In (localization); INTER — Inter (localization); IPFV — Imperfective (stem); LAT — Lative; NEG — Negative; NMLZ — Nominalizer; NUM — Numeral; OBL — Oblique (stem); ORD — Ordinal; PCL — Particle; PFV — Perfective (stem); PL — Plural; POT — Potential; PRS — Present; PST — Past; QUEST — Question; SG — Singular; SUP — Super (localization); VOC — Vocative;

References

Antonenko, Andrei and Alice Harris. 2010. Multiple exponence on Archi pronouns. *LSA Annual Meeting Extended Abstracts*, v. 1, 30, 1–5. https://doi.org/10.3765/exabs.v0i0.509

Bond, Oliver, Greville G. Corbett, Marina Chumakina & Dunstan Brown (eds.). 2016. *Archi: Complexities of agreement in cross-theoretical perspective*. Oxford: Oxford University Press.

Chumakina, Marina, Dunstan Brown, Harley Quilliam and Greville G. Corbett). 2007a. *Slovar′ arčinskogo jazyka (arčinsko-anglo-russkij)* [A dictionary of Archi: Archi-Russian-English]. Makhachkala: Delovoj Mir.

Chumakina, Marina, Anna Kibort & Greville G. Corbett. 2007b. Determining a language's feature inventory: person in Archi. In: Peter K. Austin and Andrew Simpson (eds.). *Endangered Languages* (special issue of *Linguistische Berichte*, no. 14). Hamburg: Helmut Buske, 143–172.

Chumakina, Marina & Oliver Bond. 2016. Competing controllers and agreement potential. In Oliver Bond, Greville G. Corbett, Marina Chumakina & Dunstan Brown (eds.). *Archi: Complexities of agreement in cross-theoretical perspective*. Oxford: Oxford University Press, 77–117.

Danièl′, M. A. 2021. Dom tam, gde nol′. This volume.

Forker, Diana. 2015. Towards a semantic map for intensifying particles: Evidence from Avar *STUF* 68(4), 485–513.

Forker, Diana. 2016. Floating agreement and information structure. The case of Sanzhi Dargwa. *Studies in Language*, v. 40, no. 1, 1–25.

Kalinina, Elena and Nina R. Sumbatova. 2007. Clause structure and verbal forms in Nakh-Daghestanian. In: Irina Nikolaeva (ed.), *Finiteness*. Oxford: Oxford University Press, 183–249.

Kazenin, Konstantin. 1996. Focus constructions. In: Aleksandr E. Kibrik (ed.), *Godoberi*. München: Lincom, 227–236.

Kazenin, Konstantin. 2002. Focus in Daghestanian word order typology. *Linguistic Typology*, v. 6, 289–316.

Kibrik, A. E. 1977. *Opyt strukturnogo opisanija arčinskogo jazyka, II: Taksonomičeskaja grammatika*. (Publikacii otdelenija strukturnoj i prikladnoj lingvistiki, 12). Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.

Kibrik, A. E., A. Arkhipov, M. Daniel and S. V. Kodzasov. 2007. *Archi text corpus.* Retrieved from http://www.philol.msu.ru/~languedoc/eng/archi/corpus.php.

Maisak, Timur. 2011. The Present and the Future within the Lezgic tense and aspect systems. In: Gilles Authier and Timur Maisak (eds). *Tense, aspect, modality and finiteness in East Caucasian languages*. Bochum: Brockmeyer, 25–66.

РАСУЛ

Имя Расул я узнала задолго до того, как мы очно познакомились. Возвращаясь из экспедиций, мой Папа — лингвист и путешественник Александр Евгеньевич Кибрик — несколько дней во всех мельчайших подробностях рассказывал Маме и нам все, что там происходило последовательно. В детстве все это в одно ухо влетало, а в другое вылетало… задерживались только имена и названия селений, как некие заклинания… Но Мама запоминала все, и некоторые истории оставались в ее обиходе и обретали форму притч. Такова была притча о некоем Расуле. Рассказ, возведенный в притчу, означал особую важность, которую Мама хотела донести до всех окружающих, в первую очередь до детей… Он становился неким столпом, на котором держалось ее мировоззрение, и его следовало вобрать и затвердить…

Притча повествовала о высокогорном дагестанском молодом учителе Расуле, который осознал, что в его селении главная ценность — древняя сторожевая башня… Может, он знал, что ни одной другой такой башни в Дагестане уже не сохранилось, может просто остро чувствовал значимость своего селения и центральность в нем башни. Однако башня не только разрушалась год от года, но и на глазах у него односельчане понемногу разбирали ценнейшие камни, принесенные и обтесанные их предками, складывая из них свои обыкновенные бытовые постройки. Расул стал говорить с народом, пытаясь объяснить людям значение сторожевой башни в прошлом и настоящем для их селения, стоящего на перекрестке старинных торговых путей. Но его никто не слушал. Возможно, даже посмеивались: все делают так — мы чем лучше? Тогда учитель стал обращаться к сельским властям — давайте спасем башню всем миром! Но все отворачивались (есть дела поважнее!), никто не хотел задумываться и тем более помогать.

Тогда что делает герой притчи? Расул начинает восстанавливать башню сам! Он носит тяжелые камни, двигает их, складывает в прежнем порядке — делает все, что по силам одному человеку, охваченному высокой идеей. Люди видят это. Может даже потихоньку одобряют. Однако никто не приходит на помощь. Но однажды случается трагедия: Расул взваливает на себя непосильную ношу — поднимает огромный камень, который завершал раньше дверной проем, и повреждает спину… Искалеченный, он оказывается прикованным к постели на долгие месяцы… Но был ли его труд тщетным? Увидев, что случилось с братом, приходит на помощь младший брат Расула — Мутал. Мутал теперь без труда сплачивает односельчан, пристыженных бедой, приключившейся с Расулом… Сельсовет помогает, все участвуют в стройке… Расула уважает все село. В результате ЮНЕСКО ставит башню Расула на учет как ценнейший памятник древности! Когда Расул возвращается в строй, старинная башня реконструирована на четыре своих прежних яруса (говорят, их было восемь), она огромна, величественна, прекрасна! Со временем она становится одним из символов Дагестана. Башня в селении Ицари. Что же наш герой? Он едет учиться дальше, вырастает в ученого лингвиста, встречается с моим Папой, они вместе организуют экспедицию в Ицари и другие селения, он становится доктором наук, объезжает мир, являясь уникальным специалистом и одновременно носителем редкого языка! Он прославляет своей деятельностью маленькое, но гордое селение Ицари, свой народ! Но история идет своим чередом. Его брат Мутал уводит народ Ицари на плоскость, где жить проще и сытнее. Редкой красоты селение пустеет, и только седая величественная башня возвышается над ним во всей своей мощи… Сюда теперь ездят туристы, восхищаясь чудесами древней архитектуры — многоэтажными ицаринскими саклями, узкими улицами-туннелями, идеальной кладкой стен мечети, наскальными доисламскими рисунками и музыкой арок… Но все-таки едут посмотреть все на знаменитую башню! Просто прикоснуться к ее камням, подняться не нее и оглядеться, как некогда тревожно озирались ицаринские воины-защитники…

Когда моего Папочки не стало в 2012 году, меня охватила неотвязная мысль — поехать в Дагестан по следам его легендарных экспедиций. Мой муж — кинорежиссер-документалист Андрей Бабаев —

легко согласился ехать со мной. Мама поддержала идею и благословила, хотя многие, кто бывал в горах (и не раз), отговаривали — особенно опасаясь идеи ехать в одиночку на машине по капризным горным дорогам. А еще наш проект одобрил Расул Муталов — лингвист, ученик и друг Папы из селения Ицари. Боле того, он бросил все дела и прилетел в Дагестан, чтобы путешествовать вместе с нами и помогать нам освоиться и снять фильм, позже выросший в трилогию «Дагестан Кибрика».

Прежде всего мы быстро и легко подружились — врожденное благородство и воспитанность, присущие настоящим дагестанцам, уважение к сыновним и дочерним чувствам, к своим предкам и наставникам — делают общение с ним спокойным и надежным. С Расулом не страшно и через огонь пройти. А личный его пламенный темперамент, неуспокоенность, энергия, оптимизм и открытость любым приключениям делают путешествие с ним единым большим приключением, которое запоминается как бурный горный поток ярких событий. Его юмор, ирония, самоирония, артистизм (Расул еще и великолепно поет и играет на аккордеоне) — все это уже повод для фильма о Дагестане и о талантливых неунывающих горцах. Мы с Андреем бесконечно благодарны Расулу за все, чему он нас в нашей экспедиции на троих научил, о чем вовремя предупредил, сократив вводный курс в адаптацию в таком далеком и удивительном, но таком гостеприимном до безумия и радушнейшем Дагестане. В подобной затее есть много ловушек — сделать ошибку ничего не стоит… Не так поздоровался, не так посмотрел или не вовремя засмеялся, неправильно оделся или не то подарил — и уже репутация твоя терпит убытки. А хочется никого не только не обидеть, но и быстро сделать вместе отличную съемку, раскрыть тему фильма, грамотно настроив на воспоминания обескураженных неожиданностью твоего появления местных жителей… Ведь в каких-то селениях экспедиция Кибрика бывала 10, 20, а то и 30 и более лет назад! Но благодаря Расулу, который переводил наше намерение на понятный дагестанцам язык, быстро отыскивал нужных людей, помнящих московских лингвистов, налаживал с ними взаимопонимание, договаривался о съемке, ночлеге и помогал строить правильный маршрут с учетом погоды и особенностей состояния дороги, все получалось каким-то чудом.

Что же касается приключений и головокружительных экспромтов Расула, никогда не забудем наш первый подъем с ним в горы в 2015 году, почему-то глубокой ночью… Мы следовали как раз в Ицари! После проливных дождей дорога вызывала сомнения. Но позже оказалось, что мы заодно апробировали совсем новую недостроенную дорогу, которую пламенные патриоты Ицари строили вскладчину в это время в свое опустевшее селение (понять мотивы такой стройки с обывательской точки зрения трудно, но идейно все это вызывает восторг и уважение — ицаринцы внутри себя как бы по-настоящему живут только в своей колыбели высоко в горах, поэтому дорога им нужна, чтобы раз в год всем собраться на родине). Так вот именно мы проверили на проходимость эту самую дорогу… Только утром я догадалась, почему Расул привез нас именно под покровом ночи — спуск по серпантину в село был так крут и страшен, что будь все это видно — можно было бы и не справиться чисто психологически… В этом сказалась восточная мудрость Расула Муталова. Пройти непреодолимые, казалось бы, испытания можно лишь с открытыми глазами, но лучше не знать всю меру опасности — тогда пройдешь и сквозь воду, и сквозь медные трубы. Это для начинающих. Людям же окрепшим помогает еще и вера. Расул показал нам истинное лицо ислама — его вера, в сочетании с традициями и заветами его предков даргинцев, а также с культурой и общечеловеческими ценностями — вызывает глубокое уважение и желание не отставать, соответствовать данному им образцу.

Когда произносится его имя, первое, что я вижу перед мысленным взором, — это как Расул изящно бежит по крутому горному склону… Причем даже неважно, бежит ли он вниз (что, поверьте, сложнее!) или подымается по нему — движения его одинаково легкие, юношеские, абсолютно слитые с этим рельефом... Прыгая с камня на камень, точно чувствуя их прочность и шаткость, он напоминает благородного горного тура — легенду и еще один символ Дагестана, который живет высоко-высоко среди скал и вечных льдов, храня свое достоинство — живуч, неуловим, весел.

Нина Кибрик
2021

СОДЕРЖАНИЕ • БУХІНАБУЦ • CONTENTS

Андрей Кибрик. Предисловие 5

Абдулла Абдуллаев. Юлдаш Расул..... 9
М. Р. Багомедов. Дарган мез руркънила масъулти ва челябкьла (Проблемы и перспективы изучения даргинского языка)..... 10
О. И. Беляев. Два типа фарингализации в ширинском даргинском: предварительные наблюдения..... 18
Н. Э. Гаджиахмедов. Даргинское влияние на фонетику кайтагского диалекта кумыкского языка..... 30
С. Н. Гасанова. Особенности репрезентации эмотивных фразеологизмов агульского языка с телесным кодом культуры 39
У. У. Гасанова. Хайдакская сказка «Духху рирси» 45
М. А. Даниэль. Дом там, где ноль 53
Н. Р. Добрушина. Пассивный билингвизм в даргинских селениях 73
А. Н. Закирова. Согласование по числу в андийских диалектах: глагол 94
К. И. Казенин. Межэтнические различия по рождаемости в Дагестане: динамика и ее возможные причины..... 115
Ю. Б. Коряков. Даргинские языки и их классификация 139
Ю. А. Ландер, *М. Х. Мамаев.* Тантынские сравнительные конструкции: особенности структуры и функционирования 155
А. Б. Летучий. Русские номинализации в позиции зависимого и дифференциальное объектное маркирование 166
Е. А. Лютикова. Согласование по косвенности в дагестанских языках: эскиз синтаксической модели 187
М. А. Магомедов. Отображение особенностей женской и мужской речи в морфологической системе аварского языка 214
Т. А. Майсак. «Грамматика притворства»: к внутригенетической микротипологии одной конструкции в нахско-дагестанских языках 220
G. A. Moroz. Length of East Caucasian subject indexes: a quantitative research 258

К. Наккарато, *С. Ферхеес.* Доброе утро, проснулись?
Утренние приветствия в языках Дагестана 283
Maria Polinsky. Some remarks on the Nakh-Dagestanian
affective construction 299
Н. Р. Сумбатова. «Нулевые» корни глаголов в муиринском языке
даргинской группы 324
С. Г. Татевосов. «Не Магомед не пришел»:
о семантике расщепленного ‘только’ 346
Я. Г. Тестелец. О структуре глагольных основ в цезских языках..... 365
Daniel J. Wilson. A sketch of Sagada morphology 386
О. В. Федорова. Психолингвистика в Дагестане 411
Diana Forker. The imperfective aspect in Sanzhi Dargwa..... 431
Marina Chumakina. The agreeing emphatic particle in Archi..... 452

Нина Кибрик. Расул 474

Дурхъаси хазна
Сборник статей к 60-летию Р. О. Муталова

Редакторы
Т. А. Майсак, Н. Р. Сумбатова, Я. Г. Тестелец

Оформление обложки
Кс. П. Семёнова

Оригинал-макет
В. Ю. Гусев